ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2020. № 453. Апрель

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2020. № 453. April

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Н.А. Глущенко**, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Founder – Tomsk State University

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko,** PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **D. Katunin,** PhD in Philology, Associate Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 453 Апрель 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Артеменко М.В. Отымённый релятив ПО ОБРАЗЦУ: синтаксис и семантика …… 5
Кузнецова Е.В. Женские маски в поэзии И. Северянина …… 10
Мезит А.Э. Некодифицированная лексика в языке гидроэнергетиков …… 20
Мишанкина Н.А., Черныш О.А. Грамматическая организация протокола: дискурсивный аспект (на материале протоколов 1917 и 1918–1933 гг. Госархива Томской области) …… 29
Фрик Т.Б. «Внутренность важнее наружности»: образы современников в письмах Н.М. Карамзина …… 41

ФИЛОСОФИЯ

Асташова Н.Д. «Культура кризиса» и современный город …… 47
Берестов И.В. Связь аргумента Зенона Элейского из 29 B 3 DK с современной семантикой и платоновским peritrope …… 54
Маслов Д.К. Проблема доверия экспертному знанию …… 63
Мирошниченко Е.И. Византийский субстрат в иконологии Павла Флоренского …… 71
Пантыкина М.И. Понятие «субъект права»: опыт феноменологического переосмысления …… 81

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю. Образ политики в сознании школьников регионов России и Казахстана: сравнительный анализ …… 92
Горяйнова А.Р., Ярская-Смирнова Е.Р. Инклюзивное образование: общественное мнение и опыт инсайдеров …… 98
Краснопёров А.Ю. Роль интернета как соконструктора политической медиареальности …… 111
Покатов Д.В. Отечественная социология политической элиты: современные тренды регионального развития …… 116

ИСТОРИЯ

Байкалов Н.С. «Заповедник советской власти»: производственная повседневность в нарративной памяти строителей БАМа …… 124
Березницкий С.В., Каштанюк В.А., Примак П.В., Титова Е.В. Этнокультурная специфика традиционной кухни в Еврейской автономной области. …… 135
Бодрова Е.В., Калинов В.В. Сибирское отделение РАН в условиях либеральных реформ 1990-х гг. …… 142
Брумм К.А. К вопросу об особенностях функционирования предприятий тяжелой промышленности Алтайского края во второй половине 1990-х гг. на примере ОАО «Барнаульский аппаратурно-механический завод» …… 154

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary research journal

№ 453 April 2020

CONTENTS

PHILOLOGY

Artemenko M.V. Nominal Relative “PO OBRAZTSU”: Syntax and Semantics …… 5
Kuznetsova E.V. Women’s Masks in the Poetry of Igor Severyanin …… 10
Mezit A.E. Uncodified Vocabulary in the Language of Hydropower Engineers …… 20
Mishankina N.A., Chernysh O.A. The Grammatical Organization of the Record: A Discursive Aspect (Based on Records of 1917 and 1918–1933 of the State Archive of Tomsk Oblast) …… 29
Frik T.B. “The Interior Is More Important Than the Exterior”: Images of Contemporaries in Nikolay Karamzin’s Letters …… 41

PHILOSOPHY

Astashova N.D. The Culture of Crisis and the Modern City …… 47
Berestov I.V. A Relation of Zeno of Elea’s Argument in 29 B 3 DK to the Contemporary Semantics and Plato’s peritrope …… 54
Maslov D.K. Trust in Expert Knowledge …… 63
Miroshnichenko E.I. The Byzantine Substratum in Pavel Florensky’s Iconology …… 71
Pantykina M.I. The Concept “Subject of Law”: An Attempt of a Phenomenological Rethinking …… 81

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Aseev S.Yu., Shashkova Ya.Yu. The Image of Politics as Perceived by Schoolchildren in the Regions of Russia and Kazakhstan: A Comparative Analysis …… 92
Goriainova A.R., Iarskaia-Smirnova E.R. Inclusive Education: Public Opinion and Insiders’ Experience …… 98
Krasnopyorov A.Yu. The Role of the Internet as a Co-Constructor of Political Media Reality …… 111
Pokatov D.V. The Russian Sociology of the Political Elite: Current Trends in Regional Development …… 116

HISTORY

Baikalov N.S. The “Soviet Power Reserve”: Daily Working Life in the Narratives of BAM Builders …… 124
Bereznitsky S.V., Kashtanuyk V.A., Primak P.V., Titova E.V. The Ethnocultural Specificity of Traditional Cuisine in the Jewish Autonomous Oblast …… 135
Bodrova E.V., Kalinov V.V. The Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Under the Liberal Reforms of the 1990s …… 142
Brumm K.A. The Peculiarities of the Functioning of Altai Krai Heavy Industry Enterprises During the Second Half of the 1990s (A Case Study of the Barnaul Hardware and Mechanical Plant) …… 154

Булдыгин С.С. , Ким О.В. Критика технологического детерминизма в изучении динамики индустриального общества на Западе …… 160
Зайцева И.В. Религиозная традиция античного мира в трактовке Климента Александрийского …… 168
Климович Л.В. Образ Италии на страницах эмигрантской газеты «Возрождение» (1920–1930-е гг.) …… 173
Кутилова Л.А., Дацышен В.Г. Украинизация на Дальнем Востоке в 1931 г.: сущность и трудности процесса …… 179
Самохина Г.А. Роль России в Антанте в оценках М.Н. Покровского …… 187

Buldygin S.S., Kim O.V. Criticism of Technological Determinism in the Study of the Dynamics of Industrial Society in the West …… 160
Zaytseva I.V. Religious Tradition of the Ancient World in the Interpretation by Clement of Alexandria …… 168
Klimovich L.V. The Image of Italy on the Pages of the Emigrant Newspaper *Vozrozhdenie* (1920s–1930s) …… 173
Kutilova L.A., Datsyshen V.G. Ukrainization in the Far East in 1931: The Essence and Difficulties of the Process …… 179
Samokhina G.A. The Role of Russia in the Entente in Mikhail Pokrovsky's Evaluations …… 187

ПЕДАГОГИКА

Безукладников К.Э., Крузе Б.А., Назарова А.В. Обучение иноязычной монологической речи студентов бакалавриата педагогического вуза на основе междисциплинарной интеграции …… 195
Обдалова О.А., Харапудченко О.В. Научно-проектный коворкинг в обучении устному иноязычному дискурсу студентов магистратуры …… 205
Халманских А.В., Овчинникова Н.И. Программа формирования психологической устойчивости лыжников-гонщиков 14–16 лет …… 215
Чикнаверова К.Г. Проблема описания и развития дескриптивных умений студентов (на примере юридического английского языка) …… 222

PEDAGOGICS

Bezukladnikov K.E., Kruze B.A., Nazarova A.V. Teaching Foreign Monologic Speech to Pedagogical University Undergraduate Students on the Basis of Interdisciplinary Integration …… 195
Obdalova O.A., Kharapudchenko O.V. Project-Based Research Coworking for Teaching English Oral Discourse to Master's Students …… 205
Khalmanskikh A.V., Ovchinnikova N.I. The Program for the Formation of Psychological Stability of Cross-Country Skiers Aged 14 to 16 …… 215
Chiknaverova K.G. The Problem of Identification and Development of Students' Descriptive Skills: The Case of Legal English …… 222

ПРАВО

Ахмедшин Р.Л. Феномен терроризма: криминологическая и криминалистическая природа, история, понятие …… 232
Коновалова Л.Г. Нормативные правовые договоры и нормоориентирующие акты судов как новые источники российского права: анализ через призму принципа верховенства закона …… 241
Меретуков Г.М., Грицаев С.И., Помазанов В.В. Проверка причастности лица к убийству …… 247
Ряховская Т.И. Преемственность в конституционном праве России: связь с предшествующей доктриной и практикой …… 253

LAW

Akhmedshin R.L. The Phenomenon of Terrorism: Criminological and Forensic Nature, History, Concept …… 232
Konovalova L.G. Normative Legal Agreements and Norm-Orienting Acts of Courts as New Sources of Russian Law: An Analysis Through the Prism of the Rule of Law …… 241
Meretukov G.M., Gritsaev S.I., Pomazanov V.V. Verifying a Person's Involvement in a Murder …… 247
Ryakhovskaya T.I. Continuity in the Constitutional Law of Russia: Connection with the Previous Doctrine and Practice …… 253

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ …… 258

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN …… 258

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 5–9. DOI: 10.17223/15617793/453/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

М.В. Артеменко

ОТЫМЁННЫЙ РЕЛЯТИВ ПО ОБРАЗЦУ: СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА

На материале Национального корпуса русского языка, а также данных в интернете рассматриваются характерные особенности отымённого релятива ПО ОБРАЗЦУ. Основное внимание обращается на синтаксические свойства, позволяющие относить данную единицу к ряду образований, проявляющих признаки служебности. На основе структурно-синтагматического анализа делается вывод о степени грамматикализованности изучаемой единицы, а также устанавливается ее семантическая функция. Выявляются конструкции канонического типа и разновидности конструкций со структурным и логическим смещением.

Ключевые слова: отымённый релятив; предложно-падежное сочетание; синтаксис; конструкция; структурный сдвиг; семантика; грамматикализация.

В последние два десятилетия развития русистики актуальным является вопрос о расширении числа служебных единиц за счет знаменательной лексики. Сформировался особый функциональный класс слов, сходный по функции с предлогом, и получивший название в разных трактовках «производные предлоги», «вторичные предлоги» или «отымённые релятивы» (ОР) [1]. Формирование такого функционального класса связано с процессами грамматикализации. Как известно, грамматикализация – процесс постепенный, ее сущность заключается в утрате грамматических признаков соответствующих форм полнозначных слов и приобретении ими грамматических признаков другой части речи. Изучению данного явления в русистике посвящены как работы середины 60-х гг. прошлого века [16, 17], так и современные исследования [1, 12, 13].

Е.С. Шереметьева в своих работах говорит о необходимости разделять предлоги и единицы, выполняющие функцию, подобную предложной, во избежание «размывания границ» между чисто служебными единицами и полнознаменательными существительными в особой функции, реализующей не столько грамматическое, сколько семантическое значение [2].

Цель настоящей статьи – определить степень грамматикализованности единицы ПО ОБРАЗЦУ. Эта единица может быть включена в синонимический ряд ПО ТИПУ, ПО АНАЛОГИИ С, ПО ПРИНЦИПУ. Отправной точкой исследования является представление о том, что каждая из подобных единиц является самостоятельным образованием, обладающим индивидуальными свойствами и нуждающимся в отдельном описании.

Вопрос о категориальном статусе данной единицы становится актуальным в связи с тем, что в толковых словарях [3, 4] и словарях служебных слов [5–7] лексема ПО ОБРАЗЦУ не отмечена, однако в РГ-80 находим эту единицу в разделе, описывающем приглагольное предложное примыкание, в составе сочетания род. падежа с предлогами и предложными новообразованиями: *по образцу чего-н.* [8. С. 50]. Причем значением этой словоформы, согласно РГ-80, является значение «сопоставления, уподобления» [8. С. 50]. Таким образом, опираясь на РГ-80, мы рассматриваем эту единицу как единое самостоятельное образование предложного типа.

Базовое имя ОБРАЗЕЦ в Словаре русского языка (МАС) имеет несколько значений: 1. Предмет, изделие, по которому можно судить о других подобных же предметах, изделиях. 2. Тот, кто (или то, что) служит наглядным примером, типическим воплощением чего-л. 3. Тот, кому (или то, чему) нужно следовать, кому (или чему) можно подражать. 4. Способ устройства, вид, форма [3. С. 560].

В ходе исследования был проведен анализ употреблений базового существительного ОБРАЗЕЦ с предлогом ПО и единицы ПО ОБРАЗЦУ, представленных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) и данных в интернете [9, 10]. Чтобы выявить различия, сравним примеры:

(1) *В ближайшем будущем это позволит ловить преступников* ***по образцу*** *голоса* [Инт.]

(2) *Совсем иное дело упомянутые вами империи* ***по образцу*** *корпораций* [НКРЯ].

Исходя из принципа грамматикализации, можно увидеть существенные различия между приведенными выше примерами. Единица в примере (1) представляет собой предложно-падежное сочетание, поскольку: а) значение базового имени не утрачивается и не расширяется (ОБРАЗЕЦ здесь есть ‘предмет’, хоть и не материальный); б) возможно присоединение прилагательного-модификатора (термин М.В. Всеволодовой): ***по определенному, конкретному и т.д. образцу***; в) морфологическая парадигма по числу сохраняется: ловить ***по образцу / по образцам***; г) тип синтаксических отношений – обстоятельственные (значение образа действия), синтаксическая связь – предложно-падежное примыкание: *ловить (каким образом?) по образцу голоса.*

В примере (2) единица ПО ОБРАЗЦУ формирует двучленную конструкцию, под которой мы вслед за А.Ф. Прияткиной [14] понимаем синтаксическое целое с двумя параллельными членами, соединенными релятивом ПО ОБРАЗЦУ: левый компонент (империи) – правый компонент (корпораций).

Базовое существительное ОБРАЗЕЦ теряет свою предметность и является средством «двусторонней синтаксической связи» (по Е.Т. Черкасовой). Тип от-

ношений между компонентами – определительные. Главным критерием, указывающим на грамматикализованность единицы ПО ОБРАЗЦУ и развитие у нее предложной функции, на наш взгляд, становится ослабление («десемантизация») лексического значения базового имени. Ср. также: *Ранее 28 апреля сообщалось, что британские спецслужбы опасаются, что боевики могут переместиться в туристические места для совершения там терактов* ***по образцу*** *атак на Шри-Ланке* [Инт.]; *Например, Continental разработала спортивные шины* ***по образцу*** *кошачьей лапы: при торможении они расширяются, увеличивая площадь сопротивления* [НКРЯ]. Иначе говоря, в примере ***ловить по образцу голоса*** заложена идея ориентира на конкретный образец, а в примерах ***империи по образцу корпораций, теракты по образцу атак*** – идея уподобления одного объекта другому.

Следует отметить, что важную роль в структуре данного предложного новообразования имеет и сам первообразный предлог ПО. По мнению А.М. Финкеля, предлог ПО является «слабым». Среди особенностей этого предлога А.М. Финкель называет «смысловую нечеткость, синкретизм, ограниченность применения, тенденцию к фразеологизации» [17. С. 32]. На наш взгляд, предлог ПО, реализующий значение соответствия (см. словарь Д.Н. Ушакова), приближает сочетания с ним к предложным.

Синтагматические свойства

Правый компонент. Лексика справа представлена следующими лексико-семантическими группами:

– артефакты: *знамена* ***по образцу знамен****; монета* ***по образцу монет Древнего Китая****;*

– временная лексика: *революционная ситуация* ***по образцу 1917 года****; референдум* ***по образцу проведенного*** *в Казахстане;*

– лексика, называющая прецедентные имена или страны / города / регионы: *российская реформа* ***по образцу Польши****; Академия наук* ***по образцу Парижа****; фонтан, сделанный* ***по образцу Лоренцо Бернини.***

Как правило, сочетаемость справа обусловлена лексическим значением базового существительного ОБРАЗЕЦ. Правый компонент обычно выражен словом с конкретной семантикой: *монета по образцу монет* либо восстанавливается по контексту: *фонтан, сделанный по образцу фонтана*. Следовательно, ПО ОБРАЗЦУ в таких примерах является предложно-падежным сочетанием.

Мы отметили, что около 20% фактов от общего числа употреблений (всего около 250 контекстов) относятся к каноническим конструкциям. Под канонической конструкцией мы понимаем двучленную именную структуру, включающую два параллельных члена – объекта уподобления. Например: *Кроме того, немецкая сторона готова объединить и транспортный бизнес, образовав консорциум* ***по образцу*** *Airbus* [НКРЯ]; *На новоприсоединенных окраинах «не могло возникнуть, – пишет Ю. Слезкин (США), – Новой Московии* ***по образцу*** *Новой Англии или Новой Франции <…>»* [НКРЯ]. Подавляющее же большинство примеров относится к конструкциям со структурным либо логическим (смысловым) смещением: ***российская реформа по образцу Польши, Академия наук по образцу Парижа.***

Обычно между компонентами конструкции устанавливаются отношения подобия: объекты сравнения схожи по какому-либо признаку: ***монета по образцу монет Древнего Китая.*** Основание для уподобления в таких конструкциях обычно опущено. Предполагается, что говорящий и реципиент владеют общей апперцепционной базой, когда реципиенту заранее известно то, что объединяет сопоставляемые объекты, и нет основания для описания их сходства.

Левый компонент. При анализе сочетаемости слева обнаруживаем типичную для данного релятива именную лексику. Это:

– предметные имена существительные, называющие артефакты (*знамена, гербы, вензеля* и т.д.), предметы созидательной деятельности (*консорциум, завод, собрание*): *В 1733 году Анна Иоанновна наградила Донское войско сразу двумя знамёнами,* ***по образцу*** *знамён 1722-го, но меньшего размера и без синих клейм и серебристых звёзд* [НКРЯ]; *Кроме того, немецкая сторона готова объединить и транспортный бизнес, образовав консорциум* ***по образцу*** *Airbus* [НКРЯ];

– существительные с абстрактной семантикой (*экономика, банковская модель, диктатура*): *Банк сыграл заметную роль в становлении двухуровневой банковской модели* ***по образцу*** *западноевропейских стран, прямо поддержав создание сети негосударственных банковских структур* [НКРЯ];

– развернутые именные сочетания: *Нормой внешнеполитической жизни США в ближайшие годы –* ***по образцу*** *Древнего Рима – могут стать периодические войны на периферии своего влияния* [НКРЯ].

Левым компонентом, т.е. главным словом конструкции, может быть и предикатная лексика:

– глаголы созидания: *Социальная сеть "ВКонтакте" создана* ***по образцу*** *зарубежной сети Facebook и входит в число крупнейших подобных ресурсов в России* [НКРЯ]. Глаголы созидания – наиболее частотная группа глаголов по степени употребления в контекстах с единицей ПО ОБРАЗЦУ. Это около 80% проанализированных случаев.

– глаголы деятельности*: Учебный центр организован* ***по образцу*** *ведущих европейских центров* [НКРЯ]; *Патерик написан* ***по образцу*** *распространенных в восточном христианстве патериков – групповых житийных описаний святых* [НКРЯ];

– отглагольные существительные, называющие сферу интеллектуальной деятельности человека: *В британских учебных заведениях введут углубленное изучение математики* ***по образцу*** *советских спецшкол периода «гонки вооружений»* [НКРЯ].

В примерах сочетаемости с глаголами созидания и глаголами деятельности ПО ОБРАЗЦУ нельзя назвать предложной единицей, поскольку речь здесь идет о существовании конкретного образца или эталона, которым уподобляются объекты созидания. Группу таких глаголов принято называть каузативными, т.е. содержащими в себе семантическое значение причины, а тип семантического / синтаксиче-

ского актанта при таких глаголах Ю.Д. Апресян называет «каузатором» [18. С. 126]. Итак, при употреблении с глаголами со значением созидания и деятельности, а шире – со значением каузации, следует говорить о единице ПО ОБРАЗЦУ как о предложно-падежном сочетании.

Гораздо реже в анализируемом материале встречаются конструкции с глаголами, у которых отсутствует семантическое значение каузатора. Это примеры типа: *В любом случае, даже если созданная система будет функционировать* ***по образцу*** *обычных поисковых машин, поисковый робот, который станет реагировать на ключевые слова, может ошибиться* [НКРЯ]; *В годы НЭПа свободные крестьяне-собственники подняли голову, их хозяйства получили развитие* ***по образцу*** *западных, производство начало расти, сельскохозяйственная продукция реализовывалась по нормальным рыночным ценам* [НКРЯ].

Если сравнить (1) ***Патерик написан по образцу патериков*** и (2) ***Система будет функционировать по образцу обычных поисковых машин***, то в примере (1) есть идея выбора или ориентира на конкретно существующий образец, а в примере (2) этой идеи нет, но есть значение уподобления: Ср.: ***функционировать подобно обычным поисковым машинам.***

Интересным с точки зрения семантико-синтагматических свойств данного релятива является его отношение к категории одушевленности / неодушевленности имен. Так, в базе полученных из НКРЯ примеров (около 300 фактов) мы обнаружили всего 3 факта употребления ПО ОБРАЗЦУ с одушевленным существительным. Например: *Семейная жизнь детей часто складывается* ***по образцу*** *родителей: бабушка прогнала своего мужа, мать – своего* [НКРЯ]; *Признавая, что далеко не каждый российский фильм может стать блокбастером вроде "Дозоров", Семенов тем не менее призывает отечественных кинематографистов действовать* ***по образцу*** *их продюсеров – Константина Эрнста и Анатолия Максимова* [НКРЯ]. Это может быть объяснено вторичностью значения ОБРАЗЕЦ (‘тот, кто является примером для подражания’) по отношению к первому значению ‘предмет, изделие, материал’ [3. С. 560].

Таким образом, в плане сочетаемости единица ПО ОБРАЗЦУ оказывается близкой ранее описанной нами единице ПО ТИПУ [15]: отнесенность к деятельности человека – то, что определяет данные отыменные релятивы и делает невозможным их употребление, когда речь идет об объективных явлениях мира, не связанных с человеческой деятельностью.

Возможность вставки прилагательного-модификатора

Анализ сочетаемости с прилагательными позволил уточнить степень грамматикализации изучаемой единицы, т.е. перехода из свободного сочетания с предлогом в синтаксически целостное единство.

По нашим наблюдениям, для большинства таких контекстов наиболее характерны прилагательные:

1. производные от названий стран / городов / регионов типа: *западный, американский, российский* и т.д.: *Получается, ипотека* ***по западному образцу*** *нам в ближайшие десятилетия не грозит* [НКРЯ]; *Начать можно с организации, например, жестких разделительных полос* ***по европейскому образцу*** [НКРЯ].

2. называющие признак конкретного объекта действительности: *внешний, опытный, типовой, новый, утвержденный* и др.: *Настоящая демократия не создается одномоментно, не копируется* ***по внешнему образцу*** [НКРЯ]; *Первый звонок* ***по опытному образцу*** *сделал ровно 40 лет назад изобретатель Мартин Купер* [НКРЯ].

Причем, как видно из примеров из группы (2), слово ОБРАЗЕЦ является конкретным именем существительным, в отличие от примеров из группы (1), где утрачивается предметность базового слова. Ср.: организация разделительных полос по европейскому образцу – по образцу Европы; сделал по опытному образцу – *по образцу опыта.

Тесная связь с прилагательным говорит о предметной семантике базового слова ОБРАЗЕЦ и, следовательно, об отсутствии полного перехода в разряд служебной лексики.

Конструктивные свойства

Говоря о конструктивных свойствах исследуемой единицы, можно отметить частотные факты, в которых наблюдаются «структурные сдвиги» [11] либо логические смещения. В ряду основных явлений это:

а) элиминация (сокращение) правого субстантива: *В 1717 году на Выборгской стороне был построен водочный завод* ***по образцу*** *«гданских»* [НКРЯ]; *Мичели, ставший депутатом от неофашистской партии, не раз вызывался в суд по обвинению в попустительстве государственным заговорам, имевшим целью установить в Италии военно-фашистскую диктатуру* ***по образцу*** *греческой* [НКРЯ]. В данных примерах правый субстантив свернут (опущен) благодаря употреблению релятива, который служит средством речевой компрессии: у говорящего нет необходимости дублировать второй сопоставляемый объект – достаточно указать только сходный, объединяющий признак (завод по образцу «гданских»);

б) «разнооформленность» параллельных членов в результате метонимического переноса:

ОБЪЕКТ – ГОСУДАРСТВО:

Устранение Железного Занавеса и начало реформ ***по образцу*** *демократических стран Запада повлекло за собой – и не только в России – переоценку всех ценностей* [НКРЯ]. В результате метонимии семантическая однородность параллельных членов сохраняется, логические отношения не нарушаются, однако нарушается синтаксический параллелизм сопоставляемых объектов.

ОБЪЕКТ – СОЗДАТЕЛЬ:

И только ночные сумерки, что переливаются в фонтане, сделанном ***по образцу*** *Лоренцо Бернини, берегут память про нечто большее, что происходило*

здесь [НКРЯ]. Здесь также сохраняется семантическая однородность сопоставляемых членов за счет введения прецедентного имени: предполагается, что адресату знакомо называемое имя создателя фонтана, что приводит к сознательному «опущению» повтора со стороны говорящего. Логические отношения не нарушаются, однако прослеживается синтаксическая разнофункциональность компонентов;

в) сдвиг релятива к атрибутивному распространителю: *«Проект референдума о продлении полномочий* ***по образцу*** *проведенного в Казахстане уже готов», – сообщил РБК daily г-н Власов* [НКРЯ]; *Никакого консенсуса: добровольного,* ***по образцу*** *1996-го года, или принудительного,* ***по образцу*** *года 2000-го, – там нет и не предвидится* [НКРЯ]. Атрибутивный распространитель приобретает функции отсылки к прецедентному случаю, факту или ситуации. Сопоставляются объекты, разведенные во временном плане. Показателем является типовая временная лексика: *референдум, проведенный в Казахстане* (т.е. прошлый), *консенсус 1996-го года* и т.д.;

г) отсутствие параллелизма сопоставляемых членов и их семантическая неоднородность, что ведет к нарушению логических отношений:

По образцу *банковской отрасли можно было бы пойти на системное повышение уставного капитала для УК* [НКРЯ]; ***По образцу этих автомобилей*** *AIACR установила минимальное сечение кузова на уровне подушки сиденья – 85×25 см* [НКРЯ]; ***По образцу*** *этой недели затем начали устраиваться состязания и в других странах* [НКРЯ]; *В российских поездах международного сообщения, возможно, появятся магазины беспошлинной торговли –* ***по образцу*** *самолетов* [НКРЯ].

Тенденция к фразеологизации

Характерной особенностью данного отыменного релятива является тенденция к фразеологизации. В Национальном корпусе русского языка представлены факты с употреблением релятива ПО ОБРАЗЦУ в составе устойчивого сочетания: *Глупо полагать, что после Евро все команды будут играть* ***по образцу и подобию*** *лучших сборных* [НКРЯ] (ср.: по образу и подобию); ***По образцу и подобию*** *некоторых джипов в C5 Break предусмотрен раздельный доступ в багажник – можно открыть только стекло пятой двери и достать небольшую сумку или чемодан* [НКРЯ].

Данная тенденция, согласно мнению исследователей [12, 13], свидетельствует о начале пути грамматикализации изучаемой единицы.

Таким образом, на данном этапе развития языка можно говорить о том, что единица ПО ОБРАЗЦУ, с одной стороны, сохраняет тесную связь с базовым словом – существительным ОБРАЗЕЦ, выполняя роль предложно-падежного сочетания, а с другой – является самостоятельным средством связи. Анализ синтагматических и конструктивных свойств релятива ПО ОБРАЗЦУ позволил выявить его сходство с другими единицами исследуемой группы. В широком смысле отношения, устанавливаемые предложным новообразованием ПО ОБРАЗЦУ, можно сформулировать как определительные со значением уподобления, соответствия. Важным семантическим компонентом глаголов, с которыми сочетается единица ПО ОБРАЗЦУ, является значение каузации. При наличии каузатора единица ПО ОБРАЗЦУ не теряет своего предметного значения, а при отсутствии – приобретает определенную степень грамматичности, а значит, стоит на пути перехода в служебные части речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шереметьева Е.С. Отымённые релятивы современного русского языка: семантико-синтаксические этюды. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 236 с.
2. Шереметьева Е.С. Проблема категориального статуса отымённых релятивов // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М. : МГУ, 2007. С. 299–300.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 2. М. : Русский язык, 1986. 736 с.
4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Альта-Принт, 2005. 1216 с.
5. Морковкин В.В., Луцкая Н.М., Богачева Г.Ф. и др. Словарь структурных слов русского языка. М. : Лазурь, 1997. 420 с.
6. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М. : Русский язык, 1991. 254 с.
7. Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток, 2001. 363 с.
8. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 2. 717 с.
9. Национальный корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 20.04.2019).
10. URL: https://news.yandex.ru/ (дата обращения: 29.04.2019).
11. Шереметьева Е.С. Структурный сдвиг: нарушение нормы или рождение конструкции? // Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы: тезисы докладов (г. Санкт-Петербург, 12–14 сентября 2013 г.). СПб. : РАН; Ин-т лингвист. исслед. РАН, 2013. С. 59–60. URL: http://iling.spb.ru/confs/rusconstr2013/pdf/abstracts.pdf (дата обращения: 29.04.2019).
12. Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. М., 2016. № 1. С. 25–50.
13. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М. : Книжный дом «Либроком», 2014. 304 с.
14. Прияткина А.Ф. Область конструктивного синтаксиса и синтаксическая конструкция // Язык: поиски, факты, гипотезы : сб. статей к 100-летию со дня рождения академика Н.Ю. Шведовой / отв. ред. М.В. Ляпон. М. : ЛЕКСРУС, 2016. С. 375–380.
15. Артеменко М.В. Отымённый релятив «ПО ТИПУ»: семантико-синтагматические свойства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2018. № 6 (84). Ч. 2. С. 312–316.
16. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М. : Наука, 1967. 280 с.
17. Финкель А.М. Производные причинные предлоги в современном русском языке. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1962. 238 с.
18. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I: Лексическая семантика. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 июня 2019 г.

Nominal Relative "PO OBRAZTSU": Syntax and Semantics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 5–9.
DOI: 10.17223/15617793/453/1

Mariya V. Artemenko, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: mv_artemenko@mail.ru

Keywords: nominal relative; prepositional and case combination; syntax; construction; structural modification; semantics; grammaticalization.

The aim of the article is to determine the degree of the grammaticality of the unit "PO OBRAZTSU" [as per sample]. The research is done on the basis of the Russian National Corpus and the data of the Internet. The specific syntactic and semantic properties of the unit are considered by the method of structural and syntagmatic analysis. The research starts from the lexicographical analysis of the unit, which helps to define the meaning of the basic word and to note its indefinite categorial status. Further, the problem of functional homonymy of parts of speech is determined—the usage of the unit "PO OBRAZTSU" differs: (1) as a prepositional nominal phrase; (2) as a nominal relative. Further, the semantic role of the unit is identified taking into account its lexical valence. Finally, different criteria of grammaticalization (lexical, morphological, and syntactic) are used to verify this unit. Lexical and syntactic criteria are most significant. A bright manifestation of the lexical factor is the tendency to phraseologize, that is, to use this unit as part of a stable combination: PO OBRAZTSU I PODOBIYU [as per sample and similarity]. The syntactic factor is the structural properties of the unit, namely, a number of structural features of contextual uses with this unit ("structural shifts"), which bring it very close to the prepositional one. The morphological factor is the compatibility of the unit with animated nouns, but such uses are quite infrequent. The conclusion is that, at this level of language development, the unit "PO OBRAZTSU", on the one hand, maintains close ties with the basic word, the noun "OBRAZETS", in the role of a prepositional nominal phrase and, on the other, an an independent connector, that is, a relative. The analysis of syntagmatic and constructive properties of the relative "PO OBRAZTSU" allows revealing its similarity to other units of the studied group, namely with the unit "PO TIPU" [by type]. In a broad sense, the relations established by the new prepositional unit "PO OBRAZTSU" can be formulated as determinative with the meaning of assimilation, correspondence. An important semantic component of verbs that combine with the unit "PO OBRAZTSU" is the meaning of causation. In cases when a causer is present, the unit does not lose its object meaning; in cases when a causer is absent, it gets a certain degree of grammaticality, which means that it is on the way of becoming a functional part of speech.

REFERENCES

1. Sheremet'eva, E.S. (2008) *Otymennye relyativy sovremennogo russkogo yazyka: semantiko-sintaksicheskie etyudy* [Nominal Relatives of the Modern Russian Language: Semantic-Syntactic Studies]. Vladivostok: Far Eastern University.
2. Sheremet'eva, E.S. (2007) Problema kategorial'nogo statusa otymennykh relyativov [The Problem of the Categorial Status of Nominal Relatives]. In: Remneva, M.L. & Polikarpov, A.A. (eds) *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. Trudy i materialy* [Russian Language: Historical Fate and Modernity. Proceedings and Materials]. Moscow: Moscow State University. pp. 299–300.
3. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1986) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
4. Ushakov, D.N. (ed.) (2005) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Al'ta-Print.
5. Morkovkin, V.V. et al. (1997) *Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Structural Words of the Russian Language]. Moscow: Lazur'.
6. Rogozhnikova, R.P. (1991) *Slovar' ekvivalentov slova: narechnye, sluzhebnye, modal'nye edinstva* [Dictionary of Word Equivalents: Adverbial, Functional, Modal Unities]. Moscow: Russkiy yazyk.
7. Starodumova, E.A. (ed.) (2001) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Functional Words of the Russian Language]. Vladivostok: Far Eastern University.
8. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian Grammar: In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
9. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: http://ruscorpora.ru/. (Accessed: 20.04.2019).
10. *Yandex News.* [Online] Available from: https://news.yandex.ru/. (Accessed: 29.04.2019).
11. Sheremet'eva, E.S. (2013) [Structural Shift: Violation of the Norm or the Birth of a Structure?]. *Russkiy yazyk: konstruktsionnye i leksiko-semanticheskie podkhody: tezisy dokladov* [Russian Language: Structural and Lexical-Semantic Approaches]. Abstracts of the Conference. Saint Peterburg. 12–14 September 2013. St. Petersburg: RAS; Institute of Linguistic Studies, RAS. pp. 59–60. [Online] Available from: http://iling.spb.ru/confs/rusconstr2013/pdf/abstracts.pdf. (Accessed: 29.04.2019). (In Russian).
12. Vinogradova, E.N. (2016) Grammaticalization in Russian: From Noun to Preposition (A Case Study of Body Part Names). *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 25–50. (In Russian).
13. Vsevolodova, M.V., Kukushkina, O.V. & Polikarpov, A.A. (2014) *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya* [Russian Prepositions and Prepositional Means. Materials for the Functional-Grammatical Description of Real Use]. Book 1. Moscow: Knizhnyy dom "Librokom".
14. Priyatkina, A.F. (2016) Oblast' konstruktivnogo sintaksisa i sintaksicheskaya konstruktsiya [The Field of Constructive Syntax and Syntactic Construction]. In: Lyapon, M.V. (ed.) *Yazyk: poiski, fakty, gipotezy* [Language: Searches, Facts, Hypotheses]. Moscow: LEKSRUS. pp. 375–380.
15. Artemenko, M.V. (2018) Nominal Relative "PO TIPU" ("According to the Type"): Semantic and Syntagmatic Features. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 6 (84):2. pp. 312–316. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2018-6-2.23
16. Cherkasova, E.T. (1967) *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [Transition of Notional Words Into Prepositions]. Moscow: Nauka.
17. Finkel', A.M. (1962) *Proizvodnye prichinnye predlogi v sovremennom russkom yazyke* [Derived Causal Prepositions in Modern Russian]. Kharkiv: Kharkiv State University.
18. Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. I. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".

Received: 19 June 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 10–19. DOI: 10.17223/15617793/453/2

УДК 821.161.1

Е.В. Кузнецова

ЖЕНСКИЕ МАСКИ В ПОЭЗИИ И. СЕВЕРЯНИНА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

На материале поэзии И. Северянина анализируется феномен женского субъекта в творчестве авторов-мужчин в литературе русского модернизма. В первой части статьи устанавливаются переклички стихотворений поэта-эгофутуриста, написанных от женского лица, с творчеством писательниц и поэтесс второго-третьего ряда. Во второй части анализируются пародийные аллюзии на эротико-экзотические тексты К. Бальмонта и В. Брюсова, а также влияние северянинских опытов на возникновение женских масок у других авторов.

Ключевые слова: И. Северянин; В. Брюсов; К. Бальмонт; ирония; пародия; женская поэзия; женский вопрос; массовая литература.

Поэзия Игоря Северянина отличается игровым характером и наличием множества масок, предъявляемых зачастую в ироническом освещении. Наряду с мужскими масками, представляющими собой художественное отражение некого устойчивого амплуа, жизненного типа и стратегии поведения, например, эстет-денди, покоритель женщин, певец природы, гений и т.д., в доэмигрантском творчестве поэта присутствуют и женские. Стихотворений, написанных от лица женщины, не столь много, но вместе с другими примерами ролевой лирики, где звучат, например, и мужской, и женский голоса или дается развернутый портрет героини, они представляют собой интересный материал для анализа. С одной стороны, подобные тексты демонстрируют социальные типажи, ставшие особенно актуальными в начале XX в. (светская львица, куртизанка, экзальтированная поэтесса или дама-эмансипе), с другой стороны, эти стихотворения сетью аллюзий и перекличек связаны с творчеством малоизвестных ныне поэтесс или писательниц второго-третьего ряда, поднимавших темы свободной любви, равенства полов, права женщин на активную жизненную позицию и т.д.

Факт возникновения особой женской лирики, отличающейся от мужской по типу лиризма, одним из первых отметил Ин. Анненский, посвятив анализу этого явления целый раздел «Оне» в своей обзорной статье «О современном лиризме», опубликованной впервые в третьем номере журнала «Аполлон» за 1909 г. Позже Б. Садовской писал в статье «Поэтессы» («Утро России», 1913), анализируя литературные тенденции последнего десятилетия: «В числе многих своих даров “новая поэзия” принесла с собой целую фалангу женщин-поэтов. Не то чтобы у нас не было и раньше отдельных поэтесс, – ново появление именно такой обширной рати, занявшей свое особенное место на современном Парнасе. <…> Ища неизведанного и новых углов зрения хотя бы на старые вещи, современная поэзия нуждается теперь в типах женских индивидуальностей, несущих с собой новую остроту женского восприятия. Мир любви, эротики, впечатлений от обычных вещей, воспринимаемый с новых и неожиданных сторон, дает интересный материал для этой поэзии» [1]. В качестве примера можно привести имена Натальи Грушко, Людмилы Вилькиной, Марии Папер, Марии Моравской, Любови Столицы, Галины Галиной, Марии Закревской-Рейх и др.

Конструируя образ женщины в своем творчестве доэмигрантского периода, Северянин активно обращается к *поэтике массовой литературы, как прозы, так и лирики.* Некоторые мотивы, характерные для поэзии полузабытых ныне поэтесс, например, любовное горение и эротическое томление, свойственны и талантливому автору предшествующего поколения Мирре Лохвицкой, чье творчество 1890-х – начала 1900-х гг. вызывало восхищение поэта-эгофутуриста. Ее поэзия прославляла страсть в ореоле высокой чувственности, и отсылки к мотивам ее лирики часто встречаются в стихотворениях Северянина. Однако логично предположить, что творчество менее одаренных современниц, которых поэт снисходительно именует «поэтки», «стихотворки» и «современные грёзэрки», давало ему больше свободы для иронического обыгрывания, тогда как идеализированный биографический образ и поэзия рано умершей Мирры Лохвицкой являли скорее высокий образец женщины-поэтессы и женского творчества. Но если внимательно проанализировать «феминные» стихотворения Северянина, то окажется, что диалог ведется и с «высокой» лирикой русского символизма, например, с любовно-экзотической поэзией К. Бальмонта и В. Брюсова, что вполне закономерно и вписывается в общую парадигму взаимоотношений литературного «верха» и «низа» эпохи модернизма.

Авторская позиция Северянина по отношению к массовой литературе и к поэтике русского символизма, а также соотношение их черт в его оригинальном творчестве до сих пор представляют собой предмет научной дискуссии. Активная работа поэта с так называемой пошлостью как на уровне стиля, так и на уровне сюжета отдельных стихотворений позволила многим критикам заподозрить в вульгарности и недалекости самого автора, заигрывающего, по их мнению, с запросом обывателей на «красивость» и пикантность. Подобные взгляды высказывали М. Шагинян, К. Мочульский, С. Седлецкий, М. Ефимов, М. Моравская и др. А. Редько, например, считал, что молодой поэт-эгофутурист «архипримитивен», и упрекал его в тяге к «бездумью», несмотря не все стилистические ухищрения его произведений [2. С. 489, 490]. В ряде современных литературоведческих работ

признается северянинский талант версификатора и его вклад в развитие поэтического языка: «При всей противоречивости судьбы, в которой сплелись “двусмысленная слава и недвусмысленный талант”, – это все-таки настоящий поэт, для которого поэзия – единственно возможная форма существования в мире. Дарование его – оригинально, самобытно и самостоятельно», – пишет В.А. Бердинских, но он же далее отмечает, что его поэзии свойственно «парадоксальное сочетания поразительного временами *безвкусия* с энергией стиха (курсив мой. – *Е.К.*)» [3. С. 267]. То есть представление о «вульгарной лире» Северянина, сформулированное в прижизненной критике, не преодолено полностью до сих пор. На этот же факт указывают Х. Баран и Н.А. Гурьянова: «Это балансирование между “изысками” таланта и пошлости, в которой до сих пор часто обвиняется поэт, является лейтмотивом стихотворения “Игорю Северянину” С.П. Боброва, который предупреждает: “Но осторожнее веди же / Метафоры автомобиль, / Метонимические лыжи, / Неологический костыль! / Тебя не захлестнула б скверна / Оптово-розничной мечты, / Когда срываешь камамберно / Ты столь пахучие цветы”» [4. С. 545].

Такая оценка вызвана тем, что характерные стилистические приемы поэта (гиперболизм и утрированность образов, буквальная реализация метафор, стилистическое смешение разных языковых пластов, словотворчество, нарочитая бессмысленность) и салонно-будуарная тематика могут восприниматься одними как находящиеся за гранью хорошего вкуса по сравнению с эталоном классической русской лирики и «высокой» поэзией модернизма, а другими – как новаторство. По мнению В.Н. Виноградовой, отчасти своеобразная поэтика Северянина объясняется установками на футуристичность, отчасти – личным вкусом: «Эпатирующая читателей и критиков *чрезмерность стилистических смешений* (курсив мой. – *Е.К.*) (обилие экзотических слов и варваризмов, газетизмов, сентиментальных красивостей) была не только отражением идей футуризма, но и личных пристрастий, <…> преследующей цели “литературного выдвига” (как он выражался)» [5. С. 100]. Безусловно, поэт был новатором, и он стремился на литературный Олимп, но это не объясняет до конца специфики его творчества. Несводимо это и к причудам личного эстетического идеала поэта.

«Двунаправленность» северянинской лиры, составляющей подлинное своеобразие его поэтического наследия, ощущали и некоторые современники. А. Оршанин писал, что читатель «нарумяненной» поэзии Северянина снова и снова задается невольным вопросом: « В чем причина фатального тяготения поэта из безгранности звездного мира в пошлую плоскость демимонда, где “рифмы слагаются в кукиши”. В чем причина этой роковой двуликости, этого неизбежного для его музы вращения около собственной оси <…> Как понять сладострастный садизм, с которым поэт топит лилии в шампанском, фиалки в кремде-мандарине, загрязняет и опошляет “случайные чайные розы” своей поэзии?» [6. С. 501]. Сам Оршанин объясняет этот феномен страхом Северянина остаться незамеченным и чрезмерным увлечением саморекламой. В данной статье мы хотели бы посмотреть на северянинские «провалы вкуса» как на сознательный *литературный прием, обусловленный необходимостью трансформировать поэтический канон, сложившийся к середине 1900-х гг. XX в. и основанный на использовании скрытой пародийности.* Ранее мы уже обращались к анализу пародийной поэтики Северянина на примере обыгрывания им религиозно-философского дискурса эпохи модернизма, характерных бальмонтовских лунных и солнечных мотивов, сологубовского образа «страны Мечты» [7–9]. Все вышеперечисленное является примерами взаимодействия поэта с «высоким» полюсом русского модернизма. Однако его стихотворения, написанные от женского лица, еще не становились, насколько нам известно, предметом комплексного анализа, а они демонстрируют его продуктивную работу с иным литературным контекстом, со словесностью второго-третьего ряда.

Исследователи популярной литературы Серебряного века отмечают ее явные, хотя и, на первый взгляд, неожиданные связи с «высокой» литературой Серебряного века: «Зависимость от высокой традиции сочеталась здесь с влиянием натуралистической беллетристики 1880-х гг., а также – с присвоением черт, тем, приемов литературы раннего декаданса и творческого опыта прозы русского символизма 1900-х гг.» [10. С. 669]. По мнению А.М. Грачевой, «беллетристика 1910-х гг. использовала мифы и штампы литературного бульвара так же, как отдельные идеи и приемы высокой литературы для создания произведений, одновременно и новых, и привычных читателю. <…> Отдельными своими новациями совпадала с творческими поисками таких мастеров, как Андрей Белый и Алексей Ремизов, и также стояла у истоков авангарда двадцатых годов…» [10. С. 669]. Все вышесказанное можно отнести и к творчеству Северянина: активно работая с мотивами и топосами символизма, он одновременно создает ряд произведений, обыгрывающих типажи, характеры и сюжетные узлы *бульварных романов и массовой «женской поэзии»*.

У популярной литературы перед «высокой» были свои преимущества – большая степень свободы в исследовании табуированных тем, связанных с эротизмом, сексуальным (гомосексуальным) влечением и проблемами пола, хотя этой тематике отдали дань и первые русские декаденты: Сологуб, Брюсов и Бальмонт. Скандально известные в начале XX в. «Крылья» М. Кузмина и «Тридцать три урода» Л. Зиновьевой-Аннибал, поднимающие эти темы, относятся к «высокой» словесности, но все же А. Вербицкая, А. Мар, Е. Нагродская, М. Арцыбашев, А. Каменский и некоторые другие писатели нашли более широкий круг читателей, вызвали бурную дискуссию в критике и породили волну подражаний, наивно-эпигонских или пародийно-ироничных.

Любовная лирика Северянина доэмигрантского периода отличается характерным набором клише массовой литературы эпохи рубежа XIX–XX вв.: воспевание плотской страсти, перешагивающей через мо-

ральные границы, описание адюльтеров, «падений» и свободной любви, обставленной всевозможными «модными» декорациями («березовый коттедж», «шале», «пляж», «будуар», «элегантная коляска», «ягуаровый плэд» и т.д.). Любовь в подобных произведениях представлена как альковная история или водевильное приключение с обманутым мужем, любовником и скучающей дамой, жаждущей страстей и тоскующей об уходящей молодости.

В целом ряде стихотворений, рисующих портрет женщины эпохи модерна, присутствует оттенок иронии. В одном из ранних сюжетных стихотворений «Она осчастливить его захотела…», сопровожденном подзаголовком «Повесть», в легкой иронической манере рассказывается типичная для литературного контекста эпохи история увлечения взбалмошной молодой замужней дамы юным художником, «падение» героини, недолгое торжество их свободной любви и страсти («Что муж ей?! что люди?! что сплетни?! Что совесть?! / К чему рассужденья?.. – Они – неуместны. / Любовь их свободна, любовь их взаимна. / А страсть их пытает… Им тяжко, им тесно…»), охлаждение возлюбленной, ее возвращение к мужу («О, как его видеть была она рада!..») и разбитое сердце покинутого художника [11. С. 357–359]. Можно увидеть в этом сюжете отголоски рассказа «Попрыгунья» А. Чехова, героям которого преданы карикатурные черты. В стихотворении «Зизи» (1910) иронически воспевается нагота куртизанки, стоящая выше законов морали и социальных норм, а в стихотворении «Кэнзели» (1911) – «утонченная женщина», презирающая условности, для которой «ночь всегда новобрачная… / Упоенье любовное Вам судьбой предназначено…» (50). И даже пару такой страстной и темпераментной даме тяжело себе подобрать: «Но кого же в любовники? И найдется ли пара вам?» – восклицает автор с легкой усмешкой [11. С. 50]. Гротескному заострению подвергаются и типичные бульварные трагедии: убийства или самоубийства от несчастной любви (например, стихотворение «Самоубийца» содержит следующие строки: «Кого-то Вы **укусили** и прыгнули **в бездну с перил**!» [15. С. 181]). Иногда описываемые «драмы» не происходят в реальности, а разыгрываются только в мечтах героини. Например, традиционный для бульварной литературы «из великосветской жизни» любовный треугольник составляет сюжетную основу стихотворения «В березовом коттедже» (1911), одной из самых известных в свое время лирических пьес поэта, которую он с неизменным успехом читал с эстрады. Главная героиня по имени Мадлена грезит наяву «со страусовым веером в руке» и с «брильянтовым браслетом» на руке в компании дворецкого, который «стряхает пыль с рельефов гобелена», она сожалеет об ушедшей юности, помышляет о самоубийстве или «безгрешном грехе» адюльтера (менее трагичный вариант) [11. С. 11]:

<…> Как пошло вам! Вы кутаетесь в плэд
И, с отвращеньем, хмуря чернобровье,
Раздражена, теряя хладнокровье,
Вдруг видите бриллиантовый браслет,
Как бракоцепь, повиснувший на кисти
Своей руки: вам скоро… много лет,
Вы замужем, вы мать… Вся радость – в прошлом,
И будущее кажется вам пошлым…
Чего же ждать? **Но морфий – или выстрел?..**
Спасение – в безумьи! Загорись,
Люби меня, дающего былое,
Жена и мать! Коли себя иглою,
Проснись любить! Смелее в свой каприз!
[11. С. 11–12]

Новаторство Северянина заключается в том, что в эту стереотипную, условно-литературную ситуацию (скучающая знатная дама, сожалеющая о прошедшей молодости) он помещает лирического героя, несущего биографические черты (юность, проведенная в северных губерниях России): «Мои следы к тебе одной по снегу / На берега форелевой реки!» [11. С. 11]. По следние строки стихотворения неожиданной искренностью обманывают читательское ожидание, созданное всем предшествующим текстом, и придают откровенному фарсу жизненность и драматичность. Данный эффект достигается за счет смены интонации: вместо игривой легкости и словесного кокетства возникают грустные ноты, на первый план выходит горькое одиночество не только героини, но и автора. А. Оршанин заметил схожий художественный прием (сочетание лиризма и банальности) в стихотворении Северянина «Янтарная элегия» и сделал вывод, что скрытый «задушевный лиризм с нежным женственным тембром есть ядро его поэзии» [6. С. 498]. Однако критик-современник пытался утвердить ценность только «задушевного лиризма» молодого поэта, который оказался незаслуженно, с его точки зрения, погребен под наносной крикливостью и вульгарностью. На наш взгляд, не менее важны и проявления «пошлости». Подчеркнув тривиальность и трафаретность описанного сюжета, автор как бы утверждает право на существование подобной фантазии, так как и это могут быть декорации для истинной любви, а в скучающей в березовом коттедже «Мадлене» может отражаться недостижимая в реальности идеальная возлюбленная. Мы имеем дело с текстом, художественное воздействие которого реализуется за счет внутренней конфликтности: столкновения сознательно пародийного (массовая литература) и лирико-исповедального плана (мечты юности о красивой любви), условность искусства сталкиваются с человеческой подлинностью авторского голоса.

Очевидно, что куртизанки, безымянные неверные жены-аристократки, пылкие поклонницы поэтов, восторженные курсистки, «виконтессы», «эксцессерки», «одалиски» и другие героини стихотворений Северянина отражают не только определенные явления социальной жизни, но и популярные типажи массовой литературы и зарождающегося кинематографа. По мнению В.Г. Лебедевой, «чувственное раскрепощение общества породило массовый спрос на смелую постановку проблем пола, интимной жизни, места и роли женщин, теневых сторон повседневной жизни» [12. С. 85]. Северянин демонстрирует эту тенденцию, помогая тем самым ее отрефлексировать. Он дает возможность высказаться самим представительницам

прекрасного пола, но демонстрирует и собственный снисходительно-мужской взгляд на подобный дискурс. Можно назвать также несколько стихотворений, в которых прямая речь лирической героини воспроизводится вне иронического освещения, ее образ выстраивается с сочувствием и пониманием, поэт словно проникает в глубины женской души и сознания: «Ее монолог», «И ты шел с женщиной», «Идиллия». Эти произведения не содержат многослойных аллюзий и литературной игры, они однoплановы, и хотя, безусловно, интересны полным перевоплощением автора-мужчины в лирическую героиню, в данной статье мы сосредоточимся на анализе произведений с присутствием иронической окраски.

Обратимся к анализу нескольких провокационных стихотворений, написанных от имени современной женщины, но на лексическом и стилистическом уровне демонстрирующих и мужской снисходительно-оценивающий взгляд. Их поэтика характеризуется наличием стилистических сдвигов, логических нестыковок или парадоксов, утрированностью и гиперболизаций образов и пафоса, повышенной экспрессивностью лирической интонации. Вызывающе дерзким и откровенно эротичным является стихотворение «Berceuse осенний» (1912), написанное в данном ключе и повествующее о любовных приключениях светской дамы:

<…> Кто мне сказал, что у меня есть муж
И трижды овесененный ребенок?..
Ведь это **вздор**! ведь это просто **чушь**!
Ложусь в траву, теряя пять гребенок...

Поет душа, под осени berceuse,
Надежно ждет и сладко-больно верит,
Что он придет, **галантный мой Эксцесс**,
Меня возьмет и девственно озверит.

И, утолив мой **алчущий инстинкт**,
Вернет меня к моей бесцельной яви,
Оставив мне незримый гиацинт,
Святее верб и кризантэм лукавей...

[11. С. 12]

Стихотворение строится на стилистическом смешении прозаизмов («гребенки», «трава»), разговорно-сниженной лексики («вздор», «чушь»), традиционных поэтизмов («поет душа», «сладко-больно верит», «бесцельная явь»), авторских неологизмов («овесененный», «озверит»), иностранных заимствований («эксцесс», «инстинкт»). Содержание стихотворения – эпатажно откровенные грезы замужней женщины, возможно, светской львицы, о «галантном», но по-звериному «диком» любовнике. Отметим, что схожий сюжет (муж, страстный возлюбленный, ребенок и сильная, эмансипированная героиня), утверждающий право женщины на страсть, выстраивает романистка Е. Нагродская в романе «Гнев Диониса» (1910). Судя по году первой публикации, чрезвычайно популярный роман Нагродской вполне мог вдохновить Северянина на создание в 1912 г. стихотворения «Berceuse осенний». Но если русские писательницы Серебряного века, поднимая запретные темы женской сексуальности, по мнению М.В. Михайловой, всегда говорили и о душевной боли, переживаниях, трагическом разладе и даже расплате за страсть [13. С. 221–240], то «страсти» Северянина зачастую карикатурны.

За изображение любви как земной плотской связи поэта часто упрекали в аморальности: «Мы-то наивные люди, верили, что теперь уже военные писаря и прыщавые парикмахеры не позволяют себе этой меры пошлости – ты, мол, мечта и даже “лучше, чем мечта”, ты, дескать, идеал, а посему “вступи со мной в земную связь”, и чем скорее, тем лучше» [14. С. 552]. Критик Л. Фортунатов цитирует стихотворения «Тринадцатая встреча» и «Не улетай» из сборника «Тост безответный», посвященного «моей тринадцатой» и пронизанного самыми дикими мексиканскими страстями, описанными, например, в «Поэзе предупреждения»: «Впрочем, делай, что хочешь, но знай: / Слишком верю в невинность твою. / **Не бросай же меня! не бросай!** / Ну, а бросишь – **прости, застрелю»** [15. С. 428].

Процитированное четверостишие напоминает сцену из немого фильма, изображающую ревнивого любовника и его ветреную возлюбленную: картинные позы, утрированные страсти и сопровождающий действие текст. «Тост безответный» – последний дореволюционный сборник Северянина, но тема любви в нем повторяет все те же изыски страсти в пышно-декоративном обрамлении, что уже были намечены в «Громокипящем кубке», так как он во многом составлен из ранних стихотворений, не вошедших в предыдущие сборники. Возможно, поэтика первых немых фильмов отразилась в этом произведении поэта. Другое стихотворение так и называется «Июльский полдень. Синематограф» и представляет собой словесное описание сцены, будто увиденной в немом фильме: инок у ограды монастыря с удивлением и гневом взирает на автомобиль-кабриолет, в котором, громко смеясь, едут на прогулку две кокотки. Популярная литература и кино были тесно связаны с самого начала. Именно по произведениям массовой литературы, например, по новеллам М. Арцыбашева, были сняты многие немые фильмы с говорящими названиями «Ревность» или «Мститель», еще более, в силу специфики бессловесной актерской игры, заострившие шаблонность и утрированность характеров, ситуаций и чувств.

Пространные рассуждения на тему свободной морали и призыв к любви вне условностей и обрядов поэт приводит в стихотворении «В грехе – забвенье» (1911):

Вся радость – прошлом, в таком далеком
и безвозвратном,
А в настоящем – **благополучье и безнадежность**.
Устало сердце и смутно жаждет, в огне закатном,
Любви и страсти; – его пленяет неосторожность…

Устало сердце от **узких рамок благополучья**,
Оно в уныньи, оно в оковах, оно в томленьи...
Отчаясь грезить, отчаясь верить, в немом
безлучьи,

Оно трепещет такою скорбью, все в гипсе
лени...<…>

Ему подвластны и **верность другу,**
и материнство,
Оно боится оставить близких, как **жалких**
сирот…
Но одиноко его биенье, и нет единства…
А жизнь проходит, и склеп холодный, быть
может вырыт…

О, сердце! сердце! твое спасенье – в твоем
безумьи!
Гореть и биться пока ты можешь, – гори и бейся!
Греши отважней! – пусть добродетель –
уделом мумий:
В грехе забвенье! а там – хоть пуля, а там –
хоть рельсы!..

[11. С. 10]

Данное произведение выстроено таким образом, что не содержит грамматических признаков женского или мужского лица. Однако, проанализировав содержание, этот страстный монолог скорее можно приписать женщине (указание на «верность другу» и материнство). На наш взгляд, стихотворение «В грехе – забвенье» представляет собой характерный пример произведения с двойственным, лиро-ироническим пафосом, который присущ многим текстам поэта. С одной стороны, в словах лирической героини звучат искренние чувства и эмоции, проговаривается узнаваемая жизненная ситуация внутреннего одиночества верной супруги и матери.

С другой стороны, чрезмерная эмоциональность и повышенная экспрессия изложения, словно «захлебывающийся» синтаксис с обилием восклицаний и тире, «литературность» наказания за «грех» («пуля», «рельсы»), указывают на ироничность и двойное дно данного произведения, отражающего «женскую» поэзию и прозу определенного типа. Слышатся в нем окарикатуренные отголоски стилистики и идейного содержания романа «Ключи счастья» А. Вербицкой и других произведений в нарождающемся жанре «женского романа». Переклички подобных примеров любовной лирики Северянина с бульварными романами отметил еще Н. Гумилев: «Там, где он хочет быть элегантным, он напоминает *пародии* (курсив мой. – *Е.К.*) на романы Вербицкой…» [16. С. 118]. К этому разряду литературы можно отнести и лирику представительницы эмансипированных женщин начала XX в. Натальи Грушко: «Основная тема поэзии Грушко – психологические переживания эмансипированной женщины, ведущей богемный образ жизни, грешащей и кающейся в своих грехах, чтобы согрешить снова» [17. С. 76].

Однако Грушко дебютировала в поэзии только в 1912 г., поэтому более вероятно, что Северянин иронично отразил в вышеприведенном стихотворении литературные эксперименты других поэтесс того же времени и направления, например М. Закревской-Рейх, которая в 1907–1909 гг. выпустила три сборника поэзии. По их поводу критики писали, что автор «упоминает проституцию, описывает дома терпимости и особенно охотно повествует о самоубийствах и “кровавых событиях”» [17. С. 88]. В сборнике М. Закревской-Рейх «Крылья любви», вышедшем в 1909 г., темы любовной страсти и адюльтера, эротические мотивы запретной любви и гибельного соблазна звучат в стихотворениях «Любовь и страсть», «Страсть» [18]. В сборнике «Чары весны» в сюжетном стихотворении «Не до того» жена покидает мужа и малолетних больных детей, воспылав любовью к некому Жоржу [19]. И хотя подобное поведение не пропагандируется, а осуждается автором, поэзия Закревской-Рейх предоставляет достаточно материала для иронического обыгрывания определенных мотивов и сюжетных ходов.

Известны в свое время были и опыты таких поэтесс, как Л. Вилькина и Г. Галина, активно проповедовавших страсть, свободу, бурные ночи, минуты упоения и пр. Краткий очерк их творчества дал в свое время В. Брюсов, указав на шаблонность и декларативность их поэзии [20. С. 320–321]. Но сам мэтр символизма во многом способствовал расцвету подобной женской лирики, вводя в поэзию эротические мотивы и воспевая свободу выражения чувств. К стихотворению «В грехе – забвенье» Северянин предпосылает эпиграф именно из Брюсова: «Ты – женщина, и этим ты права». Эпиграф в данном случае указывает не только тему конкретного произведения, отсылающую к злободневным в начале XX в. «женскому вопросу» и «проблеме пола». Он также намекает на взаимосвязь с оригинальным творчеством старшего современника, прежде всего, на свойственное ему описание любви как физической страсти, своеобразно преломившееся в мотивах «женской» поэзии. По словам А. Измайлова, именно Брюсов воспринимался в начале века проповедником «женского вопроса»: «Проблема пола, нашедшая в прозе такого мучительно глубокого философа и художника, как Розанов, нашла своего поэта в Брюсове» [21. С. 380]. К подобному приему, намеку с помощью эпиграфа на адресата пародии, прибегали многие профессиональные пародисты и критики Серебряного века, обращавшиеся к пародийному жанру.

Любовная страсть, обставленная экзотическими декорациями Испании, Мексики и других далеких стран, стала также одной из излюбленных тем К. Бальмонта и, соответственно, тех, кто его пародировал. Но, как известно, помимо прямой откровенной пародии, пародийность зачастую присутствует более скрыто в гораздо большем количестве различных произведений. В связи с темой декадентской экзотики интересным примером произведения с пародийным подтекстом является стихотворение Северянина «M-me Sans-Gene» с подзаголовком «Рассказ путешественницы» 1910 г.:

Это было в тропической **Мексике**, −
Где еще не спускался **биплан**,
Где так вкусны пушистые **персики**, −
В белом **ранчо** у моста **лиан**. <…>

Я гостила у дикого племени,
Кругозор был и ярок, и нов,
Много-много уж этому времени!
Много-много уж этому снов! <…>

С жаркой кровью, бурливее кратера,
Краснокожий метал бумеранг,
И нередко от выстрела скваттера
Уносил его стройный мустанг.

А бывало пунцовыми ранами
Пачкал в ранчо бамбуковый пол…
Я кормила индейца бананами,
Уважать заставляла свой пол…

Задушите меня, зацарапайте, −
Предпочтенье отдам дикарю,
Потому что любила на **Западе**
И за это себя не корю…

[11. С. 51]

Самим названием «M-me Sans-Gene» стихотворение отсылает к известной на рубеже XIX–XX вв. одноименной пьесе-водевилю французских драматургов Викторьена Сарду и Эмиля Моро, на что справедливо указали В.Н. Терехина и Н.И. Шубникова-Гусева [22. С. 685]. Дословно заглавие пьесы можно перевести как «Мадам Бесцеремонность», «Мадам Бестактность», что подразумевает также значение: «женщина без предрассудков». Водевиль был написан в 1893 г., и его постановки шли с аншлагом и во Франции, и в России. Первый русский перевод был сделан почти сразу после французской премьеры в 1894 г. А в 1900 и в 1912 гг. были созданы два немых фильма-экранизации по этой же пьесе, что говорит о неизменном успехе у зрителей этого веселого водевиля [22. С. 685].

В основу сюжета комедии положена история прачки Катрин Юбше, ставшей женой наполеоновского маршала Ф.Ж. Лефевра, но сохранившей и в высшем обществе свои простонародные привычки, острый язык и душевную прямоту. Катрин стала для многих дам XIX в. образцом «женщины-эмансипе», свободной и независимой от мнения общества и света, поднятой волной французской революции на вершину успеха и славы. Северянин переносит этот ставший нарицательным женский образ конца XVIII в. в начало XX в. и создает продолжение сюжета, рассказ о новых романах и приключениях мадам Сан-Жан, женщины без предрассудков, в экзотической Мексике. Скорее всего, поэт был знаком и с русским, и с французским вариантами пьесы, так как он сохраняет иноязычное название, не русифицирует его и даже не меняет транслитерацию. Новый исторический и географический контекст позволяют ему создать карикатуру на современных феминисток, используя литературный багаж известного культурного типажа и его популярность у современников.

На наш взгляд, это произведение многопланово и сочетает в себе помимо очерченных аллюзий, еще и приметы поэтики Бальмонта, известного своими стихотворными отчетами о поездках в экзотические далекие страны. Но, скорее, в стилистике северянинского текста можно отметить черты пародийных откликов на бальмонтовскую лирику: сочетание несочетаемых слов, нагнетание нелепых ситуаций и деталей, обилие иноязычной лексики («биплан», «ранчо»), экзотизмов («персики», «лианы», «Мексика»), просто «дурное» стихосложение и косноязычие («Многомного уж этому снов»). Еще В. Ховин в критическом отзыве 1911 г. писал, что «трудно представить себе, что такое, например, стихотворение может быть написано серьезно», и называл его «невольной пародией» [23. С. 416]. Критик трактовал пародийность Северянина в негативном ключе, воспринимал ее не как сознательный прием, а как доказательство несамостоятельности молодого поэта. Однако совокупность факторов (выбор заглавия и сюжета, проработанность «языкового портрета» героини) говорят о том, что к приемам пародийности поэт прибегает для создания определенного художественного эффекта. Дистанция между авторской точкой зрения и точкой зрения, представленной в тексте, увеличивается за счет использования приемов ролевой лирики: стихотворение написано от лица неизвестной путешественницы, что максимально отдаляет образ лирической героини от образа биографического автора. Не только типаж современной эмансипированной дамы, но и экзотика и эротика Бальмонта предстали в этом тексте в окарикатуренном виде.

«Второй план» «M-me Sans-Gene» проявляется при сопоставлении его с откровенными литературными пародиями на ту же тему. Например, с пародией А. Блока на стихи Бальмонта о его экзотических путешествиях под названием «Корреспонденция Бальмонта из Мексики» (1905):

Я бандит, я бандит!
От меня давно смердит!
Подавая с ядом склянку,
Мне сказала **мексиканка**:
− У тебя печальный вид:
− Верно, ты ходил в **Пампасы** –
Загрязненные **лампасы** –
Стыд! <…>
Озираясь,
Упиваясь,
С **мексиканкой** обнимаясь,
Голый – голый – и веселый
Мексиканские подолы
Воспевал,
Мексиканские подолы,
Целовал…

[24. С. 63]

«Подставной» герой («бандит»), от лица которого ведется рассказ, нелепые «приключения» («ходил в Пампасы»), приемы снижения в описании любовного романа («мексиканские подолы целовал»), даже место действия (Мексика) – все это роднит пародию Блока со стихотворением Северянина. Характерно и употребление экзотизмов: «пампасы», «лампасы». Оба эти произведения – не карикатуры на незадачливых путешественников, а литературные пародии на подобные стихотворные отчеты поэтов-символистов о поездках в экзотические страны, которыми увлекался не один Бальмонт. Но Блок никогда не включал это ироническое произведение в общий корпус своих стихотворений, не публиковал наряду с лирическими,

как это делает Северянин. Это говорит о переосмыслении последним пародийности, о повышении ее роли в поэтическом новаторстве (внесение скрытого пародийного подтекста) и утверждении самоценности, оригинальности подобных произведений, которые могут оставаться интересными читателю и вне тонких отсылок и аллюзий.

В.Н. Терехина и Н.И. Шубникова-Гусева приводят свидетельства современников о том, что стихотворение «M-me Sans-Gene» произвело на первых слушателей впечатление юмористической вещицы и вызвало общий смех аудитории, слышавшей его первый раз в авторском исполнении [22. С. 685]. А критиков озадачило то, что автор перепутал в этом тексте некоторые географические ориентиры, заставив краснокожего южноамериканского индейца метать австралийский бумеранг: «Но все-таки в этих стихах, полных несообразностей, диких словечек и оборотов, встречаются строки, свидетельствующие, что из автора мог бы выработаться поэт прекрасный…», – отмечал критик «Майкопской газеты» [22. С. 685–686]. «Дикие словечки и обороты» Северянина, на наш взгляд, являются проявлением пародийного подтекста его произведения, а вовсе не рассеянностью или невнимательностью автора.

Таким образом, характерные типажи женщин эпохи модерна предстают перед читателем в стихотворениях, написанных и от лица автора-мужчины, и от лица героини-женщины. В обоих случаях мы можем наблюдать признаки авторской иронии, проявляющейся в стилистических сдвигах, контрастах, смысловых несообразностях. В последнем дореволюционном сборнике поэта «Тост безответный» содержится стихотворение с говорящим названием «Поэма беспоэмья», в которой автор снимает маску и, говоря уже от своего собственного лица, подводит своеобразный итог самым ярким приметам культурной и литературной жизни России первых пятнадцати лет нового столетия, которые уже ранее нашли отражение в других его произведениях:

А если я себе позволю,
Дав ямбу пламенному волю,
Тряхнуть прекрасной стариной
И, вдохновляемый весной,
Спою поэму на отличье,
В которой будет **пенье птичье**,
Призывотрели **соловьев**
И **воды рек**, и **сень лесов**,
И **голубые лимузины**,
И **эксцентричные кузины**,
И остро-пряный ассонанс,
И элегантный **Гюисманс**,
И **современные грёзэрки**,
Заполнившие этажерки
Томами **сладостных поэз**,
Блестящими, как полонез,
И просто **девственные дамы**,
Себе построившие храмы
В сердцах совсем чужих мужей,
Забывшие своих детей,
Своих супругов – из-за скуки…
И **Брюсов**, «президент московский»,
И ядовитый **Сологуб**
С томящим нервы соло губ,
Воспевших жуткую **Ортруду**…

[15. С. 455]

Северянин с иронией перечисляет тематические блоки своей лирики, отразившие современный литературный процесс: природная идиллия («пенье птичье», «и воды рек, и сень лесов»), технический прогресс («голубые лимузины»), городские типы («эксцентричные кузины», «девственные дамы» и их мужья), женщины-поэтессы («современные грёзэрки»), литературные герои (королева Ортруда), имена известных литераторов (Гюисманс, Брюсов, Сологуб). Все это – материал и для его «сладостных поэз». Возникновение подобного критического и рефлексивного текста свидетельствует о том, что ироническая дистанция и ранее существовала между темами, образами и героями произведений поэта и концепированным автором.

Стремление Северянина писать от чужого лица, акцентируя при этом темы и мотивы актуальной современной лирики, приводит к возникновению эффекта пародирования женского творчества (за исключением ряда лирических произведений), подрыванию его стиля и пафоса изнутри, а также доводит до логического предела эпатажность и эротизм русского декаденства. Говоря о пародийности, мы опираемся на теорию пародии, разработанную в Ю.Н. Тыняновым, М.М. Бахтиным, А.А. Морозовым, В.И. Новиковым и некоторыми другими исследователями, которые сходятся во мнении, что пародийному произведению свойственно столкновение двух планов, прямого и подразумеваемого, или двух голосов, пародирующего (авторского) и пародируемого (голоса претекста), которое не всегда сопровождается возникновением элементов прямого комизма. Ироническая дистанция в этом случае ощущается читателем при восприятии того или иного произведения на фоне литературного контекста эпохи. В проанализированных стихотворениях Северянина мы можем наблюдать наличие нескольких планов и подтекстов (отсылки к социальной реальности, женской лирике, поэзии Бальмонта и Брюсова), а также столкновение разных голосов (например, прямой речи героини и авторской мужской иронической оценки ее взглядов, внешности и т.д.), маркированных с помощью стилистических сдвигов.

Однако, несмотря на иронию, активное обращение Северянина к женским маскам демонстрирует влиятельность феминного писательского дискурса на творчество поэта, который вступает с ним в продуктивный диалог. Тот факт, что найденные поэтом приемы и интонации были плодотворны для литературного движения его времени, подтверждается тем, что В. Брюсов подхватывает намеченную Северяниным тенденцию и тоже начинает писать стихи от лица женщины. Одно из первых подобных стихотворений называется «В том же парке», датируется 1906 г., однако наиболее активно мэтр русского символизма обращается к женским маскам в лирике и прозе (повесть «Последние страницы из

дневника женщины», 1910) на рубеже 1910-х гг. Квинтэссенцией увлечения Брюсова образом женщины-поэтессы и его попыток понять психологию своих современниц становится сборник-мистификация «Новые стихи Нелли», вышедший в 1913 г., сразу после публикации «Громокипящего кубка» Северянина. А.В. Лавров справедливо указывает, что эгофутуристическая поэтика отразилась в «Стихах Нелли», а на выбор названия сборника, помимо некоторых биографических обстоятельств (отношения Брюсова с Еленой (Нелли) Сырейщиковой и Надеждой (Нелли) Львовой), повлияло также популярное северянинское стихотворение «Нелли» (1911), «живописующее досуги жеманной кокотки» [25. С. 173].

Однако нельзя согласится с другим утверждением исследователя, что брюсовские «Новые стихи Нелли» явились «*первым* “мужским” опытом игровой имитации женской творческой индивидуальности, отразив тем самым характерные особенности поэтической культуры 1910-х гг. (курсив мой. – *Е.К.*)», а именно появление «новых женских масок, принадлежащих другим поэтам» [25. С. 171]. В этом плане А.В. Лавров отмечает намерение В. Ходасевича напечатать свои стихи в том же 1913 г. под псевдонимом «Елисавета Макшеева», а первое стихотворение за этой подписью Ходасевич опубликовал еще в 1908 г. [25. С. 171]. Представляется возможным утверждать, что не Брюсов с Ходасевичем, а именно Северянин был *первым* значительным поэтом, который не в отдельных стихотворениях, а достаточно широко представил в своем творчестве 1900-х – рубежа 1910-х гг. игровую имитацию женской лирики, продемонстрировав и надрывный лиризм, и провокативную сексуальность, и карикатурную вульгарность.

Ведь еще до выхода «Громокипящего кубка» поэзы Северянина, написанные от женского лица, публиковались в его многочисленных брошюрах, читались им с эстрады и были известны таким поэтам, как М. Волошин, В. Ходасевич или В. Брюсов. Волошин, например, отозвался на поэзию Северянина еще в 1911 г. в статье «О модных позах и трафаретах», отметив переклички его произведений с беззастенчивым эротизмом и китчевой роскошью будуарной поэзии Марии Папер, воспевающей «Щемящие ласки, нежданность паденья / И с плеч моих спавший кисейный наряд» [26. С. 413–415]. Ходасевич слушал северянинское чтение на его выступлении в Москве в Обществе свободной эстетики в 1912 г. и написал отчет об этом вечере в газете «Русское слово» [27. С. 128], хотя наверняка сталкивался с его произведениями и ранее. С Брюсовым Северянин состоял в переписке с 1911 г., мэтр русского символизма читал раннее брошюры поэта «Лунные тени», «Предгрозье», «Электрические стихи» и др. [27. С. 103]. Скорее всего, брошюра «Качалка грёзэрки», содержащая стихотворение «Нелли», была прочитана им еще в 1912 г., сразу после выхода из печати (стихотворение публиковалось также в газете «Петербургский глашатай» от 12 февраля 1912 г.). Северянинское влияние на мистификационные эксперименты его современников представляется недооценным. Эти опыты оказались в тени более ярких мужских масок его поэзии, а возможно, сыграл роль и тот факт, что они не оформились в отдельный от Северянина-автора образ женщины-поэтессы, наделенный собственным литературным именем, как, например, Черубина де Габриак, созданная совместными усилиями М. Волошина и Е. Дмитриевой.

В.Н. Терехина и Н.И. Шубникова-Гусева, рассказывая о личном знакомстве Северянина с восхищенной им Надеждой Львовой на его триумфальном выступлении в Обществе свободной эстетики, отмечают, что «“повесть о женской душе”, как определил Брюсов содержание “Стихов Нелли” была по существу “северянизированной”, эгофутуристической… Он (Брюсов. – *Е.К.*) воспользовался новым поэтическим языком и создал характер гедонистический, казалось бы, противоположный романтической душе Надежды Львовой. <…> Но и Надежда Львова, включившись в литературную игру, называла “Нелли” – футуристкой, поскольку новое стихотворение “Нелли” (“Узором изощренным pointe-de-venis…”) появилось в альманахе “Крематорий здравомыслия” в эгофутуристическом издательстве “Мезонин поэзии”» [27. С. 132]. Две другие поэзы Львовой, в которых «слышны северянинские ноты самоиронии», вошли в «мезонинский» альманах «Пир во время чумы» [27. С. 132–133]. В итоге мы наблюдаем интересный пример обратного влияния, возникший в результате этих перекрестных литературных взаимодействий: одна из женских масок Северянина, ультрасовременная гедонистка-гурманка и «поэтка», подсмотренная им в женском творчестве и отрефлексированная мужским ироническим взглядом, снова возвращается в женскую лирику. Хоть и ненадолго, по причине последовавшего вскоре самоубийства, она примеряется молодой поэтессой Надеждой Львовой и тем самым утверждается как правдивый портрет современной женщины.

Многие отработанные Северяниным приемы в создании двойственных, лиро-иронических произведений и женских масок нашли свое продолжение в поэзии таких авторов, как Петр Потёмким или Саша Черный. Им был свойствен схожий ракурс видения жизни и современной литературы, подмечающий и высвечивающий пошлость, трафаретность, манерность, пристрастие к роли и позе, которые подчеркивались и доводились до предела. Таким образом, социальные типы, сюжеты и мотивы массовой литературы, а также образы и стилистика «высокой» поэзии переплавились автором «Громокипящего кубка» в ироничные зарисовки, ведущие игру как с окружающей реальностью, так и с литературным зеркалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов Б. <Б.А. Садовской>. Поэтессы // Утро России. 1913. № 218. 21 сентября.
2. Редько А. Фазы Игоря Северянина // Игорь Северянин. Царственный паяц. Автобиографические материалы. Письма. Критика. СПб. : Росток, 2005. С. 485–490.
3. Бердинских В.А. Игорь Северянин // История русской поэзии. Модернизм и авангард. М. : Ломоносовъ, 2013. С. 258–276.

4. Баран Х., Гурьянова Н.А. Футуризм // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) : в 2 кн. М. : ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. Кн. 2. С. 501–575.
5. Виноградова В.Н. Игорь Северянин // Очерки по истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идеостилей. М. : Наследие, 1995. С. 100–131.
6. Оршанин А. Поэзия шампанского полонеза // Игорь Северянин. Царственный паяц. Автобиографические материалы. Письма. Критика. СПб. : Росток, 2005. С. 494–502.
7. Кузнецова Е.В. Трансформация философско-религиозного дискурса модернизма в поэзии И. Северянина // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 5–12.
8. Кузнецова Е.В. Мифологемы К. Бальмонта в творчестве И. Северянина: подражание или пародия // Русская литература. 2019. № 1. С. 117–129.
9. Кузнецова Е.В. Ученик и / или пародист: мотивы Ф. Сологуба в поэзии И. Северянина // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2018. Т. 77, № 1. С. 29–40.
10. Дьякова Е.А. Беллетристы 1900–1910-х годов: Михаил Арцыбашев, Анатолий Каменский, Анастасия Вербицкая и др. // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов) : в 2 кн. М. : ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. Кн. 1. С. 669–688.
11. Северянин И. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы. М. : Наука, 2004.
12. Лебедева В.Г. Судьба массовой культуры в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007.
13. Михайлова М.В. Эротическая доминанта в прозе русских писательниц Серебряного века // Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре. Эпоха модернизма. М. : Ладомир, 2008. С. 221–240.
14. Фортунатов Л. Куплетист на Парнасе // Игорь Северянин. Царственный паяц. Автобиографические материалы. Письма. Критика. СПб.: Росток, 2005. С. 522–530.
15. Северянин И. Полное собрание сочинений : в 1 т. / сост. М. Петров. М. : Альфа-книга, 2014.
16. Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М. : Современник, 1990.
17. Сто одна поэтесса Серебряного века. Антология / сост. и биогр. ст. М.Л. Гаспаров, О.Б. Кушлина, Т.Л. Никольская. СПб. : ДЕАН, 2000.
18. Закревская-Рейх М. Крылья любви. СПб., 1909.
19. Закревская-Рейх М. Чары весны. СПб., 1909.
20. Брюсов В.Я. Женщины-поэты // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6: Статьи и рецензии 1893–1924. Из книги «Далекие и близкие». Miscellanea. М. : Художественная литература, 1975. С. 320–321.
21. Измайлов А. Литературный Олимп. М., 1911.
22. Терехина В.Н., Шубникова-Гусева Н.И. Примечания // Северянин И. Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы. М. : Наука, 2004. С. 645–801.
23. Ховин В. Игорь Северянин. Электрические стихи // Игорь Северянин. Царственный паяц. СПб. : Росток, 2005. С. 416–419.
24. Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология. М. : Высшая школа, 1993.
25. Лавров А.В. «Новые стихи Нелли» – литературная мистификация Валерия Брюсова // Русские символисты. Этюды и разыскания. М. : Прогресс-Плеяда, 2007. С. 154–198.
26. Волошин М. О модных позах и трафаретах. Стихи г. Игоря-Северянина и г-жи Марии Папер // Игорь Северянин. Царственный паяц. Автобиографические материалы. Письма. Критика. СПб. : Росток, 2005. С. 413–415.
27. Терехина В.Н., Шубникова-Гусева Н.И. «За струнной изгородью лиры…»: Научная биография Игоря Северянина. М. : ИМЛИ РАН, 2015.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 декабря 2019 г.

Women's Masks in the Poetry of Igor Severyanin

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 10–19.
DOI: 10.17223/15617793/453/2

Ekaterina V. Kuznetsova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: katkuz1@mail.ru

Keywords: Igor Severyanin; irony; parody; women's poetry; women's question; mass literature of Silver Age.
This study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10100.

The article considers a number of lyric works by Igor Severyanin written from a woman's face and representing such conventional mask types as "socialite", "exalted lady" or "emancipated woman". These poems are analyzed in historical-literary and sociocultural aspects. Their interrelations with such a bright phenomenon of the Russian Silver Age as a sharp increase in women's poetic and prose writings are considered. Severyanin's works, speaking to the reader on behalf of women, reflect the so-called "women's question": the problems of female sexuality, self-realization, creative, social, political, and professional activity. If female authors (E. Nagrodskaya, A. Verbitskaya, G. Galina, N. Grushko, M. Zakrevskaya-Reich, and others) seriously reflected on the above-mentioned issues, Severyanin's poems always reflect a defamiliarized ironic author's view. The author's position is manifested in stylistic shifts, logical inconsistencies and paradoxes, exaggeration and hyperbolization of images and pathos, increased expressiveness of lyric intonation. Similar artistic techniques can be noted in some of the poet's texts written from a man's face but depicting female types of the era ("In the Birch Cottage", "Nelly", "Zizi", "Courtesan's Carriage"). But they are no less noticeable in the texts in which the author allows the woman to speak, for example, "Autumnal Berceuse", "Oblivion in Sin", "M-me Sans-Gêne". The latter poem by its very name, "M-me Sans-Gêne", refers to the same-name play, popular at the turn of the 20th century, by French playwrights Victorien Sardou and Emile Moreau and literally translates as "Madame Unceremoniousness", "Madame Tactlessness". The plot of the comedy is based on the story of the laundress Catherine Hübscher, who became the wife of Napoleon's Marshal François Joseph Lefebvre. For many ladies of the 19th century, Catherine became a model of an "emancipated woman". Severyanin takes this type of the end of the 18th century to the beginning of the 20th century and creates a story about adventures of Madame Sans-Gêne in the exotic Mexico. The new historical and geographical context allows him to draw a caricature of modern feminists, using the literary baggage of a well-known cultural type. This work also combines the features of poetics of Balmont, known for his poetic accounts of trips to distant countries, and techniques of parody responses to Balmont's lyrics, for example, Alexander Blok's parody about his trips called "Balmont's Correspondence from Mexico" (1905). Severyanin's experience in the construction of a female subject in the lyrics influenced the experiments of Valery Bryusov (poetic collection *New Poems of Nelly*) and some poems of the poetess Nadezhda Lvova. Thus, interacting with both mass and "high" poetry, Severyanin creates multifaceted works that ironically reflect the contemporary literary process.

REFERENCES

1. Borisov, B. <B.A. Sadovskoy>. (1913) Poetessy [Poetesses]. *Utro Rossii*. 218. 21 September.
2. Red'ko, A. (2005) Fazy Igorya Severyanina [Phases of Igor Severyanin]. In: Severyanin, I. *Tsarstvennyy payats. Avtobiograficheskie materialy. Pis'ma. Kritika* [Royal Clown. Autobiographical Materials. Letters. Criticism]. St. Petersburg: Rostok. pp. 485–490.
3. Berdinskikh, V.A. (2013) *Istoriya russkoy poezii. Modernizm i avangard* [History of Russian Poetry. Modernism and Avant-Garde]. Moscow: Lomonosov". pp. 258–276.
4. Baran, Kh. & Gur'yanova, N.A. (2001) Futurizm [Futurism]. In: Keldysh, V.A. (ed.) *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov): v 2 kn.* [Russian Literature of the Turn of the Century (1890s–Early 1920s): In 2 Books]. Book 2. Moscow: IWL RAS; Nasledie. pp. 501–575.
5. Vinogradova, V.N. (1995) Igor Severyanin. In: Grigor'ev, V.P. (ed.) *Ocherki po istorii yazyka russkoy poezii XX veka: Opyt opisaniya ideostiley* [Essays on the History of the Language of the Russian Poetry of the 20th Century: The Experience of Describing Ideologies]. Moscow: Nasledie. pp. 100–131.
6. Orshanin, A. (2005) Poeziya shampanskogo poloneza [Poetry of Champagne Polonaise]. In: Severyanin, I. *Tsarstvennyy payats. Avtobiograficheskie materialy. Pis'ma. Kritika* [Royal Clown. Autobiographical Materials. Letters. Criticism]. St. Petersburg: Rostok. pp. 494–502.
7. Kuznetsova, E.V. (2018) Transformation of the philosophical and religious discourse of modernism in the poetry of Igor Severyanin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 433. pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/433/1
8. Kuznetsova, E.V. (2019) K. Balmont's Mythologemes in I. Severyanin's Poetry: Imitation or Parody? *Russkaya literatura – Russian Literature*. 1. pp. 117–129. (In Russian).
9. Kuznetsova, E.V. (2018) The Follower and/or Parodist: Some Motivs from F. Sologub in the I. Severyanin's Poetry. *Izvestiya RAN. Ser. literatury i yazyka – Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 77 (1). pp. 29–40. (In Russian).
10. D'yakova, E.A. (2001) Belletristy 1900–1910-kh godov: Mikhail Artsybashev, Anatoliy Kamenskiy, Anastasiya Verbitskaya et al. [Fiction Writers of the 1900s–1910s: Mikhail Artsybashev, Anatoly Kamensky, Anastasia Verbitskaya, and Others]. In: Keldysh, V.A. (ed.) *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov): v 2 kn.* [Russian Literature of the Turn of the Century (1890s–Early 1920s): In 2 Books]. Book 1. Moscow: IWL RAS; Nasledie. pp. 669–688.
11. Severyanin, I. (2004) *Gromokipyashchiy kubok. Ananasy v shampanskom. Solovey. Klassicheskie rozy* [A Boiling Goblet. Pineapples in Champagne. Nightingale. Classical Roses]. Moscow: Nauka.
12. Lebedeva, V.G. (2007) *Sud'ba massovoy kul'tury v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX veka* [The Fate of Mass Culture in Russia. The Second Half of the 19th – First Third of the Twentieth Centuries]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
13. Mikhaylova, M.V. (2008) Eroticheskaya dominanta v proze russkikh pisatel'nits Serebryanogo veka [Erotic Dominant in the Prose of Russian Writers of the Silver Age]. In: Ioffe, D.G. (ed.) *Diskursy telesnosti i erotizma v literature i kul'ture. Epokha modernizma* [Discourses of Corporeality and Eroticism in Literature and Culture. The Era of Modernism]. Moscow: Ladomir. pp. 221–240.
14. Fortunatov, L. (2005) Kupletist na Parnase [A Couplet Player on Parnassus]. In: Severyanin, I. *Tsarstvennyy payats. Avtobiograficheskie materialy. Pis'ma. Kritika* [Royal Clown. Autobiographical Materials. Letters. Criticism]. St. Petersburg: Rostok. pp. 522–530.
15. Severyanin, I. (2014) *Polnoe sobranie sochineniy: v 1 t.* [Complete Works: In 1 Vol.]. Moscow: Al'fa-kniga.
16. Gumilev, N. (1990) *Pis'ma o russkoy poezii* [Letters on Russian Poetry]. Moscow: Sovremennik.
17. Gasparov, M.L., Kushlina, O.B & Nikol'skaya, T.L. (2000) *Sto odna poetessa Serebryanogo veka. Antologiya* [One Hundred and One Poets of the Silver Age. An Anthology]. St. Petersburg: DEAN.
18. Zakrevskaya-Reykh, M. (1909) *Kryl'ya lyubvi* [Wings of Love]. St. Petersburg: Tip. "Gramotnost' ".
19. Zakrevskaya-Reykh, M. (1909) *Chary vesny* [The Spell of Spring]. St. Petersburg: Tip. "Gramotnost' ".
20. Bryusov, V.Ya. (1975) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: In 7 Vols]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 320–321.
21. Izmaylov, A. (1911) *Literaturnyy Olimp* [Literary Olympus]. Moscow: Tip. T-va I. D. Sytina.
22. Terekhina, V.N. & Shubnikova-Guseva, N.I. (2004) Primechaniya [Notes]. In: Severyanin, I. *Gromokipyashchiy kubok. Ananasy v shampanskom. Solovey. Klassicheskie rozy* [A Boiling Goblet. Pineapples in Champagne. Nightingale. Classical Roses]. Moscow: Nauka. pp. 645–801.
23. Khovin, V. (2005) Igor' Severyanin. Elektricheskie stikhi [Igor Severyanin. Electric Poems]. In: Severyanin, I. *Tsarstvennyy payats. Avtobiograficheskie materialy. Pis'ma. Kritika* [Royal Clown. Autobiographical Materials. Letters. Criticism]. St. Petersburg: Rostok. pp. 416–419.
24. Kushlina, O.B. (ed.) (1993) *Russkaya literatura XX veka v zerkale parodii: Antologiya* [Russian Literature of the Twentieth Century in the Mirror of a Parody: An Anthology]. Moscow: Vysshaya shkola.
25. Lavrov, A.V. (2007) *Russkie simvolisty. Etyudy i razyskaniya* [Russian Symbolists. Studies and Searches]. Moscow: Progress-Pleyada. pp. 154–198.
26. Voloshin, M. (2005) O modnykh pozakh i trafaretakh. Stikhi g. Igorya-Severyanina i g-zhi Marii Paper [On Fashionable Poses and Stencils. Poems by Mr. Igor-Severyanin and Ms. Maria Paper]. In: Severyanin, I. *Tsarstvennyy payats. Avtobiograficheskie materialy. Pis'ma. Kritika* [Royal Clown. Autobiographical Materials. Letters. Criticism]. St. Petersburg: Rostok. pp. 413–415.
27. Terekhina, V.N. & Shubnikova-Guseva, N.I. (2015) *"Za strunnoy izgorod'yu liry…": Nauchnaya biografiya Igorya Severyanina* ["Behind the String Hedge of the Lyre": Scientific Biography of Igor Severyanin]. Moscow: IWL RAS.

Received: 06 December 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 20–28. DOI: 10.17223/15617793/453/3

УДК 81'373

А.Э. Мезит

НЕКОДИФИЦИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ГИДРОЭНЕРГЕТИКОВ

Статья посвящена особенностям функционирования лексических единиц нижнего регистра подъязыка работников гидроэнергетической отрасли. В ходе исследования установлено, что специальная лексика нижнего регистра неоднородна по целому ряду признаков. Помимо генетического и функционально-стилистического разнообразия она дифференцируется по формальным, словообразовательным, семантическим и семантико-когнитивным признакам. Доминирующими функциями лексики нижнего регистра выступают эмотивная и людическая функции.

Ключевые слова: профессиональный подъязык; профессиональное просторечие; профессиональный жаргон; нижний регистр профессионального подъязыка; функции подъязыка; эмотивная функция; людическая функция; профессионализм; профессиональный жаргонизм.

Введение. Активное проникновение субстандартных явлений в письменную и устную разновидность литературного языка отмечается лингвистами уже несколько десятилетий. Для современного состояния русского языка характерно расширение сфер употребления разговорной речи: «эра разговорности» затрагивает почти все социальные сферы, в том числе профессиональные.

Профессиональная речь в ее устной форме является предметом исследования нескольких лингвистических дисциплин – социолингвистики, стилистики, теории и практики LSP. В последние годы на отдельные элементы разговорного стиля подъязыков стали обращать внимание и терминологи. В.А. Татаринов указывает, что в настоящее время «налицо тенденция замены стандартизованной терминологии профессионализмами, и это говорит о том, что ряд стандартизованных терминов, созданных учеными с онтологическим подходом к терминологии, не соответствует условиям речевого обихода» [1. С. 236].

Некодифицированная часть профессионального языка представляет собой более богатый материал для лингвистических исследований, чем нормированные термины. Устная профессиональная речь, а также ее отдельные элементы анализировались в разных аспектах: изучались субстандартные единицы военного подъязыка в социолингвистическом аспекте [2], профессионального спортивного языка в ономасиологическом аспекте [3], подъязыка медицины в коммуникативном аспекте [4], лексика глиноземной промышленности, лексика алюминиевой промышленности в мотивологическом аспекте [5, 6], существуют исследования, где субстандарт рассматривается через призму лексикографии [7, 8] и др.

В некоторых работах используется комплексный подход. Так, М.И. Солнышкина рассматривает некодифицированные единицы профессионального подъязыка в нескольких взаимосвязанных аспектах: содержательном (семантика или «внутренняя» прагматика); когнитивном (с точки зрения когнитивных принципов порождения и организации); культурологическом (как сосредоточение фоновых знаний об этномикросоциуме, его мировоззрении, взглядах, этических и эстетических оценках, стереотипах вербального и невербального поведения); социолингвистическом (в аспекте дифференциации по параметрам социального, этнического статусов, профессиональной принадлежности) [9]. Несмотря на это данных о стратификации и функционировании единиц нижнего регистра профессиональных подъязыков недостаточно. Есть подъязыки, которые вообще не становились объектом исследования. К таким относится и подъязык гидроэнергетической отрасли.

Профессиональный подъязык гидроэнергетической отрасли – один из вариантов реализации общенародного языка, особая функционально-семиотическая подсистема, реализующаяся в устной и письменной формах. Подъязык гидроэнергетической отрасли представляет собой совокупность четырех функционально-семиотических разновидностей – форм языка. В структуре изучаемого профессионального подъязыка с функционально-стилистической точки зрения выделяются два регистра: верхний (зона нормы) и нижний (зона узуса). Верхний регистр – это терминосистема и терминология. Нижний регистр подъязыка гидроэнергетики составляют такие функционально-семиотические разновидности, как профессиональное просторечие и профессиональный жаргон. Для каждого из вариантов существования профессионального подъязыка характерен специфический набор языковых единиц. Схематично структура подъязыка работников гидроэнергетической отрасли изображена на рис. 1.

Цель исследования – представить многоаспектную характеристику специальной лексики нижнего регистра подъязыка работников гидроэнергетической отрасли.

Материалом исследования послужили эмпирические данные, собранные в результате анкетирования и интервьюирования сотрудников турбинных, электромашинных и гидротехнических цехов, а также производственно-технических отделов, административного и дежурного персонала ПАО «Красноярская ГЭС» (г. Дивногорск), ПАО «Богучанская ГЭС» (г. Кодинск), ПАО «Волжская ГЭС» (г. Волжский) – всего 150 анкет, 179 опрошенных. Кроме этого, были привлечены сведения, извлеченные из письменных источников: статьи из специальных периодических изданий – газета «Вестник РусГидро» (2012–2017 гг.); газета «Сибирский энергетик» (2010–2017 гг.); журнал «Гидротехника» (2012–2017 гг.) и др.; данные профессиональных блогов и официальных сайтов крупных гидроэнергетических компаний, ГЭС: блог РусГидро (http://blog.rushydro.ru/), сайт РусГидро (http://www.rushydro.ru/), сайт Саяно-Шушенской ГЭС (http://www.sshges.rushydro.ru/), сайт Новосибирской ГЭС (http://www.nges.rushydro.ru/), сайт Чебоксарской ГЭС (http://www.cheges.rushydro.ru/) и др.

Рис. 1. Структура подъязыка работников гидроэнергетической отрасли

Методы и методики исследования. На этапе сбора материала использовались методы выборочной расписки специальных текстов, социолингвистический метод с его приемами интервьюирования и анкетирования. На исследовательском этапе использовались функционально-семантический метод и метод лингвистического описания, в частности, такие его приемы, как отбор, систематизация и интерпретация лингвистического материала.

Новизна исследования обусловлена тем, что впервые установлена функционально-семиотическая неоднородность подъязыка одной из основных отраслей материального производства Российской Федерации, выявлены состав и функции его нижнего регистра.

Результаты и дискуссии. К нижнему регистру подъязыка работников гидроэнергетической отрасли относятся профессиональное просторечие и профессиональный жаргон. Маркирующими единицам профессионального просторечия являются профессионализмы (*улитка* – ‘спиральная камера’; *очки* – ‘единица измерения давления’), интерпрофессионализмы (*Шурик* – ‘шуруповерт, гайковерт’; *коза* – ‘короткое замыкание’), депрофессионализмы (*Это ниже УМО!* (в бытовой речи гидроэнергетиков) – ‘Это недопустимо’), квазипрофессионализмы (*консерва* – ‘какой-либо блок, бетонирование которого не закончили’; *прозвонка* – ‘самодельный прибор для проверки напряжения и целостности электрической цепи’). Единицами профессионального жаргона являются профессиональные жаргонизмы (*пердун* – ‘клапан сброса воздуха на ВВБ-500’; *клизма* – ‘принудительная смазка подпятника’) и профессиональные интержаргонизмы (*говно* – ‘смазка характерного цвета’; *Машка, теща* – ‘кувалда’).

Основными единицами нижнего регистра подъязыка работников гидроэнергетической отрасли являются **профессионализмы**. «Решающим в соотношении «термины и профессионализмы» представляется фактор «официальности», «узаконенности» первых и «неофициальности» («полуофициальности»), «неузаконенности» вторых» [10. С. 80]. Термины и профессионализмы, имея близкую или тождественную семантическую характеристику, резко различаются узусом, ориентацией на сферу употребления. Профессионализмы – слова и словосочетания, не являющиеся в данный момент официально признанными обозначениями специальных понятий, они появляются, когда возникает необходимость обозначить разновидность какого-либо понятия, предмета и существуют в качестве таковых до тех пор, пока официально не признаются: *шайба* – ‘ротор главного генератора’; *лапа* – ‘крестовины генератора’; *подполье* – ‘подводная часть здания ГЭС’; *корыто* – ‘судовозная камера’ и др.

Отличительной особенностью **интерпрофессионализмов** является функционирование в специальном значении в двух и более подъязыках: *старый* – ‘старший мастер’ (ср. *старый* – ‘старший мастер участка на стройке’ [11]); *роба* – ‘рабочая одежда’ (ср. *роба* – ‘рабочая одежда матроса / старшины’; *роба* – ‘одежда заключенного’ [11]); *скворечник* – ‘кабина машиниста крана в машинном зале’ (ср. *лесной скворечник* – ‘кабина трелевочника’; *авиационный скворечник* – ‘диспетчерская вышка’ [12. С. 729]).

В исследуемом нами подъязыке выявлены **квазипрофессионализмы**, характеризующиеся тем, что не имеют синонимов в терминосистеме отрасли, но их денотативное значение соотносится с профессиональными действиями и объектами (*консерва* – ‘какой-либо блок, бетонирование которого не закончили’; *прозвонка* – ‘самодельный прибор

для проверки напряжения и целостности электрической цепи, который в процессе эксплуатации не звенит' и др.).

Для **депрофессионализмов**, напротив, характерно использование единиц, которые по форме совпадают с наименованиями профессиональной сферы, но употребляются вне нее. Так гидроэнергетики в быту используют фразу: *«Это ниже УМО!»* в значении «Это недопустимо». В профессиональной речи данная аббревиатура *УМО* используется в значении «уровень мертвого объема водохранилища», т.е. наименьший уровень, до которого может быть опорожнено водохранилище. Нами был зафиксирован диалог дежурного инженера станции ОАО «Волжская ГЭС» с дочерью:

– *Папа, хочу поехать в субботу к Светке на дачу.*

– *Тебе же нужно готовиться к сессии.*

– *А вернусь в воскресенье и буду заниматься.*

– *Ах, еще и с ночевой! Маша, это ниже УМО!*

К нижнему регистру подъязыка также относятся **профессиональные жаргонизмы**: *собирать кишки* – 'собирать растянутые сварочные кабели'; *мать* – 'гидроэлектростанция' и др. Данные единицы противопоставляются терминам по тем же признакам, что и профессионализмы. Профессионализмы и профессиональные жаргонизмы различаются степенью экспрессии, степенью распространенности (жаргонизмы по сравнению с профессионализмами имеют меньшую распространенность, часто ограничены конкретным коллективом), по степени устойчивости (более устойчивыми единицами являются профессионализмы), по среде функционирования (профессиональные жаргонизмы употребляются только в неофициальной устной речи) [13. С. 99].

Профессиональные интержаргонизмы – жаргонизмы, имеющие аналогичное значение в разные профессиональных подъязыках, например: *говно* – 'смазка характерного цвета' (ср. *говно* – 'литиевая смазка' [11]); *Машка, теща* –'кувалда' (ср. *Машка (теща)* – 'кувалда' [14]).

Сами гидроэнергетики неоднократно подчеркивали большое значение некодифицированной лексики в процессе профессиональной коммуникации. Так генеральный директор ОАО «Красноярская ГЭС» С.Н. Каминский вспоминал в одном из интервью: «В первый же свой рабочий день на ГЭС испытал что-то наподобие шока. Услышав разговор инженеров-энергетиков между собой, я вдруг осознал, что ничего не понимаю по-русски! На каком языке говорят эти люди? Я же вроде бы неплохо учился. Месяца три-четыре длилось непонимание. Оказывается, получить базовое образование и обрести практические навыки – это две разные вещи. Специфический язык приходилось осваивать пошагово» [15]. Не случайно профессиональная социализация считается завершенной, когда человек не только осваивает терминологическую часть специальной лексики, но понимает и использует самостоятельно некофицированную профессиональную лексику.

Основой профессиональной лексики нижнего регистра подъязыка работников гидроэнергетической отрасли является исконно русская лексика: *мясорубка* – 'мегаомметр'; *запруда* – 'водохранилище'; *косичка* – 'сплетение проводов'; *пята* – 'подпятник, упорный подпишник генератора'.

По источникам формирования специальную лексику нижнего регистра можно разделить: 1) на слова, возникшие в профессиональном подъязыке гидроэнергетической отрасли: *колесо* – 'гидроагрегат'; *ротаренок* – 'ротор тахогенератора'; *вторичка* – 'цепи релейной защиты автоматики'; 2) слова, появившиеся в нижнем регистре профессионального подъязыка в результате внутреннего заимствования из других жаргонов: *бугор* – 'бригадир' (*бугор* – '1) бригадир в ИТУ; 2) авторитет в преступной среде; 3) старший в камере [16]); *Машка, теща* –'кувалда' (*Машка (теща)* – 'кувалда' [14]).

По **формальному** критерию специальная лексика нижнего регистра подъязыка работников гидроэнергетической отрасли подразделяется на однословные: *вторичка* – 'цепи релейной защиты автоматики'; *коротыш* – 'короткое замыкание'; *патроны* – 'электроды'; *кашуха* – 'кабельная шахта'; *гигант* – 'прибор, показывающий суммарную мощность станции' (84,3% от общего числа лексических единиц нижнего регистра); двухсловные: *неженатый генератор* – 'холостой ход генератора'; *умер предохранитель* – 'сгорел предохранитель'; *гасить поля* – 'отключить автомат гашения поля'; *постучать бетон* – 'испытать бетон сооружений методом неразрушающего контроля' (13,5% от общего числа лексических единиц нижнего регистра) и многословные наименования: *перевести на Иван-реле* – 'перевести с автоматического на ручное регулирование чего-либо (например, напряжения)'; *защита от дурака* – 'не электрическая, а механическая защита от случайного включения чего-либо' (2,8% от общего числа лексических единиц нижнего регистра).

Анализ **учета семантической структуры слова** позволяет разделить специальные наименования нижнего регистра подъязыка гидроэнергетической отрасли на моносемантические и полисемантические наименования. Примеры полисемантических наименований: *штаны* – '1) соединение двух проводов в один; 2) соединение двух опор ЛЭП в одну; 3) схема питания собственных нужд гидроэлектростанции [из интервью с сотрудниками Красноярской, Волжской ГЭС]; *помазок* – '1) маляр антикоррозийной защиты ремонтного участка гидротехнического цеха; 2) сотрудник турбинного цеха'.

По классификационному признаку **мотивированность – немотивированность** в составе специальной лексики нижнего регистра подъязыка работников гидроэнергетической отрасли выделяются наименования полностью мотивированные, полностью немотивированные и ложномотивированные. Наименования с прозрачной внутренней формой являются полностью мотивированными, их лексическое значение складывается из значения элементов их структуры: *пускач* – 'сотрудник ГЭС, работающей на ней с начала ввода в эксплуатацию, запуска': *пускач* < *пуск, -ач* (специалист в какой-либо области, ср. *трубач, скрипач*); *ротаренок* – 'ротор тахогенератора (тахогенератор отличается от генератора меньшими габаритами)':

ротаренок < *ротор, -енок* (птенец или детеныш животных, ср. *утенок; слоненок*); *промегерить* – ‘измерить сопротивление изоляции’ (используется мегаомметр – прибор для измерения больших значений сопротивлений) и т.д. Немотивированными можно назвать профессионализмы *Мария Ивановна* – ‘кувалда’*; манзилка* – ‘самодельный инструмент для чистки контактов рек’ (пример: *«Надо почистить контакты, берем манзилку. А почему “манзилка”, не знаю»* [из интервью с сотрудником Красноярской ГЭС, г. Дивногорск, 2012]). Если мотивировка вступает в противоречие с обозначаемым понятием, возникали ложномотивированные специальные слова: *прозвонка* – ‘самодельный прибор для проверки наличия электрической цепи в системе’ (на самом деле не звенит, а светится).

По классификационному признаку соотношения с логическими категориями специальная лексика нижнего регистра изучаемого профессионального подъязыка подразделяется на наименования:

1) субъектов: *лимоны* – ‘сотрудники генерального участка’; *патрон* – ‘начальник операционного цеха’; *бугорок* – ‘младший бригадир’ и др.;

2) предметов: *ебунец* – ‘спецключ, предназначенный для рассоединения наиболее прочных гаек’; *вторичка* – ‘цепи релейной защиты автоматики’ и др.;

3) процессов: *спаривание* – ‘соединение втулка ротора и флазенца вала’; *охлопывание* – ‘проба на исправность секционного выключателя на ОРУ-500кВ’ (во время процесса издаются хлопки) и др.;

4) действий *пойти по отметкам* – ‘провести обход станции’; *продуть* – ‘удалить конденсат с воздухосборника’; *топтать фазу* – ‘выключить свет’; *пестрячить* – ‘обрабатывать поверхность пескоструйным методом рабочего затвора бьефа станции’; *постучать бетон* – ‘испытать бетон сооружения плотины методом неразрушающего контроля’; *продавить / прогрузить автоматы* – ‘проверить электрические параметры автоматических выключателей’; *смочить контакты* – ‘дать напряжение’; *толкнуть машину* – ‘подать немного воды на рабочее колесо турбины, провернуть и остановить’ и др.;

5) величины: *очки* – ‘килопаскаль’ и др.;

6) места: *пульт* – ‘центральный пульт управления станцией’; *монтажка* – ‘монтажная площадка’; *подполье* – ‘помещение в здании ГЭС, расположенное ниже уровня машинного зала’; *амбулатория* – ‘электротехническая лаборатория’ и др.

Доминирующими функциями таких функционально-семиотических разновидностей профессионального подъязыка гидроэнергетиков, как профессиональный жаргон и профессиональное просторечие, являются эмотивная и людическая функции. Рассмотрим их более подробно.

Эмотивная функция – функция оценки говорящим профессиональной сферы. Языковые единицы нижнего регистра подъязыка наряду с денотативным содержанием выражают эмоции и оценку. Как отмечает В.К. Харченко, «образность и оценка не тождественны, но совместимы, особенно на уровне производных значений <...> Образность, так же как оценочность, не столько сознание, сколько существенный признак самого значения, способ представления значения. В отличие от оценочности образность – категория отражательная» [17. С. 67]. Исходя из утверждаемой связи образности и оценки, вслед за В.К. Харченко, выделим три группы профессиональной лексики гидроэнергетиков:

1) слова оценочные, но не образные: *недоделанные сварщики* – ‘монтажеры’;

2) образные слова, не содержащие в себе положительной или отрицательной характеристик: *мясорубка* – ‘мегомметр’, *крокодил* – ‘зажим провода’;

3) слова, совмещающие в себе образность и оценку: интержаргонное слово *шланг* – ‘человек, который не любит работать’, в подъязыке работников Богучанской ГЭС используется вариант *шланг гофрированный*.

Рассматривая образность как компонент коннотации наравне и в связи с эмоциональностью, образностью и экспрессией, мы придерживаемся мнения большинства ученых, считающих, что образность, прежде всего, связана с экспрессией: конечная цель обеих категорий – выразительность. И.Б. Голуб пишет, что «экспрессивность (от лат. expressio – выражение) – значит выразительность, экспрессивный – содержащий особую экспрессию. На лексическом уровне эта лингвистическая категория получает свое воплощение в «приращении» к номинативному значению слова особых стилистических оттенков, особой экспрессии» [18. С. 60].

Подъязык работников гидроэнергетической отрасли располагает широким набором средств для реализации репрезентации говорящим разных экспрессивных состояний и характеристик: это оценочные, эмотивные, образные языковые и речевые средства, добавочные компоненты экспрессивности в составе значения слова и фразы – экспрессемы, а также собственно выразительные слова и идиомы, так называемые экспрессивы. Специалисты в области теории языков для специальных целей традиционно неофициальную лексику определяют как сниженную и никаких стилистических классификаций не проводят. Мы бы хотели доказать неоднородность нижнего регистра подъязыков, построив экспрессивно-стилистическую шкалу лексики подъязыка гидроэнергетической отрасли (рис. 2).

Объединяя близкие по экспрессии слова в группы, можно выделить:

1) слова, выражающие положительную оценку называемых понятий: ласкательные, уважительные, отчасти шутливые;

2) слова, выражающие их отрицательную оценку: насмешливые, пренебрежительные, вульгарные.

Ласкательные и уменьшительно-ласкательные значения придают словам суффиксы с соответствующими значениями. Так, эмоциональную окрашенность можно проследить в наименованиях: *бугорок* – ‘младший бригадир’; *лунтик* – ‘самоходный и самосвальный подъемник’, напоминающий по форме луноход; *трансик* – ‘трансформатор’, *коротыш* – ‘короткое замыкание’; *ротаренок* – ‘ротор тахогенератора’; *розетосик* – ‘розетка’; *почепочка* – ‘упор для нижнего пазового концевого клина’.

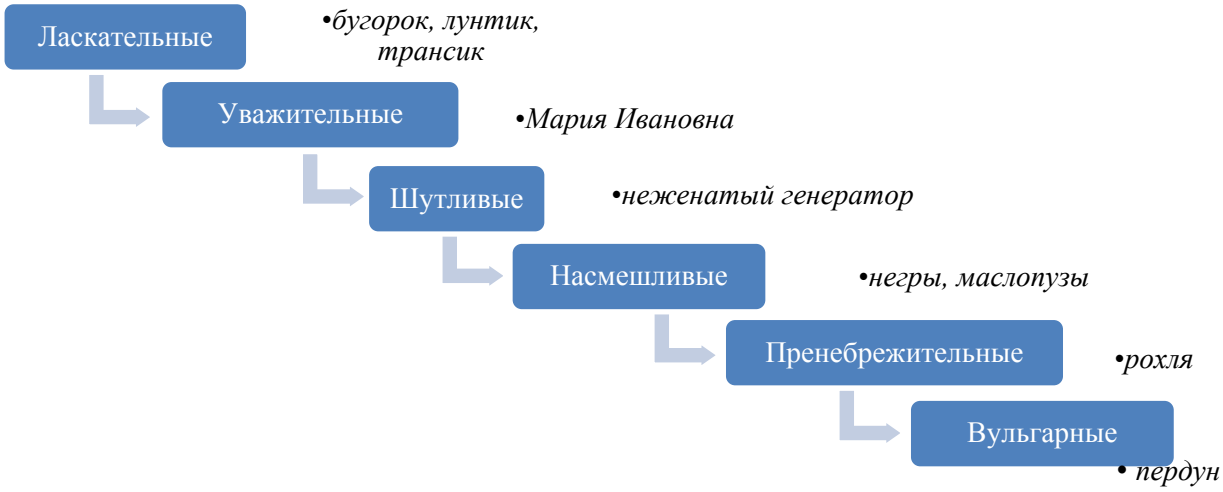


Рис. 2. Экспрессивно-стилистическая шкала лексики нижнего регистра подъязыка гидроэнергетической отрасли

Уважительную экспрессивно-стилистическую окрашенность (подобную лексику выделяют все без исключения диалектологи) встречаем в жаргонном наименовании такого ручного ударного инструмента, как кувалда. Это нейтральное слово имеет несколько экспрессивных синонимов, различающихся по степени эмоционального напряжения. Традиционно кувалду называют *Машкой*, однако на ГЭС зафиксированы примеры использования по отношению к этому предмету таких имен, как *Маха, Настенька, Мария Ивановна*. Уважительно (по имени и отчеству) называют самую большую – 16-килограммовую кувалду. Еще одним примером наименования с уважительной оценкой выступает профессионализм *кормилица* в значении ‘гидроэлектростанция’.

Пример языковой игры с целью создания шутки представлен в словосочетании *неженатый генератор*, применяемого к обозначению холостого хода. Выражение построено на многозначности слова «холостой», употребляют его не всерьез, ради развлечения, забавы. Стоит отметить, что терминологическое сочетание *холостой ход* является образным. Кроме этого, в подъязыке гидроэнергетической отрасли широко представлен прием смехового обыгрывания аббревиатур: *кис-кис-мяу* – ‘отдел комплексных и информационных систем, КИС’; *насос* – ‘начальник смены станции, НСС’; *гопник* – ‘член группы обеспечения персоналом, ГОП’ (данное выражение использовалась в качестве самоидентификации); *АСУчивать* – ‘автоматизировать что-либо, использовать автоматизированную систему управления, АСУ’.

Выражение насмешливой экспрессивной окрашенности, в первую очередь, относится к наименованию коллег. Примеры, выражающие ироническое отношение говорящего: *пехота, негры* – ‘помощники’; *маслопузы* – ‘сотрудники турбинного цеха, использующие в работе масло’; *бенгальский* – ‘газоэлектросварщик’; *недоделанные сварщики* – ‘монтажеры’; *гомик* – ‘сотрудник гидроэлектромонтажного цеха, ГЭМ’; *блуждающие токи* – ‘электрики, которые часто, по мнению других коллег, ходят по цеху без дела’; *Фаза* и *Ноль* – ‘два электрика гидромонтажного цеха Богучанской ГЭС, которые часто работают вместе’. Насмешка в отличие от шутки может вызывать обиду: наименование *телега* в значении ‘подвижная каретка подъемного крана’ у крановщиц вызывает чувство обиды. Поправляя коллег, они отмечают, что «Телега сзади у лошади».

Несмотря на то, что, как правило, отрицательные эмоции человек выражает сильнее, чем положительные, в исследуемом подъязыке наименования с пренебрежительной окраской единичны: *рохля* – ‘низкая тележка крана’ (названа так за тихий ход и неповоротливость).

Группу вульгарных слов формируют грубые единицы первичной физиологической номинации, а также матизмы: *пердун* – ‘клапан сброса воздуха на ВВБ-500 (выключатель воздушного высокого напряжения)’; *говно* – ‘проводящая смазка’; *говнарики* – ‘сантехники’; *ебунец* – ‘спецключ, предназначенный для рассоединения наиболее прочных гаек’.

Употребление в неофициальном общении на профессиональные темы субстандартных единиц преследует цель снизить стилистический уровень общения, сделать повествование более простым в социальном плане, но в то же время усложненным по содержанию: более выразительным, ярким, эмоционально напряженным, часто шутливым и грубоватым.

Как видно из приведенных выше примеров, специальная лексика нижнего регистра, наряду с эмотивной, выполняет людическую функцию, т.е. игровую. Языковая игра – определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка [19]. По общему мнению, языковая игра является одной из самых заметных черт современных письменных и устных текстов, в том числе, как показывают исследования О.В. Фельде, и профессиональных. Людическая (игровая) функция особенно ярко проявляется в жаргонизированной речи работников, труд которых сопряжен с повышенной мерой социальной ответственности [20. С. 142].

Гидроэлектростанция – режимный объект, имеющий ряд предписаний о поведении на территории ГЭС, в том числе в ряде подразделений регламентировано речевое поведение. Несмотря на это, речь сотрудников полна профессионализмов и профессиональных жаргонизмов, которые характеризуются образностью, остроумностью за счет использования различных языковых приемов. Языковая игра – определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка [19]. Приемы языковой игры нами выявлены на фонетическом, словообразовательном и лексическом уровнях языка.

Примеры языковой игры, основанные на сходстве звучания: *лумпочка* – ‘лампочка’; *рылейщик* – ‘релейщик, т.е. специалист по обслуживанию релейной защиты высоковольных передающих линий’; *гидра* – ‘РусГидро’; *молоток* – ‘ломоток’; *подсоси же* – ‘пассатижи’; *шварной* – ‘сварной, газоэлектросварщик’; *каблегрыз* – ‘кабелерез’; *амбулатория* – ‘электротехническая лаборатория’. Повторы созвучных сегментов издавна используются как средство шутки. Шутливая рифмовка в разговорной речи может порождать и целые «стихотворные строки», и отдельные парные созвучия [21. С. 176]. Смех говорящего направлен на саму форму речи, значит, перед нами пример балагурства.

Словообразовательные возможности русского языка используются часто для создания комического эффекта. Например, суффиксация: ручной ударный инструмент кувалду сотрудники ГЭС в шутку называют *кувалдометр*. Терминоэлемент -метр- в данном случае «работает» на создание ассоциации со сложным прибором, поскольку регулярно воспроизводимый формант -метр- в терминологиях участвует в создании номинаций сложных технических устройств (*гидрометр, гигрометр, термометр*). Примеры использования уменьшительно-ласкательных и уничижительных суффиксов были приведены выше.

Способ образования новых слов путем сокращения широко представлен в изучаемом подъязыке: *напруга* – ‘напряжение’; *элегаз* – ‘элегазовый комплекс’; *транс* – ‘трансформатор’; *рифленка* – ‘рифленое перекрытие гидроагрегата’; *воздушка* – ‘воздушная линия’; *тушилка* – ‘огнетушитель’; *держак* – ‘держатель электрода’.

Примеры обыгрывания аббревиации для создания комического эффекта были приведены выше в нашей работе. Отметим, что большое число обыгрывания аббревиаций обусловлено тем, что для технического языка вообще характерен значительный объем аббревиатур, выполняющих функцию компрессии текста, повышения информативности за счет сокращения его протяженности.

В речи гидроэнергетиков используется прием замены нарицательного именем собственным (прономинации). В одном цехе Красноярской ГЭС 16-килограммовая кувалда называется Машкой, в это же время в другом цехе, без уточнения веса, самую большую кувалду называют *Настенькой.* Обозначение инструмента женским именем традиционно для русского профессионального просторечия. Например, в армейском жаргоне *Машкой* называют ‘устройство (обтянутый шинелью и набитый кирпичами ящик с длинной ручкой) для натирки полов в казарме’ («Сейчас берешь машку и вперед! Полы в казарме драить!»). Кувалду называют *Машкой* в жаргоне шахтеров, дальнобойщиков, а также в молодежном сленге [11]. Такое распространение можно объяснить тем, что *Машка* вызывает ассоциации со звучанием глагола «махать», «тот, кто работает кувалдой, ею машет». Кувалду двигают в воздухе попеременно в разные стороны, т.е. делают махи. Напряжение свыше 400 вольт в профессиональном жаргоне именуется *кондратом*. Это связано с шутливым разговорным выражением *Кондратий схватил* в значении «кто-нибудь скоропостижно умер, скончался». В случае попадания под напряжение на ГЭС говорят: *«Кондрат поздоровался».* В русском этикете среди мужчин принято здороваться рукопожатием. Иногда такое сжатие сопровождается небольшим покачиванием соединенных рук, что нашло отражение в английском наименовании рукопожатия – англ. handshake в буквальном смысле «встряхивание рук». Субъективными ощущениями при электротравме в Медицинской энциклопедии указываются легкий толчок, жгучая боль, судорожное сокращение мышц и др. [22]. В качестве гипотезы можно предположить, что замена понятия «судорога мышц» при поражении электрическим током на слово «поздороваться» является реализацией эвфемистической функции прономинатов. Подобные явления прономинации замечены во многих профессиональных жаргонах и свидетельствуют об антропоцентричности их семантико-стилистических систем.

Прием иронического переосмысления лексического значения слова наблюдаем в профессиональном наименовании *осциллограф* – ‘гаечный ключ’. Сравнение технически сложного прибора, который предназначен для визуального наблюдения или записи (фотографирования) электрических процессов, с простым инструментом создает эффект скрытой насмешки, «взрывная сила которой замаскирована внешне серьезной формой» [23]. Стоит заметить, что *осциллограф* – термин, относящийся к подъязыку энергетиков, т.е. всем сотрудникам ГЭС знакомый. Это и обеспечивает «дешифровку» иронии, адекватность восприятия неофициального профессионального наименования.

На лексическом уровне самым распространенным приемом создания игрового характера речи является использование метонимии и «смеховых метафор». Рассмотрим примеры использования метонимии, перенос с обозначения части тела на головной убор: *голова* – ‘защитная каска’. Профессионализм используется в таких фразах как *голову забыл* – ‘забыл каску’, *снял голову* – ‘снял защитную каску’. Языковая игра наблюдается также на материале названий бригад: *бобры* – ‘бригада под руководством мастера по фамилии Бобров’, *маслята* – ‘бригада под руководством мастера по фамилии Маслов’, *черенки* – ‘бригада под руководством мастера по фамилии Черенков’. Русские по происхождению фамилии, образованные от слов бытовой лексики (черенок, масло) и названий

животных (бобр), выступают в качестве источника метонимического переноса от фамилии руководителя на весь коллектив.

Метафорические переносы осуществляются на основе разных ассоциативных связей. Приведем несколько примеров. Ассоциативные связи на сходстве производимого впечатления: газоэлектросварщика на ГЭС принято называть *Змей Горыныч*. Фольклорный персонаж Змей Горыныч представляет собой огнедышащего дракона. Процесс сварки сопряжен с активным распространением брызг расплавленного металла, напоминающих потоки огня, которые дракон извергает в случае нападения. Выражение *неженатый генератор,* обозначающее холостой ход генератора, построено на синонимической замене образного терминологизированного сочетания «холостой ход». Сотрудников генерального участка между собой называют *лимонами.* Сленговое слово *лимон* в значении «миллион» является общеизвестным и используется с целью насмешки – подчеркнуть крупные суммы зарплат сотрудников генерального участка. Экспрессивно-образное метафорическое выражение *пойдем кишки собирать* обозначает призыв пойти скручивать растянутые сварочные кабели. В основе образования находится метафорический перенос по сходству внешнего вида кабелей с кишками. Еще несколько примеров специальных наименований, образованных при помощи метафоры: *умер предохранитель* – ‘сгорел предохранитель’; *крутиться болванкой* – ‘холостой ход турбины’.

Своеобразие устной профессиональной речи гидроэнергетиков отчасти объясняется закрытостью организации. Как правило, жаргон выполняет сигнификативно-маркирующую, парольную функцию, в основе которой лежит внутригрупповой конформизм, сплоченность группы. Процесс узнавания своих и скрытия определенной информации от посторонних наблюдателей (например, отношения врачей и пациентов в медицинском профессиональном жаргоне). На гидроэлектростанции таких «сторонних наблюдателей» нет, все участники коммуникации являются носителями профессионального просторечия. Определенные особенности могут быть только в речи сотрудников разных подразделений ГЭС, но их изучение – предмет отдельного исследования.

Рассмотренные слова и выражения свидетельствуют о том, что людическая функция является одной из доминирующих в устной форме подъязыка гидроэнергетиков. Эти слова используются в речи сотрудников ГЭС вне зависимости от их образования и квалификации. Профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, порожденные языковой игрой, экономят речевые и когнитивные усилия, помогают укрепить профессиональные и человеческие связи работников ГЭС и шире – отрасли.

Заключение. Проведенное исследование показало, что подъязык работников гидроэнергетической отрасли на лексическом уровне представлен специальными наименованиями, которые отличаются разнообразием стратификационных разрядов, стилистических пластов, а также неоднородностью происхождения. Это свидетельствует о том, что данный подъязык находится на достаточно зрелой стадии развития. Большинство рассмотренных нами специальных лексических единиц нижнего разряда одновременно обладают признаками образности, эмоциональности и оценочности, что придает выразительность речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Татаринов В.А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М. : Моск. лицей, 2006. 526 [1] с.
2. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Пятигорск, 2005. 48 с.
3. Исмаева Ф.Х. Системная организация лексики в профессиональном спортивном некодифицированном подъязыке // Социальная политика и социология. 2006. № 4. С. 188–199.
4. Казакова Д.В. Категория комического в медицинском дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2013. 312 с.
5. Перфильева А.В. Лексика глиноземной промышленности в мотивологическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2010. 308 с.
6. Штейнгарт Е.А. Специальная лексика алюминиевой промышленности в мотивологическом аспекте // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 22–24 сентября 2004 г. Бийск, 2004. Т. 2. С. 195–201.
7. Рябичкина Г.В. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Пятигорск, 2009. 45 с.
8. Фельде О.В. Лексика профессионального субстандарта в лексикографическом освещении // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 9. С. 41–45.
9. Солнышкина М.И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2005. 53 с.
10. Шелов С.Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы: к проблеме классификации специальной лексики // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 76–87.
11. Жаргон.ру: интерактивная энциклопедия русского языка. URL: http://jargon.ru/ (дата обращения: 16.01.2019).
12. Гафиятова Э.В. Номенклатура профессионального подъязыка лесного хозяйства // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. № 2–3. С. 724–730.
13. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб. : Филол. фак-т СПб. ун-та, 2003. 279 с.
14. Словарь дальнобойщиков. URL: https://goo.gl/jkJhU2 (дата обращения: 16.01.2019).
15. Кириченко В. Сфера ответственности Сергея Каминского // Новая университетская жизнь. 2011. № 10. URL: http://gazeta.sfu-kras.ru/node/2918 (дата обращения: 16.01.2019).
16. Словарь криминального сленга. URL: http://slovar.plib.ru/dictionary/d11/485.html (дата обращения: 16.01.2019).
17. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66–71.
18. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М. : Рольф, 2001. 448 с.
19. Данилевская Н.В. Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М., 2003. С. 657–660.
20. Фельде О.В. Комической в профессиональном дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 9. С. 140–145.

21. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 172–214.
22. Медицинская энциклопедия. URL: dic.academic.ru/contents.nsf/enc_medicine/ (дата обращения: 16.01.2019).
23. Краткий словарь по эстетике. URL: http://esthetiks.ru/ironiya.html (дата обращения: 16.01.2019).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 апреля 2019 г.

Uncodified Vocabulary in the Language of Hydropower Engineers

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, *20–28*.
DOI: 10.17223/15617793/453/3

Anna E. Mezit, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: mezit.anna@gmail.com

Keywords: professional sublanguage; professional vernacular; professional slang; sublanguage slang; functions of sublanguage; emotive function; ludic function; professionalism; professional jargonism.

The article considers the peculiarities of the functioning of hydropower industry workers' sublanguage slang lexical units. The subject of the research includes structural and functional characteristics and the vocabulary of hydropower industry workers' sublanguage slang. The study aims at presenting a multi-aspect description of the technical parlance of hydropower industry workers' sublanguage. By means of a functional and semantic method, as well as a linguistic description method, the author classified and interpreted the linguistic material collected during questionnaires and interviews with the workers of Krasnoyarsk Hydroelectric Power Station (Divnogorsk), Boguchany Hydroelectric Power Station (Kodinsk), and Volga Hydroelectric Power Station (Volzhskiy). As part of the study, the author found out that hydropower industry workers' sublanguage slang taken together was non-uniform by a number of features. Except the genetic, functional and stylistic diversity, it is also differentiated by formal, derivational, semantic and semantic-cognitive features. The hydropower industry workers' sublanguage slang is classified by formation sources, a formal criterion, semantic features, by the classification feature of correlation with logical categories. Based on motivation/absence of motivation in the sublanguage slang vocabulary, completely motivated, completely non-motivated and falsely motivated words are distinguished. Most of the studied units possess the features of imagery, emotionality and evaluativity, which makes speech more expressive. The predominant functions of the slang vocabulary are emotive and ludic. The ludic techniques are revealed at phonetic, word-formation and lexical levels of language. Systematization of words similar in their expression allows distinguishing the following groups of words: words that express positive (hypocoristic, respectful, partly playful names) and negative (derisive, derogative, coarse names) evaluation of notions. The materials of the study can be used as information support in university courses on terminology studies and terminography, stylistics, lexicology, in special courses on professional communication. What is more, the results can be used at departments that train specialists for working at hydroelectric power stations to form students' terminological competence. The practical significance of the data presented in the article lies in the fact that it adds to the source study basis of national terminography and can be used in research works on similar topics.

REFERENCES

1. Tatarinov, V.A. (2006) *Obshchee terminovedenie: entsiklopedicheskiy slovar'* [General Terminology Studies: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Mosk. litsey.
2. Korovushkin, V.P. (2005) *Osnovy kontrastivnoy sotsiolektologii* [Fundamentals of Contrastive Sociolectology]. Abstract of Philology Dr. Diss. Pyatigorsk.
3. Ismaeva, F.Kh. (2006) Sistemnaya organizatsiya leksiki v professional'nom sportivnom nekodifitsirovannom pod"yazyke [Systemic Organization of Vocabulary in a Professional Sports Uncodified Sublanguage]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya.* 4. pp. 188–199.
4. Kazakova, D.V. (2013) *Kategoriya komicheskogo v meditsinskom diskurse* [The Category of the Comic in Medical Discourse]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
5. Perfil'eva, A.V. (2010) *Leksika glinozemnoy promyshlennosti v motivologicheskom aspekte* [Vocabulary of the Alumina Industry in the Motivological Aspect]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
6. Shteyngart, E.A. (2004) [Special Vocabulary of the Alumina Industry in the Motivological Aspect]. *Yazykovaya kartina mira: lingvisticheskiy i kul'turologicheskiy aspekty* [Language Picture of the World: Linguistic and Cultural Aspects]. Proceedings of the II International Conference. 22–24 September 2004. Vol. 2. Biysk: Biysk State Pedagogical University. pp. 195–201. (In Russian).
7. Ryabichkina, G.V. (2009) *Problemy substandartnoy leksikografii angliyskogo i russkogo yazykov: teoreticheskiy i prikladnoy aspekty* [Problems of Substandard Lexicography of English and Russian: Theoretical and Applied Aspects]. Abstract of Philology Dr. Diss. Pyatigorsk.
8. Fel'de, O.V. (2012) The Lexis of Professional Substandard in the Aspect of Lexicography. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 11 (9). pp. 41–45. (In Russian).
9. Solnyshkina, M.I. (2005) *Asimmetriya struktury yazykovoy lichnosti v russkom i angliyskom variantakh morskogo professional'nogo yazyka* [Asymmetry of the Structure of the Language Personality in the Russian and English Versions of the Marine Professional Language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Kazan.
10. Shelov, S.D. (1984) Terminologiya, professional'naya leksika i professionalizmy: k probleme klassifikatsii spetsial'noy leksiki [Terminology, Professional Vocabulary and Professionalism: The Problem of Classification of Special Vocabulary]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 76–87.
11. *Jargon.ru: An Interactive Encyclopedia of the Russian Language*. [Online] Available from: http://jargon.ru/. (Accessed: 16.01.2019).
12. Gafiyatova, E.V. (2013) Nomenclature of Forestry Professional Language. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2–3. pp. 724–730. (In Russian).
13. Shelov, S.D. (2003) *Termin. Terminologichnost'. Terminologicheskie opredeleniya* [Term. Termhood. Terminological Definitions]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University.
14. Akademik. (2010) *Slovar' dal'noboyshchikov* [Haulier Dictionary]. [Online] Available from: https://goo.gl/jkJhU2. (Accessed: 16.01.2019).
15. Kirichenko, V. (2011) Sfera otvetstvennosti Sergeya Kaminskogo [Sergey Kaminsky's Area of Responsibility]. *Novaya universitetskaya zhizn'*. 10. [Online] Available from: http://gazeta.sfu-kras.ru/node/2918. (Accessed: 16.01.2019).
16. Slovar.plib.ru. (n.d.) *Slovar' kriminal'nogo slenga* [Dictionary of Criminal Slang]. [Online] Available from: http://slovar.plib.ru/dictionary/d11/485.html. (Accessed: 16.01.2019).
17. Kharchenko, V.K. (1976) Razgranichenie otsenochnosti, obraznosti i emotsional'nosti v semantike slova [The Distinction Between Evaluation, Imagery and Emotionality in the Semantics of the Word]. *Russkiy yazyk v shkole*. 3. pp. 66–71.
18. Golub, I.B. (2001) *Stilistika russkogo yazyka* [Russian Stylistics]. Moscow: Rol'f.
19. Danilevskaya, N.V. (2003) Yazykovaya igra [Language Game]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 657–660.

20. Fel'de, O.V. (2011) The Category of Comic in Professional Discourse. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 10 (9). pp. 140–145. (In Russian).
21. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (1983) Yazykovaya igra [Language Game]. In: Zemskaya, E.A. (ed.) *Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Colloquial Speech: Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka. pp. 172–214.
22. Akademik. (n.d.) *Meditsinskaya entsiklopediya* [Medical Encyclopedia]. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_medicine/. (Accessed: 16.01.2019).
23. Esthetiks.ru. (n.d.) *Kratkiy slovar' po estetike* [A Concise Dictionary of Aesthetics]. [Online] Available from: http://esthetiks.ru/ironiya.html. (Accessed: 16.01.2019).

Received: 07 April 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 29–40. DOI: 10.17223/15617793/453/4

УДК 811.161.1. 81'42

Н.А. Мишанкина, О.А. Черныш

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТОКОЛА: ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОТОКОЛОВ 1917 И 1918–1933 гг. ГОСАРХИВА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Исследуется грамматическая организация текстов деловых протоколов двух периодов: 1917 и 1918–1933 гг. Цель – выявить «прерывность» грамматической организации протокола, обусловленную изменением социальной реальности. Основной метод исследования – контент-анализ. В результате определены параметры трансформации грамматической организации протоколов: переход от повествовательности к описательности, снижение значимости личностного начала, нивелирование модусных смыслов.

Ключевые слова: документный дискурс; протокол; дискурсивные параметры; «прерывность»; контент-анализ; грамматическая организация; Томская губерния.

Постановка проблемы исследования

Мишель Фуко, размышляя о природе дискурсивных формаций, предполагает, что таковая представляет собой поле рассеянных дискурсивных событий, соответствующих некоторому числу высказываний. Границу между дискурсивными формациями он пытается определить, отталкиваясь от понятия «прерывность» таких событий. Система рассеянных событий, создающая дискурсивную формацию, определяется, в том числе, материальной близостью высказываний-репрезентантов: «В том случае, когда для некоторого числа высказываний мы могли бы описать подобную систему рассеивания, в том случае, когда между объектами, типами высказываний, понятиями и тематическими выборами мы могли бы определить закономерность (regularite) (порядок, корреляции, позиции и действия, преобразования), мы условимся говорить, что имеем дело с *дискурсивной формацией*…» [1. С. 93]. При этом «то, что мы описываем как “системы формирования”, не образует завершающего уровня дискурсов, если под этим выражением понимать тексты (или устную речь) в том виде, в каком они воплощаются в своей лексике, синтаксисе, логических структурах или в своей риторической организации» [1. С. 156]. Таким образом, французский философ рассматривает стабильность дискурсивного единства как постоянство функции высказываний, изменение же материальности высказывания, собственно языкового его воплощения свидетельствует о смене дискурсивной формации. «Можно сказать, что выделение дискурсивных формаций независимо от других принципов возможной унификации выявляет специфический уровень высказывания. Однако можно также сказать, что описание высказываний и способа организации уровня высказывания ведет к индивидуализации дискурсивных формаций. Оба подхода в равной степени правомерны и взаимозаменяемы. Анализ высказывания и анализ формирования приведены здесь в соответствие» [1. С. 226]. Продуктивность этой идеи хорошо проиллюстрирована работами ученых Французской школы анализа дискурса [2].

Как представляется, не менее продуктивной она может оказаться для изучения документного дискурса: на протяжении достаточно длительного времени эта система текстов сохраняет единство, связанное с реализацией базовой функции – оформлением процессов управления в социуме. И в то же время она трансформируется в материальном воплощении, в аспекте языковой организации. Функциональная целостность этого дискурсивного единства отражается уже во внутренней форме термина «документ»: из лат. documentum: docēre «доказывать» [3]. Этим термином номинировались письменные свидетельства, так как именно зафиксированная на материальном носителе информация выступала во все времена в качестве доказательства. В настоящее время система документных текстов, как целостное дискурсивное единство, обслуживает самые разнообразные формы официальной коммуникации, от межличностной до массовой. Документный текст фиксирует практически все социальные процессы и события и, соответственно, выполняет функцию социального регулирования [4]. В рамках этого единства могут быть выделены дискурсивные формации по функциональному, локальному, или хронологическому принципу.

В то же время область документных текстов не слишком часто попадает в фокус внимания лингвистов. Основные направления, изучающие этот вид текстов, рассматривают их, прежде всего, с позиции функциональной организации как части системы, обеспечивающей процессы государственного и делового регулирования. Лингвистическая специфика документа исследуется в рамках документной лингвистики (Е.Б. Богатова, М.В. Косова, С.П. Кушнерук и др.) и функциональной стилистики, в рамках которой было осуществлено описание их специфики как целостной системы – официально-делового стиля (И.С. Вольская, Т.В. Губаева, М.Н. Кожина, И.Р. Подзолкова, О.П. Сологуб и др.). В настоящее время определены базовые свойства современного документного текста: 1) унифицированность; 2) фактографичность; 3) объективность и нейтральность [5]. Однако до сих пор не принята единая научная классификация видов документов, что свидетельствует, по нашему мнению, о динамичности и неоднозначности этого дискурсивного единства.

Вместе с тем взгляд на документ как на процесс и результат коммуникативных взаимодействий, на дискурсивное единство, существующее в виде си-

стемы дискурсивных формаций, обусловливает подход, заданный в работах [1, 2] и реализуемый в исследованиях последних лет. Коммуникативно-прагматический и дискурсивный анализ позволяет по-новому отрефлексировать отражение в документных массивах социальных, культурных, исторических процессов, актуализирует их потенциал в аспекте изучения дискурсивных формаций. В работах Н.В. Орловой [6–8] рассматривается трансформация языкового воплощения документов сферы образования с точки зрения коммуникативных процессов, протекающих в этой области.

Данные источников позволяют констатировать, что документный дискурс представляет собой одно из значимых дискурсивных единств, регулярно реализующихся в документных текстах различного рода. Однако некоторые виды документов еще практически не попадали в фокус исследования. Например, почти единичны работы, посвященные жанру протокола, несмотря на то что именно он выполняет функцию фиксации хода реальных социальных событий и документального их подтверждения [9–12]. Статья Л.П. Батыревой, посвященная языковой специфике протокола собрания 1929 г. граждан с. Студенцы, показывает, что язык протокола неоднороден, он представляет собой смешение стилистических пластов, что отражает в первую очередь социальные процессы [9]. Эту проницаемость, уязвимость языкового воплощения официально-делового документа в периоды социальных катаклизмов, его зависимость от общественного и политического строя отмечает В.К. Харченко в более ранней работе [10. С. 131].

Первая треть XX в. в России является эпохой глобальных изменений в жизни общества, так как за относительно краткий промежуток времени происходит большое количество исторически важных событий, которые коренным образом изменяют русское общество. И если публицистические и художественные тексты этого периода ранее уже выступали объектом исследования [13–15], то корпус документов практически не изучен в этом аспекте. Именно поэтому особый интерес представляет их отражение в документных текстах, в частности в текстах протоколов общественных организаций, устанавливающих новый социальный порядок. Полагаем, что изложенное выше убедительно показывает необходимость изучения документного дискурса в аспекте «прерывности» дискурсивных формаций, отражающих динамику социальной реальности. Документная специфика протокола состоит в том, что этот текст фиксирует ход социальных и исторических процессов в их реальном воплощении и именно по этой причине является их подтверждением [16. С. 60]. Протоколы создаются любой организацией, каким бы статусом, официальным или общественным, она не обладала. Он относится к ряду организационно-распорядительных документов, имеет четкую структуру и специфичную лексико-грамматическую организацию [17]. Исследователи, обращаются, как правило, к специфике лексического состава текстов этого периода, оставляя «за кадром» грамматический аспект, чрезвычайно важный, с нашей точки зрения, для «порядка» документного дискурса. Ранее мы обращались к особенностям лексической организации протокола в дискурсивном аспекте [12], цель настоящей работы – выявить количественные характеристики грамматической организации текста протокола в аспекте «прерывности» дискурсивного единства, обусловленной, возможно, сменой социальной реальности в период 1917–1933 гг. Продуктивность такого подхода наглядно продемонстрировал П. Серио в работе, посвященной исследованию некоторых параметров грамматической организации советского политического дискурса [18]. При этом мы отдаем себе отчет в том, что в фокус исследования в данном случае попадает лишь один, очень узкий аспект, но и он, как представляется, дает возможность проследить некоторые тенденции, связанные со становлением дискурсивных норм.

Методология и методы исследования

В качестве ведущего методологического подхода в работе принимается анализ дискурса, представленный в работах исследователей Французской школы, в частности, в определении предмета анализа: «тексты в полном смысле этого термина: произведенные в институционных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания; наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» [2. С. 27]. Избранный нами в качестве предмета анализа материал полностью соответствует этим требованиям – это два корпуса документов (протоколов): 1) корпус протоколов заседаний 1-й сессии Томского губернского народного собрания 1917 г. объемом 25 документов, 91 686 словоупотреблений, 350 страниц [19]; 2) протоколы заседаний различных учреждений Томска (Губисполком, Совет рабочих и солдатских депутатов, Губревком и т.п.) за период с 1918 по 1933 г. объемом 126 документов, 41 630 словоупотреблений, 137 страниц [20]. Неравномерность корпусов в аспекте объема и количества документов обусловлена степенью доступности текстов разных периодов, так как далеко не все они были опубликованы. Однако неравномерность корпусов не снижает степени достоверности результатов, поскольку, во-первых, тексты, объединенные в корпусы, относятся к разным социально-историческим периодам и, во-вторых, разные объемы корпусов компенсируются использованием при анализе показателя относительной частотности, учитывающего процентное соотношение частотности анализируемых категорий и общего количества словоформ корпуса.

В качестве основного метода был применен автоматизированный контент-анализ, позволивший выявить количественные параметры грамматической организации документов в аспекте соответствия нормам официально-делового стиля. Эффективность применения этого метода (в том числе автоматизированного) показана в работах уже упомянутых исследователей Французской школы анализа дискурса [2], более поздних работах зарубежных и российских ученых [12, 21–24].

На первом этапе оба массива документных текстов были переведены в электронный текст формата txt и

обработаны программой количественного анализа Content Pro (программа распространяется свободно в интернете [25]), были получены значения частотности для каждой лексемы. Далее результаты скорректировали в случае неудовлетворительного грамматического / орфографического оформления. Были созданы более крупные категории, соответствующие некоторым грамматическим классам для общей количественной оценки их соотношения с общим объемом массива. В итоге были сформированы частотные профили категорий и подкатегорий для каждого корпуса, что позволило оценить динамику грамматической организации документов разных лет. Итоговые данные проинтерпретированы, осуществлен сопоставительный анализ результатов.

Результаты анализа

Источники, в которых рассматривается стилистическая специфика официально-деловой речи [26–28], отмечают, что тенденция к унификации делового документа на русском языке возникает практически с его появлением, а в XIX в. было принято «Общее учреждение министерств» (1811 г.), закрепившее процесс унификации деловых бумаг. В это время разрабатываются шаблоны и оформляются основные черты стиля: строгая формально-логическая организация, обезличенность, номинативный характер речи, морфологическое единообразие. В XX в. процесс усиливается: уже в 20-е гг. начинают формироваться стандарты оформления деловых документов, используемые по сей день. Современному официально-деловому стилю свойственны следующие грамматические особенности:

1. Номинативный (именной) характер речи, при котором состав глаголов в тексте незначителен и неразнообразен. Основные грамматические формы глагола – это инфинитив либо другие безличные.
2. Значительное количество предлогов, обусловленное номинативным характером речи, при этом предлоги по преимуществу производные.
3. Неличный характер взаимодействия и, соответственно, слабая выраженность в тексте категории лица, вне зависимости от грамматического маркера (глагол или местоимение).
4. Наличие модальности долженствования, выраженной соответствующими предикатными структурами.
5. Синтаксическая организация текстов официально-делового стиля характеризуется преобладанием сложноподчиненных предложений, позволяющих эксплицировать логические связи. При этом доминируют конструкции условного и целевого типа.
6. В силу эксплицитной коммуникативной организации в официально-деловом стиле мало используются частицы, тем более частицы с модальным и коммуникативным значением.

На основе этих параметров на предварительном этапе контент-анализа были определены категории и подкатегории, представленные соответствующими единицами. Как уже упоминалось выше, автоматизированный контент-анализ имеет существенные ограничения, поэтому ключевым принципом стало определение частеречной распределенности единиц. Список исследуемых категорий отражен в табл. 1, подкатегории будут рассмотрены далее. Корпусы исследуемых документов в тексте обозначены как «Корпус 1917» и «Корпус 1918-33».

Таблица 1

Распределение грамматических форм в исследуемых корпусах

Категория	Корпус 1917, % к общему количеству словоформ	Корпус 1918–33, % к общему количеству словоформ
Глагол	**11,39**	10,69
Предлог	11,44	**13,04**
Местоимение	**5,56**	4,95
Предикат долженствования	**0,48**	0,22
Союз	**8,3**	7,64
Частица	**2,65**	1,89

Итак, как можно убедиться, в исследуемых корпусах единицы грамматических классов распределены неравно, в некоторых случаях разница достигает 2%. В Корпусе 1917 глагольных словоформ почти на 1% больше, чем в Корпусе 1918-33. В то же время количество предлогов во втором корпусе выше, что, вероятно, может быть объяснено усилением номинативности текстов. Рассмотрим далее состав каждой из исследуемых категорий.

Употребление форм глагола

Глагол представлен в текстах различными грамматическими формами и при общем подсчете учитывались все. Но в связи с тем, что особую значимость для официально-делового стандарта имеет категория безличности, мы проанализировали стандартные морфологические способы выражения этой категории. В Русской корпусной грамматике способы выражения данной категории характеризуются следующим образом: «Безличные конструкции – глагольные конструкции или конструкции с предикативом, при которых в предложении отсутствует позиция для канонического подлежащего. Глагол в безличной конструкции выступает в одной из следующих форм: 3 л. ед. ч. настоящего или будущего времени (*светает, рассветет*); ср. р. прошедшего времени (*светало*); инфинитив (*светать*); причастие (*было накурено*)» [29]. В связи со стилистической и тематической спецификой текстов безличные глаголы в них отсутствуют. Соответственно, для личных глаголов безличными формами будут инфинитивная и форма страдательного причастия. Именно они и учитывались нами в подкатегории «безличные формы». Кроме того, была рассмотрена количественная представленность личных форм глаголов (1-, 2- и 3-е лицо ед. и мн. числа) в настоящем и будущем времени. Формы прошедшего времени не были включены в рассмотрение, как не отражающие категорию лица. Распределение личных и безличных форм представлено на рис. 1.

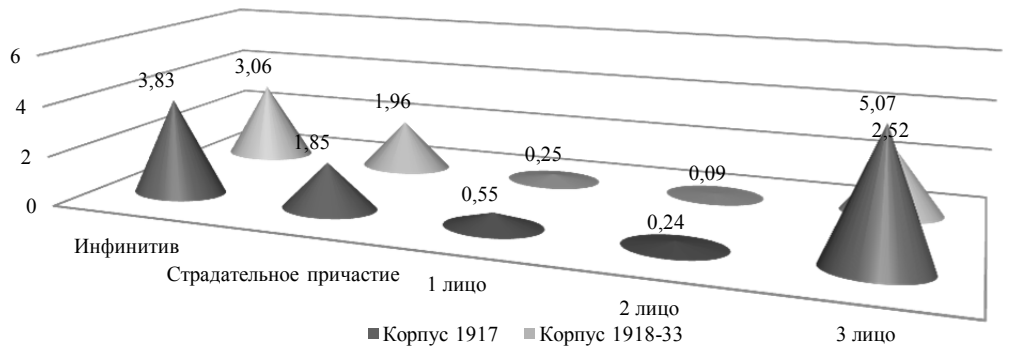


Рис. 1. Распределение личных и безличных форм глаголов в исследуемых корпусах

Несмотря на то что в обоих корпусах представлены как безличные, так и личные формы, в Корпусе 1917 больше собственно глагольных форм и чаще представлены формы глаголов 3-го лица. Для этого корпуса характерна иная пропорция соотношения безличных и личных форм. Данные представлены в табл. 2.

Таблица 2

Соотношение безличных и личных форм глаголов

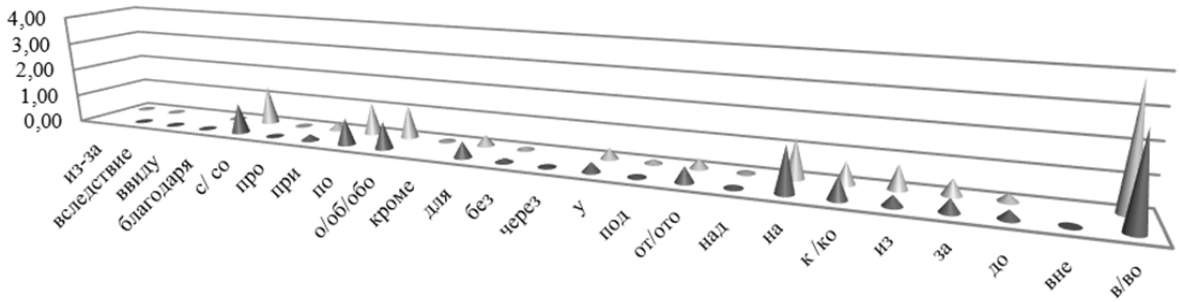
Подкатегория	Корпус 1917, %	Корпус 1918-33, %
Безличные формы	5,68	**5,02**
Личные формы	**5,86**	2,86

Анализ показывает, что в обоих корпусах встречаются личные формы, но в Корпусе 1918-33 их количество уменьшается практически в 2 раза. При этом в нем увеличивается количество страдательных причастий. Полагаем, что такая тенденция к увеличению безличных форм свидетельствует о большем соответствии современному стандарту.

Предлоги

Обращение к количественному составу предлогов, функционирующих в исследуемых корпусах, позволило выявить распределение, представленное на рис. 2.

Очевидно, что наиболее частотным в обоих корпусах является предлог *в / во*, что соответствует общей тенденции – именно этот предлог является наиболее частотным практически для всех текстов на русском языке. Уже в работе В.В. Виноградова читаем: «По отношению к русскому языку предварительные статистические подсчеты показывают, что в тексте (разнообразно подобранных отрывков книжного и разговорного языка) из 54 000 слов (54 338 слов) чаще всего встречаются предлоги: *в* (1 881 раз), *на* (770 раз), *с* (578 раз), *к* (267 раз), *за* (259 раз), *для* (236 раз), *из* (202 раза), *от* (174 раза), *до* (108 раз), при (80 раз). Н.А. Морозов в статье “Лингвистические спектры” также пришел к выводу, что в русском языке из предлогов чаще всего употребляются *в*, *на*, *с*» [30]. Сложные предлоги, характерные для официально-делового стиля, равно малочастотны для обоих корпусов. В Корпусе 1917 количественно доминируют предлоги *до*, *к*, *на*, *над*, *от*, *без* и *для*. В Корпусе 1918-33 более частотны *в*, *за*, *из*, *под*, *у*, *об*, *по*, *при*, *с*. Предлоги *ввиду*, *через*, *вне* представлены только в Корпусе 1917, а в Корпусе 1918-33 предлоги *из-за* и *кроме*. В целом можно говорить об очевидном преобладании в обоих корпусах исконных предлогов.



	Из-за	Вслед-ствие	Ввиду	Благо-даря	С/со	Про	При	По	О/об/обо	Кроме	Для	Без	Че-рез	У	Под	От/ото	Над	На	К/ко	Из	За	До	Вне	В/во
Корпус 1917		0,02	0,01	0,01	1,09	0,01	0,22	0,95	0,96		0,57	0,14	0,04	0,34	0,08	0,54	0,11	1,55	0,76	0,35	0,44	0,29	0,01	2,95
Корпус 1918-33	0,01	0,02		0,01	1,39	0,01	0,26	1,14	1,18	0,05	0,37	0,11		0,37	0,14	0,35	0,07	1,32	0,74	0,81	0,54	0,25		3,94

Рис. 2. Распределение предлогов в исследуемых корпусах

Формы и разряды местоимений

Количественное распределение местоимений коррелирует с распределением глаголов: в первом корпусе их общее количество больше, чем во втором. Если посмотреть на то, какие разряды местоимений функционируют в исследуемых текстах, то можно увидеть картину, представленную в табл. 3.

В наибольшей степени представлены личные местоимения, они составляют почти 2,5% в обоих корпусах. Несколько реже задействованы указательные местоимения. Самые редкие – возвратные, при этом только местоимения этого разряда преобладают во втором корпусе. Результаты количественного анализа личных местоимений отражены на рис. 3.

Таблица 3

Распределение местоимений в исследуемых корпусах

Подкатегория	Корпус 1917, %	Корпус 1918-33, %
Личное местоимение	**2,48**	2,46
Указательное местоимение	**1,91**	1,54
Определительное местоимение	**0,96**	0,75
Отрицательное местоимение	**0,13**	0,07
Возвратное местоимение	0,08	**0,13**
Общее количество	**5,56**	4,95

Итак, местоимения первого и второго лица менее частотны, нежели третьего. Подобное распределение коррелирует с реализацией категории лица в глагольных (рис. 4 и 5).

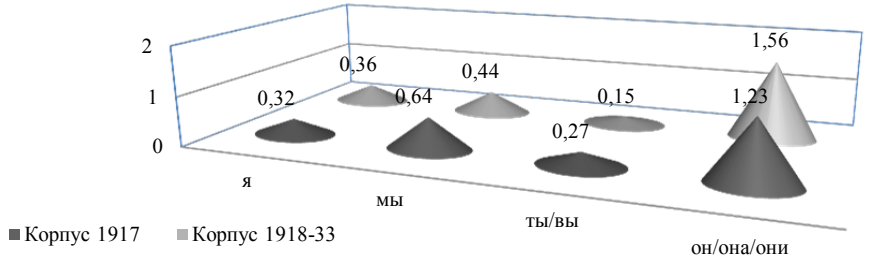


Рис. 3. Количественное распределение личных местоимений

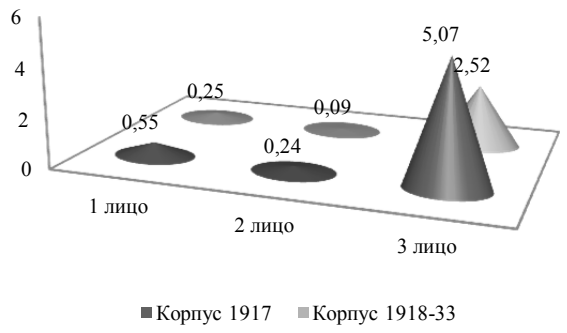


Рис. 4. Распределение личных форм глагола

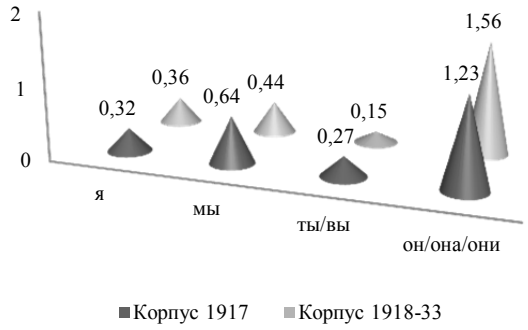


Рис. 5. Распределение личных местоимений

Полагаем, что значительная представленность именно семантики 3-го лица связана, в первую очередь, с документной спецификой протокола. Как уже говорилось ранее, протокол – это документ, фиксирующий обсуждение социально значимых событий и установление некоторого социального порядка, что отражается, с одной стороны, в повествовательной структуре текста. И как показывает количественное распределение словоформ, реализующих категорию лица, главным для данного документа является обсуждение некоторого социального (политического) контекста. С другой стороны, исследуемые тексты протоколов отражают коммуникативную ситуацию, в ходе которой происходит обсуждение и которая, как правило, организована как полилог, где один из участников – председатель – занимает позицию организатора. При этом организатор, как правило, идентифицирует себя с некоторой социальной структурой, используя форму местоимения первого лица множественного числа.

Следующая по частотности группа – указательные местоимения, выделяющие предмет речи из некоторого множества однородных объектов [31]. Количественное распределение функционирующих в корпусах единиц подобного типа представлено на рис. 6.

Наиболее частотные указательные местоимения в обоих корпусах – местоимения, «противопоставленные по близости – отдаленности говорящего» [31]: *этот* и *тот*. Причем общее количество местоимений этого типа выше в Корпусе 1917, и при этом доминирует коррелят, указывающий на близкое расположение к говорящему. В Корпусе 1918-33 более частотен коррелят, указывающий на отдаленное местонахождение. В отношении местоимений, маркирующих пространство, можно отметить, что общее количество их невелико, при этом доминирует лексема *там*, указывающая на отдаленное пространство. Местоимения, указывающие на качества объекта, представлены не только современным *такой*, но и устаревшей формой *таков*, хотя и не столь часто встречающейся. В Корпусе 1918-33 также представлен устаревший вариант указательного местоимения *сей*.

Определительные местоимения не отличаются семантической целостностью, исследователи отмечают их разнородность. Из описанных в литературе [32] семантических типов местоимений данного разряда со значением всеобщности (указывающие на множество: *весь, всегда, всяческий*; на произвольный объект множества: *всякий, любой, каждый*); усилительно-выделительным значением (*самый, сам*); со значением «принадлежащий другому множеству» (*другой, иной*)) в исследуемых корпусах представлены все. Ниже, на рис. 7 можно увидеть их количественное распределение.

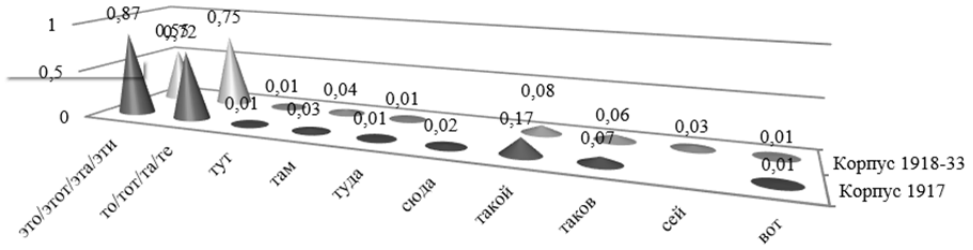


Рис. 6. Указательные местоимения

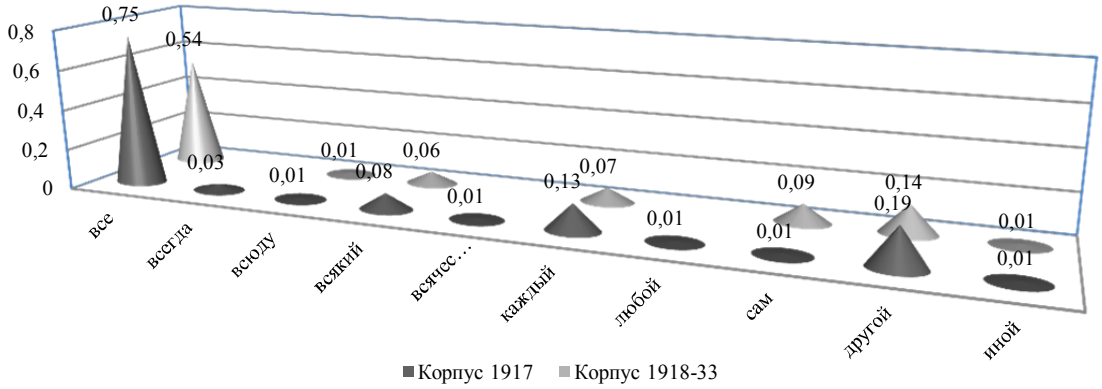


Рис. 7. Определительные местоимения

Как можно видеть, наиболее частотны местоимения первой подгруппы, указывающие на множество объектов: *все*. Из второй подгруппы чаще всего употребляется *каждый*, а из третьей – *другой*. Только в первом корпусе отмечаются местоимения *всегда, всяческий, любой*. В Русской корпусной грамматике дается следующая интерпретация этой группы единиц: «Употребление местоимений типа *все* указывает, что выделяемое подмножество, обладающее неким признаком, совпадает со всем множеством» [31]. Это позволяет определять их как кванторы всеобщности, тесно связанные с категорией категоричности [32. С. 25]. В работах Т.И. Красновой и К.С. Якушкиной рассматривается очевидный прагматический эффект использования единиц этого типа, а именно включенность имплицитной оценочной семантики [33. С. 69], создание смысловой неопределенности и за счет этого маскировка индивидуальной точки зрения под общее мнение [34. С. 178]. Данный аспект в рамках современной официально-деловой коммуникации, как правило, нивелируется, и, соответственно, мы можем опять же сделать вывод о меньшей степени соответствия стандарту стиля текстов Корпуса 1917. В целом можно говорить о большем разнообразии и частотности в Корпусе 1917 определительных местоимений всех групп, кроме местоимения *сам*, частотность которого во втором корпусе выше в девять раз. Местоимение *сам* служит дополнительным уточнением в отношении лица, производящего действие, и относится к усилительно-выдели-тельным единицам со значением, противоположным описанному выше [31]. Таким образом, можно говорить, что на уровне местоименной семантики Корпус 1917 отличается от Корпуса 1918-33 большей степенью неопределенности. Кроме того, полагаем, что уменьшение количества местоимений в Корпусе 1918-33 отвечает тенденции, связанной с унификацией и возрастанием степени обезличенности официально-делового текста.

Употребление предикатов долженствования

В рамках данного раздела мы объединили собственно маркер долженствования (*должен*) и маркер необходимости, который, как правило, в исследуемых текстах используется в той же функции – «необходимость участнику совершить какое-либо действие или участвовать в ситуации» [35]. Например, Корпус 1917: *Кто хлеб запас, тому спасибо сказать* ***надо****; Высоцкий говорит, что так как военная Комиссия еще не собиралась и не работала, пункт этот обсудить* ***надо*** *сейчас; Вы* ***должны*** *создать такую власть, какой не было никогда.*

Корпус 1918-33: *А как в 1919 году было лето и очень ненастное, то таковые овощи, которые были засыпаны в ямы,* ***надо*** *сохранить на семена, и они погнили, так что в нынешнем году будет не хватать семян для самих себя, в чем собственноручно и подписуемся...; С такими настроениями* ***надо*** *бороться;*

ПРИМЕЧАНИЕ: Арестованные в административном порядке ***должны*** *быть привлечены к выполнению принудительных работ по обслуживанию волостных и сельских учреждений.*

В работах, посвященных предикатам долженствования, указанные единицы также включаются в поле долженствования: «Ядро предикатов долженствования: *должен, обязан, следует, надо, нужно, необходимо*» [36. С. 169], «…к модальным компонентам со значением долженствования относятся следующие: краткие прилагательные и причастия *должен, вынужден, присужден, осужден, обязан, нужен, необходим*; предикативы *нужно, надо, нельзя, пора, время, необходимо, след, не след*; существительные *долг, обязанность* (в сочетании с атрибутивными компонентами); глаголы *следует, стоит. предстоит, полагается, надлежит, не мешает, приходится / придется*; некоторые устойчивые сочетания типа считать долгом, считать обязанностью. содержащие в своем значении сему “долженствование”» [37. С. 9–10]. Однако исследуемые тексты содержат далеко не весь обозначенный перечень. Наиболее частотны в них ядерные предикаты. На рис. 8 представлено количественное распределение исследуемых форм. Для сравнения приводится частотность предиката возможности *можно*.

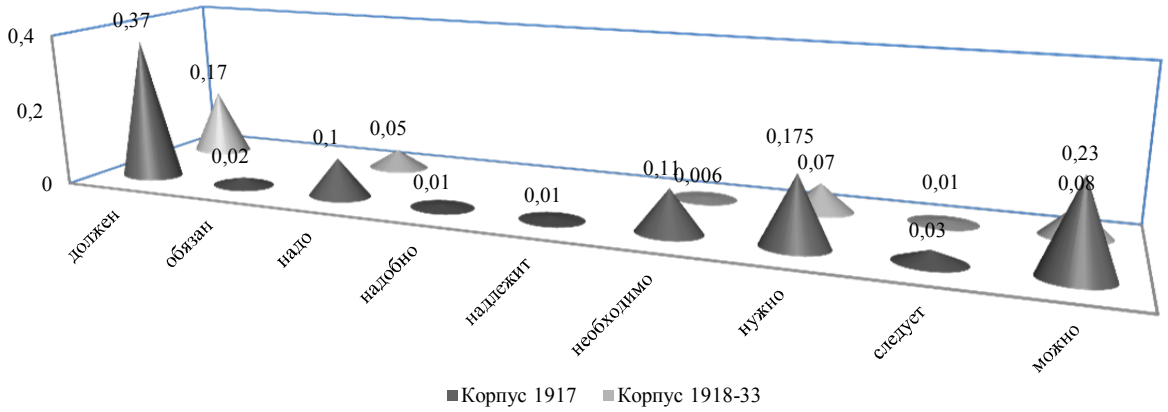


Рис. 8. Распределение предикатов долженствования

Данные показывают, что семантика долженствования более чем вдвое чаще выражена в текстах первого корпуса и предикаты здесь более разнообразны. Наиболее последовательно выражается в обоих корпусах предикат *должен*, так как он является «доминантой поля долженствования» [37. С. 21]. Следующий за ним по частотности – *нужно*. Необходимо отметить также, что более частотно задействован в текстах первого корпуса маркер возможности, поэтому в целом можно говорить о значительно более выраженной модальности в этих текстах. Вероятно, такая ситуация обусловлена не столько типом оформления документов, сколько проблематикой обсуждаемых вопросов и задач. Перед участниками заседаний Томского губернского народного собрания стояли задачи формирования нового социального порядка, но при этом оставались острые проблемы, приведшие к падению монархического строя.

Маркеры синтаксической сложности

Характерной чертой официально-деловых документов считается преобладание сложных синтаксических конструкций, по преимуществу, сложных предложений. Автоматизированный контент-анализ в этом случае обладает ограничением на выявление таких структур, так как он направлен на количественный анализ словоформ.

Однако и этот параметр может быть частично выявлен за счет исследования синтаксических маркеров – союзов, оформляющих сложные предложения. Количественный состав этих синтаксических маркеров представлен в табл. 4. Уточним при этом, что данный метод позволил выявить только непроизводные простые союзы, представляющие собой одну словоформу.

Таблица 4

Количественное распределение союзов в исследуемых корпусах

Синтаксический маркер	Корпус 1917, %	Корпус 1918-33, %
Сочинительный союз	**4,70**	4,50
Подчинительный союз	**3,60**	3,14
Общее количество	**8,3**	7,64

Как можно убедиться, количественное преобладание синтаксических маркеров в Корпусе 1917 очевидно. Их употребление в этом корпусе выше на 0,66%. В отличие от современных официально-деловых текстов, в которых отмечается преобладание сложноподчиненных конструкций условного и целевого типа, в обоих корпусах доминируют сочинительные конструкции. В целом, судя по данным, представленным на сайте Русской корпусной грамматики, эта тенденция свойственна русскому языку в целом. Ср.: «сочинительные союзы (% от всех слов) – 4,62%, подчинительные союзы (% от всех слов) – 2,99%, всего – 7,61%» [38]. Рассмотрим состав и количественное распределение союзов в подкатегориях. Данные о сочинительных союзах представлены на рис. 9.

Итак, можно убедиться, что наиболее частотным является союз *и*. Это в работе В.В. Виноградова также отмечается как общая тенденция, характерная для русскоязычных текстов: «Из союзов выделяются по частоте употребления и (1 963 раза в тексте из 54 000 слов) и а (740 раз)» [30]. В целом количество и качество сочинительных союзов в исследуемых корпусах почти равно. В этой подкатегории не наблюдается значительных различий. Чего нельзя сказать о другой подкатегории – подчинительных союзах. Данные о них представлены на рис. 10.

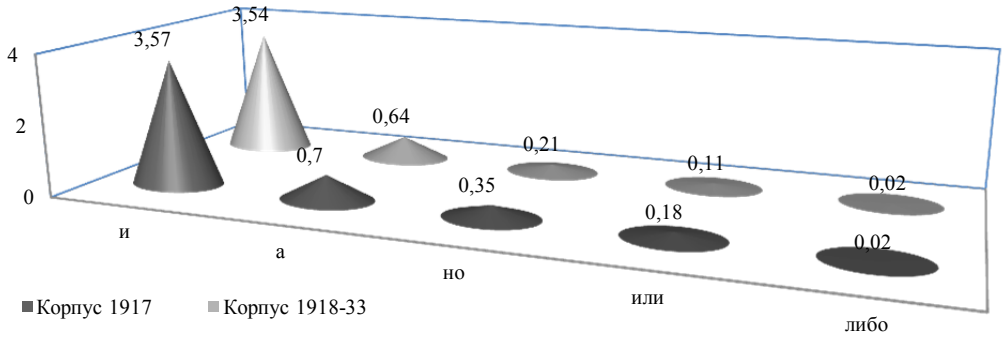
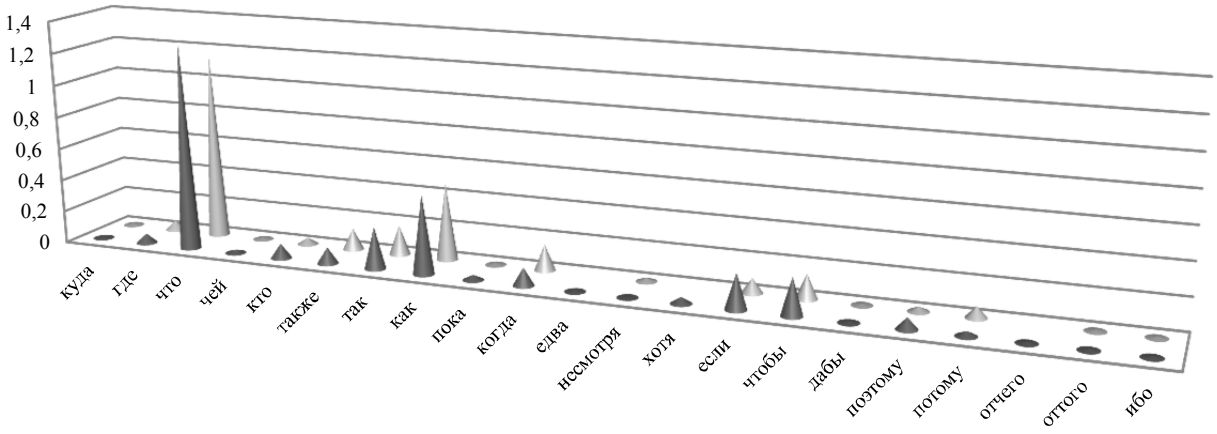


Рис. 9. Количественное распределение сочинительных союзов



	куда	где	что	чей	кто	также	так	как	пока	когда	едва	несмотря	хотя	если	чтобы	дабы	поэтому	потому	отчего	оттого	ибо
Корпус 1917	0,01	0,06	1,29	0,02	0,09	0,1	0,26	0,49	0,03	0,11	0,01	0,005	0,04	0,22	0,23	0,01	0,07	0,03	0,01	0,01	0,01
Корпус 1918-33	0,01	0,06	1,16	0,01	0,04	0,13	0,18	0,47	0,01	0,16		0,02		0,09	0,15	0,01	0,03	0,07		0,01	0,01

Рис. 10. Количественное распределение подчинительных союзов и союзных слов

Представленные в корпусах союзы и союзные слова весьма разнообразны по составу и различаются количественно. Наиболее частотны изъяснительные (*что*) и сравнительные союзы (*как*). При этом тот и другой союз более частотны в Корпусе 1917. В отличие от современного официально-делового стиля условные и целевые союзы используются редко, а союзы причины и следствия единичны. Отметим те союзы, которые встречаются только в Корпусе 1917: *отчего, хотя, едва*. Таким образом, по параметру синтаксической сложности исследуемые корпусы не демонстрируют значительных различий между собой, но отличаются от параметров современного официально-делового письма.

Использование частиц

В «Русской грамматике – 80» частицы как грамматический класс характеризуются следующим образом: «В классе частиц объединяются неизменяемые незнаменательные (служебные) слова, которые, во-первых, участвуют в образовании морфологических форм слов и форм предложения с разными значениями ирреальности (побудительности, сослагательности, условности, желательности); во-вторых, выражают самые разнообразные субъективно-модальные характеристики и оценки сообщения или отдельных его частей; в-третьих, участвуют в выражении цели сообщения (вопросительность), а также в выражении утверждения или отрицания; в-четвертых, характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления» [39. С. 723]. Определение акцентирует внимание на базовой семантике частиц – их коммуникативном характере и функции выражения субъективной модальности. Вероятно, в этой связи современные тексты официально-делового стиля практически не содержат частиц за исключением отрицательных. Однако тексты исследуемых корпусов, как показал анализ, содержат и частицы других групп, данные по ним приведены на рис. 11.

Как можно видеть, оба корпуса содержат частицы от 1,89% (Корпус 1918-33) до 2,65% (Кор-

пус 1917) от всех словоформ, что составляет довольно высокий процент. Однако во втором корпусе количество частиц снижается, что может свидетельствовать о большем соответствии нормам официально-делового письма. Если взглянуть на качественный состав, то можно убедиться, что в текстах использованы частицы практически всех описанных в литературе групп. Частицы всех групп в большем количестве встречаются в первом корпусе. Конечно, и в нашем случае наибольшей частотностью отличается отрицательная частица *не*, но следуют за ней по частотности модальные частицы *же* и *только*. Только в Корпусе 1917 функционируют частицы *пусть* и *ведь*, также имеющие модальный характер. В целом результаты количественного анализа позволяют заключить, что можно говорить о значительном различии в употреблении частиц в исследуемых корпусах.

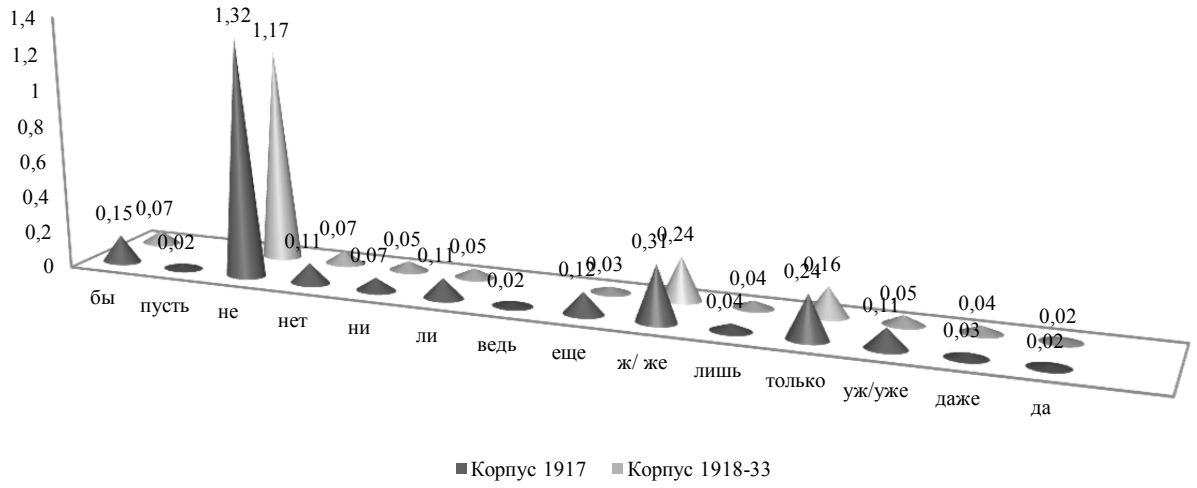


Рис. 11. Количественное распределение частиц в исследуемых корпусах

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Исследуемые корпусы значительно различаются в аспекте грамматической организации, и по некоторым параметрам Корпус 1918-33 в гораздо большей степени соответствует нормам современного официально-делового стиля, нежели Корпус 1917:

– Корпус 1917 содержит большее количество глагольной лексики. При этом именно здесь более частотно представлены личные формы глагола. Тексты Корпуса 1918-33 содержат больше безличных форм, что вполне отвечает тенденции к нивелированию семантики лица в официально-деловом тексте.

– Количественное распределение местоимений коррелирует с распределением глаголов: в первом корпусе их общее количество больше, чем во втором. При этом именно личные местоимения количественно доминируют в первом корпусе, из личных местоимений наиболее частотны местоимения 3-го лица. Полагаем, что это связано с документной спецификой протокола как жанра, но вместе с тем уменьшение количества местоимений во втором корпусе показывает следование общей тенденции. Корпусы различаются и составом местоименных лексем.

– Третий параметр, по которому различаются корпусы – модальность долженствования. Тексты Корпуса 1917 отличаются большей последовательностью и разнообразием в реализации этой семантики. Не исключено, что подобная языковая специфика определяется именно внешними социально-политическими условиями.

– Проявление субъективной модальности Корпуса 1917 выразилось в более частотном употреблении лексем такого грамматического класса, как частицы. В Корпусе 1918-33 их общее количество снижается.

2. С другой стороны, проведенный анализ позволил выявить те параметры, по которым исследуемые корпусы демонстрируют значительное сходство, причем сходство это обусловлено общеязыковыми закономерностями. Поэтому указанные ниже параметры не могут считаться дискурсивно специфичными.

– Количественный анализ позволил установить, что в обоих исследуемых корпусах доминируют непроизводные исконные предлоги, наиболее частотным выступает предлог в / во, что соответствует общей тенденции – именно этот предлог является наиболее частотным практически для всех текстов на русском языке.

– Аналогичная ситуация складывается и с употреблением союзов: преобладают сочинительные союзы. Из подчинительных наиболее распространены изъяснительные.

Таким образом, возвращаясь к поставленной нами проблеме, можно утверждать, что, действительно, грамматическая организация протокола, относящегося к разным историческим периодам, показывает «прерывность» дискурсивного единства и исследуемые корпусы можно считать разными дискурсивными формациями. Полагаем, что «прерывность» эта обусловлена, прежде всего, изменившейся социальной реальностью, редуцировавшей проявление личного начала в документном тексте. Протоколы 1917 г. носят более детальный стенографический характер, в

них фиксируются практически дословно все обсуждения членов Томского губернского народного собрания, их дискуссии по спорным вопросам, касающимся даже порядка выступления. Протоколы 1918-33 представляют собой по преимуществу краткое изложение дела и принятое решение участниками заседания.

Вместе с тем проведенный анализ позволяет, как представляется, выдвинуть предположение о жанровой специфике протокола как документа несколько иной дискурсивной организации, отражающего не только фиксацию социально значимого события, но и коммуникативные процессы, в рамках которых она происходит. Выявленная специфика данного жанра отвечает тенденции, отмеченной в работе О.П. Сологуб: «Как правило, ситуация оформления полуофициальных документов характеризуется незначительной временной дистанцией; при этом, оформляя текст «по горячим следам», авторы нередко находятся в возбужденном эмоциональном состоянии, что, несомненно, накладывает отпечаток на характер текста, снижая уровень его официальности» [40. С. 26]. Второе предположение, вытекающее из сделанных нами наблюдений, также соотносимо с выводами, представленными в указанной работе, и касается усиления / уменьшения степени официальности документов определенных жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с. (Серия «Ars Рига. Французская коллекция»).
2. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. М. : Прогресс, 1999. 416 с.
3. Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1964–1973.
4. Охотников А.В., Булавина Е.А. Документоведение и делопроизводство. М. : Март, 2004.
5. Кушнерук С.П. Современный документный текст: создание и исследование. М. : Либерея-Бибинформ, 2009. 192 с.
6. Орлова Н.В. Дискурсивные детерминанты порождения документного текста // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8, № 1. С. 156–163.
7. Орлова Н.В. Доступность современного официально-делового документа: лингвопрагматические аспекты // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (19). С. 184–192.
8. Орлова Н.В. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (74). С. 188–193.
9. Батырева Л.П. О языке шуйских деловых документов 20–30-х XX в. (протокол одного собрания) // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 52–56.
10. Харченко В.К. Язык революции в документах и материалах Петроградского военно-революционного комитета // Селищевские чтения : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения А.М. Селищева. Елец, 2005.
11. Черныш О.А. Отражение исторического контекста в структуре и содержании текста документа (на материале текстов протоколов 1917–1933 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 143–147.
12. Черныш О.А., Мишанкина Н.А. Лексика делового протокола в дискурсивном аспекте (на материале протоколов 1918–1933 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 30–40. DOI: 10.17223/15617793/434/4
13. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). 2-е изд., стереотип. М. : УРСС, 2003. 247 с.
14. Скворцов Л.И. О языке первых лет Октября // Русская речь. 1987. № 5. С. 9–18.
15. Карцевский С.И. Язык, война и революция. Берлин : Русское универсальное издательство, 1923. 72 с.
16. Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974. 80 с.
17. Кудряев В.А. Организация работы с документами. М. : ИНФРА-М, 2003.
18. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. М. : Прогресс, 1999. С. 337–383.
19. Томское губернское народное собрание. Сессия. Протоколы Томского губернского народного собрания, 1-я сессия. Томск : Губернская типография, 1917. 212 с.
20. Сборники документов и материалов Государственного архива Томской области. URL: http://gato.tomica.ru/publications/online/index.html (дата обращения: 17.11.2017).
21. Broom L., Reece S. Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis // The Public Opinion Quarterly. 1995. Vol. 19, № 1. P. 5–19.
22. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Корона Эдиториал УРСС, 2001. С. 252–281.
23. Можаева Г.В., Мишанкина Н.А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 52–61.
24. Мишанкина Н.А., Зильберман Н.Н. Восточнославянские языки в рефлексии наивного носителя языка (контент-аналитическое исследование коммуникации Интернет-сообществ) // Русин. 2017. № 2 (48). С. 78–98. DOI: 10.17223/18572685/48/7
25. Федеральный образовательный портал ЭСМ: экономика, социология, менеджмент. URL: http://ecsocman.hse.ru/text/35480087.
26. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка : учебник. М. : Флинта; Наука, 2016. 465 с.
27. Культура русской речи : учеб. для вузов / под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 560 с.
28. Роготнева Е.Н. Документная лингвистика : сб. учеб.-метод. материалов. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2009. 784 с.
29. Летучий А.Б. Безличность // Русская корпусная грамматика. URL: http://rusgram.ru/Безличность (дата обращения: 04.12.2019).
30. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / отв. ред. А. Золотова. 3-е изд., испр. М. : Высш. шк., 1986. 640 с. URL: http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=20 (дата обращения: 06.12.2019).
31. Семантика местоимений // Русская корпусная грамматика. URL: http://rusgram.ru/Местоимение#sem_mest (дата обращения: 04.12.2019).
32. Падучева Е.В. Идея всеобщности в логике и в естественном языке // Вопросы языкознания. М. : Наука, 1989. № 2. С. 15–25.
33. Краснова Т.И. Квантор все в аффективном дискурсе (на материале газет русского зарубежья 1918–1921 гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 2. С. 56–70.
34. Якушкина К.С. Когда «белое» «не очень черное» или «слегка черное»: квантификация действительности как одно из средств «седативной» некатегорической коммуникации (на материале испанского языка) // Древняя и новая Романия. 2016. Вып. 1 (17). С. 172–187.
35. Предикатив // Русская корпусная грамматика. URL: http://rusgram.ru/ Предикатив#25 (дата обращения: 04.12.2019).
36. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Семантика модальных предикатов долженствования // Логический анализ языка: культурные концепты. М., 1991. С. 169–175.
37. Данг Ким Тьен. Способы выражения долженствования в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 158 с. URL: http://cheloveknauka.com/ sposoby-vyrazheniya-dolzhenstvovaniya-v-sovremennom-russkomyazyke#ixzz5DC6lAuN8
38. Апресян В.Ю., Пекелис О.Е. Союзы // Русская корпусная грамматика. URL: http://rusgram.ru/ Союз (дата обращения: 04.12.2019).

39. Русская грамматика / ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М. : Наука, 1980. 789 с.
40. Сологуб О.П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Кемерово, 2009. 46 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 марта 2020 г.

The Grammatical Organization of the Record: A Discursive Aspect (Based on Records of 1917 and 1918–1933 of the State Archive of Tomsk Oblast)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 29–40.
DOI: 10.17223/15617793/453/4

Natalia A. Mishankina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mna@tpu.ru
Olga A. Chernysh, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernyshoa@tpu.ru

Keywords: document discourse; record; “discontinuity”; discursive parameters; content analysis; grammatical organization; Tomsk Governorate.

The aim of the article is to identify quantitative characteristics of the grammatical organization of the text of the record in the aspect of the “discontinuity” of a discursive unity due to a change in social reality in the period from 1917 to 1933. Methodologically, the research is based on Michel Foucault’s thesis on the “discontinuity” of discursive formations within a discursive unity. Preserving the unity of the basic function and transforming in the aspect of language specificity, document discourse allows us to argue this thesis. The discursive approach makes it possible to reflect on the repercussions of social processes in the document corpus in a new way. Despite the function of fixing the sequence of real social events and their documentary proof, the record is scarcely investigated in this aspect. The leading methodological approach is discourse analysis; the main method is automated content analysis. The material for analysis is the corpus of the records of Tomsk Governorate People’s Assembly dated by 1917 (25 documents, 91,686 word usages) and the records of Tomsk institutions’ meetings dated from 1918 to 1933 (126 documents, 41,630 word usages). In the course of the study, it was revealed that the corpora have significant differences it terms of grammatical organization. In some ways, the corpus of 1918–1933 corresponds to a greater extent to the norms of modern official style: it contains fewer verbal lexis and pronouns, but has more impersonal verbs. At the same time, in the corpus of 1917, the modality of duty is expressed more consistently. On the one hand, one can speak about the greater manifestation of various modalities in the texts of the first corpus that is expressed in a more frequent use of modal particles. On the other hand, the analysis identified the parameters by which the corpora demonstrate a significant similarity. This similarity is based on common language patterns. Non-derivative original prepositions dominate in both corpora. The most frequent are prepositions *v*/*vo*. Coordinating conjunctions are used more often than subordinating ones. This corresponds to the general common language trends. Consequently, it can be confirmed that the grammatical organization of the records dated by different historical periods demonstrates the “discontinuity” of the discursive unity and the corpora study can be considered as different discursive formations. First of all, this “discontinuity” is caused by the changed social reality which reduced the manifestation of the personal element in the document text. The records dated by 1917 have a more detailed stenographic character. The texts record practically verbatim all discussions of members of Tomsk Governorate People’s Assembly, their discussions on controversial issues concerning even the speaking order. The records dated by 1918–1933 are predominantly summaries of cases and decisions made by participants of meetings.

REFERENCES

1. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French by M.B. Rakova, A.Yu. Serebryannikova. St. Petersburg: ITs “Gumanitarnaya Akademiya”; Universitetskaya kniga.
2. Seriot, P. (ed.) (1999a) *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [The Quadrature of Meaning: The French School of Discourse Analysis]. Translated from French and Portuguese. Moscow: Progress.
3. Vasmer, M.R. (1964–1973) *Etimologicheskiy slovar’ russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.
4. Okhotnikov, A.V. & Bulavina, E.A. (2004) *Dokumentovedenie i deloproizvodstvo* [Document Science and Records Management]. Moscow: Mart.
5. Kushneruk, S.P. (2009) *Sovremennyy dokumentnyy tekst: sozdanie i issledovanie* [Modern Document Text: Creation and Research]. Moscow: Libereya-Bibinform.
6. Orlova, N.V. (2013) Diskursivnye determinanty porozhdeniya dokumentnogo teksta [Discursive Determinants of the Generation of a Document Text]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel’nosti*. 8 (1). pp. 156–163.
7. Orlova, N.V. (2014) Accessibility of a Contemporary Official Document: Linguopragmatic Aspects. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (19). pp. 184–192. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1403.19
8. Orlova, N.V. (2014) Modality and Tonality of Contemporary Documents With Prescriptive Function. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 4 (74). pp. 188–193. (In Russian).
9. Batyreva, L.P. (2008) O yazyke shuyskikh delovykh dokumentov 20–30-kh XX v. (protokol odnogo sobraniya) [On the Language of Shui Business Documents of the 1920s–1930s (Protocol of One Meeting)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes of Orel State University*. 1. pp. 52–56.
10. Kharchenko, V.K. (2005) [The Language of Revolution in the Documents and Materials of the Petrograd Military Revolutionary Committee]. *Selishchevskie chteniya* [Selishchev Readings]. Proceedings of the International Conference. Yelets:Yelets State University. (In Russian).
11. Chernysh, O.A. (2018) Reflection of the Historical Context in the Structure and Content of the Text of the Document (On the Basis of the Records Dated by 1917–1933). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (191). pp. 143–147. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-143-147
12. Chernysh, O.A. & Mishankina, N.A. (2018) Lexical Organization of the Record in a Discursive Aspect (On the Basis of Records Dated by 1918–1933). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. (In Russian). pp. 30–40. DOI: 10.17223/15617793/434/4
13. Selishchev, A.M. (2003) *Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniy nad russkim yazykom (1917–1926)* [The Language of the Revolutionary Era. From Observations of the Russian Language (1917–1926)]. 2nd ed. Moscow: URSS.
14. Skvortsov, L.I. (1987) O yazyke pervykh let Oktyabrya [On the Language of the First Years of October]. *Russkaya rech’*. 5. pp. 9–18.
15. Kartsevskiy, S.I. (1923) *Yazyk, voyna i revolyutsiya* [Language, War and Revolution]. Berlin: Russkoe universal’noe izdatel’stvo.

16. Malitikov, A.S. (ed.) (1974) *Kratkiy slovar' vidov i raznovidnostey dokumentov* [A Concise Dictionary of Types and Varieties of Documents]. Moscow: VNIIDAD.
17. Kudryaev, V.A. (2003) Organizatsiya raboty s dokumentami [Organization of Work With Documents]. Moscow: INFRA-M.
18. Seriot, P. (1999b) Russkiy yazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa: analiz nominalizatsiy [Russian Language and Analysis of Soviet Political Discourse: Analysis of Nominalizations]. Translated from French. Seriot, P. (ed.) (1999) *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [The Quadrature of Meaning: The French School of Discourse Analysis]. Translated from French and Portuguese. Moscow: Progress. pp. 337–383.
19. Tomsk Governorate People's Assembly. (1917) *Tomskoe gubernskoe narodnoe sobranie. Sessiya. Protokoly Tomskogo gubernskogo narodnogo sobraniya, 1-ya sessiya* [Tomsk Governorate People's Assembly. Session. Protocols of the Tomsk Governorate People's Assembly, 1st Session]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
20. State Archive of Tomsk Oblast. (n.d.) *Sborniki dokumentov i materialov Gosudarstvennogo arkhiva Tomskoy oblasti* [Collections of Documents and Materials of the State Archive of Tomsk Oblast]. [Online] Available from: http://gato.tomica.ru/publications/online/index.html. (Accessed: 17.11.2017).
21. Broom, L. & Reece, S. (1995) Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis. *The Public Opinion Quarterly*. 19 (1). pp. 5–19.
22. Baranov, A.N. (2001) *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow: Korona Editorial URSS. pp. 252–281.
23. Mozhaeva, G.V. & Mishankina, N.A. (2007) Kontent-analiz istoriograficheskogo istochnika (k voprosu o mezhdistsiplinarnosti lingvisticheskikh metodov) [Content Analysis of a Historiographic Source (On the Issue of Interdisciplinarity of Linguistic Methods)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 52–61.
24. Mishankina, N.A. & Zil'berman, N.N. (2017) East Slavic Languages in the Reflection of a Naive Native Speaker (Content-Analytical Study of the Social Networks Communication). *Rusin*. 2 (48). pp. 78–98. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/7
25. *ESM: Economics, Sociology, Management. Federal Educational Portal*. [Online] Available from: http://ecsocman.hse.ru/text/35480087.
26. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R. & Salimovskiy, V.A. (2016) *Stilistika russkogo yazyka* [Russian Stylistics]. Moscow: Flinta; Nauka.
27. Graudina, L.K. & Shiryaev, E.N. (eds) (1999) *Kul'tura russkoy rechi* [The Culture of Russian Speech] Moscow: Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA-M.
28. Rogotneva, E.N. (2009) *Dokumentnaya lingvistika: sb. ucheb.-metod. materialov* [Document Linguistics: Study Materials]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
29. Letuchiy, A.B. (2011) *Bezlichnost'* [Russian Language (Grammar Doctrine of the Word)]. [Online] Available from: http://rusgram.ru/Безличность (Accessed: 04.12.2019).
30. Vinogradov, V.V. (1986) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (Grammar Doctrine of the Word)]. 3rd ed. Moscow: Vyssh. shk. [Online] Available from: http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=20. (Accessed: 06.12.2019).
31. Russkaya korpusnaya grammatika. (n.d.) *Semantika mestoimeniy* [Semantics of Pronouns]. [Online] Available from: http://rusgram.ru/Местоимение#sem_mest (Accessed: 04.12.2019).
32. Paducheva, E.V. (1989) Ideya vseobshchnosti v logike i v estestvennom yazyke [Idea of Universalityty in Logic and in Natural Language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 15–25.
33. Krasnova, T.I. (2014) Quanter "All" in Affective Discourse (Based on the Material of Newspapers of the Russian Diaspora, 1918–1921). *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 2. pp. 56–70. (In Russian).
34. Yakushkina, K.S. (2016) When "White" Is "Not Quite Black" or "a Little Bit Black": Quantification of the Reality as a Means of "Sedative" Non-Categorical Communication (As Exemplified in the Spanish Language). *Drevnyaya i novaya Romaniya*. 1 (17). pp. 172–187. (In Russian).
35. Letuchiy, A.B. (2017) Predikativ [Predicative Expression]. [Online] Available from: http://rusgram.ru/ Предикатив#25 (Accessed: 04.12.2019).
36. Kobozeva, I.M. & Laufer, N.I. (1991) Semantika modal'nykh predikatov dolzhenstvovaniya [Semantics of Modal Predicates of Obligation]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka: kul'turnye kontsepty* [Logical Analysis of Language: Cultural Concepts]. Moscow: Nauka. pp. 169–175.
37. Dang Kim Tien (1994) *Sposoby vyrazheniya dolzhenstvovaniya v sovremennom russkom yazyke* [Ways to Express Obligation in Modern Russian]. Philology Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: http://cheloveknauka.com/ sposoby-vyrazheniya-dolzhenstvovaniya-v-sovremennom-russkomyazyke#ixzz5DC6lAuN8.
38. Apresyan, V.Yu. & Pekelis, O.E. (2011) *Soyuz* [Conjunction]. [Online] Available from: http://rusgram.ru/ Союз (Accessed: 04.12.2019).
39. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
40. Sologub, O.P. (2009) *Sovremennyy russkiy ofitsial'no-delovoy tekst: funktsional'no-geneticheskiy aspekt* [Modern Russian Official Business Text: Functional-Genetic Aspect]. Abstract of Philology Dr. Diss. Kemerovo.

Received: 13 March 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 41–46. DOI: 10.17223/15617793/453/5

УДК 82-65: 821.161 (091)

Т.Б. Фрик

«ВНУТРЕННОСТЬ ВАЖНЕЕ НАРУЖНОСТИ»: ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННИКОВ В ПИСЬМАХ Н.М. КАРАМЗИНА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292А «Н.М. Карамзин и его окружение».

Исследуется актуальная проблема воссоздания картины литературных, общественных и бытовых связей Н.М. Карамзина. Рассматриваются портретные характеристики, качества и оценки современников из окружения историографа, зафиксированные в его эпистолярном наследии. Выделены основные принципы создания образов современников, специфичные для эпистолярного поведения автора писем, и закономерности в характеристике и оценке отдельных личностей, определена их взаимосвязь с мировоззрением Н.М. Карамзина.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин; эпистолярий; круг общения; образ современника; герой времени.

Обширный круг общения Н.М. Карамзина не раз привлекал внимание исследователей как в контексте изучения его творческой деятельности, так и в связи с биографическими и фактологическими разысканиями [1–6 и др.]. При этом системное воссоздание реальной картины литературных, бытовых и общественных связей писателя и историографа не теряет своей актуальности, поскольку определяет глубину осмысления и научного описания его наследия.

Письма – один из важнейших источников, позволяющих восстановить круг общения писателя, получить информацию о характере личных взаимоотношений с тем или иным представителем его окружения, а также, что немаловажно, это тот источник, который раскрывает различные грани внутреннего мира Н.М. Карамзина – писателя, историографа, друга, семьянина. Значимой частью данного мира являются характеристики, портреты, оценки современников (знакомых, друзей, государственных деятелей), включенные в обсуждение той или иной темы, в описание конкретной ситуации либо относящиеся непосредственно к карамзинским адресатам.

В соответствии с сентиментальной традицией основными элементами портретов-характеристик современников в письмах Н.М. Карамзина становятся внешние проявления внутренних качеств человека, черты характера, поступки. При этом нельзя сказать, что собственно портретные характеристики не отражены в них вовсе. Интересно, что особенно часто портретные детали встречаются при описании членов царской фамилии, большое количество примеров этого находим в письмах 1816 г. к Е.А. Карамзиной: «был у Императрицы Марии: не удивился ее милостивому приему, но до крайности удивился ее молодости и свежести: это прекрасная женщина в 40 лет; говорит любезно, складно и с редкою легкостию» [7. С. 142]; «Я любовался вчера всею Императорскою Фамилиею <…> Il a une bell phisionomi[1] (Об Александре I. – *Т.Ф.*)» [7. С. 147]; «был у Великой Княгини Марии: она очень миловидна, ласкова, любезна» [7. С. 158]. Особое впечатление на Н.М. Карамзина производит императрица Елизавета Алексеевна: «Она еще хороша лицом, миловидна, стройна, имеет серебряный голос и взор прелестный <…> на нее приятно смотреть. В ее глазах есть нечто красноречивое <…> Надобно было видеть эту интересную женщину одну в прекрасном белом платье, среди большой, слабо освещенной комнаты: elle avait quelque chose de magique et d'aérien[2]» [7. С. 178].

Наиболее точно охарактеризовать доминанту в презентации образов членов царской семьи, нашедшую отражение в письмах Карамзина, позволяют его же слова из письма к князю П.А. Вяземскому от 27 июня 1816 г.: «Двор мил как Ангел, но мы философы: так ли?» [9. С. 13]. Ангельские мотивы неизменно сопутствуют характеристикам царствующих особ, с которыми наиболее часто Карамзина сводила жизнь. «Чтобы Вы лишний раз улыбнулись как Ангел на земле» [7. С. 44], – напишет он в письме к Елизавете Алексеевне, о ней же в письме к И.И. Дмитриеву скажет: «она кажется мне каким-то лучезарным Ангелом в состоянии неизъяснимом» [5. С. 639]. В письме от 18 апреля 1826 г. к этому же адресату читаем об императрице Марии Федоровне: «Она Ангел в дружбе» [5. С. 659]. В письмах к П.А. Вяземскому и А.Ф. Малиновскому от 1825 г. Карамзин, вспоминая Александра I, повторит одну и ту же фразу практически слово в слово: «В душе его было что-то ангельское» [9. С. 168]; «в сердце его что-то ангельское» [10. С. 81].

Безусловно, приведенные примеры и другие высказывания подобного рода необходимо рассматривать, учитывая историко-философские представления Н.М. Карамзина и исторический контекст эпохи, в котором, начиная с 1812 г., имя Александра I прочно связывалось с образом ангела и противопоставлялось демоническому имени Наполеона (см.: [11]). Примеры подобного отношения к последнему находим и в письмах Карамзина, для эпистолярного поведения которого в целом не характерны явно отрицательные характеристики современников. Дьявольский образ Наполеона проявляется, например, в письме к брату, В.М. Карамзину: «Наполеон совсем вышел из Москвы <…> и направил адские стопы свои к Смоленску» [8. С. 189]. Закрепленность в общественном сознании ангельского образа Александра находит отражение в воспоминаниях слуги Карамзиных Владимира Лотина о том, как было сообщено историографу известие о смерти императора: «Жуковский говорит, не стало нашего Ангела благодетеля; он уже в загробном мире» [12. С. 68].

Возвращаясь же к историко-философским представлениям Н.М. Карамзина, которые, совершенно очевидно, повлияли на восприятие и отражение внешнего облика, духовных качеств, оценку поступков членов монаршего дома, а особенно императора, важно отметить определение, данное Карамзиным в одном из писем к П.А. Вяземскому: «Самодержавие есть душа, жизнь ее (России. – *Т.Ф.*)» [9. С. 68]. Монархизм, консерватизм российского историографа, его «хранительство» (см.: [13]), основанное на синтезе гуманистических идей, православия и политических принципах самодержавия, определяют ангельский образ царя (отношения с которым, как известно, не были безоблачными, особенно в самом начале их развития) и других членов царствующего семейства.

В записке к книгоиздателю С.И. Селивановскому, говоря о публикации собрания переводов, Н.М. Карамзин напишет: «Внутренность важнее наружности» [14. С. 587]. Думается, данная фраза как отражение жизненных установок Карамзина в полной мере может быть отнесена и к его концепции человека, она объясняет особенности его восприятия людей, оценки их качеств и поступков. Примером реального воплощения данной философской максимы в практике эпистолярного общения является письмо к графу И.А. Каподистриа, написанное Н.М. Карамзиным уже в конце жизни: «<…> все подробности о вашем здоровье, вашем наружном виде (материальном выражении нематериального) были для нас удовлетворительны. Но, к сожалению, многие вопросы о состоянии прекрасной души вашей, о занятиях деятельного вашего ума, о вашем столь всегда верном образе мыслей насчет происшествий нашего времени остались без ответа» [15. С. 10]. Состояние души, ум, образ мыслей – то, на что обращает внимание автор писем, давая характеристики своим друзьям и знакомым, то, что становится основным объектом его оценки.

При этом в центре внимания, как уже отмечалось выше, положительные душевные качества упоминаемых в письмах знакомых. Царствующие особы не являются исключением. Так, добродушие выделяется Н.М. Карамзиным при характеристике великой княгини Марии Павловны: «Она не такого блестящего ума, как наша Екатерина; однако ж любезна и в особенности нравится своим добродушием» [7. С. 177]. Ум великой княгини Екатерины Павловны не раз отмечается автором писем, который, как и многие современники, высоко оценивал это достоинство сестры императора, однако не менее важны для него душевные качества «тверской полубогини» (о Екатерине Павловне см.: [16]): «Кроме отменной живости ума, нахожу в ней редкую любезность и доброту» [5. С. 242].

Как известно, особые отношения связывали Н.М. Карамзина с супругой императора. Начиная с 1816 г. упоминания о ней присутствуют в карамзинских письмах к И.И. Дмитриеву и Е.А. Карамзиной, с 1820 г. Карамзин и Елизавета Алексеевна ведут регулярную переписку. Историограф питает особенно теплые чувства к Елизавете Алексеевне, они сходятся в присущем им обоим меланхолическом восприятии мира, переживании потерь близких, настроение Елизаветы так же, как и настроение Карамзина, определяется сложностью ее положения при дворе (см. [17]). Карамзин восхищается императрицей как в самом начале их общения: «снова удивлялся тонкости ума ее: всегда скромна и всегда любезна» [9. С. 33], так и в конце жизни: «она так прямодушна!» [15. С. 12]. При этом нельзя не сказать о том, что исследователи, основываясь также на письмах Елизаветы Алексеевны, указывают на неравнозначность уровня симпатии императрицы к Карамзину и Карамзина к императрице, они отмечают в большей степени «интеллектуальное тяготение» [18] Елизаветы к историографу.

Отражением карамзинской философии власти являются и характеристики, данные императору, на которого историограф «иногда досадовал <…> и все любил человека, красу человечества своим великодушием, милосердием, незлобием редким» [7. С. 12]. Эта несогласованность в оценке Александра-монарха и Александра-человека проявится достаточно рано. Еще в марте в 1811 г. в письме к И.И. Дмитриеву Карамзин напишет: «Я не имел щастия быть согласен с некоторыми Его мыслями, но искренно удивлялся Его разуму и скромному красноречию. Сердце мое всегда <…> угадывало и чувствовало доброту сего редкаго Монарха <…> Скажи Ему <…> что я и по правилам и по сердцу предан на веки Монарху столь редкому изящными качествами души» [5. С. 241]. Даже в эмоционально сложный для себя петербургский период 1816 г. Карамзин отмечает человеческие качества императора: «Он снисходителен, добродушен, как ты сам знаешь» [5. С. 324]. Эти примеры, а также примеры проективных характеристик, даваемых в письмах к царствующим особам, отражают специфику монархизма российского историографа, который не любил двора, но любил «царей и цариц, когда они украшают человечество своими внутренними достоинствами и любят сельские домики» [7. С. 186].

Характеристики императора в письмах Н.М. Карамзина являются репрезентацией представлений историографа об идеальном монархе и его исторической миссии. Неслучайно наиболее яркие описания личностных качеств Александра I, а также Николая II даются в связи с драматическими событиями. Особенно Карамзиным выделяются стойкость, мужество и хладнокровие. Таков император в рассказе о пожаре в царскосельском домике: «<…> бегу ко дворцу и нахожу государя уже дающего приказания, даже забрызганного водою почти в самом огне <…> Император был на ногах часов тринадцать или более. Не нужно говорить о его хладнокровии: Он видал и не такие опасности <…> Как любезнейший Хозяин, Император вчера же приходил к нам спросить о здоровье жены и детей» [5. С. 463]. Эти же качества крайне важны для Карамзина в образе Николая I в связи с декабристским восстанием: «Новый Император оказал неустрашимость и твердость <…> Я только зритель, но устал душою: каково же Государю? Он умен, тверд, исполнен добрых намерений: призываем на Него благословение Божие» [5. С. 640–641]; «Видел Императора на коне, среди войска; он был совершенно спокоен и хладнокровен <…> Еще скажу вам искренно, что новый Царь очень умен и тверд» [8. С. 437].

Е. Эткинд, размышляя о стратегии А.С. Пушкина – издателя журнала «Современник», в качестве синтезирующего основания этого журнала выделяет его положительную программу [19. С. 198]. Думается, письма Н.М. Карамзина, как и всю его творческую деятельность в целом, можно рассматривать также с позиции определенной положительной программы, которая нашла свое выражение помимо всего прочего в концепции героя времени, неразрывно связанной с его историософскими представлениями. Реализацию данной концепции можно усмотреть, как уже было показано выше, во фрагментах писем, отражающих личностные качества монарших особ.

Не менее показательны в этом отношении характеристики, которые Карамзин в своих письмах дает государственным мужам, общественным деятелям, людям, занимающим важные государственные посты. Важны указанные характеристики и как демонстрация восприятия личностных взаимоотношений, и как факты субъективных оценок, и как отражение мировидения историографа. Ключевые для государственного деятеля качества Карамзин сформулировал в письме к И.И. Дмитриеву от 3 июня 1825 г., давая оценку канцлеру А.А. Безбородке: «Граф Воронцов давал мне читать письма Безбородки к Гр. Александру Романовичу о временах Екатерины и Павла; он был хорошей министр; если и не великой; такого теперь не имеем. Вижу в нем ум Государственный, ревность, знание России – то, чего теперь не вижу. Жаль, что не было в Безбородке ни высокого духа, ни чистой нравственности. Заключим обыкновенною поговоркою: *нет совершенного*!» [5. С. 627]. Так, в несколько пессимистичном ключе историограф на исходе жизни обрисовывает свой концепт личности государственной: государственный ум, стремление ревностно служить своему делу, высокий дух и чистая нравственность. Эти качества и являлись для него оценочной матрицей, через которую он смотрел и на высокопоставленных современников, и на окружение, постоянно подчеркивая свое желание видеть на государственной службе «всех умных и честных людей» [5. С. 291].

Знаком высшей оценки того или иного человека в характеристиках, зафиксированных в письмах Н.М. Карамзина, становится указание на его исключительность, редкость. Так характеризует Карамзин Н.И. Огарева (в будущем действительного тайного советника и сенатора) в письмах 1812 г., настойчиво рекомендуя его министру юстиции И.И. Дмитриеву: «Усердно и дружески рекомендую его в твое благорасположение. Он дик, неискателен, чувствителен, честен, умен, способен к делам и весьма хорошо пишет. Прошу тебя узнать его короче: таких людей у нас не много <…> Пожалуй не оставь моих слов без внимания. Огарев действительно может быть очень полезен» [5. С. 257–258]. В следующем письме Карамзин возвращается к этой теме: «В рассуждении Огарева я желал бы, чтобы ты употребил его при себе к обоюдному удовольствию начальника и подчиненного: он умен, способен к делам и честен, как древний Римлянин, но дик» [5. С. 258]. В октябре 1812 г., сопровождая Н.И. Огарева своим письмом к Дмитриеву, он вновь дает ему характеристику: «<…> не много в свете таких честных, благородных и даже умных людей в смысле основательности, а не блеска мишурного» [5. С. 262]. Через два года друзья вновь обсуждают Огарева: «Я очень рад, что ты доволен Огаревым, в судьбе которого беру искреннее участие; она совсем не розовая; а он достойный человек» [5. С. 284].

Отдельно хотелось бы отметить, насколько важно для Н.М. Карамзина подчеркнуть «дикость» Н.И. Огарева. Это тем более интересно, если вспомнить, как он защищал дикость и чувствительность А.А. Петрова [5. С. 64].

Очевидно, что для автора писем это качество личности в высшей степени положительное, оно является синонимом искренности, естественности и свободы. Не случайно, в сложный для Карамзина петербургский период именно дикость станет воплощением его личной поведенческой философии, способом определить свою независимость от светских условностей: «Видишь, что муж твой гурон[3]: не поехал к графу Аракчееву, не воспользовался даже благорасположением Пуколова! Чего ж мне ждать? Уважения твоего и собственного. Я никого не хочу оскорбить грубостию; но мое ли дело идти криво?» [7. С. 170].

Думается, этими же представлениями определено то, что в письмах петербургского периода характерным способом дать положительную оценку тому или иному знакомому становится указание на редкость выделенных качеств среди представителей высшего света Петербурга. Так, 26 февраля 1817 г. в письме к Дмитриеву он напишет о графе П.А. Толстом: «Он любезной человек, благородной души. Таких не много в Петербурге» [5. С. 342]. В этом же ключе охарактеризован и князь А.Н. Салтыков, с которым Н.М. Карамзин знакомится в 1816 г. в Петербурге, о чем рассказывает в письме к жене, называя его умным и приятным человеком [7. С. 144]. В письме к И.И. Дмитриеву от 12 марта 1817 г. историограф сообщит об отставке Салтыкова, в очередной раз повторив формулу: «Не много таких людей в Петербурге. Он не хотел служить» [5. С. 343]. В ряд редких людей включен Н.М. Карамзиным и А.А. Аракчеев, характеристика которого очень важна для понимания роли этого государственного деятеля в российской истории: «Важный государственный человек <…> отказался от всех дел, как слышно: заменить его другим нелегко. Дельных людей на большой сцене у нас немного» [5. С. 635].

Как уже было отмечено выше, отрицательные характеристики знакомых Карамзину людей даже в его письмах к близкому другу (И.И. Дмитриеву) и супруге встречаются достаточно редко, но их рассмотрение также позволяет по-особенному раскрыть личность автора эпистолярных текстов и высветить грани его взаимоотношений с окружающими. Знаковым видится тот факт, что негативное суждение, как правило, сопрягается с указанием на достоинства человека: «Мне приятно знать, что ты любишь Каверина, я сам чистосердечно люблю его; он ветренен, но умен и добр» (И.И. Дмитриеву от 23 декабря 1800 г.) [5. С. 153]; «<…> был добрый человек, хотя и худой стихотворец» (об А.В. Храповицком И.И. Дмитриеву 12 февраля 1802 г.) [5. С. 158];

«Шишков честен и учтив, но туп» (Е.А. Карамзиной 14 февраля 1816 г.) [7. С. 148].

Заслуживает отдельного внимания отражение в письмах Н.М. Карамзина личности графа Д.И. Хвостова. В них нашла свое место как реальная, так и мифологическая ипостась последнего. С 1810 г. в письмах Н.М. Карамзина и других документах зафиксированы встречи с Хвостовым, факты получения его стихотворений. Хвостов присутствует на чтении в Академии наук фрагментов из «Истории государства Российского» и на вручении историографу медали, о чем сообщает Х.О. Кайсарову [20]. Он же, как пишет Карамзин, рассказывает историографу о новом назначении И.И. Дмитриева [5. С. 566]; Хвостов среди тех немногих, кто, по словам Н.М. Карамзина, время от времени может заглянуть к Карамзиным в Петербурге [5. С. 536]. При этом, несмотря на иронию, которая, надо сказать, по силе негатива несопоставима с иронией в отзывах и замечаниях современников, в том числе карамзинских друзей, Карамзин-автор писем дает прозорливо точную оценку Хвостову как факту словесной культуры его времени. Интересно, что именно оценки Карамзина созвучны размышлениям современных исследователей о месте и роли Д.И. Хвостова, литератора и человека, в литературном процессе первой трети XIX в. (см.: [21]).

Общепризнанная репутация Хвостова, конечно, фиксируется и Карамзиным. Так, например, имя, как принято было считать, плодовитого, но бездарного графомана появляется в письме А.И. Тургеневу под строками: «Еще мы рук не опускали, // Когда тебя, прощаясь, обнимали! // Граф Хвостов» [22. С. 480]. Далее Карамзин в шутливой (арзамасской) стилистике продолжает: «Скорее приезжайте – или руки наши устанут» [22. С. 480], при этом очевидно, что приписанные Хвостову строки с намеком на низкий уровень поэтического мастерства являются отсылкой к карамзинскому стихотворению «К неверной»[4]. В письмах Карамзина присутствуют также ироничные замечания, касающиеся личности и творчества графа, так, в письме к П.А. Вяземскому, говоря о стихах Хвостова, он пишет: «И у нас проявились смельчаки: граф Хвостов! *Дерзнув* сказать (в стихах на убиение Бери), что не должно резать людей, он ждет великодушно смерти от руки какого-нибудь Занда! Не выдумываю, а слышал от него самого» [9. С. 101]. Иронизируя над страстью Хвостова к писанию, Карамзин напишет в письме к другому своему другу: «Это, может быть, мои последние стихи в этой жизни; а в вечности, думаю, стихов писать не будем. Бедной Вольтер! и еще беднейший Гр. Хвостов!» [5. С. 536]. Но все же именно Карамзину принадлежит неоднозначная и глубокая оценка личности Д.И. Хвостова, которую он делает в проекции на себя и свои жизненные принципы. В письме к И.И. Дмитриеву от 20 сентября 1824 г. историограф пишет: «Я смотрю с умилением на Графа Хвостова и на Княгиню Прозоровскую: на перваго за его постоянную любовь к Стихотворству, на другую за такую же любовь ко двору, ни мало не охлаждаемую преклонными летами. Это редко, и потому драгоценно в моих глазах. Смейся, если угодно: я уважаю Хвостова, и более многих юных стихотворцев, которых имена вижу в Журналах, и которых также не читаю; он действует чем-то разительным на мою душу, чем-то теплым и живым. Увижу услышу, что Граф еще пишет стихи, и говорю себе с приятным чувством: вот любовь, достойная таланта! Он заслуживает иметь его, если и не имеет <…> Столько строк в письме к другу посвятить размышлению о Графе Хвостове не есть ли доказательство моего особенного к нему уважения – к поэту, а не к человеку: ибо он сам ставит в себе поэта гораздо выше человека?» [5. С. 604].

Очевидно, что в этой развернутой характеристике, пусть и написанной не без иронии, заключены важные для Карамзина – историографа и человека – мировоззренческие максимы, что ценностное значение ревностного служения делу не уменьшается для него, и в этом смысле граф Хвостов, пусть в травестийном варианте, может выступать примером и является одним из редких, по Карамзину, людей. Знаково в этом отношении отождествление Карамзиным самого себя с графом Хвостовым в письме, написанном И.И. Дмитриеву годом позже, где он вновь декларирует свою независимость (пусть и на фоне разочарований, постигших его в конце жизни) в историографическом служении: «Знаю, что и как пишу; в своем тихом восторге не думаю ни о современниках, ни о потомках: я независим, и наслаждаюсь только своим трудом, любовью к отечеству и человечеству. Пусть никто не будет читать моей Истории: она есть, и довольно для меня. Одним словом, я совершенный Граф Хвостов по жару к Музам или Музе!» [5. С. 636].

На примере рассмотренных характеристик из писем Н.М. Карамзина к разным лицам можно увидеть, как суждения о людях, независимо от общепризнанных мнений, становятся отражением карамзинского мировосприятия, являются практическим проявлением его жизненной философии, своеобразным поведенческим текстом. Кроме того, они позволяют представить окружение Карамзина сквозь призму мировидения автора писем, что крайне важно для полноценного освещения всего комплекса литературных, дружеских, служебных, монархических связей поэта, писателя, издателя, историографа и человека, еще до сих пор не предпринятого, но являющегося, без сомнения, актуальной исследовательской задачей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «У него красивое лицо» [8. С. 135].
[2] «в ней было что-то магическое и воздушное» [8. С. 146].
[3] Гурон – дикарь (от названия племени американских индейцев) [8. С. 141].
[4] Речь идет о следующих строках: «Еще ты рук не опускала, // Которыми меня, лаская, обнимала» [23. С. 207–208].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вацуро В.Э., Карамзин Н.М. Письма к В.М. Карамзину (1795–1798) // Русская литература. 1993. № 2. С. 80–132.
2. Петров С.Б. Симбирские дворяне Философовы – родственники Карамзиных, Столыпиных, М.Ю. Лермонтова // Карамзинский сборник. Карамзин и карамзинизм в современном сознании : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 30 ноября – 1 декабря 2015 г.). Ульяновск, 2016. С. 48–51.
3. Рыкова Е.К. Тургеневы и Карамзин // Карамзинский сборник. Ульяновск, 1997. Ч. 1. С. 20–26.
4. Букина Г.Ю. Н.М. Карамзин в жизни и творчестве П.А. Вяземского // Духовно-нравственный и эстетический потенциал русской литературной классики. Международная научная конференция. М. : ИИУ МГОУ, 2013. С. 73–79.
5. Сукайло В.А. Труды и дни Ивана Дмитриева. 1760–1837: хроника. Ульяновск : Печатный двор, 2008. 944 с.
6. Морозова Н.П. «Я вас сердечно почитаю...» (история дружеских отношений Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина) // Пушкинский музеум. Алманах. Вып. 8. СПб., 2017. С. 36–45.
7. Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1. 240 с.
8. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений : в 18 т. Т. 18: Письма. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. 624 с.
9. Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому 1810–1826 (Из Остафьевского архива). СПБ., 1897. 204 с.
10. Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Никитичу Бегичеву. М., 1860. 136 с.
11. Мельникова Л. Ангел и демон: Александр и Наполеон в восприятии современников // Родина. 2012. № 6. С. 74–76.
12. Сапченко Л.А. Последнее десятилетие российского историографа // Михаил Муравьев и его время : коллективная монография по материалам Шестой Всерос. науч.-практ. конф. «Михаил Муравьев и его время. Словесность. Служение. Совершенство (к 260-летию Михаила Муравьева и 300-летию Александра Сумарокова)» (Казань, 29–30 апреля 2017 г.). Казань : Редакционно-издательский центр «Школа», 2017. С. 64–72.
13. Ширинянц А.А., Ермашов Д.В. «Хранительство» Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 11–28.
14. Из писем и записок Н.М. Карамзина к Семену Иоанникиевичу Селивановскому // Библиографические записки. 1858. № 19. Стб. 581–587.
15. Письмо Карамзина к графу Каподистрия // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1835. Ч. 5. С. 1–13.
16. Минаков А.Ю. «Тверская полубогиня»: Великая княгиня Екатерина Павловна – лидер консервативной национально-аристократической партии // Россия XXI. 2010. № 4. С. 102–123.
17. Забабурова Н.В. «Елисавету втайне пел…» // RELGA. 1999. № 20 (26). URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1803&level1=main&level2=articles (дата обращения: 29.10.2019).
18. Галкина Т.И. Карамзин и императрица Елизавета Алексеевна // Библиотека Всероссийского музея имени А.С. Пушкина. URL: https://museumpushkin-lib.ru/publikacii-sotrudnikov/galkina-t-i/karamzin/ (дата обращения: 15.10.2019).
19. Эткинд Е. Незамеченная книга Пушкина: Перелистывая «Современник» – сто пятьдесят лет спустя // Revue des etudes slaves. 1987. T. 59. Fase 1–2. P. 197–212.
20. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 445. № 151. Л. 156.
21. Махов А.Е. Это веселое имя: Хвостов // Граф Дмитрий Иванович Хвостов. Сочинения. М. : INTRADA, 1999. URL: http://az.lib.ru/h/hwostow_d_i/text_0060.shtml (дата обращения: 09.09.2019).
22. Письма Н.М. Карамзина А.И. Тургеневу // Русская старина. 1899. Февраль. С. 463–480.
23. Карамзин Н.М. «К неверной» // Полное собрание стихотворений. М. ; Л., 1966. С. 205–208.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 31 января 2020 г.

“The Interior Is More Important Than the Exterior”: Images of Contemporaries in Nikolay Karamzin’s Letters

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 41–46.
DOI: 10.17223/15617793/453/5

Tatyana B. Frik, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tfrik@tpu.ru

Keywords: Karamzin; epistolary works; circle of contacts; image of contemporary; hero of time.
This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-012-00292A.

The article considers evaluations, portrait characteristics, and qualities of contemporaries from Nikolay Karamzin’s closest circle fixed in his epistolary heritage. The systematic reconstruction of the real picture of the historiographer’s literature, daily and social relations allows a deeper comprehension and a scientific description of his legacy, which makes the study relevant. As a result of the study, the author revealed the basic principles of creating contemporaries’ images specific to Karamzin’s epistolary behavior and patterns in the characterization and evaluation of individuals; she also determined the interrelation of these principles and patterns with the historiographer’s worldview. The main elements of the contemporaries’ description in Karamzin’s letters are external manifestations of the inner world, character traits, actions, less often portrait traits. Portrait details are mainly found in the description of the royal family members. Angelic motives are invariably included in the characteristics of the reigning persons Karamzin most often met with in his life. Karamzin’s historical and philosophical ideas, his monarchism, conservatism based on a synthesis of humanistic ideas, Orthodoxy, and political principles of autocracy had an influence on how he described the appearance, spiritual qualities, gave evaluations of the royal family representatives’ actions. The dominant characteristics of the emperor in Karamzin’s letters represent the historiographer’s ideas about the ideal monarch and his historical mission. Karamzin pays attention to the state of mind, intelligence, way of thinking when giving characteristics to his friends and acquaintances. All these become the main object of his evaluation. At the same time, his focus is on the positive spiritual qualities of the people mentioned in the letters. Karamzin’s letters, like his entire creative activities, can be viewed from the standpoint of a certain positive program, which found its expression, among other things, in the concept of the hero of the time, inextricably linked with his historiosophical worldview. The characteristics from Karamzin’s letters show how judgments about people, regardless of generally accepted opinions, become a reflection of Karamzin’s worldview, a practical manifestation of his philosophy of life, and a kind of a behavioral text. Besides, the letters make it possible to imagine Karamzin’s closest circle through the prism of the author’s worldview, which is extremely important for the full coverage of the entire range of literature, friendly, official, monarchist ties of the poet, writer, publisher, historiographer, and man.

REFERENCES

1. Vatsuro, V.E. & Karamzin, N.M. (1993) Pis’ma k V.M. Karamzinu (1795–1798) [Letters to V.M. Karamzin (1795–1798)]. *Russkaya literatura.* 2. pp. 80–132.
2. Petrov, S.B. (2016) [The Filosofovs, Simbirsk Nobles, Relatives of the Karamzins, the Stolypins, and of M.Yu. Lermontov]. *Karamzinskiy sbornik. Karamzin i karamzinizm v sovremennom soznanii* [Karamzin Collection. Karamzin and Karamzinism in the Modern Consciousness]. Proceedings of the All-Russian Conference. Ulyanovsk. 30 November – 1 December 2015). Ulyanovsk: Izdatel’stvo “Korporatsiya tekhnologiy prodvizheniya”. pp. 48–51. (In Russian).

3. Rykova, E.K. (1997) Turgenevy i Karamzin [The Turgenevs and Karamzin]. In: Shavrygin, S.M. (ed.) *Karamzinskiy sbornik* [Karamzin Collection]. Pt. 1. Ulyanovsk: Izd-vo SVNTs. pp. 20–26.
4. Bukina, G.Yu. (2013) [N.M. Karamzin in the Life and Works of P.A. Vyazemsky]. *Dukhovno-nravstvennyy i esteticheskiy potentsial russkoy literaturnoy klassiki* [Spiritual, Moral and Aesthetic Potential of Russian Literary Classics]. Proceedings of the International Conference. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Moscow: IIU MGOU. pp. 73–79. (In Russian).
5. Sukaylo, V.A. (2008) *Trudy i dni Ivana Dmitrieva. 1760–1837: khronika* [Works and Days of Ivan Dmitriev. 1760–1837: A Chronicle]. Ulyanovsk: Pechatnyy dvor.
6. Morozova, N.P. (2017) "Ya vas serdechno pochitayu..." (istoriya druzheskikh otnosheniy G.R. Derzhavina i N.M. Karamzina) ["I Sincerely Respect You" (The History of the Friendship of G.R. Derzhavin and N.M. Karamzin)]. In: *Pushkinskiy muzeum. Almanakh* [Pushkin Museum. Almanac]. Is. 8. St. Petersburg: National Pushkin Museum. pp. 36–45.
7. Karamzin, N.M. (1826) *Neizdannye sochineniya i perepiska Nikolaya Mikhaylovicha Karamzina* [Unpublished Writings and Correspondence of Nikolay Karamzin]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. N. Tiblena i K°.
8. Karamzin, N.M. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t.* [Complete Works: In 18 Vols]. Vol. 18. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub.
9. Karamzin, N.M. (1897) *Pis'ma N.M. Karamzina k knyazyu P.A. Vyazemskomu 1810–1826 (Iz Ostaf'evskogo arkhiva)* [Letters from N.M. Karamzin to Prince P.A. Vyazemsky. 1810–1826 (From the Ostafyev Archive)]. St. Petersburg: tip. M. Stasyulevicha.
10. Longinov, M.N. (ed.) (1860) *Pis'ma Karamzina k Alekseyu Fedorovichu Malinovskomu i pis'ma Griboedova k Stepanu Nikitichu Begichevu* [Letters From Karamzin to Alexei Malinovsky and Letters From Griboedov to Stepan Begichev]. Moscow: Obshch. lyubiteley rossiyskoy slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete.
11. Mel'nikova, L. (2012) Angel i demon: Aleksandr i Napoleon v vospriyatii sovremennikov [Angel and Demon: Alexander and Napoleon in the Perception of Contemporaries]. *Rodina*. 6. pp. 74–76.
12. Sapchenko, L.A. (2017) [The Last Decade of the Russian Historiographer]. *Mikhail Murav'ev i ego vremya. Slovesnost'. Sluzhenie. Sovershenstvo* [Mikhail Muravyov and His Time. Literature. Service. Perfection]. Proceedings of the 6th All-Russian Conference. Kazan. 29–30 April 2017. Kazan: Redaktsionno-izdatel'skiy tsentr "Shkola". pp. 64–72. (In Russian).
13. Shirinyants, A.A. & Ermashov, D.V. (2016) The Idea of "Khranitel'stvo" in N. Karamzin. *Tetradi po konservatizmu*. 4. pp. 11–28. (In Russian).
14. *Bibliograficheskie zapiski.* (1858) Iz pisem i zapisok N.M. Karamzina k Semenu Ioannikievichu Selivanovskomu [From Letters and Notes of N.M. Karamzin to Semyon Selivanovsky]. 19. Columns 581–587.
15. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.* (1835) Pis'mo Karamzina k grafu Kapodistriya [Letter From Karamzin to Count Kapodistrias]. 5. pp. 1–13.
16. Minakov, A.Yu. (2010) "Semigoddess of Tver": Grand Duchess Ekaterina as Leader of Conservative National-Aristocratic "Party". *Rossiya XXI – Russia XXI*. 4. pp. 102–123. (In Russian).
17. Zababurova, N.V. (1999) "Elisavetu vtayne pel…" ["I, inspired by Apollo, Elizabeth Secretly Sang"]. *RELGA*. 20 (26). [Online] Available from: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1803&level1=main&level2=articles. (Accessed: 29.10.2019).
18. Galkina, T.I. (n.d.) *Karamzin i imperatritsa Elizaveta Alekseevna* [Karamzin and Empress Elizaveta Alekseevna]. [Online] Available from: https://museumpushkin-lib.ru/publikacii-sotrudnikov/galkina-t-i/karamzin/. (Accessed: 15.10.2019).
19. Etkind, E. (1987) Nezamechennaya kniga Pushkina: Perelistyvaya "Sovremennik" – sto pyat'desyat let spustya [An Unnoticed Book by Pushkin: Leafing Over "Sovremennik" One Hundred and Fifty Years Later]. *Revue des etudes slaves*. 59 (1–2). pp. 197–212.
20. Department of Written Sources of the State Historical Museum. Fund 445. No. 151. Page 156.
21. Makhov, A.E. (1999) Eto veseloe imya: Khvostov [This Funny Name: Khvostov]. In: Khvostov, D.I. *Graf Dmitriy Ivanovich Khvostov. Sochineniya* [Count Dmitry Khvostov. Writings]. Moscow: INTRADA. [Online] Available from: http://az.lib.ru/h/hwostow_d_i/text_0060.shtml. (Accessed: 09.09.2019).
22. *Russkaya starina*. (1899) Pis'ma N.M. Karamzina A.I. Turgenevu [Letters from N.M. Karamzin to A.I. Turgenev]. February. pp. 463–480.
23. Karamzin, N.M. (1966) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 205–208.

Received: 31 January 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 47–53. DOI: 10.17223/15617793/453/6

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

Н.Д. Асташова

«КУЛЬТУРА КРИЗИСА» И СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД

Рассматривается проблема кризисного сознания современности. Применяемый в исследовании метод критического анализа концепций риска и катастрофического прогнозирования развития общества позволяет говорить о формировании специфической «культуры кризиса». Установлено, что современная цивилизация, определив стратегию существования социума в форме концентрации больших человеческих масс в городах, создает особую модель кризиса как способа регуляции человеческой деятельности.

Ключевые слова: кризис; катастрофа; риск; город; урбанизм; неопределенность; культура; отчуждение.

С конца XX в. наметился переход к новому типу общества, в котором основные социокультурные процессы определяются развитием технологий, изменивших взаимодействие человека с окружающим миром. Активное воздействие технологического прогресса на сознание и поведение человека привело к появлению новой социальной реальности, которая все чаще описывается посредством категорий «риск», «неопределенность», «скрытая угроза», «катастрофа», «кризис». В связи с этим появляется необходимость актуальной рефлексии в отношении социальных процессов с позиции стратегий деятельности в условиях кризисного, транзитивного, динамического общества.

За ускорение технологического развития человеку пришлось дорого заплатить: оборотной стороной прогресса стало «отсутствие какого-либо твердого основания для мировоззрения» [1. С. 335]; неопределенность – в социуме возникло все растущее чувство уязвимости и беззащитности перед мощью индустрии. В результате в современной науке сложилась достаточно устойчивая тенденция рассматривать ситуацию современного общества как кардинально преобразующую действительность. В фокусе внимания научного сообщества оказался анализ рисков и катастроф различных сфер жизни, выглядящий достаточно противоречиво. Таким образом, перед исследователем встает задача критического переосмысления сложившихся в науке устойчивых представлений и формирования нового взгляда на проблему кризисного существования человека в актуальных условиях социума, главные процессы которого сосредоточены в больших городах.

Основную проблему современности У. Бек видит в «невидимости» рисков, что в свою очередь повышает роль научного знания в качестве экспертизы. Однако политическая ангажированность инновационного развития «большой науки», когда современная мораль ставит политический интерес над научным заключением, возводит риск в категорию сверхопасности [2]. Следуя логике У. Бека, большая группа отечественных ученых, таких как С.Е. Байда [3], И.И. Белимов, С.Г. Геворкян, Е.Л. Коган [4], С.В. Зенченко, Е.А. Егоркин [5], Н.С. Неделько [6] и другие [7], пытаются преодолеть описанные им противоречия через прогнозирование рисков и катастроф.

Найти психологические основания для управления процессами в условиях нестабильности предлагают психологические исследования Д. Канемана, П. Словика, А. Тверски [8], В.А. Лефевра [9], В.А. Петровского [10], Т.Н. Солнцевой [11] и др., описывая природу риска как качество личности, для которой ситуация опасности становится средством, стимулом, мотивом для достижения определенных целей: человек выбирает риск сам.

Возможно, такое внимание к проблеме рисков и катастроф связано со страхом перед неопределенностью, источник которой Ф. Найт находит в модернизации процессов экономики [12]. Нестабильность экономических процессов капитализма породила не только неуверенность в будущем, но и настоящем, которое для современного человека видится крайне зыбким и непонятным. Нельзя сказать, что в предыдущие эпохи люди ощущали себя более уверено, но существовала убежденность, что при помощи знания и технологии диссонанс актуальной действительности будет преодолен. Однако итогом развития современного научного знания становится аспект, подчеркнутый Ж-Ж. Лиотаром: «Интересуясь неопределенностями, ограничениями точности контроля, квантами, конфликтами с неполной информацией, катастрофами, прагматическими парадоксами, постмодернистская наука строит теорию собственной эволюции как прерывного, катастрофического, парадоксального развития. Она меняет смысл слова “знание” и говорит, каким образом это изменение может происходить. Она производит не известное, а неизвестное» [13].

Г. Бехманн в своем исследовании показывает прямую связь роста объема знаний и увеличения рисков. С одной стороны, основанный на знаниях и их широком распространении в виде информации, риск становится более оправданным. С другой, ввиду того, что зависимость образования и науки от рыночных факторов лишает эти структуры универсальности и гибкости знания, стремление к просчитываемости и точности процессов лишь увеличивает вероятность ошибки, т.е. детальное планирование становится невозможным [14].

Таким образом, современная действительность с ее бурным развитием науки и технологий избавила человечество от иллюзий преодоления страха неопределенности при помощи знаний, теперь человек вынужден принимать нестабильность своей жизни как факт. Все это позволяет согласится с выводами Н. Лумана о том, что самоорганизующейся системе в

целом присуще создание ситуаций неопределенности. Рассматривая онтологические основания изучения рисков и угроз, он делает выводы о том, что сам факт обращения к этой теме ставит под вопрос рациональную природу деятельности человека [15].

И действительно, анализ ситуаций угроз, создаваемых развитием общества, показывает, что они являются следствием несоответствия действий субъекта в обновляющейся реальности [16]. Целый ряд исследователей, таких как Е.М. Бабосов [17], П.С. Гуревич [18], А.А. Гусейнов [19], В.А. Кутырев [20] соотносят этот процесс с потерей традиционных смыслов в современном обществе. Смещение акцента в развитии социума в сторону превалирования значимости техники и технологий над проблемами личности и утрата гуманистических ценностей в глобальном масштабе в этих исследованиях обозначена как настоящая катастрофа не только по отношению к индивидуальному человеческому существованию, но и к человечеству вообще.

Э. Гидденс жизнь в мире случайностей и угроз рассматривает как следствие модернизации и глобализации социальных процессов [21]. В концепции Э. Гидденса неопределенность – глобальное, характерное для всего человечества явление, обусловленное большей степенью риска любых решений. Технологические и социальные риски становятся абсолютно неконтролируемыми, неизбежность такой ситуации создает новые угрозы, связанные с антропологическими кризисами, которые Э. Гидденс называет “рукотворными”, т.е. зависящими от человека в отличие от природных катаклизмов [22].

Обилие исследований, посвященных рискам и катастрофам, дало почву для апокалиптических настроений в науке – например, работы А.Н. Вильямсона [23], В. Веллса [24], Дж. Рейлли [25], П. Плэйта [26] и др. Один из последних докладов Римского клуба «Come on! Капитализм, близорукость, развлечение и разрушение планеты» (2017 г.) демонстрирует тупиковое положение современной цивилизации, связанное в первую очередь с доминирующим мировоззрением: «…планета деградирует, авторитаризм и фундаментализм на подъеме, спекулятивный капитал торжествует» [27].

Актуальность поиска выхода из ситуации неопределенности и запутанности отношения современного человека к миру, представляющегося ему полным угроз, рисков и катастроф, наталкивает на критическое переосмысление имеющихся подходов, в первую очередь, через поиск идейных предпосылок специфического отношения к действительности.

Рождение «культуры кризиса»

Понятие кризиса имеет корни в медицинской терминологии и изначально несет вполне конкретный смысл: «…резкий, крутой перелом; тяжелое переходное состояние, момент дезорганизации и вместе с тем фактор самоорганизации системы, кризис – это естественная фаза развития любой системы, зона бифуркации» [28. С. 152–153]. Социальные науки заимствовали этот термин для определения нарушения привычного функционирования общества. То есть социальный кризис представляет собой «крутой перелом в развитии общества, тяжелое переходное состояние в его движении от одного этапа к другому» [29. С. 62–83]. Биомедицинская этимология понятия перетянула в социальные исследования и представление о кризисе как о некоем «естественном» процессе. Однако нельзя не согласиться с И.Н. Протасенко в том, что «современный кризис давно утратил свою естественность» [28. С. 154], превратившись во вполне управляемый, контролируемый процесс. Современные технологии управления кризисом в политических, экономических, личностных отношениях достигли практически абсолютного совершенства, превратившись в условие достижения определенных целей по изменению существующего порядка. Возникшая «экономика кризисов» поддерживает себя сама в первую очередь за счет шокового состояния психики обывателя.

Например, Н. Кляйн в своей книге «Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф» пишет: «политический и военный переворот, террористический акт, крушение рынка, война, цунами, ураган», которые вводят «…все население страны в состояние коллективного шока. <...> Подобно запуганному узнику, выдающему имена своих друзей или отрекающемуся от своих убеждений, общество, потрясенное шоком, часто отрекается от того, что в других условиях оно бы страстно защищало» [30. С. 33]. В качестве примера можно вспомнить как природные катастрофы – ураган «Катарина» в США, цунами в Таиланде, так и экономические кризисы, связанные с опиумными войнами начала XX в., долговыми ямами государств Латинской Америки 1980-х гг., и политические, такие как распад СССР в 1990-е, крушение башен-близнецов 11 сентября 2001 г. в США, – все эти события повлекли за собой качественные изменения в жизни масс. Таким образом, для перехода общества к новой доктрине, ему необходимо пережить социально-психологический шок, в состоянии которого оно неспособно противостоять новой идеологии. Переживаемый обществом кризис выводит на лидирующие позиции политические, экономические силы, ранее остававшиеся в тени.

У. Бек [2] пишет о превалировании «производства рисков» над «производством богатства»: в современной ситуации «риски» выступают только инструментом манипуляции многочисленными кризисами (экологическими, техногенными, политическими, культурными и т.д.) и не являются конечной целью социальной активности.

Все это наталкивает на выводы, что кризис, как реальный, так и мнимый, его прогнозирование, присчитывание его рисков стали способом существования социальных и политических систем. Ввиду контролируемости современных кризисов описание их с позиции «катастрофического» выглядит неуместным, поскольку катастрофа предполагает стихийный, невозвратный характер происходящего, а современное общество и личность, продолжают свое развитие и после пережитого шока от кризисной ситуации, но уже на иных условиях. Представление о кризисе как способе регуляции человеческой деятельности, порождающем смену социальной парадигмы, дает основание говорить о нем как о специфическом культурном фено-

мене, так как именно в культуре определяется «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (поведения, общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни…» [31. С. 33].

«Культура кризиса», сочетая в себе ощущение незащищенности и мифическое повествование о надвигающихся «опасностях», предвосхищение, ожидание «кризисов», присчитывание «рисков», определяет повседневную жизнь социума, которая «теряет свой безобидный статус» [32. P. 203]. Индивиды, сталкиваясь с непонятной ситуацией кризиса и множеством рисков внутри нее, оказываются неспособными к выработке алгоритмов поведения. Люди переживают, по мнению Э. Тоффлера, состояние страха, футурошока [33]. Ввиду того что информация воспринимается искаженно, предвзято, возникает ложное представление о происходящем в мире как о «катастрофе». Искаженное состояние сознания масс активно поддерживается СМИ. Э. Гидденс отмечает трансляцию ими далеких от изначального контекста ценностей [34].

Вполне логично, что в культуре общества постепенно складывается опыт психически нестабильного состояния, наиболее заметный в современном искусстве и архитектуре. Дегуманизация, сознательное избегание живых форм характеризуют не только подход творца, но и отношение зрителя, для которого такое выражение реальности оказывается понятным: одна и та же реальность расщепляется на множество различных реальностей, которые равнозначны, и выбор приоритета зависит от личности. «Далекий от того, чтобы по мере сил приближаться к реальности, художник решается пойти против нее. Он ставит целью дерзко деформировать реальность, разбить ее человеческий аспект…» [35. С. 124].

М. Фуко в «Истории безумия» показывает, что состояние психически нестабильного человека стало реальностью Новейшего времени, современная культура бесконечно обращается к этому состоянию, ища в нем ответ на вопрос о собственной сущности [36]. А Ж. Делёз, возможно, не сильно преувеличивает, говоря о том, «что наше общество производит шизофреников так же, как оно производит шампунь… при этом оно и создает гигантскую систему подавления-вытеснения по отношению к тому, что имеет собственную реальность» [37].

Через эстетизацию безумия в современной культуре высвечивается отчужденность человека от мира, парадоксальным образом обнажая его угрожающую сущность, раскрывая негативное начало. Состояние частичного или полного отчуждения – безумия – выставляет человека дезертиром жизни, ее основных ценностей и законов, а созданная им цивилизация становится все более автономной и более неуправляемой [38]. Культура кризиса блокирует любую попытку западного мышления навязать ценности как самообман и форму тоталитаризма. Отчужденный человек избегает любого давления со стороны системы. Любая структура видится враждебной ему, поскольку апатичный индивид ничего не способен предложить взамен, кроме бесконечного переживания собственных кризисов.

Образ психической болезни не просто выделяется в системе представлений современной культуры, но и начинает ее характеризовать: именно в безумии мыслители пытаются найти потаенный смысл действительности, а его значимость формирует далекое от реально происходящего, фрагментарное восприятие и мышление. Темпоральность такого сознания выступает разрушителем всех парадигм действительности, лишая ее каких-либо оснований. Мир теперь лишен понимания, абсурд – вот истинная реальность человеческого существования, порожденная им самим [39]. Ощущение страха, содрогание перед будущим становятся неотъемлемыми компонентами «культуры кризиса» в современности: «Если думать о будущем, оно покажется неизбежным; мы отчетливо увидим свою гибель и гибель всего существующего...» [40. С. 162]. Люди становятся равнодушными, пытаясь скрыть этот страх: так, в обыденной жизни индивида исчезает все то, что раньше придавало ей ценность – традиционные формы жизни распадаются, воцаряются неуверенность и бессилие что-либо изменить в утвердившемся хаосе сознания. В такой ситуации выглядит логичным переживание реальности в качестве глубокого психологического, социального и культурного кризиса.

Большой город как условие формирования «культуры кризиса»

Конец XX – начало XXI в. – это эпоха невиданного прежде роста городов, ставших центрами развития цивилизации: сегодня в городах живет больше половины населения планеты, и темпы увеличения городского населения, по прогнозам, в ближайшем будущем будут расти [41]. В связи с этим целый ряд исследователей развитие кризисного сознания связывают с тотальной урбанизацией жизни человека.

Мегаполис является идеальной социальной формой для управления большими массами населения, и, как справедливо отметил П. Вирио [42. С. 208], в ситуации урбанизации жизни населения политика, проводимая для огромного количества людей, сконцентрированных в одном месте, вытесняет политику для населения, некогда гармонично распределенного по всей территории. Из социальной психологии [43] давно известно, что именно при большой скученности людей индивид легко поддается влиянию, действию импульсивных, психических регрессий, это так называемый феномен заражения толпы. Современный город становится примером ситуации, в которой у общества не остается другого пути, как создавать рациональные системы, направленные на подавление, принуждение иррациональных элементов в социальном сознании.

М. Фуко красочно описывает, как с XVIII в. дисциплинарная власть начинает контролировать перемещения индивидов в пространстве [44], для этого требуется замкнутое пространство, в котором действуют свои правила. Таким пространством становится город. Сеть городских улиц, клетушки квартир, огромные корпуса фабрик и заводов, концентрация «дисциплинарных учреждений» (школ, больниц, казарм) формируют идеальную среду для подавления воли, подчине-

ния индивида с целью увеличения его полезности и управляемости. Таким образом, именно в городе рождается «дисциплина тела», к ней М. Фуко относит все, связанное с использованием и распределением человеческой энергии, с которой связанно то обстоятельство, что в медицине, юриспруденции и педагогике начиная с конца XIX в. все больше внимания уделяется различным отклонениям. Усиление власти врачей, педагогов, психиатров над личностью основывается на постоянной тревоге о несовместимости постоянно выявляемых «новых» отклонений в поведении, мышлении, психике с моральными нормами и социальными требованиями [45].

Г. Зиммель в работе «Большие города и духовная жизнь» представляет городского жителя как типичного невротика: «Психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, – это повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [46. С. 1]. Жизнь в городе притупляет восприятие людей, в котором начинает преобладать абстрактное над конкретным, анонимное над личным, типичное над индивидуальным, – все это делает горожан циничными и жестокими.

По мнению Ш. Зукин, культура городов в своей природе несет представление о кризисе – город становится центром страха. Рассматривая разные типы культуры городов, она отмечает важный для них принцип «эстетизации страха» [47. С. 19.], в котором выражается способность культуры создавать определенные образы города, влиять на восприятие его форм. Этот феномен приобретает все большее значение с тех пор, как население стало более мобильным и разнородным, а традиционные институты менее выраженными. Социальные группы, получившие контроль над различными культурными средами города, имеют возможность влиять на различные пороки города – от насилия и преступлений на почве ненависти до экономического упадка. Так, приводятся примеры из жизни районов Нью-Йорка (не только «неблагополучных», но и вполне «респектабельных»), культурное пространство которых становятся выражением принципов запугивания и сегрегации личности при условии несоответствия принятым нормам и стандартам.

И действительно, к современной городской архитектуре трудно применить формулу, в которой «человек – мера всех вещей» [48. С. 444]. Наоборот, архитектурный ландшафт современного города стремится подчинить себе человека: несоразмерные, огромные здания нависают над ним, подавляют, обозначая его ничтожность и незначительность в этом мире, вызывая страх быть раздавленным под их натиском. Сравнение города с джунглями никому не кажется странным: попадая в мегаполис, индивид моментально теряет ориентацию в пространстве и без дополнительных устройств (навигатор, планшет с картой, телефон) не в состоянии выбраться из лабиринта переплетений улиц, подземных переходов, навесных авиадуков. Скорость передвижения по городу превышает порог человеческого восприятия: максимум, что можно увидеть за стеклом летящего автомобиля, – это мельтешение кадров городских улиц, не складывающихся в целостную картину восприятия. Логично, что чувственный опыт восприятия внушительных фасадов зданий и ритмов уличной жизни с ее специфическими временными циклами оказывает компрессионный характер воздействия на психику человека, ему начинает казаться, что город «давит» на него, а потеря ориентации в пространстве и времени вызывает у современного горожанина колоссальный стресс. Чувство пропорциональности нарушено самими условиями современного городского пространства (его ритмы, архитектура), в которых человек теряет чувство меры, в том числе и в отношении самого себя: ему всегда всего мало, он вечно недоволен, раздражен и агрессивен.

Спецификой современного урбанизма становится уплотненное городское пространство, частота социальных коммуникаций в котором находится в обратной пропорции к плотности застройки. Теснота проживания вызывает потребность в обособленности, желании одиночества, защите частной жизни от внимания соседей. Поразительно слабые, нечастые контакты жителей мегаполиса в итоге оборачиваются тем, что большой город превращается в пространство отчуждения людей друг от друга, тотального одиночества.

При нарастании отчуждения город становится местом встречи Чужих друг другу не только людей, но и вещей, норм, взглядов, религий и т.п. Это не просто столкновение свободно перемещающихся в пространстве субъектов – это шок, непонимание, отторжение. Такая встреча Чужих делает зримыми условия, при которых начинают отстаиваться противоположные интересы, потребности, представления, а городская жизнь распадается на множество лишенных какой-либо связанности элементов.

Вполне логично, что большой город как носитель культуры кризиса стал проблемой для человека. Неотъемлемым элементом городской жизни является эстетизация нестабильного состояния, кризисного сознания личности, выражающего крайнюю степень отчуждения, наполняющую современную культуру.

Подводя итоги, можно сделать выводы о том, что урбанизм как образ жизни современного человека создает условия для рождения психологического / психического кризиса, который характеризуется состоянием страха, беспокойства, иррациональностью мышления. В отличие от других видов кризиса (политического, экономического, экологического) психологический кризис легко контролируется: его можно спровоцировать, усугубить, блокировать пути выхода из него, – этот фактор является условием для развития «индустрии кризиса», предлагающей широкий диапазон средств борьбы с нарастающим беспокойством от широкого диапазона фармацевтических средств до увеселительных заведений (парки развлечений, торговые центры, ночные клубы). Нагнетание и переживание кризиса становится социальным инструментом, способным не просто привести апатичные массы в движение, но и извлечь из их состояния финансовый доход, в связи с чем обнаруживается тенденция целенаправленного погружения человека в это состояние через культуру: СМИ, искусство, архитектуру и т.п. Страх, возведенный в статус культуры и обоснованный научными исследованиями, блокирует критиче-

ское мышление, доводы рассудка растворяются в панике людей, охваченных ужасом надвигающегося будущего. Абсурдность такого состояния создает идеальную ситуацию для управления: массы согласны принять любую парадигму, лишь бы избавиться от этого страха. Таким образом, представление о кризисе как способе регуляции человеческой деятельности дает основание говорить о нем как о специфическом феномене урбанистической культуры.

Современная цивилизация, определив стратегию существования социума в форме концентрации больших человеческих масс и сфер их деятельности в больших городах, создает самые противоречивые модели функционирования как социума вообще, так и отдельного индивида, что в свою очередь не может не породить кризисного состояния, которое при исходных противоречащих друг другу параметрах возрождается снова и снова – становится социальной, культурной нормой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарнас Р. История западного мышления. М. : КРОН-ПРЕСС, 1995. 448 с.
2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
3. Байда С.Е. Природные, техногенные и биолого-социальные катастрофы: закономерности возникновения, мониторинг и прогнозирование. М. : Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России, 2013. 194 с.
4. Белимов И.И., Геворкян С.Г., Коган Е.Л. Обработка и управление статистическими данными методами математической теории катастроф // Обозрение прикладной и промышленной математики. 2011. Т. 18, вып. 1. С. 104–105.
5. Зенченко С.В., Егоркин Е.А. Применение теории катастроф для оценки устойчивости позиций кредитной организации // Вестник СевКавГТУ. 2014. Вып. 19. С. 22–27.
6. Неделько Н.С. Использование теории катастроф к анализу поведения экономических систем // Вестник МГТУ. 2010. Т. 13, № 1. С. 223–227.
7. Риск в социальном пространстве / под ред. А.В. Мозговой; ин-т социологии РАН. М. : Изд-во Ин-та социол. РАН, 2001. 347 с.
8. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков : Гуманитарный центр, 2005. 632 с.
9. Лефевр В.А. Рефлексия. М. : Когито-Центр, 2003. 496 с.
10. Петровский В.А. Очерк теории свободной причинности // Вестник СамГУ. Психология. 1996. С. 67–87.
11. Солнцева Т.Н. О психологическом содержании понятия «риск» // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1999. № 2. С. 14–20.
12. Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль. М. : Дело, 2003. 360 с.
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб. : Алетейя, 1998. 159 с. URL: http://thelib.ru/books/liotar_zhanfransua/sostoyanie_postmoderna-read-9.html (дата обращения: 09.05.2019).
14. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Логос, 2010. 248 с.
15. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. № 5. С. 32–41.
16. Жмайло А.И. Социальный риск: особенности определения // Экономика и управление : научная сессия МИФИ. 2008. Т. 14. С. 56–57.
17. Бабосов Е.М. Человек в социальных системах. Минск : Беларуская навука, 2013. 481 с.
18. Гуревич П.С. Человек как предмет стал исчезать. Беседа с философом П.С. Гуревичем // Человек.RU. 2017. № 12. С. 231–244.
19. Гусейнов А.А. О человечестве и человечности // Ведомости прикладной этики. 2016. № 49. С. 137–150.
20. Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб. : Алетейя, 2015. 312 с.
21. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // TESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 5: Риск, неопределенность, случайность. С. 107–134.
22. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004. 120 с.
23. Williamson A.H. Apocalypse Then: Prophecy and the Making of the Modern World. N.Y., 2008. 368 p.
24. Wells W. Apocalypse When?: Calculating How Long the Human Race Will Survive. N.Y., 2006. 200 p.
25. Reilly J.J. Apocalypse & Future: Notes on the Cultural History of the 21st Century. Boston : Xlibris Corporation, 2000. 292 p.
26. Plait P. Death from the Skies! These Are the Ways the World Will End. N.Y., 2008. 336 p.
27. Римский клуб, юбилейный доклад. URL: https://aftershock.news/?q=node/601798 (дата обращения: 09.05.2019).
28. Протасенко И.Н. Кризис, общество и государство // Социальный кризис и социальная катастрофа. Сборник материалов конференции. СПб. : Санкт-Петербург. филос. общество, 2002. С. 151–156.
29. Бабосов Е.М. Катастрофы: социологический анализ. Минск : Навука і тэхніка, 1995. 472 с.
30. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М. : Добрая книга, 2015. 656 с.
31. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. М. : Академический проект; Альма Матер, 2015. 542 с.
32. Naisbitt J. Global Paradox: The bigger the World Economy, the More Powerful Its Smallest Players. N.Y. : Morrow, 1994. 304 p.
33. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2004. С. 6–261.
34. Giddens A. Modernity and Self Identity: Self and Society in the Late Modernity Age. Stanford, CA : Stanford University Press, 1991. P. 187–201.
35. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Кризис сознания : сборник работ по «философии кризиса». М. : Алгоритм, 2009. С. 105–156.
36. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М. : АСТ; АСТ Москва, 2010. 704 с.
37. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007 672 с. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1027780/89/Gricanov_-_Noveyshiy_filosofskiy_slovar._Postmodernizm.html (дата обращения: 05.05.2019).
38. Шелер М. Человек и история // Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994. С. 70–97.
39. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов: Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.П. М. : Политиздат, 1990. С. 222–318.
40. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991. 527 с.
41. UN Habitat. State of the World's Cities 2010/2011 – Cities for All: Bridging the Urban Divide. 2010. URL: https://unhabitat.org/books/state-of-the-worlds-cities-20102011-cities-for-all-bridging-the-urban-divide/ (дата обращения: 6.10.2019).
42. Вирильо П. Низвержение в пустоту // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». М. : Алгоритм, 2009. С. 205–248.
43. Лебон Г. Психология народов и масс. М. : Академический проект, 2011. 238 с.
44. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
45. Foucault M. Histoire de la sexualite'. Gallimard, 1984. Vol. 2: l'usage des plaisirs. 285 p.
46. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос, 3/4 (34). 2002. С. 1–12. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/2002_03-04_34.htm (дата обращения: 03.04.2019).
47. Зукин Ш. Культуры городов. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 424 с.
48. Кавтадзе С. Анатомия архитектуры. Семь книг о логике, форме и смысле. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 472 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 2 декабря 2019 г.

The Culture of Crisis and the Modern City

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 47–53.
DOI: 10.17223/15617793/453/6

Nadezhda D. Astashova, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: nadya.astashova@mail.ru

Keywords: crisis; disaster; risk; city; urbanism; uncertainty; culture; alienation.

The article is devoted to the problem of the crisis consciousness of modern man. The author aims to form a relevant reflection on social processes from the position of strategies of activity in a crisis, transitive, dynamic society. In this regard, the method of critical analysis is used for rethinking the firm ideas established in science and for identifying the prerequisites for the formation of a crisis culture in society. The study examines the concepts of social risk, catastrophic future prediction, analyzes situations of threats from society development. Conclusions are drawn about the formation of a "culture of crisis" in modern society. Crisis, both real and imaginary, its forecasting, calculation of its risks became a way of social and political systems' existence. The idea of crisis as a way of regulating human activity and generating a change in the social paradigm gives reason to talk about it as a specific cultural phenomenon, since it is in culture that the system of historically developing supra-biological programs of human activity (behavior, communication), ensuring the reproduction and change of social life, is determined. The main factor in the formation of the "culture of crisis" is urbanism as modern man's way of life which creates conditions for the birth of psychological or mental crisis characterized by a state of fear, anxiety, irrationality of thinking. Psychological crisis is easily controlled: it can be provoked, aggravated, the way out of it can be blocked; this factor becomes a condition for the development of the "crisis industry", offering a wide range of means to combat the growing anxiety. Crisis mongering and experiencing are a social tool that can not only set the apathetic masses in motion, but also extract financial income from their state; in this connection, the tendency of a purposeful immersion of a person into this state through culture (media, art, architecture, etc.) is observed. Fear, elevated to the rank of culture and justified by scientific research, inhibits critical thinking, reason dissolves in the panic of the people horrified by the future. The absurdity of such a state creates an ideal situation for governance: the masses are ready to accept any paradigm just to get rid of this fear. Thus, the idea of the crisis as a way of regulating human activity gives reason to spaek about it as a specific phenomenon of urban culture.

REFERENCES

1. Tarnas, R. (1995) *Istoriya zapadnogo myshleniya* [The Passion of the Western Mind]. Translated from English by T.A. Azarkovich. Moscow: KRON-PRESS.
2. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk Society, Towards a New Modernity]. Translated from German by V. Sedel'nik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya.
3. Bayda, S.E. (2013) *Prirodnye, tekhnogennye i biologo-sotsial'nye katastrofy: zakonomernosti vozniknoveniya, monitoring i prognozirovanie* [Natural, Technogenic and Biological-Social Catastrophes: Regularities of Occurrence, Monitoring and Forecasting]. Moscow: All-Russian Research Institute for Civil Defense and Emergency Situations of the Emercom of Russia.
4. Belimov, I.I., Gevorkyan, S.G. & Kogan, E.L. (2011) Obrabotka i upravlenie statisticheskimi dannymi metodami matematicheskoy teorii katastrof [Processing and Management of Statistical Data by Methods of Mathematical Catastrophe Theory]. *Obozrenie prikladnoy i promyshlennoy matematiki*. 18 (1). pp. 104–105.
5. Zenchenko, S.V. & Egorkin, E.A. (2014) Primenenie teorii katastrof dlya otsenki ustoychivosti pozitsiy kreditnoy organizatsii [Application of Catastrophe Theory to Assess the Stability of the Credit Organization's Positions]. *Vestnik SevKavGTU*. 19. pp. 22–27.
6. Nedel'ko, N.S. (2010) Catastrophe Theory and Analysis of Economic Systems' Behaviour. *Vestnik MGTU – Vestnik of MSTU*. 13 (1). pp. 223–227. (In Russian).
7. Mozgovaya, A.V. (ed.) (2001) *Risk v sotsial'nom prostranstve* [Risk in Social Space]. Moscow: Institute of Sociology, RAS.
8. Kahneman, D., Slovic, P. & Tversky, A. (2005) *Prinyatie resheniy v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya* [Judgement Under Uncertainty; Heuristics and Biases]. Translated from English. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
9. Lefebvre, V.A. (2003) *Refleksiya* [Reflection]. Moscow: Kogito-Tsentr.
10. Petrovskiy, V.A. (1996) Ocherk teorii svobodnoy prichinnosti [Essay on the Theory of Free Causality]. *Vestnik SamGU. Psikhologiya*. 1. pp. 67–87.
11. Solntseva, T.N. (1999) O psikhologicheskom soderzhanii ponyatiya "risk" [On the Psychological Content of the Concept "Risk"]. *Vestnik MGU. Ser. 14. Psikhologiya*. 2. pp. 14–20.
12. Knight, F. (2003) *Risk, neopredelennost' i pribyl'* [Risk, Uncertainty and Profit]. Translated from English by M. Kazhdan, V. Grebennikov. Moscow: Delo.
13. Lyotard, J.-F. (1998) *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition: A Report on Knowledge]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyya. [Online] Available from: http://thelib.ru/books/liotar_zhanfransua/sostoyanie_postmoderna-read-9.html. (Accessed: 09.05.19).
14. Bechmann, G. (2010) *Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniy* [Modern Society: Risk Society, Information Society, Knowledge Society]. Translated from German. Moscow: Logos.
15. Luhmann, N. (1994) Ponyatie riska [Risk: A Sociological Theory]. Translated from German. *Thesis*. 5. pp. 32–41.
16. Zhmaylo, A.I. (2008) Sotsial'nyy risk: osobennosti opredeleniya [Social Risk: Features of Definition]. *Ekonomika i upravlenie: nauchnaya sessiya MIFI*. 14. pp. 56–57.
17. Babosov, E.M. (2013) *Chelovek v sotsial'nykh sistemakh* [Man in Social Systems]. Minsk: Belaruskaya navuka.
18. Gurevich, P.S. (2017) Man as the Subject Began to Disappear. Interview With Philosopher P. Gurevich. *Chelovek.RU*. 12. pp. 231–244. (In Russian).
19. Guseynov, A.A. (2016) O chelovechestve i chelovechnosti [On Humankind and Humanity]. *Vedomosti prikladnoy etiki*. 49. pp. 137–150.
20. Kutyrev, V.A. (2015) *Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiya* [The Last Kiss. Man as a Tradition]. St. Petersburg: Aleteyya.
21. Giddens, A. (1994) Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, Risk and Security]. Translated from English. *TESIS: Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem*. Vyp. 5: Risk, neopredelennost', sluchaynost'. pp. 107–134.
22. Giddens, A. (2004) *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Runaway World: How Globalisation Is Reshaping Our Lives]. Translated from English by M.L. Korobochkin. Moscow: Ves' mir.
23. Williamson, A.H. (2008) *Apocalypse Then: Prophecy and the Making of the Modern World*. N.Y.: Praeger.
24. Wells, W. (2006) *Apocalypse When?: Calculating How Long the Human Race Will Survive.* N.Y.: Springer Praxis Books.
25. Reilly, J.J. (2000) *Apocalypse & Future: Notes on the Cultural History of the 21st Century*. Boston: Xlibris Corporation.
26. Plait, P. (2008) *Death from the Skies! These Are the Ways the World Will End*. N.Y.: Viking Press.
27. Aftershock. (2018) *Rimskiy klub, yubileynyy doklad: "Staryy Mir obrechen. Novyy Mir neizbezhen!"* [The Club of Rome, Anniversary Report: "The Old World Is Doomed. A New World Is Inevitable!"]. [Online] Available from: https://aftershock.news/?q=node/601798. (Accessed: 09.05.19).

28. Protasenko, I.N. (2002) [Crisis, Society and State]. *Sotsial'nyy krizis i sotsial'naya katastrofa* [Social Crisis and Social Catastrophe]. Conference Proceedings. St. Petersburg: Sankt-Peterburg. filos. Obshchestvo. pp. 151–156. (In Russian).
29. Babosov, E.M. (1995) *Katastrofy: sotsiologicheskiy analiz* [Catastrophes: A Sociological Analysis]. Minsk: Navuka i tekhnika.
30. Klein, N. (2015) *Doktrina shoka. Rastsvet kapitalizma katastrof* [The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism]. Translated from English. Moscow: Dobraya kniga.
31. Stepin, V.S. (2015) *Filosofskaya antropologiya i filosofiya kul'tury* [Philosophical Anthropology and Philosophy of Culture]. Moscow: Akademicheskiy proekt; Al'ma Mater.
32. Naisbitt, J. (1994) *Global Paradox: The Bigger the World Economy, the More Powerful Its Smallest Players*. N.Y.: Morrow.
33. Toffler, A. (2004) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Translated from English. Moscow: AST. pp. 6–261.
34. Giddens, A. (1991) *Modernity and Self Identity: Self and Society in the Late Modernity Age*. Stanford, CA: Stanford University Press. pp. 187–201.
35. Ortega y Gasset, J. (2009) *Degumanizatsiya iskusstva* [The Dehumanization of Art]. Translated from Spanish. In: Selin, O. (ed.) *Krizis soznaniya: sbornik rabot po "filosofii krizisa"* [Crisis of Consciousness: A Collection of Works on the "Philosophy of Crisis"]. Moscow: Algoritm. pp. 105–156.
36. Foucault, M. (2010) *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason]. Translated from French by I. Staff. Moscow: AST; AST Moskva.
37. Deleuze, G. & Guattari, F. (2007) *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French by V. Kuznetsov. Ekaterinburg: U-Faktoriya. [Online] Available from: https://www.e-reading.club/chapter.php/1027780/89/Gricanov_-_Noveyshiy_filosofskiy_slovar._Postmodernizm.html. (Accessed: 05.05.19).
38. Scheler, M. (1994) Chelovek i istoriya [Man and History]. In: Denezhkin, A.V. (ed.) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from
39. Camus, A. (1990) Mif o Sizife. Esse ob absurde [The Myth of Sisyphus. On the Absurd]. Translated from French. In: Yakovlev, A.A. (ed.) *Sumerki bogov* [Twilight of the Idols]. Moscow: Politizdat. pp. 222–318.
40. Jaspers, K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
41. UN Habitat. (2010) *State of the World's Cities 2010/2011 – Cities for All: Bridging the Urban Divide*. [Online] Available from: https://unhabitat.org/books/state-of-the-worlds-cities-20102011-cities-for-all-bridging-the-urban-divide/. (Accessed: 6.10.2019)
42. Virilio, P. (2009) Nizverzhenie v pustotu [Overthrow Into the Void]. Translated from French. In: Selin, O. (ed.) *Krizis soznaniya: sbornik rabot po "filosofii krizisa"* [Crisis of Consciousness: A Collection of Works on the "Philosophy of Crisis"]. Moscow: Algoritm. pp. 205–248.
43. Lebon, G. (2011) *Psikhologiya narodov i mass* [The Psychology of Peoples, The Crowd: A Study of the Popular Mind]. Translated from French by A. Fridman, E. Pimenova. Moscow: Akademicheskiy proekt.
44. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Translated from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem.
45. Foucault, M. (1984) *Histoire de la sexualite'*. Vol. 2. Gallimard.
46. Simmel, G. (2002) Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' [The Metropolis and Mental Life]. Translated from German. *Logos.* 3/4 (34). pp. 1–12. [Online] Available from: https://ruthenia.ru/logos/number/2002_03-04_34.htm. (Accessed: 03.04.19).
47. Zukin, Sh. (2018) *Kul'tury gorodov* [The Culture of Cities]. Translated from English by D. Simanovskiy. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
48. Kavtadze, S. (2018) *Anatomiya arkhitektury. Sem' knig o logike, forme i smysle* [The Anatomy of Architecture. Seven Books on Logic, Form and Meaning]. Moscow: HSE.

Received: 02 December 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 54–62. DOI: 10.17223/15617793/453/7

УДК 1(091)

И.В. Берестов

СВЯЗЬ АРГУМЕНТА ЗЕНОНА ЭЛЕЙСКОГО ИЗ 29 B 3 DK С СОВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ И ПЛАТОНОВСКИМ ΠΕΡΙΤΡΟΠΉ

Статья написана при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

Предлагается нестандартная трактовка фрагмента 29 B 3 DK Зенона Элейского, в соответствии с которой в этом фрагменте генерируется порочный регресс конституент сложного объекта, объединяющих предшествующие конституенты в единый объект. Показано, что модификации аргумента связывают его с некоторыми проблемами современной семантики пропозициональных установок и семантики языка мысли, а также позволяют представить атаку Платона на тезис homo mensura Протагора в более выгодном свете.

Ключевые слова: элеаты; парадоксы Зенона; бесконечный регресс; проблема единого-многого; пропозициональные установки; сообщения об убеждениях; алетический релятивизм; Протагор; homo mensura; Theaetetus.

Введение

Мы намерены предложить трактовку части одного из фрагментов Зенона Элейского. В соответствии с нашей трактовкой в ней содержится философски интересное и трудноопровержимое доказательство невозможности существования множественного сущего, т.е. сложного объекта, который содержит различные конституенты. Ранее мы уже проводили исследование аргументов Зенона против множественности сущего [1–3], в настоящей статье формулировка рассматриваемого нами аргумента будет существенно изменена для того, чтобы выявить ее связь с определенными проблемами современной философии. А именно мы намерены показать, каким образом обосновываемый Зеноном тезис связан с проблемами современной семантики, в том числе с проблемой корректной записи сообщений об убеждениях, а также с эпистемологической проблемой возможности постижения посредством интенционального акта, использующего язык. Тем самым мы укажем на новое, не раскрытое до сих пор, значение тезиса Зенона для современных философских дискуссий.

Кроме того, мы наметим пути выявления логической связи нашей интерпретации аргумента Зенона с некоторыми интерпретациями текстов античных философов – например, с интерпретацией тезиса Протагора о человеке как мере всех вещей и его критикой у Платона. Для того чтобы решить эти задачи, мы используем методологию, описанную в [4, 5], в соответствии с которой тип значений лексических единиц из философских текстов, исчерпывающийся тем, что философ имел в виду «на самом деле», не является единственным типом значений. Другой тип значений определяется ролью проинтерпретированного философского текста (при этом истолкование текста осуществляется с минимальными ограничениями на допустимые интерпретации, т.е. с минимальным учетом контекстуальных, исторических и социальных ограничений) в аргументах и дискуссиях других эпох вне зависимости от того, можем ли мы проследить историческую связь между ними. Именно так мы будем подходить к определению значений лексических единиц из тех фрагментов Зенона, которые будут рассмотрены в настоящей статье. Можно сказать, что в основе нашей методологии лежит тезис из [6. P. 20]: «любая серьезная история философии сама по себе должна быть упражнением (exercise) как в истории, так и в философии».

Регресс промежуточных / связывающих конституент сложного объекта в 29 B 3 DK

Рассмотрим фрагмент 29 B 3 DK[1] = Симпликий, *Комм. на Физику Аристотеля*, 140.27, нумерация строк по 11 Lee[2]:

(16) εἰ πολλά ἐστιν, ἄπειρα τὰ ὄντα ἐστιν· ἀεὶ
(17) γὰρ ἕτερα μεταξὺ τῶν ὄντων ἐστί, καὶ πάλιν ἐκείνων ἕτερα
(18) μεταξύ. καὶ οὕτως ἄπειρα τὰ ὄντα ἐστι.

«Если многие [сущие] суть, [то] сущие бесконечны [по числу], ведь всегда в промежутке другие сущие суть, и опять в промежутке между этими [исходными и промежуточными сущими] – другие. Итак, сущие бесконечны [по числу]».

Стандартная интерпретация фрагмента 29 B 3 DK весьма наглядна[3]. Представим себе протяженное тело, скажем, отрезок *AB*. Между точками *A* и *B* имеется точка *C*, между точками *A* и *C* – точка *D*, между точками *C* и *D* – точка *E*, и т.д. до бесконечности. Таким образом, в современных терминах, Зенон утверждает, что в силу плотности рассматриваемого им множества точек, которые принадлежат анализируемому им протяженному объекту, число таких точек бесконечно. Это утверждение, разумеется, истинно с точки зрения современной теории множеств. Однако из этого еще не следует, что сложный (понимаемый как протяженный) объект не может существовать. Для этого утверждения необходимо принять дополнительное допущение о невозможности существования множеств, содержащих бесконечное число объектов, и хотя некоторые современные математики, философы-математики, называемые финитистами, согласны принять это допущение, их доводы в его пользу до сих пор оказывались не слишком убедительны –

во всяком случае, подавляющее большинство современных математиков и философов математики отвергают это допущение.

Следует заметить, что фрагмент 11 Lee был процитирован нами не полностью. Процитированным строкам 16–18 из 11 Lee предшествуют строки 11–16, где Зенон доказывает, что если сущих много, то их число должно быть конечным. Таким образом, Зенон приходит к противоречию: если сущих много, то они конечны, но в 16–18 доказано, что они бесконечны. Следовательно, по *modus tollens*, надо признать, что сущих немного, т.е. сущее одно по числу. Получается, что структура доказательства из 11 Lee, рассматриваемого полностью, вполне прозрачна, но доказательство конечности числа сущих из 11–16 явно ошибочно: Зенон здесь говорит, что если сущих много, то их число не больше и не меньше их числа, из чего следует их конечность. Возможно, Зенон здесь использует известное свойство бесконечности, состоящее в том, что если к бесконечному числу сущих добавить еще одно сущее, то число получившихся сущих останется тем же – бесконечным. Возможно, соображения такого рода побудили Зенона к заключению, что раз число сущих с добавленным сущим осталось тем же самым, то число сущих не тождественно самому себе. Разумеется, это заключение не следует из посылок[4].

Предложить такую интерпретацию строк 11–16 из 11 Lee, которая наделила бы их интересным и философски значимым содержанием, на наш взгляд, невозможно. Но можно предложить интерпретацию строк 16–18, альтернативную приведенной выше, трактующую эти строки как полноценное доказательство немножественности сущего (не зависящее от строк 11–16), хотя и с подразумеваемой посылкой. Конечно, такая интерпретация раскрывает только одно из возможных содержаний фрагмента зеноновского текста (строки 16–18). Допустимость такого способа работы с текстами обосновывалась в [4, 5].

В нашей альтернативной или нестандартной интерпретации множественный объект не рассматривается как континуум или как плотное множество. Вместо этого в ней утверждается, что сложный объект, содержащий конституенты произвольной природы, включает также и то, что их связывает, соединяет в одно целое, то, благодаря чему сложный объект является чем-то одним, причину единства его конституент. Это связывающее нечто и исходные конституенты, в свою очередь, нуждаются в другом связывающем, отличном от первого, чтобы придать единство сложному объекту; второе связывающее нуждается в третьем связывающем, чтобы связать его с первым связывающим и с исходными конституентами, чтобы придать единство сложному объекту, и т.д. до бесконечности. В случае такой интерпретации у нас есть возможность гораздо более внятно, чем просто ссылкой на невозможность бесконечного множества, объяснить невозможность существования сложного объекта. Дело в том, что в случае нестандартной интерпретации, казалось бы, очевидное и совершенно невинное допущение, что сложный объект содержит каждую из своих конституент, приводит к противоречию. Это означает, что в случае нестандартной интерпретации невозможность существования сложного объекта действительно хорошо обоснована, ведь обоснование исходит из выглядящих весьма правдоподобными посылок и является формально корректным.

Для того чтобы в полной мере продемонстрировать *логические* (хотя и не исторические) преимущества нестандартной интерпретации, нам придется изложить ее в более строгом и формальном виде.

При нестандартной интерпретации 29 B 3 DK сущее, находящееся в промежутке (μεταξὺ) между другими сущими, трактуется как связь, благодаря которой конституенты сущего объединены во что-то одно. Эту связь также можно называть «объединителем». Запишем предложение «*a* является конституентой *A* вместе с конституентой *b*» в виде $N^3(A, a, b)$, а предложение «*a* является конституентой *A* вместе с конституентой *b* посредством объединителя α» в виде $N^4(A, a, b, \alpha)$. Верхние индексы над предикатами здесь и далее означают «местность» предиката, так что N^3 – трехместный предикат, а N^4 – четырехместный предикат, что сразу же влечет (для обычно используемых функций интерпретаций), что значения этих предикатов различны. Тогда содержание положения «Если многие [сущие] суть, [то] сущие бесконечны [по числу], ведь всегда в промежутке другие сущие суть…» из 29 B 3 DK в частном случае, для конституент *a* и *b* некоторого целого или сложного объекта *A*, находящегося «в промежутке» между *a* и *b* их объединителя α (α находится «в промежутке» между *a* и *b* в том смысле, что α объединяет *a* и *b*), трехместного предиката «__является конституентой__ вместе с__» N^3, четырехместного предиката «__является конституентой__ вместе с__ посредством объединителя__» N^4 можно переписать в виде

$$\text{(Nex1)}\ [N^3(A, a, b)\ \&\ A \neq a\ \&\ A \neq b\ \&\ a \neq b] \rightarrow$$
$$\rightarrow [N^4(A, a, b, \alpha)\ \&\ \alpha \neq A\ \&\ \alpha \neq a\ \&\ \alpha \neq b].$$

Утверждения $A \neq a$ и $A \neq b$ из антецедента (Nex1) просто отражают подразумеваемое Зеноном положение *Целое отлично от каждой своей части*[5]. Утверждение $\alpha \neq A$ из консеквента (Nex1) также отражает это положение. Утверждения $\alpha \neq a$ и $\alpha \neq b$ из консеквента (Nex1) отражают требование Зенона в 29 B 3 DK, чтобы «промежуточные» сущие были *другими* по отношению к тем, с которыми они являются «промежуточными», т.е. связывающее сущее должно быть отлично от связываемых им сущих.

Конечно, трактовка 29 B 3 DK в виде (Nex1) производит впечатление весьма натянутой. Кажется весьма естественным представить *A* в виде некоторого отрезка, *a* и *b* – в виде концов этого отрезка, и α – в виде его середины. Существует несколько фрагментов Зенона, где явно указывается, что рассуждение ведется о сущем, имеющем «величину» или о «непрерывном» сущем (29 B 1 DK; 29 B 2 DK; 29 A 21–22; 1–3 Lee = 29 A *20a –*20c в нумерации по переводу из [12]), и все рассуждение фактически выявляет факт бесконечной делимости континуума. Естественно предположить, что и в этом фрагменте, хотя в нем «величина» сущего и не упоминается явно, все-таки проводится такое же рассуждение. Однако при всей

естественности такое рассуждение не может исключить возможность других трактовок 29 B 3 DK.

Другим возражением против нашей интерпретации может быть указание на искусственное, не имеющее в тексте 29 B 3 DK никаких оснований введение целого *A* и объявление «сущих» *a* и *b* конституентами *A*. Однако фактически та же самая процедура неявно проделывается также и сторонниками стандартной интерпретации. Геометрическая интерпретация сущих *a* и *b* как лежащих на отрезке подразумевает, что имеется целое – т.е. этот отрезок, – объединяющее *a* и *b*[6].

Вряд ли такие соображения способны сделать нашу интерпретацию более привлекательной, чем стандартная, но они показывают, что она в некотором весьма широком смысле возможна, и у нее есть какие-то основания.

В дальнейшем, для того чтобы записать (Nex1) в случае произвольного числа конституент сложного объекта, а не только двух – *a* и *b*, нам будет удобно исходить из положения, являющегося следствием (Nex1):

$$\text{(Nex1}'\text{)}\ \ldots[N^3(A, a, b)\ \&\ A \neq a\ \&\ A \neq b\ \&\ a \neq b] \rightarrow$$
$$\rightarrow [N^4(A, a, b, \alpha)\ \&\ A \neq a\ \&\ A \neq b\ \&\ a \neq b\ \&$$
$$\alpha \neq A\ \&\ \alpha \neq a\ \&\ \alpha \neq b].$$

Теперь перепишем (Nex1´) в общем виде:

$$\text{(Nex2)}\qquad (\forall\mathbf{x})(\forall N)\{[N(\mathbf{x})\ \&\ NR(\mathbf{x})] \rightarrow$$
$$\rightarrow (\exists\alpha)(\exists N')[N'(\mathbf{x}+\alpha)\ \&\ NR(\mathbf{x}+\alpha)]\}.$$

В (Nex2) и далее переменная **x** пробегает по кортежам объектов $<x_1, x_2, x_3, \ldots>$, имеющим произвольную длину, но не менее трех объектов (сложный объект x_1, его первая конституента x_2, его вторая конституента x_3, …), при этом не запрещается, чтобы кортеж был бесконечным. Далее, + есть (не пропозициональная) функция от двух переменных, ставящая в соответствие кортежу и объединителю его объектов новый кортеж, полученный из прежнего приписыванием ему в конце объединителя, который, в случае бесконечного кортежа, занимает в нем место, следующее после каждого объекта из *a, b*, …, хотя и не имеет предшествующего объекта: $<a, b>+\alpha = <a, b, \alpha>$; …; $<a, b, c, \ldots> + \alpha = <a, b, c, \ldots, \alpha>$. Выражение $NR(\mathbf{x})$ читается как «кортеж **x** не содержит повторяющихся объектов». Переменная *N* пробегает по многоместным предикатам произвольной «местности» (возможно, бесконечноместным, но не менее, чем двухместным), каждый из предикатов является членом следующей последовательности:

– «__является конституентой некоторого сложного объекта__ вместе с__»;

– «__является конституентой некоторого сложного объекта__ вместе с__, [все предыдущее осуществляется] посредством объединителя__»;

– «__является конституентой некоторого сложного объекта__ вместе с__, [все предыдущее осуществляется] посредством объединителя__, [все предыдущее осуществляется] посредством объединителя__, …» и т.д. до бесконечности.

Положение, подразумеваемое в нестандартной интерпретации рассуждения Зенона, утверждает, что каждый объединитель, объединяющий конституенты сложного объекта, присутствует в этом сложном объекте, т.е. является его конститутентой. Это положение эквивалентно следующему положению, которое можно назвать «принцип полноты» сложного объекта: если имеется сложный объект, содержащий конституенты, то имеется кортеж объединителей конститутент сложного объекта, такой, что не существует ни одного объединителя, не принадлежащего этому кортежу:

$$\text{(Plen)}\quad (\exists\mathbf{x})(\exists N)[(N(\mathbf{x})\ \&\ NR(\mathbf{x})) \rightarrow \sim(\exists\alpha)(\exists N')(N'(\mathbf{x}+\alpha)\ \&\ NR(\mathbf{x}+\alpha))].$$

Однако (Plen) противоречит (Nex2). Следовательно, сложный объект, содержащий конституенты, не существует.

Заметим, что выявление этого противоречия проведено по образцу *Парадокса Бурали-Форти*, или широко известного доказательства невозможности множества всех ординалов в теории множеств.

Как можно оценить приведенное рассуждение? Есть ли здесь ошибка?

Критики рассуждения могут сказать, что у нас нет никаких оснований принимать (Nex2). Интуицией, стоящей за (Nex2), является следующий принцип единства сложного (составного, множественного) объекта:

(Un) *Конституенты сложного объекта (включая его самого) чем-то связаны друг с другом.*

Оснований оспаривать (Un), как кажется, нет, но адекватно ли передает (Nex2) содержание (Un)?

Допустим, что содержание (Un) состоит в следующем тезисе (*A, a, b* имеют те же значения, что и в (Nex1)):

(Nex3)…..Атомарное предложение, в котором утверждается, что отношение *N* соотносит *relata A, a, b,* корректно записывать не в виде $N^3(A, a, b)$, а в виде $N^4(A, a, b, N^4)$.

Такой подход к избавлению от регресса является некоторым упрощением способа, предлагаемого в [13. P. 12–15], где вводится «отношение, соотносящее самого себя (self-relating relation)». Конечно, подход из [13] является очень странным, но все доводы против него доказывают скорее не его абсурдность, а непривычность использования записи вида *N*(…, *N*, …), как в (Nex3). Поэтому нашу нестандартную интерпретацию аргумента Зенона против множественности сущего из 29 B 3 DK следует признать обоснованной гораздо лучше, чем его стандартная интерпретация, но все-таки уязвимой.

Регресс посредников интенционального акта

Используя положения, близкие к (Nex2) и (Plen), можно доказать тезис, значимый для современной философии. Это доказательство указывает на проблему в «масочной теории» [14–16] – подходе к

записи сообщения об убеждениях субъекта с обязательным указанием на маску, под которой субъекту в его убеждении дан реальный объект, – выдвинутой как способ решения так называемой *Головоломки Фреге* (*Frege's Puzzle*, далее – *FP*).

Сторонники «масочной теории» утверждают, что субъект может иметь убеждения об одном и том же реальном объекте под различными «масками» (guises), являющимися способами репрезентации (modes of representation) реального объекта. Далее мы будем обозначать маски как m_1, m_2… Пусть B^2(__, __) – двухместный предикат «__ убежден, что __», s – субъект убеждения, $[[P(a)]]$ – пропозиция, выражаемая предложением «$P(a)$».

Тогда можно сказать, что введение масок мотивируется тем, что у нас есть ощущение, что «наивное» (т.е. без масок) сообщение об убеждении субъекта s вида

$$B^2(s, [[P(a)]]) \ \& \ {\sim}B^2(s, [[P(b)]]) \ \& \ a = b$$

является истинным, когда субъект не распознает реальные объекты a и b как различные объекты, но, тем не менее, с использованием *принципа подставимости тождественных* (ППТ) показывается, что это сообщение ложно. Если же взамен «наивного» сообщения записать

$$B^3(s, m_1, [[P(a)]]) \ \& \ {\sim}B^3(s, m_2, [[P(b)]]) \ \& \ a = b,$$

то вывести его ложность с помощью ППТ станет невозможным, так что его истинность при ошибке распознавания реального объекта сохранится.

Видно, что введение масок решает *FP*, делая подстановку обозначений для объявляемых тождественными друг другу в экстенсиональном контексте реальных объектов безвредной, но подстановка тождественных также и для масок порождает те же затруднения, что и исходная версия *FP*. Действительно, сообщение

$$B^3(s, m_1, [[P(a)]]) \ \& \ {\sim}\ B^3(s, m_2, [[P(b)]]) \ \& \ a = b \ \& \ m_1 = m_2,$$

как кажется, истинно, если субъект ошибается в распознавании совпадения уже не только реальных объектов a и b, но также и масок m_1 и m_2. Но в силу ППТ оно ложно.

Чтобы избавиться от противоречия в последнем сообщении, можно ввести еще одну маску, но если репортер имеет право отождествлять маски, то потребуется еще одна маска, и т.д. до бесконечности. В результате получаем бесконечный регресс: маска, маска маски, маска маски маски… Параллельно с регрессом масок генерируется также и регресс сообщений об убеждениях субъекта s, таких что каждое последующее сообщение уточняет предыдущее. Заметим, что вариант сходного регресса уточняющихся описаний пропозиции, в которой убежден субъект, представлен в [17. P. 233–234][7].

Первые шаги получившегося у нас регресса можно записать следующим образом:

(B1)… … $\ulcorner B^2(s, p)\urcorner \Lleftarrow \ulcorner B^3(s, p, \alpha)\urcorner$;
(B2)….. $\ulcorner B^3(s, p, \alpha)\urcorner \Lleftarrow \ulcorner B^4(s, p, \alpha, \beta)\urcorner$;

и т.д. до бесконечности.

Здесь и далее символ «$\Lleftarrow$» является сокращением для выражения «должно быть расширено до / уточнено как / исправлено на». Например, (B1) можно прочитать как «$\ulcorner B^2(s, p)\urcorner$ следует исправить на $\ulcorner B^3(s, p, \alpha)\urcorner$».

Обобщая, мы можем записать следующую формулу регресса:

(B3) $(\forall \mathbf{x})(\forall B)[\ulcorner B(\mathbf{x})\urcorner \Lleftarrow (\exists\alpha)(\exists B')(\ulcorner B'(\mathbf{x}+\alpha)\urcorner)]$.

В (B3) переменная $\mathbf{x}$ пробегает по произвольным кортежам (возможно, бесконечным) вида $<s, p, \alpha>$, или $<s, p, \alpha, \beta>$, или $<s, p, \alpha, \beta, \gamma>$, или $<s, p, \alpha, \beta, \gamma, \ldots>$. Иначе говоря, эти кортежи (возможно, бесконечные) содержат: субъект, пропозицию, в которой субъект убежден; первую маску; вторую маску (являющаяся маской первой маски); третью маску (являющуюся маской второй маски)… Если так определенный кортеж (возможно, бесконечный) $\mathbf{x}$ представить в виде $<x_1, x_2, x_3, \ldots>$, то кортеж (возможно, бесконечный) $\mathbf{x} + \alpha$ представляется как $<x_1, x_2, x_3, \ldots, \alpha>$. Переменные второго порядка B и B' пробегают по отношениям веры (убежденности), соотносящим члены кортежей $\mathbf{x}$ и $\mathbf{x} + \alpha$ соответственно.

Теперь допустим, что имеется запись убеждения субъекта, в которой выражается следующее содержание: субъект убежден в исходной пропозиции p посредством *всех* необходимых для этого масок $\alpha, \beta, \gamma, \ldots$, сколько бы их ни было, вне зависимости от того, конечно или бесконечно число масок. Это допущение эквивалентно требованию истинности хотя бы одного сообщения об убеждениях субъекта, в котором субъект убежден в p посредством масок $\alpha, \beta, \gamma, \ldots$. Истинность такого сообщения об убеждениях влечет, что это сообщение корректно, т.е. не требует дальнейшего исправления. Требование корректности построенного в соответствии с принятыми принципами сообщения об убеждениях, являющееся требованием отсутствия исправляющего его сообщения об убеждениях, можно записать в следующем виде:

(Corr) ${\sim}\{(\exists \mathbf{x})(\exists B)[(\ulcorner B(\mathbf{x})\urcorner) \Lleftarrow (\exists\alpha)(\exists B')(\ulcorner B'(\mathbf{x}+\alpha)\urcorner)]\}$.

Но (Corr) противоречит (B3). Следовательно, не существует записи убеждения субъекта, в соответствии с которой субъект убежден в исходной пропозиции p посредством всех необходимых для этого масок $\alpha, \beta, \gamma, \ldots$.

Легко заметить, что это доказательство через (B3) и (Corr) аналогично доказательству невозможности существования сложного объекта через (Nex2) и (Plen) выше, поскольку в нем (B4) играет ту же роль, что и (Nex2), а (Corr) – ту же роль, что и (Plen).

Несмотря на эту аналогию, приведенное доказательство через (B3) и (Corr) имеет важное преимущество перед доказательством через (Nex2) и (Plen). В доказательство через (B3) и (Corr) основанием для принятия (B3) является вовсе не то, что (B3) передает содержание достаточно надежного положения (Un), – как мы видели выше, такая трактовка (Un) может быть оспорена, –

но совершенно другие соображения. Это делает получившийся аргумент неподверженным возражению из [13]. В некотором смысле получившийся аргумент является наследником нашей интерпретации 29 B 3 DK Зенона в виде доказательства через (Nex2) и (Plen). Однако здесь доказывается не невозможность существования нескольких сущих, составляющих нечто одно, но невозможность корректно записать сообщение о том, что субъект убежден в какой-либо пропозиции.

Можно привести еще несколько примеров доказательств, сходных с доказательствами через (B3) и (Corr) и значимых для современных философских дискуссий. Например, сходным образом можно представить аргумент через бесконечный регресс против гипотезы о существовании у людей языка мысли. Этой гипотезы уже в наше время придерживается Джерри Фодор, который в [18] попытался ответить на возражение через бесконечный регресс из [19. P. 163]. Для наших целей нет необходимости погружаться в обширную полемику о языке мысли, продолжающуюся до сих пор, для нас достаточно лишь показать, что имеется такой вариант возражения через бесконечный регресс, который сходен с доказательством через (B3) и (Corr). В таком варианте возражения доказываемым тезисом будет невозможность корректно записать сообщение о том, что субъект постигает какую-либо пропозицию с помощью его языка мысли. Если все, что мыслит субъект, мыслится им посредством языка мысли, то возникает регресс, например, функций интерпретаций индивидных констант и предикатов языков мысли. Если все, что субъект постигает, он постигает лингвистически, т.е. с помощью некоторого языка, в том числе языка мысли, то лингвистическое постижение пропозиции p сопровождается постижением функции интерпретации φ_1, наделяющей значениями константы и предикаты его языка L_1. Но постигнуть φ_1 можно только с помощью φ_2 для L_2 и т.д. до бесконечности. Видно, что возникший регресс описывается (B3), если понимать B и B' как отношения постижения, а α – как φ. Аналогично переинтерпретируются (Corr) и все доказательство через (B3) и (Corr). В результате мы получаем скептический тезис о невозможности постижения посредством языка (в том числе языка мысли), являющийся одним из известнейших тезисов трактата «*О не-сущем*, или *О природе*» Горгия[8].

Некоторым обобщением последнего доказательства можно считать доказательство, которое можно было бы назвать теоретико-модельным доказательством невозможности корректно записать на языке, для которого построена модель, сообщение о постижении субъектом какой-либо пропозиции. Это доказательство основывается на следующем положении, являющимся базовым для теории моделей: *термины в предложении имеют значение только относительно модели; также и предложение имеет истинностное значение только относительно модели*[9]. Применительно к сообщению об убеждениях субъекта это означает, что простое сообщение об убеждениях вида $B^2(s, [[S]])$ (здесь $[[S]]$ – пропозиция, выражаемая предложением S) некорректно и должно быть исправлено. Одним из способов потребовать это исправление может быть принятие следующего схемы:

$$\text{(B4)} \qquad \ulcorner B^2(s, [[S]])\urcorner \lessdot \ulcorner B^2(s, [[M \models S]])\urcorner .$$

Здесь и далее S обозначает произвольное предложение, M обозначает модель, в которой S истинно, $M \models S$ читается как «предложение S истинно в модели M». В этом случае генерируется бесконечный регресс сообщений об убеждениях и показывается, что невозможно корректно записать сообщение об убеждении субъекта, доказательство этого аналогично доказательству через (B3) и (Corr). Получается, что сообщение об убеждении субъекта не может быть корректно записано, что делает сомнительными рассуждения об интенциональных актах убеждения (вне зависимости от того, связаны они с языком, как в предыдущем случае, или нет). Аналогично обосновывается сомнительность работы с любыми другими интенциональными актами.

Другой способ потребовать исправления сообщения об убеждениях вида $B^2(s, [[S]])$, также основывающийся на базовом принципе теории моделей, использует то, что этот принцип влечет следующее требование: *любое* предложение (не только сообщение об убеждениях) требует исправления, т.е. релятивизации к модели. Последнее требование можно записать в виде следующей схемы:

$$\text{(M)} \qquad \ulcorner S\urcorner \lessdot \ulcorner M \models S\urcorner .$$

Поскольку в (M) S обозначает *любое* предложение, признание (M) влечет невозможность того, что какое-либо предложение является корректно записанным. Иначе говоря, (M) противоречит следующему положению, утверждающему наличие хотя бы одного корректно записанного предложения:

$$\text{(Corr}'\text{)} \qquad \sim(\exists S)(\ulcorner S\urcorner \lessdot \ulcorner M \models S\urcorner).$$

Помимо прочего, это противоречие между (M) и (Corr′) влечет невозможность корректной записи сообщения об убеждениях субъекта.

Положение (M) говорит, что какое-либо предложение само по себе не имеет истинностного значения, а чтобы оно имело истинностное значение, следует указать *то, относительно чего* оно истинно или ложно. В (M) этим *тем, относительно чего* предложение имеет истинностное значение, является модель M. Однако могут быть и другие релятивизаторы. Обратимся, например, к знаменитой сентенции Протагора [23] о человеке как мере всех вещей, далее именуемой «тезис *homo mensura*» (Plato, *Theaetetus* 152a2–4, 23 = 80 DK B 1):

‘πάντων χρημάτων μέτρον’ ἄνθρωπον εἶναι, ‘τῶν μὲν ὄντων ὡς ἔστι, τῶν δὲ μὴ ὄντων ὡς οὐκ ἔστιν’.

В некоторых интерпретациях тезиса *homo mensura* таким релятивизатором является тот человек, который признает истинной какую-либо пропозицию – в том смысле, что пропозиция истинна только *относительно этого человека* или *для него*, но не может быть истинной *просто*.

Заметим, что предшественником алетического релятивизма, который, возможно, выражается в тезисе *homo mensura*, является «реляционная теория мышления», приписываемая Кристофером Шилдсом Парменидy. Парменид признает эту теорию [24. P. 27], поскольку признает следующий принцип:

(RT) Каждый случай мышления включает в себя мыслящего, находящегося в отношении к тому, что им мыслится.

Таким образом, наш подход позволил выявить еще одну логическую связь между аргументами Зенона и Парменидом.

Возвращаясь к тезису *homo mensura* Протагора, заметим, что со времен платоновского περιτροπή-аргумента в *Theaetetus* 170c–171c[10] постоянно предпринимались попытки опровержения тезиса *homo mensura*. Если мы интерпретируем тезис *homo mensura* как требование релятивизации *любого* изрекаемого предложения к субъекту, то этому требованию не может удовлетворять ни одно предложение, ведь исправленное предложение, в свою очередь, тоже требует исправления и т.д. до бесконечности. В числе прочего то предложение, в котором выражается протагоровское требование релятивизации, также не может быть признано корректным или правильно построенным предложением, удовлетворяющим требованию релятивизации.

Но такая трактовка тезиса *homo mensura* означает, что наша интерпретация Зенона позволяет выявить логическую связь между двумя аргументами Зенона против множественности, тезисом *homo mensura* Протагора и попыткой опровержения этого тезиса у Платона, в *Theaetetus* 170c–171c. Эта связь опосредована тем, что платоновское опровержение Протагора, как показали современные дискуссии, нуждается в дополнении или уточнении: Платон, как кажется, некорректно выводит из положения «мнение оппонента Протагора *истинно для этого оппонента*» положение «мнение оппонента Протагора *просто истинно*» (ср.: *Theaetetus* 171a)[11]. Но платоновское опровержение Протагора может быть исправлено, если его посылки записать в виде (M) и (Corr´), где *M* интерпретируется не как модель, а как познающий субъект.

Таким образом, наша интерпретация аргументов Зенона в виде доказательства через (Nex2) и (Plen) допускает вариацию виде доказательства через (B3) и (Corr), которое является доказательством, интересным даже для современных философов. Кроме того, доказательство через (B3) и (Corr) может быть проведено посредством представления этого доказательства в виде частного случая доказательства через (M) и (Corr´), которое может быть возведено к оспариванию Платоном тезиса Протагора и продолжает обсуждаться в историко-философских исследованиях, посвященных релятивизму, а также в современных дебатах о релятивизме. В этом смысле наш подход к интерпретации древних философских текстов позволил сделать то, что невозможно сделать с помощью других, более традиционных и истрицистски ориентированных подходов: выявить значение аргументов Зенона для обсуждения тезиса Протагора и последующих его обоснований и опровержений, объединив их всех в единую дискуссию.

Заключение

В настоящей статье показано, что для понимания философской значимости фрагмента Зенона Элейского 29 B 3 DK, содержащего аргумент против множественности сущего, недостаточно учитывать только наиболее очевидные и естественные его интерпретации. Анализ менее очевидных интерпретаций позволил нам увидеть, что некоторые проблемы с семантикой сообщений о пропозициональных установках возникают из-за регресса, родственного регрессу у Зенона. Это позволило нам указать на необходимость пересмотра сложившегося понимания философской значимости 29 B 3 DK: мы уже не можем просто сказать, что аргумент Зенона более не представляет интереса из-за того, что бесконечность точек, лежащих на отрезке, не является доводом против существования этого отрезка.

Нам удалось показать, что 29 B 3 DK в нашей интерпретации связан со следующими актуальными до сих пор дискуссиями:

(*a*) о возможности такого отношения, что среди вещей, соотносимых им, находится само это отношение;

(*b*) о возможности записи сообщений о пропозициональных установках в виде отношения, среди членов которого находится и способ представления, посредством которого субъект представляет себе реальный объект (или пропозицию, или положение дел), и то, что этим способом представляется;

(*c*) о возможности особого языка мысли, сопровождающего наши акты мышления, а также, шире говоря, о выразимости мысли в языке.

Хотя в случаях (*b*) и (*c*) речь идет уже не о множественности сущего, структуры некоторых аргументов в этих дискуссиях родственны структуре аргументов Зенона из 29 B 3 DK в нашей интерпретации, и это показывает, что значимость рассматриваемых нами аргументов Зенона выходит за рамки традиционно ассоциируемых с ними теорий континуума и задач по последовательному выполнению бесконечной последовательности дискретных действий, «сверхзадач (supertasks)»[12]. При трактовке 29 B 3 DK как связанных с бесконечным делением континуума, выполнением бесконечной последовательности действий и решением «сверзадач» эти аргументы оказываются тематически связанными с *Дихотомией* и *Ахиллесом*. В нашей же трактовке в 29 B 3 DK обсуждается структура сложного объекта произвольной природы, не обязательно протяженного.

Разумеется, аргументы Зенона имеют значение не только для онтологии, но и для всех областей философии, где используются сложные объекты. Например, атаке подвергается, помимо прочего, также и сложный объект, состоящий из субъекта, его интенционального акта и интенционального объекта. Также атакуется субъект, имеющий различные восприятия и связывающий восприятия в

единый объект, и пр. Это означает, что критика сложных объектов у Зенона является атакой на теории когнитивных и интенциональных актов, а также на эпистемологические теории, поскольку, подрывая возможность любого интенционального акта и любой пропозициональной установки, также подрывает и возможность знать что-либо. Переформулированный нами аргумент Зенона, в котором атакуется уже не множественность сущего, а возможность корректной записи предложений (в том числе сообщений об убеждениях), претендующих на истинность, также имеет весьма важные эпистемологические последствия для постижения посредством интенциональных актов, использующих язык или другие посредники, «маски».

Выявление логической связи аргументов Зенона с дискуссиями (*a*), (*b*) и (*c*) в современной философии помогает обнаружить опосредованную дискуссиями (*a*) и (*b*) логическую связь этих аргументов Зенона с рассуждениями античных философов, другим способом не выявляемую.

Например, дискуссия (*a*) связана с предлагаемым Аристотелем способом остановить регресс в *Met*. Z 17 с помощью признания сущности тем, что связывает элементы составного объекта друг с другом, а также с ней самой[13].

Дискуссия (*b*) связана с возможной корректировкой платоновского возражения на тезис Протагора *homo mensura* в *Theaetetus* 170c–171c посредством представления этого возражения с использованием положений, сходных с (M) и (Corr´).

Дискуссии (*b*) и (*c*) связаны с обоснованием Горгием в трактате «*О не-сущем*, или *О природе*» невозможности познания объекта посредством знаков – например, объекта, обозначаемого или описываемого с помощью слов, т.е. написанных или изреченных знаков.

Также дискуссия (*c*) связана с признанием Аристотелем и Фомой Аквинским языка мысли[14].

Детальный разбор логической связи аргументов Зенона с аргументами других античных философов через дискуссии (*a*), (*b*) и (*c*), несомненно, интересен и требует отдельного подробного исследования, но здесь надо подчеркнуть, что с использованием современных дискуссий раскрывается не «историческое» значение сохранившихся фрагментов Зенона, но значения совершенно других типов, подробное описание которых приведено в [4, 5]. Эти последние значения можно было бы назвать общефилософскими значениями, они определяются лишь в том случае, если у различных философов можно выделить объекты, являющиеся «близнецами», имеющими в их рассуждениях сходные функциональные роли. Именно поэтому наша попытка обнаружить «неисторицистские» или «апроприационистские» значения текстов Зенона не влечет «модернизацию» или «анахронизацию» взглядов Зенона, приписывание ему положений из современных дискуссий, поскольку интересующие нас типы значений философского текста не призваны отражать с большей или меньшей точностью то, что философ имел в виду. Иначе говоря, мы признаем то значение, которое пытаются выявить у философского текста историцисты, одним из его значений, но в отличие от истрицистов не признаем его единственность.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] DK означает ссылку на [7].
[2] Lee означает ссылку на [8]
[3] См.: [9–11].
[4] См. подробнее: [1. С. 34; 11. P. 262].
[5] Об основаниях считать, что это положение заключено в 29 B 3 DK = 11 Lee, см. [1. С. 134–135].
[6] Мы уже пытались показать ранее [1. С. 132–133], что 29 A *20b DK (нумерация, принятая в русском переводе [12]) = 2 Lee; 29 B 3 DK = 11 Lee можно рассматривать как содержащие следующее положение (*): *если сущих много, то они составляют что-то одно*. Это положение объясняет естественность использования приводимого ниже (Nex2) для целей Зенона, но, вообще говоря, для признания (Nex2) признавать (*) не обязательно.
[7] Кент Бах использует свой регресс для обоснования невозможности сообщения об убеждении субъекта точно указать на убеждение, которого придерживается субъект.
[8] Аргумент Горгия представлен в двух версиях: 1. Ps.-Arist. *De Melisso Xenophane Gorgia*, VI, § 23, 980b 3–7 (см.: [20]); 2. Sext. *Adversus Mathematicos* VII, 85–86 (см. [21]). Анализ аргумента Горгия см. в [22].
[9] В теории моделей описанные ниже трудности избегаются посредством ограничения: только предложение на языке *L*, таком, что модель *M* есть модель *M* для языка *L*, имеет истинностное значение относительно *M*.
[10] Анализ платоновского аргумента см. в [25].
[11] Помимо [25] анализ платоновского возражения на тезис *homo mensura* проведен в работах: [26–29]. См. также: [30].
[12] Обсуждение возможности дать непротиворечивое описание «машин бесконечности (infinity machines)», т.е. воображаемых устройств, как механических, так и подобных компьютерам, способных выполнять «сверхзадачи», см. в [31, 32]. Краткий обзор полемики о таких устройствах см. в [1. С. 135–137].
[13] Так, Аристотель останавливает регресс в *Met*. H 6, 1045a28–1045b24; ссылки на «Метафизику» Аристотеля даются по [33]. См. подробнее: [34].
[14] См. подробнее: [35].

ЛИТЕРАТУРА

1. Берестов И.В. Regressus ad infinitum в обосновании Зеноном Элейским немножественности сущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. Вып. 4 (32). С. 131–145.
2. Берестов И.В. Довод regressus ad infinitum в обосновании немножественности сущего у Парменида и Зенона Элейского // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2012. Т. 10, вып. 1. С. 82–111.
3. Берестов И.В. Новый элеатизм: можно ли придать вес аргументам «против множественности» Зенона Элейского? // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 33–43.
4. Берестов И.В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Ч. I: Постановка проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2018. Вып. 436. С. 69–81.

5. Берестов И.В. Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Ч. II: Типы значений терминов // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 62–73.
6. Kenny A. The Philosopher's History and the History of Philosophy // Analytic Philosophy and History of Philosophy / T. Sorell and G.A.G. Rogers, eds. N. Y. : OUP, 2005. P. 13–24.
7. Die Fragmente der Vorsokratiker / Diels H., Kranz W., Hrsg. (=DK). Griechisch und Deutsch H. Diels. Herausgegeben von W. Kranz. Bd I–II. Die sechste Auflage. Hildesheim : Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1951–1952.
8. Lee H.P.D. Zeno of Elea (= Lee). Cambridge : CUP, 1936. vi + 125 p.
9. Makin S. Zeno on Plurality // Phronesis. 1982. Vol. 27. P. 223–238.
10. Owen G.E.L. Zeno and the Mathematicians // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / M. Nussbaum, ed. Ithaca : Cornell University Press, 1986. P. 45–61.
11. Peterson S. Zeno's Second Argument against Plurality // Journal of the History of Philosophy. 1978. Vol. 16. P. 261–270.
12. Фрагменты ранних греческих философов / ред. и пер. А.В. Лебедев. М. : Наука, 1989. Ч. 1. 576 с.
13. Meinertsen B. A Relation as the Unifier of States of Affairs // Dialectica. 2008. Vol. 62, is. 1. P. 1–19.
14. Salmon N. Frege's Puzzle. Cambridge (USA, Mass.) : MIT Press, 1986. xi + 104 p.
15. Salmon N. Illogical Belief // Philosophical Perspectives. 1989. Vol. 3. P. 243–285.
16. Shiffer S. Belief Ascription // The Journal of Philosophy. 1992. Vol. 89, is. 10. P. 499–521.
17. Bach K. Do Belief Reports Report Beliefs? // Pacific Philosophical Quarterly. 1997. Vol. 78. P. 215–241.
18. Fodor J.A. The Language of Thought. N. Y. : Crowell, 1975. x + 214 p.
19. Atherton M., Schwartz R. Linguistic Innateness and Its Evidence // Journal of Philosophy. 1974. Vol. 71, №. 6, P. 155–168.
20. Aristoteles. De Xenophane, de Zenone, de Gorgia // Aristoteles opera / Bekker I., ed. Berlin : Reimer, 1831. Vol. 2. P. 202–206.
21. Sextus Empiricus. Adversus mathematicos // Sexti Empirici opera / Mutschmann, ed. Leipzig : Teubner, 1914. Vol. 2–3.
22. Вольф М.Н. Трактат О не-сущем, или О природе Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: Условно-формальная структура и перевод // Schole: Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 152–169.
23. Plato. Theaetetus // Plato. Platonis opera / J. Burnet, ed. Oxford : Clarendon Press, 1900. Vol. 1. P. 142–210.
24. Shields Ch. Classical Philosophy: A Contemporary Introduction. L. and N.Y. : Routledge, 2003. xiv + 147 p.
25. Chappell T.D.J. Reading the περιτροπή: Theaetetus 170c–171c // Phronesis. 2006. Vol. 51, is. 2. P. 109–139.
26. Burnyeat M. Protagoras and Self-Refutation in Later Greek Philosophy // Philosophical Review. 1976. Vol. 85. P. 44–69.
27. Glidden D.K. Protagorean Obliquity // History of Philosophy Quarterly. 1988. Vol. 5, is. 4. P. 321–340.
28. Lee Mi-Kyoung. Epistemology after Protagoras: Responses to Relativism in Plato, Aristotle, and Democritus. N. Y. : OUP, 2005. x + 201 p.
29. Zilioli U. Protagoras and the Challenge of Relativism: Plato's Subtlest Enemy. Aldershot : Ashgate, 2007. xii + 160 p.
30. Берестов И.В. Парменидовские предпосылки в homo mensura Протагора // Schole: Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10, вып. 2. С. 659–670.
31. Zeno's Paradoxes / W.C. Salmon, ed. Indianapolis: Hacklett, 2001. xiv + 317 p.
32. Cave P. With and Without End // Philosophical Investigations. 2007. Vol. 30, is. 2. P. 105–126.
33. Aristotle. Aristotle's Metaphysics in Two Volumes / W.D. Ross, ed. Oxford : OUP, 1958.
34. Берестов И.В. Бесконечный регресс в Met. Z, 17 и проблематичность единства составного объекта // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности: материалы Моск. междунар. конф. по Аристотелю. Институт философии РАН, 17–19 октября 2016 г. / под общ. ред. В.В. Петрова. М. : Аквалон, 2017. С. 121–137.
35. Берестов И.В. Дефект в теории передачи форм Аристотеля и Фомы Аквинского // Вестник Томского государственного университета. 2019. Т. 439. С. 73–84.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 3 октября 2019 г.

A Relation of Zeno of Elea's Argument in 29 B 3 DK to the Contemporary Semantics and Plato's peritrope.

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 54–62.
DOI: 10.17223/15617793/453/7

Igor V. Berestov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: berestoviv@yandex.ru

Keywords: Eleatics; Zeno's paradoxes; infinite regress; one–many problem; propositional settings; belief reports; alethic relativism; Protagoras; *homo mensura*; *Theaetetus*.
This study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00128.

The problem of this study consist in the fact that the argument from fragment 29 B 3 DK does not mention the continuity of the being analyzed by Zeno, whereas the standard interpretation of Zeno's arguments deals exclusively with the continual being. This incongruity impelled the author to enter into a discussion about interpretations of 29 B 3 DK and to suggest a new interpretation of it, which is different from the standard one. The material for this study is fragment 29 B 3 DK and its modern interpretations. To justify the validity of the new interpretation of 29 B 3 DK, the author uses a non-standard historico-philosophical methodology, which he developed in his previous works. This methodology allows using modern technical tools and discussions to identify a specific type of meaning of philosophical texts. This type of meaning is different from what the authors of these texts meant "in fact". To reveal this meaning means to indicate discussions, including contemporary ones, in which the argument from the text in question can be embedded. The study consists of five stages. At the first stage, the author indicates that, from the point of view of contemporary scholars, 29 B 3 DK generates a banal and benign regress of points, which dichotomously divide a segment. Since the regress is benign, Zeno's presumable thesis (that the plural being is impossible) remains unproved. At the second stage, the author offers an interpretation of 29 B 3 DK which is more charitable to Zeno than the interpretation of modern scholars. In accordance with this interpretation, what is generated here is a vicious regress of constituents of any complex object. Each subsequent constituent unites all the previous constituents into a complex object. So the proof of Zeno's thesis is quite valid. At the third stage, the author points to Bo Meinertsen's paper, which offers a way to block regresses of the same type as the type of regress from 29 B 3 DK in the author's interpretation, and shows that Meinertsen's approach is very debatable. At the fourth stage, the author indicates some problems of the modern semantics for propositional attitudes (Kent Bach) and of the semantics for the language of thought (Margaret Atherton and Robert Schwartz). These problems can be set forth using modified premises from the author's interpretation of 29 B 3 DK. At the fifth stage, the author shows that a variant argument from 29 B 3 DK makes it possible to present Plato's attack on Protagoras' *homo mensura* thesis in *Theaetetus* 170c–171c in a more favorable light than modern interpreters (Timothy D.J. Chappell; Miles Burnyeat; Ugo Zilioli) are willing to concede. The conclusion is drawn that 29 B 3 DK has a greater philosophical significance than researchers have recognized until now.

REFERENCES

1. Berestov, I.V. (2011) The Regressus ad Infinitum in Zeno of Elea's Argumentation for the Simplicity of What Is. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4 (32). pp. 131–145. (In Russian).
2. Berestov, I.V. (2012) Regressus ad Infinitum in Zeno of Elea's and Parmenides' Argumentation for the Simplicity of 'What Is'. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: Philosophy*. 10 (1). pp. 82–111. (In Russian).
3. Berestov, I.V. (2014) The New Eleatism: Is It Possible to Give Weight to Zeno of Elea's Arguments "Against the Plurality"? *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: Philosophy*. 12 (2). pp. 33–43. (In Russian).
4. Berestov, I.V. (2018) Application of Walter Edelberg's perspectivalist semantics in the methodology of the history of philosophy. Part I: A statement of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 69–81. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/8
5. Berestov, I.V. (2019) Application of Walter Edelberg's Perspectivalist Semantics in the Methodology of the History of Philosophy. Part II: Types of Term Meanings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 62–73. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/438/8
6. Kenny, A. (2005) The Philosopher's History and the History of Philosophy. In: Sorell, T. & Rogers, G.A.G. (eds) *Analytic Philosophy and History of Philosophy*. N.Y.: Oxford University Press. pp. 13–24.
7. Diels, H. (1951–1952) Die Fragmente der Vorsokratiker. In: Kranz, W. (Hg.) *Griechisch und Deutsch H. Diels*. Bd I–II. Hildesheim: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung.
8. Lee, H.P.D. (1936) *Zeno of Elea (= Lee)*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Makin, S. (1982) Zeno on Plurality. *Phronesis*. 27. pp. 223–238.
10. Owen, G.E.L. (1986) Zeno and the Mathematicians. In: Nussbaum, M. (ed.) *Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy*. Ithaca: Cornell University Press. pp. 45–61.
11. Peterson, S. (1978) Zeno's Second Argument against Plurality. *Journal of the History of Philosophy*. 16. pp. 261–270.
12. Lebedev, A.V. (ed.) (1989) *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov* [Fragments from Early Greek Philosophers]. Translated from by A.V. Lebedev. Pt. 1. Moscow: Nauka.
13. Meinertsen, B. (2008) A Relation as the Unifier of States of Affairs. *Dialectica*. 62 (1). pp. 1–19.
14. Salmon, N. (1986) *Frege's Puzzle*. Cambridge (USA, Mass.): MIT Press.
15. Salmon, N. (1989) Illogical Belief. *Philosophical Perspectives*. 3. pp. 243–285.
16. Shiffer, S. (1992) Belief Ascription. *Journal of Philosophy*. 89 (10). pp. 499–521.
17. Bach, K. (1997) Do Belief Reports Report Beliefs? *Pacific Philosophical Quarterly*. 78. pp. 215–241.
18. Fodor, J.A. (1975) *The Language of Thought*. N.Y.: Crowell.
19. Atherton, M. & Schwartz, R. (1974) Linguistic Innateness and Its Evidence. *Journal of Philosophy*. 71 (6). pp. 155–168.
20. Aristotle. (1831) De Xenophane, de Zenone, de Gorgia. In: Bekker, I. (ed.) *Aristoteles opera*. Vol. 2. Berlin: Reimer. pp. 202–206.
21. Sextus Empiricus. (1914) Adversus mathematicos. In: Mutschmann, H. (ed.) *Sexti Empirici opera*. Vols 2–3. Leipzig: Teubner.
22. Vol'f, M.N. (2014) Gorgias' "On Not-Being or on Nature" in De Melisso Xenophane Gorgia, V-VI: Its Formal Structure and a Translation From Greek Into Russian. *Schole: Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Schole: Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 8 (2). pp. 152–169. (In Russian).
23. Plato. (1900) Theaetetus. In: Burnet, J. (ed.) *Platonis opera*. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press. pp. 142–210.
24. Shields, Ch. (2003) *Classical Philosophy: A Contemporary Introduction*. London; N.Y.: Routledge.
25. Chappell, T.D.J. (2006) Reading the περιτροπή: Theaetetus 170c–171c. *Phronesis*. 51 (2). pp. 109–139.
26. Burnyeat, M. (1976) Protagoras and Self-Refutation in Later Greek Philosophy. *Philosophical Review*. 85. pp. 44–69.
27. Glidden, D.K. (1988) Protagorean Obliquity. *History of Philosophy Quarterly*. 5 (4). pp. 321–340.
28. Lee Mi-Kyoung. (2005) *Epistemology after Protagoras: Responses to Relativism in Plato, Aristotle, and Democritus*. N.Y.: Oxford University Press.
29. Zilioli, U. (2007) *Protagoras and the Challenge of Relativism: Plato's Subtlest Enemy*. Aldershot: Ashgate.
30. Berestov, I.V. (2016) Parmenides' Premises in Protagoras' Homo Mensura. *Schole: Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Schole: Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 10 (2). pp. 659–670. (In Russian).
31. Salmon, W.C. (ed.) (2001) *Zeno's Paradoxes*. Indianapolis: Hacklet.
32. Cave, P. (2007) With and Without End. *Philosophical Investigations*. 30 (2). pp. 105–126.
33. Aristotle. (1958) *Aristotle's Metaphysics in Two Volumes*. Oxford: OUP.
34. Berestov, I.V. (2017) Infinite Regression in Met. Z, 17 and the Problem of Unity of a Composite Object. *The Legacies of Aristotle as Constituent Element of European Rationality*. Proceedings of the Moscow International Conference on Aristotle. 17–19 October 2016. Moscow: Akvalon. pp. 121–137. (In Russian).
35. Berestov, I.V. (2019) Deficiency in Aristotle's and Aquinas's Transmission of Forms Theory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 439. pp. 73–84. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/439/9

Received: 03 October 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 63–70. DOI: 10.17223/15617793/453/8

УДК 165

Д.К. Маслов

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ ЭКСПЕРТНОМУ ЗНАНИЮ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-10082).

Поднимается проблема доверия экспертам в свете скептических возражений Дж. Рисса и Секста Эмпирика. Указывается на разногласие, пристрастность и возможность обмана со стороны экспертов. Опираясь на концепции Л. Загзебски и А. Голдмана, демонстрируются основания для общего доверия свидетельствам других людей и доверия экспертам в частности. В свете критериев и понятия экспертизы выдвигается идея контроля со стороны других экспертов и возможность разногласия как условия доверия экспертам для выявления ошибок и злоупотребления.

Ключевые слова: социальная эпистемология; экспертное знание; свидетельство; свидетельское знание; эпистемическое разногласие; доверие.

Тема «экспертное знание» получила широкое освещение в исследованиях по социальной эпистемологии в последнее время, в частности, интерес вызывают проблемы эпистемического доверия в отношении свидетельского знания (testimonial knowledge) и эпистемического авторитета. Эти концепты являются основой понятия «экспертное знание».

Тотальное недоверие экспертам любой специальности может показаться бессмысленным, однако именно это явление можно широко наблюдать в современных условиях. Том Николс пишет в этой связи об американских политических реалиях: «Сегодня любое притязание на экспертное знание вызывает взрыв гнева со стороны определенных кругов американской общественности, которые незамедлительно жалуются на то, что такие утверждения суть не что иное, как ошибочная “отсылка к авторитету”, верный признак ужасного элитизма и очевидная попытка использования статуса эксперта для того, чтобы задушить диалог, необходимый для “реальной демократии”». Как верно отмечает Николс, результатом этого является то, что «в отсутствие действительных экспертов всякий является экспертом по любому вопросу» [1, см. также: 2]. Если Николс прав и социальный статус эксперта поставлен под сомнение, то этот эффект может иметь катастрофические последствия. Эксперты по праву суть производители и хранители знания. То, что знание истины есть необходимое условие для существования человечества, представляется убедительным, поскольку знание обеспечивает выживание и приспособление к условиям окружающей среды в процессе эволюции. При этом, если считать экспертов хранителями и производителями знания, отказ от доверия экспертам будет равняться отказу от знания и сознательному обскурантизму.

В настоящей статье мы хотим рассмотреть возражения против экспертного знания, вытекающие из политически мотивированной критики экспертов, которые воспроизводят скептические аргументы Секста Эмпирика и по сути ставят экспертное знание под сомнение. В частности, мы рассмотрим проблему обмана со стороны экспертов (раздел 1). Мы покажем основания для общей достоверности свидетельского знания (testimonial knowledge, т.е. знание с чьих-то слов), опираясь на современные исследования в области социальной эпистемологии (раздел 2), затем рассмотрим понятие и критерии эксперта. Общее сомнение в экспертном знании не является убедительным, но может иметь место в свете конкретных аргументов, в частности проблемы обмана со стороны экспертов (раздел 3). В заключение мы выдвинем возможность разногласия как механизм выявления обмана и тем самым как негативное условие достоверности экспертного знания (раздел 4). Поскольку может быть установлена эпистемическая достоверность экспертного знания, а в дальнейшем предложены основания для придания политического авторитета экспертам.

1

Дж. Бреннан выступил с резкой критикой демократии и занял ясную позицию в пользу политического влияния экспертов, называя ее *эпистократией* [3]. По утверждению Бреннана, демократия в ее нынешнем виде является дефективной формой правления. Автор исходит из предпосылки, что только такая форма политического устройства может успешно функционировать и поэтому быть легитимной, которая обеспечивает функционирование политической системы согласно эпистемическим нормам. Следовательно, демократия может быть успешной и легитимной формой правления, если она совершается эпистемически компетентными политиками, которые избраны компетентными избирателями. Компетенции подразумевают, в данном случае, наличие базовых знаний в области политики и социальных наук. Поскольку это не имеет места, что автор обильно демонстрирует на основе эмпирического материала, свидетельствующего о безграмотности и внушаемости американского избирателя (что, по все видимости, касается не только США), демократия оказывается дефективным правлением и она должна быть заменена эпистократией.

Эпистократия подразумевает, что только эпистемически компетентные избиратели и политики могут участвовать в управлении и принятии решений, что должно обеспечиваться своего рода экзаменом на право участия в политической жизни. Такой избиратель должен демонстрировать зрелое, информированное и обоснованное политическое суждение. В результате эпистократия представляет такую форму правления, которая управляется экспертами и основана на экспертном знании. (Это, в сущности, платоническое воззрение на политическое устройство.)

Дж. Рис (Reiss) выступил с критикой этой идеи, утверждая, что «экспертов нужно контролировать, а не предоставлять им больше власти» [4. P. 191]. (Также подобной позиции придерживается Г. Оригги, предлагающая разграничивать политический и эпистемический авторитет и ограничить пагубное и *авторитарное* влияние экспертов на демократию, которых она понимает как технократов. В этом смысле она представляет аристотелевское понимание политического, перенятое через Х. Арендт. (см.: [5. P. 160, 164]).

Рис предлагает следующую аргументацию в пользу данного решения: эксперты сами не обладают достаточным знанием, из чего следует, что они не могут претендовать на привилегированное положение в политическом отношении. Стоит отметить, что Рис говорит только о социальных науках вроде экономики и социологии, которые, несомненно, имеют политическую значимость, оставляя в стороне естественнонаучные дисциплины. Однако его аргументация идет еще далее и опровергает существование экспертного знания как такового. Один его аргумент подчеркивает продолжающееся и общее разногласие среди экспертов в социальных науках, что усугубляется тем, что каждый ученый придерживается догмы его собственной школы, в которой он прошел научную социализацию, тем самым демонстрируя пристрастность в пользу своих учителей [4. P. 188]. Эти аргументы подрывают не только политический авторитет экспертов, но и показывают отсутствие знания в силу разногласия, считающегося признаком отсутствия знания. Это положение покоится на законе противоречия, согласно которому высказывание А и его отрицание не-А не могут быть истинными вместе.

Таким образом, разногласие принимает форму противоречия, при наличии которого вопрос не может считаться решенным. Где получено знание, нет разногласия. В результате Рис доказывает, что эксперты не могут претендовать на политически привилегированное положение в силу нехватки знания, поскольку их политический авторитет основан на эпистемическом. Тем самым Рис, по видимому, разделяет предпосылку Бреннана о том, что правление должно основываться на знании, однако находит опору на экспертов сомнительной. Получается, что если бы эксперты действительно обладали знанием (маркером чего являлось бы отсутствие разногласия), то они по праву претендовали бы на превосходство в политическом суждении и могли бы пользоваться не только эпистемическим, но и политическим авторитетом. Поскольку эксперты не соответствуют критерию знания, они должны быть ограничены в политическом отношении, и, судя по аргументу, поставлены под сомнение в эпистемическом. Ввиду политического злоупотребления эпистемического авторитета последний попадает под сомнение, поскольку такая критика со стороны современных исследователей мотивирована политической ролью экспертного знания.

Это рассуждение поразительно схоже с аргументами Секста Эмпирика, который использовал разногласие как основной аргумент для опровержения теорий античных философов и ученых (разногласие и пристрастие к своей школе, см.: [6. PH II 38]. Он сформулировал аргументы против мудреца, чью фигуру можно рассматривать как аналог эксперта в античности с той разницей, что мудрец понимался как обладатель абсолютного и неопровержимого знания, в то время как современное понятие экспертного знания мыслится в рамках фаллибилизма и привязано к определенной области знания.

Тем не менее я опущу эту разницу и буду говорить об эксперте в современном смысле как обладателе погрешимого и привязанного к определенной области знания. Мы рассмотрим еще один аргумент Секста. Этот аргумент утверждает, что даже если допустить, что мудрец действительно располагает знанием, то это не означает, что мы должны доверять эксперту, поскольку он может нас обмануть, находясь в своем привилегированном положении [6. PH II 42]. Мудрец знает истину, в то время как мы можем опереться только на свидетельство мудреца, при этом мы не можем проверить и сравнить его свидетельство с истиной, и здесь кроется возможность для обмана. Что, если он решит нас обмануть по какой-либо причине? Здесь можно дополнительно указать на место в «Государстве» Платона, где говорится о благородной лжи (миф о происхождении) с целью устроения благого полиса [7. *Rep*. III 414e–15c].

В результате встает проблема эпистемического доверия экспертам и обоснование эпистемического авторитета в целом. Рассмотрим общие основания знания с чьих-то слов, или свидетельского знания (testimonial knowledge).

2

Экспертное знание является разновидностью более широкого концепта – свидетельского знания (testimonial knowledge). Точный и дословный перевод понятия «testimony» и производных от этого термина понятий «testimonial evidence», «testimonial knowledge», сложившихся в англоязычной практике, на русский язык затруднителен, поскольку отсутствует слово, имеющее точно такой же семантический ряд и позволяющее унифицированное употребление этого термина и его производных. К. Карпов при переводе статьи Дж. Греко предложил термин «свидетельские данные» для перевода testimonial evidence, «свидетельство» для testimony [8], что можно понимать по аналогии со свидетельскими показаниями очевидца в суде. Русское слово «свидетельство» охватывает семантику обоих англоязычных терминов – testimony и evidence, – и таким образом получается неблагозвучная в русском языке тавтология «свидетельское свидетельство». Мы последуем этому варианту перевода.

Свидетельское знание – это знание понаслышке, с чьих-то слов, т.е. со слов очевидца (А. Голдман называет такие свидетельства социальными (см.: [9. P. 14]). Как отмечает Р. Фьюмертон: «Отодвигая в сторону скептические замечания, почти трюизмом представляется тезис, что большая часть наших убеждений основана на свидетельствах других людей» [10. P. 77]. В широком смысле, согласно Фьюмертону, такое свидетельство есть «любое искреннее утверждение одного человека для использования другими людьми… Утверждение может быть устным или письменным,

формальным, данным под клятвой или же в контексте повседневного разговора» [10. P. 77]. Важно отметить, что свидетельские данные являются *эксплицитным* актом, при котором один человек сообщает другому, что положение *p* истинно, поскольку существуют и другие, неосознанные или невольные способы трансляции информации. Л. Загзебски понимает свидетельство как один из видов эпистемического авторитета среди других, при котором эпистемический авторитет может указывать на то, что он верит (или мы можем считывать его веру), что *p* истинно не с помощью прямого утверждения, но через поведение или определенный поступок [11. P. 131]. Получается, что свидетельские данные являются убедительным аргументом в пользу истинности некоторого положения *p*, поскольку нам об этом прямо сообщает информант.

Существует два основных подхода к свидетельским данным среди исследователей: редуктивный и анти-редуктивный [12. P. 66–68]. Редукционисты (позиция восходит к Юму, сегодня представлена Э. Фрикер) полагают, что свидетельские данные могут тогда считаться знанием, если они основаны на индуктивном или эмпирическом свидетельстве, составляющем ядро его достоверности. В случае отсутствия индуктивного свидетельства свидетельские данные не будут достойными доверия и не будут считаться знанием.

Анти-редукционисты (позиция восходит к Т. Риду, сегодня представлена Л. Загзебски, Т. Коуди) полагают, что свидетельство не должно сводиться к индуктивным свидетельствам и является самостоятельным источником познания, поскольку оно обоснованно в силу доверия словам персоны, сообщающей нам сведения. Голдман и Бланшар отмечают: «Анти-рудукционисты считают, что свидетельские данные сами являются базовым источником обоснования. Неважно, как мало позитивных свидетельств о надежности и искренности конкретного информанта или всех людей в целом имеет реципиент, он *prima facie* оправдан в своем доверии к информанту» [13].

Доверие другим людям и убежденность в их искренности делает свидетельские данные надежным, обоснованным источником знания: «Говоря точнее, обоснование с чьих-то слов укоренено в том факте, что информант берет на себя ответственность за истину его утверждения и приглашает слушателя доверять ему» ([13], мы опустили упоминания других авторов в тексте). Хотя множество сциентистски настроенных философов предпочтут первую альтернативу как очевидную, с точки зрения эпистемологии ситуация не представляется однозначной. Анти-редукционизм как теоретическая позиция был разработан на том основании, что силу свидетельских данных составляет именно доверие к информанту, а не содержание этого свидетельства, и поэтому свидетельство является существенным основанием знания такого рода. Как в другой работе отмечает А. Голдман, сторонники такой интерпретации «принимают такого рода позицию отчасти в силу очевидной [эпистемологической] безнадежности редукционистской или индуктивистской альтернатив. Ни дети, ни взрослые, по-видимому, не располагают достаточным количеством свидетельств на основании их личных восприятий или памяти для того, чтобы сделать убедительным индуктивный вывод к надежности свидетельских данных» [14. P. 111].

Эти два подхода приводят нас к проблемам эпистемической автономии и авторитета, которые лежат в центре свидетельского знания. Редуктивная модель свидетельства очевидца утверждает, что только эмпирические свидетельства являются знанием, и роль свидетельств сводится, таким образом, к распространению уже полученного знания. В этом отношении свидетельство выступает источником возможных ошибок и отклонений, угрожающих строгости и обоснованности знания (как в игре «глухой телефон»).

Это приводит нас к идее эпистемической автономии, которая в идеале позволяет исключить ошибки, возникающие при передаче знания, при отказе от свидетельств других людей. Принцип эпистемической автономии гласит, что познающий агент должен полагаться только на свои когнитивные способности и (эпистемически) доверять только себе. Крайняя версия такого подхода была сформулирована Э. Фрикер следующим образом: «Полностью автономный познающий агент (knower) не примет ни одну пропозицию [за истинную], если только он сам обладает свидетельством (evidence), устанавливающим ее истинность. Таким образом, он не примет ничего на основании слов других людей, даже если он располагает свидетельствами их надежности по рассматриваемому вопросу» [15. P. 225, ср. 11, 16. P. 52]. Умеренная версия эгоизма сформулирована Л. Загзебски так, что эпистемический эгоист только в том случае будет доверять кому-либо, если другой человек выдерживает оценку со стороны способностей и стандартов этого эгоиста [11. P. 54–55]. Основанием для этого является то, что мы можем доверять только своим эпистемическим способностям, с помощью которых можем оценивать эпистемическую достоверность других.

Однако эпистемический эгоизм представляется слабой альтернативой свидетельскому знанию. Загзебски настаивает, что даже сравнительно приемлемый вариант умеренного эпистемического эгоизма не выдерживает критики (см. также: [16]). Она построила аргумент исходя из эпистемического эгоизма и показала, что будет разумным и целесообразным принять эпистемический авторитет для достижения своих собственных (эпистемических) целей, без навязывания авторитета извне. Загзебски выделила принципы, обосновывающие авторитет свидетельствования, и именно ему нужно доверять поскольку: 1) «более вероятно, что я удовлетворю мое желание получить истинные мнения и избежать ложных, если я верю в то, что говорит авторитет, чем если бы я сам пытался выяснить, во что верить», и 2) если это свидетельство очевидца «выдержит мою сознательную саморефлексивную проверку лучше, чем если бы я сам пытался выяснить, во что мне верить» [11. P. 133].

Таким образом, эпистемический авторитет помогает нам достичь желанной цели – истинных мнений, так что мы можем сохранить эти мнения и после саморефлексивной проверки: «Мы должны принять опреде-

ленные личности и сообщества как эпистемический авторитет. Это традиционное заключение не нарушает нашу автономию, и является в действительности рациональным требованием автономии» [11. P. 252].

Свидетельское знание является более обоснованным концептом по сравнению с эпистемическим эгоизмом, поскольку лучше позволяет достичь эпистемические цели с меньшим количеством усилий. Таким образом, если мы желаем достичь истины, нам следует принять, что авторитет свидетельств других людей надежен в общем. Эпистемический эгоизм представляется невыгодной позицией для достижения знания, поскольку при его последовательном применении объем знания конкретного человека знания существенно уменьшится [15. P. 227]. Таким образом, можно заключить, что общее доверие к свидетельскому знанию оправдано и мы можем в целом опираться на свидетельства других людей, являющихся достоверными и выполняющих условия для доверия, если только отсутствуют опровергающие их свидетельства данные. Перейдем теперь к частному случаю свидетельского знания – экспертному знанию.

3

Хотя мы в целом можем полагаться на свидетельства других людей, можно представить множество ситуаций, в которых степень нашего эпистемического доверия к другим будет различаться в зависимости от их когнитивных способностей, обстоятельств получения свидетельства, применяемого метода и т.д. Э. Фрикер говорит в этом отношении о сильном и слабом «уважении» к информанту (deference) [15. P. 233]. О «слабом уважении» можно говорить в тех случаях, когда мы узнаем от кого-то, что *p*, без предварительного мнения по поводу *p*. Такое привилегированное положение информанта не является устойчивым и не создает прочного эпистемического авторитета. Допустим, я не знаю, как сыграла моя любимая футбольная команда вчера ночью, поскольку не посмотрел трансляцию и не имел возможности купить спортивную газету с утра или посмотреть результат в интернете. Я встречаю своего друга, который купил спортивную газету и узнал результат, хотя он делает это нечасто. В этом отношении я нахожусь в эпистемически зависимом положении и буду доверять своему другу в этом вопросе, однако это положение может измениться, если в следующий раз я куплю газету с результатами, а он – нет.

«Сильное уважение» предполагает, напротив, что реципиент сообщения меняет свое прежде существующее мнение ввиду прочного и лучшего эпистемического положения информанта, чье сообщение с очень высокой вероятностью является знанием. Здесь речь идет о *преимущественном* (preemptive) свидетельстве очевидца, что *p*, которое перевешивает все прочие свидетельства как против мнения *p*, так и делает излишними иные свидетельства в пользу *p*. Оно само по себе является достаточным основанием для принятия мнения, что *p* [11. P. 102]. С. Райт оспаривает, что преимущественное свидетельство должно исключать другие свидетельства и предлагает их совместное использование [17]. Представим, что я интересовался футболом и потом потерял интерес. В то же время мой друг постоянно интересовался футбольными новостями, следил за выступлением команд, получал сведения о состоянии команд и их игроков и т.д. Если бы мы с ним встретились посмотреть матч знакомых мне и ему команд, я мог бы иметь предварительное мнение, что команда А выиграет, поскольку на моей памяти она была сильной командой, в то время как ее противник, команда Б, была на моей памяти была аутсайдером. Однако мой друг утверждает обратное и говорит, что команда Б скорее выиграет. Поскольку мой друг интересуется футболом и следит за новостями, обоснованным будет отбросить свое изначальное мнение и принять противоположное ему на основании свидетельства моего друга (в этом примере речь идет о прогнозе, имеющем вероятностный характер, что связано со спецификой спорта). Основание для моей смены убеждений состоит в «сильном уважении» к прочному эпистемическому преимуществу моего друга по сравнению со мной.

Таким образом, «сильное почтение» отражает прочный эпистемический авторитет, и такой тип авторитета можно в целом назвать экспертным знанием. Кто является экспертом? В разных дисциплинах это понятие определяется по-разному, в частности, социологи и социальные мыслители зачастую определяют эксперта по наличию статуса или репутации эксперта [4. P. 161]. Эта точка зрения имеет право на существование, однако она не является универсальной. Эпистемологи, напротив, настаивают на принципиальной связи экспертизы с истиной, в чем и состоит смысл *episteme*. Экспертное знание является производным от познания истины, а не истина суждений выводится из положения эксперта (как это можно встретить, например, у М. Фуко).

В частности, А. Голдман говорит о «веритической» (veritistic) концепции экспертизы, подразумевающей, что эксперты действительно обладают знаниями о мире [14. P. 114]. Он предлагает следующее определение: «можно сказать, что экспертом (в строгом смысле) в области D является тот, кто обладает широкими познаниями (истинными мнениями) и набором умений или методов для уместного (apt) и успешного применения этого знания для решения новых вопросов в этой области. Любой стремящийся быть (когнитивным) экспертом в конкретной области будет претендовать на владение таким знанием и набором методов, и также будет утверждать, что располагает истинными ответами на обсуждаемые вопросы на основании его знания и методов» [14. P. 115–116].

Таким образом, быть экспертом означает владеть существенным объемом истинных мнений и методами для их обоснованного производства, так что знание будет результатом применения метода, а не случаем эпистемической удачи и тем более делом репутации.

На каких основаниях мы доверяем экспертам и рассматриваем их как авторитет в контекстах истинных мнений? Отсылка к мнению эксперта часто категорически критикуется как ошибка в рассуждении. Однако это неверно. Правильно сделанная отсылка к

мнению эпистемического авторитета является логически верным (valid) рассуждением, так что останется только проверять истинность посылок во избежание ошибки. А. Керен утверждает, что именно авторитет является основой достоверности мнения [18. P. 377]. В рассуждении отсылка к экспертному мнению может быть ошибочной, только если эксперт не обладает эпистемическим авторитетом, т.е. скомпрометировал себя или вообще не является экспертом. В курсах по формальной и неформальной логике авторы подчеркивают это [19. P. 61; 20. P. 360], хотя и отмечают, что вполне возможны случаи злоупотребления эпистемическим авторитетом [20. P. 361].

Отображает ли данное определение основание для доверия экспертам? В общем и целом да, особенно в случае отсутствия сведений против достоверности эксперта и свидетельств, опровергающих его рассуждения. Экспертное знание является знанием преимущественно, и только благодаря экспертам представители широкого, неэкспертного сообщества могут получить доступ к научному знанию. В результате общее недоверие к экспертам в силу общей достоверности свидетельского знания и привилегированной эпистемической позиции экспертов неоправданно и может покоиться только на частных основаниях и связано с лишением статуса эксперта. При этом встает вопрос о выявлении эксперта, который бы соответствовал понятию эксперта и демонстрировал взвешенное суждение.

4

В представленном выше аргументе Секста Эмпирика, по используемым им стандартам, подчеркивалось невыгодное эпистемическое положение дилетанта по сравнению с экспертом, причем в результате этого положения для дилетанта исключалась возможность проверить эксперта, из чего следовал вывод о недоверии эксперту. Этот аргумент сопровождался отсылкой к общему состоянию разногласия, причем оно мыслилось как признак провалившихся попыток познания, ведь при удавшемся познании доказательство должно обладать неопровержимой убедительной (прежде всего эпистемической, а не только психологической) силой. Поскольку на фоне столь сильных метафизических предпосылок общий консенсус на таких условиях практически невозможен, Секст выводил скептические следствия и вынуждал философов признать свои попытки познания провальными. Однако современные социальные эпистемологи исходят из других предпосылок, в частности, они оставляют общую скептическую проблему в стороне и полагают, что мы можем познавать, исследуя при этом рациональные стратегии и нормативное поведение познающих агентов, на этой основе формулируя эпистемологические принципы. Мы можем познавать на основе здравого смысла и индуктивных свидетельств, равно как и опираясь на научные в широком смысле, академические дисциплины.

В ответ на вопрос, почему эксперт может сознательно вводить нас в заблуждение в области его знаний, может прийти в голову множество возможных мотивов. Хотя эксперты достойны доверия, существует ряд условий этого доверия и, соответственно, случаи, когда эксперты не оправдывают доверия. В частности, эксперт может иметь финансовый интерес при публикации исследования или заявления по некоторому вопросу, так что он получит материальную выгоду от искажения информации, к примеру, в пользу некой корпорации (можно вспомнить многочисленные исследования о пользе вина и кофе, или исследования о безвредности сахара и колы и т.д., которые зачастую финансируются производителями этих продуктов). Далее, эксперт может быть движим политическими (идеологическими) мотивами и скрывать истину в пользу своей партии, «для общего блага», или же может фальсифицировать результаты исследования для создания репутации и получения институциональной должности, сопряженной с влиянием, властью и финансовой выгодой. Было бы ошибкой верить эксперту, который не соответствует стандартам этики знания и не является искренним, вводя публику в заблуждение; в этом отношении задача состоит в том, чтобы выявить возможный конфликт интересов, материальную заинтересованность эксперта, равно как и невольные ошибки. Не менее серьезной ошибкой со стороны публики является придание эпистемического авторитета ложному эксперту.

Для выявления возможного обмана со стороны эксперта или группы экспертов нужны механизмы, которые также позволили бы обоснованно понизить или лишить их эпистемического статуса. Эти механизмы во многом совпадают с критериями для определения подлинного эксперта. А. Голдман предложил следующие критерии, позволяющие дилетанту определить, кто с основанием может считаться экспертом (сам Голдман назвал это проблемой новичка и двух экспертов). Это:

(А) Аргументы, представляемые экспертом для защиты своей позиции и критики других позиций.

(Б) Соглашение со стороны других заслуживающих доверия экспертов по рассматриваемому вопросу.

(В) Оценка со стороны мета-экспертов.

(Г) Свидетельства пристрастности и предрассудков эксперта.

(Д) Учет прошлых достижений и ошибок эксперта (track-record) [14. P. 116].

Из этого списка критериев становится ясно, что решающую роль играет экспертное сообщество. Сообщество и его члены неизбежно заключены в так называемую «добродетельную петлю» (virtuous loop), на что указал К. Лерер. Для оценки достоверности кого-либо, нам нужно для начала оценить нашу собственную достоверность с точки зрения эпистемических стандартов сообщества, к которому мы принадлежим. Иными словами, основным источником сведений о нашей достоверности являются свидетельства других людей, которые должны были изначально оцениваться [21. P. 151]. Такая петля не является нарушающей эпистемические стандарты, скорее, она является неизбежным условием их функционирования вообще, поскольку обеспечивает взаимную оценку достоверности в согласии с нормами сообщества.

Общественная сторона познания представляется естественной, поскольку знание не создается одиночками, оторванными от общества и его интересов людь-

ми. Это распространяется и на отношения внутри экспертного сообщества, на производство, сохранение и распространение знаний. Экспертное сообщество несет функцию рефлективного контроля действий своих представителей согласно принятым стандартам. Это обстоятельство обеспечивает проверку экспертами со стороны других экспертов на предмет нарушения стандартов, а также в редких случаях хорошо подготовленными дилетантами или получившими достаточное образование, но не принадлежащими к экспертному сообществу людьми. (В этом отношении ярким примером является А. Эйнштейн, который сразу после обучения не смог продолжить научную карьеру и лишь позже, после опубликования своих революционных работ, вошел в научное сообщество. Даже до принятия в научное сообщество он, формально не будучи экспертом, мог выполнять экспертные функции.)

Мы полагаем в этой связи, что возможность разногласия является условием доверия к экспертам. Разногласие со стороны других экспертов и оппонентов позволяет выявить сознательные нарушения и возможные в работе эксперта. У. Синнот-Армстронг и Р. Фогелин приводят случай, когда один ученый сознательно сфальсифицировал результаты своего эксперимента для доказательства своей гипотезы. В частности, ученый выдумал эксперименты над 50 парами идентичных близнецов, разделенных в раннем возрасте и выращенных в различных социальных условиях, для того чтобы доказать генетическую детерминированность интеллектуальных способностей [20. P. 363]. В результате разногласия со стороны других исследователей, указавших на удивительно высокое число разлученных близнецов, был вскрыт подлог – эксперимент оказался полностью сфальсифицирован.

Экспертное сообщество является разнородным по существу, даже в пределах одной дисциплины. Эксперты занимают различные точки зрения и находятся в ситуации диспута, полемизируя между собой о решаемых ими вопросах. Тем не менее каждый диспут и разногласие имеют в качестве основания широкое согласие по поводу эпистемических методов и стандартов оценки, на что (в применении к философии, однако сферу действия этого принципа можно расширить до границ всего знания) указывает Д. Олсон [22].

Разногласие можно мыслить в отношении спорных вопросов, где существует рациональное разногласие, а также в отношении решенных. В первом случае (1) разногласие может указывать на поспешность научного утверждения или недостаточность доказательной базы некоторой теории. В этом отношении разногласие снизит уровень достоверности высказываний эксперта, но не его эпистемический авторитет, поскольку невольная ошибка или ошибочное предположение (если такие не являются правилом) не исключены у любого, даже лучшего эксперта.

Другой случай (2) разногласия выполняет скорее контрольную функцию, когда разногласие приводит к выявлению нечистоплотности эксперта и снижению его уровня доверия к нему. Ошибочный или намеренно сфальсифицированный результат экспертной деятельности может быть выявлен или разоблачен со стороны других экспертов, что касается содержания и примененных методов исследования, а также со стороны подготовленных дилетантов и экспертов в отношении источников пристрастия. Условием такой функции разногласия является проверяемость научных результатов со стороны экспертного сообщества.

Тем самым создается основание для выявления возможного обмана, которое обретает форму разногласия с последующим установлением истины или же констатацией невозможности разрешить проблему к этому моменту времени. Разногласие (1) предстает в виде точки прироста нового знания. Разногласие (2) выступает в роли индикатора возможных проблем и выявления ошибок или обмана после надлежащей проверки. С этой точки зрения возможность разногласия выступает в виде негативного условия экспертного познания. (Однако, здесь необходимо принять допущение о наличии целого сообщества, обладающего надежными методами выявления истины, которые способны осуществить функцию контроля и создать ситуацию разногласия.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Nichols T. The Death of Expertise. 2014. URL: https://thefederalist.com/2014/01/17/the-death-of-expertise/
2. Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. М. : Бомбора, 2019.
3. Brennan J. Against Democracy. Princeton University Press, 2016.
4. Reiss J. Expertise, Agreement, and the Nature of Social Scientific Facts or: Against Epistocracy // Social Epistemology. 2019. Vol. 33, № 2. P. 183–192.
5. Origgi G. What Is An Expert That A Person May Trust Her? Towards A Political Epistemology Of Expertise // Humana. Mente. Journal of Philosophical Studies. 2015. Vol. 28. P. 159–168.
6. Секст Эмпирик. Пирроновы основоположения // Сочинения в двух томах / общ. ред. А.Ф. Лосева; пер. с древнегреч. М. : Мысль, 1976. Т. 2.
7. Платон. Государство // Сочинения в трех томах. М.: Наука, 1971. Т. 3, ч. 1.
8. Греко Дж. Свидетельство и передача религиозного знания // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 53, № 3. С. 19–47.
9. Goldman A. A guide to Social epistemology // Social epistemology. Essential readings / Ed. by A. Goldman and D. Whitcomb. New York : Oxford University Press, 2011. P. 11–37.
10. Fumerton R. The Epistemic Role of Testimony: Internalist and Externalist Perspectives // The Epistemology of Testimony / Ed. by J. Lackey, E. Sosa. Oxford : Clarendon Press, 2006. P. 77–92.
11. Zagzebski L. Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief. Oxford : Oxford University Press, 2012. 279 p.
12. Gelfert A. Beyond The ‘Null Setting’: the Method of Cases in the Epistemology of Testimony // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 2. P. 60–76.
13. Goldman A., Blanchard T. Social Epistemology. 2015. URL: https://plato.stanford.edu/entries/epistemology-social/
14. Goldman A. Experts: Which one should you trust? // Social epistemology. Essential readings / Ed. by A. Goldman, D. Whitcomb. New York : Oxford University Press, 2011. P. 109–133.

15. Fricker E. Testimony and Epistemic Authority // The Epistemology of Testimony / Ed. by J. Lackey, E. Sosa. Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 225–250.
16. Загзебски Л. Эпистемический авторитет: современная либеральная защита // Эпистемология и философия науки. 2017. Вып. 53, № 3. С. 92–107.
17. Wright S. Epistemic authority, epistemic preemption, and the intellectual virtues // Episteme. 2016. Vol. 13, № 4. P. 555–570.
18. Keren A. Epistemic Authority, Testimony and The Transmission of Knowledge // Episteme. 2007. Vol. 4, № 3. P. 368–381.
19. Gensler H. Introduction to Logic. 2nd Ed. New York : Routledge, 2010. 420 p.
20. Sinnot-Armstrong W., Fogelin R. Understanding Arguments. Introduction to Informal Logic. 8th Ed. Wadsworth Cengage Learning, 2010. 560 p.
21. Lehrer K. Testimony and Trustworthiness // The Epistemology of Testimony / Ed. by J. Lackey, E. Sosa. Oxford : Clarendon Press, 2006. P. 145–159.
22. Olson D. Epistemic Progress Despite Systematic Disagreement // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 2. P. 77–94.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 16 ноября 2019 г.

Trust in Expert Knowledge

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 63–70.
DOI: 10.17223/15617793/453/8
Denis K. Maslov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denn.maslov@gmail.com
Keywords: expert knowledge, testimony, testimonial knowledge, epistemic disagreement.
This study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-78-10082.

The article considers the problem of trust in experts as knowers. The problem is construed in the light of the affirmation and criticism of expert knowledge in the political aspect. J. Brennan seeks to show the need for a political system in which only epistemically competent agents may participate in political life. The reason for his argument is that nowadays the people (Americans) are mostly uneducated to be able to make political decisions, which could have grave consequences. In contrast, the concept of expert examination is criticized, this criticism seeks to deprive experts of political authority and thereby protect the egalitarian democratic system. These argument patterns reproduce similar stances endorsed by Plato and Aristotle, who respectively promoted the rule of knowers and the rule of polis as ensemble of citizens, not only experts. In particular, the arguments of J. Reiss are examined, which emphasize the disagreement among experts and the bias of experts. As the author argues, these arguments reproduce the thoughts of Sextus Empiricus against the trust in the sage. Given the general direction of such criticism, an argument is also brought showing the possibility of deception on the part of experts as a basis for mistrust (Section 1). In the face of such a problematic field, the author wants to show the grounds for epistemic trust in experts and avert these objections, based on the results of analytic social epistemologists. Expert knowledge is based on the concepts "testimony" and "epistemic authority", which are discussed in Section 2. Two approaches to evidence are presented in the light of the apparent antinomy of authority and autonomy. Based on the arguments of Linda Zagzebski, it is shown that the epistemic agent has sufficient grounds for trusting the testimonies of other people, since epistemic egoism as an extreme version of autonomy significantly limits our knowledge, and also since we are warranted to trust the testimony of epistemic authority if this allows us to better achieve our epistemic goals. Section 3 presents the concept and criteria of an expert put forward by Alvin Goldman, which help distinguish a true expert from a false one. These criteria presuppose an expert community that allows monitoring the activities of experts and depriving them of their expert status in case of violation of research ethics. In particular, it is emphasized in Section 4 that the possibility of disagreement is a condition of trust in experts, since it allows to identify errors and abuses by experts.

REFERENCES

1. Nichols, T. (2014) *The Death of Expertise*. [Online] Available from: https://thefederalist.com/2014/01/17/the-death-of-expertise/.
2. Nichols, T. (2019) *Smert' ekspertizy: kak internet ubivaet nauchnye znaniya* [The Death of Expertise: The Campaign Against Established Knowledge and Why It Matters]. Translated from English by T. L. Platonova. Moscow: Bombora.
3. Brennan, J. (2016) *Against Democracy*. Princeton University Press.
4. Reiss, J. (2019) Expertise, Agreement, and the Nature of Social Scientific Facts or: Against Epistocracy. *Social Epistemology*. 33 (2). pp. 183–192.
5. Origgi, G. (2015) What Is an Expert That a Person May Trust Her? Towards A Political Epistemology Of Expertise. *Humana. Mente. Journal of Philosophical Studies*. 28. pp. 159–168.
6. Sextus Empiricus. (1976) Pirronovy osnovopolozheniya [Pyrrhic Foundations]. In: Losev, A.F. (ed.) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in Two Volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
7. Plato. (1971) Gosudarstvo [Republic]. In: Losev, A.F. & Asmus, V.F. (eds) *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in Three Volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 3. Pt. 1. Moscow: Nauka.
8. Greco, J. (2017) Testimony and the Transmission of Religious Knowledge. Translated from English by K.V. Karpov. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 53 (3). pp. 19–47. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201753344
9. Goldman, A. (2011) A guide to Social epistemology. In: Goldman, A. & Whitcomb, F. (eds) *Social Epistemology. Essential Readings.* New York: Oxford University Press. pp. 11–37.
10. Fumerton, R. (2006) The Epistemic Role of Testimony: Internalist and Externalist Perspectives. In: Lackey, J. & Sosa, E. (eds) The Epistemology of Testimony. Oxford: Clarendon Press. pp. 77–92.
11. Zagzebski, L. (2012) *Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief*. Oxford: Oxford University Press.
12. Gelfert, A. (2019) Beyond The 'Null Setting': the Method of Cases in the Epistemology of Testimony. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 56 (2). pp. 60–76. DOI: 10.5840/eps201956230
13. Goldman, A. & Blanchard, T. (2015) *Social Epistemology*. [Online] Available from: https://plato.stanford.edu/entries/epistemology-social/
14. Goldman, A. (2011) Experts: Which one should you trust? In: Goldman, A. & Whitcomb, F. (eds) *Social Epistemology. Essential Readings.* New York: Oxford University Press. pp. 109–133.
15. Fricker, E. (2006) Testimony and Epistemic Authority. In: Lackey, J & Sosa, E. (eds) *The Epistemology of Testimony*. Oxford: Clarendon Press. pp. 225–250.
16. Zagzebski, L. (2017) Epistemic Authority: Modern Liberal Defense. Translated from English by K.V. Karpov. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 53 (3). pp. 92–107. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201753350

17. Wright, S. (2016) Epistemic authority, epistemic preemption, and the intellectual virtues. *Episteme*. 13 (4). pp. 555–570.
18. Keren, A. (2007) Epistemic Authority, Testimony and The Transmission of Knowledge. *Episteme*. 4 (3). pp. 368–381.
19. Gensler, H. (2010) *Introduction to Logic*. 2nd ed. New York: Routledge.
20. Sinnot-Armstrong, W. & Fogelin, R. (2010) *Understanding Arguments. Introduction to Informal Logic*. 8th ed. Wadsworth Cengage Learning.
21. Lehrer, K. (2006) Testimony and Trustworthiness. In: Lackey, J. & Sosa, E. (eds) *The Epistemology of Testimony*. Oxford: Clarendon Press. pp. 145–159.
22. Olson, F. (2019) Epistemic Progress Despite Systematic Disagreement. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 56 (2). pp. 77–94. DOI: 10.5840/eps201956231

Received: 16 November 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 71–80. DOI: 10.17223/15617793/453/9

УДК 94 (495). 01; 140.8:21

Е.И. Мирошниченко

ВИЗАНТИЙСКИЙ СУБСТРАТ В ИКОНОЛОГИИ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект №18-18-00134, «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.».

Рассматривается проблема рецепции Павлом Флоренским византийской концепции образа. С точки зрения автора, Флоренский использует элементы византийской теории образа, однако его собственная иконология существенно отличается от философской концепции византийских иконопочитателей и даже противоречит ей. В основе иконологии Флоренского лежит не проблема отношения образа и первообраза, а концепт времени, который принципиально отсутствовал в византийской концепции образа.

Ключевые слова: византийская теория образа; Павел Флоренский; русская религиозная философия; Иоанн Дамаскин; философия образа.

Проблема влияния византийской философской традиции на Павла Флоренского лишь недавно стала предметом исследования историков отечественной мысли. Несмотря на важность этой темы для понимания истории русской философии вообще и «конкретной метафизики» Флоренского в частности, исследователи долгое время обходили этот вопрос стороной, не выделяя византийский субстрат из массива христианских (и вообще религиозных) концептов, которые использовал Флоренский для построения своих теорий. Лишь в последние годы стали выходить статьи, рассматривающие данную проблему в том или ином аспекте (в частности, мы можем назвать работы, посвященные византийскому субстрату в литургических воззрениях Флоренского [1], его отношению к византийскому исихазму [2; 3. С. 74–75] и особенностям византийского влияния на формирование его софиологии [4]). Выделение византийского субстрата из сложно организованного религиозно-философского бэкграунда знаменитого богослова и математика, между тем, представляет насущную задачу в рамках изучения феномена русской религиозной философии. В данной статье мы ставим цель выделить и описать этот субстрат в учении Павла Флоренского об образе.

Теория образа у Павла Флоренского до сих пор рассматривалась только в контексте его иконологии, однако сама по себе она не сводится к учению об иконах. Несмотря на то что икона и теория живописи занимают центральное место в теории образа у Флоренского, последняя не ограничивается ими, а рассматривает также более широкий круг проблем, которые связывают эту теорию с современной философией образа. В частности, мы можем говорить о том, что Флоренский был предшественником «визуального поворота», обозначенного Томасом Митчеллом в 1994 г. [5. P. 11], и синтеза теории образа и византийского иконофильского богословия в работе М.-Ж. Мондзэн [6]. Теория образа Флоренского шире, чем его учение об иконах, и должно быть рассмотрено в контексте его учения о пространстве и времени.

Теория иконы, которую разрабатывал Флоренский, была предметом пристального внимания исследователей [7–16], однако ни в отечественной историографии, ни в зарубежной фактически вопрос о византийском влиянии на иконологию Флоренского не поднимался. Единственным исключением является работа Клемены Антоновой, вышедшая в конце 2019 г., но и она следует устоявшейся традиции сводить теорию образа Флоренского к понятию «энергии» Паламы и не обнаруживает противоречий между его концепцией и византийской теорией образа [17]. По всей видимости, такое положение дел связано с тем, что наиболее популярные элементы иконологии Флоренского (концепция иконостаса, теория символа, обратная перспектива) основаны не на византийской теории образа, а на причудливом сочетании гётеанства, платонизма, Якова Бёме и преклонения перед древнерусской иконописью [18. С. 97–116; 19. С. 4–5]. Тем не менее присутствие византийского субстрата у Флоренского невозможно отрицать хотя бы потому, что он часто позволяет себе непосредственные ссылки на постановления Вселенского собора 787 г. [20. С. 448, 454; 21. С. 383], утвердившего иконопочитание в Византийской империи, а также на отцов, создававших византийскую теорию образа [20. С. 444].

Под византийской теорией образа (ВТО) обычно подразумевают учение о почитании изображений Христа и святых, а также о сущности самих этих изображений, или икон (греч. εἰκών), сформулированное Иоанном Дамаскиным, Феодором Студитом, патриархом Никифором и другими в период иконоборческих споров, охвативших Византийскую империю в VIII–IX вв. [22. С. 407–486]. Но вообще говоря, к ВТО относят также и предшествующую традицию, восходящую к отцам-каппадокийцам, на которых ссылались как иконопочитатели, так и иконоборцы и которые уже в IV в. сформулировали философские предпосылки, положенные в основание ВТО [23. P. 2–34; 24. P. 83–150]. История формирования этих предпосылок сама по себе представляет чрезвычайно интересную тему для исследования [25. С. 18–25], поскольку связывает ВТО не только с христианскими представлениями, но и с эллинизмом (особенно с его проявлениями в лице неоплатонизма), с ближневосточными влияниями, теургией и с теорией и практикой позднеантичного изобразительного искусства (например, с так называемыми фаюмскими портретами). В основе ВТО лежит идея специфического взаимоотношения того, что изображено (т.е. первообраза), и самого изображения (или образа[1]).

Архаичная концепция, возникшая в глубокой древности и предполагающая онтологическую связь между первым и вторым, была инкорпорирована в ВТО на самом раннем этапе ее формирования[2]. Затем возникает другая точка зрения, отрицающая в той или иной степени указанную онтологическую связь и утверждающая ее условность: образ не имеет в себе ничего от сущности первообраза, но лишь указывает на него, подобно иллюстрации в книге. Такое понимание образа можно назвать аллегорическим, а по характеру связи образа и первообраза – конвенциональным [29. С. 132–161].

Вопрос о связи образа и первообраза не был абстрактным теоретизированием, поскольку от его решения напрямую зависела культовая практика, в частности вопрос о поклонении священным образам: можно ли и нужно ли поклоняться изображениям Бога или богов? Очевидно, что если между образом и первообразом существует связь на уровне бытия, то в образе присутствует в той или иной степени первообраз, а значит, иконы достойны определенного почитания. Однако если первообраз не связан со своим образом по существу, то поклонение такому образу оказывается идолопоклонством. Именно поэтому главным аргументом против поклонения иконам у иконоборцев была ссылка на ветхозаветный запрет изображать Бога, иконы же они называли «бездушными» (ἄψυχος) [30. С. 260], отрицая тем самым присутствие первообраза в образе. Но что если первообраз связан с образом не по существу, а как-то иначе? Например, так, как соотносили в древности изображение царя на монете с самим царем, т.е. как некий сакральный знак или символ, так что оскорбление, нанесенное изображению на монете, рассматривается, как оскорбление, нанесенное самому царю? [28. С. 123–128]. Конвенциональной или онтологической является такого рода связь? Если между образом и первообразом нет онтологической связи, то значит, нет смысла поклоняться доскам и краскам, но их можно использовать, например, как иллюстрации, заменяющие для неграмотных людей книги [28. С. 171] (Joannes Damascenus. Pro Sacris Imaginibus Orationes tres. Or. I, 17). Именно в сфере таких вопросов рождается и развивается в Византии иконоборческое движение.

В первый период иконоборческих споров (730–780-е гг.) главным аргументом иконопочитателей, сформулированным Иоанном Дамаскиным и зафиксированным в постановлениях собора 787 г., была теория, согласно которой христианин, созерцающий образ, умом восходит к первообразу. В постановлении VII Вселенского собора эта теория звучит так: «Честь, воздаваемая образу (εἰκόνος), относится к его первообразу (πρωτότυπον), и взирающий на образ царя взирает на самого царя, а значит, и поклоняющийся образу царя поклоняется самому царю, ибо в образе – его форма (μορφή) и вид (εἶδος)» [31. С. 273]. Данное определение в том или ином виде встречается не только у Иоанна Дамаскина, но еще у Псевдо-Дионисия («Мы же благодаря чувственным образам возводимся, насколько это возможно, к божественным созерцаниям» (De Ecclesiastia Hierarchia 1, 2)) и в трактате Василия Великого «О Святом Духе к Амфилохию» (De Spiritu Sancto, 18), на которого любили ссылаться иконопочитатели, и восходит к словам апостола Павла: «Невидимое его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1:20). Концептуализация изречения апостола Павла у Иоанна Дамаскина опирается на аллегорическую теорию. Изображения, пишет Дамаскин, это видимые вещи, с помощью которых возможно постижение вещей невидимых. Наш ум не может «подняться до созерцания духовных предметов» без помощи вещей нашего материального мира. Так, например, Святую Троицу можно изобразить посредством солнца или источника воды. В данном случае солнце или источник служат образом, глядя на который, ум способен возвыситься до первообраза, самого по себе бесформенного и невидимого (Or. I, 11). Эта теория ничего не говорит еще об онтологичности связи образа с первообразом (солнце всего лишь аллегория, символическая картинка, указывающая на первообраз), но лишь утверждает гносеологическую (или, как говорил В.М. Живов, «мистико-познавательную» [32. С. 15]) функцию образа: образ помогает постигать (насколько это возможно) первообраз. Отсюда необходимость различения двух видов поклонения, которое вводит Дамаскин (Or. III, 27–40). Существует поклонение, которое относится равно и к образу Бога (его иконе) и к самому Богу (προσκύνησις), но есть и другое поклонение, которое можно воздавать только Богу, а никак не его образам (λατρεία). Христиане, пишет Дамаскин, воздают иконам προσκύνησις, а λατρεία – только самому Богу.

Такая концепция, однако, не успокоила иконоборцев, и уже на иконоборческом соборе 754 г. они формулируют весьма сложную проблему: кто или что именно изображается на иконе Христа? Христос, согласно халкидонскому исповеданию веры, Бог и человек. Божественная и человеческая природы соединяются в нем «неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно» [33. P. 225]. Христос – одна личность-ипостась, в которой соединяются две природы. Что изображает икона? Если на иконе изображена человеческая природа, то иконопочитатели впадают в ересь несторианства, которая отделяет божественную природу от человеческой. А если изображена божественная природа, то перед нами ересь монофизитства, в которой человеческое поглощается божественным [31. P. 208–356]. Такая постановка проблемы свидетельствует прежде всего о том, что иконология в период иконоборческих споров носила явно христоцентричный характер. И сама теория образа находилась в зависимости от вопроса о возможности изображения Христа. Не вдаваясь в сложную сферу проблематики иконоборческого богословия [34], отметим, что вся интрига оформлялась вокруг темы преображения (или обожения) человеческой природы. Иконопочитатели полагали, что икона не только возможна, но и необходима как свидетельство спасительной деятельности божественных энергий. Уже Иоанн Дамаскин отмечает, что образ соединяется с первообразом посредством «благодати и энергии» (Or. I, 19). Икона – вместилище божественных энергий, подобно тому как человеческая плоть оказалась вместилищем боже-

ственной природы. Сама концепция воплощения служила коррелятом иконологии, которую создавал Иоанн Дамаскин. Однако само по себе обожение еще не давало ответ, какую именно природу Христа изображают на иконе. Ответ на этот вопрос мы находим уже во второй период иконоборчества (810–843 гг.) у Феодора Студита, развивающего теорию образа, сформулированную Иоанном Дамаскиным.

Феодор Студит пишет, что на иконе нельзя изобразить природу, ибо природа – понятие абстрактное, а образ – это всегда нечто конкретное (поскольку доступное зрению). Поэтому изображается не природа, а ипостась, т.е. личность самого Христа. «Всякое изображение есть изображение ипостаси, а не природы» (Antirrheticus III, 34). Стедовательно, образ оказывается связан с первообразом не через онтологическое единство сущности и не конвенционально, а ипостасно. Образ Христа един со Христом по ипостаси, но отличен по существу. Таков итог развития византийской теории образа в результате богословских споров иконоборческого периода.

Однако в Византии была не одна теория образа, а две. На этот важный момент, так часто, к сожалению, упускаемый исследователями, мы указали в своей статье 2010 г. [35. С. 22–31]. В период иконоборческих споров и с той и с другой стороны чаще всего ссылались на отцов-каппадокийцев, но те употребляли понятие «образ» совсем в другом концептуальном поле и в другом значении. Если для Феодора Студита и его противников образ – это, прежде всего, икона, то для Василия Великого или Григория Богослова образ – это Сын Божий. Дело в том, что во времена каппадокийцев богословская полемика концентрировалась вокруг проблемы отношения лиц Святой Троицы: является ли Христос единым по существу с Богом Отцом, или же он всего лишь его творение и не может называться Богом? В контексте этой проблематики каппадокийцы употребляли слово «образ» по отношению к Сыну, чтобы показать его связь с Богом Отцом, который оказывался в данном случае Первообразом. В результате продолжительных дискуссий каппадокийцы сформулировали одну из ранних теорий образа в Византии. Отношение образа и первообраза рассматривалось ими как отношение онтологическое: Сын как образ Отца един с ним по существу, но отличается по ипостаси. Так, Василий Великий пишет: «Ибо царем называют и образ царя, хотя это и не два царя. <…>. Честь, воздаваемая образу, переходит на Первообраз. То, чем здесь является подражательный образ, там этим по природе оказывается Сын. И как в произведении искусства подобие – в форме, так в божественной и несложной природе единение – в общности Божества» (De Spiritu Sancto, 18).

В рамках этой «первой» теории образа еще не стоял вопрос об обожении, однако уже складывались предпосылки к нему. Вместе с тем следует отметить разницу двух теорий: в ранней теории мы наблюдаем онтологический подход к вопросу отношения образа и первообраза (т.е. это отношение рассматривается само по себе, независимо от созерцающего), тогда как в поздней, времен иконоборчества теории отношение образа и первообраза становится гносеологическим (оказываясь связанным с созерцающим или молящимся иконопочитателем).

Соответственно, византийская теория образа представляет собой достаточно сложный синтез различных теорий и концепций, которые обретают некоторую цельность и завершенность в двух теориях: ранней, онтологической, принадлежащей отцам-каппадокийцам, и поздней, гносеологической, которая, несмотря на постоянные ссылки на первую теорию, существенно отличается от нее. Условно обозначим первую теорию как ВТО1, а вторую – как ВТО2, и посмотрим, как эти теории повлияли на Флоренского в его собственной философии образа. Для этого реконструируем общие основания теории образа у Флоренского, а затем сравним эти основания с теми, которые мы обнаруживаем в ВТО1 и ВТО2.

Любые попытки реконструировать теорию образа Флоренского до сих пор практически всегда (за некоторыми исключениями) основывались на двух его произведениях: «Иконостас» и «Обратная перспектива» (глава большого программного произведения «У водоразделов мысли»). Иногда исследователи также обращались к некоторым статьям о. Павла и к «Философии культа», наиболее важному, с точки зрения символологии, тексту.

В данной статье мы используем и не менее важную, чем «Иконостас» и «Обратная перспектива», работу Флоренского под названием «Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях» (1924–1925). Сам Флоренский в письмах из лагеря считал именно эту работу (наряду с методикой датирования предметов древнерусского искусства) своим наиболее важным вкладом в области искусствознания [36. С. 702]. О. Геннисаретский в статье, специально посвященной разбору этого текста, впервые проводит параллели между учением об образе Флоренского и современной теорией образа, например концепцией телесности Жан Люка Нанси [37. С. 17], однако совершенно не касается проблемы византийского субстрата. Между тем именно в «Анализе пространственности» имплицитно содержатся наиболее важные элементы византийской теории образа.

По Флоренскому, образ – это единство двух пространств: чувственного и сверхчувственного. Первое пространство относится к миру физическому, его можно не только созерцать, к нему можно еще и прикасаться. Это изменчивое пространство мира вещей. В платонизме, как известно, мир вещей имеет весьма сложное взаимоотношение с миром идей, которые выступают причинами и в то же время целями вещей.

Для Флоренского идеи обладают той же пространственностью, что и вещи, он категорически не принимает реальность абстрактных категорий. Любая абстракция не имеет отношения к реальности, поскольку ее невозможно увидеть. Хоружий полагает в этом основной принцип конкретной метафизики, разрабатывавшейся Флоренским: идея должна быть зримой [38. С. 525]. В «Философии культа» Флоренский говорит о проблеме соотношения неизменной идеи и переменчивых вещей, и решает ее с помощью специальной концепции сакрального пространства,

которое выполняет задачу символического объединения мира идей и мира вещей. Эта концепция получила обозначение SIN, что расшифровывается как Sacra (святыня, пространство культа и литургии), Instrumenta (инструменты-машины, пространство вещей), Notiones (понятия-термины, пространство идей). В сакральном пространстве любая вещь полностью воплощает свою идею (в отличие от обычных вещей, которые сами по себе отделены от своих понятий), снимая противоречие между двумя мирами. В культе, пишет Флоренский, «встречается имманентное и трансцендентное, дольнее и горнее, здешнее и тамошнее, временное и вечное, условное и безусловное, тленное и нетленное» [39. С. 30]. Вещь оказывается не просто вещью, а понятие не просто понятием, они становятся единым пространством реальности, которое Флоренский называет символом. Уже из вышесказанного очевидно, что символ у Флоренского кардинально отличается от условного знака-символа де Соссюра. В «Иконостасе» Флоренский акцентирует внимание на том, что, с его точки зрения, символ – это не просто знак-указатель, не просто конвенция, символ у него должен являть «реальность», как окно, и, являя реальность, символ (в отличие от простого знака) неотделим от высшей реальности, которую он являет [20. С. 444].

В рамках концепции SIN символ не только двусторонен (как у де Соссюра), но (что особенно важно) его стороны находятся в отношении изоморфности друг ко другу. В рамках номиналистического языкознания де Соссюра означающее и означаемое дистанцированы друг от друга посредством конвенции, определяющей соответствие знака его денотату. У Флоренского эта дистанция в символе сходит на нет за счет особой связи двух сторон реальности. Что же это за связь? Как Флоренский преодолевает проблему соединения чувственного и сверхчувственного («феномена» и «ноумена») в символе? Здесь он прибегает к ВТО2, ссылаясь на понятие «энергия», но не упоминая источник (Иоанна Дамаскина[3]): «Все сущее имеет и энергию действования, каковою и самосвидетельствуется его реальность» [20. С. 518]. Энергия первообраза и энергия образа оказывается одной энергией постольку, поскольку они принадлежат единому символическому пространству. Пространственность, по Флоренскому, оказывается основой для существования образов. В «Анализе пространственности» он формулирует теорию пространства, дополняя и развивая идеи, высказанные им в «Иконостасе».

В начале «Анализа пространственности» Флоренский рассматривает сущность таких понятий, как вещь, среда и пространство. Рассуждая об этом, он приходит к выводу о том, что ни вещь, ни среда, ни само пространство не существуют «в действительности» [40. С. 89], а представляют собой вспомогательные приемы мышления. Вообще говоря, мышлению не дана действительность, но она формируется посредством моделирования. При этом моделирование происходит не хаотично, а с ориентацией на опыт. На примере прямой Флоренский рассматривает, как именно происходит формирование образа в пространстве [40. С. 83–90]. То, что образ формируется не сам по себе, а именно в пространстве и вместе с пространством, очень важно для понимания мысли Флоренского. Пространство не дано нам как форма для нашего образа, оно создается нами, и не отдельно, а вместе с образом [39. С. 211]. Именно в этом ключе следует понимать, например, яркое высказывание из «Иконостаса» в связи с написанием иконы: «Свойства поверхности дремлют, пока она обнажена; наложенными же на нее красками они пробуждаются: так одежда, покрывая, раскрывает строение тела и своими складками делает явными такие неровности поверхности тела, которые остались бы незамеченными при непосредственном наблюдении его поверхности» [20. С. 475].

Таким образом, свойства поверхности пробуждаются с появлением образа, который преобразует пространство в поле существования образа. Что происходит с прямой в пространстве? Этот образ не возникает сразу как данность. Сначала существует некоторое физическое явление, выражающее прямолинейность, которое обязательно должно быть зримо, но образ начинает появляться с пространством только тогда, когда понятие как результат нашего восприятия этого явления дополняется нашим дальнейшим опытом. В результате нам приходится встраивать, инкорпорировать все новые свойства в тот образ прямой, с которого мы начинаем моделирование. То есть наш «внутренний» образ поверяется тем или иным опытом, а этот опыт в свою очередь формирует своего рода дистанцию между образом и «первообразом». Ту самую дистанцию, которая обозначена в ВТО2 как «восхождение» (De Ecclesiastia Hierarchia 1, 2). Сложно сказать, связанно ли как-то такое понимание формирования образа с рассуждениями Иоанна Дамаскина о представлении (из уже упоминавшегося пассажа про восхождение от образа к первообразу, где есть такие, в духе Аристотеля, рассуждения о формировании образа: «Посредством чувств в передней полости мозга образуется некоторое представление и таким образом отправляемое к способности суждения сохраняется в сокровищнице памяти» (Or. I, 11.)). Мы все же склонны считать, что Флоренский в данном случае опирается не на византийскую традицию, а на современное ему махианство [41. С. 104–105].

Говоря о дистанции, рассуждения Флоренского приближаются к философии образа Ж.Л. Мариона [42]. Как и у Мариона, образ отделен (отдален) от первообраза расстоянием, и его следует преодолевать только личным опытом: «…по-настоящему осознано только то пространство, которое мы прошли пешком» [40. С. 87]. Образ как изначальная прямая оказывается не самим собой, а тем расстоянием опыта, которое необходимо преодолеть, чтобы достичь первообраза. Именно поэтому образ должен быть пространством первообраза, должен соответствовать ему и вести к нему. Как замечает Т.Г. Щедрина, для Флоренского «иконы не являются символами сами по себе», они символизируют лишь в определенном контексте, когда происходит отношение созерцающего образ к первообразу [43. С. 160]. Однако не следует поддаваться соблазну отождествить это отношение созерцающего с тем «возведением ума», о котором говорит

ВТО2. Образ у Флоренского оказывается не предметом созерцания (как у Дамаскина), а самим процессом созерцания, он динамичен, а не статичен и существует только в контексте своего пространства. Таким образом, перед нами онтология ВТО1 с динамичным энергизмом ВТО2.

Прямая сама по себе не существует, не существует и образа самого по себе. «Прямая не есть вещь, а – наше понятие о действительности» [40. С. 89], т.е. образ. Если объем этого понятия равен нулю, то его нет (именно образ следует противопоставлять ничто, а не бытие). А его нет постольку, поскольку пространство пусто. Образ – это наполненное пространство, а точнее, наполнение пространства, интенция. Ничто – это не отсутствие бытия, а отсутствие контура, посредством которого создается на поверхности небытия образ. Пустая поверхность – это и есть ничто.

Таким образом, конкретный опыт определяет бытие, которое начинается с того момента, как у нас возникает перед глазами образ [40. С. 104]. Однако образ никогда не появляется как нечто обособленное, он всегда возникает как часть многообразного мира, условием которого и является пространство [40. С. 110]. При этом поскольку вокруг каждого образа существует своя среда, то и пространство формируется вокруг образа свое. «Пространств, – пишет Флоренский, – должно быть много, по роду восприятий и образов обособления», т.е. образов, рассматриваемых как множество, не слитное, но и не раздельное. Организация этого множества и есть для Флоренского культура. «Вся культура может быть истолкована как деятельность организации пространства» [40. С. 112].

Итак, образ – это не результат познавательной деятельности, а сама это познавательная деятельность, не вещь, а интенция. Зрение – это в некотором роде «осязание» мира, поэтому и образ – результат не пассивного созерцания, а активного познания, соприкосновения с миром, а точнее, с его пространством. И это пространство, по Флоренскому, изоморфно пространству первообраза, т.е. сверхчувственной стороне мира, «мнимому пространству» [20. С. 426]. Отсюда то значение, которое он придавал иконописи, призванной быть «откровением подлинно иной реальности» [40. С. 120], являть божественное [20. С. 446]. Говоря о единстве конструкции и композиции в образе художественном, Флоренский применяет формулу халкидонского исповедания о двух природах во Христе: «неслитно и нераздельно» [40. С. 158]. Характерно, что эту формулу византийские отцы никогда не применяли в области ВТО2, потому что в случае христологии Сын как образ Отца ипостасно отделен от Отца, а по отношению к иконологии (Христос на иконе – образ Христа Воскресшего) мы можем говорить об ипостасном единстве, а раздельности по существу. Очевидно, что использование Флоренским богословской терминологии весьма конвенционально и в некотором роде даже спекулятивно.

Мы видим, что Флоренский выстраивает теорию образа на основании современной ему философии феноменологии. Византийская теория образа служит ему не столько основанием, сколько дополнением его собственной концепции. Он приводит только те элементы учения об образе византийских отцов, которые могут поддержать его собственные взгляды. Для того чтобы выяснить характер использования Флоренским некоторых элементов ВТО, обозначим эти элементы и рассмотрим, как они функционируют в описанной выше теории образа о. Павла Флоренского. Таких элементов, являющихся ключевыми для ВТО, можно выделить пять: теория припоминания, или анамнесиса; теория энергии; различение искусства и иконописи; христоцентричность; характер отношения образа и первообраза.

1. Теория припоминания, на которую ссылается Флоренский в «Иконостасе» [20. С. 460], действительно имеет место в ВТО. Иоанн Дамаскин пишет: «первое из чувств – зрение. <…>. Изображение есть напоминание (ἀνάμνησις): чем является книга для тех, кто знает чтение и письмо, тем же для неграмотных служит изображение. И то, что для слуха – слово, для зрения – изображение» (Or. I, 17). Однако, как мы видим, несмотря на схожесть терминологии, «напоминание» ВТО существенно отличается от «анамнесиса» Флоренского. Если у Дамаскина припоминание относится к гносеологии, т.е. к восприятию самого образа, то Флоренский воспринимает эту теорию не как теорию «библии для неграмотных» или указатель на исторические воспоминания о Христе или Деве Марии [28. С. 22–28], но как платоническую теорию припоминания вечных идей, так что у него данное понятие относится уже не к восприятию, а к самому образу, который оказывается не чем иным, как платоновским эйдосом. Эта экстраполяция ему необходима для выстраивания теории символа, в котором «внутренняя», умозрительная сторона была бы изоморфна «внешней», чувственной. Поэтому, несмотря на сходство формулировок, мы едва ли можем утверждать, что Флоренский следует здесь учению Дамаскина. Он использует анамнесис совсем в другом, нежели Дамаскин, смысле. У Дамаскина концепция анамнесиса носит исключительно конвенциональный характер, тогда как у Флоренского она становится метафизической теорией. Таким образом, вопрос об учительных иконах, заменяющих священное писание неграмотным, целиком исчезает с горизонта теории образа Флоренского.

2. Понятие «энергия», как мы видели, Дамаскин употребляет, когда рассуждает о характере соединения образа с первообразом (Or. I, 19). Флоренский также использует этот термин, но уже в другом контексте. Энергия относится не к Богу, который является источником энергии для Своего образа в рамках ВТО2, а к символу, причем у каждого элемента символа, участвующего в образовании смысла и содержания пространства образа, есть своя энергия. Образ, несколько загадочно пишет Флоренский, склонен «выходить из себя, своими энергиями, в физическое пространство» [40. С. 172]. Энергия ноумена соединяется с энергией феномена, и так происходит процесс «восхождения от образа к первообразу». Можно ли считать феномен в данном случае образом, а ноумен – первообразом? Возможно ли такое объединение византийской терминологии с кантианской? Или же это

licentia poetica, фигура речи, с помощью которой Флоренский пытается сформулировать свою собственную метафизическую теорию? Анализируя этот момент, Хоружий отметил здесь отход Флоренского от православия [38. С. 539] в связи с тем, что Флоренский, по его словам, игнорирует ту часть паламизма, которая утверждает, что в энергийном единстве нет единства ни по ипостаси, ни по сущности (тогда как для символа у Флоренского важно как раз ипостасное единство). Однако сам Флоренский не отрицает сущностного единства в символе [20. С. 447]. Хоружий рассматривает применение термина «энергия» Флоренским в парадигме паламитских споров, тогда как Флоренский использует его совсем в другом значении. Что подразумевает о. Павел под словом «энергия»? С одной стороны, мы находим употребление этого термина в контексте пересказа неокантианской концепции различения наук о духе и наук о природе [44. С. 20–21], где «энергия» по смыслу тождественна «интенции» (Флоренский несколько метафорически называет ее «волной» реальности [20. С. 447]). С другой стороны, понятие «энергия» может быть нагружена у Флоренского коннотациями отнюдь не византийскими, и даже не совсем философскими («Мужчина ищет для себя объект достаточно пассивный, чтобы принять его энергию») [45. С. 35].

3. В своих текстах Флоренский обращает внимание на необходимость отличать иконопись от изобразительного искусства [20. С. 502]. Написание иконы – часть культового действа, призванного явить божественные энергии и преобразить материю. Искусство же хотя и обладает возможностью в той или иной степени реализовывать тот же проект преображения пространства, в своей основе уже не культ, но культура, отделившаяся от культа в результате секуляризации. Статью «Моленные иконы преподобного Сергия» Флоренский начинает словами «Провозглашая догмат иконопочитания, вселенский смысл человечества определил природу изобразительного искусства, как ценную безусловно» [21. С. 383]. Но далее Флоренский говорит о том, что икона – это вершина «эстетического феномена», что изобразительное искусство не есть «только комбинация внешних впечатлений», но что истинный образ должен быть «воистину явлением… посредством чувственного сущей действительности». Таким образом, может быть только икона [21. С. 383]. Есть ли подобное различение в ВТО? В ВТО2 такое различение имплицитно присутствует, и обычное искусство получает функцию научать [35. С. 27], однако иконопись также рассматривается в рамках изобразительного искусства. Тот символизм, который Флоренский считает основой иконописного богослужения [20. С. 446–447], еще не стал частью ВТО2. Кроме того, в ВТО2 главный вопрос касался не сущности искусства или иконописи, а практики поклонения священным изображениям. Тем не менее в ВТО1 присутствует различение, но не иконописи и изобразительного искусства (как у Флоренского), а словесного иконологического богословия об Отце и Сыне и искусства изображать то же самое в красках («Но здесь дерево и воск, и искусство живописца производят образ тленный – подражание тленному, и искусственный – подражание сотворенному. Но там, когда слышишь слово “образ”, разумей “сияние славы”» (Basilius. De Spiritu Sancto, 18)). Такое различение, кажется, гораздо ближе к тому, о чем пишет Флоренский, но мы не можем утверждать, что различение искусства и иконописи Флоренский берет именно из византийской традиции. С нашей точки зрения, это различение – следствие влияния философии Платона и неоплатоников, для которых искусство оказывается умножением подобий [46. С. 22–23]. Таким образом, если Флоренский и использует различение, обозначенное в ВТО1, оно явно имеет подчиненный характер в его метафизике, он синтезирует его с собственной иконологией, которая, как мы видим, и так имеет мало общего с византийской теорий иконопочитания.

4. ВТО отличается, как мы уже отмечали, христоцентричным характером. Одна из классических работ, посвященных ВТО, даже так и называется – «Икона Христа» [47]. У Флоренского христоцентричность отсутствует, поскольку в рамках его концепции образа она становится избыточной. Если в ВТО2 теория иконы строилась, как мы писали выше, вокруг вопроса о боговоплощении и, соответственно, обожении, то для теории пространственности символа у Флоренского идея боговоплощения оказывается попросту нерелевантной. Таким образом, Флоренский отделяет элементы ВТО, которые он использует, от ее истоков и богословских оснований. Результатом такого рода операций оказывается создание совершенно новой теории образа, которая лишь по форме кажется связанной с византийской традицией.

5. Наконец, рассмотрим характер отношения образа и первообраза в ВТО и у Флоренского. В ВТО1, как мы помним, образ (Сын) и первообраз (Отец) связаны онтологически (в отличие от конвенциональной связи в изобразительном искусстве). В ВТО2 связка уже несколько иная: не онтологическая, а ипостасная (образ един с первообразом по ипостаси). На деле это выражается именным единством, т.е. когда образ носит то же имя, что и первообраз, хотя их сущности и различаются.

Флоренский использует онтологичность связки из ВТО1, но применяет ее к ВТО2, так что образ у него оказывается онтологически, по существу связан с первообразом, ведь пространство символа с «обеих» сторон – одно и то же. Онтологический характер иконологии Флоренского («Икона, будучи явлением, энергией <…> не есть вообще что-либо познавательного значения») [20. С. 447], однако, не является следствием его рецепции ВТО1. Скорее, наоборот, онтология ВТО1 используется им в качестве подтверждения теории, которая изначально строилась как метафизическая. Но как согласовать онтологию, в которой нет времени («Отец рождает Сына <…> извечно (ἀιδίως)» (Cyrillus Hierosolym. Catecheses ad illuminandos 11, 10, 1–7)), с конкретной метафизикой, в которой время становится основной категорией, и из которой Флоренский выводит всю свою теорию пространственности [40. С. 190–259] и которая оказывается у него инвариантом самого пространства [40. С. 211]? Очевидно, воспользовавшись реинтер-

претацией «энергии» из ВТО2 (о чем мы говорили выше). Энергия, понятая как интенция образа, оказывается не просто силой, а самим движением, освоением пространства. И чтобы сохранить онтологичность образа при таком понимании энергии, Флоренский и обращается к ВТО1. Именно в этом ключе следует понимать его слова, выражающие такого рода синтез ВТО и платонизма: «Всякое изображение, по необходимой символичности своей, раскрывает свое духовное содержание не иначе как в нашем духовном восхождении “от образа к первообразу”, т.е. при онтологическом соприкосновении нашем с самим первообразом: тогда и только тогда чувственный знак наливается соками жизни и, тем самым, неотделимый от своего первообраза, делается уже не “изображением”, а передовой волной или одной из передовых волн, возбуждаемых реальностью» [20. С. 447].

Таким образом, мы не можем согласиться с В.В. Бычковым, который утверждал, что Флоренский «довел до логического завершения то, что в какой-то мере было заложено в текстах таких теоретиков иконопочитания, как Феодор Студит и Иоанн Дамаскин, но не было столь четко проартикулировано, как у о. Павла» [48. С. 254].

Подводя итоги нашего исследования, можно сказать, что теория образа Флоренского не только концептуально отличается от того, что писали Феодор Студит и Иоанн Дамаскин, но и находится в некотором противоречии с их учением. Если в основе ВТО лежит понятие статичности (образ выступает в общей иерархии как неподвижный оттиск первообраза), то иконологию Флоренского фундирует динамичность, которая является следствием его отношения к категории времени (образ становится интенцией реальности, разворачивающейся как прохождение определенного пространства). Использование же формул византийского богословия оказывается спекулятивным приемом, необходимым для того, чтобы подчеркнуть онтологический характер «временнóй» метафизики образа, создаваемой Флоренским.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь мы намеренно игнорируем различение образа и изображения, которое существенно для современной философии образа [26. С. 8], но в данном случае нерелевантно.

[2] Говоря о древнеегипетских изображениях, которыми расписывались стены заупокойных гробниц великих фараонов, М.А. Коростовцев замечает: «С какой целью наносились изображения? Ведь они обречены были пребывать в вечном мраке после того, как покойный помещен в гробницу, а вход в нее наглухо замурован. <…>. Все эти шедевры египетского искусства времени Древнего царства предназначались для единственного обитателя гробницы – для самого умершего, точнее, для его ка. Но для него они были не просто произведениями искусства его современников – посредством магии и заупокойных молитв они как бы становились реальностью, оживали, и таким образом умерший и его ка и после смерти продолжали существовать, как при жизни» [27. С. 200–201]. См. также: [28. С. 53].

[3] «Энергия – это естественное движение всякой сущности» (Joannes Damascenus. Expositio Fidei orthodoxae II, 23).

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлюченков Н.Н. Литургическое богословие в лекциях по «философии культа» священника Павла Флоренского: основные особенности и источники // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 78–103.
2. Бирюков Д.С. Исследование рецепции паламизма в русской мысли начала XX в.: Вопрос о философском статусе паламизма и варлаамизма, его решение и контекст // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 5. С. 34–47.
3. Бирюков Д.С. Тема иерархии природного сущего в паламитской литературе. Ч. 2: Паламитское учение в контексте предшествующей византийской традиции и его рецепция в русской религиозной мысли XX в. (Философия творчества С.Н. Булгакова) // Konštantínove listy. 2016. Vol. 12, is. 2. С. 69–79.
4. Мирошниченко Е.И. София-образ vs. София-ипостась: особенности рецепции учения Афанасия Александрийского о Премудрости Божией и софиология Павла Флоренского // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 98–105.
5. Mitchell W.J. The Picture Theory. Essays on verbal and visual representation. Chicago, 1994.
6. Mondzain M.-J. Image, Icône, Économie: Les sources Byzantines de l’imaginaire contemporain. Paris, 1996.
7. Сэпун Н. Сущность иконы в понимании священника П. Флоренского : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1992.
8. Алексеев А.Ю. Учение о православной иконе в системе конкретной метафизики о. Павла Флоренского : автореф. дис. … канд. филос. наук. СПб. : СПб. гос. ун-т, 1995.
9. Киш И. Видна ли неверующему Троица Рублева? К вопросу о понятии иконного знака в «Иконостасе» П.А. Флоренского // П.А. Флоренский и культура его времени (P.A. Florenskij e la cultura della sua epoca). Marburg : Blaue Hörner, 1995. С. 399–410.
10. Opie J.L. «Ikonostas» and its context // П.А. Флоренский и культура его времени (P.A. Florenskij e la cultura della sua epoca). Marburg : Blaue Hörner, 1995. С. 431–442.
11. Бычков В.В. Философия искусства Павла Флоренского // Флоренский П.А. Избранные труды по искусству / сост. игум. Андроник (Трубачев) [и др.]. М., 1996. С. 285–333.
12. Valentini N. Estetica ed ermeneutica del simbolo-icona in P.A. Florenskij // AA. VV. Icona e avanguardie. Percorsi dell’immagine in Russia. Zamorani, Torino, 1999. P. 77–94.
13. Завизион С.П. Кандинский и Флоренский. Искусство как единство внешнего и внутреннего // Философские науки. 2005. № 1. С. 121–130.
14. Громова А.Е. Икона и авангард в философии искусства П.А. Флоренского // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Гуманитарные науки: Энтелехия. 2007. № 16. С. 46–51.
15. Федотова Р.А. Изучение памятников иконописи в контексте гносеологии священника Павла Флоренского: предварительные замечания // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 148–154.
16. Колесников С.А. Богословское искусствоведение иконы священника Павла Флоренского: проблема лица и лика // Христианское чтение. 2017. № 2. С. 37–56.
17. Antonova C. Visual Thought in Russian Religious Philosophy: Pavel Florensky’s Theory of the Icon. Routledge, 2019.
18. Бонецкая Н.К. П. Флоренский: русское гетеанство // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 97–116.
19. Пономарёв Н.В. Религиозно-философская антропология П.А.Флоренского в контексте мистико-символической православной традиции : дис. … канд. филос. наук. М., 2004.
20. Флоренский П.А. Иконостас // Сочинения в четырех томах. М., 1996. Т. 2. С. 419–526.

21. Флоренский П.А. Моленные иконы Преподобного Сергия // Сочинения в четырех томах. М., 1996. Т. 2. С. 383–408.
22. Лурье В.М., Баранов В.А. История византийской философии. СПб., 2006.
23. Ladner G.B. The Concept of the Image in the Greek Fathers and the Byzantine Iconoclastic Controversy // Dumbarton Oaks Papers 7. 1953. P. 2–34.
24. Kitzinger E. The Cult of Images in the Age before Iconoclasm // Dumbarton Oaks Papers 8. 1954. P. 83–150.
25. Мирошниченко Е.И. От Логоса к Иконе: проблема формирования концепции образа в ранневизантийской культуре // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск, 2010. С. 18–25.
26. Петровская Е. Теория образа. М., 2012.
27. Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. М. : Наука, 1976.
28. Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. М., 2002.
29. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 6: Поздний эллинизм. М., 2000.
30. Баранов В.А. Формообразующая и посредническая роль души Христа в позднем оригенизме // ΣΧΟΛΗ. 2012. Vol. 6.2. P. 259–282.
31. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collection / Ed. by J.D. Mansi. Florence; Venice, 1759–98. Vol. 13.
32. Живов В.М. «Мистагогия» Максима Исповедника и развитие византийской теории образа // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 15–39.
33. The Oecumenical Documents of the Faith / Ed. by T.H. Bindley. London, 1899.
34. Баранов В.А. Философские предпосылки идеологии византийского иконоборчества : дис. … канд. филос. наук. Новосибирск, 2010.
35. Мирошниченко Е.И. Византийская концепция образа: между неоплатонизмом и богословием каппадокийских отцов // Идеи и идеалы. 2010. № 3 (5). С. 22–31.
36. Флоренский П.А. Сочинения в четырех томах. Т. 4: Письма с Дальнего Востока и Соловков. М., 1998.
37. Геннисаретский О. Пространственность в иконологии и эстетике священника Павла Флоренского // Флоренский П. Собрание сочинений. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С. 9–46.
38. Хоружий С.С. Философский символизм П.А. Флоренского и его жизненные истоки // П.А. Флоренский: Pro et contra. СПб., 2001. С. 521–553.
39. Флоренский П.А. Философия культа. М., 2004.
40. Флоренский П.А. Анализ пространственности // Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С. 81–259.
41. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Сочинения в четырех томах. М., 2000. Т. 3 (1).
42. Марион Ж.Л. Идол и дистанция // Символ. 2009. № 56.
43. Щедрина Т.Г. Тематические линии русской философии: Павел Флоренский и Густав Шпет // На пути к синтетическому единству европейской культуры. Философско-богословское наследие П.А. Флоренского и современность. М., 2006. С. 156–163.
44. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Сочинения в четырех томах. М., 1999. Т. 3 (2).
45. Ельчанинов А. Из встреч с П.А. Флоренским (1909–1910) // Флоренский: Pro et contra. СПб., 2001. С. 33–42.
46. Панофски Э. Idea. К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. СПб., 2002.
47. Schönborn Ch. L'icône du Christ. Paris, 1986.
48. Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М., 2007.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 13 ноября 2019 г.

The Byzantine Substratum in Pavel Florensky's Iconology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 71–80.
DOI: 10.17223/15617793/453/9

Evgeniy I. Miroshnichenko, St. Petersburg State University(St. Petersburg, Russian Federation); Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: miroshnichenkoeu@gmail.com

Keywords: Byzantine theory of image; Pavel Florensky; Russian religious philosophy; John of Damascus; theory of image.
This study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00134.

The article considers the problem of Pavel Florensky's reception of the Byzantine concept of image (icon). That is why not only the works of Florensky, but also the Byzantine philosophical texts of the iconoclastic period are used in the study. The author establishes that Florensky uses components of the Byzantine theory of image; nevertheless, his own iconology differs significantly from the philosophical conception of Byzantine iconodules. Florensky' iconology is based on the concept of time, which never was the matter of discussion in the Byzantine theory of image, rather than on the problem of connection between image and prototype (as it was in iconoclastic controversy in Byzantium). Florensky uses this innovation because of his spatiality ideas that he discusses in his *Analysis of Spatiality*. The author compares this and other works by Florensky with texts by Byzantine philosophers of the iconoclastic period (*Three Treatises on the Divine Images* by John of Damascus and *Antirrheticus* by Theodore the Studite) to solve the problem. In the study, comparative, historical, typological, hermeneutic and phenomenological methods are used. First of all, the modern philosophical context of the problem is shown; then an excursus is made to the Byzantine theory of the image; then Florensky's spatiality conception is reconstructed in the context of the iconological issue. Finally, the Byzantine iconophiles' and Florensky's approaches to the issue of image/icon are compared. The comparison shows that Florensky incorporates the concept of time into the Byzantine theory. Though Florensky accepts the formula of ascent from the image to the prototype and the term *anamnesis*, he substantially reinterprets them so that they fit into his own concrete metaphysics. As follows from the study, Florensky's theory of the image is not only conceptually different from what was written by Theodore the Studite and John of Damascus, but also in some contradiction with their teachings. While the basis of the Byzantine theory of the image is the concept of the static, Florensky's iconology is based on dynamism, which is a consequence of his interpretation of the category of time. That is why he avoids the ideas of a "static" image, hierarchy, worship and veneration of the icons as much as possible: these ideas do not fit into his concept of the ontological time of images. His use of the formulas of Byzantine theology turns out to be a speculative device necessary to emphasize the ontological nature of the "temporal" metaphysics of the image Florensky created.

REFERENCES

1. Pavlyuchenkov, N.N. (2019) The Liturgical Theology in Priest Pavel Florensky's Lectures on the "Philosophy of the Cult": The Main Features and Sources. *Russko-Vizantiyskiy vestnik – Russian-Byzantine Herald*. 1 (2). pp. 78–103.
2. Biryukov, D.S. (2018) The Reception of Palamism in Russian Thought in the Early 20th Century: The Issue of the Philosophical Status of Palamism and Barlaamism, Its Solutions and Context. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya – Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 23 (5). pp. 34–47. (In Russian).

3. Biryukov, D.S. (2016) Taxonomies of Beings in the Palamite Literature. Part 2. the Palamite Doctrine in the Context of the Previous Byzantine Tradition and Its Reception in the Russian Religious Thought of the XXth Century (The Philosophy of Creativity by Sergei Bulgakov). *Konštantínove listy*. 12 (2). pp. 69–79.
4. Miroshnichenko, E.I. (2019) Sophia-Image vs. Sophia-Hypostasis: The Features of Reception of the Wisdom of God Concept by Athanasius of Alexandria in the Sophiology of Pavel Florensky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 441. pp. 98–105. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/441/13
5. Mitchell, W.J. (1994) *The Picture Theory. Essays on Verbal and Visual Representation*. Chicago: University of Chicago Press.
6. Mondzain, M.-J. (1996) *Image, Icône, Économie: Les sources Byzantines de l'imaginaire contemporain.* Paris: Seuil.
7. Sepun, N. (1992) *Sushchnost' ikony v ponimanii svyashchennika P. Florenskogo* [The Essence of the Icon in the Understanding of Priest Pavel Florensky]. Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg.
8. Alekseev, A.Yu. (1995) *Uchenie o pravoslavnoy ikone v sisteme konkretnoy metafiziki o. Pavla Florenskogo* [The Doctrine of the Orthodox Icon in the System of Specific Metaphysics of Pavel Florensky]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg.
9. Kish, I. (1995) Vidna li neveruyushchemu Troitsa Rubleva? K voprosu o ponyatii ikonnogo znaka v "Ikonostase" P.A. Florenskogo [Is Trinity by Rublev Visible to the Unbeliever? On the Concept of an Iconic Sign in the "Iconostasis" by Pavel Florensky]. In: Hagermeister, M. & Kauchtschischwili, N. (eds) *P.A. Florenskiy i kul'tura ego vremeni (P.A. Florenskij e la cultura della sua epoca)* [P.A. Florensky and the Culture of His Time]. Marburg: Blaue Hörner. pp. 399–410.
10. Opie, J.L. (1995) "Ikonostas" and its context ["Iconostasis" and Its Context]. In: Hagermeister, M. & Kauchtschischwili, N. (eds) *P.A. Florenskiy i kul'tura ego vremeni (P.A. Florenskij e la cultura della sua epoca)* [P.A. Florensky and the Culture of His Time]. Marburg: Blaue Hörner. pp. 431–442.
11. Bychkov, V.V. (1996) Filosofiya iskusstva Pavla Florenskogo [Philosophy of Art of Pavel Florensky]. In: Florenskiy, P.A. *Izbrannye trudy po iskusstvu* [Selected Works on Art]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. pp. 285–333.
12. Valentini, N. (1999) Estetica ed ermeneutica del simbolo-icona in P.A. Florenskij. In: Lingua, N. (ed.) *Icona e avanguardie. Percorsi dell'immagine in Russia*. Torino: Zamorani. pp. 77–94.
13. Zavizion, S.P. (2005) Kandinskiy i Florenskiy. Iskusstvo kak edinstvo vneshnego i vnutrennego [Kandinsky and Florensky. Art as a Unity of the External and the Internal]. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 1. pp. 121–130.
14. Gromova, A.E. (2007) Ikona i avangard v filosofii iskusstva P.A. Florenskogo [Icon and Avant-Garde in the Philosophy of Art of Pavel Florensky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Ser. Gumanitarnye nauki: Entelekhiya.* 16. pp. 46–51.
15. Fedotova, R.A. (2013) Analysis of Iconography in the Context of Epistemology of FR. Pavel Florensky: Preliminary Observations. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*. 1. pp. 148–154. (In Russian).
16. Kolesnikov, S.A. (2017) The Theological Art History of Iconography in the Work of Priest Pavel Florensky: the Problem of the Face and its Iconographic Representation. *Khristianskoe chtenie*. 2. pp. 37–56.
17. Antonova, C. (2019) *Visual Thought in Russian Religious Philosophy: Pavel Florensky's Theory of the Icon*. Routledge.
18. Bonetskaya, N.K. (2003) P. Florensky: Russian Goethism. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 3. pp. 97–116. (In Russian).
19. Ponomarev, N.V. (2004) *Religiozno-filosofskaya antropologiya P.A.Florenskogo v kontekste mistiko-simvolicheskoy pravoslavnoy traditsii* [Religious-Philosophical Anthropology of Pavel Florensky in the Context of the Mystic-Symbolic Orthodox Tradition]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
20. Florenskiy, P.A. (1996) Ikonostas [Iconostasis]. In: *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 419–526.
21. Florenskiy, P.A. (1996) Molennye ikony Prepodobnogo Sergiya [Prayer Icons of St. Sergius]. In: *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 383–408.
22. Lur'e, V.M. & Baranov, V.A. (2006) *Istoriya vizantiyskoy filosofii* [History of Byzantine Philosophy]. St. Petersburg: Axioma.
23. Ladner, G.B. (1953) The Concept of the Image in the Greek Fathers and the Byzantine Iconoclastic Controversy. *Dumbarton Oaks Papers.* 7. pp. 2–34.
24. Kitzinger, E. (1954) The Cult of Images in the Age before Iconoclasm. *Dumbarton Oaks Papers.* 8. pp. 83–150.
25. Miroshnichenko, E.I. (2010) [From Logos to Icon: The Problem of the Formation of the Concept of the Image in the Early Byzantine Culture]. *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical Studies in Siberia: Problems and Prospects]. Conference Proceedings. Novosibirsk: Institue of History, SB RAS. pp. 18–25. (In Russian).
26. Petrovskaya, E. (2012) *Teoriya obraza* [Theory of Image]. Moscow: Tri kvadrata.
27. Korostovtsev, M.A. (1976) *Religiya Drevnego Egipta* [Religion of Ancient Egypt]. Moscow: Nauka.
28. Belting, H. (2002) *Obraz i kul't. Istoriya obraza do epokhi iskusstva* [Likeness and Presence: A History of the Image Before the Era of Art]. Translated from German by K.A. Piganovich. Moscow: Progress-Traditsiya
29. Losev, A.F. (2000) *Istoriya antichnoy estetiki* [The History of Ancient Aesthetics]. Vol. 6. Moscow: Iskusstvo.
30. Baranov, V.A. (2012) Form-Giving and Intermediary Function of the Soul of Christ in Late Origenism. *Schole: Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Schole: Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 6 (2). pp. 259–282. (In Russian).
31. Mansi, J.D. (ed.) (1759–98) *Sacrorum conciliorum nova et amplissima collection.* Vol. 13. Florence; Venice: Antonius Zata.
32. Zhivov, V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Investigations in the Field of History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 15–39.
33. Bindley, T.H. (1899) *The Oecumenical Documents of the Faith*. London: Methuen & Co.
34. Baranov, V.A. (2010) *Filosofskie predposylki ideologii vizantiyskogo ikonoborchestva* [Philosophical Background of the Ideology of Byzantine Iconoclasm]. Philosophy Cand. Diss. Novosibirsk.
35. Miroshnichenko, E.I. (2010) The Byzantine Concept of the Image: Between the Neo-Platonic Philosophy and the Theology of Cappadocian Fathers. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 3 (5). pp. 22–31. (In Russian).
36. Florenskiy, P.A. (1998) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
37. Gennisaretskiy, O. (2000) Prostranstvennost' v ikonologii i estetike svyashchennika Pavla Florenskogo [Spatiality in the Iconology and Aesthetics of Priest Pavel Florensky]. In: Florenskiy, P.A. *Sobranie sochineniy. Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arkheologii* [Collected Works. Articles and Studies on the History and Philosophy of Art and Archeology]. Moscow: Mysl'. pp. 9–46.
38. Khoruzhiy, S.S. (2001) Filosofskiy simvolizm P.A. Florenskogo i ego zhiznennye istoki [Philosophical Symbolism of P.A. Florensky and Its Life Sources]. In: Burlaka, D.K. (ed.) *P.A. Florenskiy: Pro et contra*. St. Petersburg Russian Christian Institute for the Humanities. pp. 521–553.
39. Florenskiy, P.A. (2004) *Filosofiya kul'ta* [The Philosophy of the Cult]. Moscow: Mysl'.
40. Florenskiy, P.A. (2000) *Sobranie sochineniy. Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arkheologii* [Collected Works. Articles and Studies on the History and Philosophy of Art and Archeology]. Moscow: Mysl'. pp. 81–259.
41. Florenskiy, P.A. (2000) U vodorazdelov mysli [At the Landmarks of Thought]. In: *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Vol. 3 (1). Moscow: Mysl'.
42. Marion, Zh.L. (2009) Idol i distantsiya [The Idol and Distance]. Translated from French by G. V. Vdovina. *Simvol.* 56.
43. Shchedrina, T.G. (2006) Tematicheskie linii russkoy filosofii: Pavel Florenskiy i Gustav Shpet [Thematic Lines of Russian Philosophy: Pavel Florensky and Gustav Shpet]. In: Porus, V.N. (ed.) *Na puti k sinteticheskomu edinstvu evropeyskoy kul'tury. Filosofsko-bogoslovskoe nasledie P.A. Florenskogo i sovremennost'* [On the Way to the Synthetic Unity of European Culture. The Philosophical and Theological Heritage of P.A. Florensky and Modernity]. Moscow: Izdatel'stvo Bibleysko-bogoslovskogo instituta sv. apostola Andreya. pp. 156–163.

44. Florenskiy, P.A. (1999) U vodorazdelov mysli [At the Landmarks of Thought]. In: *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Vol. 3 (2). Moscow: Mysl'.
45. El'chaninov, A. (2001) Iz vstrech s P.A. Florenskim (1909–1910) [From Meetings With P.A. Florensky (1909–1910)]. In: Burlaka, D.K. (ed.) *P.A. Florenskiy: Pro et contra*. St. Petersburg Russian Christian Institute for the Humanities. pp. 33–42.
46. Panofski, E. (2002) *Idea. K istorii ponyatiya v teoriyakh iskusstva ot antichnosti do klassitsizma* [Idea: A Concept in Art History]. Translated from German by Yu.N. Popov. St. Petersburg: Andrey Naslednikov.
47. Schönborn, Ch. (1986) *L'icône du Christ*. Paris: Cerf.
48. Bychkov, V.V. (2007) *Russkaya teurgicheskaya estetika* [Russian Theurgic Aesthetics]. Moscow: Ladomir.

Received: 13 November 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 81–91. DOI: 10.17223/15617793/453/10

УДК 101.8; 340.113.1

М.И. Пантыкина

ПОНЯТИЕ «СУБЪЕКТ ПРАВА»: ОПЫТ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ

Ставится задача переосмысления традиционной трактовки понятия «субъект права» с помощью феноменологической методологии. Для ее решения критике подвергаются принципы, используемые для определения понятий в классической юриспруденции. Затем, применяя феноменологическую редукцию, обнаруживается исходное смысловое основание субъекта права – субъективность. Метод дескрипции позволил выявить идентифицирующие характеристики (дескрипторы) субъекта права. Проверка правомерности полученных выводов производится за счет их экстраполяции на исследование понятия «права человека».

Ключевые слова: Э. Гуссерль; А. Райнах; феноменология права; субъект права; субъективность; права человека.

О выборе методологических оснований исследования понятия «субъект права»

В последние десятилетия содержание понятия «субъект права» стало предметом многочисленных исследований[1]. Но как только возникает необходимость установления содержательных и логических реляций между понятием субъекта права с такими сопряженными понятиями, как «лицо», «правовая личность», «правосубъектность», «субъективное право» или «права человека», оно по-прежнему утрачивает определенность и требует введения дополнительных уточняющих признаков. Кроме того, распространена точка зрения, согласно которой существует вполне сформировавшаяся общая теория субъекта права, но широкое применение понятие субъекта права получило только в гражданским праве[2]. Выявленные противоречия позволяют поставить под сомнение как завершенность исследований понятия субъекта права, так и наличие в достаточной степени разработанной теории субъекта права. Более того, возникают вопросы, касающиеся методологических оснований разрешения данных противоречий:

1. Насколько сложившаяся ситуация с понятием субъекта права типична для правовой науки?

2. Можно ли в исследовании данного понятия ограничиться классическими методологическими средствами?

Приступая к ответам на них, следует отметить, что юриспруденцию принято считать одной из немногих социально-гуманитарных наук, для которой необходимость обеспечения логической выверенности и системности используемых понятий не только связана с общенаучными принципами построения ее теории, но и обусловлена специальными требованиями юридической техники. Как подчеркивал Ж.-Л. Бержель, «первый фактор исполняемости права заключается в удобоваримости определений. Право, использующее недостаточно корректные определения, не будет исполнимым в том смысле, что в процессе его применения будут возникать сомнения и споры, порождающие юридическую необеспеченность» [3. С. 342–343]. Система универсальных и общепринятых теоретических конструкций[3] (или юридическая догма) образует ядро правовых доктрин, на которые юристы ориентируются в своей практике.

Одновременно с этим все большую значимость приобретают правовые теории, ставящие под сомнение содержательную и формальную «незыблемость» правовых понятий и утверждающие невозможность абсолютной регламентации правовой жизни с помощью понятий. Так, в концепции неописательного (перформативного) употребления юридического языка Г.Л.А. Харта доказывается мысль о том, что правовые понятия обладают свойством отменяемости, т.е. «подвержены аннулированию или “отмене” по ряду различных обстоятельств, но сохраняются нетронутыми, если такие обстоятельства не наступили» [5. С. 248]. Это означает, что если не выявлены необходимые и достаточные условия употребления правовых понятий, то правила формальной логики должны быть скорректированы в соответствии с прагматикой юридического языка. Теории, подобные концепции Г.Л.А. Харта[4], позволяют выявить антиномии юридического языка, объяснить неустранимость многозначности правовых понятий, а также указывают на необходимость применения неклассических подходов к исследованию содержательно-генетических оснований конституирования понятий.

Одним из таких подходов является феноменологическая концепция науки Э. Гуссерля, направленная на исследование сущности научной рациональности и выяснение специфики классической и неклассической наук [11. P. 14]. Созданная им феноменологическая логика была направлена на преодоление кризиса европейской классической науки и создание методологических оснований для развития неклассической науки. При этом, по замыслу Гуссерля, различия между ними не должны исключать общее требование: гарантировать «ясное и достоверное познание в любом возможном и требуемом смысле» [12. С. 26] и обеспечивать получение объективного знания. В частности, предложенный им метод прояснения понятий призван восстановить системность науки за счет строгого следования порядку вещей, а также прояснения и выбраковки расплывчатых понятий, которые смешиваются, не достигая ясности [12. С. 20–21].

На первом этапе «ревизии» научных понятий, как утверждал Э. Гуссерль, следует признать, что они являются чистыми предельными гештальтами, конструирующими объективно-истинный мир науки. Несмотря на то что ее история начинается с изобретения методов решения практических задач, постепенно была

утрачена связь между научными понятиями и чувственными полнóтами конкретно-созерцаемых гештальтов жизненного мира [13. С. 77]. Зато последовательное применение идеализации, конструирования новых чистых гештальтов, их логическое определение и операциональное языковое использование создали рабочее поле бесконечного и все же замкнутого в себе мира идеальных предметностей науки [13. С. 44]. В частности, как отмечал Э. Гуссерль, создатель модели европейской классической науки Галилей «был весьма далек от мысли, что геометрии как ветви универсального познания сущего (философии) когда-нибудь потребуется и даже станет в корне важно проблематизировать геометрическую очевидность, поставить вопрос о том, «как» она возникает» [13. С. 47].

Второй этап феноменологического исследования научных понятий предполагает проблематизацию их всеобщности и логической состоятельности. Для этого необходимо восстановить в их содержании то, что было утрачено в результате применения методики объективирующего определения. Как пишет Э. Гуссерль, здесь речь должна идти не о том, что позитивно-научный метод «обманывает нас, а его достижения суть одна лишь видимость, а о том, что эта очевидность сама является проблемой; что объективно-научный метод покоится на никогда прежде не исследованном, глубоко скрытом субъективном основании, философское прояснение которого только и выявляет истинный смысл достижений позитивной науки и, коррелятивно, истинный бытийный смысл объективного мира – и именно как трансцендентально-субъективный смысл» [13. С. 141]. Это означает, что изначальные очевидности жизненного мира предшествуют теоретико-логическим конструкциям науки и образуют ее подлинный фундамент. А объективно-научные методы оказываются производными от непосредственного субъективного опыта, предполагающего многообразие, изменчивость способов данности явлений и придания им значений, а также возможность различных их интерпретаций. Субъект и конститутивная деятельность его сознания предстают в этом контексте как последние источники всех образований познания: на уровне пассивного синтеза формируются интернациональные предметности, а активный синтез отвечает за порождение понятий и категорий.

На третьем этапе можно приступить собственно к «восстановлению» содержания научных понятий и сделать то, чем никто всерьез не занимался. То есть «нужно от фундаментальных научных понятий пойти назад к содержаниям “чистого опыта”, радикально отложить в сторону все презумпции точной науки, все свойственные ей мыслительные выкладки – т.е. рассмотреть мир так, как если бы этих наук еще не было, именно как жизненный мир, который в жизни при всей своей относительности удерживает единство своего вот-бытия и всегда бывает заранее очерчен в ней в плане значимости» [13. С. 287].

Итак, представленные этапы феноменологического анализа происхождения научных понятий не только доказывают эвристическую значимость методологии Э. Гуссерля для феноменологического переосмысления понятия «субъект права», но и образуют пункты плана решения этой задачи.

Понятие «субъект права» в классической юриспруденции: проблематизация исторических и логических оснований

Критика исторических и логических оснований трактовки понятия субъекта права в классической юридической науке является, как было показано выше, необходимым этапом феноменологического исследования данного понятия. С этой целью обратимся к таким базовым научным подходам, как принцип историзма и формально-логический метод. Первый из них предполагает выяснение конкретно-исторических условий возникновения понятия субъекта права и уточнение его этимологии. Анализ научной литературы показывает наличие множества гипотез решения этих задач. Так, Н.Л. Дювернуа утверждал, что традиция использования понятия субъекта права возникла еще в римском праве [14. С. 88]. Другой точки зрения придерживался Г. Дернбург, который доказывал, что «права в субъективном смысле существовали в истории гораздо раньше, чем сложился сознательный государственный порядок. Они имели свое основание в личности человека и в том уважении, которого ему удалось добиться по отношению к своему лицу и имуществу» [15. С. 100–101]. Историческая школа права, а затем и позитивизм XIX в. развивали представление о том, что «сначала появляются субъективные права, в первую очередь собственность – прототип субъективного права, хотя и выступающий в виде первичного присвоения; затем появляется объективное право как государственный порядок, защищающий, признающий и гарантирующий субъективные права…» [16. С. 454]. Однако идея исторической первопорядковости правового субъекта противоположна позиции, в соответствии с которой доминирование коллективных ценностей и величие объективного права позволяют определить субъект права как искусственной продукт творчества объективного права [17. С. 574].

Наличие связи исследуемого понятия с институтом частной собственности обнаруживал Г. Кельзен, который утверждал, что понятия «субъект права», «лицо» и «субъективное право» содержательно подогнаны под собственника и являются порождением фактов гражданско-правовых договоров, а не результатом самоопределения индивидов в области права [16. С. 454–455]. Поскольку истоки гражданского права лежат в римском праве, то можно предположить содержательно-логическую связь между понятием субъекта права с понятием лица, широко используемого римскими юристами. В свою очередь, данная позиция не совпадает с выводами исследований древних российских источников права, в которых понятие субъекта права не обнаруживается. Более того, как писал М.Ф. Владимирский-Буданов, «в литературных и законодательных памятниках с древнейших времен встречаются переводные термины: “лице” с греч. πρωσοπου и “особа” с лат. Persona, но из них первый означает не лицо в нашем смысле, а напротив, отри-

цание достоинства лица, а именно один из видов рабства… В русских памятниках… лицом называется раб-пленник или вещь...» [18. С. 373]. Такая интерпретация понятия физического лица нашла отражение в древнерусском семейном и вещном праве.

Еще одна точка зрения на происхождение понятия субъекта права связана с деятельностью средневековых юрисконсультов [19. С. 53–55], которые объединяли с помощью этого понятия исключающие друг друга понятия физического лица и корпорации. «Конфликт» значений этих понятий был очевиден для римских юристов. Им была чужда мысль о том, что коллегии, являвшиеся наряду с корпорациями прообразами юридического лица (res inanimate, persona ficta), могут рассматриваться как особи, имеющие душу и личную правоспособность. Зато такая «фикция нужна была юрисконсультам XIII в., чтобы найти примирение этой обособленной гражданской личности классического мира со своей действительностью. Такова основа канонического построения личности в праве, вполне отличная от римской практической и их культурной основы для понятия цивильной личности» [20. С. 532].

На версию еще более позднего возникновении понятия субъекта права косвенно указывает В.Е. Чиркин, который считает, что понятие «юридическое лицо» возникло в немецкой литературе в первой половине XIX в. и тогда же стало использоваться в законодательстве: «Можно полагать, что впервые на уровне кодификации формулировка “юридическое лицо” появилась в Германском гражданском уложении 1896 г.» [21. С. 17].

Итак, отсутствие однозначных свидетельств о происхождении понятия «субъект права» дает основание утверждать, что оно не является «изобретением» позитивного права, отражающим тенденции развития гражданско-правовых отношений. Думается, что источник его происхождения – необходимость идеологического разрешения конфликта, имманентно присущего всем правовым нормам: с одной стороны, нормы должны гарантировать соблюдение прав отдельному человеку, а с другой – форма их предоставления может быть только коллективной, нивелирующей притязания частного лица с помощью вменения обязанностей. Как следствие, идеологический спор между индивидуализмом и коллективизмом предопределил возникновение вопроса о правах субъектов [3. С. 26–27], а также проявился в постоянном изменении содержания понятия субъекта права в контексте развития прав человека.

Может возникнуть вопрос: почему в результате селекции понятий была выработана терминологическая конструкция «субъект права», заменившая имеющее глубокие исторические корни понятие «лица»? Думается, что ответ на него состоит в том, что в классической научной картине мира гносеологические позиции принято обозначать понятиями «субъект» и «объект». Поэтому, соблюдая традиции классического научного дискурса, понятие субъекта права изначально инкорпорировано в структуру субъективного права и противопоставляется государственному порядку как объективному праву.

Итак, анализ истории формирования понятия субъекта права позволяет определить его в качестве понятия с открытым содержанием и утверждать непродуктивность применения к его исследованию ранее заявленного формально-логического метода. Многозначность понятий субъекта права[5], аберрации и эквивокации, возникающая в результате его использования за пределами гражданского права[6], а также неустранимость его отождествлений с понятиями правосубъектности, правоспособности, правовой личности, правового статуса, лица и т.д.[7] доказывают его отменяемость. Способность порождения ризомной логической среды приводит к тому, что любые попытки определить понятие субъекта права средствами формальной логики приводят лишь к созданию новых понятий, которые в результате их использования утрачивают связь с исходным понятием. Поэтому следует признать справедливым вывод Н.В. Андрианова о том, что «субъект права… не является операционально-замкнутой системой, поскольку операционально связан и с системой норм, и с системой правоотношений, и с системой нормотворчества, и с системой правопонимания (-ий), и, разумеется, с культурно-историческим контекстом» [25. С. 369].

Горизонты понятия «субъект права» в феноменологии права

Проверка применения таких классических методов научного познания, как принцип историзма и формально-логический подход к исследованию понятия субъекта права показала их ограниченность. Однако было бы необоснованным преувеличением считать вслед за Г. Еллинеком и Г.Ф. Шершеневичем, что это понятие является настолько абстрактным, что наполнение его изначально «пустого» содержания зависит от объективного права[8]. Для выхода из проблемной познавательной ситуации необходимо восстановить утраченные смысловые измерения понятия субъекта права. Прежде всего следует воспользоваться феноменологической редукцией и отказаться от того, чтобы считать данное понятие «изобретением» классического позитивного права[9]. Затем следует признать, что его содержание является темпоральным, т.е. обусловленным движением мыслей участников правовых отношений и фактическими констатациями тех или иных положений дел. Доказательства этих утверждений содержатся в наследии А. Райнаха и Н.Н. Алексеева, а также немногих других представителей феноменологии права.

Так, Адольф Райнах обращается к понятию субъекта права в работе «Априорные основания гражданского права»[10] в контексте исследования обещания как априори договорных отношений. Как отмечал А. Райнах, реализация обещания предполагает наличие правовых субъектов[11], которые вместе и одновременно должны осознать, что возникшая между ними связь позволяет одному из них что-то требовать, а другому вменяется обязательство нечто выполнять. Осознание этой связи и ее последствий является основной характеристикой субъекта права,

которая детализируется А. Райнахом с помощью дополнительных параметров. Во-первых, специфика субъекта обязательства и субъекта требования определяется различиями отношений к содержанию обещания: «В то время как обязательства по своей сущности могут относиться лишь к собственному действию – независимо от того, наличествуют ли они абсолютно или относительно, – применительно к правам мы должны различать два случая. Относительные права могут относиться лишь к чужому действию, абсолютные же, напротив, лишь к своему собственному» [27. С. 167].

Во-вторых, субъекту права должно быть присуще осознание значимости (ценности) собственных обязательств или требований, которая проявляется в нравственном обосновании права на развитие собственной личности и требовании помощи. Это предполагает то, что «существование *образа действий* определенного лица, каковое составляет содержание обязательства этого лица, наделено нравственной правотой само по себе или вследствие правоты других, связанных с ним положений дел» [27. С. 168].

В-третьих, субъект права является деятельностным Я, так как «любое обязательство заключается в *будущем действии* [*Verhalten*] его носителя, безразлично, заключается ли это действие в деянии, недеянии или претерпевании» [27. С. 165]. Конечной же целью действий субъекта права является адресат обязательства, т.е. обладатель соответствующего требования.

К феноменологическому прояснению сущности деятельностного субъекта права А. Райнах обращался неоднократно. В результате им была представлена дескрипция последовательности констируирования правового деятеля. «Источником энергии» деятельностного Я[12] следует считать спонтанные акты, производные от внутренних деяний субъекта. Они проявляют себя сразу же, как только субъект обращается к какой-либо вещи в акте интенциональности, который затем преобразуется в формирование намерения. Будучи «точечным переживанием», данный акт стремится перейти в более определенное состояние – обладание намерением. А на основе намерения совершается последний внутренний акт – принятие какого-то решения. Как подчеркивает А. Райнах, перечисленные акты могут реализоваться как чисто внутренние деяния, т.е. без изъявления вовне. Но социальные акты, к которым относится обещание, нуждаются в том, чтобы им вняли, поэтому они направлены на другое лицо и имеют целью закрепиться в его душе [27. С. 176].

Дальнейшее развитие концепции деятельностного Я приводит А. Райнаха к выводу от том, что в отличие от нравственного субъекта, для которого обязательства и требования имеют безусловный характер, субъект права обладает определенной свободой, так как для него они возникают и исчезают благодаря спонтанным социальным актам. На этот аспект априорной теории права обращал внимание Х. Конрад-Мартиус, который утверждал, что А. Райнах впервые дал феноменологическое пояснение странным, на первый взгляд, следствиям, которые вытекают из акта общения. Так, «обещая кому-то сделать что-нибудь, я отказываюсь в определенном отношении и определенном смысле от личной свободы. ...Я персонально предоставляю себя этому лицу в этом определенном отношении и определенном смысле» [29. С. 26]. Однако это самоограничение и есть чистая свобода, так как «на это способно только лицо как таковое, ибо только оно по отношению к самому себе располагает свободой трансцендировать самого себя!» [29. С. 26]. Кроме того, благодаря присущей правовому субъекту свободной трансцендентной субъективности он обладает юридической силой производить, изменять обязательства и требования, а «право на отказ с несомненной ясностью дает нам пример права на собственный образ действий, относящихся к праву» [27. С. 231].

Мысль А. Райнаха о том, что самоопределение правового субъекта обладает модусом свободы, находит развитие в феноменологии права Н.Н. Алексеева. Но в отличие от Райнаха, для которого свобода имманентна возможности «интеллектуально усматривать логические последствия сделанного обещания, достигая тем самым познания некоторых априорных истин, обнаруживающих логическую необходимость вытекающих из обещания последствий» [2. С. 69], Н.Н. Алексеев дополняет ее экзистенциальным измерением. В частности, он выделяет две ипостаси субъекта права: быть правовым деятелем и быть признанной и охраняемой государством ценностью. Как правовой деятель он демонстрирует осмысленное поведение, основанное на способности единолично устанавливать, реализовывать, переживать и осуществлять связь между правомочиями и правообязанностями [2. С. 85–86]. Однако будучи одновременно правовой ценностью, субъект права не может быть носителем обязанностей, так как это «…скорее означает нечто противоположное: “быть средством для выполнения некоторой цели”, “исполнять некоторое заданное назначение”, “служить какой-то ценности”» [2. С. 86]. Думается, синергия этих в некоторых случаях разнонаправленных ипостасей субъекта права достигается свободным образом в таких актах трансцендентной субъективности, как самосознание и самоопределение[13].

В соответствии с рассуждениями А. Райнаха и Н.Н. Алексеева можно сделать вывод о том, что любое логически выверенное определение понятия субъекта права будет недостаточным и умножающим сущности. Все это дает основание предположить, что исследуемое понятие является не фактическим, а конститутивным, производным от возможных актов осмысления предметностей права. Кроме того в ходе анализа предложенных феноменологических концепций обнаружилась необходимость соотнесения понятия субъекта права с понятием субъективности, включающей в себя данности правового субъекта в качестве аспектов его деятельности. Разумеется, речь не идет о подмене понятия субъекта понятием субъективности, а о восстановлении подлинного смысла первого понятия с помощью второго. Для подтверждения того, что такой подход возможен и необходим, обратимся к феноменологии Э. Гуссерля.

Тематика субъективности в феноменологии Э. Гуссерля как основание дескрипции субъекта права

Необходимо обратить внимание на то, что в трудах Э. Гуссерля практически не используется понятие субъекта. Это объясняется тем, что данное понятие, а также связанные с ним понятия человека, личности, индивида и т.д. входят в словари объективных и позитивных наук, в которых эти понятия трактуются как предметности с коннотациями бытийной значимости и естественного опыта. С позиции феноменологии важно прояснение значений не только в словесном, но и эйдическом мышлении. Поэтому в результате применения феноменологической редукции к понятию человека «возникает переход от эмпирии к царству чистых возможностей как высшему принципиальному единству чистой идеи одушевленного, телесно-духовного существа вообще» [30. С. 120]. Эта чистая идея «существа» обозначается Гуссерлем как Я, которое уже не является тем человеком, который «обнаруживает себя благодаря естественному опыту своей собственной данности в качестве человека, как и не есть тот человек, который при абстрактном ограничении чистым составом внутреннего, чисто психологического опыта своей собственной данности обнаруживает свой собственный чистый mens sive animus sive intellectus, или душу, выделенную и постигнутую в себе» [31. С. 39–40]. В отличие от «классического» субъекта феноменологическое Я представляет собой единство сложного и постоянно изменяющегося многообразия проявлений самого себя. Это и есть определяющая причина необходимости введения понятия субъективности в тематическую область Я.

Субъективность понимается Э. Гуссерлем как форма жизни сознания, благодаря которой «получает свой смысл и свою бытийную значимость весь мир и я сам как объект, как сущий в мире человек» [32. С. 349]. Она является первичным источником смыслов, заполняющих «зияющую пропасть» (Э. Гуссерль) между сознанием и реальностью. Хабитуальные особенности сознания, мыслительные акты и образованные ими процессы, т.е. все то, что определяет субъективность, должны быть осмыслены как данности Я, а затем спроецированы на субъекта. Если субъективность обусловливает бытийную значимость субъекта, то должны существовать формы, в которых обнаруживается эта зависимость. Каковы эти формы? С целью поиска ответа на этот вопрос обратимся к описаниям субъективности, содержащимся в работах Э. Гуссерля.

Первый атрибут субъективности – это готовность к принятию ответственной позиции, которую следует считать результатом признания первопорядковости Я. В этом случае субъективность формируется с помощью таких актов, как самопознание, самооценка, практическое самоопределение в смысле требовательности к себе и своему самосовершенствованию [30. С. 123]. Подчеркнем, что утверждение Э. Гуссерлем первопорядковости Я не означает отказ от мира, а позиционируется как условие снятия отчуждения Я, конституирования осмысленного и человекосообразного мира[14].

Вторая форма субъективности предстает как преодоление негаций[15]. При этом первый тип негаций возникает в опыте наличного бытия Я и представлен различиями между Я и предметным миром, включающим в себя Другого или Других. Действительно, последние всегда находятся «Там», а первопорядковое Я – «Здесь». Пространственная и ментальная граница между ними непреодолима, поэтому возможность интеграции Я с опытом сознания сообщества либо неочевидна, либо происходит за счет вытеснения одной из конкурирующих сторон. Как следствие, Я свойственно руководствоваться критическими соображениями относительно единичных и всеобщих установок собственного сознания. Второй тип негаций образован различными проявлениями негативных самоопределений Я, предполагающих исключение своей отрицательности. Как утверждал Э. Гуссерль, в этом случае субъективность предстает как «способность “останавливать” воздействие своих пассивных побуждений (определяя сознательно свои устремления) и предпосылки… и принимать волевое решение только на основе получившегося в результате знания о положении вещей, о возможностях, вообще могущих быть реализованными в мире, и об их соотносительной ценности» [30. С. 123]. Такое двойное отрицание не только не ограничивает позитивную продуктивность субъективности, но, наоборот, определяет возможность совершать свободные, независимые от собственной ничтожности действия.

Третья форма субъективности – это результат разумного стремления преодолеть негации и последующего наполнения субъективности позитивно расцениваемым содержанием ценностей и норм [30. С. 124]. Не останавливаясь на вопросе о конституировании этого содержания[16], согласимся с мнением Э. Гуссерля о том, что именно свободное замещение негаций признанием ценностей и норм приводит к тому, что субъект начинает жить «в борьбе за “наполненную ценностями”, защищенную от обесценивания, падения ценностей, разочарования, возрастающую в своем ценностном содержании жизнь, за жизнь, которая может обеспечить согласованное и явное общее удовлетворение» [30. С. 124]. Однако в процессе свободных размышлений возможен переход к решению более сложных задач: как сделать исходный мотив «ценности личностного бытия» очевидным и понятным, как обеспечить внешнее признание достижения целевых ценностей? Это стремление к ясности и является источником норм. Как писал Э. Гуссерль, «своеобразие разумного стремления понимается как стремление придать личностной жизни форму понятности в отношении тех или иных ее позиций в суждениях, оценках или практике, и, в соответствии с ней, форму законности или разумности» [30. С. 125].

Поскольку субъективности как характеристике субъекта права присуща сущностная связь с нормами, необходимо уточнить содержание понятия нормативности. Э. Гуссерль обращается к нему в «Логических исследованиях» в связи с исследованием «первого методологического принципа» – принципа очевидности или «переживания» истины. В частности, он писал: «Переживание совпадения между мысленно по-

лагаемым и (самим) присутствующим, которое в нем подразумевается, между (актуальным) смыслом высказывания и (самим данным) положением дел есть очевидность, а идея этого совпадения есть истина» [35. С. 168]. В этом статусе принцип очевидности противопоставляется всему произвольному или случайному и приобретает нормативный смысл, производный от идей разума и порядка. Кроме того, по мнению Гуссерля, любая норма – это определенный вид ценностного положения. Поэтому она является основанием для одобрения стремления к очевидности и признания осмысленной деятельности, а также условием отрицания и дистанцирования от любой бессмыслицы.

Итак, способность субъекта мыслить нормативным образом интегрирована в его переживание истины и стремление к осмысленному существованию. Однако возможна ли абсолютная нормативность? С одной стороны, положительный ответ на этот вопрос содержится в выделении Гуссерлем группы сопряженных норм в особое положение, которое может быть названо фундаментальной нормой. В качестве примеров такой нормы он указывает на «категорический императив в группе нормативных положений, составляющих этику Канта; таков же принцип «возможно большего счастья большего числа людей» [35. С. 55]. Но одновременно с этим Гуссерль уточняет, что абсолютна только идея нормирования (долженствования), в то время как норму отличает меняющееся содержание. Это объясняется тем, что она, будучи регулятивным принципом, конфигурирует и уравновешивает значимость так-бытие мира и для-себя-самого-бытие Я. Как предмет она может быть определена в качестве полюса тождественности, который «всегда осознается вместе с некоторым предварительно подразумеваемым (vorgemeinten) и подлежащим осуществлению смыслом; в каждом моменте сознания предмет есть индекс, с присущей ему в соответствии с его смыслом ноэтической интенциональностью, которая, если возникает о ней вопрос, может быть эксплицирована» [31. С. 64]. Другими словами, субъективность как нормативность подразумевает определенность и всеобщность. Однако вследствие постоянного трансцендирования субъективности неизбежны «сдвиги» ее смыслового горизонта.

Итак, предложенное феноменологическое исследование субъективности как интегративной характеристики Я позволяет существенно расширить границы традиционной трактовки понятия субъекта права. Не претендуя на формально-логическую дефиницию, можно утверждать, что субъект права – это интегративная дескрипция потенциальных и актуальных данностей правосознания. А имеющие место в юриспруденции отождествления или подмены понятий «субъект права», «лицо», «правовая личность», «правосубъектность» объясняются тем, что все они являются дескрипторами правосознания, установление различий между которыми возможно с помощью феноменологической методологии. Представленные выше характеристики субъективности соответствуют этим дескрипторам. В частности, к ним можно отнести следующие идентифицирующие позиции субъекта права:

– «быть деятелем»;

– «быть ценностью»;

– «быть первоисточником конституирования смыслов»;

– «готовность к принятию ответственной позиции»;

– «способность снятия негаций, изначально присущих правосознанию»;

– «способность позитивно расценивать содержание ценностей и норм»;

– «способность мыслить нормативным образом».

Права человека как актуальная субъективность и форма бытия субъекта права

Как справедливо отмечал Э. Вольф, право является промежуточным регионом, который не принадлежит ни естественно-наивной, ни чисто трансцендентальной сфере опыта. Поэтому «всяческий правовой опыт человека, находящегося в правовой установке, сомнителен, а абстрактное, действительное вне времени право вовлечено в текучую социальную действительность соразмерно ее задачам, оно “зависает” (verzeitet)» [36. С. 193]. Из этого утверждения следует, что любое феноменологическое исследование правового образования, в том числе дескрипция понятия субъекта права, не может считаться завершенным без того, чтобы «превратиться в бытийствующее (Daseiende), или, как обычно говорят, “осуществиться”» [36. С. 193]. Поэтому следующим шагом должна стать проверка выводов, полученных в результате исследования понятия субъекта права за счет их соотнесения с явлениями правовой жизни. Однако обращение к ее эмпирическим формам может привести к вытеснению представлений о субъективированных данностях правового субъекта. Для преодоления этой опасности необходимо найти такое правовое образование, смыслы которого в познавательном аспекте были бы подобны дескрипторам субъекта права, а в прикладном аспекте обладали бы относительной независимостью от объективного права.

Всем этим условиям отвечает такое понятие и правовое явление, как права человека. Приведем несколько аргументов в доказательство этого утверждения. Во-первых, наличие содержательно-генетической связи между понятиями «субъект права» и «права человека» доказывается тем, что права человека имманентны темпоральным процессам правосознания и включены в конституирование правового субъекта. Как следствие, понимание и возможность реализации права человека в полной мере коррелируются с признаваемым набором дескрипторов субъекта права.

Во-вторых, как справедливо утверждает Р. Бернаскони, великие исторические формулировки прав человека возникли в экстремальных условиях конфликта или надвигающегося конфликта [37. P. 228]. Действительно, они часто оказываются достаточными для заключения «перемирия»; так, будучи результатом трансцендирования к предельным преставлениям о правовом субъекте, выполняют функцию общего ме-

ста в политических и правовых спорах между конфликтующими сторонами.

В-третьих, сложно найти другое такое правовое образование, которое бы не вызывало столько скепсиса и обоснованной критики, как права человека. Негативное отношение к ним обусловлено тем, что в политическом дискурсе правам человека зачастую приписываются признаки, которые не соответствуют актуальным дескрипторам субъекта права. Например, принято считать, что права человека универсальны, поскольку их бенефициаром является любой человек. Права человека фундаментальны, поэтому они защищают базовые способности, интересы и потребности человека. А так как права человека укоренены в универсальном содержании морали, они приоритетны, т.е. не могут быть отменены нормами позитивного права [38. С. 23–24]. Предметом подобных деклараций является не субъект права с его субъективными данностями, а либо какой-то конкретный человек, либо абстрактный нравственный человек.

Не удивительно, что столь неочевидные представления о правах человека вступают в противоречие с фактами правовой жизни и порождают множество вопросов. Р. Бернаскони предлагает некоторые из них: «Если права человека универсальны, то почему Соединенные Штаты настаивают на том, что они обнаружили их, требуют неоспариваемого владения, а также привилегированного их понимания? Если эти права являются неотъемлемыми и неотчуждаемыми, то почему так часто они сопровождаются массовыми исключениями из правил [37. P. 228]? К этим вопросам можно добавить еще и вопросы о том, насколько права человека являются тотально необходимыми для народов, правовая культура которых не приемлет западноевропейские правовые ценности? Почему национальные и международное законодательства защищают права граждан, а не людей вообще?

Наличие этих вопросов доказывает, что в настоящее время права человека зачастую реализуются в искаженном виде, провоцируя девальвацию заложенных в них данностей субъекта права. Для выхода из сложившейся ситуации Р. Бернаскони, вслед за Х. Арендт, Ю. Кристевой и Дж. Агамбеном, предлагает пересмотреть дискурс о правах человека. Думается, что такое решение не соответствует остроте проблем реализации прав человека. Поскольку «ниже поверхности юридических заявлений и судебных решений лежит, тем не менее, умственная деятельность, составляющая правовой опыт» [11. P. 11], то и основания смысловых и фактических противоречий прав человека следует искать в области сознания правового субъекта. Поэтому наиболее продуктивной представляется точка зрения Р. Алекси, который считает, что права человека являются лишь соображениями, которые могут быть вытеснены другими соображениями [39. P. 57]. Причем процесс конституирования прав человека является рекурсивным, т.е. возвращающимся к исходным ее данностям субъекта права. Подчеркнем, что данная точка зрения не совпадает с обоснованием этих прав в реформаторских теориях XVII и XVIII вв., которые строились на утверждении о том, что конкретные социально-экономические и политические факторы обусловили возникновение прав человека и основные направления их развития.

Правильность предлагаемой позиции подтверждается историей прав человека, а именно содержательно-генетической логикой становления ее этапов. Каждое из четырех этих этапов (поколений) – это новый горизонт жизни сознания субъекта права. Заметим, что процесс конституирования прав человека является рекурсивным, возвращающим к исходным ее данностям. В частности, четвертое поколение – соматические права человека[17], не только являются манифестом постмодернистской свободы субъекта права, но и возрождают на новом уровне архаические преставления о человеческом теле. С одной стороны, соматические права противостоят политической ангажированности привычных представлений о человеческом теле, нивелируют власть государства над его жизнью и смертью, борются с законностью насилия и безнаказанности убийства в случае суверенного решения [43. С. 92–109]. В этом аспекте они направлены на разрешение изначального конфликта между биологической жизнью (zoê) человека и политической жизнью (bios) гражданина. С другой стороны, кроме права на жизнь и права распоряжаться своим телом, соматические права включают в себя такие личностные права, которые всегда будут реализовываться как преодоление негаций правосознания: право на трансплантацию органов, право на изменение пола, эвтаназию и т.д. Их неоднозначность становится все более очевидной в условиях возрастающего влияния на тело человека информационных, биологических и медицинских технологий. Изменения, происходящие при этом в правосознании, обусловлены конституированием человеческой природы посредством ее определения в границах тела, что задает проблему прав человека в поле биологических смыслов, распределенных между крайними точками жизни и смерти [44. С. 5].

В современном мире стремление субъекта права к осмысленной правовой жизни подвергается еще одному серьезному испытанию. Требуя от государства и общества суверенитета его самозаконности, т.е. «запрещая спасать человека от него самого, право всегда и неминуемо означает право на безнравственность» [45. С. 52]. Именно поэтому последние поколения права человека реализуются таким образом, что расширяют границы дозволенного вплоть до их фактического совмещения с границами свободы. Под свободой в данном случае понимается экзистенциональное долженствование, реализующееся «за счет непосредственной связи с будущим, запущенным самим собой с целью воплощения заранее задуманных возможностей…» [46. С. 415].

В этой связи вызывает сомнение правильность принятого в классической теории права деления прав человека на позитивные (фиксирующие обязанности юридических лиц предоставлять физическому лицу условия для осуществления незапрещенных законом действий) и негативные (определяющие обязанности юридических лиц воздерживаться от тех или иных действий по отношению к физическому лицу). Является спорной и попытка сохранить представление о производности этих правовых образований от деятельности государства и позитивного права. Такое

деление является следствием антиномии, заложенной во Всеобщую декларацию прав человека, которая была написана как «документ, в котором страны обязались защищать права отдельных лиц против своих правительств, тем не менее это было написано этими правительствами» [37. P. 233].

Думается, что наиболее точно идея упорядоченного разнообразия прав человека выражена в ранее упоминавшейся типологии абсолютных и относительных прав А. Райнаха. Он исходил из того, что абсолютное право уже имеется у лица, оно непосредственно связано с его действиями и не предполагает наличия других лиц. Иными словами, абсолютное право – это представление о чистой субъективности. Относительное право же возникает вследствие обещаний, передачи полномочий или представительствующего акта и, следовательно, обусловлено волей и действиями других лиц. Однако относительные права являются не более чем ипостасью абсолютных прав, так как «положение “Nemo plus jurisad alium transferre potet quam ipse haberet”[18] выражает, конечно, априорную истину» [27. С. 235]. Как видим, и в том и в другом случае в качестве источника права А. Райнахом полагается субъективность, а не внешние по отношению к субъекту права факторы. В этом контексте права человека предстают как одно из конститутивных правовых образований развивающейся субъективности.

Поводя итоги феноменологического переосмысления понятия «субъект права», можно утверждать, что субъект права – это не конкретный человек, а права человека – это не притязания и требования частного лица. И то и другое представляет собой правовые образования, созданные мыслительной деятельностью Я как идеи телесно-духовного существа. Соответствующее этой идее понятие «субъект права» выражает один из манифестных образов человека в мире, который конституируется согласно собственной логике. Этим объясняются лингвистическая декларативность и логическая неопределенность данного понятия. Однако они могут быть устранены с помощью феноменологической редукции установок классической науки о праве и дескрипции проявлений субъективности как смысловых характеристик субъекта права[19]. Последние следует рассматривать еще и в качестве критериев осмысленности правовой жизни. Кроме того, предложенная трактовка понятия субъекта права призвана показать актуальность социальных практик, направленных на эмансипацию правосознания и разумное решение проблем реализации прав человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. подробный анализ истории, современного научного статуса и подходов к определению понятия субъекта права: [1].

[2] Заметим, что в гражданском праве понятие субъекта права используется не как результат предельного обобщения, а как родовое понятие, включающее в свой объем понятия «физическое лицо» и «юридическое лицо» и выражающее «ценность хозяйственного самоопределения отдельных лиц и союзов частно-правового характера» [2. С. 85].

[3] Юридическая догматика сложилась еще в XI–XIV вв. благодаря школам глоссаторов и постглоссаторов, деятельность которых была направлена на толкование Дигест Юстиниана, выявление и классификацию основных понятий и разработку правил их использования. Созданный ими логически структурированный корпус знаний стал основным дидактическим материалом для подготовки первых юристов. Таким образом, в результате интеграции науки и образования была сформирована не только догма права как историческое выражение римского юридического мышления, но и профессиональное мышление юристов и принципы юридического познания (см. подробнее: [4]).

[4] Кроме трудов Г.Л.А. Харта критике логико-дескриптивных трактовок понятий и суждений юридического языка посвящены следующие исследования: [5–10].

[5] См. подробнее: [1. С. 11–12].

[6] См. подробнее: [22. С. 26–27].

[7] См., например: [16. С. 454; 23. С. 276; 24. С. 457].

[8] Г. Еллинек определял субъект права с помощью таких понятий как «созданная волею правопорядка способность», «правовое отношение» [26. С. 182–183]. Для Г.Ф. Шершеневич субъект права – это «прием юридической техники», «создание объективного права», «юридические точки, к которым нормами объективного права прикрепляются субъективные права» [17. С. 586].

[9] Как писал А. Райнах, «не только ложно, но и по своему последнему основанию бессмысленно считать правовые образования творениями позитивного права, столь же бессмысленно, как называть основание немецкого государства или другое историческое событие творением исторической науки» [27. С. 156].

[10] Эта книга явилась ответом А. Райнаха на изменения в Германском гражданском уложении (Bürgerliches Gesetzbuch), произошедшие в 1900 г. В ней он «представил философскую, а точнее, феноменологическую аргументацию для возвращения и признания чего-то похожего на старую, естественно-правовую идею справедливости. В частности, он показал то, что справедливость следует рассматривать в контексте понимания трансцендентного единства или гармонии, которые существовали в мире, деятельности мышления, которая позволяет понять это единство, а не то, что достигается исключительно через кодификацию» [28. P. 118].

[11] А. Райнах использует не понятие «правового субъекта» или «субъекта права», а утверждавшее в гражданском праве понятие «лицо»: «Требование и обязательство всеобщим и необходимым образом предполагают *носителя,* лицо, чьим требованием и обязательством они являются. ...В качестве носителей здесь, согласно сущностному закону, предполагаются *лица;* само собой разумеется, не каждый субъект или Я является лицом» [27. С. 165].

[12] Подчеркнем, что исследование А. Райнаха направлено не на конкретные психофизиологические существа, а на темпоральные правовые образования.

[13] Косвенное подтверждение этой гипотезы находим в следующем феноменологическом аргументе Н.Н. Алексеева: «Из всех существующих теорий лица как деятеля более всего приближаются к высказанному нами взгляду те, которые отождествляют лицо с деятельным, актуальным или чистым сознанием» [2. С. 89].

[14] См. подробнее: [33. С. 67].

[15] См. подробнее: [33. С. 69–79].

[16] См. подробнее: [34].

[17] Соматические права представляют собой группу прав личности, связанную с физическим существованием и распоряжением своим телом. См. подробнее: [40–42].

[18] «Никто не может передать другому больше прав, чем имел бы сам» (перевод с лат.).

[19] Автор статьи отдает себе отчет в пределах применения феноменологической методологии к исследованию права и солидарен с точкой зрения о том, что «юридическая феноменология может меньше предложить на пути определений закона, но… гораздо больше в плане пути понимания, придания значения и критического мышления о праве» [11. P. 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб. : Юридические центр Пресс, 2004. 469 с.
2. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб. : Лань, 1999. 251 с.
3. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М. : Nota bene, 2000. 576 с.
4. Тарасов Н.Н. Юридическая наука: границы и проблемы самоопределения (методологические эскизы) // Российский ежегодник теории права № 2. СПб. : Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 627–663.
5. Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и прав // Юриспруденция в поисках идентичности : сб. ст., переводов. Самара : СаГА, 2010. С. 242–270.
6. Раз Дж. Возможна ли теория права? // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. СПб. : Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 158–185.
7. Бикс Б. Правовая теория: типы и цели // Юриспруденция в поисках идентичности : сб. ст., переводов, рефератов. Самара : Самар. гуманит. акад., 2010. С. 186–198.
8. Шауэр Ф., Спелман Б.А. Калибровка юридических суждений // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 3. С. 208–226.
9. Endicott T.A.O. Herbert Hart and the Semantic Sting // Legal Theory. 1998. Vol. 4, No 9. P. 283–300. DOI: https://doi.org/10.1017/S1352325200001038 Published online: 16 February 2009
10. Marmor A. Interpretation and Legal Theory. Oxford; Portland : Hart Publishing, 2005. 179 p.
11. Schiff D. Phenomenology and Jurisprudence // Liverpool Law Review. A Journal of Contemporary Legal and Social Policy Issues. 1982. Vol. IV. P. 5–18.
12. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания. М. : Академический проект, 2011. 565 с.
13. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. Введение в феноменологическую философию. СПб. : Фонд Университет; Владимир Даль, 2004. 398 с.
14. Дювернуа Н.Л. Из курса лекций по гражданскому праву: Введение и часть общая (учение о лицах). СПб. : Типо-лит. А.Е. Ландау, 1895. 550 с.
15. Дернбург Г. Пандекты. Т. 1: Общая часть. М. : Изд-во Унив. тип., 1906. 481 с.
16. Кельзен Г. Чистое учение о праве: Введение в проблематику науки о праве // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. СПб. : Университетский издательский консорциум, 2012. С. 418–498.
17. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М. : Издание Бр. Башмаковых, 1910. 839 с.
18. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д. : Феникс, 1995. 640 с.
19. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М. : Статут, 2000. 777 с.
20. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1: Введение и часть общая. Вып. 2. Лица. Вещи. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. 446 с.
21. Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 16–26.
22. Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. М. : Норма, 2007. 352 с.
23. Алексеев С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1972. 396 с.
24. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Т. 1: Общая часть. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 793 с.
25. Андрианов Н.В. Правосубъектность: резоны и ризомы // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. СПб. : ООО «Университетский издательский консорциум», 2009. С. 357–371.
26. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. 752 с.
27. Райнах А. Априорные основания гражданского права // Райнах А. Собрание сочинений. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 153–326.
28. Baltzer-Jaray K. Phenomenological Jurisprudence: A Reinterpretation of Adolf Reinach's *Jarhrbuch* Essay // Phenomenology for the Twenty-First Century. Palgrave Macmillan, London, 2016. P. 117–137.
29. Конрад-Мартиус Х. Введение // Собрания сочинений. М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 9–42.
30. Гуссерль Э. Статьи об обновлении // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 109–135.
31. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М. : Академический проект, 2010. 229 с.
32. Гуссерль Э. Парижские доклады // Гуссерль Э. Избранные работы. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 341–376.
33. Пантыкина М.И. Условия позитивности правосознания в контексте феноменологии Э. Гуссерля // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 66–77.
34. Пантыкина М.И. Аксиология нормы // Общетеоретический и отраслевой аспекты норм права. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 29–65.
35. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Пролегомены к чистой логике. М. : Академический Проект, 2011. 253 с.
36. Вольф Э. Право и мир (замечания по поводу одноименного сочинения Герхарта Гуссерля) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 3. С. 189–206.
37. Bernasconi R. Toward a Phenomenology of Human Right // Political Phenomenology. Contributions To Phenomenology. Publishing Switzerland, 2016. P. 227–239.
38. Алекси Р. Существование прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 4. С. 21–32.
39. Alexy P. A Theory of Constitutional Rights. Oxford University Press, 2010. 462 p.
40. Абашидзе А.А., Солнцев А.М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1 (73). С. 69–81.
41. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.
42. Лаврик М.А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 16–26.
43. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа, 2011. 256 с.
44. Бушмакина О.Н. Онтологический статус проблемы прав человека // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 5–14.
45. Соловьев Э.Ю. От обязанности к призванию // Одиссей. Человек в истории. 1990. М. : Наука, 1990. С. 48–55.
46. Коссио К. Интуиция, мышление и знание в сфере права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 407–428.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 14 октября 2019 г.

The Concept "Subject of Law": An Attempt of a Phenomenological Rethinking

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 81–91.
DOI: 10.17223/15617793/453/10

Marina I. Pantykina, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: pantikina@tltsu.ru

Keywords: Husserl; Reinach; phenomenology of law; subject of law; subjectivity; human rights.

Rethinking the concept "subject of law" is the problem of this article. Despite the existence of an established general theory of the subject of law, there is a problem of establishing the semantic boundaries of this concept. The author suggests using H. L. A. Hart's principle of revocability of legal concepts and finding a methodological approach that would allow to solve the problem. E. Husserl's phenomenology was chosen as such an approach. Based on the Husserlian criticism of classical Western European science and the revealed contradictions in the studies on the history of the formation of the concept "subject of law" (N.L. Duvernois, H. Dernburg, G.F. Shershenevich, M.F. Vladimirsky-Budanov, H. Kelsen), a conclusion is made about the limited traditionalism of the principle of historicism and the formal logical approach. Using the phenomenology of law by Adolf Reinach and N.N. Alekseeva, the author reveals the semantic horizons of the concept "subject of law". As a result, the author claims that the concept is not factual, but constitutive, derived from the possible interpretations of the versions of thingness of law. In addition, the analysis of phenomenological concepts revealed the need to correlate the concept of the subject of law with the concept of subjectivity, which includes the given subject of saw in terms of aspects of its activities. Next, using phenomenological reduction, the initial semantic basis of the subjectivity of the subject of law is additionally analyzed. Husserl's method of description helped identify the following identifying characteristics (descriptors) of the subject of law: to be an actor; to be a value; to be the primary source of the constitution of meanings; to be ready to take a responsible position; to be able to remove the negativity that was originally inherent in legal awareness; to be able able to positively assess the content of values and norms; to be able to think in a normative way. The validity of the findings is verified by extrapolating them to the study of the concept "human rights". It is proved that a genetic content connection exists between the concepts "human rights" and "subject of law". Using materials from studies by Adolf Reinach, Robert Bernasconi, Giorgio Agamben, Hannah Arendt, Robert Alexy, and also on the basis of a comparative analysis of human rights generations, it is argued that the source of human rights is subjectivity, not factors external to the subject of law. In this context, human rights appear as one of legal formations created by the mental activity of "I" as an idea of a material-spiritual entity and expressing one of the manifest images of the human in the world.

REFERENCES

1. Arkhipov, S.I. (2004) *Sub"ekt prava: teoreticheskoe issledovanie* [Subject of Law: A Theoretical Study]. St. Petersburg: Yuridicheskie tsentr Press.
2. Alekseev, N.N. (1999) *Osnovy filosofii prava* [Fundamentals of the Philosophy of Law]. St. Petersburg: Lan'.
3. Bergel, J.-L. (2000) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Translated from French. Moscow: Nota bene.
4. Tarasov, N.N. (2011) Yuridicheskaya nauka: granitsy i problemy samoopredeleniya (metodologicheskie eskizy) [Jurisprudence: Boundaries and Problems of Self-Determination (Methodological Sketches)]. In: *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of the Theory of Law]. Is. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 627–663.
5. Hart, H.L.A. (2010) Pripisyvanie otvetstvennosti i prav [The Ascription of Responsibility and Rights]. Translated from English. In: Kasatkin, S.N. (ed.) *Yurisprudentsiya v poiskakh identichnosti: sb. st., perevodov* [Jurisprudence in Search of Identity: Articles, Translations]. Samara: Samara Academy for the Humanities. pp. 242–270.
6. Raz, J. (2011) Vozmozhna li teoriya prava? [Can There Be a Theory of Law]. Translated from English. In: *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of the Theory of Law]. Is. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 158–185.
7. Bix, B. (2010) Pravovaya teoriya: tipy i tseli [Legal Theory: Types and Purposes]. Translated from English. In: Kasatkin, S.N. (ed.) *Yurisprudentsiya v poiskakh identichnosti: sb. st., perevodov* [Jurisprudence in Search of Identity: Articles, Translations]. Samara: Samara Academy for the Humanities. pp. 186–198.
8. Schauer, F. & Spellman, B.A. (2017) Calibrating Legal Judgments. Translated from English. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*. 11 (3). pp. 208–226. (In Russian). DOI: 10.21202/1993-047X.11.2017.3.208-226
9. Endicott, T.A.O. (1998) Herbert Hart and the Semantic Sting. *Legal Theory*. 4 (9). pp. 283–300. DOI: 10.1017/S1352325200001038
10. Marmor, A. (2005) *Interpretation and Legal Theory*. Oxford; Portland: Hart Publishing.
11. Schiff, F. (1982) Phenomenology and Jurisprudence. *Liverpool Law Review*. IV. pp. 5–18.
12. Husserl, E. (2011) *Logicheskie issledovaniya* [The Logical Investigations]. Vol. II. Pt. 1. Translated from German by V.I. Molchanov. Moscow: Akademicheskiy proekt.
13. Husserl, E. (2004) *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya filosofiya. Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy]. Translated from German. St. Petersburg: Fond Universitet; Vladimir Dal'.
14. Duvernois, N.L. (1895) *Iz kursa lektsiy po grazhdanskomu pravu: Vvedenie i chast' obshchaya (uchenie o litsakh)* [From a Course of Lectures on Civil Law: Introduction and the General Part (Doctrine of Persons)]. St. Petersburg: Tipo-lit. A.E. Landau.
15. Dernburg, H. (1906) *Pandekty* [Pandectas]. Translated from German by H. von Rechenberg. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Univ. Tip.
16. Kelsen, H. (2012) Chistoe uchenie o prave: Vvedenie v problematiku nauki o prave [The Pure Theory of Law: Introduction to the Problems of Legal Theory]. Translated from German. In: *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava. 2011* [Russian Yearbook of the Theory of Law. 2011]. Is. 4. St. Petersburg: Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium. pp. 418–498.
17. Shershenevich, G.F. (1910) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow: Izdanie Br. Bashmakovykh.
18. Vladimirskiy-Budanov, M.F. (1995) *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the History of Russian Law]. Rostov-on-Don: Feniks.
19. Ioffe, O.S. (2000) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii tsivilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii "khozyaystvennogo prava"* [Selected Works on Civil Law: From the History of Civil Law Thought. Civil Relationship. Criticism of the Theory of "Economic Law"]. Moscow: Statut.
20. Duvernois, N.L. (1902) *Chteniya po grazhdanskomu pravu* [Civil Law Readings]. Vol. 1. Is. 2. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
21. Chirkin, V.E. (2005) Yuridicheskoe litso publichnogo prava [The Legal Entity of Public Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 5. pp. 16–26.
22. Chirkin, V.E. (2007) Y*uridicheskoe litso publichnogo prava* [The Legal Entity of Public Law]. Moscow: Norma.
23. Alekseev, S.S. (1972) *Problemy teorii prava: kurs lektsiy: v 2 t.* [Problems of the Theory of Law: Lectures: In 2 Vols]. Vol. 1. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
24. Gambarov, Yu.S. (1911) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
25. Andrianov, N.V. (2009) Pravosub"ektnost': rezony i rizomy [Legal Personality: Reasons and Rhizomes]. In: *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava* [Russian Yearbook of the Theory of Law]. Is. 1. St. Petersburg: Universitetskiy izdatel'skiy konsortsium. pp. 357–371.
26. Jellinek, G. (2004) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General Theory of State]. Translated from German. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press.
27. Reinach, A. (2001) Apriornye osnovaniya grazhdanskogo prava [The a Priori Foundations of the Civil Law]. In: *Sobranie sochineniy* [Collection of Works]. Translated from German by V. Kurennoy. Moscow: Dom intellektual'noy knigi. pp. 153–326.
28. Baltzer-Jaray, K. (2016) Phenomenological Jurisprudence: A Reinterpretation of Adolf Reinach's Jarhrbuch Essay. In: Simmons, J.A. & Hackett, J.E. (eds) *Phenomenology for the Twenty-First Century*. London: Palgrave Macmillan. pp. 117–137.

29. Conrad-Martius, H. (2001) Vvedenie [Introduction]. In: Reinach, A. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works]. Translated from German by V. Kurennoy. Moscow: Dom intellektual'noy knigi. pp. 9–42.
30. Husserl, E. (1997) Stat'i ob obnovlenii [Articles on Renewal]. Translated from German. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 4. pp. 109–135.
31. Husserl, E. (2010) *Kartezianskie meditatsii* [Cartesian Meditations]. Translated from German by V.I.Molchanov. Moscow: Akademicheskiy proekt.
32. Husserl, E. (2005) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Translated from German by A.V. Mikhaylov. Moscow: Izdatel'skiy dom "Territoriya budushchego". pp. 341–376.
33. Pantykina, M.I. (2018) Conditions of Positivity of Legal Consciousness in the Context of the Phenomenology of E. Husserl. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 1. pp. 66–77.
34. Pantykina, M.I. (2018) Aksiologiya normy [Axiology of the Norm]. In: Khachaturov, R.L. (ed.) *Obshcheteoreticheskiy i otraslevoy aspekty norm prava* [General Theoretical and Industry Aspects of the Rule of Law]. Moscow: Yurlitinform. pp. 29–65.
35. Husserl, E. (2011) *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations]. Vol. I. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
36. Vol'f, E. (2015) Law and World (Remarks on the Book of Gerhart Husserl of the Same Name). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie – Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 3. pp. 189–206. (In Russian).
37. Bernasconi, R. (2016) Toward a Phenomenology of Human Right. In: Jung, H.Y. & Embree, L. (eds) *Political Phenomenology*. Springer International Publishing Switzerland. pp. 227–239.
38. Alexy, R. (2011) Sushchestvovanie prav cheloveka [The Existence of Human Rights]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie – Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 4. pp. 21–32.
39. Alexy, P. (2010) *A Theory of Constitutional Rights*. Oxford University Press.
40. Abashidze, A.A. & Solntsev, A.M. (2009) New Generation of Human Rights: Somatic Rights. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava – Moscow Journal of International Law*. 1 (73). pp. 69–81. (In Russian).
41. Kruss, V.I. (2000) Lichnostnye ("somaticheskie") prava cheloveka v konstitutsionnom i filosofsko-pravovom izmerenii: k postanovke problemy [Personal ("Somatic") Human Rights in the Constitutional and Philosophical and Legal Dimensions: On the Formulation of the Problem]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 10. pp. 43–50.
42. Lavrik, M.A. (2005) The Theory of Somatic Human Rights. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law Herald*. 3. pp. 16–26. (In Russian).
43. Agamben, G. (2011) *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life]. Translated from Italian. Moscow: Evropa.
44. Bushmakina, O.N. (2015) The Ontological Status of the Human Rights Issue. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 25 (2). pp. 5–14. (In Russian).
45. Solov'ev, E.Yu. (1990) Ot obyazannosti k prizvaniyu [From Duty to Call]. In: Gurevich, A.Ya. (ed.) *Odissey. Chelovek v istorii. 1990* [Odysseus. Man in History. 1990]. Moscow: Nauka. pp. 48–55.
46. Cossio, C. (2011) Intuitsiya, myshlenie i znanie v sfere prava [Intuition, Thought, and Knowledge in the Domain of Law]. Translated from English. In: *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava. 2009* [Russian Yearbook of the Theory of Law, 2009]. Is. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 407–428.

Received: 14 October 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 92–97. DOI: 10.17223/15617793/453/11

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32; 316.614

С.Ю. Асеев, Я.Ю. Шашкова

ОБРАЗ ПОЛИТИКИ В СОЗНАНИИ ШКОЛЬНИКОВ РЕГИОНОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Оптимизация государственной информационной политики в отношении детей и молодежи в условиях цифрового общества и трансформации процесса политической социализации школьников (на примере регионов Юго-Западной Сибири и Северного Казахстана)», № 19-011-31156.

На материалах массовых опросов школьников 7−11-х классов в регионах Юго-Западной Сибири и Восточного Казахстана анализируются их представления о функциональном и позиционном содержании политических полей. Особое внимание уделено текущей включенности школьников в политические процессы, их представлениям о конфигурации политических полей, проблеме глобализации установок на политическое участие и ценностей в условиях информационного общества.

Ключевые слова: молодежь; политическое поле; политические установки; Россия; Казахстан; политические ценности; школьники.

Современная политика носит всепроникающий характер, обусловленный сложностью и многоаспектностью общественного развития, необходимостью согласования множества разнонаправленных интересов и поиска быстрых ответов на внутренние и внешние «вызовы». В то же время она представляет собой автономное пространство, в котором действуют свои правила и агенты, а принимаемые решения имеют общезначимый характер. Развитие цифровых технологий и информационного общества приводит к все более раннему включению граждан в данную сферу, в связи с чем актуализируется исследование представлений о политике детей и молодежи, выступающих сегодня не только потенциальным, но и уже действующим участником политических процессов.

Методологической основой данной статьи выступает теория политического поля П. Бурдье, согласно которой оно представляет собой «поле сил и поле борьбы», «место, где в конкурентной борьбе между агентами, которые оказываются в нее втянутыми, рождается политическая продукция, проблемы, программы, анализы, комментарии, концепции, события, из которых и должны выбирать обычные граждане» [1. С. 181−182]. С другой стороны, политическое поле – это пространство позиций агентов, определяющих их возможности в политическом процессе и взгляды на поле политики. Молодежь в данном случае выступает особым агентом, который постепенно расширяет спектр доступных ему политических практик и чей индивидуальный габитус находится в процессе формирования.

Особенности включения молодежи в политические процессы в первую очередь осмысливаются в рамках теории политической социализации. Этапы, агенты и механизмы данного процесса, его специфика в современном обществе рассматривались Ф. Уэсбёрн и Т.Дж. Адкинс Коверт (Philo C. Wasburn, Tawnya J. Adkins Covert) [2], О.В. Щупленковым и Н.О. Щупленковым [3]. Деятельность традиционных агентов политической социализации, тренды и эффективность изменения их влияния и воздействия под потребности молодежи в условиях информационного общества анализировалась А.И. Кудакиной [4], Н.М. Белгароковой [5]. На этом фоне изучение политических ценностей и установок школьников как России, так и Казахстана носит фрагментарный характер и в основном является частью общих исследований политического сознания молодежи [6–10].

Исходя из этого, представляет интерес анализ степени вовлеченности школьников российских регионов, на примере регионов Юго-Западной Сибири в политическое поле, их представлений о конфигурации данного поля и своих возможностях в сфере политики. Оценить степень универсализации образов политических полей и позиций в них молодежи в условиях глобализации позволит сравнение с кейсом регионов Восточного Казахстана.

Вовлеченность школьников в политику

Согласно Э. Гидденсу, политическое действие включает в себя не только поступки, но и ментальный компонент: «Рационализация действия, рассматривающая “преднамерение” как процесс, является… стандартной характеристикой человеческого поведения, воспроизводимой как само самой разумеющееся» [11. С. 41–42]. На основании этого элементами позиции школьников в политическом поле выступают их интерес к политическим процессам и информированность о них.

Как показал проведенный в 2019 г. массовый опрос школьников регионов Юго-Западной Сибири (Алтайский край, Кемеровская и Новосибирская области и Республика Алтай) и Республики Казахстан (Павлодарская и Восточно-Казахстанская области) (метод – анкетирование; объем выборки – 1 400 чел. в возрасте от 12 до 18 лет; выборка несвязанная квотная с контролем пола, возраста и района проживания), уровень их интереса к политике примерно одинаков – более половины из них интересуются информацией о политических событиях, однако этот интерес не носит постоянного и целенаправленного характера. Очень интересуются политикой различного уровня от 12,3% (интересуются мировой политикой) до 28% (интересуются местными политическими событиями) российских и от 14,6% (интересуются мировой политикой) до 30,2% (интересуются местными политическими событиями) казахстанских школьников.

В то же время если у российских школьников наибольший интерес вызывает политика федерального уровня (ею очень и скорее интересуются 67,8% опрошенных), то у казахстанских – региональные и локальные политические процессы (61,8%). Общенациональная политика интересует 57,7% опрошенных в Республике Казахстан (РК).

На этом фоне близка по численности и группа совсем не интересующихся политикой. Среди российских школьников только 6,4% респондентов заявили, что совсем не интересуются событиями в России, в мире и других странах – 10,3%, региональной политикой – 11,3%. Национальная и международная политика не вызывает интерес у 11,1% казахстанских школьников, региональная – у 13,9%.

При этом интерес к политике не означает целенаправленного поиска информации о ней. Как показали фокус-групповые исследования, школьники просто обращают внимание на сообщения о политических событиях, которые транслируются интернет-ресурсами (чаще всего новостными лентами поисковых систем) и социальными сетями, в связи с чем их информированность о политических процессах фрагментарна и контекстуальна, а представления о политике как сфере не имеют системного характера.

Схожая структура интересов в политической сфере и близость траекторий постсоветских политических трансформаций привели и к корреляции уровней информированности школьников о политике, которая измерялась через знание политических персон и событий.

Можно констатировать, что знания о политических деятелях школьников обоих государств имеют явный перекос в сторону исполнительной власти, связанный с большим освещением ее деятельности в СМИ и зачастую представлением о ее ведущей роли в массовом сознании. Так, наибольшую известность в школьной среде имеют Президенты государств – их фамилии правильно назвали 89,5% российских и 66% казахстанских респондентов. В последнем случае нужно учитывать, что смена президента в РК произошла в марте 2019 г., в связи с чем часть школьников еще указывали в качестве такового Н. Назарбаева. Фамилии премьер-министров знают 36% и 10,4% соответственно.

Одинаково мало школьники обоих государств информированы о руководстве законодательных органов власти: 86,1 и 84,3% российских и 94,4 и 94,1% казахстанских респондентов не смогли назвать руководителей палат национальных парламентов.

Существенные отличия в информированности касаются только лидеров партий – их не назвали 94,1% казахстанских и 62,5% российских школьников. Однако это обусловлено скорее различием партийных систем, чем объемом информации по данной теме.

Контекстное восприятие приводит к невысокой информированности школьников о политических процессах: 68,7% российских и 74% казахстанских респондентов не смогли назвать ни одного политического события в своих странах и регионах. Показательно, что названные события отличал именно их информационный резонанс, а не временная близость к моменту опроса. Так, наиболее известными у школьников являются выборы (в РФ 10% респондентов назвали выборы губернаторов, 6,44% – выборы президента, 5,4% – просто «выборы»; в РК 15,6% указали выборы президента, 1,7% – просто «выборы») и смены политических лидеров (губернаторов в РФ – 4,2% и президента в РК – 6,6%). Также к обсуждаемым молодежью темам в обоих государствах относятся митинги и другие акции протеста – их в разных формулировках отметили 2% опрошенных в регионах Юго-Западной Сибири и 4% в регионах Восточного Казахстана. 3% российских школьников упомянули пенсионную реформу, а 3,5% казахстанских – переименование столицы Республики.

Другие политические события назывались лишь отдельными респондентами в том или ином регионе, что опять же свидетельствует об отсутствии у школьников потребности и навыка систематизированного и целенаправленного получения информации о политических процессах, в том числе с помощью интернет-ресурсов.

На этом фоне деятельностный аспект включенности школьников в поле политики имеет страновую дифференциацию. Если в РФ о своем неучастии в политике в той или иной форме заявили только 51,8% опрошенных, то в РК этот показатель составил 64,6%. Основной формой политического участия школьников, как и ожидалось, стали обсуждение в социальных сетях и репосты политической информации – в них вовлечено 26,6% (РФ) и 19,1% (РК) респондентов. Рейтинг других форм политической активности школьников представлен в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «В каких действиях Вы принимали участие в последние 2–3 года?», % от количества опрошенных

Ответ	РФ	РК
Обсуждение в социальных сетях, репосты политической информации	26,6	19,1
Участие в работе общественных организаций	12,7	3,8
Участие в забастовках, митингах, демонстрациях	7,8	1
Участие в выборах	7,2	13,9
Обращение в государственные органы	6,5	6,6
Обращение в общественные организации	6,1	6,3
Участие в работе политических партий	2,3	2,1
Материальная поддержка политиков, их проектов	1,5	0,7
Участие в несанкционированных акциях протеста	1,5	0,7

Обращают на себя внимание явное преобладание неинституционализированных форм политических практик над институционализированными, а также готовность школьников разделять существующие правила политического поля, о чем свидетельствует одинаково низкий заявленный уровень участия в несанкционированных акциях протеста. Самое большое межстрановое расхождение наблюдается по участию в забастовках, митингах, демонстрациях и работе в общественных организациях, поскольку школьники РК в несколько раз меньше вовлечены в данные практики. В то же время среди них почти в два раза выше уровень электоральной активности.

Представления о конфигурации политического поля

При том что большинство школьников отметили свой интерес к политическим процессам, уровень теоретического осмысления политической сферы крайне низок. 62,7% респондентов в исследуемых регионах РФ и 74,7% в регионах РК не смогли назвать ни одной функции политики в современном обществе. Приоритетной функцией в сознании школьников выступает регулятивно-контрольная (ее в разных вариантах назвали 37% респондентов в РФ и 20% в РК). Далее с большим отрывом следуют функции обеспечения благосостояния граждан и безопасности страны, целеполагания, информационная (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, для чего нужна политика в современном обществе?», % от количества опрошенных

Ответ	РФ	РК
Нет ответа	62,7	74,7
Регулирование общественных отношений	17,8	4,5
Поддержание порядка и стабильности	13,0	10,8
Решение общественных проблем	3,5	3,7
Контроль	2,7	1
Благосостояние граждан	2,3	3,1
Направлять развитие общества и страны	1,6	2,8
Обеспечение безопасности страны	0,9	1,7
Для завоевания власти	0,8	0,3
Информационная функция	0,2	1
Представлять интересы разных людей	1,4	–
Для объединения людей	0,7	–
Для прикола	0,6	–
Не нужна	0,3	–
Нравственно-воспитательная функция	0,1	–
Законодательная функция	0,1	–
Коммуникация власти и общества	–	0,3

Политику как средство получения и осуществления власти, в частности политическими элитами, представляют 0,8% российских и 0,3% казахстанских школьников. Кроме этого, российские школьники в качестве функций политики указали артикуляцию интересов и интегративную, а казахстанские – коммуникативную.

На основании этого можно утверждать, что школьники рассматривают политическое поле не как дискурсивное пространство взаимодействия агентов, а как ассиметричную модель государственного доминирования. Этому способствовала схожесть сценариев постсоветских трансформаций в изучаемых государствах, имевших форму институциональных трансплантаций. При этой модели инициатором, двигателем и организатором изменений выступала власть; цели трансформаций определялись интересами властвующих элит, детерминируя строгий отбор заимствованных образцов. Реформирование опережало формирование конгруэнтной среды перемен и не соотносилось с осознанными потребностями общества. Менялись системы, режимы, но административно-принудительный характер реформирования стран оставался прежним [12. С. 125]. Как справедливо отмечал И.К. Пантин, «Россия приступила к реформам… в отсутствие общественного субъекта преобразований. Ни одно общественное движение, ни одна политическая партия… не дотягивали до уровня политической, культурной гегемонии. …А потому, как и раньше, инициативу преобразований перехватила государственная власть…». Переустройство «политического и экономического укладов» началось «с помощью рычагов государственной власти, с сохранением прежнего типа государства и его приоритета по отношению к обществу, с традиционным всевластием чиновничества и т.п.» [13. С. 156]. Этот тезис применим к большинству постсоветских государств.

Данный сценарий трансформаций сформировал убежденность школьников в том, что основным субъектом политики выступает государство – его отметили 67,1% российских и 62,8% казахстанских респондентов. 37,5% и 31,9% соответственно посчитали в качестве ключевого агента политическую элиту. При этом российские и казахстанские школьники разошлись в оценке политической субъектности общества: если россияне

поставили его в рейтинге на второе место (38,5%), то молодежь Казахстана – на третье (29,9%). Еще меньше школьники верят в субъектный статус отдельного гражданина (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Кто, по Вашему мнению, является главным участником политики?», % от количества опрошенных

Ответ	РФ	РК
Государство	67,1	62,8
Политические деятели	37,5	31,9
Партии и политические организации	30,8	24,7
Гражданин	31,6	25,3
Общество	38,5	29,9
СМИ	20,9	22,9
Другое	0,5	0,7
Затрудняюсь ответить	5,4	5,9

Политические установки и потенциал позиционирования школьников в политическом поле

Позиция в политическом поле и соответствующий ей габитус обусловливают представления школьников о возможностях участия в политике. Опрос показал полное совпадение рейтинга допускаемых респондентами форм политического участия для защиты своих интересов. В кейсах обоих стран школьники предпочитают практики, не требующие от них личной вовлеченности и / или ответственности, тем более в институционализированной форме – обращения в государственные органы и общественные организации, обсуждения политических тем в социальных сетях и репостов политической информации. Как отмечают казахстанские исследователи Д.Д. Ешпанова и Н.Ж. Биекенова, виртуальные «политические разговоры» становятся самой распространенной формой активности современной молодежи [9. С. 105].

На этом фоне гораздо меньшее распространение, особенно в Казахстане, имеют форматы массовой политической активности – участие в митингах, демонстрациях и выборах, а также институционализированное участие в работе политических партий и общественных организаций (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «К каким действиям Вы готовы прибегнуть для защиты своих интересов в случае их нарушения?», % от количества опрошенных

Ответ	РФ	РК
Обращение в государственные органы	58,0	44,1
Обращение в общественные организации	34,1	21,5
Обсуждение в социальных сетях, репосты политической информации	30,2	20,8
Участие в забастовках, митингах, демонстрациях	24,4	11,8
Участие в выборах	23,9	11,8
Использование личных связей и вознаграждения	16,2	10,1
Участие в работе общественных организаций	15,4	5,2
Участие в несанкционированных акциях протеста	9,6	4,9
Участие в работе политических партий	8,3	4,5
Материальная поддержка политиков, их проектов	7,2	3,8
Уехать из страны	0,1	0,3
Затрудняюсь ответить	18,2	34,7

Таким образом, проведенное исследование показало совпадение образов политического поля в сознании школьников регионов соседних государств. Более того, наблюдается и единство их ценностной картины как мотивационного компонента политических практик. Основными ценностями для российских и казахстанских школьников выступают свобода, понимаемая как свобода слова и действий, справедливость как равенство при реализации прав независимо от статусов и связей, права человека и порядок как соблюдение прав других людей и ограничение правового произвола (табл. 5).

Таблица 5

Ценностные предпочтения школьников регионов Юго-Западной Сибири и Восточного Казахстана, % от количества опрошенных

Предпочтение	РФ	РК
Свобода	87,2	82,3
Сохранение традиций	47,3	56,6
Справедливость	90,8	81,6
Порядок	85,1	74,3
Права человека	87,9	78,2
Реформы в обществе	47,9	40,3
Интересы этнической группы	39,5	41,0
Интересы государства	38,3	36,4
Интересы отдельных граждан	40,2	32,0

Данное сходство можно объяснить в логике глобализации информационного пространства или «глобальной деревни», в терминологии М. Маклюэна. По его словам, «компьютер… делает естественным и необходимым диалог между культурами, столь же тесный, как личная беседа…» [14. С. 105], «создает условия в высшей степени тесного взаимодействия в глобальном масштабе», в рамках которого «мы стремительно возвращаемся в… мир одномоментных событий и всеобщего сознания» [15. С. 43].

Универсализация информационных потоков и нивелирование формальных государственных границ сетевыми сообществами приводят к формированию в сознании молодежи универсальной модели агента политики и соответствующих ей поведенческих практик. По мере наработки опыта деятельности в национальных политических полях данная модель в будущем может вступить в конфликт с национальным габитусом, исход которого станет понятен лишь в среднесрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдье П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.
2. Wasburn P.C., Adkins Covert T.J. Making Citizens: Political Socialization Research and Beyond. West Lafayette : Springer, 2017. 253 p.
3. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Политическая социализация и идентичность в условиях трансформации российского общества // Социодинамика. 2013. № 6. С. 1–58.
4. Кудактина А.И. Политическая социализация российских школьников в условиях социокоммуникативных трансформаций начала XXI века : автореф. дис. … канд. соц. наук. Краснодар, 2014. 30 с. URL: http://cheloveknauka.com/politicheskaya-sotsializatsiya-rossiyskih-shkolnikov-v-usloviyah-sotsiokommunikativnyh-transformatsiy-nachala-xxi-veka#ixzz5yX2Mlh00 (дата обращения: 3.11.2019).
5. Белгарокова Н.М. Проблемы и факторы политической социализации современной российской молодежи // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2009. № 3. С. 50–61.
6. Базарова Д.Р., Дарижапова М.Н. Особенности политических ценностно-смысловых образований современной молодежи (обобщение опыта исследований) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Психология. 2018. Т. 26. С. 3–13.
7. Титов В.В., Самохвалов Н.А. Анализ социально-политических ценностей молодежи на современном этапе развития российского общества // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, №1 (26). С. 51–54.
8. Чуев С.В., Тимохович А.Н., Гришаева С.А. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. 2017. № 11. С. 54–60.
9. Социальная активность молодежи Казахстана в современных социально-политических реалиях / под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы : ИФПР КН МОН РК, 2014. 168 с.
10. Токтаров Е.Б. Некоторые аспекты политической социализации казахстанской молодежи в киберпространстве // Homo Cyberus. 2017. № 1. URL: http://journal.homocyberus.ru/Toktarov_E_Nekotorye_aspekty_politicheskoj_socializacii_kazahstanskoj_molodezhi_v_kiberprostranstve (дата обращения: 25.10.2019).
11. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. 2-е изд. М. : Академический Проект, 2005. 528 с.
12. Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М. : Московский философский фонд, 1997. 190 с.
13. Пантин И.К. В чем же заключается выбор россиян? // Полис. 2003. № 6. С. 155–162.
14. Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М. : АСТ; Астрель, 2012. 219 с.
15. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев : Ника-Центр, 2004. 432 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 18 декабря 2019 г.

The Image of Politics as Perceived by Schoolchildren in the Regions of Russia and Kazakhstan: A Comparative Analysis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 92–97.
DOI: 10.17223/15617793/453/11

Sergey Yu. Aseev, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: suass@mail.ru
Yaroslava Yu. Shashkova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: yashashkova@mail.ru

Keywords: youth; political domain; political attitudes; Russia; Kazakhstan; political values; schoolchildren.
This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-31156.

In order to predict the development of Russian political practices, the article analyzes the ideas of schoolchildren in some regions of Southwestern Siberia on the functions and structure of the political field, assesses their current and prospective level of involvement in the political process. Anthony Giddens's theory of structuration of political action and Pierre Bourdieu's field theory became the methodology of the research. The empirical basis of the article rests on the data of mass surveys of schoolchildren of Grades 7 to

11 of Russian (Altai Krai, Kemerovo and Novosibirsk Oblasts, Altai Republic) and Kazakhstan (Pavlodar and East Kazakhstan) regions. Their cross-territorial comparison made it possible to assess the level of universalization of images of political fields, as well as positions of young people in them in the context of globalization and the information society. To reach their objectives, the authors analyzed the level and structure of schoolchildren's interest in politics, their knowledge of the main political events and personalities, ideas about the role and configuration of the political field, the existing experience of political participation and attitudes to acceptable political practices. The study revealed a high level of schoolchildren's interest in the political sphere. However, the situational character of obtaining political information mainly from social networks and news feeds of Internet resources leads to a lack of a systematic view on the political sphere and a fragmented character of information about it. Information about the executive power prevails in schoolchildren's knowledge about political leaders, since the media mostly cover this power's activities, and the society is convinced in its leading role in the Russian political system. Besides, schoolchildren know only political events that have received a wide response on the Internet. Modern schoolchildren get involved in networking rather early thus expanding the range of political practices available to them. Their online activity predominates over offline activity. This situation is translated into schoolchildren's political attitudes. Most of them are disposed to implement non-institutionalized forms of political practices and forms of political activity that are not associated with direct personal involvement in solving social problems. In the context of the current practices of the political field and the habitus of the Russian society, schoolchildren consider regulatory and control functions to be the main ones. They see the state as the dominant agent of politics which must ensure the rule of law and conditions for the realization of political rights and freedoms of citizens. The comparative analysis of data from Russia and Kazakhstan has revealed the identity of the observed trends which overlap for both countries.

REFERENCES

1. Bourdieu, P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [The Political Sociology]. Translated from French. Moscow: Socio-Logos.
2. Wasburn, P.C. & Adkins Covert, T.J. (2017) *Making Citizens: Political Socialization Research and Beyond*. West Lafayette: Springer.
3. Shchuplenkov, O.V. & Shchuplenkov, N.O. (2013) Political socialization and identity in the conditions of transformation of the Russian society. *Sotsiodinamika – Sociodynamics*. 6. pp. 1–58. (In Russian). DOI: 10.7256/2306-0158.2013.6.724
4. Kudaktina, A.I. (2014) *Politicheskaya sotsializatsiya rossiyskikh shkol'nikov v usloviyakh sotsiokommunikativnykh transformatsiy nachala XXI veka* [Political Socialization of Russian Schoolchildren in the Conditions of Socio-Communicative Transformations of the Beginning of the 21st Century]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Krasnodar. [Online] Available from: http://cheloveknauka.com/politicheskaya-sotsializatsiya-rossiyskih-shkolnikov-v-usloviyah-sotsiokommunikativnyh-transformatsiy-nachala-xxi-veka#ixzz5yX2Mlh00. (Accessed: 03.11.2019).
5. Belgarokova, N.M. (2009) The Challenges and Factors of Political Socialization of the Contemporary Youth. *Vestnik RUDN. Ser. Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 3. pp. 50–61. (In Russian).
6. Bazarova, D.R. & Darizhapova, M.N. (2018) Peculiarities of Political Value Semantic Orientation of Today's Youth (Taking Stock in the Research). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Psikhologiya – Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*. 26. pp. 3–13. (In Russian). DOI: 10.26516/2304-1226.2018.26.3
7. Titov, V.V. & Samokhvalov, N.A. (2019) Analysis of Social and Political Values of the Youth at the Present Stage of Russian Society Development. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 8:1 (26). pp. 51–54. (In Russian). DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0008
8. Chuev, S.V., Timokhovich, A.N. & Grishaeva, S.A. (2017) Political Values of Russian Youth: Results of the Study. *Vlast' The Authority.* 11. pp. 54–60. (In Russian).
9. Shaukenova, Z.K. (ed.) (2014) *Sotsial'naya aktivnost' molodezhi Kazakhstana v sovremennykh sotsial'no-politicheskikh realiyakh* [Social Activity of the Youth of Kazakhstan in Modern Socio-Political Realities]. Almaty : IFPR KN MON RK.
10. Toktarov, E.B. (2017) Some Aspects of the Political Socialization of Kazakhstan Youth in Cyberspace. *Homo Cyberus*. 1. [Online] Available from: http://journal.homocyberus.ru/Toktarov_E_Nekotorye_aspekty_politicheskoj_socializacii_kazahstanskoj_molodezhi_v_kiberpros-transtve. (Accessed: 25.10.2019). (In Russian).
11. Giddens, A. (2005) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
12. Pantin, V.I. (1997) *Tsikly i volny modernizatsii kak fenomen sotsial'nogo razvitiya* [Cycles and Waves of Modernization as a Phenomenon of Social Development]. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond.
13. Pantin, I.K. (2003) So What Does the Russians' Choice Consist In? *Polis – Political Studies*. 6. pp. 155–162. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2003.06.14
14. Mcluhan, M. & Fiore, Q. (2012) *Voyna i mir v global'noy derevne* [War and Peace in the Global Village]. Translated from English by I. Letberg. Moscow: AST; Astrel'.
15. McLuhan, M. (2004) *Galaktika Gutenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoy kul'tury* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Translated from English. Kiev: Nika-Tsentr.

Received: 18 December 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 98–110. DOI: 10.17223/15617793/453/12

УДК 364.654; 376

А.Р. Горяйнова, Е.Р. Ярская-Смирнова

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ОПЫТ ИНСАЙДЕРОВ

Исследование выполнено при поддержке РФФИ проект № 18-011-00562.

По данным опросов общественного мнения и специалистов в социальной сфере выявляются общие векторы изменений массового сознания и нюансы установок профессионалов на феномен инклюзивного образования. Проведенные исследования на уровне школ позволяют очертить общность ценностных ориентиров и уловить противоречия установок участников образовательного процесса. Использование качественных интервью приоткрывает мир организационной культуры, позволяя реконструировать систему школьной инклюзии.

Ключевые слова: инклюзивное образование; дети с инвалидностью; организационная культура.

Движение от институциализации, сегрегации детей с инвалидностью в направлении социальной интеграции было сопряжено с научной рефлексией этих процессов и отразилось в серьезных реформах в области социальной и в особенности образовательной политики в разных странах мира. Конвенция ООН о правах инвалидов, подписанная Россией в 2008 г. и ратифицированная в 2012 г., стала решающим шагом в курсе на инклюзию социальной и образовательной политики. В том же году был принят Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», утвердивший право любого ребенка на доступное образование, причем в соответствии с принятым в 2014 г. и вступившим в силу с 1.09.2016 г. Федеральным стандартом [1] в школах должны быть созданы специальные образовательные условия, необходимые для обучения детей с особыми образовательными потребностями. Ребенок теперь может обучаться в любом образовательном учреждении по выбору родителей. По данным Минобрнауки, в 2018 г. для детей-инвалидов приспособлена лишь одна из пяти школ, а к 2025 г. планируется довести этот показатель до 25–30% [2]. Вопрос об инклюзивном образовании детей с особенностями ментального развития стоит еще острее. Найти для них подходящую школу с соответствующими методиками, квалифицированными педагогами, специалистами в коррекционном развитии очень сложно.

Инклюзия выступает сегодня принципом социальной политики, темой научной и общественной дискуссии и социальной ценностью, полностью или отчасти разделяемой на разных уровнях: в семье, школе, трудовом коллективе, обществе в целом. Поэтому исследование школьной инклюзии должно осуществляться комплексно: в контексте социальных реформ, с учетом общественного мнения и установок участников образовательного процесса, на микроуровне повседневной жизни учреждений образования. Использование данных объективной и субъективной природы позволит интегрировать важные ракурсы в осмыслении нового и интересного феномена инклюзивной школы.

В этой статье мы кратко рассмотрим подходы к исследованию инклюзии, затем представим данные опроса основных участников образовательного процесса, чтобы выделить общее и специфическое в установках учителей, родителей и учащихся. Затем мы обратимся к проблематике оценивания организационной культуры в инклюзивной школе. На материалах интервью с педагогами и родителями учащихся с инвалидностью будут рассмотрены основные характеристики инклюзивной организационной культуры образовательных учреждений. Для контекстуализации выводов мы привлечем данные Всероссийского опроса населения и межрегионального опроса специалистов социальной сферы.

Подходы к исследованию инклюзии

В 1990-е гг. наблюдался рост числа публикаций, посвященных критике медикализации и сегрегации, вопросам самоорганизации движения инвалидности, защиты прав, расширения жизненных шансов [3, 4]. Посещение ребенком специальной школы рассматривалось в связи с вопросами прав и справедливости. Было показано, что определение детей в отдельные школы легитимирует отношение к детям и взрослым-инвалидам как к девиантам, не допуская малейшей реструктуризации социального порядка, и тем самым способствует их дальнейшему угнетению. Появились новые направления в исследованиях образования, сложились коллективы, развиваются научные школы. С 1997 г. начал выходить Международный журнал инклюзивного образования (International journal of inclusive education), а в 2010-е гг. стартовало несколько электронных журналов по этой тематике (Journal of Inclusive Education, Electronic Journal for Inclusive Education).

Измерение инклюзивного образования ставит более широкие вопросы оценивания обучения, администрирования образовательных инноваций, ресурсов финансирования и компетенций педагогов. Модели оценивания инклюзии могут служить примерами эффективных управленческих стратегий на всех уровнях управления, от правительства до школьного класса, а также способов признания достижений [5]. Эпистемология оценивания инклюзивных школ по большей части разрабатывается в духе New Public Management. Прагматичность этого дискурса выражается в том, что инклюзия показана катализатором преобразований, способных значительно улучшить условия обучения для всех. В 2000–2010-е гг. появился целый ряд публикаций прикладного характера, подробно и доступно представляющих основные кате-

гории инклюзивных социальных сервисов, подходы к оценке инклюзии, обоснование индикаторов, а также процесс и необходимые условия проведения оценивания [6, 7]. Такие публикации представляют собой концептуально обоснованные инструментальные разработки; они, как правило, готовятся при участии независимых исследовательских центров, национальных или международных фондов.

В исследовании социальной инклюзии эксперты предлагают учитывать не только объективные индикаторы, но и мнения, которые можно получать при помощи опросов, в том числе об удовлетворенности жизнью; относительные, а не только абсолютные показатели; фокусироваться на потреблении, а не на доходах; на статике и динамике ситуации; делать замеры на уровне индивида, домохозяйства и группы; принимать в расчет территориальные различия [8. P. 9–17]. Специальный акцент сделан на гендерных аспектах неравенства и социальном исключении детей.

Разрабатываются и методы оценивания инклюзивности бизнес-, государственных и некоммерческих организаций [9]. Оценивание в организациях – это часть общей системы обеспечения качества [10]. Необходимо понять, не являются ли способы работы и правила коммуникации дискриминирующими, на чем они основаны, а также осознать то, какие уже существуют ценности и практики, которые вносят вклад в инклюзивную организационную культуру, а какие необходимо сформировать. Для этого в методических разработках предлагаются вопросы оценивания и комплексы рекомендаций для практического внедрения.

Вопрос о том, как изучать и оценивать инклюзию в школьной среде, побуждает к рефлексии ее критериев и показателей, к разработке инструментальных определений и методологии исследования. Инклюзия входит в критерии оценки российских школ, и в официальных документах «доступность услуг для инвалидов» становится одним из ключевых критериев качества [11], однако этот критерий слабо операционализирован. Он оценивается по набору показателей, включая организацию специально оборудованной доступной среды, обеспечение коммуникационной доступности, долю участников образовательных отношений, удовлетворенных доступностью и условиями образовательных услуг для инвалидов, доброжелательностью, вежливостью работников организации (на основании опросов). В связи с этим объектом нашего внимания становятся мнения участников образовательного процесса о школьной инклюзии.

Эмпирическая база исследования[1]

При подготовке статьи мы обращались к данным проектов РООИ «Перспектива» «Мягкий рейтинг инклюзии» и «Инструмент общественно-профессиональной оценки инклюзивности школ», а также к данным проекта при поддержке РФФИ. Количественный опрос участников образовательного процесса, включая учеников, учителей и родителей (N = 4 692), проводился методом самозаполнения анкет в 2017–2018 гг. Среди опрошенных было 1 412 родителей, 1 148 учителей и 2 132 ученика. Исследованием было охвачено 47 общеобразовательных школ в 17 регионах, в каждой из школ выборки обучаются дети с инвалидностью и / или с ограниченными возможностями здоровья. В каждом регионе, где проводилось обследование, у РООИ «Перспектива» есть партнерские некоммерческие организации, работающие в сфере инвалидности и инклюзии, которые и проводили опрос. Для опроса в школах и получения необходимых навыков оценщиков-исследователей РООИ «Перспектива» проводился обучающий курс из шести вебинаров для представителей НКО по осуществлению общественно-профессиональной оценки по разработанной методике. Для опроса учащихся была выбрана параллель 7-х классов, анкеты заполнялись респондентами в классе, при этом присутствовал оценщик, который помогал разобраться, если у детей возникали трудности при ее заполнении. Родители учеников заполняли анкеты на родительских собраниях. В исследовании применен сплошной отбор при опросе учителей школы. В каждом случае учитывалось добровольное согласие на прохождение опроса.

В анализе качественных интервью с педагогами инклюзивных школ, родителями учащихся с особыми образовательными потребностями (2014–2018 гг., при поддержке РООИ «Перспектива» и в инициативном порядке, N = 24), а также интервью с педагогами различных школ (2018 г., при поддержке РФФИ, N = 5) мы основывались на концепции организационной культуры Э. Шейна и инклюзивной культуры Т. Бута и М. Эйнскоу. Эти идеи позволили сфокусироваться на различных пластах организационной культуры в инклюзивной школе, включая уровень артефактов, представленных архитектурой зданий, помещениями, материалами и другими элементами, и уровень ценностей, представленных через провозглашаемые установки и отношения участников. В анализе нарративов и на материалах этнографических наблюдений мы также попытаемся выйти на уровень базовых допущений.

В исследовании при поддержке РФФИ проводился анкетный опрос представителей трех профессиональных групп: работники учреждений социальной сферы, работники культуры, работники образования трех городов Нижнего Поволжья (Саратов, Волгоград, Астрахань, N = 405), а также качественные интервью с экспертами этих трех групп из тех же городов (N = 5).

Отношения участников образовательного процесса к школьной инклюзии

Почти все опрошенные **учителя** (91%) отмечают, что в их школе учатся дети с инвалидностью. Среди **родителей** эта доля существенно меньше (порядка 39% опрошенных). Причем почти столько же родителей (41%) затрудняются ответить на этот вопрос, а каждый пятый взрослый указывает, что в его школе нет детей с инвалидностью. Возможно, низкая осведомленность родителей связана с тем, что они могли не сталкиваться с такими учениками или не знать об их особенностях. Косвенно это подтверждается ответами на следующий вопрос. Каждый второй учитель отмечает, что в классе, где он(а) проводит занятия или является классным руководителем, обучаются ученики с инвалидностью. А 41%

учителей не ведут занятия в классе, где есть дети с инвалидностью. В то же время среди родителей лишь каждый третий знает, что в классе, где учится их ребенок, есть ученики с инвалидностью, и 16% родителей не знают, есть ли у одноклассника их ребенка инвалидность. При этом почти половина опрошенных родителей (48%) имеют знакомых или друзей с детьми с инвалидностью вне привязки к школе, и столько же респондентов (47%) не имеют таких друзей и знакомых.

Однако вне зависимости от того, взаимодействуют ли родители и учителя в своей повседневной жизни или работе непосредственно с детьми с инвалидностью, нам важно узнать, что же они думают об инклюзивном образовании. Менее половины опрошенных учителей (42%), из тех, кто проводит занятия в классе, где обучаются дети с инвалидностью, указывают на то, что процесс обучения учеников усложнился. При этом для половины опрошенных каких-либо трудностей в преподавании не возникло. Затрудняются ответить, стал ли тяжелее процесс обучения, порядка 9% респондентов.

На вопрос о том, как учителя и родители относятся к совместному обучению детей с инвалидностью с другими детьми, чуть менее половины опрошенных учителей выбрали вариант ответа «положительно» (44%), в то время как ответивших аналогично родителей больше (58%). Нейтральные оценки дает почти каждый третий учитель (30%) и каждый четвертый родитель (26%). Отрицательно высказываются в отношении такой формы обучения 12% учителей. Среди родителей негативная оценка дается гораздо реже – только в каждом двадцатом случае (5% опрошенных). Порядка 11% родителей и 14% учителей затрудняются ответить на этот вопрос. Таким образом, более сдержанная позиция высказывается учителями, а родители характеризуются более позитивной установкой в отношении совместного обучения детей с инвалидностью с другими детьми.

Следует отметить, что среди тех учителей, для которых процесс обучения усложнился при включении в класс детей с инвалидностью, мы обнаружили 36% положительно настроенных к инклюзии и 21% – отрицательно настроенных (табл. 1). Вполне ожидаемым является следующий результат: среди педагогов, для которых затруднений в учебном процессе не возникло, доля позитивно настроенных почти вдвое выше (62%), а доля выражающих негативную позицию составляет лишь 3%.

Таблица 1

Отношение к совместному обучению детей с инвалидностью с другими детьми в разрезе усложнения процесса обучения в классе, в котором учатся дети с инвалидностью, %

Как Вы относитесь к совместному обучению детей с инвалидностью с другими детьми	Усложнился ли процесс обучения в классе, в котором учатся дети с инвалидностью		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Положительно	36,4	61,7	36,7
Отрицательно	20,9	3,2	4,1
Нейтрально	29,3	26,4	32,7
Затрудняюсь ответить	13,4	8,7	26,5
Всего	100	100	100

Среди родителей, которые положительно относятся к инклюзивному образованию, 56% опрошенных имеют знакомых, у которых есть дети с инвалидностью (табл. 2). А вот среди тех, кто выражает негативную позицию, лишь у 35% опрошенных есть знакомые или друзья с детьми с инвалидностью. Тем самым срабатывает теория контакта (см.: [12]), согласно которой знакомство, сближение может положительно влиять на отношение к группе. Как и учителя, которые работают с детьми с инвалидностью, так и родители, у которых есть знакомые с инвалидностью, имеют более выраженную позитивную установку к совместному обучению детей с инвалидностью с другими учениками.

Таблица 2

Отношение к совместному обучению детей с инвалидностью с другими детьми в разрезе наличия знакомых или друзей с детьми с инвалидностью, %

Как Вы относитесь к совместному обучению детей с инвалидностью с другими детьми	Есть ли у Вас знакомые или друзья с детьми с инвалидностью			Всего
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	
Положительно	56,3	40,2	3,4	100
Отрицательно	35,2	60,6	4,2	100
Нейтрально	39,2	55,7	5,1	100
Затрудняюсь ответить	33,1	58,8	8,1	100

Плюсы и минусы инклюзивного школьного образования

Единодушия в отношении к инклюзии среди опрошенных не наблюдается, но в целом преобладает положительная оценка. Доля учителей, кто видит положительные стороны совместного обучения детей с инвалидностью с другими детьми, составляет 62%. Среди родителей эта доля несколько выше, 67%. Лишь 8% родителей и 14% учителей не видят положительных сторон. Более того, почти каждый четвертый среди опрошенных учителей и родителей затрудняется ответить, есть ли плюсы в инклюзивном образовании.

Какие же именно отрицательные стороны инклюзивного образования отмечают опрошенные? Вообще, о таковых говорят около половины учителей (48%) и четверть родителей. При этом большинство родителей (58%) и треть учителей не усматривают в инклюзии никаких негативных аспектов. Среди тех, кто отмечает отрицательные стороны инклюзивного образования, почти половина опрошенных педагогов указывает на усложнение учебного процесса (49%). Кроме того, 38% опрошенных учителей отмечают в качестве минуса увеличение объема методической работы и 37% педагогов – недостаточное ресурсное обеспечение процесса инклюзии. Как видим, самые большие опасения вызывают, скорее, сам процесс обучения и отсутствие необходимых условий и средств. Почти каждый третий учитель указывает на недостаточное правовое и методическое обеспечение процесса инклюзии (29%). Негативная реакция участников образовательного процесса в отношении детей с инвалидностью отмечается 28% опрошенными педагогами.

В анкете для родителей список отрицательных сторон несколько отличался от того, который был указан в анкете для учителей, что не позволяет сопоставить все оценки между группами. Среди тех родителей, кто видит отрицательные стороны инклюзивного образования, 40% опрошенных отмечают в качестве минуса негативную реакцию участников образовательного процесса на детей с инвалидностью (отметим, что эта доля выше, чем среди учителей) и 39% респондентов – увеличение нагрузки на учителей. Как видим, самые большие опасения вызывают недоброжелательные отношения к детям с инвалидностью, а также возможное сокращения внимания со стороны учителей по отношению к остальным детям. Каждый третий родитель (30%) отмечает такую негативную сторону, как недостаточное ресурсное обеспечение процесса инклюзии (такая доля несколько ниже, чем доля учителей). При этом также довольно много тех (26%), кто говорит о снижении качества образования для других детей.

Рассмотрим, какие же плюсы усматривают в инклюзии педагоги и родители (табл. 3). Среди тех, кто видит положительные стороны инклюзивного образования, подавляющее большинство опрошенных учителей (82%) отмечают, что инклюзивное обучение приводит к повышению уровня толерантности среди учеников (респонденты могли выбрать любое количество ответов на вопрос). Среди родителей эта доля несколько ниже (74%), но все же высокая. Возможность получения образования для детей с инвалидностью отмечается почти наравне учителями (59%) и родителями (55%). Каждый четвертый педагог указывает на возможность профессионального развития для учителей (24%), и при этом 17% опрошенных в качестве плюса выделяют привлечение в школу дополнительных ресурсов. Родителями такие варианты в качестве положительных сторон инклюзии выделяются реже (по 13%).

Таблица 3

Распределение доли ответивших на вопрос «Какие именно положительные стороны совместного обучения детей с инвалидностью с другими детьми Вы видите», % (множественный выбор)

Ответ	Учителя	Родители
Повышение уровня толерантности среди учеников	81,5	74,3
Возможность получения образования для детей с инвалидностью	59,2	55,0
Возможности профессионального развития для учителей	24,3	13,3
Привлечение в школу дополнительных ресурсов	17,0	13,1
Другое	18,0	7,0

Определенное отношение родителей к инклюзивному образованию в целом влечет за собой и более конкретную установку к тому, хотели бы родители, чтобы их школа развивалась в направлении совместного обучения детей с инвалидностью с другими детьми. Так, среди позитивно настроенных на инклюзивное образование подавляющее большинство родителей хотело бы, чтобы их школа развивала инклюзивное образование (табл. 4). Среди выражающих нейтральную позицию значительная доля как тех, кто выступает за развитие школы в сторону инклюзивного образования, так и тех, кто затрудняется ответить.

Таблица 4

Отношение к совместному обучению детей с инвалидностью с другими детьми в разрезе желания развития школы в направлении инклюзивного образования, %

Как Вы относитесь к совместному обучению детей с инвалидностью с другими детьми	Хотели бы Вы, чтобы ваша школа развивалась в направлении совместного обучения детей с инвалидностью с другими детьми			Всего
	Да или скорее да	Нет или скорее нет	Затрудняюсь ответить	
Положительно	85,7	1,8	12,4	100,0
Отрицательно	5,6	67,6	26,8	100,0
Нейтрально	51,6	15,1	33,2	100,0
Затрудняюсь ответить	27	25	48,0	100,0

Отношение учеников к школьной инклюзии

Судя по ответам семиклассников, у 71% опрошенных нет никаких заболеваний, а у каждого седьмого ребенка есть осложнение хронического заболевания (14%). Доля учеников, ответивших, что у них есть инвалидность, составляет 1,5%. Не осведомлены о наличии у себя хронических заболеваний или инвалидности почти 14% респондентов.

Обучение дается ученикам седьмых классов поразному. Четверть опрошенных (25%) отмечают, что им очень легко или скорее легко учиться и выполнять домашние задания. Большинству же опрошенных (66%) бывает иногда легко учиться и делать домашние задания по некоторым предметам, а иногда трудно. При этом почти 9% учеников испытывают трудности при обучении.

Большинство опрошенных детей (60%) не имеют знакомых, к которых установлена инвалидность. Такой большой процент может объясняться тем, что опрошенные ученики могут не знать об инвалидности своих знакомых. И все же почти у каждого четвертого опрошенного (23%) есть знакомый с инвалидностью. Доля учеников, которые знакомы с двумя-тремя людьми с особенностями развития, составляет 11%. Порядка 5% детей имеют близкого человека с инвалидностью.

Участники образовательного процесса поразному относятся к инклюзивному образованию. Большинство учеников 7-х классов выражают позитивную установку к совместному обучению детей с инвалидностью с другими. Так, 35% опрошенных детей считают, что все дети обязательно должны учиться в обычной школе. Треть опрошенных (30%) допускает, что многие дети с инвалидностью могут учиться в обычной школе. Каждый пятый (25%) указывает на то, что некоторые дети с инвалидностью должны учиться в обычной школе, а некоторые – нет. Лишь 6% учеников говорят, что дети с инвалидностью не должны учиться в обычной школе. А по мнению 9% опрошенных, дети с инвалидностью должны быть изолированы и учиться в специальных учреждениях.

Говоря о своем отношении к совместному обучению детей с инвалидностью с другими детьми, большинство учеников опираются на свое личное мнение (69%). Затрудняются ответить 19%. Около 6% опрошенных ссылаются на мнение семьи. Лишь около 3% в качестве причины такой установки указывают на то, что так им говорят в школе, и около 2% – что им ее транслируют СМИ / интернет.

По мнению 43% опрошенных учеников, их школа не приспособлена для всех детей с инвалидностью, а только для некоторых категорий. В то же время доля тех, кто считает, что все дети могут обучаться в их школе вне зависимости от состояния здоровья, составляет немногим меньше 37%. Порядка 12% учеников считают, что дети с инвалидностью не смогут обучаться в школе.

Вследствие того что анкета для учеников отличалась от других опросных инструментов, полученные результаты были рассмотрены отдельным блоком. Большинство учеников 7-х классов выражают позитивную установку к совместному обучению детей с инвалидностью с другими детьми, но все же существенна доля тех, кто указывает на то, что не все дети могут и должны учиться в общеобразовательной школе. При этом ученики отмечают, что школы по большей части не приспособлены для всех детей с разными нарушениями здоровья.

Анкетирование участников образовательного процесса показало, что отношение к совместному обучению детей с инвалидностью с другими детьми различается между учителями и родителями. Как учителя, так и родители по большей части высказываются положительно, однако среди родителей такая оценка все же более распространена. Учителя чаще родителей выражают отрицательное отношение, в особенности те, для которых усложнился процесс обучения детей при появлении в классе школьников с инвалидностью.

Для того чтобы понять мотивы сторонников и противников инклюзии, их ценностные ориентиры, следует использовать качественную методологию. В этом случае мы переходим на уровень отдельных организаций и узнаем в интервью и с помощью наблюдения, как живет школа, насколько заметны процессы и результаты инклюзии, какие установки разделяются участниками. Далее мы сфокусируемся на организационной культуре школы и рассмотрим ее характеристики как инклюзивной среды.

Организационная культура школы как среда развития инклюзии

Инклюзивное образование развивается в контексте меняющихся общественных настроений и установок. С начала 2000-х гг. в различных регионах России проводятся опросы участников образовательного процесса об их отношении к инклюзивному или интегрированному образованию [13–15]. Судя по данным Всероссийских опросов общественного мнения 2010 и 2016 гг., за последние годы на 13% увеличилась доля россиян, считающих российское общество дружественным по отношению к детям-инвалидам (с 9 до 22% опрошенных), а также на 36% выросла доля лично оказывающих помощь детям с инвалидностью и их семьям (14 и 50% соответственно). Наблюдается положительная динамика мнений населения в сторону согласия с тем, что совместное обучение благоприятно для всех категорий детей. Вместе с тем почти каждый третий (31%) из опрошенных в 2016 г. полагает, что сегодня школьная среда пока еще не готова к инклюзивному обучению [16]. Вот почему важно обратить внимание на изучение именно организационной культуры школы как той среды, которая создает важный контекст развития инклюзии.

Согласно Методическому руководству Совета Европы по формированию инклюзивной организационной культуры социальных сервисов [17, 18] построение инклюзивной культуры требует, чтобы организация приняла определенные нормы и ценности: уваже-

ние прав человека, принципов открытости разнообразию, которое считается ресурсом, признание равенства прав, переход на принцип участия, взаимного обучения на основе межкультурного диалога. Фактически речь идет об инновационных социальных сервисах с их особыми ноу-хау, которые возникнут благодаря консультациям и скоординированным действиям, направляемым духом открытости и многообразия.

Оценивание инклюзии в образовательных учреждениях должно учитывать разные параметры. В начале 2000-х гг. в Великобритании было опубликовано пособие (русский перевод: [19]), в котором инклюзию предлагается рассматривать по трем взаимосвязанным осям: 1) создание инклюзивной культуры, 2) развитие инклюзивной политики и 3) внедрение инклюзивной практики. Ряд авторов делают акцент на роли культуры в успехе инклюзии в целом (см. напр.: [20]), и мы посвятили наше исследование оцениванию инклюзивной культуры школы.

Исследование школьной инклюзии можно рассматривать в духе подходов к анализу организационной культуры. По мысли Э. Шейна, культура, в отличие от других концепций, обладает такими свойствами, как структурная стабильность, предполагающая глубинный, неосознаваемый характер разделяемых идей, и интеграция элементов, «выражающаяся в появлении более общих парадигм или гештальтов (состояний), связывающих воедино различные элементы и лежащих на более глубоком уровне» [21. С. 30]. Эти представления, разделяемые членами организации, в отличие от элементов других уровней, сложно наблюдать. Они принимаются по умолчанию, что приводит к трудностям при попытках их изменения. Такие неформальные, неявные стороны коммуникации в образовании, рассматриваются в социологии еще и как «скрытый учебный план» [22, 23] (hidden curriculum, hidden agenda). Это те ценности, нормы, установки и навыки, которые усваиваются независимо от темы урока или предмета. Скрытый учебный план во многих отношениях оказывается более эффективным, чем явный. Он проникает повсюду, оставаясь неизменным на протяжении всего обучения, а потому уроки, которые он преподносит, запоминаются надолго. Скрытый учебный план рассматривался как последствия обучения, которые либо не подразумеваются учителем (или школой в целом), либо открыто не объявляются учащимся [24]. Считается, что отношения, складывающиеся в учебном заведении, носят внеличностный характер, что влияет на усвоение определенных норм и социальных ролей [25]. Передается ценностная повестка дня посредством языка и других форм организационного символизма [26].

Следуя Э. Шейну, мы операционализируем организационную культуру школы на уровне артефактов материальной среды и организационного тезауруса, уровне ценностей, закрепленных в официально провозглашаемых установках, и уровне базовых предпосылок, проявляющихся в отношениях и убеждениях участников. На основе выработанных Т. Бутом и М. Эйнскоу показателей инклюзивной культуры мы включили в наш инструментарий адаптированные вопросы, касающиеся построения школьного сообщества и принятия инклюзивных ценностей. В этом измерении сплоченность сообщества концептуально связана с инклюзией. Поэтому основными блоками гайда выступили аспекты инклюзивной культуры: артефакты инклюзии, официально провозглашаемые и разделяемые ценностные суждения в отношении инклюзии, базовые предположения, выражаемые в суждениях об эмоциональном восприятии инклюзии, отношениях между участниками, глубинных и принимаемых как должное установках.

Уровень артефактов

Один из ключевых артефактов инклюзивной культуры – это доступная, комфортная среда: *«..мы вот передвигаемся на ленте. Скажем так, она достаточно удобная для инвалидов. Да и вообще, если вы проходили, она достаточно комфортная у нас школа» (И2 Тьютор, ж., ок. 40 лет, Москва).* В другой школе организовали модернизацию с привлечением дизайнеров доступной среды, и за это получили высокую оценку от международной комиссии – на каждом этаже *«туалет для инвалидов есть, подъемник есть, пандусы есть» (И9 Учитель начальной школы, ж., ок. 35 лет, Москва)*. В некоторых школах оценивание доступности среды осуществляют с участием людей с инвалидностью.

Однако речь шла и о неравенстве школ, и об ограниченности подхода к переустройству школьной среды в отсутствие грамотной инклюзивной политики: *«…пока у нас не будет целеполагания правильного, все это будет выстрелы вхолостую. Мы сделаем сенсорную комнату, потратим на это миллионы рублей, или купим, например, какой-нибудь ступенькоход в школу… но им никто не пользуется. Колясочники говорят: «А вы знаете, что под эти ступенькоходы подходит одна коляска из десяти?» И вообще никто ими не пользуется, это неудобно» (И5 Педагог-организатор, родитель ребенка с инвалидностью, ж., ок. 50 лет, Москва).* При этом, как правило, постановка вопроса о доступности среды ассоциируется прежде всего с трудностями передвижения учащихся с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Отметим, что в количественном опросе большинство учащихся подтвердили, что их школы не приспособлены для таких детей, а в ответах на открытый вопрос уточняли: *«нет элементарных приспособлений, чтобы взбирались и передвигались по лестнице» (мальчик, 7-й класс).* Отметим, что тема доступности среды для детей с другими особенностями, например слабослышащих учащихся, в интервью возникала редко. Помимо архитектурной среды, информанты делали акцент на нехватке специально подготовленных педагогов и медицинского персонала на постоянной основе.

Выставки достижений детей – это часть организационного символизма [27, 28]. Информанты показывали нам экспозиции индивидуальных и коллективных успехов: *«У нас на третьем этаже есть доска почета, и там детки все, и не отличники, а именно за какие-то достижения… Любого профиля, т.е. там*

есть и шахматисты, и те, кто в спортивных соревнованиях занимал какие-то места» (И13 Социальный педагог, лицей, ж., ок. 35 лет, Москва). В классах, как всегда в школе, висят грамоты, *«есть выставки, стенды в коридорах со всякими борцами, художниками и прочими» (И11 Педагог-психолог, ж., ок. 25 лет, Москва)*. Наряду с грамотами и дипломами на таких выставках размещаются фотографии детей, среди которых есть и учащиеся с особыми нуждами. Эти выставки имплицитно транслируют мысль о том, что все дети разные и все включены в такой процесс, где могут достигать успехов.

Общий язык, в соответствии с идеей Э. Шейна, относится к артефактам организационной культуры, и наши информанты не раз обращали внимание на сложившийся в их школах тезаурус сплоченности, коллективности: *«Я думаю, что для любого руководителя важно… чтобы команда была как можно более сплочена… Мы – часть одного единого целого. Мы единый организм и должны работать в одном направлении» (И3 Специалист организации дополнительного образования, ж., около 25 лет, Москва).* Тезаурус инклюзии также представлен в школах, используется на специальных собраниях, торжественных линейках, где *«умеют говорить о том, что все разные, но собрались учиться в одной школе. То есть у них есть этот словарь определенный» (И21 Родитель ребенка с инвалидностью, ресурсный класс, ж., Москва)*. В нарративе звучит мотив счастливого случая, везения; ведь было бы гораздо сложнее, если бы ребенка отдали в другую *«школу, которая ничего не знает об инклюзии» (И21 Родитель ребенка с инвалидностью, ресурсный класс, ж., Москва)*.

К артефактам инклюзивной организационной культуры можно также отнести, если учесть идеи Т. Бута и М. Эйнскоу, организационные формы: родительские дни, *«предметные консультации, когда родители могут прийти и задать любой интересующий вопрос. В дальнейшем может появиться такая форма работы, как родительский клуб…» (И3 Специалист организации дополнительного образования, ж., около 25 лет, Москва)*. Отметим, что, по данным опроса в инклюзивных школах различных российских регионов, не все родители осведомлены о проводимых мероприятиях. Половина опрошенных родителей затрудняются ответить (49%), проходят ли в их школе мероприятия для родителей учеников, посвященные теме инклюзии. Каждый третий родитель говорит, что таких мероприятий нет (21%). И лишь каждый пятый (21%) отвечает положительно. Среди тех, кто знает о таких мероприятиях, чуть более половины (54%) посещало их.

К артефактам, по Э. Шейну, относятся видимые паттерны поведения. Доброжелательное отношение становится характеристикой отношений в классе, а взаимопомощь – разделяемой ценностью: *«Это появляется, когда к нам приходят дети из других школ, которых загнобили там… Но прошло. То есть это прошло, в одиннадцатом классе ничего уже не было всего, и сейчас он учится себе в колледже нормально, и как-то все неплохо. Это я к чему? К тому, что эти приходящие ребята – это самая тяжелая ситуация» (И5 Педагог-организатор, родитель ребенка с инвалидностью, ж., ок. 50 лет, Москва).*

Уровень провозглашаемых ценностей

Разделяемые ценности поддерживаются и провозглашаются лидером организации, который сам включен в процесс инклюзии и понимает его важность и актуальность: *«Директор у нас, конечно, поддерживает любую инициативу, любые начинания… вводит какие-то новые методы, способы, экспериментирует. Но зачастую да, эксперименты оказываются очень удачными. То есть можно сказать, что она очень дальновидный человек» (И3 Специалист организации дополнительного образования, ж., около 25 лет, Москва).* Влияние директора огромное, *«просто основополагающее. И главные затеи были ее – и строительство этой школы, и еще много всего <…> Она и коллектив были одно» (И5 Педагог-организатор, родитель ребенка с инвалидностью, ж., ок. 50 лет, Москва)*. Без серьезной поддержки директора, признается информантка, она бы, *«наверное, здесь уже и не работала, и не было бы вообще всего этого» (И13 Социальный педагог, лицей, ж., ок. 35 лет, Москва)*. Такая поддержка нужна еще и потому, что *«невозможно научить ценить другую личность, если ты чувствуешь, что не ценят тебя» (И3 Специалист организации дополнительного образования, ж., около 25 лет, Москва)*, поэтому инклюзия начинается с педагогического коллектива, в котором каждый человек индивидуален и ценен, и когда люди чувствуют от руководителя «огромную поддержку», то и у них возникает *«желание давать что-то в ответ» (И3 Специалист организации дополнительного образования, ж., около 25 лет, Москва*).

Читая ответы на открытые вопросы, не связанные с доступностью материальной среды для детей-инвалидов, мы переходим на более глубинные уровни, раскрывающие организационную культуру инклюзивной школы. Так, ученики нередко указывали в качестве причин неприспособленности школ для детей с инвалидностью отсутствие толерантности со стороны других учеников, например: *«В нашей школе очень мало говорят о проблемах окружающих нас людей, не все могут принять людей с инвалидностью» (девочка, 7-й класс).* Другие ученики отмечали: *«В школе могут унижать, обижать, высмеивать» (мальчик, 7-й класс), «в школе не все дети бывают добрыми, поэтому могут начаться издевательства над детьми-инвалидами, которых они не заслужили» (девочка, 7-й класс), «возможно, детей с инвалидностью не смогут принять некоторые ученики нашей школы» (девочка, 7-й класс).*

Классный руководитель, учитель выполняет ту же функцию на своем уровне, мотивируя всех участников на консолидацию и инклюзию: *«Вы знаете, они [родители], может, и хотели бы пожаловаться, но на родительском собрании так ставится вопрос, и это воспринимается совершенно спокойно» (И18 Педагог, ж., Москва)*. Восприятие задач инклюзии родителями, их готовность к принятию этой ситуации зависит во многом от учителя, ведь отношение может быть разным, неоднозначным.

На сплочение класса или нескольких классов, на создание из детей настоящей команды работают *«классные часы, собрания, все поездки, загородные поездки… И большая работа идет, чтобы поехал, например, не один, а два класса, желательно в параллели, и такое объединяющее совместное действо. То есть это надо поддерживать. Это тоже само не получается никогда, нигде, даже в таких сверхблагоприятных условиях, как наши» (И4 Учитель-дефектолог, ж., ок. 50 лет, Москва).* Взаимопомощь и поддержка встроены в практики социализации новичков, при этом проводниками инклюзивной культуры становятся инсайдеры – педагоги, родители и дети: *«Ну вот наши в одном и в другом классе все, и даже в другом классе, шебутные такие, может быть, нет, они все очень внимательны, доброжелательны и всегда помогают. Никогда не отталкивают. Вот чтобы или обидели, оскорбили, нет, не замечала» (И2 Тьютор, ж., ок. 40 лет, Москва).* Еще одна ценностная установка инклюзивной культуры – акцент на непреложном уважении человека с его особенностями.

Наши информанты говорили о различных практиках, в которых формируется ценностная система организации, где инклюзивные принципы сплоченности, уважения, взаимопомощи и индивидуального выбора становятся ощутимыми и явными. Это театральные постановки, концерты, экскурсии, и другие мероприятия, в которых участвуют все. В некоторых школах не проводят уроки доброты и толерантности, вместо них проводят акции, информационно-просвети-тельские кампании. По убеждению информантов, культура формируется ежечасно, ежесекундно, «в течение жизни»: *«У некоторых этот срок может быть очень длительный, но он уже не испытательный, то есть его берут и потом смотрят, что он себя погано ведет. Он полгода себя погано ведет, потом как-то встраивается. Но если их слишком много приходит, то вся система нарушается, и опять идет выстраивание родительских отношений, это все. Это происходит, и это все ложится на плечи учителей, прежде всего... Нельзя научить, как надо вести себя, как не надо. Так не бывает. Это каждую секунду. Там драки или любое неправильное поведение, – учителя на это реагируют, и учат детей как надо, как не надо себя вести. Как-то так» (И5 Педагог-организатор, родитель ребенка с инвалидностью, ж., ок. 50 лет, Москва).*

В других школах, напротив, существуют специальные программы адаптации, стремятся отслеживать и фиксировать динамику изменений: *«Конечно, без этого нельзя. Вы сами понимаете состояние ребёнка, окружающие, отношения. Беседы ведутся с ребенком. Его представляют. Мы его включаем в коллектив и стараемся, чтобы ему было комфортно. Будь то инклюзия или нормальная норма. Это и программа, и тренинги. Есть замечательная сенсорная комната оборудованная. Там многие конфликты решаются» (И19 Учитель, ж., Москва).* Процесс и результаты фиксируются: *«Когда проходит какое то время, мы проводим контрольную диагностику и смотрим по результатам и уже от этого строим свою коррекцию. …это диагностика, в виде теста, в виде анкеты или какой-то игры, если коллективно» (И19 Учитель, ж., Москва).*

Информанты подчеркивают обязательность включения особых детей в концерты, спектакли, экскурсии, говорят о стремлении педагогов включать ребят в постановки, спортивные мероприятия: *«Смотрите, у нас детей с ОВЗ много – участвуют разные ребята. У нас каждый класс чего-то ставит. Периодически бывают большие спектакли. Бывают какие-то совместные, несколькими классами. Так или иначе они в этом участвуют. …На лошадях всех участвуют, занимаются (И5 Педагог-организатор, родитель ребенка с инвалидностью, ж., ок. 50 лет, Москва).*

И в такой творческой неформальной обстановке каждый ребенок раскрывается и стремится показать себя с лучшей стороны, *«и у других ребят это находит, конечно, огромный отклик» (И3 Специалист организации дополнительного образования, ж., ок. 25 лет, Москва*). Инклюзивные спектакли, спортивные праздники, кружки – все строится *«по принципу инклюзивных пространств» (И4 Учитель-дефектолог, ж., ок. 50 лет, Москва).* Особо говорят и об экскурсиях, по мнению информанта, необходимо, чтобы *«родители присутствовали на праздниках… видели со стороны, как дети их общаются… Очень много, когда мы ездим на экскурсию, то есть у нас это обязательно, чтобы они были – особые дети» (И9 Учитель начальной школы, ж., ок. 35 лет, Москва).*

Выстраивается партнерство с внешними организациями, тем самым становится возможен выход за пределы школьных стен: *«Мы десять лет назад с "Перспективой" связались, там столько проектов социальных мы прошли, столько съемок социальных роликов, столько проектов у нас. То есть вот это насыщение, уроки доброты для средней школы, экскурсии, совместные мероприятия. У нас привозят сюда специалистов на обучение учителей, или на базе школы сделаны, потому что сюда приходят, обучаются. Семинары как наши, так и зарубежные» (И9 Учитель начальной школы, ж., ок. 35 лет, Москва).* Другие стратегические партнеры – фонд «Выход», Федеральный ресурсный центр, Центр проблем аутизма, вузы, колледжи, вышестоящие организации. В одной из школ нам рассказали, как в гости к ребятам приезжал молодой паралимпиец: *«У нас ребята физкультурники подняли его, все нормально абсолютно, он в баскетбол тоже с пацанами сыграл с 7–8 класса, они там еще поспорили, чуть ли не поборолись там. Он на коляске. Нет никакой разницы» (И2 Тьютор, ж., ок. 40 лет, Москва).*

Такие встречи не только становятся тестом организационной среды на доступность, но и способствуют интериоризации инклюзивных ценностей на уровень принимаемых по умолчанию базовых установок.

Базовые предположения

Ценности инклюзии, вначале провозглашаемые лидером, постепенно интериоризуются, переходят на уровень базовых предположений, само собой разумеющихся допущений. На основе таких непроговарива-

емых предположений и формируется инклюзивная культура: *«Вот эта инклюзия, когда они еще, я бы сказала, громко не говорили, она уже присутствовала в этой школе. Поэтому для нас это как-то естественным порядком идет, скажем» (И2 Тьютор, ж., ок. 40 лет, Москва)*. О базовых предположениях можно судить из рассуждений про атмосферу: *«сама школа этим пронизана» (И1 Методист-координатор инклюзивного образования, ж., ок. 40 лет, Москва)*. Информанты, работающие в школе недавно, ощутили это на своем собственном опыте. Школа отличается *«этой атмосферой домашнего отношения к каждому ребенку. Чтобы они приходили сюда» (И1 Методист-координатор инклюзивного образования, ж., ок. 40 лет, Москва)*. Она заметно отличается от других классов, по мнению педагогов, для ребят становится ценностью «приходить в школу и делать домашнее задание: *«Все ребята, которые есть в классе, они все пожили в изоляции. Они понимают ценность того коллектива, в котором они находятся. Они считают, что они среди друзей и то, что они приходят в класс, занимаются у конкретного педагога, для них это очень большая ценность. И педагоги говорят, что атмосфера в классе заметно отличается от атмосферы в параллельных классах» (И22 Учитель, родитель ребенка с инвалидностью, ж., Москва*). Атмосфера имеет прямое отношение к успехам и признанию: *«В этом году у нас была первая независимая дистанционная работа, то, что давала ЦКО по русскому языку. И ребята ее написали. А это независимый контроль. То есть, это для педагогов очень важно, что, во-первых, они смогли научить, а во-вторых, они могут продемонстрировать результат конкретно этих ребят» (И22 Учитель, родитель ребенка с инвалидностью, ж., Москва)*. Несмотря на дружественную атмосферу, конфликты и предрассудки не чужды и инклюзивным школам. Это часть групповой динамики, по мнению одной из наших собеседниц. Дружба с ребенком с инвалидностью складывается не в каждом случае, хотя помогать дети не отказываются: *«Ну, по крайней мере, мы в классе на продленке кто-то сделал уроки, и я говорю: «Кто готов помочь другому?». И помощь в выполнении домашнего задания оказывали, помогали. Ну, конечно, вот такой дружбы… не было» (И18 Педагог, ж., Москва)*. Но все же в интервью было достаточно много примеров сплоченных коллективов, в которых формировались дружеские отношения.

Вообще, о комфортной инклюзивной среде говорилось не во всех интервью. В некоторых отмечалось ощущение работы на пределе, стремление преодолевать трудности на грани выгорания: *«У меня, по крайней мере. Может, администрация более спокойно к этому относится, хотя, не думаю» (И4 Учитель-дефектолог, ж., ок. 50 лет, Москва)*. Ведь квалификация специалиста, учителя подтверждается в основном тем, как учащиеся осваивают программу по государственным стандартам, а некоторые родители опасаются, что из-за инклюзии их детей недостаточно нагружают. И если школа с математическим уклоном, *«там ребенок с ЗПР [задержкой психического развития] …не сможет учиться там» (И1 Методист-координатор инклюзивного образования, ж., ок. 40 лет, Москва)*. Сюда же относятся описанные практически во всех интервью разнообразные трудности, необходимость прикладывать большие усилия, важность знаний и мотивации. Помогает преодолеть трудности и избежать выгорания приверженность педагогов своему делу, поддержка лидера организации и та отдача, которую учителя и другие специалисты получают от детей и родителей.

Но порой родители относятся к инклюзивной школе как к инструменту ремонта. Такие предположения можно отнести к базовым, редко проговариваемым, но все же проявляющимся в том, как родители классифицируют, оценивают детей, в чем видят роль школы. Бывает, что они *«приходят в школу с такой идеей, что, почините мне его, через 11 лет я его заберу готовеньким. …И поэтому? когда они смотрят на других людей, ну, мой-то нормальный, только у него чуть-чуть проблемы, а эти же совсем никуда не годятся» (И5 Педагог-организатор, родитель ребенка с инвалидностью, ж., ок. 50 лет, Москва)*.

Между тем развитие инклюзивной культуры, по замечанию информанта, – это рефлексивный процесс, с которым *«надо работать постоянно… с целеполаганием; с тем, что мы делаем и для чего; разделяем ли мы ценности инклюзии; нет ли у нас своих стереотипов…» (И4 Методист-координатор инклюзивного образования, ж., ок. 40 лет, Москва*). Таким образом, неосознаваемые предположения перестают приниматься по умолчанию, становясь предметом рефлексии.

Региональный контекст

Разделяемые многими информантами позиции объясняются сходным опытом и приверженностью ценностям инклюзии. Школы, попавшие в выборку исследования, находятся в Москве, а некоторые из них имеют давний и успешный опыт инклюзивного образования. Интервью с информантами, которые не занимаются внедрением инклюзивного образования, а работают в системе образования в регионах, служат напоминанием о том, что реформа находится в самом начале пути. В регионах сомневаются, что в массовых школах могут быть в ближайшем будущем созданы *«условия для психологического воздействия на детей, комнаты психологической разгрузки, комнаты коррекционного воспитания, кабинеты профессионального обучения» (И25 Руководитель специального (коррекционного) образовательного учреждения, м., 55 лет, Поволжье)*. Разговоры об инклюзии считают модой, ни на чем не основанным прожектерством, указывают на серьезные пробелы в организации общего образования – неудобства в школах, даже для обычных детей, дефицит медперсонала, сурдопереводчиков и специальных педагогов, перегрузка психологов бумажной работы и нехватка таких специалистов в школах, неготовность и без того перегруженных учителей брать на себя еще одну ношу ответственности за особенных детей, интолерантность родителей. В опросе, проведенном «Перспективой»,

учителя как московских, так и региональных школ говорят про увеличение объема методической работы и усложнение учебного процесса при включении детей с инвалидностью в общеобразовательный процесс. Часть педагогов, участвовавших в анкетировании, также говорили о негативной реакции в отношении детей с инвалидностью со стороны различных участников образовательного процесса. Тем самым, возникает вопрос, возможна ли инклюзивная культура в условиях конфликтующих установок.

Некоторые региональные чиновники высказывались весьма настороженно и даже негативно в отношении инклюзии: с одной стороны, образование по закону доступно для всех, но на практике это становится нереальным проектом ввиду отсутствия тьюторов, вероятных негативных последствий инклюзии для обучения всех детей. По мнению нескольких опрошенных, дети с потерей слуха или зрения, задержкой умственного развития должны обучаться в специальных учебных учреждениях, поскольку в массовой школе невозможно создать для них хорошие условия. Там *«воспитывающая, образовательная среда отвечает всем требованиям, к детям отношение гуманное, очень хорошее… и только в этом случае, когда процесс обучения плавно переходит в процесс воспитания и сопровождается все это коррекционно-воспитательной работой, только в этом случае можем мы достичь результата» (И25 Руководитель специального (коррекционного) образовательного учреждения, м., 55 лет, Поволжье)*. Но никак не в массовой школе, где нет специалистов, а над ребенком могут издеваться другие школьники, *«как говорится, с нормальным интеллектом, у которых сейчас проявляются не просто грубые, а садистские наклонности» (И25 Руководитель специального (коррекционного) образовательного учреждения, м., 55 лет, Поволжье).*

И хотя в интервью звучали положительные примеры включения детей с инвалидностью в общеобразовательный процесс, они были скорее исключением из правил благодаря настойчивости и упорству, порой подвигу родителей. Нельзя спускать инклюзию директивно, сверху вниз, убеждена одна из наших собеседниц, директор средней школы. Это должна быть *«государственная программа – с финансовой поддержкой с продуманной дорожной картой до мелочей – на каждом этапе, с серьезными научными обоснованиями» (И26 Директор средней общеобразовательной школы, ж., 54 года, Поволжье).* К важным условиям она относит безбарьерную среду, оборудование, малокомплектные классы, штаты, необходимые для медицинского, психологического и иного сопровождения, денежные средства на доплату учителям и пр.

Социологический опрос представителей профессиональных групп (работники социальной защиты, образования, культуры), проведенный в 2018 г. в трех поволжских регионах, показал следующее. Под инклюзивной культурой респондентами понималось, прежде всего, дружественное отношение к особенным людям, включение их в полноценную социальную жизнь. Большинство информантов – специалисты с высшим образованием, которые удовлетворены условиями жизни (70%) и уверены, что современное российское общество дружественно относится ко всем социально уязвимым категориям населения. Под дружественным отношением респонденты, в первую очередь, понимают готовность окружающих оказать помощь (27%), отсутствие оскорблений на улице (13%) и развитие системы служб помощи и поддержки (44%). Менее значимыми являются удобство и доступность таких показателей дружественности, как улицы, пешеходные зоны, переходы, остановки транспорта и сам транспорт, места общего пользования (10%). По мнению участников опроса, государство совершает определенные шаги по созданию и расширению инклюзивного городского пространства, развитию инклюзивной социальной политики. Особенно уделяется внимание инклюзии взрослых людей с инвалидностью (53%) и детей с инвалидностью (47%).

Несмотря на включенность государственной (13%) и местной власти (7%) в проблему инклюзии детей-инвалидов, как отмечают респонденты, родителям детей-инвалидов приходится сталкиваться с различными трудностями – нехваткой денежных средств (94%), перемещением дома и за его пределами (89%), невозможностью трудоустройства родителей детей-инвалидов (87%), несовершенством социального сопровождения и ухода (84,5%), отсутствием должных медицинских услуг (80%), необходимого оборудования: колясок, протезов и т.п. (78%), недоступностью общего образования: 79% считают, что школа и общество не готовы к внедрению инклюзивного образования. Родители детей-инвалидов, по мнению опрошенных, сталкиваются с проблемой враждебного и неуважительного отношения к ребенку (56%).

Отметим, что в опросе РООИ «Перспектива» доля тех, кто говорит о негативной реакции со стороны окружающих, значительно ниже. При этом среди тех, кто видит положительные стороны инклюзии, подавляющее большинство (более 3/4 опрошенных) указывают рост толерантности. Инклюзивное образование, несмотря на его минусы, все же рассматривается большинством как образовательная среда, благоприятная для всех. Можно предположить, что трансформация мнений внутри и за пределами школьного сообщества наиболее успешна при сопровождаемой инклюзии детей с инвалидностью.

В связи с этим возникает необходимость участия в решении проблемы инклюзии детей-инвалидов и их семей благотворительными фондами и организациями (30%), обычными людьми (22%). Таким образом, ответы респондентов свидетельствуют о низкой оценке степени включенности государства и власти в решение проблемы инвалидности и мер, направленных на инклюзию детей-инвалидов и их семей.

Таким образом, переход к инклюзии в образовательной политике в России происходит постепенно, по мере официального принятия различных международных и отечественных законодательных актов. Существующая практика обследований инклюзивных школ фокусируется на нескольких аспектах инклюзивного образования: отношении между участниками

образовательного процесса и выявлении барьеров, с которыми они сталкиваются. Между тем, с нашей точки зрения, исследования должны охватывать все сферы инклюзивного процесса в комплексе с культурной компонентой, включая и практику, и проводимую политику.

Организационная культура школы выступает как система связанных между собой ценностно-символических и поведенческих элементов; это видимые свидетельства, официально декларируемые ценности и не всегда проговариваемые, принимаемые по умолчанию установки. Первый, внешний уровень анализа организационной культуры направлен на измерение и интерпретацию артефактов инклюзии. Этот уровень включает архитектуру зданий, оснащенность школы специальными техническими средствами, коллективные и индивидуальные достижения учеников и сотрудников школы. Для оценки визуальных признаков инклюзии направленности мы обращали внимание на материальное оснащение образовательного учреждения. Кроме того, организационные символы демонстрируются на выставках продуктов творчества и достижений разных детей.

Организационная культура инклюзивной школы проявляется не только в доступности школы для детей с различными особенностями, но главным образом в том, что участники солидарны, сплочены, разделяют ценности инклюзии, дети включены во внеклассные активности, и взаимопомощь и участие становятся характеристиками повседневной жизни индивидов и коллективов. Второй и третий уровни анализа организационной культуры – это провозглашаемые ценности и принимаемые по умолчанию установки. Ценности сплоченности в инклюзивной школе распространяются и на взаимодействия между учителями и родителями (опекунами). Партнерские отношения сами по себе являются ценностью в системе инклюзивной культуры и выступают тем мостиком, который объединяет и позволяет достичь консенсуса участников образовательного процесса по вопросам включения разных детей. Методические и организационные изменения, осуществляемые в интересах детей, имеющих особые образовательные потребности, при определенных условиях могут принести пользу всем детям. Но организационная культура не бывает инклюзивной по умолчанию.

Развитие инклюзивной культуры – это комплексный процесс, который имеет целый ряд разнообразных ожидаемых и не ожидаемых последствий и осуществляется на трех главных уровнях организационной культуры. На первом уровне важно обсуждать тот язык, который используется в организации, а также уделять внимание физическому пространству, используемым обозначениям, вывескам и невербальному поведению сотрудников. На втором уровне важно формировать ценностные ожидания, разделяемые руководством, сотрудниками, детьми и родителями. Третий уровень – это ядро организационной культуры, которое сложно поддается влиянию, формируется коллективно и постепенно в повседневной практике. Этот процесс может фасилитироваться посредством консультаций с использованием практик исследования инклюзивной культуры. Обсуждая собственные постулаты и предубеждения, участники образовательного процесса создают тезаурус и видимые артефакты инклюзии, а при поддержке лидера и своих сплоченных коллективов могут ощущать, что они не одни и что разделяемые ими ценности приняты всей организацией.

Следует отметить локальный аспект исследования, так как в выборку попали определенные школы, которые характеризуются своей спецификой. Апробация инструмента позволяет предположить, что при замерах показателей организационной культуры инклюзивной школы происходит определение преимуществ, точек роста развития школы и, наоборот, ее недостатков. Разработанный инструмент качественного исследования может позволить школам, развивающимся в направлении инклюзии, использовать его для оценки, сравнения и исправления ситуации. Это, в свою очередь, даст возможность учителям, администрации школ, родителям и общественности узнать о том, каким образом происходит процесс включения детей с особенностями развития в учебный процесс, с какими барьерами сталкиваются участники, на что следует обратить особое внимание.

Анкетирование участников образовательного процесса показало, что отношение к совместному обучению детей с инвалидностью с другими детьми различается между учителями и родителями. Как учителя, так и родители по большей части высказываются положительно, однако среди родителей такая оценка все же более распространена. Учителя чаще родителей выражают отрицательное отношение, в особенности те, для которых усложнился процесс обучения детей при включении в класс школьников с инвалидностью.

Среди отметивших минусы и плюсы инклюзивного образовани наблюдается схожая ситуация. Учителя вдвое чаще родителей говорят о наличии негативных сторон совместного обучения, а на положительные стороны указывают большинство тех и других групп респондентов. В качестве наиболее распространенных плюсов опрошенными указываются такие варианты: «инклюзивное обучение приводит к повышению уровня толерантности среди учеников» и «возможность получения образования для детей с инвалидностью». Наиболее популярными ответами о минусах инклюзии среди учителей были «усложнение учебного процесса», а среди родителей – «негативная реакция участников образовательного процесса в отношении детей с инвалидностью» и «увеличение нагрузки на учителей».

Респонденты отмечают необходимость рассмотрения проблем социальной инклюзии как систему ценностей населения, нравственное состояние общества. Инклюзивные практики сегодня должны выражаться не только в создании технических условий для беспрепятственного доступа маломобильных групп к разным сферам жизни общества, но и формировании позитивных установок, инклюзивной культуры общества в целом. В свою очередь, качественная методология позволяет понять смыслы, которыми наполнена повседневная школьная жизнь, распознать характеристики инклюзивной организационной культуры школы, выявить барьеры и ресурсы инклюзии на микроуровне.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Авторы выражают признательность РООИ «Перспектива» и коллективу проекта «Инклюзивная культура социального времени: современный урбанистический контекст (регион Нижнего Поволжья)» НОРЦМИ СГТУ за возможность принять участие в исследовании, а также всем информантам, поделившимся своими мнениями об инклюзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2014 г. № 1598 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» // База Гарант. URL: https://base.garant.ru/70862366/ (дата обращения: 04.04.2019).
2. Крецул Р., Нодельман В. Для детей-инвалидов приспособлена лишь одна из пяти школ // Сайт газеты «Известия». 2018. 14 марта. URL: https://iz.ru/719566/roman-kretcul-valeriia-nodelman/dlia-detei-invalidov-prisposoblena-lish-odna-iz-piati-shkol (дата обращения: 04.04.2019).
3. Oliver M. The Politics of Disablement. Basingstoke : MacMillan, 1990.
4. Barnes C., Oliver M. 'Disability Rights: Rhetoric and Reality in the UK' in Disability and Society. 1995. Vol. 10, № 1. P. 110–116.
5. Loreman T., Forlin Ch. Measuring Inclusive Education. International Perspectives on Inclusive Education. First edition. Bingley, UK : Emerald Group Publishing Limited, 2014. Vol. 3.
6. Booth T., Ainscow M. Index for inclusion: Developing learning and participation in schools. Bristol : Centre for Studies on Inclusive Education, 2002.
7. Pivik J., McComas J., Laflamme M. Barriers and facilitators to inclusive education // Exceptional children. 2002. Vol. 69, № 1. P. 97–107.
8. Atkinson A.B., Marlier E. Analysing and Measuring Social Inclusion in a Global Context. New York : United Nations, 2010.
9. Романов П.В., Яковлева В.В. Корпоративная социальная политика: частные решения общих проблем // Отечественный журнал социальной работы. 2013. № 1. С. 97–105.
10. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения. М. : Моск. обществ. науч. фонд «Центр социальной политики и гендерных исследований», 2007.
11. Проект Приказа Министерства образования и науки РФ «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий осуществления образовательной деятельности организациями, осуществляющими образовательную деятельность» (подготовлен Минобрнауки России 30.03.2018) // База Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56648803/ (дата обращения: 04.04.2019).
12. Dempster H., Hargrave K. Understanding of social attitudes towards refugees and migrants. Working paper 512. London : The Chatham House, 2017.
13. Ярская-Смирнова Е.Р., Лошакова И.И. Инклюзивное образование детей-инвалидов // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 100–106.
14. Зайцев Д.В. Интегрированное образование детей с ограниченными возможностями // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 127–132.
15. Чигрина А.Я. Инклюзивное образование детей-инвалидов: отношение общества и практика распространения // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2010. № 1. С. 56–62.
16. Отношение общества к детям с ограниченными возможностями здоровья и детям-инвалидам. М. : Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2017.
17. Формирование инклюзивной организационной культуры. Межкультурные компетенции в социальных службах : метод. руководство: пер. с англ. / под общ. ред. Е. Ярской-Смирновой. М. ; Страсбург : Совет Европы, 2017.
18. Council of Europe. Constructing an Inclusive Institutional Culture: Methodological Guide: Intercultural Competences in Social Services. Strasbourg: Council of Europe, 2011.
19. Бут Т., Эйнскоу М. Показатели инклюзии. Практическое пособие. М. : Перспектива, 2007.
20. Zollers N.J., Ramanathan A.K., Moonset Yu. The Relationship Between School Culture and Inclusion: How an Inclusive Culture Supports Inclusive Education // International Journal of Qualitative Studies in Education. 1999. Vol. 12, № 2. P. 157–174.
21. Шейн Э. Организационная культура и лидерство: пер. с англ. / под ред. В.А. Спивака. СПб. : Питер, 2002.
22. Jackson P.W. Life in Classrooms. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1968.
23. Ярская-Смирнова Е.Р. Гендерная социализация в образовании // Словарь гендерных терминов / под ред. А. Денисовой. М. : Информация – XXI век, 2002.
24. Martin J.R. What Should We Do With a Hidden Curriculum When We Find One? // Curriculum Inquiry. 1976. Vol. 2, № 6. P. 135–152.
25. Dreeben R. On What is Learned in School. Massachusets : Addison-Wesley, Reading, 1968.
26. Getzels J.W. Images of the Classroom and Visions of the Learner // School Review. 1974. № 82. P. 527–540.
27. Owen M.J. Studying Organizational Symbolism. Qualitative Research Methods Series. London: Sage, 1996.
28. Романов П.В. Культурные символы в социально-антропологических исследованиях организаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5, № 3. С. 192–206.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 20 января 2020 г.

Inclusive Education: Public Opinion and Insiders' Experience

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 98–110.
DOI: 10.17223/15617793/453/12

Aleksandra R. Goriainova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: agoryajnova@hse.ru
Elena R. Iarskaia-Smirnova, Journal of Social Policy Studies (Moscow, Russian Federation); Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: eiarskaia@hse.ru

Keywords: inclusive education; children with disabilities; inclusive school culture; inclusion; organizational culture.
This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-011-00562.

Inclusion is the principle of social policy, a topic of scholarly and public debate, and a social value fully or partly shared at different levels: in family, school, among colleagues, in society as a whole. Therefore, the study of school inclusion is carried out in the context of social reforms, taking into account public opinion and the attitudes of participants in the educational process at the micro level of everyday life. The use of quantitative and qualitative data allow integrating important perspectives to understand the new and interesting phenomenon of the inclusive school. A survey among the participants of the educational process showed that the attitude to the inclusive education of children with disabilities with other children differs between teachers and parents. For the most part, both teachers and parents speak positively, but this assessment is still more common among parents. Teachers talk about the negative

sides of co-education twice as often as parents, and the majority of respondents (both teachers and parents) point out the positive sides. The majority of the surveyed seventh-graders express positive attitudes towards inclusive education, but still there is a significant proportion of those who point out that not all children can and should study in a regular school. At the same time, the students note that schools, for the most part, are not suitable for children with various disabilities. The organizational culture of the school acts as a system of interrelated value-symbolic and behavioral elements; these are visible evidence, espoused values and basic assumptions. According to the analysis of qualitative interviews, the organizational culture of inclusive schools is evident not only in the availability of schools for children with various characteristics, but mainly in the fact that the participants are in solidarity and share the values of inclusion. At the same time, kids are included in extra-curricular activities, and mutual support and participation by default become characteristics of everyday life of individuals and groups. The values of cohesion in an inclusive school also extend to interactions between teachers and parents (guardians). Partnership relations themselves are a value in the system of inclusive culture and act as a bridge that unites and allows reaching a consensus among the educational process participants on the inclusion of different children. The authors conclude that inclusive processes in education today must be supported not only by technological development, but also by the formation of positive attitudes in the culture of society as a whole.

REFERENCES

1. Garant.ru. (2014) *Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 1598 of 19 December 2014 "On the Approval of the Federal State Educational Standard for Primary General Education of Students With Disabilities"*. [Online] Available from: https://base.garant.ru/70862366/. (Accessed: 04.04.2019). (In Russian).
2. Kretsul, R. & Nodel'man, V. (2018) Dlya detey-invalidov prisposoblena lish' odna iz pyati shkol [Only One out of Five Schools Is Adapted for Disabled Children]. *Izvestiya*. 14 March. [Online] Available from: https://iz.ru/719566/roman-kretcul-valeriia-nodelman/dlia-detei-invalidov-prisposoblena-lish-odna-iz-piati-shkol. (Accessed: 04.04.2019).
3. Oliver, M. (1990) *The Politics of Disablement*. Basingstoke: MacMillan.
4. Barnes, C. & Oliver, M. (1995) Disability Rights: Rhetoric and Reality in the UK. *Disability and Society*. 10 (1). pp. 110–116.
5. Loreman, T. & Forlin, Ch. (2014) *Measuring Inclusive Education. International Perspectives on Inclusive Education*. First edition. Vol. 3. Bingley, UK: Emerald Group Publishing Limited.
6. Booth, T. & Ainscow, M. (2002) *Index for inclusion: Developing learning and participation in schools*. Bristol: Centre for Studies on Inclusive Education.
7. Pivik, J., McComas, J. & Laflamme, M. (2002) Barriers and facilitators to inclusive education. *Exceptional Children*. 69 (1). pp. 97–107.
8. Atkinson, A.B. & Marlier, E. (2010) *Analysing and Measuring Social Inclusion in a Global Context*. New York: United Nations.
9. Romanov, P.V. & Yakovleva, V.V. (2013) Gender Approach to the Youth Social Work. *Otechestvennyy zhurnal sotsial'noy raboty*. 1. pp. 97–105. (In Russian).
10. Romanov, P.V. & Yarskaya-Smirnova, E.R. (2007) *Otsenka effektivnosti deyatel'nosti uchrezhdeniy sotsial'noy podderzhki naseleniya* [Assessment of the Efficiency of Social Support Institutions]. Moscow: Mosk. obshchestv. nauch. fond "Tsentr sotsial'noy politiki i gendernykh issledovaniy".
11. Garant.ru. (2018) *Draft Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation "On the Approval of Indicators Characterizing the General Criteria for Assessing the Quality of the Conditions for the Implementation of Educational Activities by Organizations Engaged in Educational Activities" (Prepared by the Ministry of Education and Science of Russia on March 30, 2018)*. [Online] Available from: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56648803/. (Accessed: 04.04.2019). (In Russian).
12. Dempster, H. & Hargrave, K. (2017) *Understanding of social attitudes towards refugees and migrants.* Working Paper 512. London: The Chatham House.
13. Yarskaya-Smirnova, E.R. & Loshakova, I.I. (2003) Inclusive Education for Disabled Children. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 100–106. (In Russian).
14. Zaytsev, D.V. (2004) Integrated Education of Children With Limited Capabilities. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 127–132. (In Russian).
15. Chigrina, A.Ya. (2010) Inclusive Education of Disabled Children: Attitude of Society and Practice of Expansion. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. NI Lobachevskogo. Ser. Sotsial'nye nauki – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 1. pp. 56–62. (In Russian).
16. Fund for Support Children in Difficult Situation. (2017) *Otnoshenie obshchestva k detyam s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya i detyam-invalidam* [The Attitude of Society Towards Children With Disabilities and Disabled Children]. Moscow: Fund for Support Children in Difficult Situation.
17. Yarskaya-Smirnova, E. (ed.) (2017) *Formirovanie inklyuzivnoy organizatsionnoy kul'tury. Mezhkul'turnye kompetentsii v sotsial'nykh sluzhbakh: metodicheskoe rukovodstvo* [Constructing an Inclusive Institutional Culture: Intercultural Competences in Social Services: Methodological Guide]. Translated from English. Moscow; Strasbourg: Council of Europe.
18. Council of Europe. (2011) *Constructing an Inclusive Institutional Culture: Methodological Guide: Intercultural Competences in Social Services*. Strasbourg: Council of Europe.
19. Booth, T. & Aniscow, M. (2007) *Pokazateli inklyuzii. Prakticheskoe posobie* [Index for Inclusion: Developing Learning and Participation in Schools]. Translated from English by I. Anikeev. Moscow: Perspektiva.
20. Zollers, N.J., Ramanathan, A.K. & Moonset, Yu. (1999) The Relationship Between School Culture and Inclusion: How an Inclusive Culture Supports Inclusive Education. *International Journal of Qualitative Studies in Education.* 12 (2). pp. 157–174.
21. Schein, E. (2002) *Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo* [Organizational Culture and Leadership]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
22. Jackson, P.W. (1968) *Life in Classrooms.* New York: Holt, Rinehart and Winston.
23. Yarskaya-Smirnova, E.R. (2002) Gendernaya sotsializatsiya v obrazovanii [Gender Socialization in Education]. In: Denisova, A. (ed.) *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of Gender Terms]. Moscow: Informatsiya – XXI vek.
24. Martin, J.R. (1976) What Should We Do With a Hidden Curriculum When We Find One? *Curriculum Inquiry*. 2 (6). pp. 135–152.
25. Dreeben, R. (1968) *On What is Learned in School*. Massachusets: Addison-Wesley, Reading.
26. Getzels, J.W. (1974) Images of the Classroom and Visions of the Learner. *School Review*. 82. pp. 527–540.
27. Owen, M.J. (1996) *Studying Organizational Symbolism. Qualitative Research Methods Series*. London: Sage.
28. Romanov, P.V. (2002) The Cultural Symbols in Socio-Anthropological Research of Organization. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 5 (3). pp. 192–206. (In Russian).

Received: 20 January 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 111–115. DOI: 10.17223/15617793/453/13

УДК 32.019.51

А.Ю. Краснопёров

РОЛЬ ИНТЕРНЕТА КАК СОКОНСТРУКТОРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Политическая социализация молодежи в университетских городах», № 19-011-31231.

Анализируется роль интернета в формировании политической медиареальности. Автор раскрывает особенности сетевой коммуникации в интернете, приводящие к информационной и ассоциональной фрагментации, акцентирует внимание как на технологических причинах, так и на действиях пользователей глобальной сети при работе с информацией и отборе коммуникативных площадок. Рассматривается возможность избежать фрагментации посредством обращения к городской проблематике и образу города в качестве смыслового интегратора.

Ключевые слова: медиареальность; интернет; коммуникация; умное сообщество; город.

В своей недавно опубликованной статье политолог Н.Г. Щербинина приводит толкование медиареальности как субъективного мира, давая ей следующее определение: «…своего рода промежуточный мир, “призма”, сквозь которую человек, воспринимая медиаобразы, готовые политические конструкции, познает, оценивает и представляет социальный и политический порядок» [1. С. 220]. Медиареальность, в том числе политическая, не отражает объективного характера политической сферы, но конструируется из самих медиафеноменов. Согласно изложенной Н.Г. Щербининой авторской теории политического конструктивизма медиа способны продуцировать целостные смыслоязыковые посылы, т.е. буквально создавать для никогда не встречающихся людей общий жизненный опыт, выступая тем самым соконструкторами политической реальности [1. С. 224; 2. С. 6]. В данной статье предлагается рассмотреть роль такого средства массовой коммуникации, как интернет в вопросе формирования политической медиареальности. Для этого обратимся к особенностям политической коммуникации в интернете, проявляющимся на уровне программных алгоритмов и отражающимся в поведении пользователей.

Интернет кардинально отличается от предшествующих ему форм массмедиа тем, что позволяет каждому пользователю стать автором текста, т.е. выступать не в качестве объекта коммуникации, а в роли агента [3. С. 401]. Добавим к сказанному другие отличительные черты интернета: глобальный охват коммуникации по принципу «многие-ко-многим», способность сохранять анонимность, свойство воспроизводимости информации [4. P. 9]. В результате мы видим, что уже только своим устройством глобальная сеть содействует децентрализации информационного пространства до уровня индивида. В свою очередь, это способствует, как отмечают исследователи информационного общества, в том числе М. Кастельс, выстраиванию коммуникации по сетевому принципу: связи прослеживаются не только между пользователем и медиа, но и между пользователями, являющимися узлами такой сети, соединенными потоками движущейся информации [5. С. 37]. От системы такая сеть отличается гибкостью: узлы могут меняться без нарушения работы сети, а связи между ними существуют ровно до тех пор, пока происходит обмен информацией. Учитывая тот факт, что интернет выступает влиятельным агентом социализации в информационную эпоху [6. С. 87–89], можно заключить: то, каким образом организована политическая коммуникация с его помощью, окажет значительное влияние на отбор медиафеноменов (если информация передается от узла сети к узлу, то важно, с какими узлами существует связь у каждого конкретного пользователя), из которых выстраивается медиареальность. Рассмотрим, как происходит такой отбор.

Отправную точку объяснения предлагается взять из работы Н. Больца, который делает акцент на двоякой роли интернета. С одной стороны, он предоставляет доступ к необъятному объему данных, с другой – человеку не хватает времени, сил и желания обработать всю информацию. В совокупности это актуализирует необходимость техник отбора, фильтрации и оценки информации [7. С. 18]. Часто для этих целей используются поисковые системы (5 из 10 самых посещаемых сайтов в мире – это поисковики [8. P. 43]), которые стремятся под конкретный пользовательский запрос, заданный ключевым словом или фразой, подобрать наиболее аутентичный ресурс, исключив из выборки все, что не подходит. В этих целях результаты поиска ранжируются в определенном порядке: на первые десять позиций приходится от 82,36 до 89,77% [9] переходов, но пользователь даже в случае перехода по ссылке не станет просматривать веб-страницу целиком [10]. Существуют и другие инструменты фильтрации: подписки, которые пользователи настраивают под свои интересы и свободно управляют ими; ранжирование публикаций в новостной ленте; SMM и т.д. В результате рядовой пользователь все чаще сталкивается с информацией, предназначенной специально для него. И все реже с альтернативной. Для этого ему придется сделать волевое усилие и специально ее запросить. Вокруг каждого потребителя информации создается как бы «частный символический универсум».

Сказанное верно не только в отношении информации, но и для отбора других узлов. Из-за ризомного характера сети задача, предполагающая передачу информации «X» из узла «A» на узел «B», оказывается трудновыполнимой в случае, когда «B» непер-

сонифицирован, т.е. когда используется не личная пересылка сообщения конкретному адресату, а выкладывание его в открытый доступ. Вопрос в том – будет ли эта информация прочитана пользователем при условии множественности информационных потоков, существующих и циркулирующих наравне с некоторым посылом «X»? Поэтому ряд исследователей выказывают озабоченность тем, что настройка информации под себя ведет, во-первых, к сокращению возможностей для развития общего опыта в ситуации, когда новости одного человека отличаются от новостей другого, а во-вторых, к ускорению поляризации во мнениях, ведь «если слышать только то, что отвечает только твоим интересам, в результате постоянного повторения этого можно легко поверить, что эти интересы являются наиболее важными и, возможно, единственно подлинными интересами» [11. С. 48–49]. Несмотря на возможность вступать в коммуникацию с другими пользователями без ограничений, подбор потенциальных субъектов общения отвечает тем же принципам, что и отбор информации, а значит также поддается фильтрации. Р. Уочбройт показал, как этот принцип работает в отношении участия / неучастия пользователя в некотором сообществе, употребив термин ассоциациональная фрагментация [11. С. 50–51]. Смена коммуникативной площадки, а вместе с ней и собеседников – это дело одного клика. Потенциально пользователи могут перемещаться по ризомной структуре сети с молниеносной быстротой. А если говорить точнее, они отсекают ненужные потоки от неинтересных узлов и культивируют связи с узлами, представляющими интерес. Разница с тем же процессом «offline» – в скорости, простоте и результате, предполагающем большую степень изолированности от информационного шума.

А.В. Манойло по этому поводу замечает: «Коллективное сознание сетевых сообществ, в отличие от массового сознания в реальной жизни, чрезвычайно подвижно и подвержено влиянию внешних факторов; при любой удобной возможности это сознание расщепляется на спектр мнений, которые затем очень быстро поляризуются и приобретают радикальный характер» [12]. Он объясняет это тем, что, например, в политической сфере можно вести споры, участвовать в дискуссии, высказывая абсолютно любые мнения, поскольку отсутствует реальная угроза физического насилия со стороны других пользователей. К схожим выводам о радикализации и даже приобретении виртуальными сетевыми сообществами экстремистского характера приходят в результате глобального исследования политизации социальных сетей С.Н. Федорченко и его коллеги [13. С. 73]. При этом они делают еще один важный вывод, из которого следует, что интернет не снижает накала политического дискурса, не ведет к индивидуализации политики, а как раз наоборот – «несмотря на гражданский эскапизм, абсентеизм и атомизацию общества, группы социальных сетей Интернета стремительно политизируются и хорошо показывают механизмы сборки новых политических идентичностей» [13. С. 72]. То есть интернет, несмотря на фрагментацию, все равно способствует образованию политических групп и сообществ.

Наши собственные исследования также подтверждают фрагментарный характер коммуникации в интернете. Например, при изучении онлайн-сообществ в социальной сети «ВКонтакте», образованных по территориальному принципу (страна целиком – Россия, крупнейшие города-миллионники и областные центры), нами было обнаружено, что, во-первых, крупнейшие по численности сообщества, относящиеся к одной территории, имеют слабое пересечение аудиторий подписчиков (т.е. вокруг каждого сообщества складывается собственная аудитория, которая не подписана на другие аналогичные сообщества), во-вторых, такие сообщества не склонны устанавливать связи между собой посредством ссылок или упоминаний, образуя тем самым относительно изолированные сегменты сети. Похожее исследование, но с использованием иного инструментария, представлено Л.В. Сморгуновым и А.С. Шерстобитовым. Они анализировали социальную сеть «ВКонтакте», выявляя отношения между группами и индивидами с последующим отнесением их к «провластному» или «протестному» сегменту (по 50 элементов в каждом). Ими были выявлены низкая степень плотности в каждом из сегментов и высокий уровень децентрализации [6. С. 91–92]. Результаты этого исследования сопоставимы с нашими данными: и те и другие свидетельствуют о слабой связи между сообществами в пространстве интернета, даже если эти элементы тематически близки между собой.

Таким образом, мы приходим к выводу, что интернет-коммуникация способствует фрагментации посредством специфики отбора информации и коммуникантов под каждый конкретный узел. Это усложняет процесс политического конструирования, с чем частично соглашается и Н.Г. Щербинина, ведя речь, в частности, о визуальном воздействии [2. С. 12]. В связи с этим политическая медиареальность сегодня еще больше диверсифицируется, так как пользователи имеют дело с разным набором медиафеноменов.

Вместо целостного текста с линейным и последовательным изложением информации мы получаем некую совокупность контентов (К1 + К2 + К3, где К1 – совокупность контентов, созданных конструкторами в рамках онлайн-ресурса «X», К2 – совокупность контентов, созданных пользователями в рамках онлайн-ресурса «X», К3 – совокупность контентов, не являющихся частью онлайн-ресурса «X», но являющихся частями иных онлайн-ресурсов и благодаря действиям пользователей или конструкторов, интегрированных с контентом онлайн-ресурса «X» как части одного метатекста), которая изменчива и не представляет собой единого текста, но текст этот будет зависеть от действий конкретных субъектов – конструкторов и пользователей (где и те и другие выступают соавторами). Однако пользователи не прочитывают онлайн-ресурс целиком (К1 + К2), как и не читают всю имеющуюся информацию в интернете, связанную с онлайн-ресурсом (К3). Пользователь отбирает месседжи (контенты). Если выразить результат отбора через коэффициент р (значение которого мо-

жет лежать в пределах от 0 до 1) для каждого типа контента, то получим уравнение

$$p_1(K1) + p_2(K2) + p_3(K3) = N,$$

где N – тот конечный текст (совокупность месседжей), который прочитывается пользователем.

Опираясь на формулу, можно дополнить представление об интернете как о кодирующей призме, через которую можно смотреть на действительность. Чем-то напоминает калейдоскоп, который делает возможным из множества разноцветных частей посредством их перемешивания создавать изображения. Интернет переполнен такими частями: текстами самой разной формы (печатный текст и мультимедиа, дизайн и структура, действия пользователей и связи между ними, наличие или отсутствие площадок для коммуникации, внутренние и внешние правила и регуляторы, социальные практики). Некоторые из них, попадающие в поле внимания пользователей, складываются в изображение калейдоскопа. Эффект калейдоскопа обязывает пользователей хотя бы на минимальном уровне осмысливать получившиеся изображения, объясняя связь между элементами. Не обязательно рационально, возможно эмоционально или интуитивно. И чем меньше информации дает каждый элемент изображения, чем менее выражены связи между ними, тем сильнее достраивание, в результате которого одни смыслы утрачиваются, а другие усиливаются. Когда ряд элементов, объединенных схожим смыслом, доминирует среди всех элементов изображения калейдоскопа, его влияние на осмысление и достраивание образа должно возрастать. Другими словами, элемент K3 определяет прочтение элемента K1, так как его удельный вес значительно выше. Таким образом, получается, что фильтры начинают проявляться уже не со стороны алгоритмов, а со смысловой: пользователи даже альтернативные тексты читают и воспринимают «по-своему». С каждой новой интернет-сессией конечный текст N из предыдущей сессии переходит в уравнение новой сессии как часть нового K3.

Можно ли создать такое уплотнение в сети, контакты внутри которого приведут к формированию общего опыта через взаимодействие со схожей информацией? Такое предположение основано на идее сетевого научения (network learning), которое представляет собой «совокупность процессов спонтанного и сознательного изменения поведения индивидов, организаций и сетевого сообщества в целом под влиянием сетевой структуры взаимодействий и совместного знания в сетях» [6. С. 130]. Оно предполагает научение через взаимодействие. То есть происходит формирование сообщества, члены которого учатся оценивать и осмысливать общие проблемы, когда растет значение общих ценностей, интересов, смыслов [6. С. 132]. Сетевые уплотнения выполняли бы роль медиа.

Сама по себе это сложная задача, поскольку количество потенциальных соавторов исчисляется тысячами или даже миллионами человек. Всем им нужно взаимодействовать, чтобы обсуждать и обмениваться идеями (с одной стороны – для создания и приобщения к общему контексту, с другой – для выработки решений). Однако выгода от такого взаимодействия очевидна – «разные точки зрения позволяют генерировать новые идеи, что приводит к большему пониманию самого инновационного процесса: от пространства знаний через пространство согласия в пространство инноваций» [14. С. 10]. Указанные три пространства, согласно Г. Ицковицу, являются частью его авторской концепции тройной спирали по развитию территории, в основе которой лежит активное гражданское общество [14. С. 6]. Пространство знаний представляет собой имеющиеся ресурсы; пространство согласия – консенсус между ключевыми акторами; а пространство инноваций – результат использования ресурсов и появление новых решений. Гражданское общество должно функционировать в особой творческой среде, чтобы рождать инновации и создавать умный город, т.е. приходить к согласию о целях и результатах использования имеющихся ресурсов. Создать такую среду для множества людей, по нашему мнению, – один из вариантов формирования общей медиареальности посредством интернета. Эту среду можно назвать умным сообществом, тем самым указывая на интегративную роль города. О том, что «умное сообщество» является и целью, и средством умного города», пишет также А.И. Щербинин [15. С. 185]. Как и Ицковиц, он отмечает, что потенциал умных сообществ способствует образованию инновационной экосистемы.

Важно отметить, что восприятие самого города участниками обсуждения играет ключевую роль в коммуникации. Мы разделяем позицию К. Линча, что город – это пространство, которое можно воспринимать не только органами чувств, но и на уровне абстракций и воображения, и даже темпорально [16. С. 51]. При этом возникновение групповых образов необходимо «для того, чтобы индивид мог успешно функционировать в пределах своего окружения, вступая в эффективные контакты с себе подобными» [16. С. 50]. Значимую роль в этом играет бренд города, или его имидж, т.е. то, как город осмысливается. Н.Г. Щербинина объясняет: «Обсуждение бренда города в сетевой коммуникации создает “типизации” или клише, согласно которым как бы отбираются ценностные ориентации, в том числе и относительно особенностей бренда города, что и позволяет осуществлять процесс социального конструирования реальности» [17. С. 196]. На этой основе формируется идентичность. Город сам становится смысловым миром, приобретает значение, которое может послужить базисом общего символического универсума.

Городская лаборатория «BMW Guggenheim Lab» поставила своей целью выявить наиболее обсуждаемые тренды и идеи в городском мышлении. Полученные данные демонстрируют, что городское мышление, независимо от того, связано ли оно с архитектурой или урбанизмом, стало значительно меньше ориентировано на инфраструктуру и больше – на конечную цель и причину существования городов, т.е. благосостояние людей, которые населяют их и составляют их душу и суть [18]. «Кластер», «сосредоточиться» и «сотрудничать», по-видимому, в последнее время стали тремя основными понятиями городского мышления.

Показательно в этом ключе исследование томской молодежи, проведенное проектной группой кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета в рамках гранта РФФИ № 19-011-31231 «Политическая социализация молодежи в университетских городах». Опрос охватывал молодых людей в возрасте от 18 до 26 лет – учащихся высших и средне-специальных учебных заведений. Полученные результаты показывают, что жизнью города интересуются 61,7% опрошенных. При этом молодежь осознает и выделяет широкий круг проблем, включая не только личные, но и социально значимые, которые волнуют их больше всего на момент проведения опроса (всего более 500 разновидностей проблем). Тем самым представители молодежи демонстрируют наличие интереса и внимания к разнообразному набору вопросов, в том числе таким, которые затрагивают условия городской среды и взаимодействие с ней человека. Также молодые люди предпочитают опираться на собственные силы при решении проблем (81,3%), в то время как на государство надеется лишь небольшая их часть (9%).

Вместе эти результаты демонстрируют возможность включения молодежи в процесс выработки и обсуждения решений в рамках стратегии городского развития, т.е. молодые люди потенциально готовы стать частью «умного сообщества». И даже несмотря на тот факт, что зачастую время и внимание молодого поколения тратится на социальные сети в интернете, опрос показывает, что 61,7% молодежи делает это исходя из потребности в коммуникации (другими вариантами ответа были: информация – 60%, самопрезентация – 6,3, свобода – 16, досуг – 26,8%). А значит, при правильном управлении коммуникацией этих людей можно вовлечь в общественное обсуждение. Также респондентам было предложено обозначить свое участие или неучастие в шести формах политической активности, среди которых две осуществляются с использованием интернета – «подписываю электронные обращения» и «делюсь в социальных сетях информацией о политике». Обе эти активности оказались востребованными у молодежи. Так, подписывают электронные обращения 24,7% опрошенных. Этот пункт уступает только участию в волонтерском движении. Делятся информацией в социальных сетях 19,5% опрошенных, этот ответ на четвертом месте по популярности. Как видно из сравнения с другими вариантами, онлайн-формы политической деятельности готовы осуществлять приблизительно в два раза больше людей по сравнению с теми, кто участвует в митингах, демонстрациях или работе политических партий. Онлайн-деятельность не ограничивается только обсуждением, но предполагает реальные действия с целью повлиять на принятие политических решений. Полученные результаты говорят не о пассивности молодежи или абсентеизме, но о готовности и / или желании проявлять социально-политическую активность в виртуальной среде.

Подводя общий итог, можно заключить, что коммуникация в интернете не способствует формированию общей политической медиареальности. Алгоритмы интернета в сочетании с пользовательской практикой ведут к фрагментации коммуникативных потоков, что мешает пользователям взаимодействовать друг с другом, приводя к своего рода информационной изоляции. Представленное исследование позволяет сделать вывод о возможности создавать общий опыт для разных пользователей с учетом сетевого строения глобальной сети. Этому способствует включение пользователей в смысловую коммуникацию, тематическим основанием для которой может выступать город и его образ. Так как проанализированные особенности интернета не позволяют такому виду коммуникации сложиться естественным образом, потребуется целенаправленное воздействие, т.е. управление коммуникацией, основной задачей которого должно выступать создание умного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербинина Н.Г. Определение медиареальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 219–232. DOI: 10.17223/1998863X/50/19
2. Щербинина Н.Г. Визуальный феномен в политической репрезентации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 5–13.
3. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М. : Вильямс, 2004. 432 с.
4. Johnson D.G. Reflections on Campaign Politics, the Internet, and Ethics // The Civic Web. Online Politics and Democratic Values. Boston : Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2003. P. 9–18.
5. Кастельс М. Власть коммуникаций / пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
6. Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. Политические сети. Теория и методы анализа. М. : Аспект Пресс, 2014. 320 с.
7. Больц Н. Азбука медиа. М. : Европа, 2011. 136 с.
8. Kemp S. Digital in 2018: essential insights into internet, social media, mobile, and ecommerce use around the world. 2018. 153 с. URL: https://digitalreport.wearesocial.com/download (дата обращения: 18.10.2019).
9. Moyle G. Long tail CTR study: the forgotten traffic beyond top 10 rankings // Moz. 2014. URL: https://moz.com/blog/mission-imposserpble-3-we-need-to-think-beyond-the-top-10 (дата обращения: 18.10.2019).
10. Fessenden Th. Scrolling and attention group // Nielsen Norman Group. 2018. URL: https://www.nngroup.com/articles/scrolling-and-attention (дата обращения: 18.10.2019).
11. Уочбройт Р. Надежность и достоверность: проблема информации в Интернете // Интернет в общественной жизни. М. : Идея-Пресс, 2006. С. 39–54.
12. Манойло А.В. Криминализация информационного пространства и преступная деятельность экстремистских группировок в социальных сетях // Межрегиональное бюро судебных экспертиз имени Сикорского. М., 2016. URL: https://www.expertsud.ru/content/view/207/36/ (дата обращения: 30.08.2019).
13. Федорченко С.Н., Лымарь Е.М., Федорченко Л.В. Итоги глобального исследования политизации социальных сетей // Стратегическая стабильность. 2016. № 4 (77). С. 69–73.
14. Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. № 4 (150). С. 5–10.

15. Щербинин А.И. «Умные города» – тренд XXI века: вызовы времени и российские практики // ПРАΞНМА: проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 179–191. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-179-191
16. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева. М. : Стройиздат, 1982. 328 с.
17. Щербинина Н.Г. Особенности позиционирования города-бренда в цифровую эпоху // ПРАΞНМА: проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 192–201. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-192-201
18. Solomon R. 100 Urban Trends: A Glossary of Ideas from the BMW Guggenheim Lab. New York : Guggenheim Foundation, 2013. URL: http://www.bmwguggenheimlab.org/100urbantrends/#!/about/ (дата обращения: 30.05.2019).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 11 января 2020 г.

The Role of the Internet as a Co-Constructor of Political Media Reality

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 111–115.
DOI: 10.17223/15617793/453/13
Anton Yu. Krasnopyorov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krasnopyorov.anton@gmail.com
Keywords: media reality; Internet; communication; smart community; city.
This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-31231.

This article is devoted to the study of the role of the Internet in political media reality. The author refers to the definition of media reality by N.G. Shcherbinina and offers to apply it to Internet communication. The objective is to study the main features of the global network, its influence on program algorithms and user behavior. In this regard, the author points to the differences between the Internet and other forms of media, emphasizing the network nature of communication and the active user involvement in the selection of information. While selecting data, the user applies special programs and options which lead to the individualization (customization) of information. This is also relevant to the selection of people who the user communicates with. Altogether, it leads to informational and associational fragmentation, which can result in situations when the user faces different media phenomena, which consequently leads to the formation of different media realities. The findings are supported by the equation that demonstrates the model of selecting information out of available content by the Internet user. The processes mentioned above are greatly influenced by Internet algorithms, i.e., the technological and logical structure of the global web. The author also considers the possibility of forming the same media reality for all people using Internet network communication. For this purpose, it is offered to involve network users in the discussion and making of decisions in the sphere of urban development. It is assumed that the basis for forming a media reality could be the image of the city. In the conclusion, the author states that Internet communication does not contribute to the construction of a shared political media reality; however, this type of media could be used for this purpose, but it requires the right approach to managing communication flows. However, such managing may be ineffective if it does not include active user involvement and integrative function of political meanings. The data of two studies are given in the article: (1) the identification of connections among the audiences of the VK social network and cross-references among communities with a view to reflect thematic isolation of similar information platforms by the author; (2) the questionnaire survey of the youth in Tomsk conducted in the summer of 2019 with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (Political Socialization of Youth in University Cities. Project No. 19-011-31231).

REFERENCES

1. Shcherbinina, N.G. (2019) The Definition of Media Reality and Communication in the Context of the Theory of the Political Construction of Reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 219–232. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/19
2. Shcherbinina, N.G. (2012) The Visual Phenomenon in Political Representation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3 (19). pp. 5–13. (In Russian).
3. Bryant, F. & Thompson, S. (2004) *Osnovy vozdeystviya SMI* [Fundamentals of Media Effects]. Translated from English. Moscow: Vil'yams.
4. Johnson, D.G. (2003) Reflections on Campaign Politics, the Internet, and Ethics. In: Anderson, D.M. & Cornfield, M. (eds) *The Civic Web. Online Politics and Democratic Value*s. Boston: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. pp. 9–18.
5. Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikatsiy* [Communication Power]. Translated from English by N.M. Tylevich. Moscow: HSE.
6. Smorgunov, L.V. & Sherstobitov, A.S. (2014) *Politicheskie seti. Teoriya i metody analiza* [Political Networks. Theory and Methods of Analysis]. Moscow: Aspekt-Press.
7. Bolz, N. (2011) *Azbuka media* [The ABC of Media]. Translated from German. Moscow: Evropa.
8. Kemp, S. (2018) *Digital in 2018: Essential Insights Into Internet, Social Media, Mobile, and Ecommerce Use Around the World*. [Online] Available from: https://digitalreport.wearesocial.com/download. (Accessed: 18.10.2019).
9. Moyle, G. (2014) *Long tail CTR study: the forgotten traffic beyond top 10 rankings*. [Online] Available from: https://moz.com/blog/mission-imposserpble-3-we-need-to-think-beyond-the-top-10. (Accessed: 18.10.2019).
10. Fessenden, Th. (2018) *Scrolling and attention group*. [Online] Available from: https://www.nngroup.com/articles/scrolling-and-attention. (Accessed: 18.10.2019).
11. Wachbroit, R. (2006) Nadezhnost' i dostovernost': problema informatsii v Internete [Reliance and Reliability: The Problem of Information on the]. Translated from English. In: *Internet v obshchestvennoy zhizni* [The Internet in Public Life]. Moscow: Ideya-Press. pp. 39–54.
12. Manoylo, A.V. (2016) *Kriminalizatsiya informatsionnogo prostranstva i prestupnaya deyatel'nost' ekstremistskikh gruppirovok v sotsial'nykh setyakh* [Criminalization of the Information Space and Criminal Activities of Extremist Groups in Social Networks]. [Online] Available from: https://www.expertsud.ru/content/view/207/36/. (Accessed: 30.08.2019).
13. Fedorchenko, S.N., Lymar', E.M. & Fedorchenko, L.V. (2016) Results of Global Research Politicization Social Networks. *Strategicheskaya stabil'nost'*. 4 (77). pp. 69–73.
14. Itskovits, G. (2011) Model' troynoy spirali [A Triple Helix Model]. *Innovatsii – Innovations*. 4 (150). pp. 5–10.
15. Shcherbinin, A.I. (2018) Smart Cities as a Trend of the 21st Century: The Current Challenges and Russia's Practices. *ПРАΞНМА: problemy vizual'noy semiotiki – ПРАΞНМА. Journal of Visual Semiotics*. 3 (17). pp. 179–191. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-179-191
16. Lynch, K. (1982) Obraz goroda [The Image of the City]. Translated from English by V.L. Glazychev. Moscow: Stroyizdat.
17. Shcherbinina, N.G. (2018) Features of Positioning of the City as a Brand in the Digital Age. *ПРАΞНМА: problemy vizual'noy semiotiki – ПРАΞНМА. Journal of Visual Semiotics*. 3 (17). pp. 192–201. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-192-201
18. Solomon, R. (2013) *100 Urban Trends: A Glossary of Ideas from the BMW Guggenheim Lab*. New York: Guggenheim Foundation, [Online] Available from: http://www.bmwguggenheimlab.org/100urbantrends/#!/about/. (Accessed: 30.05.2019).

Received: 11 January 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 116–123. DOI: 10.17223/15617793/453/14

УДК 316.342.5

Д.В. Покатов

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Рассматриваются особенности становления и развития одной из относительно новых областей научного знания – социологии политической элиты. Выявляются объективные факторы и субъективные условия, способствующие процессу ее институциализации в современной России. Основное внимание обращается на анализ изучения политических элит на региональном уровне. Автор выделяет и анализирует три важнейших этапа, сопровождающих процесс возникновения и развития отечественной социологии политической элиты региона.

Ключевые слова: элита; политическая элита; региональная политическая элита; социология политической элиты; транзитологические, стратификационные, статусно-композиционные исследования.

Развитие предметной области любой науки связано с неизбежным формированием относительно новых областей и направлений. Не является здесь исключением и социология. Прошедшие с момента ее возрождения в конце 80-х гг. прошлого века годы свидетельствуют о появлении в ее границах новых научных сфер и отраслей, в том числе и социологии элиты. Ее формирование сопровождается определением особого научного дискурса, ряда важнейших методологических подходов и ориентаций, особой совокупности методов научного анализа, а также научного сообщества исследователей элит в России.

В последние годы основное внимание исследователей обращалось в первую очередь на проблемы развития социологии политической элиты применительно к изучению западных и отечественных элит федерального уровня. Это вполне оправданно, учитывая потенциал их развития и имеющуюся теоретическую и эмпирическую базу. Вместе с тем нельзя не учитывать и региональную специфику развития элитных групп, и накопленный за последние годы значительный материал, составляющий базу их перспективного изучения.

Касательно самих региональных политических элит, рассматриваемых как относительно небольшие социальные группы, объединяющие выходцев из различных социальных групп, профессионально занимающихся политической деятельностью, обладающих необходимыми ресурсами и средствами для воздействия на общество и действующих как на федеральном, так и на региональном уровне, можно говорить об объективном характере активизации научного и исследовательского интереса к ним. С одной стороны, кажется, прошли те времена, когда их влияние на социально-политические процессы в обществе было достаточно заметным. Начиная с 2000-х гг. в процессе глубинных политических изменений, инициированных представителями федеральной политической элиты, роль элитных субъектов региона существенно изменилась. В результате в обществе постепенно росло убеждение, что региональные элиты – это лишь вторичные субъекты реализации административно-хозяйственных функций и политических проектов, разработанных на федеральном уровне. Однако хотя на первый взгляд и кажется, что политические решения, принимаемые представителями федеральной политической элиты, и привели к вытеснению на периферию социально-политического процесса представителей региональных элит, как думается, это только кажущаяся видимость, имеющая более глубинную сущность.

События последнего времени говорят об обратном. Об этом, в частности, свидетельствует и избрание губернаторами ряда областей и мэрами городов представителей оппозиционных элитных кругов, или контрэлиты. Также выступление главы Чеченской Республики Р. Кадырова относительно событий в Мьянме в конце августа – начале сентября 2017 г., связанных с репрессиями против мусульманского населения одной из областей данного государства, как можно судить по имеющимся прямым и косвенным данным, приводимым российскими СМИ, показало некоторую дихотомию подходов региональной и федеральной элит. Отставки ряда глав российских регионов, которые вновь начались с конца сентября – октября 2017 г. и продолжаются сегодня, во многом свидетельствуют о том, что федеральные политики еще в преддверии президентских выборов, проходивших в марте 2018 г., не всегда могли положиться на некоторых представителей региональной политической элиты.

В более глобальном контексте можно согласиться с отечественным социологом элит А.Е. Чириковой [1. С. 48], что региональное многообразие России, уникальная культура российских регионов, в том числе политическая, позволят говорить о том, что «весть о политической смерти региональных элит» как особого предмета научных исследований является явно преувеличенной. Данное суждение вполне соответствует тому, что усложнение структуры общества вызывает потребность в деятельности особой статусной группы, выполняющей, в том числе, функции управления и осуществляющей регулирование различных процессов, протекающих в нем. Для всего общества оказываются значимыми предпринимаемые политической элитой в целом и региональной элитой в частности действия, направленные на обеспечение социальных условий жизнедеятельности населения, поддержание и совершенствование всей социальной системы и отдельных его уровней, предотвращение в ней конфликтов. В результате от эффективности такой деятельности зависит сохранение стабильности как всей общественной системы, так и отдельных подсистем, что создает предпосылки для их дальнейшего развития.

Применительно к региональной элите следует сказать и о ее неразрывной двуединой функциональности. С одной стороны, она выступает субъектом проведения стратегических целей и проектов, инициируемых федеральным центром, приспосабливая их к особенностям развития конкретных регионов. С другой стороны, как верно отмечал еще крупнейший отечественный философ начала XX в. Н.А. Бердяев, «люди центров» в разное время с трудом угадывали волю «народа из глубинки» (по причине опосредованности связи с ним) [2. С. 69]. В результате резко возрастали роль и значение именно региональных политических элит, выступающих своеобразным аккумулятором настроений и установок основной массы населения региона и проводником, представляющим их федеральным властным институтам, что в реальности способствовало ослаблению напряженности между населением региона и федеральной властью.

Несомненно, сохранение роли и позиций региональной элиты связано и с утвердившимися в условиях мобилизационного типа общественного развития неразвитостью институтов гражданского общества и слабой общественной активностью. Исходя из этого, само прогнозирование дальнейшего хода преобразований, особенно на региональном уровне, было объективно связано с активизацией процесса становления социологии политической элиты и такой ее важной отрасли, как социология политической элиты региона.

Становление данной отрасли проходило в достаточно сложных условиях, связанных с процессом самого возрождения социологической науки, становлением ее современного категориального аппарата, апробированных методик изучения многих социальных явлений и процессов, ориентацией на сложившиеся западные парадигмы, неучетом и имеющегося отечественного опыта изучения многих явлений. При этом применительно к элите можно сказать и о том, что среди исследователей и тогда, и даже сейчас продолжало господствовать мнение, что социология элиты является продуктом только западного интеллектуального опыта, а это связано с не совсем критическим утверждением о создании социологии политической элиты представителями макиавелистического направления в итало-германской социологической традиции – Г. Моска, В. Парето и Р. Михельсом. Однако обращение к истокам отечественной социологии политической элиты позволяет говорить о том, что еще в 70-е гг. XIX в. известный российский социолог А.И. Стронин (задолго до В. Парето и Г. Моски) употреблял в своих работах «Политика как наука» и «История общественности» понятия «политический» и «правящий» классы [3].

Социологические исследования элит в целом и региональных элит в частности возобновляются в бывшем СССР, а затем и в России в конце 80-х гг. XX в. Можно выделить три этапа их становления и эволюции: I этап – зарождения и формирования категориальной и методологической базы изучения региональных элит (конец 80-х гг. XX в. – 2000 г.); II этап – диверсификация научно-исследовательского аппарата исследования, постепенное оформление исследовательских подходов и ориентаций, особых групп исследования элит, в том числе транзитологических и стратификационных (2000–2010 гг.); III этап – новейших исследований региональной элитной проблематики, закрепление статусно-композиционных исследований, совмещающих теоретико-методологические основы социологического анализа политических элит с рассмотрением их базовых социальных параметров на основе использования эмпирических, конкретно-социологических методов (2010 г. – н. в.).

I период в изучении региональных элит был (конец 80-х гг. XX в. – 2000 г.) связан, как уже отмечалось выше, с определением категориальной и методологической основы изучения политических элит. На данном этапе в рамках социологических исследований появились, по сути, различные тематические направления, тяготеющие к ряду областей научного знания. Среди них выделялись социально-исторические, социально-философские, социально-психологические и чисто социологические исследования. В рамках последних исследователи уделяли внимание проблемам становления и развития как федеральной политико-административной, так и региональной политической и административно-бюрократической групп. При этом значительное внимание в появившихся в то время исследованиях уделялось самой интерпретации сущности и роли как федеральной, так и региональной политической элиты, а также происходящим в данной группе трансформационным изменениям, что было неслучайно в свете актуального вопроса о потенциальной возможности элиты проводить реформаторский курс.

Вместе с тем анализ сущности политической элиты проводился в условиях дихотомии ряда парадигмальных линий, среди которых можно выделить: относительно содержания категории «элита» – классические и современные, использующие уже апробированные ранее меритократические и позиционные парадигмы, относительно границ – структурные и функциональные и субъективные и институциональные. Следует отметить, что классическую позиционную парадигмальную линию фактически заложили представители «макиавеллистской» школы Г. Моска, В. Парето и Р. Михельс, рассматривавшие элиту в основном в политическом контексте в рамках дихотомии – организованная правящая элита, непосредственно связанная с властными институтами и использующая, как правило, реальные институциональные возможности, и неорганизованное большинство, лишенное возможностей влияния на общество. Позиционный подход, сформировавшийся во многом благодаря классикам теории элиты (прежде всего, названным выше Г. Моска, В. Парето и Р. Михельсу), отстаивал как раз идеи об элите как относительно небольшой, сплоченной социальной группе, включающей лиц, занимающихся политической деятельностью и находящихся на ведущих позициях в системе власти и управления. В отечественной классической социологии политической элиты позиционный подход получил развитие, прежде всего, в трудах К.Н. Леонтьева [4], В.С. Соловьева [5], Б.Н. Чичерина [6] и некоторых других ученых. Антиподом ему являлся меритократический, ценностный подход, представители кото-

рого обосновывали в большинстве случаев в публицистической форме идеи об элите как социальной группе, объединяющей высокоодаренных, интеллектуально развитых и нравственно ориентированных деятелей. Особенно это было характерно для таких направлений дореволюционной отечественной социологии, как субъективная социология (П.Л. Лавров [7], Н.К. Михайловский [8]), социологии народничества и анархизма (М.А. Бакунин [9], П.А. Кропоткин [10] и др.).

Отмеченные выше подходы стали весьма востребованными в условиях данного этапа ввиду отсутствия наработанных методик изучения элит. При этом особенно распространенным, в том числе по причине объективной отечественной реальности с продолжающимся господством мобилизацинного типа общественного развития, характеризующегося слабостью общественных, гражданских структур, и доминированием институтов власти, стал позиционный подход, проявившийся в исследованиях Г.К. Ашина, Л.В. Бабаевой, Е.Я. Таршис, Л.А. Резниченко, О.В. Гаман-Голутвиной, А.В. Понеделкова [11]. Исследования Г.К. Ашина [12], Л.В. Бабаевой, Е.Я. Таршис, Л.А. Резниченко [13] и О.В. Гаман-Голутвиной [14] носили фундаментальный характер и по причине подробного анализа подходов, представленных в различных западных и отечественных школах элитологии, и ввиду широкого спектра как общетеоретических вопросов (в том числе анализа сущности, происхождения, структуры, функций и видов элитных групп), так и прикладных проблем (специфики дореволюционных и советских элит, особенностей процесса трансформации политической элиты, рекрутирования и элитного образования и многих других).

Придерживаясь позиционного, структурно-функционального подхода, Г.К. Ашин и О.В. Гаман-Голутвина развивали также в своих исследованиях идею об элите как особой универсальной группе, действующей в российском обществе на различных этапах ее развития. При этом О.В. Гаман-Голутвина давала характеристику таких ее форм, неразрывно связанных с государством и его институтами, как боярство, дворянство, имперская бюрократия, советская номенклатура и современная российская элита. Это вполне соответствовало развиваемому ею подходу мобилизационного развития российского общества.

Так же как и О.В. Гаман-Голутвина, из идеи недемократического, этатисткого характера развития российского общества при оценке природы российской элиты исходил известный отечественный элитолог М.Н. Афанасьев, представивший, однако, альтернативное видение особенностей взаимосвязи элит и социума. Основное внимание его исследований было обращено на анализ патронажно-клиентельных связей как особого средства адаптации со стороны масс и механизма управления со стороны правящих элит, который стал складываться еще в советский период [15]. Значительный вклад с позиции позиционного подхода в изучение как федеральной, так и региональной политической элиты, особенностей формирования и мобильности различных элитных групп (с опорой на значительный эмпирический материал) внесла и известный российский элитолог О.В. Крыштановская [16].

Относительно небольшую группу представляли исследования, в которых анализ политической элиты, в основном федерального уровня, велся с меритократических, ценностных позиций. Здесь прежде всего можно отметить работы Б.М. Пугачева [17].

Наряду с рассмотрением сущности и природы политических элит, о чем уже говорилось выше, достаточно большую группу исследований составили работы, в которых затрагивался вопрос о трансформациях в элитных группах. Все многообразие позиций исследователей по данному вопросу сводилось к преимущественно негативным либо позитивным оценкам. При этом сторонники негативного концепта или полностью отрицали происходящие в элите изменения, или говорили лишь о частичной трансформации, которая совершалась под контролем старой элиты [18]. Представители второго, относительно немногочисленного «позитивного» направления в оценке трансформации отстаивали идею о том, что произошла либо частичная, либо значительная трансформация элитного слоя. Ряд данных исследователей считали, что вопрос о конвертации статуса номенклатуры выглядит некоторым упрощением в силу своей недостаточной доказательности, невозможности объяснить причины сохранения значительного слоя номенклатуры в элите до самого начала 2000-х гг., а также того, почему представили советского правящего слоя получали и получают поддержку избирателей в условиях конкуренции на выборах. В этой связи, по мнению, И.Е. Дискина, их нельзя определять как номенклатуру [19].

Накопленный в I период потенциал изучения политических элит в целом и региональных политических элит в частности позволил перейти к новому, II этапу (2000–2010 гг.), на котором произошла значительная диверсификация научно-исследовательского аппарата исследования региональной политической элиты, постепенно сформировались новые исследовательские подходы и ориентации научного анализа региональных элит.

На данном этапе продолжали активно развиваться теоретико-методологические и социально-исторические направления, в рамках которых рассматривались как понятие, характерные черты, структура политической и административной элиты, так и формы и принципы ее рекрутирования и функционирования. Одним из фундаментальных исследований этого периода была монография В.П. Мохова, в которой анализировались периоды в изучении отечественной социологии элиты, давался анализ факторов эволюции именно региональной политической элиты (с 1945 по 1991 г.), динамики ее профессионально-личностного потенциала, в том числе социального происхождения, образования, карьерных траекторий, форм рекрутирования [20. С. 61–214]. Значительный фактический материал, позволяющий судить о социальном портрете как федеральной, так и региональной элиты, формах и механизмах ее рекрутирования и отдельных аспектах функционирования, был представлен в монографии ведущего российского специалиста по социологии элит О.В. Крыштановской [21].

На II этапе развития отечественной социологии политической элиты происходит, по сути, формиро-

вание особых групп исследований, обоснованно определенных В.Я. Гельманом и И.Г. Тарусиной [22. С. 12–14] как стратификационные и транзитологические.

В рамках стратификационных исследований, как правило, рассматривались проблемы генезиса элиты как особой социальной группы, особенностей ее рекрутирования, траектории элитных карьер и т.д. Транзитологические исследования, как правило, затрагивали достаточно важную проблему трансформации политической элиты, рассматриваемую в контексте ее влияния на модернизационные процессы, происходящие в обществе.

Применительно к изучению региональной политической элиты к первому направлению, стратификационным исследованиям, дающим представление об общих признаках региональной элиты, ее характерных чертах, особенностях рекрутирования, месте в системе властных отношений можно отнести исследования А.В. Дуки [23], М.М. Плотниковой [24], О.В. Крыштановской [25], А.Е. Чириковой [26], авторского коллектива под руководством А.П. Ситникова [27], проведшего исследование в 66 регионах Российской Федерации, в ходе которого были опрошены 1 702 эксперта из числа информированных представителей административной элиты, бизнеса и общественности, и др.

Второе, транзитологическое, направление, концентрирующее внимание на изучении процессов трансформации региональных элит, структурных сдвигах в них, процессах элитного воспроизводства, проблемах внутригруппой организации, консолидации, конфронтации, взаимодействия различных региональных элитных групп, представлено в трудах М.Н. Афанасьева [28], А. Дахина [29], Р. Туровского [30] и др.

Отдельную группу составляли статусно-композиционные исследования, совмещающие теоретико-методологические основы социологического анализа политических элит с рассмотрением их базовых социальных параметров, для чего активно использовались эмпирические методы анализа элитных групп. Применительно к региональной проблематике они были представлены несколькими направлениями. В исследованиях А.К. Магомедова [31] и А.В. Понеделкова [32] затрагивалась проблема ценностных и политических ориентаций региональной элиты. В рамках данного этапа развития социологии политической элиты значительно активизировался процесс научного анализа взаимодействия различных групп элиты применительно к региональному уровню, в том числе политической и бизнес-элиты [33]. Но, к сожалению, практически не получил развития вопрос о внутриэлитных взаимодействиях, что будет характерно для следующего этапа.

Ряд авторов представили в своих работах достаточно интересный кросс-культурный анализ региональных моделей взаимодействия политических и бизнес-элит. В частности, Н.Ю. Лапина, анализируя процессы взаимодействия между различными типами элитных групп, дала характеристику таких моделей, как «патронаж», «партнерство», «приватизация власти, «война всех против всех» [34].

Из сравнительно новых исследований данного периода стоит отметить монографию П.С. Шараева, в которой представлен анализ элиты, функционирующей в одной из ветвей власти – законодательной (на примере трех субъектов России – Кемеровской, Новосибирской и Томской) [35]. В дальнейшем данную линию в изучении элит продолжили самарские социологи, историки и политологи, выпустившие коллективную монографию, посвященную комплексному рассмотрению процесса эволюции самарской (куйбышевской) элиты в 1960–1990-е гг. В ней на основе богатейшего эмпирического и фактологического материала показаны особенности процесса эволюции региональных элит в Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е гг. Большое внимание уделяется изучению роли партийно-административной, хозяйственно-экономической, военной, духовной элит в процессе развития Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е гг. [36].

II период развития социологии региональной политической элиты также ознаменовался активным изучением как базовых характеристик элит отдельных регионов, так и особенностей их функционирования применительно к отдельным регионам. Достаточно основательное исследование особенностей политического развития, региональных стратегий, роли в этих процессах политической элиты ряда областей (в том числе Астраханской, Иркутской, Мурманской и Оренбургской), а также электоральных оценок деятельности правящих там элит и специфики взаимодействия общества, власти и бизнеса провел авторский коллектив (под руководством Н. Петрова и А. Титкова), отразивший свое видение проблемы в монографии «Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник» [37].

Результаты проведенного в 2009 г. опроса экспертов и представителей административно-политической элиты ряда регионов Южного федерального округа по вопросам, касающимся как базовых личностно-профессиональных характеристик региональных элитных групп, так и направлений их деятельности, легли в основу работы В.В. Рудого, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина и В.Д. Лысенко [38].

Существенно дополнило представления о мировоззрении элит исследование, проведенное группой авторов под руководством М. Тарусина, представлявших Институт общественного проектирования. Оно охватило целый спектр российских регионов (30), включая Москву и Санкт-Петербург. Результаты его были представлены в работе «Сумма идеологии: мировоззрение и идеология современной российской элиты». Отказываясь от позиционного подхода в рассмотрении элит, авторы исследования склоняются к плюралистическому видению данной группы, идущему от трудов В. Парето, усматривая в элите не только правящую верхушку, но определенную совокупность лиц, представляющих наиболее авторитетные круги в различных сферах деятельности, в том числе политике, бизнесе, армии, искусстве, науке. Применяя, по существу, функционально-ценностный подход и методику глубинного интервью, они сосредотачиваются на анализе достаточно мало представленного в отечественной социологической

науке аспекта – мировоззрении элит. Спектр задаваемых представителям различных элитных групп вопросов был достаточно широк – от проблем социально-философского плана, включающих проблемы свободы, демократии, социальной справедливости, до чисто политических. Результаты исследования позволили сделать авторам вывод о высокой степени деидеологизации российских элит, что напрямую проявилось и в том, что свои политические позиции и взгляды представители элитных групп достаточно умело излагали в контексте социально-философских размышлений [39].

III период новейших исследований региональной элитной проблематики, по сути, начинается с 2010 г., когда последовавшие отставки губернаторов-«тяжеловесов» в ряде регионов несколько изменяют не только политические конфигурацию, но и направление исследований ряда важных проблем, связанных с региональными политическими элитами.

По сути, в рамках данного периода происходит закрепление статусно-композиционных исследований, объединяющих теоретико-методологические и эмпирические методики. Теория политической элиты все более приближается к уровню специальных социологических теорий, о которых говорил известный американский социолог Р. Мертон.

При этом меняется внешняя форма, кроме того, в рамках современных подходов, детерминируемых переходом к эпохе постмодерна, ряд социологов ставит вопрос об изучении элит не только и даже не столько в рамках уже устоявшихся дихотомических концептов – позиционного и меритократического, структурного единства или разнородности элитных групп. Теперь своеобразный водораздел проходит не столько по линии используемых элитой властных, экономических, военных ресурсов, сколько по линии концентрации реальных и виртуальных средств, характерных для сетевого общества. Примечательна здесь позиция испанского социолога М. Кастельса. В своем труде «Власть коммуникации» он утверждает, что демократическое осуществление власти, в конечном счете, зависит от институциональной способности преобразовывать смысл, порожденный коммуникативным действием, в функциональную координацию действий, организованных в государстве в соответствии с принципами конституционного консенсуса. В процессе своего развития общества как национальные общества, по мысли М. Кастельса, становятся сегментированными и постоянно видоизменяются под воздействием динамических сетей в их исторически унаследованных социальных структурах. По мере того как происходят сегментирование общества и определенная дезинтеграция масс, возрастает консолидация элит [40. С. 29].

Данный подход характерен для целого ряда исследований и по региональной политической проблематике, в том числе И. Гордеева, рассматривавшего векторы трансформации власти и политик в эпоху глобализации и постмодерна, а также целого ряда работ Ю.В. Ирхина, анализировавшего базовые трансформации общества постмодерна и выявившего обусловленные ими изменения роли властных институтов и связанных с ними элитных групп.

III период в изучении региональных политических элит ознаменовался также переходом от анализа межэлитных к рассмотрению специфики, механизмов и факторов внутриэлитных процессов. При этом в диапазон научного анализа включались как объективные, так и субъективные условия, влияющие на процессы внутриэлитной мобильности и определяющие облик элитных групп. Так, А.В. Шентякова, анализируя карьерный путь представителей различных сегментов элиты, отмечала, что для сотрудников исполнительной власти ключевым фактором влияния на построение карьеры является административный ресурс. При этом в данной группе исследователь выделяет «автономных профессионалов», строящих карьеру за счет своего опыта, профессиональных знаний и умений, и «патронажников», карьера которых зависит от внешней благоприятной карьерной среды. Для сегмента законодательной региональной элиты важными становятся социально-профессиональный статус и индивидуальный профессионализм [41. С. 398]. Данные траектории оказывают влияние не только на направленность действий данных типов элитных деятелей, но и зачастую определяют специфику их взаимодействия внутри элитных групп.

Исследование А.С. Быстровой, А.В. Дуки, А.Б. Даугавета и Д.Б. Тэва, проведенное в рамках позиционного подхода, на основе анализа 936 биографических анкет представителей политической элиты 10 регионов свидетельствовало об относительной гомогенности входящих в элиту групп, что, по их мнению, объяснялось рядом факторов. К их числу авторы справедливо относили закрытость бассейна рекрутирования, низкую вертикальную мобильность, близкие возможности получения образования и достаточно близкие социализационные механизмы, устойчивые тренды плутократизации современных элит, а также постепенное формирование общей социальной базы, во многом препятствующей приходу в элиту представителей из низов социальной структуры [42. С. 150–161, 164–165].

В целом новейший период в изучении элитных групп сопровождался использованием различных как количественных, так и качественных методов исследования. Так, в труде А.Е. Чириковой и В.Г. Ледяева, посвященном изучению элиты малых российских городов, активно использовались результаты 76 интервью с представителями правящей элиты ряда регионов. На основе проведенного в пяти малых российских городах в 2011–2015 гг. исследования авторы определили не только конфигурацию и иерархию акторов в городских сообществах, но и особенности взаимоотношений, складывающихся между важнейшими сегментами городских элитных кругов, их роль и значение в проводимой политике [43. С. 51–69]. Во многом это стало продолжением проведенных еще в 90-е гг. прошлого века исследований с применением качественной методологии анализа элитных групп ряда российских регионов авторской группой под руководством Л.М. Дробижевой [44], отраженных в исследовании «Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой», а также изучения базовых параметров федеральной элиты коллективами исследователей под руковод-

ством члена-корреспондента РАН К.И. Микульского [45], представивших исследовательские результаты в работе «Российская элита: Опыт социологического анализа. Концепция и методы исследования», и доктора политических наук, профессора А.В. Понеделкова. В целом, к сожалению, данные исследования пока не стали практикой изучения элитных групп, что имеет и свои объективные причины. Прежде всего к этому следует отнести сохраняющуюся закрытость элитных групп. Для количественных исследований сдерживающим фактором по сей день остается неточность в верификации границ элиты, которую можно объяснить не только несовершенством статистики, но и разностью используемых подходов и критериев в определении представителей, входящих в состав политической элиты как регионального, так и федерального уровней. Для качественных исследований наряду с закрытостью сдерживающими механизмами являются нежелание представителей элиты, имеющих ограниченные ресурсы времени, идти на контакт с экспертами, отсутствие у последних необходимых неформальных ресурсов, которые могли бы способствовать контактам с представителями элиты.

В целом, несмотря на имеющиеся трудности в изучении элитных групп, можно говорить о том, что процесс институциализации социологии политические элиты имеет свои несомненные достоинства. Хотя данная отрасль еще далека от окончательной стадии завершения формирования не только своего предметного поля, но и важнейших методологических подходов, однако имеющийся потенциал все отчетливее позволяет говорить об уходе от методологического разноголосья, характерного для I периода развития отечественной социологии политической элиты, и ставить вопрос о выработке особой интегрально-методологической парадигмы, позволяющей более целостно и системно проанализировать такой сложный социальный феномен, как политическая элита.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М. : Аспект Пресс, 2010. 271 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М. : Мысль, 1990. 206 с.
3. Стронин А.И. Политика как наука. СПб. : Типография Ф.С. Сущинского, 1872. 530 с.
4. Леонтьев К.Н. Достоевский о русском дворянстве // Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. М. : Республика, 1996. 800 с.
5. Соловьев В.С. Духовные основы жизни // Собрание сочинений. СПб. : Изд. Товарищества «Общественная польза», 1903. Т. 3. 586 с.
6. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. III: Политика. М. : Типография т-ва И.Н. Кушнер и К, 1898.
7. Лавров П.Л. Философия и социология. М. : Мысль, 1965. Т. 2. 703 с.
8. Михайловский Н.К. Сочинения. 4-е изд. СПб. : Обществ. Польза, 1907. Т. 2. 886 с.; Т. 6. 1046 с.
9. Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Философия. Социология. Политика. М. : Правда, 1989. 624 с.
10. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М. : Правда, 1990. 638 с.
11. Понеделков А.В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д. : Северо-Кавказский кадровый центр ВШ, 1995. 267 с.
12. Ашин Г.К. Современные теории элиты: Критический очерк. М. : Международные отношения, 1985. 256 с.
13. Бабаева Л.В., Таршис Е.Я., Резниченко Л.А. Методологические проблемы изучения российской элиты // Общество и экономика. 1994. № 11–12. С. 62–76.
14. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты: эволюция теоретических концепций. М. : РАГС, 1996. 36 с.
15. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. 2-е изд. М. : МОНФ, 2000. 318 с.
16. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 51–65.
17. Пугачев Б.М. Развитие советских и постсоветских элит // Россия и современный мир. 1995. № 3. С. 102–118.
18. Барзилов С.И., Чернышев А.Г. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 44–56.
19. Дискин И.Е. Россия: трансформации и элиты. М. : Элтра, 1995. 158 с.
20. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991). Пермь : Перм. кн. изд-во, 2003. 238 с.
21. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров-М, 2005. 384 с.
22. Гельман В.Я., Тарусина И.Г. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Элитизм в России: «за» и «против»: сб. материалов интернет-конференции / под общ. ред. В.П. Мохова. Пермь : ПГТУ, 2002. С. 12.
23. Дука А.В. Властные элиты: Социологический анализ // Элитизм в России: «за» и «против»: сб. материалов интернет-конференции / под общ. ред. В.П. Мохова. Пермь : ПГУ, 2002.
24. Законодательное собрание Иркутской области IV созыва в лицах: от назначения губернатора до проекта агломерации / под ред. М.М. Плотниковой. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2007. 194 с.
25. Крыштановская О.В. Формирование региональной элиты: Принципы и механизмы // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 6–15.
26. Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М. : Аспект Пресс, 2010. 271 с.
27. Самые влиятельные люди России-2003. М. : ИСАНТ, 2004. 696 с.
28. Афанасьев М.Н. Региональный вызов: Правящие региональные группировки в российском политическом процессе // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. М. : МОНФ, 1999.
29. Дахин А. Транзит российской власти на рубеже 2008 г.: Особенности политического управления // Политическая наука. 2009. № 2.
30. Туровский Р.Т. Центр и регионы. Проблемы политических отношений. М. : ГУ ВШЭ, 2007. 400 с.
31. Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России. М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2000. 224 с.
32. Понеделков А.В. Политическая наука в элитологическом измерении. Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2010. 512 с.
33. Элитизм в России: «за» и «против». Пермь : Перм. гос. техн. ун-т, 2002. 257 с.
34. Перегудов С., Лапина Н., Семененко И. Группы интересов и российское государство. М. : Эдиториал УРСС, 1999. С. 195–210.
35. Шараев П.С. Законодательные органы государственной власти в субъектах РФ в 90-е годы XX века (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей). Томск : Том. гос. ун-т, 2007. 197 с.
36. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е гг. Очерки истории / под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2014. 240 с.
37. Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник / под ред. Н. Петрова, А. Титкова. М., 2010.
38. Рудой В.В., Понеделков А.В., Старостин А.М., Лысенко В.Д. Региональные административно-политические элиты России: двадцать лет постсоветской эволюции (социологический анализ). Ростов н/Д, 2012. 48 с.

39. Тарусин М. и др. Сумма идеологии: мировоззрение и идеология современной российской элиты. М. : Ин-т обществ. проектирования, 2008. 296 с.
40. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : ГУ ВШЭ, 2016. 564 с.
41. Шентякова А.В. Модели и факторы карьеры представителей политической и административной региональной элиты // Власть и элиты / гл. ред. А.В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2014. Т. 1.
42. Быстрова А.С., Дука А.В., Даугавет А.Б., Тэв Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного общества // Власть и элиты / гл. ред. А.В. Дука. СПб. : Интер социс, 2017. Т. 4. С. 147–169.
43. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.
44. Дробижева Л.М. Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой. М. : Изд-во Ин-та этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая, 1996. 301 с.
45. Микульский К.И., Бабаева Л.В., Таршис Е.Я., Резниченко Л.А., Чирикова А.Е. Российская элита: Опыт социологического анализа. Концепция и методы исследования. М. : Наука, 1995. Ч. 1.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 10 января 2020 г.

The Russian Sociology of the Political Elite: Current Trends in Regional Development

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 116–123.
DOI: 10.17223/15617793/453/14

Dmitry V. Pokatov, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: dvpokatov@gmail.com

Keywords: elite; political elite; regional political elite; sociology of political elite; transitological; stratification; status and composition studies.

The article is devoted to the peculiarities of the formation and development of one of the relatively new areas of scientific knowledge—the sociology of the political elite. The author identifies objective factors and subjective conditions that contribute to its institutionalization in modern Russia when the pre-paradigmatic stage of its formation is practically completed, a special scientific discourse, a number of important methodological approaches and orientations, a special set of methods of scientific analysis, and the scientific community of elite researchers in Russia are developing. The author mainly focuses on the analysis of studies of political elites at the regional level using both general (including analysis and synthesis, induction and deduction) and specific (comparative historical, genetic and structural functional approaches) scientific methods. The author identifies and analyzes three most important stages that accompany the emergence and development of the Russian sociology of the political elite of the region. Stage I is associated with the emergence and formation of a categorial and methodological basis for studying the political elite in general and the regional political elite in particular. At Stage II, the research apparatus is reoriented, research approaches are gradually developed, special directions in the study of elites, including transitological (affecting the rather important problem of political elite transformation considered in the context of its influence on modernization processes occurring in society) and stratificational (analyzing the problems of the genesis of the elite as a special social group, features of its recruitment, the trajectory of elite careers, etc.) ones. Stage III is the latest research of regional elite issues, which consolidates the status and composition studies, combining the theoretical and methodological foundations of a sociological analysis of political elites with the consideration of their basic social parameters and the use of specific empirical methods. Along with the definition and characterization of the development stages of the sociology of the political elite in relation to the regional level, the author analyzes the achievements accumulated in recent years by this branch of scientific knowledge, identifies problems that arise in the way of institutionalization of the sociology of the political elite and determines their causes, sets prospects for this branch and opportunities available for its effective and fruitful development.

REFERENCES

1. Chirikova, A.E. (2010) *Regional'nye elity Rossii* [Regional Elites of Russia]. Moscow: Aspekt Press.
2. Berdyaev, N.A. (1990) *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Mysl'.
3. Stronin, A.I. (1872) *Politika kak nauka* [Politics as a Science]. St. Petersburg: Tipografiya F.S. Sushchinskogo.
4. Leont'ev, K.N. (1996) *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. Filosofskaya i politicheskaya publitsistika* [East, Russia and Slavism. Philosophical and Political Journalism]. Moscow: Respublika.
5. Solov'ev, V.S. (1903) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. St. Petersburg: Izd. Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
6. Chicherin, B.N. (1898) *Kurs gosudarstvennoy nauki* [A Course on State Science]. Pt. III. Moscow: Tipografiya t-va I.N. Kushner i K.
7. Lavrov, P.L. (1965) *Filosofiya i sotsiologiya* [Philosophy and Sociology]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
8. Mikhaylovskiy, N.K. (1907) *Sochineniya* [Works]. 4th ed. Vols 2, 6. St. Petersburg: Obshchestv. Pol'za.
9. Bakunin, M.A. (1989) *Filosofiya. Sotsiologiya. Politika* [Philosophy. Sociology. Politics]. Moscow: Pravda.
10. Kropotkin, P.A. (1990) *Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya* [Bread and Will. Modern Science and Anarchy]. Moscow: Pravda.
11. Ponedelkov, A.V. (1995) *Politicheskaya elita: genezis i problemy ee stanovleniya v Rossii* [Political Elite: Genesis and Problems of Its Formation in Russia]. Rostov-on-Don: Severo-Kavkazskiy kadrovyy tsentr VSh.
12. Ashin, G.K. (1985) *Sovremennye teorii elity: Kriticheskiy ocherk* [Modern Theory of the Elite: A Critical Essay]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
13. Babaeva, L.V., Tarshis, E.Ya. & Reznichenko, L.A. (1994) Metodologicheskie problemy izucheniya rossiyskoy elity [Methodological Problems of Studying the Russian Elite]. *Obshchestvo i ekonomika*. 11–12. pp. 62–76.
14. Gaman-Golutvina, O.V. (1996) *Politicheskie elity: evolyutsiya teoreticheskikh kontseptsiy* [Political Elites: The Evolution of Theoretical Concepts]. Moscow: RAGS.
15. Afanas'ev, M.N. (2000) *Klientelizm i rossiyskaya gosudarstvennost'* [Clientelism and Russian Statehood]. 2nd ed. Moscow: MONF.
16. Kryshtanovskaya, O.V. (1995) Transformatsiya staroy nomenklatury v novuyu rossiyskuyu elitu [Transformation of the Old Nomenclature Into the New Russian Elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4. pp. 51–65.
17. Pugachev, B.M. (1995) Razvitie sovetskikh i postsovetskikh elit [The Development of Soviet and Post-Soviet Elites]. *Rossiya i sovremennyy mir*. 3. pp. 102–118.
18. Barzilov, S.I. & Chernyshev, A.G. (1996) Provintsiya: elita, nomenklatura, intelligentsiya [Province: Elite, Nomenclature, Intelligentsia]. *Svobodnaya mysl'.* 1. pp. 44–56.
19. Diskin, I.E. (1995) *Rossiya: transformatsii i elity* [Russia: Transformations and Elites]. Moscow: Eltra.
20. Mokhov, V.P. (2003) *Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945–1991)* [The Regional Political Elite of Russia (1945–1991)]. Perm: Perm. kn. izd-vo.
21. Kryshtanovskaya, O.V. (2005) *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian Elite]. Moscow: Zakharov-M.

22. Gel'man, V.Ya. & Tarusina, I.G. (2002) [The Study of Political Elites in Russia: Problems and Alternatives]. *Elitizm v Rossii: "za" i "protiv"* [Elitism in Russia: "For" and "Against"]. Conference Proceedings. Perm: Perm State Technical University. p. 12. (In Russian).
23. Duka, A.V. (2002) [Power Elites: A Sociological Analysis]. *Elitizm v Rossii: "za" i "protiv"* [Elitism in Russia: "For" and "Against"]. Conference Proceedings. Perm: Perm State Technical University. (In Russian).
24. Plotnikova, M.M. (ed.) (2007) *Zakonodatel'noe sobranie Irkutskoy oblasti IV sozyva v litsakh: ot naznacheniya gubernatora do proekta aglomeratsii* [The Legislative Assembly of Irkutsk Oblast of the Fourth Convocation in Persons: From the Appointment of the Governor to the Agglomeration Project]. Irkutsk: Irkutsk State University.
25. Kryshtanovskaya, O.V. (2003) Regional Elite Formation: Principles and Mechanisms. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 6–15. (In Russian).
26. Chirikova, A.E. (2010) *Regional'nye elity Rossii* [Regional Elites of Russia]. Moscow: Aspekt press.
27. Gaman-Golutvina, O.V. (ed.) (2004) *Samye vliyatel'nye lyudi Rossii-2003* [The Most Influential People of Russia'2003]. Moscow: ISANT.
28. Afanas'ev, M.N. (1999) Regional'nyy vyzov: Pravyashchie regional'nye gruppirovki v rossiyskom politicheskom protsesse [Regional Challenge: Ruling Regional Groups in the Russian Political Process]. In: Mel'vil', A.Yu. (ed.) *Transformatsiya rossiyskikh regional'nykh elit v sravnitel'noy perspektive* [Transformation of Russian Regional Elites in a Comparative Perspective]. Moscow: MONF.
29. Dakhin, A. (2009) Transit of the State Power of Russia by the End of 2008: Features of Political Government (Methodology of Analysis). *Politicheskaya nauka – Political Science*. 2. (In Russian).
30. Turovskiy, R.T. (2007) *Tsentr i regiony. Problemy politicheskikh otnosheniy* [Center and Regions. Problems of Political Relations]. Moscow: HSE.
31. Magomedov, A.K. (2000) *Misteriya regionalizma. Regional'nye pravyashchie elity i regional'nye ideologii v sovremennoy Rossii* [The Mystery of Regionalism. Regional Ruling Elites and Regional Ideologies in Modern Russia]. Moscow: Mosk. obshchestv. nauch. fond.
32. Ponedelkov, A.V. (2010) *Politicheskaya nauka v elitologicheskom izmerenii* [Political Science in the Elitological Dimension]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKAGS.
33. Mokhov, V.P. (ed.) (2002) *Elitizm v Rossii: "za" i "protiv"* [Elitism in Russia: "For" and "Against"]. Conference Proceedings. Perm: Perm State Technical University.
34. Peregudov, S., Lapina, N. & Semenenko, I. (1999) *Gruppy interesov i rossiyskoe gosudarstvo* [Interest Groups and the Russian State]. Moscow: Editorial URSS. pp. 195–210.
35. Sharaev, P.S. (2007) *Zakonodatel'nye organy gosudarstvennoy vlasti v sub"ektakh RF v 90-e gody XX veka (na materialakh Kemerovskoy, Novosibirskoy i Tomskoy oblastey)* [The Legislative Bodies of State Power in the Constituent Entities of the Russian Federation in the 1990s (Based on Materials From Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk Oblasts)]. Tomsk: Tomsk State University.
36. Kabytov, P.S. (ed.) (2014) *Elity Samarskoy (Kuybyshevskoy) oblasti v 1960–1990-e gg. Ocherki istorii* [Elites of Samara (Kuibyshev) Oblast in the 1960s–1990s. Essays on History]. Samara: Samara State University.
37. Petrov, N. & Titkov, A. (eds) (2010) *Vlast', biznes, obshchestvo v regionakh: nepravil'nyy treugol'nik* [Power, Business, Society in the Regions: An Irregular Triangle]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
38. Rudoy, V.V., Ponedelkov, A.V., Starostin, A.M. & Lysenko, V.D. (2012) *Regional'nye administrativno-politicheskie elity Rossii: dvadtsat' let postsovetskoy evolyutsii (sotsiologicheskiy analiz)* [Regional Administrative and Political Elites of Russia: Twenty Years of Post-Soviet Evolution (A Sociological Analysis)]. Rostov-on-Don: SKAGS.
39. Tarusin, M. et al. (2008) *Summa ideologii: mirovozzrenie i ideologiya sovremennoy rossiyskoy elity* [The Sum of Ideology: Worldview and Ideology of the Modern Russian Elite]. Moscow: In-t obshchestv. proektirovaniya.
40. Castells, M. (2016) Vlast' kommunikatsiy [Communication Power]. Translated from English by N.M. Tylevich. Moscow: HSE.
41. Shentyakova, A.V. (2014) Modeli i faktory kar'ery predstaviteley politicheskoy i administrativnoy regional'noy elity [Models and Career Factors of Representatives of the Political and Administrative Regional Elite]. In: Duka, A.V. (ed.) *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Vol. 1. St. Petersburg: Intersotsis.
42. Bystrova, A.S., Duka, A.V., Daugavet, A.B. & Tev, D.B. (2017) Regional'nye vlastnye gruppy: osnovnye sotsial'no-strukturnye kharakteristiki i rol' v razvitii sovremennogo obshchestva [Regional Power Groups: The Main Socio-Structural Characteristics and the Role in the Development of Modern Society]. In: Duka, A.V. (ed.) *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Vol. 4. St. Petersburg: Intersotsis. pp. 147–169.
43. Chirikova, A.E. & Ledyaev, V.G. (2017) *Vlast' v malom rossiyskom* gorode [Power in a Small Russian City]. Moscow: HSE.
44. Drobizheva, L.M. (1996) *Govorit elita respublik Rossiyskoy Federatsii. 110 interv'yu Leokadii Drobizhevoy* [The Elite of the Republics of the Russian Federation Speaking. 110 Interviews of Leocadia Drobizheva]. Moscow: N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology.
45. Mikul'skiy, K.I. et al. (1995) *Rossiyskaya elita: Opyt sotsiologicheskogo analiza. Kontseptsiya i metody issledovaniya* [Russian Elite: The Experience of Sociological Analysis. Concept and Research Methods]. Pt. 1. Moscow: Nauka.

Received: 10 January 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 124–134. DOI: 10.17223/15617793/453/15

ИСТОРИЯ

УДК 94(571.54)

Н.С. Байкалов

«ЗАПОВЕДНИК СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»: ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В НАРРАТИВНОЙ ПАМЯТИ СТРОИТЕЛЕЙ БАМА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Бурятия в рамках научного проекта №18-49-030010 р_а.

Рассмотрены особенности производственной повседневности строителей БАМа в позднесоветский период, реконструированные по воспоминаниям участников и современников всесоюзной стройки. Определены представленные в рассказах информантов ключевые сюжеты нарративной памяти о БАМе. Описаны система отбора рабочих на строительство, проблемы создания трудовых коллективов, социально-бытовые условия поселений и иные факторы, формировавшие подчиненный производству жизненный уклад бамовских сообществ.

Ключевые слова: поздний социализм; район нового освоения; транспортное строительство; производственная повседневность; устная история; нарративная память.

Повседневная история сибирских строек периода развитого социализма не получила достаточной разработки в современных исторических исследованиях. В советское время она рассматривалась преимущественно в рамках изучения вопросов социально-бытового обслуживания рабочего класса. В последние десятилетия наметилась тенденция оформления данной проблематики в самостоятельное направление, вышла серия работ о повседневности рабочих новых индустриальных городов Тюменского нефтегазового комплекса, Ангаро-Енисейского ТПК, национальных автономий Сибири. Данная статья посвящена исследованию производственной повседневности одного из последних масштабных проектов Советского государства – Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ).

Под производственной повседневностью исследователи понимают события и процессы, которые изо дня в день повторяются в действиях работающих, а также связанные с ними формы поведения [1. С. 5]. В своих описаниях они обычно уделяют внимание особенностям организации трудового процесса, производственному быту и соблюдению санитарно-гигиенических норм, дисциплине на рабочем месте, социально-психологической обстановке в коллективе и прочим условиям труда [2, 3]. В то же время изучение производственной повседневности подразумевает не только историю трудовой деятельности в документально-статистическом измерении, но и описание сохранившихся в биографической памяти индивидов образов, представлений, взглядов. Поэтому предметом данной работы выступают структуры трудовой повседневности строителей БАМа, реконструируемые, прежде всего, на основе воспоминаний участников и современников грандиозной сибирской стройки.

Основным методом сбора информации стало биографическое интервьюирование бывших строителей, членов их семей, а также проживавших в районах БАМа лиц, непосредственно не связанных со строительством. Сбор устных историй осуществлялся в ходе полевых работ в городах и поселках Западного участка БАМа в течение более чем десяти лет, начиная с 2005 г. Наряду с «голосами эпохи» к анализу привлекались архивные документы, прежде всего, кадровые отчеты строительных предприятий, протоколы сессий районных и поселковых советских и партийных органов, местная публицистика, источники личного происхождения.

В качестве теоретической основы изучения повседневной истории использовались распространенные в современных социально-антропологических исследованиях подходы. При анализе устных источников применялась концепция нарративной памяти (Дж. Робинсон, Л. Тейлор, Д. Макадамс), согласно которой среди множества биографических эпизодов рассказчик отбирает «тематически и темпорально упорядоченные выдающиеся переживания», составляющие его идентичность. При этом автобиографическая память содержит широкий диапазон личной информации и опыта, часто неактуализируемый в ходе интервью [4, 5].

В объяснении дискурсивных практик описания советской повседневности строителей БАМа автор опирался на теорию «перформативного сдвига» А. Юрчака, центральный тезис которой состоит в том, что констатирующий смысл высказываний идеологического дискурса в период позднего социализма уступил место перформативному. В это время идеологический дискурс Советского государства переживал стандартизацию и застывание формы, а на уровне содержания перестал интерпретироваться буквально. Этот процесс протекал не только в авторитетном языке, но и в визуальных образах, ритуалах, формальных структурах повседневной жизни. По мнению А. Юрчака, перформативный сдвиг обеспечил возможность для возникновения в советской повседневности огромного числа новых смыслов, способов существования, видов субъектности, форм социальности и типов отношений, приведших в конечном счете к перестройке и распаду СССР [6. С. 54–77].

Разделение повседневности на «производственную» (отношения, возникающие на рабочем месте) и «бытовую» (сфера личной жизни, семья, дом, дети, досуг, дружба) имеет давние традиции в новейшей

историографии. Однако, как справедливо замечают исследователи, в районах нового освоения, к которым относятся поселения в зоне БАМа, сложно выделить в пространстве и времени производственную и непроизводственную сферы жизни [7. С. 60]. Строительство БАМа представляло не только прокладку дороги, но и сооружение постоянных и временных поселков строителей и железнодорожников, устройство инфраструктурных объектов и пр. Возведение жилья, школ, больниц, клубов, спортзалов часто осуществлялось в свободное от основной работы время, по инициативе общественных организаций и частных лиц. Весь досуг и быт бамовцев был подчинен большой стройке. Поэтому в работе рассматриваются не только различные аспекты производственной повседневности, но и жилищно-бытовые условия, торговое обслуживание и другие сферы жизнедеятельности строителей.

Строительство БАМа, начатое еще в годы сталинских пятилеток, наиболее интенсивно осуществлялось в 1970-е – 1980-е гг. «Стройка века», как ее называла советская печать, была призвана решить несколько задач: сокращение железнодорожного сообщения между западными и восточными регионами страны, разгрузка Транссиба, вовлечение в освоение малообжитых территорий северных районов Сибири и Дальнего Востока, а также преодоление идеологического застоя и оживление социально-политической системы Советского государства. В этом смысле БАМ выступал для позднесоветского поколения не столько индустриальным, сколько идеологическим проектом.

Производственные коллективы строителей складывались в сложных условиях района нового освоения, к которым следует отнести низкую плотность населения, отдаленность и неразвитость транспортной системы, природно-климатические условия, приравненные к районам Крайнего Севера и т.д. Для оперативного управления строительством в системе Минтрансстроя СССР в 1974 г. было создано Главное управление – ГлавБАМстрой, при Министерстве путей сообщения – Дирекция строительства БАМ с группами заказчиков на каждом участке магистрали. В ведомстве ГлавБАМстроя организовывались специализированные тресты и управления. Прокладка железной дороги, возведение объектов производственной и социальной инфраструктуры, временных поселков строителей возлагались на строительно-монтажные поезда (СМП) трестов «Ангарстрой», «ЛенаБАМстрой», «Нижнеангарсктрансстрой», «БАМстройпуть». Отсыпкой земельного полотна под магистраль и прокладкой автомобильных дорог занимались механизированные колонны (МК) трестов «ЗапБАМстроймеханизация», «БАМстроймеханизация». Прокладывание тоннелей осуществлялось тоннельными отрядами управления строительства «БАМтоннельстрой», подчиненного Главтоннельметрострою СССР. Для сооружения мостов были созданы тресты Главмостостроя Мостострой-8, Мостострой-9 и Мостострой-10. Буровзрывные работы поручались специализированным управлениям треста «БАМтрансвзрывпром», монтаж опор ЛЭП-220 – подразделениям треста «Востоксибэлектросетьстрой» и т.д.

Сооружением железнодорожных станций и эксплуатационных поселков занимались шефские организации, сформированные в 13 союзных республиках и 22 автономных административных единицах РСФСР, включая Москву и Ленинград [8. С. 49]. Такие организации сами обеспечивали стройку необходимыми строительными материалами и рабочей силой. В результате возникли строительные организации с необычными названиями, например, «ЛитваБАМстрой», «АрменияБАМстрой», «КазахБАМстрой», «ЛенинградБАМстрой» и пр.

На строительстве использовались различные формы обеспечения предприятий рабочими: набор работников самим предприятием; перевод с других организаций и строек; общественные призывы; распределение и трудоустройство выпускников учебных заведений и т.д. При этом, судя по кадровым отчетам предприятий, наиболее распространенной формой был местный наем самостоятельно прибывшего на стройку населения. Его доля по тресту «Нижнеангарсктрансстрой» в среднем составила 64,3%, по УС «БАМтоннельстрой» – 66,3, по тресту «ЗапБАМстроймеханизация» – 65,1% и т.д. [9. Л. 13].

До середины 1980-х гг. важную роль в комплектовании строительных организаций играли общественные призывы, которые осуществлялись путем создания комсомольских отрядов. Всего за рассматриваемый период на ударную комсомольскую стройку было направлено четыре всесоюзных и 29 республиканских, краевых и областных комсомольских отрядов, насчитывавших 43,7 тыс. человек [8. С. 11].

Призыв проводился различными способами в разных регионах. Наиболее распространенной была ситуация, когда путевки на «стройку века» выдавались обкомами ВЛКСМ на основании решений и характеристик общих собраний первичных комсомольских организаций предприятий. В крупных городах было принято направлять желающих строить БАМ добровольцев на двух- или трехмесячную стажировку на местные стройки или предприятия. При успешном прохождении «испытательного срока» кандидаты получали заветную путевку [10. С. 52–54].

Требования, предъявляемые к желающим попасть в отряд, были достаточно строгими. Комсомольские штабы учитывали наличие строительных специальностей, хорошую физическую подготовку, отсутствие фактов нарушения трудовой дисциплины, отсутствие судимости. *Ну, во-первых, критерии были какие: не семейный, первый был критерий, потому что мы ехали в палатки же сюда. Второе, специалисты – это плотники, лесорубы, строители. Естественно, чтобы у них был опыт какой-то работы. Поехали в основном от заводов, практически нам не село дало людей, а город. В основном же производственники пошли, поэтому приходилось выбирать по характеристикам...* (М., 60 лет, бывший комиссар комсомольского отряда)[1].

В то же время руководство опасалось отправлять на БАМ молодых людей «без присмотра» старших, как правило, более опытных строителей, состоящих в коммунистической партии. *Вот партия, она как бы понимала, что едут туда молодые комсомольцы. Не-*

которых мы учили, как лопату держать, как строить, как копать, как «Дружбу» (бензопилу. – *Н.Б.*) *заводить… И вот в партии было негласное постановление, что на БАМ как бы инструкторами отправлять более взрослых коммунистов, чтобы работать умел, и бульдозеристом был, и шофером, и трактористом, со всеми делами знаком… таких многопрофильных специалистов…* (М., 65 лет, бульдозерист).

Представители послевоенного поколения, которым отводилась роль наставников, казались партийным функционерам более закаленными, а значит, способными обучить молодежь практикам выживания в экстремальных условиях тайги и вечной мерзлоты. Молодые строители оказывались под контролем старших товарищей, следивших за их трудовой дисциплиной, поведением, мыслями и переживаниями.

Единственное, кого мы выгоняли, того, кто нарушал дисциплину… У нас двухсотлитровая бочка была, к которой мы приварили трубу, наделали дырок штук двадцать и использовали вместо умывальников. На 7 ноября ребята украли у нас эту бочку и бражку там замутили. Сухой закон же был тогда, на БАМе вообще всех рубили. Нашли эту бочку, я вылил эту бражку на землю. Столько было слез, выгоняли их (из отряда. – *Н.Б.*), *а люди не уходили, просились обратно, за них, там, рекомендации давали…* (М., 60 лет, комиссар комсомольского отряда).

К отбору таких наставников предъявлялись более строгие требования, чем к молодым строителям. Предпочтение отдавалось активным и ответственным мужчинам с соответствовавшей советским канонам трудовой биографией. К ее основным атрибутам относились рабочий стаж (часто на заводе), служба в армии, наличие семьи, партийность, опыт организаторской работы.

Несмотря на строгие требования и многоступенчатую процедуру отбора строителей, уже в первые годы желающих попасть на БАМ было больше, чем стройка могла принять. Комсомольским штабам приходилось вводить дополнительные ограничения при выдаче путевок женщинам, а также лицам с высшим образованием. В архивах райкомов и обкомов ВЛКСМ в больших количествах сохранились письма комсомольцев на БАМ. В одном из таких писем читаем: «Со дня окончания школы мечтаю о своей комсомольской стройке. После окончания института… уже второй год прошусь у нас и в горкоме, и в обкоме, но слышу “железный” ответ: с высшим образованием не берут на комсомольские стройки! А как же мечта!.. Неужели вернуть диплом – а я ведь так хочу… убедиться, что и я могу быть такой, как наши ребята и девушки» [11. Л. 12]. На подобные просьбы готовились типовые ответы: «У нас в поселке нет применения женскому труду, нам нужна мужская физическая сила», «По специальности вашего профиля вакантных мест пока нет» и т.п.

Государство стремилось не допустить миграции на БАМ рабочих из малозаселенных и трудонедостающих регионов страны, прежде всего из Сибири и Дальнего Востока. Жители прилегающих к зоне строительства районов, для которых стройка представлялась «территорией успеха», где можно хорошо заработать, сделать карьеру, создать семью, прославиться, с обидой вспоминают о данных ограничениях. *Существовал негласный запрет набирать рабочих из Бурятии, поэтому выпускники местных вузов шли в непроизводственный сектор. Высокооплачиваемые должности занимали выходцы с Украины (Донбасс), Восточного Казахстана (рудники Джамбула), так как при строительстве тоннелей ценились шахтеры* (М., 50 лет, учитель).

На БАМе сформировалась своя иерархия престижных и непрестижных профессий и специальностей. Именитыми считались тоннельщики и мостостроители; в меньшем почете были работники строительно-монтажных подразделений, занятые на сооружении непроизводственных объектов, и механизаторы; к самым непопулярным относились вакансии в сфере обслуживания, воспитатели, учителя, врачи, культработники и др. Разница между названными группами выражалась главным образом в заработках, льготах, доступе к более качественному и благоустроенному жилью, детсадам, спортзалам, клубам. *Тоннельщики всегда были белой костью, то есть они всю жизнь были на голову выше… У них было намного лучше всегда снабжение… Им намного больше денег отпускалось на соцкультбыт, чем, вот, нашим поселкам. Они могли себе позволить построить бетонные дороги в поселках... У нас мы асфальта еле добились… Конечно, им все завидовали: шестичасовой рабочий день, получали они в два раза больше, чем остальные, больше было морального превосходства* (М., 60 лет, бывший комиссар комсомольского отряда).

Важную роль по шкале престижности играли советские СМИ. Наиболее заметными и наглядными выглядели результаты работы укладчиков пути, которых чаще других выбирали героями своих репортажей журналисты. *Все ревновали к монтерам пути, которые снимают самые сливки славы. На подходе к Куанде, где проходила укладка золотого звена, кто-то вывесил обращенный к Александру Бондарю плакат: «Ты перегон проходишь в месяц, а нам на это нужен год, не думай, что твои путейцы достойнее, чем наш народ!»* (М., 65 лет, журналист).

Заметно отличались условия труда и быта рабочих в зависимости от времени прибытия на БАМе. В воспоминаниях строителей выделяются три группы: «старые» бамовцы (первостроители); «новые» бамовцы, прибывшие в разгар стройки; лица, приехавшие после 1984 г., когда произошло соединение западной и восточной веток дороги (так называемая укладка золотого звена).

Старые бамовцы начинали устраивать свою жизнь в районах будущего БАМа с палаток и вагончиков. В первые годы высококвалифицированным специалистам, доля которых по разным подразделениям составляла от 15 до 35% [12. Л. 10], приходилось работать не по профилю. Именно они «забрасывались вертолетами» в тайгу, прорубали первые просеки под дороги, возводили временные поселки для рабочих. В результате находящиеся на стройке с 1974 г. тоннелестроители приступали к своей основной деятельности – проходке тоннелей – только с 1978–1979 гг.

Поскольку главной задачей начального этапа строительства была отсыпка земельного полотна под будущие автомобильные пути, главными профессиями, обеспечивавшими выполнение плана и всех сверхплановых обязательств, были бульдозеристы, экскаваторщики и водители самосвалов. Работа была организована вахтовым способом. Вдоль намеченной трассы, разделенной на участки и распределенной по бригадам, размещались жилые вагончики, из которых формировались пункты временного базирования строителей. Однако из-за нежелания и (или) невозможности каждый раз возвращаться к вагончику от пройденного за день расстояния водители предпочитали ночевать прямо на участке в своих машинах. *Спали-то когда как, если работаешь смену часов четырнадцать, километра два прокорчуешься* (прорубишь просеку. – *Н.Б.*), *куда, какой вагончик идти опять назад! В бульдозере прямо и спишь, дорогу сделаешь, чтоб соляр подвозили… У меня там фанера была большая, возил сзади за кабиной, расстелешь на сиденья, фуфайку под голову и задремал* (М., 65 лет, бульдозерист).

На многих строительных участках рабочие жили изолированно на протяжении длительного времени. В протоколах партийных пленумов и сессий советов народных депутатов районов строительства часто присутствуют сообщения о подобных случаях. Например, в 1975 г. в местностях Гаинда и Янчуй (Северо-Байкальский район Буряткой АССР) рабочие в течение двух-трех месяцев не мылись, не получали сменного белья, почты и т.д. [13. Л. 5].

Условия труда первопроходцев были чрезвычайно тяжелыми. В официальном образе БАМа получила реализацию модель постсталинского прометеанизма, согласно которой строительство в районе нового освоения рассматривалось как покорение враждебной природы [14]. Рабочие «отвоевывали у тайги» каждый километр пути, высушивали болота, пробивались сквозь скалы, наводили мосты через горные реки и т.д.

Милитаризация бамовского дискурса прослеживается также по биографическим нарративам, где повседневный труд часто сравнивается с тяготами военного времени. *Делали отводные каналы под дренаж. Вокруг все парит, стекло обмерзает. Вылезешь очищать, поскользнёшься, раз и по пояс мокрый. А на улице пятьдесят градусов мороза... Залазишь опять в кабину, раздеваешься догола и голый работаешь. Натурально, пока на моторе одежда не высохнет…. Где-то по гусеницы вода поднималась, бурлит, парит… как на войне* (М., 65 лет, бульдозерист).

Сама стройка БАМа именовалась ударной. В организации производства использовалась система комсомольских отрядов, строителей именовали бойцами, а руководителей – командирами и комиссарами. Трудовые достижения рабочих часто назывались в СМИ завоеваниями, сравнивались с подвигами времен Октябрьской революции, Гражданской или Великой Отечественной войн, празднованию годовщин которых посвящалась каждая трудовая веха.

Производственные задачи уподоблялись воинским приказам, обсуждение или невыполнение которых было равносильно предательству. *Мой супруг возил солярку, работал по двадцать четыре часа в сутки, ну, может, в перерывах спал. Дороги непроходные были. Вот от Кичеры до Нижнеангарска столько было смертей, эти сопки проезжали, машина стоит вертикально почти. Надо объект сдавать, значит, надо, знали, что нужно пробиться, что нужно проехать, что нужно доставить на участок. Это не пафосные слова, что вот пишут про них «герои», это действительно были героические люди* (Ж., 50 лет, работник культуры).

Военные мотивы в публичном бамовском дискурсе опирались на историческую память, нередко обращаясь к сюжетам героического военного прошлого. Например, в 1975 г. появление первого поезда в Тынде был приурочено к празднованию Дня Победы: «Рельсы, как говорили в то время, “положили на место”. Дело в том, что паровозный гудок еще до войны Тында уже слышала. Но в период героической защиты Сталинграда рельсы на участке Бамовская – Тында по распоряжению Наркомата обороны были демонтированы, перевезены под Сталинград и из них была смонтирована знаменитая Волжская рокада. Бамовцы думали так: “Фашисты помешали строить БАМ. Мы все исправили, положили рельсы на место”» [10. С. 152]. Подобные фрагменты примечательны тем, что в них прослеживается попытка увязать настоящее с прошлым, показать, что строители БАМа продолжают подвиги своих отцов и дедов, защищавших родину от захватчиков, восстанавливают историческую справедливость, что их дело тоже призвано защитить страну от врагов.

Стройка постоянно испытывала перебои в снабжении, на что обращали внимание местные журналисты: «Нередко ремонтировали тракторы при минус пятидесяти градусах. После такой работы засыпали так крепко, что волосы вмораживались в промерзшие стены. Проснувшись и убедившись, что продукты и горючее на исходе, шли заготавливать дрова, в обмен на которые совхоз поддерживал работоспособность участка…» [15. С. 22–23].

Строителям приходилось сталкиваться с бюрократизмом и формализмом чиновников, что часто находило отражение в воспоминаниях и письмах: «Строили дорогу от нашего поезда три мужские бригады и одна бригада девочек... Уже сам бригадир, Инка Гусева, не дождавшись, когда же им на трассу начальник участка привезет теплые полушубки, валенки и продукты… вылетела на попутном вертолете из Уояна в Улюнхан, и ты думаешь, ей выдали? Наш бухгалтер объяснил, что им еще не положены полушубки, валенки потому, что им по трассе осталось продвинуться вперед еще... на два километра, вот тогда они будут в нашем районе, Северо-Байкальском, а это район, приравненный к Крайнему Северу, вот тогда прилетай и получишь на всю бригаду ...» [16. С. 172–177].

Отчеты строительных предприятий по охране труда свидетельствуют, что рабочие несвоевременно обеспечивались спецодеждой, средствами индивидуальной защиты, и даже теплыми вещами. Строительные участки не имели необходимого оборудования и оснащения. Например, в 1979 г. на 5 260 работников треста «Нижнеангарсктрансстрой» приходилось толь-

ко 22 душевые сетки, 164 умывальника, 282 гардеробных места, 149 помещений отдыха [17. Л. 19]. На строительных участках «БАМтоннельстроя» не были организованы лаборатории анализа воздушной среды после проведения взрывных работ, долгое время отсутствовали вентиляционные шахты на отдельных участках. В результате концентрация вредных веществ в воздухе горных выработок по данным проверок санитарной службы превышала нормы в 15–46,4 раза, освещенность помещений тоннельщиков была в 10–30 раз ниже предусмотренной строительными стандартами и т.д. [17. Л. 15].

Недостатки в снабжении строителей часто становились причинами нарушений техники безопасности и, как следствие, высокого производственного травматизма на предприятиях. Коэффициент частоты несчастных случаев на тысячу человек по Западному участку БАМа во второй половине 1970-х гг. колебался от 10 до 17,5, что значительно превышало данный показатель на предприятиях, расположенных за пределами стройки [18. Л. 16].

Реакцией на вышеописанные проблемы стали рост обратной миграции из районов строительства, а также частая смена мест работы в поисках более удовлетворительных условий труда. На начальном этапе строительства текучесть кадров достигла угрожающих размеров, по отдельным подразделениям составив 30–50%. В конце 1970-х гг. на БАМе была проведена серия соцопросов, результаты которых показали, что основными причинами увольнений были непредоставление работы по основной специальности (34%) и недостатки в организации труда (20,6%) [19. С. 85].

Тяжелые условия, в которых жили и трудились первые строители, являлись предметом постоянного обсуждения в публицистике и мемуаристике как советского, так и постсоветского времени. При этом характер этих публикаций менялся. Если в доперестроечных текстах данные сюжеты присутствуют исключительно как примеры героического, самоотверженного труда во благо советской Родины, то в произведениях более позднего периода все более ощутимой становится критика проекта, БАМ рассматривается как памятник бесхозяйственности, коррупции, стагнации.

В эго-документах и устных историях бамовцев данная закономерность прослеживается в обратном порядке: советские нарративы содержат критику властей за недостатки в организации труда и быта, в то время как современные стремятся к идеализации и героизации бамовского прошлого.

К началу 1980-х гг. палаточный быт был практически изжит, превратившись в обязательный к упоминанию элемент бамовской мифологии. Первостроители в ней выступают ключевыми персонажами, «истинными» носителями бамовской идентичности, поэтому рассказы респондентов, прибывших на стройку позднее, содержат похожие сюжеты о выживании в экстремальных условиях Севера. Независимо от личного опыта рассказчиков в их воспоминаниях часто присутствуют истории о зимовке в палатках или вагончиках, ледовых дорогах и переправах через горные реки и т.д. Мотив испытания первой зимой характерен для нарративной памяти многих сибирских строек и выступает своего рода способом инициации в сообщество сибиряков, северян, бамовцев.

Западные историки и обществоведы называли БАМ «брежневской целиной», масштабным символическим проектом, который был призван реанимировать ослабевший энтузиазм трудящихся масс и направить их энергию на внутренние новации [20]. Стройка века рассматривалась как своего рода панацея от застоя, которая должна была укрепить веру в коммунистическую утопию [21. P. 13]. Первоначально советское руководство сделало ставку на привычные идеологические механизмы мобилизации трудящихся, среди которых ведущая роль отводилась социалистическому соревнованию.

Организацию соцсоревнований курировали комсомольские и профсоюзные организации. В 1974 г. при ЦК ВЛКСМ был создан Центральный штаб по шефству над сооружением БАМа. Под руководством ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта было сформировано четыре дорожных профсоюзных комитета: дорпрофсожи восточносибирских, забайкальских, дальневосточных и амурских транспортных строителей (с 1976 г. – дорпрофсож транспортных строителей БАМ), в составе которых находилось 29 построечных комитетов (постройкомов) трестов и управлений строительства [22. С. 27].

Судя по архивным документам и советским газетам, соревнования постоянно сопровождали трудовую повседневность бамовцев. Они проводились между коллективами отдельных предприятий, бригад внутри одной организации или между индивидами. По продолжительности выделяется четыре вида соревнований: в течение всего периода строительства, в пределах реализации пятилетнего плана, ежегодные и на время решения определенной целевой задачи. Они приурочивались к завершению очередной пятилетки («Определяющему году девятой пятилетки – 30 ударных дней»), предстоящему съезду партии («XXV съезду КПСС – 25 ударных недель!»), годовщинам «важнейших» событий советской истории («К юбилею Октября – комсомольскую двухлетку», «60-летию образования СССР – 60 ударных недель», «30-летию Победы – 30 ударных вахт») и др. Помимо общенациональных дат существовали «внутренние поводы»: за право стать почетным пассажиром первого поезда на сдающемся участке дороги («Заслужи билет до Байкала»), за право стать почетными участниками ритуала соединения двух частей ключа от БАМа («За соединение ключа от БАМа») и др.

Основной целью данных мероприятий было стремление придать импульс стройке, ускорить выполнение запланированного объема работ, отчитаться по достигнутым показателям. Ежегодно газеты, теле- и радиоканалы сообщали о принятых рабочими обязательствах по досрочному завершению того или иного объекта, а также рапортовали о выполненных и перевыполненных плановых показателях. Официальная статистика подтверждала эффективность соревнований. Например, движения за бережное отношение к технике «Я – хозяин стройки», «На вверенной технике – до конца строительства БАМа» позволили увели-

чить межремонтные сроки эксплуатации машин на 30% и сэкономить только за годы десятой пятилетки более 39 млн рублей [10. С. 91].

В личных нарративах тема соцсоревнования практически не всплывает, если ее не актуализировать соответствующими вопросами. Подобные сюжеты занимают незначительную долю в рассказах и, как правило, сопровождаются скепсисом или иронией.

Когда вот первый поезд шел на Северобайкальск, все боялись не провалиться бы. Сюда столько народу понаехало: поезд, торжество, концерты, фейерверки... Как раз на День комсомола 29-е октября было дело. Но дорога-то! Рельсы были просто брошены через реку, без моста, чтобы поезд в срок пришел… А потом доделывать! Везде так и делалось все, абсолютно все: прокричали, прогремели, а потом доделывали (М., 65 лет, бульдозерист).

В воспоминаниях прослеживается отношение к подобным акциям как к режиссерским постановкам с фальшивым энтузиазмом, помпезностью, за которыми стоят карьерные амбиции местных руководителей, отчеты, приписки. Празднование трудовых подвигов бамовцев омрачалось истощением сил, вызванным штурмовщиной накануне, и более всего осознанием того, что после торжества предстоит доделывать незавершенный объект в условиях, когда средства на него уже израсходованы, зарплаты и премии получены, награды вручены. *Так вот когда я приняла* (руководство. – *Н.Б.*)*... на участке Кичера – Кирон почти все уже выбрано, а там работы еще, а уже денег нет совсем, т.е. по смете деньги все взяты, получены и распределены, получена зарплата, все, а там еще столько работы… Я помню 587 тысяч было запроцентовано вперед*... (Ж., 60 лет, начальник СМП).

В то же время никто из рассказчиков не упомянул о каком-либо сопротивлении или отказе от участия в акциях. При общем понимании банкротства системы соцсоревнований наблюдалось четкое следование предписанным сценариям поведения и демонстрация лояльности системе. Данный дуализм восприятия действительности советским человеком вырастал не столько из социальной инерции или инертности. Советские граждане принимали участие в соцсоревновании, не особенно вникая в буквальное содержание лозунгов и призывов. С помощью таких актов они воспроизводили себя как «нормальных» советских субъектов, вписанных в существующую систему норм, отношений и позиций, со всеми ограничениями, возможностями и свободами. Как отмечает А. Юрчак: «Если человек четко повторял формы авторитетных высказываний и ритуалов, не слишком задумываясь об их буквальном смысле, он получал относительную свободу выстраивать свою жизнь более-менее по-своему, подходить к ней творчески, в меньшей степени зависеть от государственного диктата. Повторение застывших авторитетных форм вело не к закрепощению человеческого существования, а, напротив, – к его относительному освобождению. Более того, чем сильнее форма авторитетного дискурса застывала… тем больше внеидеологических свобод и возможностей появлялось в повседневной жизни…» [6. С. 77].

Интересно, что на БАМе этот процесс не приобрел форму некоего протеста или сопротивления официальной идеологии, а трансформировался в поиск «настоящего» социализма, не отравленного формализмом советской бюрократической системы. В нарративах бамовцев это выражалось в повышенной степени индивидуальной ответственности перед собой, коллективом, партией, страной. В одном из четверостиший, написанных первостроителем БАМа в 1970-е гг. накануне своего вступления в партию, отчетливо прослеживается квинтэссенция морального императива позднесоветского человека:

Черт возьми, мне четверть века
А что я сделал? Как я жил?
И похож ли я на человека,
О котором Ленин говорил?

Стремление вернуть авторитетному дискурсу констатирующее содержание осуществлялось через обращение к «истинным» социалистическим идеалам как альтернативному языку описания окружающей действительности. Такая инверсия была вызвана комплексом факторов, среди которых можно выделить систему отбора строителей, усилия советской пропаганды, создавшей образ дороги в будущее, сформировавшийся для привлечения и удержания людей в зоне строительства режим льгот и привилегий. *БАМ был в то время любимым детищем страны, практически заповедником советской власти. Поэтому их обмануть-то нетрудно было всякими лозунгами, они там не как вся страна жили, но и работали там тяжелее, и здоровье все оставили. Далась-то им эта дорога ой как тяжело* (М., 65 лет, журналист). В современных воспоминаниях бамовцев типичным является убеждение, что БАМ был неким успешным воплощением коммунистического эксперимента. *Мой сын говорит вот так: мама, мы жили при коммунизме, этого никогда больше не повторится* (Ж., 55 лет, председатель поселкового совета депутатов).

Критика БАМа надежно блокировалась эпическим образом стройки. Как отмечал в одном из очерков корреспондент газеты «БАМ» А. Кривой, «БАМ еще катится по инерции по рельсам, смазанным очковтирательством, лозунгоманией, фальшью. Вся административно-командная система приведена в готовность: не допустить “издевательства” над БАМом!» [23. С. 139]. Уголовные дела, возбужденные на бамовских руководителей, не доводились до завершения, строптивых заказчиков или народных контролеров, выявивших приписки или отказывавшихся принять работу с браком, отправляли в отпуска или переводили на приемку других объектов, бунтующих журналистов не печатали, чтобы сохранить чистым имидж главной стройки страны.

К середине 1980-х гг. жизнь на БАМе приобрела более стабильные формы. Практически повсеместно завершилось переселение в щитовые дома («бараки» или «щитовухи» по-бамовски), во временных поселках строителей были развернуты детские сады, школы, фельдшерские пункты и амбулатории, клубы и библиотеки, спортзалы и стадионы, была налажена система торговли и бытового обслуживания. Хотя протоколы сессий районных и поселковых советов

депутатов, а также отчеты статистических отделов свидетельствуют о постоянном дефиците жилого фонда и социальных объектов, «новые бамовцы», последовавшие за первостроителями, оказались в более благоприятных условиях.

Благодаря сложившейся системе рабочего снабжения БАМ 80-х стал восприниматься как «сытое место», характеризующееся большими заработками, изобилием товаров, возможностью приобрести на льготных условиях личный автомобиль и т.д. Ветераны БАМа считают, что именно с этого времени стройка стала привлекать карьеристов, спекулянтов, «хапуг», произошла смена поколения старых бамовцев-романтиков и идеалистов на новое – прагматиков и реалистов. *Первыми ехали сюда идейные люди, ехали с идеей сделать большую грандиозную стройку, оставить свой след, ну и помочь как-то родине. В дальнейшем приезжали разные люди, очень разные…* (М., 65 лет, тракторист).

Ассортимент бамовских магазинов поражал привыкших к дефициту и очередям советских людей. *На БАМе было все! У нас колбасы какой только не было, и сгущенки, и тушенки, и конфет. У нас все было! Этот кримплен там, материалы, шубы, польта были… У меня лично пять пар сапог было, босоножек пар шесть* (Ж., 48 лет, повар).

В воспоминаниях часто можно встретить истории о том, как жители соседних районов специально приезжали «закупаться» в бамовские магазины, а гостивший на «большой земле» бамовец одаривал своих друзей и родственников дефицитными продуктами и промтоварами. *Вот я приезжала в Улан-Удэ к тетке: колбасы тебе – на, дрожжи сухие тебе – на, сгущенку – на, бери… Если я собираю маме посылку: колбасу вот так вот* (показывает охапку) *принесешь. Все было раньше, чё там говорить. Когда мы домой с БАМа приезжали, на фоне местных были одеты намного лучше… У нас всегда было спортивных костюмов вот столько!* (показывает по горло. – *Н.Б.*) (Ж., 48 лет, повар).

Примечательно, что представления о достойной, обеспеченной жизни формировались «от противного», т.е. от того, чего не хватало на «большой земле» – колбас и мясных консервов, спортивных костюмов, обуви. Несмотря на возможность приобрести продукты в любое время без очередей и «блата», многие продолжали запасать их впрок. Рассказы о кладовках, обвешанных колбасами, или коробках с консервами под кроватью довольно типичны для бамовцев, хотя нет свидетельств, что такое изобилие воспринималось бамовцами как временное, скорее, их нахождение на БАМе рассматривалось как временное.

Снабжение было различным в зависимости от ведомственной принадлежности предприятий торговли и общепита. Наиболее «отсталой» считалась сеть потребительской кооперации. Специализированная система рабочего снабжения, осуществлявшаяся через создаваемые при строительных подразделениях отделы (ОРСы), несмотря на все достоинства, критиковалась местными жителями из-за отсутствия свежих продуктов, особенно от местных сельхозпроизводителей, однообразия ассортимента, неудобного графика обслуживания и т.д. *Одни и те же товары по всей трассе, куда бы ни поехал. У нас так: продают платья, и мы покупаем все, и назавтра у кого-то юбилей – мы все приходим в одинаковых платьях. Хочется надеть, а оказывается… Я помню, у Нины Дмитриевны юбилей был, 50 лет, и пять человек в одинаковых платьях, только расцветка разная* (Ж., 60 лет, начальник СМП).

Самым элитным считалось снабжение работников некоторых шефских организаций. Особенно часто в устных историях бамовцев встречаются сюжеты, связанные с непривычным для советского человека обеспечением строителей из прибалтийских республик. Оно отличалось более богатым ассортиментом, включавшим импортные одежду, обувь, бытовую технику. *В общем, приходил к ним вагон. Он приходил-то для эстонцев. Но коллектив у них был маленький, поэтому даже из Северобайкальска приезжали, знали, когда вагон придет. Пиво чешское они привозили. Конечно, одежда у них была очень хорошая, финская в основном. Если везут колбасу, то по вкусу это эстонская колбаса! Вина там хорошие были, по трассе едешь – заедешь, возьмешь. Вина такого у нас нигде не было, как в эстонском магазине!* (Ж., 55 лет, председатель поселкового совета депутатов).

Случались комичные случаи, например, когда, столкнувшись с возможностью приобретения неизвестного товара, человек не знал как себя вести. «Я помню, они привезли в бутылочках кетчуп и спрашивают меня: “Кетчуп будете брать?” Я не знаю, что это такое. А сказать, что я не знаю, мне неудобно. Я говорю: “Кетчуп, да не знаю, брать – не брать”. Он говорит: “Да вы что, конечно, берите, хороший болгарский кетчуп. Сколько вы будете брать?” Ну, я думаю, раз болгарский, значит, что-то из еды. Говорю: «Да, один». Он говорит: “Что один?” “Ну, одну штуку, как сказать, баночку, бутылочку”. Он приносит и говорит: “Да вы что! У нас берут коробками”» [24. С. 35]. Примечательно, что в условиях бамовского изобилия респондент не отказался от непонятного предложения, сработала советская привычка «на всякий случай» брать все, что дают.

В целом все жители притрассовой зоны вне зависимости от вида занятости и ведомственной принадлежности организации имели одинаковый доступ к товарам. Главным фактором, определявшим возможность покупки, был не так называемый блат, а наличие свободных денег. В этом бамовцы имели серьезные преимущества перед работниками других отраслей и ведомств.

Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета министров СССР № 561 «О строительстве БАМ…» к заработной плате работников, занятых в строительстве и на предприятиях, непосредственно обслуживающих сооружение магистрали, устанавливался районный коэффициент 1,7 [25]. В 1975 г. Госкомтруд и ВЦСПС подготовили разъяснения о порядке применения бамовского коэффициента, согласно которым он применялся «к заработной плате работников, занятых на изыскательских и проектных работах, в строительстве, в промышленных и подсобно-вспомогательных произ-

водствах, на транспорте, в хозяйствах и организациях, обслуживающих непосредственно строительство и строителей БАМ» [26]. При этом в документе оговаривалось, что коэффициент действовал на работников строительных предприятий, занятых на сооружении включенных в проект и смету строительства объектов, а также в организациях и учреждениях «торговли, общепита, здравоохранения, просвещения, культуры и других отраслей сферы социально-бытового обслуживания населения, в советских органах, в учреждениях Госбанка, Стройбанка», обслуживающих строительство БАМа. Перечень таких «обслуживающих предприятий» определялся министерствами и ведомствами СССР, областными органами власти совместно с Минтрансстроем [26].

Для работников организаций, не подведомственных Минтрансстрою или не включенных в данные перечни, но работающих в тех же районах и в аналогичных отраслях, были установлены более низкие районные коэффициенты: для рабочих лесной отрасли – 1,3–1,4, промышленного и транспортного строительства – 1,2–1,6, железнодорожного транспорта – 1,4, сельского хозяйства и сферы обслуживания – 1,2–1,3 [27. С. 290; 28. С. 232].

В результате работающие в одних и тех же должностях в двух расположенных по соседству клубах или магазинах, один из которых относился к районной сети культпросвета или потребкооперации, а другой – к бамовской, получали разные зарплаты и имели разные льготы. На этой почве часто возникали конфликты. *На БАМе свое государство было, деньги какие туда отпускались, что вы! А мы-то – беднота, госучреждения, а они-то жирненькие были… У них там «Огоньки» такие шикарные, на широкую ногу проводили. Да и зарплата у них была выше, льготы были всякие, поощрения, премии. А у нас никогда в жизни не было! Но зато нас заставляли работать как лошадей, как всегда госучреждения заставляют…* (Ж., 50 лет, работник культуры).

До сих пор некоторые социально-профессиональные группы, сформировавшиеся в районах прохождения магистрали, подчеркнуто сторонятся бамовской идентичности. Особенно сильно противопоставление себя БАМу ощущается в нарративах геологов, занимавшихся изысканиями территории до начала стройки и на этом основании считающих себя истинными первопроходцами, которых обошли и льготы, и внимание общественности [29].

На работающих в зоне БАМа распространялись льготы, действовавшие в приравненных к Крайнему Северу районах. По истечении одного года работы к заработку начислялось 10% с последующим увеличением на 10% за каждый год, пока размер надбавки не достигал 50%. Пенсионный возраст наступал на пять лет раньше обычного. При наличии выработанного подземного стажа он сокращался в соответствие с законодательством. *Десять лет подземки дают десять лет списания пенсионного возраста. У меня ребята многие отработали по десять лет и вышли из под земли. Там стаж считается как: вот если ты до пять лет отработал, тебе эти пять лет вообще никак не засчитываются. Если отработал шесть лет, то тебе четыре года списывают и т.д.* (М., 64 года, тоннельщик).

При поступлении на работу выплачивалось единовременное пособие в размере 50% среднемесячного заработка («подъемные»), а прибывшим по общественному призыву выделялось 60 рублей до истечения двух лет со дня приезда [30. С. 139–140]. Трудящимся в сфере обслуживания, торговли, здравоохранения, образования, культуры, занятым в обслуживании строителей БАМа выплачивалась надбавка за передвижной характер работ («колесные») в размере 40% от тарифной ставки.

Разница в заработках достигалась за счет применяемой на предприятиях аккордно-премиальной системы, зависела от норм выработки, объема сверхплановых работ и т.д. *Там у нас всегда были аккордные наряды в то время. Вот дается срок, в срок если выполнил, значит премия минимум 40%. А там еще как договор заключишь, может и два оклада получишь… В общем, зарабатывали на трассе больше, чем остальные, у бульдозериста заработок был такой же, как у управляющего трестом* (М., 65 лет, бульдозерист).

Работающие на стройке люди могли по целевым талонам приобрести легковой автомобиль, выплатив его стоимость в рассрочку в течение трех или пяти лет. Многие считают, что именно «Жигулями» и «Нивами» властям удалось заманить на БАМ рабочих, поскольку на «большой земле» очереди на покупку автомобиля могли длиться десятками лет.

Имеющиеся в распоряжении автора архивные документы не позволяют установить точное время введения данной льготы. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 июля 1974 г. № 561 «О строительстве БАМ…» содержит засекреченные статьи, касающиеся условий оплаты труда и льгот для работников. По воспоминаниям ветеранов БАМа, целевые чеки на автомобили появились в конце 1970-х – начале 1980-х гг. *Вот сколько, там, года три-четыре, наверно, прошло* (с начала стройки. – *Н.Б.*), *и какой-то спад потихоньку пошел. Тогда подкинули машины. Вот за машинами народ и поехал. И многие: получил – уехал, получил – уехал, и тут текучка кадров была очень приличная* (М., 65 лет, механизатор). Демографические и социологические исследования, проводимые в районах магистрали, также показывают, что на рубеже 1970–1980-х гг. стройка испытывала высокие темпы обратной миграции и, как следствие, дефицит рабочей силы [31, 32].

Право на льготное приобретение автомобиля имели все работающие в бамовских организациях, включая учреждения соцкультбыта. «Вставать на целевой» можно было неограниченное количество раз, что создавало почву для различных спекуляций. *Это же мы, насчет этих машин, зарабатывали деньги себе дополнительно… Перекупщики приезжали прямо к тебе домой, узнавали, что у тебя есть чек на выходе, скорее всего, они работали с банком. Простому смертному на большой земле было нереально купить машину… Я свою двойку* (ВАЗ 2102. – *Н.Б.*) *брал за пять с половиной тысяч, а продал за одиннадцать, тем более, перевертыша, без аккумулятора. Он* (перекупщик. – *Н.Б.*)

ее забрал и угнал в Москву, говорил, что там сделает и продаст еще дороже (М., 64 года, тоннельщик).

Несмотря на то что минимальный срок выплаты стоимости автомобиля составлял три года, многие бамовцы совершали сделку досрочно. На БАМе действовала система накопления отпусков, согласно которой работник мог выработать «автомобильный стаж» без очередных отпусков за два с половиной года, после чего получить вместе с целевым чеком еще и право на полугодовой отдых. *Вообще, три года надо было отработать за машину, с отпусками если. У тебя из зарплаты высчитывали, ты сам никуда не платил, бухгалтерия предприятия в сберкассу отправляла сразу, ты даже не видел эти деньги. Но чтобы ускорить это дело, два с половиной года отрабатываешь и получаешь. Даже сбербанк на это шел и выписывал чек на машину* (М., 64 года, тоннельщик).

В большинстве устных рассказов бамовцы утверждают, что до приезда на БАМ ничего не знали ни о высоких зарплатах, ни о чеках на автомобили. Такая особенность респондентов нивелировать материальную заинтересованность неоднократно отмечалась и советскими, и современными исследователями [33, 34]. Она была вызвана советским воспитанием, привычкой соответствовать «генеральной линии» в освещении строительства БАМа, выработавшейся под воздействием позднесоветского авторитетного дискурса. Даже признавая некоторые материальные стимулы в мотивации приезда на БАМ, многие рассказчики одновременно стремятся противопоставить ей идейную составляющую. *Знаешь, как я сейчас вспоминаю, любому человеку не чужды деньги, что за работу надо платить и надо получать, но это было неглавное… Выше этого стояло состояние надежды, что вот завтра – прекрасно* (Ж., 50 лет, работник культуры).

В складывании бамовской идентичности решающее значение имели не мотивы прибытия на стройку, а, скорее, следование неким поведенческим стандартам, выработавшимся в повседневных практиках проживания в районе нового освоения. *Для многих, если не для большинства, изначальный импульс был меркантильный, потому что многие ехали за квартирой, машиной. Каждый же мечтал приехать с машиной. Это же в советское время проблема была купить машину… Но должен сказать, что потом эти меркантильные мотивы если и не забылись совсем, то, во всяком случае, отошли на второй план, у большинства, это точно. А у многих, может, и забылись, потому что не будешь же ты каждый день вкалывать и думать, что приехал сюда за машиной* (М., 65 лет, журналист).

В нарративной памяти большинства строителей воспоминания о жизни на БАМе выступают самым значительным этапом личной биографии. Трудовая повседневность занимает в этих воспоминаниях центральное место, так как в условиях района нового освоения стройка являлась системообразующим фактором. Для решения производственных задач создавались целые поселки и города, жизненные ритмы которых полностью диктовались строительством дороги. Каждое строительное подразделение создавало свой рабочий поселок, где наряду с жилыми районами возникали собственные клубы, детские сады, школы, библиотеки и прочие социально-культурные объекты. Таким образом, бóльшую часть свободного времени рабочие проводили в коллективах своих бригад, отрядов, предприятий. Проживая в одном микрорайоне, на одной улице или даже в одном общежитии, они вместе встречали праздники, занимались спортом, участвовали в самодеятельности. В нерабочее время в форме так называемой народной стройки строители обустраивали собственные поселки, возводили там детские площадки, стадионы и бассейны, а также новое жилье для своих семей. В результате воспоминания о жизни на БАМе часто складываются в образ одной огромной перманентной стройки, которая не заканчивалась вместе с завершением рабочего дня или рабочей недели.

Сегодняшние рассказы строителей о бамовской жизни сопровождаются, как правило, положительными эмоциями, что связано в том числе с ретроспективностью автобиографической памяти, эффектом «пика» воспоминаний, временной дистанцией между событиями прошлого и моментом рассказа. Сюжеты, повествующие о различных трудностях (например, адаптация в коллективе, неустроенный быт, тяжелые условия труда), не замалчиваются, но воспроизводятся в контексте героизации и прославления трудовых будней. Оказавшись ныне в сложных жизненных ситуациях, связанных, прежде всего, с депрессивным состоянием районов БАМа, бывшие строители обращаются к теме мужества, лишений, выносливости, благодаря которым им удалось принять участие в важном для страны деле, почувствовать свою нужность, пройти «лучшую дорогу своей жизни».

Сформировавшиеся на БАМе структуры повседневности выступали и своего рода фильтром, обеспечивающим отбор наиболее подходящих стройке индивидов, и фактором консолидации строителей в особую общность бамовцев. В поиске собственной коллективной идентичности строители опирались на «истинные» социалистические идеалы, основанные на артельной организации труда, принципах социальной справедливости, вере, что БАМ станет тем самым путем в прежде недостижимое светлое будущее. В условиях постсоветского кризиса выработанные в ходе строительства магистрали повседневные практики превратились в основной ресурс выживания населения бамовских городов и поселков.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Здесь и далее курсивом выделены фрагменты из биографических интервью, записанных автором во время полевых работ в районах БАМа. В скобках указаны пол информанта, его возраст и статус на момент интервьюирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володина Н.Н. Производственная повседневность тюменских рабочих в 1945–1965 гг. (на примере завода «Механик») : дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2012. 310 с.
2. Повседневность в российской провинции XIX–XX вв. : материалы Всероссийской научной конференции (г. Пермь, 5–6 ноября 2013 г.) : в 2 ч. / отв. за вып. Е.С. Субботина. Ч. I. Пермь, 2013. 345 с.; Ч. II. Пермь, 2013. 324 с.

3. Рафикова С.А. Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы. Красноярск : СибГТУ, 2007. 254 с.
4. Robinson J.A., Taylor L.R. Autobiographical memory and self-narratives: A tale of two stories // Autobiographical memory: Theoretical and applied perspectives / C.P. Thompson, D.J. Hermann, D. Bruce, J.D. Read, D.G. Payne, M.P. Toglia (Eds.). Mahwah, NJ, 1998. P. 125–143.
5. McAdams D.P. The Psychology of Life Stories // Review of General Psychology. 2001.Vol. 5, № 2. P. 100–122.
6. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
7. Карпов В.П. Главной была работа: трудовая повседневность тюменских нефтяников в 1950–80-е годы // Российская повседневность XIX–XX вв. : материалы Всерос. науч. конф. (г. Пермь, 30–31 окт. 2015 г., г. Пермь, Россия) / ред. кол. А.Б. Суслов, Е.С. Субботина (отв. за вып.). Пермь, 2016. С. 59–72.
8. БАМ на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона / отв. ред. И.В. Гордиенко. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 217 с.
9. МКУ «Управление культуры и архивного дела МО «Северо-Байкальский район». Ф. 1. Оп. 1. Д. 652.
10. Вербицкий Ю.С., Пьянков В.Д., Сущевич В.А. Правда о БАМе. БАМ глазами участников его строительства. М. : АСМО-пресс, 2010. 288 с.
11. Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ). Ф. 19. Оп. 12. Д. 38.
12. ГАРБ. Ф. П-8. Оп. 9. Д. 2.
13. ГАРБ. Ф. П-8. Оп. 8. Д. 3.
14. Ward Chr. J. Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism. Pittsburgh, PA : University of Pittsburgh Press, 2009. 256 p.
15. Орлов В.А. Друзья мои, тоннельщики. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1983. 192 с.
16. Испытание трассой : сб. / ред. К.Н. Балков. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1978. 189 с.
17. ГАРБ. Ф. Р-2002. Оп. 1. Д. 37.
18. ГАРБ. Ф. Р-2002. Оп. 1. Д. 6.
19. Железко С.Н. Факторы стабилизации кадров на строительстве БАМ // Социологические исследования. 1980. № 1. С. 84–87.
20. Knabe B. Die Baikal-Amur Magistrale. Ihr Bau und die Erschließung ihres Umlandes // Osteuropa. 1984. № 34. S. 426–439.
21. Ward Chr. J. "Path to the Future" or the Road to Nowhere? A Political and Social Examination of the Construction of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM), 1974–1984. PhD Dissertation. Chapel Hill : University of North Carolina, 2002. 281 p.
22. Старин Б.С. Социалистическое соревнование строителей БАМа 1974–1984 гг. Новосибирск : Наука. СО, 1987. 210 с.
23. Кривой А.С. БАМ от А до Я. Иркутск : Вост.-Сиб. издательская компания, 2004. 368 с.
24. Байкалов Н.С. Торговое обслуживание строителей БАМа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 10 (60). С. 34–36.
25. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 08.07.1974 № 561 «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4773#036469043051779226 (дата обращения: 14.09.2018).
26. Разъяснение Госкомтруда и Секретариата ВЦСПС от 22 мая 1975 года № 8/14 «О порядке применения районного коэффициента к заработной плате и льгот для работников, занятых на строительстве и обслуживании Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и железнодорожной линии БАМ – Тында – Беркакит». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5032#09317528485979851 (дата обращения: 14.09.2018).
27. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М. : Политиздат, 1979. Т. 12. 766 с.
28. Белкин Е.В., Шереги Ф.Э. Формирование населения в зоне БАМ. М. : Мысль, 1985. 170 с.
29. Байкалов Н.С. Таксимо: «угодившие под перестройку» // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. Альманах-исследование / отв. ред. М.Я. Рожанский. Иркутск : Иркутская областная типография № 1, 2002. С. 191–195.
30. Забота партии и правительства о благе народа : сб. док. М. : Политиздат, 1985. Кн. 3, ч. 1. 511 с.
31. Аргудяева Ю.В. Труд и быт молодежи БАМа: настоящее и будущее. М. : Мысль, 1988. 174 с.
32. Железко С.Н. Социально-демографические проблемы в зоне БАМ. М. : Статистика, 1980. 184 с.
33. Богданова Е.А. Как утопия стала реальностью. «Строительство БАМа – самое счастливое время в моей жизни» // Топография счастья: этнографические карты модерна : сб. ст. / сост. Н. Ссорин-Чайков. М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 199–218.
34. Воронина Т.Ю. Память о БАМе. Тематические доминанты в биографических интервью с бывшими строителями // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. С. 76–95.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 октября 2018 г.

The "Soviet Power Reserve": Daily Working Life in the Narratives of BAM Builders

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 124–134.
DOI: 10.17223/15617793/453/15

Nikolay S. Baikalov, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: baikalov@bsu.ru

Keywords: late socialism; new development area; transport construction; daily working life; oral history; narrative memory.
This study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Republic of Buryatia, Project No. 18-49-030010 p_a.

The aim of the article is to reconstruct the daily working life of the Baikal-Amur Mainline (BAM) builders by analyzing the narrative memory of the participants and contemporaries of the All-Union Socialist Construction. Memories of former builders, their families, and local people not participating in the project were collected in the settlements of the Western section of the BAM during 2005–2018. Along with oral history sources, the author used archival documents of construction companies, district and township Soviets, the Communist Party bodies and other public organizations, regional non-fiction, and personal materials of the BAMers. The theoretical and methodological basis of the article includes current research works in the field of oral history and memory studies. Such aspects of daily working life as the system for selecting workers for the construction, motivation for arrival, team building, labor and living conditions, socialist competition, etc., were examined through the prism of informants' personal perception and individual autobiographical experience. The analysis of the memories showed that the way of life and rhythms of the BAM settlements were completely subordinate to the tasks of building the railway. Each construction company or industrial enterprise built their own separate working districts with clubs, kindergartens, schools, libraries, and other social and cultural facilities. The workers spent most of their free time in the teams of their brigades, Komsomol detachments, and enterprises. Living in the same street or dormitory, they celebrated holidays, played sports, participated in amateur activities together. During off-hours, the workers set up their own settlements, built houses, playgrounds, stadiums, and swimming pools. As a result, memories about life at the BAM often make up an image of a common permanent construction that did not finish with the end of the working day or the week. The author believes that informants reproduce biographical plots narrating about various difficulties in the context of glorification of the builders' everyday

work and feats. The processing of negative events into positive ones is associated with the retrospective effect of narrative memory. Being in difficult life situations today, many veterans of the BAM appeal to the theme of courage, hardship, endurance, thanks to which they managed to take part in the lifetime project for the nation, feel their need, find their own collective identity. In the post-Soviet crisis, everyday practices developed during the construction project became the main symbolic resource for the survival of the population in the BAM areas.

REFERENCES

1. Volodina, N.N. (2012) *Proizvodstvennaya povsednevnost' tyumenskikh rabochikh v 1945–1965 gg. (na primere zavoda "Mekhanik")* [Industrial Daily Life of Tyumen Workers in 1945-1965 (On the Example of the Factory "Mechanic")]. History Cand. Diss. Tyumen'.
2. Subbotina., E.S. (ed.) (2013) *Povsednevnost' v rossiyskoy provintsii XIX–XX vv.* [Daily Life in the Russian Province of the 19th–20th Centuries]. Proceedings of the All-Russian Conference. Perm. 5–6 November 2013. In 2 Parts. Part 2. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University.
3. Rafikova, S.A. (2007) *Byt rabochey sem'i Zapadnoy Sibiri v 1960-e gody* [Life of the Working Family of Western Siberia in the 1960s]. Krasnoyarsk: Siberian State Technical University.
4. Robinson, J.A. & Taylor, L.R. (1998) Autobiographical memory and self-narratives: A tale of two stories. In: Thompson, C.P. et al. (eds) *Autobiographical memory: Theoretical and applied perspectives*. Mahwah, NJ. pp. 125–143.
5. McAdams, D.P. (2001) The Psychology of Life Stories. *Review of General Psychology*. 5 (2). pp. 100–122.
6. Yurchak, A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Translated from English Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Karpov, V.P. (2016) [Work Was the Main: The Daily Routine of the Tyumen Oil Workers in the 1950s–1980s]. *Rossiyskaya povsednevnost' XIX–XX vv.* [Daily Life in the Russian Province of the 19th–20th Centuries]. Proceedings of the All-Russian Conference. Perm. 30–31 October 2015. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University. pp. 59–72. (In Russian).
8. Gordienko, I.V. (ed.) (1999) *BAM na territorii Buryatii: istoriya stroitel'stva, ee rol' v khozyaystvennom osvoenii regiona* [BAM on the Territory of Buryatia: The History of Construction, Its Role in the Economic Development of the Region]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
9. Department of Culture and Archival Affairs of North-Baikal District. Fund 1. List 1. File 652. (In Russian).
10. Verbitskiy, Yu.S., P'yankov, V.D. & Sushchevich, V.A. (2010) *Pravda o BAMe. BAM glazami uchastnikov ego stroitel'stva* [The Truth About BAM. BAM Through the Eyes of Participants in Its Construction]. Moscow: ASMO-press.
11. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 19. List 12. File 38. (In Russian).
12. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund P-8. List 9. File 2. (In Russian).
13. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund P-8. List 8. File 3. (In Russian).
14. Ward, Chr. J. (2009) *Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism.* Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
15. Orlov, V.A. (1983) *Druz'ya moi, tonnel'shchiki* [My Friends, Tunnel Builders]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
16. Balkov, K.N. (ed.) (1978) *Ispytanie trassoy* [A Test by the Mainline]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo.
17. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-2002. List 1. File 37. (In Russian).
18. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-2002. List 1. File 6. (In Russian).
19. Zhelezko, C.N. (1980) Faktory stabilizatsii kadrov na stroitel'stve BAM [Factors of Stabilization of Personnel in the Construction of BAM]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 84–87.
20. Knabe, B. (1984) Die Baikal-Amur Magistrale. Ihr Bau und die Erschließung ihres Umlandes. *Osteuropa*. 34. pp. 426–439.
21. Ward, Chr. J. (2002) *"Path to the Future" or the Road to Nowhere? A Political and Social Examination of the Construction of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM), 1974–1984*. PhD Dissertation. Chapel Hill: University of North Carolina.
22. Starin, B.S. (1987) *Sotsialisticheskoe sorevnovanie stroiteley BAMa 1974–1984 gg.* [Socialist Competition of Builders of BAM, 1974–1984]. Novosibirsk: Nauka.
23. Krivoy, A.S. (2004) *BAM ot A do Ya* [BAM From A to Z]. Irkutsk: Vost.-Sib. izdatel'skaya kompaniya.
24. Baykalov, N.S. (2015) Trade Service of the BAM (Baikal-Amur Mainline) Builders *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* 10 (60). pp. 34–36. (In Russian).
25. Consultant.ru. (2018) *Resolution of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR No. 561 of 08 July1974 "On the Construction of the Baikal-Amur Mainline".* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4773#036469043051779226. (Accessed: 14.09.2018). (In Russian).
26. Consultant.ru. (2018) *Clarification of the State Committee for Labor and the Aucctu Secretariat No. 8/14 of 22 May 1975 "On the Procedure for Applying the District Coefficient to Wages and Benefits for Workers Engaged in the Construction and Maintenance of the Baikal-Amur Mainline and the BAM–Tynda–Berkakit Railway Line".* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5032#09317528485979851. (Accessed: 14.09.2018). (In Russian).
27. Politizdat. (1979) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues]. Vol. 12. Moscow: Politizdat.
28. Belkin, E.V. & Sheregi, F.E. (1985) *Formirovanie naseleniya v zone BAM* [The Formation of the Population in the BAM Zone]. Moscow: Mysl'.
29. Baykalov, N.S. (2002) Taksimo: "ugodivshie pod perestroyku" [Taksimo: "Caught by the Perestroika"]. In: Rozhanskiy, M.Ya. (ed.) *Baykal'skaya Sibir': fragmenty sotsiokul'turnoy karty. Al'manakh-issledovanie* [Baikal Siberia: Fragments of a Sociocultural Map. Research Almanac]. Irkutsk: Irkutskaya oblastnaya tipografiya no. 1. pp. 191–195.
30. Politizdat. (1985) *Zabota partii i pravitel'stva o blage naroda* [Party and Government Concern About the Welfare of the People]. Book 3. Pt. 1. Moscow: Politizdat.
31. Argudyaeva, Yu.V. (1988) *Trud i byt molodezhi BAMa: nastoyashchee i budushchee* [Work and Life of BAM Youth: Present and Future]. Moscow: Mysl'.
32. Zhelezko, S.N. (1980) *Sotsial'no-demograficheskie problemy v zone BAM* [Socio-Demographic Problems in the BAM Zone]. Moscow: Statistika.
33. Bogdanova, E.A. (2013) Kak utopiya stala real'nost'yu. "Stroitel'stvo BAMa – samoe schastlivoe vremya v moey zhizni" [How a Utopia Became a Reality. "The Construction of BAM Was the Happiest Time in My Life"]. In: Ssorin-Chaykov, N. (ed.) *Topografiya schast'ya: etnograficheskie karty moderna* [Topography of Happiness: Ethnographic Maps of the Modern]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 199–218.
34. Voronina, T.Yu. (2009) Pamyat' o BAMe. Tematicheskie dominanty v biograficheskikh interv'yu s byvshimi stroitelyami [The Memory of BAM. Thematic Dominants in Biographical Interviews With Former Builders]. *Neprikosnovennyy zapas.* 2. pp. 76–95.

Received: 24 October 2018

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 135–141. DOI: 10.17223/15617793/453/16

УДК 314.7

С.В. Березницкий, В.А. Каштанюк, П.В. Примак, Е.В. Титова

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ТРАДИЦИОННОЙ КУХНИ В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Рассматриваются этнокультурные особенности современной модели питания в Еврейской автономной области в качестве сложного, но необходимого механизма адаптации мигрантов в принимающем обществе, расширения этнографического горизонта коренных жителей ЕАО. В результате проведенного исследования авторы статьи пришли к выводу о том, что этнические компоненты достаточно прочно сохраняются в кулинарных традициях как местных этносов так и мигрантов, что способствует взаимному обогащению их культур.

Ключевые слова: традиционная кухня; межэтнические отношения; Еврейская автономная область; межкультурные коммуникации.

Известно, что система питания народов мира является важным механизмом экологической и этнокультурной адаптации, сохранения этнического самосознания [1. С. 5–6; 2. С. 3; 3. С. 121–126; 4. С. 491–502; 5. С. 149; 6. С. 147–148]. В качестве методологической основы авторы статьи использовали разработки известного российского этнографа, теоретика науки А.С. Арутюнова о том, что пища, как культурный институт, характеризуется двумя, на первый взгляд, взаимоисключающими компонентами. С одной стороны, она, как стойкий элемент материальной культуры, позволяет этносу сохранять особенности своего традиционного питания. Однако, с другой – быстрее других показателей этнической культуры включает в себя иноэтнические аспекты, новации и заимствования. Кроме того, ярким маркером служат многочисленные пищевые табу, предписания и запреты, связанные с особенностями социальной организации этноса, его хозяйственно-культурного типа, с диаспоральными и половозрастными отличиями. При этом значительно отличаются по своим функциям обыденные, архаичные, праздничные и ритуальные блюда; три последних типа играют более важную роль для сохранения этнического самосознания [7. С. 10–14, 17; 8. С. 4–5].

Особенно актуальными эти процессы являются для общества, принимающего определенное число мигрантов, носителей иной культуры, языка хозяйства, вкусовых предпочтений. В этом смысле в качестве исследовательского объекта авторами взят особый российский регион – Еврейская автономная область, которая изначально формировалась за счет переселенцев из разных регионов мира. Мигрантами были евреи из Европы, Палестины, Америки, Белоруссии [9. С. 37]. Они ехали на Дальний Восток, в бассейн р. Амур с идеей о возможности создания собственной «земли обетованной», с сохранением устоев своего привычного мира, родной культуры, в том числе и кухни [10. С. 22; 11. С. 19]. При расселении и обустройстве на новой для них территории, в условиях непривычного климата, у них не возникло конфликтов с немногочисленными коренными народами – тунгусо-маньчжурами и потомками русских первопроходцев казаков. В конце XX – начале XXI в. в область стали активно переселяться различные категории мигрантов (трудовые, студенты, с целью создания семьи и пр.[1]) из соседнего Китая, с европейской части России, из бывших советских среднеазиатских и кавказских республик. Анализируя особенности этих миграционных процессов, авторы статьи решили обратить внимание на следующие факторы: как традиционная кухня коренного населения области (в частности евреев) позволяет противостоять миграционной волне, а также как традиционные модели питания мигрантов помогают им адаптироваться к принимающему сообществу и сохранить основу своей культуры. Для этого в статье рассматриваются самые яркие показатели этнической кухни ряда контактирующих этносов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Анализ логично начинать с евреев, т.е. этноса, давшего на основе своего этнонима название этому региону. Этнокультурным маркером еврейской кухни является кашрут – свод законов, регламентирующий особенности запрещенной и разрешенной пищи. Согласно предписаниям употреблять в пищу разрешается мясо крупного рогатого скота, овечье и козье мясо, а также некоторых видов диких животных – оленей, косуль, мясо птицы (кур, гусей, индюков, голубей). Рыбу можно употреблять в пищу только имеющую плавники и чешую. Все другие виды животного мира в пищевое употребление запрещены, как и смесь молочных и мясных продуктов.

В 1990-е гг. наблюдался всплеск возрождения еврейской культуры, что нашло отражение в особенностях развития этнических аспектов кухни. В Биробиджане во всех кафе и ресторанах есть фирменное блюдо: шницель по-биробиджански, автором которого является шеф-повар Яков Исаакович Блехман. В еврейском меню области на сегодняшний день наблюдается смешение разных этнических блюд: китайских и корейских салатов, борща. Но, как правило, обязательным составляющим являются еврейские некошерные блюда: гифелте фиш (фаршированная рыба), бульон с манделах, латкес (драники), варнечкес (вареники с творогом), форшмак (паштет из соленой сельди с маслом). В магазинах области имеется ограниченный ассортимент кошерных продуктов (овощи, фрукты, кошерная рыба, соевое мясо). Однако фактическое проявление еврейской культуры выражается в заново созданной и искусственно сформированной традиционной кухне с еврейскими названиями и основным составом блюд, без всякого религиозного компонента. Поэтому вопрос о кошерности пищи в ресторанах с еврейской кухней остается

наиболее спорным. Сегодня в Еврейской автономной области заведений с еврейской кухней, основанной на строгих кошерных предписаниях, нет. Прежде всего, это связано с тем, что у предприятий, занимающихся ресторанным бизнесом, нет возможности приобрести необходимую продукцию для приготовления кошерных блюд. Немаловажным фактором является и не слишком большое количество желающих отведать такие блюда, что входит в противоречие с коммерческими интересами ресторанного бизнеса.

Наряду с постепенным возрождением еврейской пищевой культуры появились этнокультурные особенности питания мигрантов, которые можно рассмотреть на основе анализа их современной домашней кухни и ресторанной сети. Собранный у мигрантов материал представлен в статье на основе его объема и полноты, на что повлияли степень знания мигрантами русского языка, их готовность к диалогу, степень доброжелательности, условия установления контакта исследователя и респондента и многие другие факторы.

Наиболее распространенными среди населения Биробиджана и области являются блюда армянской, азербайджанской, узбекской кухонь. Все они давно находятся в известной степени взаимовлияния, что не исключает их самобытности, своего, особого вкуса. Например, армянская кухня многое заимствовала из турецкой [11. С. 37–39]. Любимый многими народами плов (узб. «палов», тадж. «оши-палов») встречается не только у армян, но и у народов Индии, Центральной Восточной и Ближней Азии, Кавказа и др. При этом у каждого этноса есть свои особенности его приготовления. Отличительными чертами армянской кухни Биробиджана являются ритуальные и праздничные блюда. В частности, для Святого таинства – Причастия – готовят хлеб, который называется ншхар. В дни больших праздников принято готовить мясо петуха (или баранину) – матах в качестве своеобразного обряда жертвоприношения. Мясо раздают нуждающимся, съедают дома в день жертвоприношения. По словам респондента М. Шаринян [11. С. 37], на празднование Нового года готовятся блюда: анушапур – суп из сухофруктов (сладкий суп), чтобы наступающий год был «сладким»; тарехац – сладкий хлеб, внутрь которого кладут монету, символ удачи в новом году; кашика – мясо в глиняных горшочках как символ мира в новом году, бозбаш (суп из баранины с добавлением овощей и фруктов), кололик – суп с мясными фрикадельками, хаш – суп из говяжьих ног и чеснока [11. С. 37]. Супы армяне готовят не только на основе мясного или рыбного бульона, но и на кислом молоке. Например, суп из кислого молока – тапанур. Закваску оставляют на ночь, после чего суп несколько раз доводится до кипения на медленном огне. Многие супы готовятся с добавлением бобовых и зерновых культур: суп таронский (из курицы с добавлением сельдерея, лука, лимона, перловой крупы, яичных желтков и специй); сарнапур (с горохом, рисом, свекольной ботвой, зеленью и специями); лобахашу (с красной фасолью, грецкими орехами, луком, зеленью); чирапур (гороховый с курагой, зеленью и специями); катнапур (с рисом и молоком) [11. С. 37–38]. Наиболее распространенными вторыми блюдами считаются приготовленные из вареного или жареного мяса с гарниром из кисло-сладких фруктов или овощей и зелени. Например, амич – курица, фаршированная рисом с сухофруктами и молотыми специями; бораки – пельмени по-армянски с начинкой из мясного фарша, сверху пельмени открытые. Их сначала отваривают до полуготовности в бульоне и после обжаривают на сковороде. В качестве приправ в армянских блюдах используют чеснок, черный и красный перец, уксус, эстрагон, кинзу, лук. Чаще всего армянские блюда готовят на топленом масле, сливочном, из овечьего молока, придающих блюдам особый кисловатый привкус. Для сладких блюд чаще всего используются корицу, кардамон, ваниль, иногда шафран [11. С. 38]. Таким образом, армянские мигранты практически ничего не утратили из своей традиционной кухни на Дальнем Востоке России. Более того, некоторые из армянских блюд очень популярны среди жителей Биробиджана и области.

На традиционную кухню азербайджанцев, исповедующих ислам, повлияли культурные и торговые связи с арабо-персидской, ближневосточной, средиземноморской цивилизациями [11. С. 29]. Наиболее популярными блюдами азербайджанцев, по информации их мигрантов-респондентов, являются левенш (рыба с начинкой из молотых грецких орехов и жареного лука), джиз-быз (блюдо из потрохов барана), долма (мясной фарш в виноградных листьях), пахлава (сладкое блюдо из слоеного теста с добавлением орехов и меда), кутабы (пирожки с начинкой из рубленого мяса), хашлама (блюдо из мяса говядины или баранины и овощей), плов, сабзи (соус из зелени, например, из шпината или стручковой фасоли), пити (суп из мяса и гороха), чабаб (мясо на шампурах), садж, блюдо из мяса и овощей, кебаб (шашлык) [11. С. 30]. По твердому убеждению азербайджанских переселенцев, шашлык должен готовить исключительно мужчина, имеющий свой особенный секрет в разделке бараньей туши, обработке мяса, нанизывании его на шампур, длительности приготовления, в интенсивности жара от углей. Как правило, кебабы подают на шампурах или порционных тарелках, украшенных шинкованным луком, зеленью, сумах (кислая пряность); отдельно подают соусы. Самый распространенный кебаб среди азербайджанских мигрантов, который подают во многих биробиджанских ресторанах и кафе, носит название люля-кебаб («люля» от тюркского – «трубка», «кебаб» – жареное мясо, шашлык из молотого мяса). Мучные блюда азербайджанцы предпочитают выпекать в тандырах. Сначала муку просеивают и обогащают мучную массу кислородом. Из нее приготавливают самое распространенное порционное (на одного человека – до 5–7 штук) мучное блюдо – кутабы. Начинкой служит мелкорубленое мясо с добавлением зерен граната, зелени, специй. Центральным блюдом праздничного стола у азербайджанцев считается также плов который подают в больших блюдах, поливают растопленным сливочным маслом, украшают фигурно разрезанным газмахом (лепешка из теста) [11. С. 28].

В азербайджанской (равно как и во всей кавказской кухне) большую роль играют холодные и горячие закуски: острые и соленые кушанья, с которых

обычно начинают обед или ужин, реже завтрак. К повседневному столу принято подавать одну-две закуски, а праздничный стол может состоять только из одних закусок. Примеры закусок: кюкю – взбитые яйца с зеленью с добавлением различных специй; аджика – закуска из острого красного или зеленого перца с добавлением специй (также используется и как приправа) [11. С. 29–30]. Часто в блюда добавляют шафран, лепестки роз, приправу обгара – из незрелого винограда, лашаран – из граната, сумах – из барбариса, сушеный и свежий алычар, кизил и т.д. [11. С. 30].

Азербайджанские мигранты при приготовлении пищи крайне умеренно кладут соль, которую компенсируют добавлением фруктовых соков, например гранатового. В результате использования различных приправ, специй, зелени, душистого перца, базилика, корицы и других для многих блюд характерен острый вкус. Для улучшения вкусовых качеств пищи очень часто применяют лимоны, маслины, оливки, пищевые кислоты, альбухару (сливы). Первые блюда готовят на основе заранее приготовленного бульона (овощного или мясного), при этом мясо и зерно готовятся раздельно. При приготовлении холодных супов широко используется катык (соус из молока) и айран (кисломолочный соус, приготавливаемый на основе катыка). Супы едят после горячих закусок в супницах, кременках, питишницах. Отдельно к супам подаются уксус, сметана, толченый чеснок, абгара, катык, сумах (кислая пряность) и мелкорубленная зелень. Вторые блюда готовят путем жарки на сковороде, в тандыре, на шампурах, вертеле и подают на широких блюдах или порционных тарелках с гарниром [11. С. 31]. Мигранты-азербайджанцы известны своими сладкими блюдами: пахлавой, шакер-чуреками (песочное печенье), шакербуру (узорчатое печенье со сладкой ореховой начинкой), бамья (десерт из теста с сахарным щербетом) и другие сладостями [12. С. 181].

Узбекская кухня во многом схожа с традиционной азиатской кухней, но все же имеет специфические черты. Прежде всего, блюда узбекской кухни, как и таджикской, отличаются высокой калорийностью. Они очень жирные, потому что их готовят с использованием курдючного сала, хлопкового и сливочного масла. А для того чтобы компенсировать чрезмерную жирность, в блюда добавляют много овощей и зелени [11. С. 35]. Особые традиции в узбекской кухне связаны с хлебом. Традиционные узбекские лепешки обязательно нужно класть «лицом» вверх, чтобы показать уважение хозяину дома [11. С. 35]. На обеденном столе всегда должно быть четное количество лепешек. На узбекскую свадьбу готовят праздничный плов туй оши с добавлением турецкого гороха – нута, большого количества специй: барбариса, куркумы, чеснока кориандра и др. Плов традиционно едят руками. Одно из ритуальных блюд узбекской кухни – сумаляк из пророщенных зерен пшеницы, готовится почти сутки. В основном его едят в праздник Навруз (равно как таджики и азербайджанцы). Сумаляк символизирует начало весенних посевных работ [11. С. 36]. Первые блюда чаще всего мясные. В отличие от азербайджанской кухни, мясо и рис узбеки готовят вместе. В супы часто добавляют для густоты крупы, бобовые, домашнюю лапшу. Например, мош угра – суп из говядины, лапши и маша (разновидность фасоли); машхурда – мясной суп с добавлением риса и маша и др. [11. С. 36]. Центральное месо среди вторых блюд (как и у таджиков) занимает плов, который готовит только мужчина. Узбеки Биробиджана сохранили много рецептов его приготовления. На свадьбу плов начинают готовить с вечера. По словам узбекских мигрантов, их традиционная кухня включает много видов мучных изделий. Многие блюда имеют яркий, насыщенный аромат из-за обильного добавления специй и приправ (черный и красный перец, кориандр, базилик и др.) [11. С. 37].

На узбекскую и азербайджанскую кухню очень похожа таджикская [11. С. 33]. Таджики также готовят много жирных блюд с использованием мяса, зерновых, бобовых, муки, овощей. Блюда готовят в казанах, мантоварках, тандырах, мангалах, пекарских шкафах, для того чтобы блюдо равномерно прогревалось со всех сторон и не пригорало. Для приготовления мучных блюд и кулинарных изделий используют различные виды пресного и дрожжевого теста. Очень популярны лепешки фатир, их иногда делают с дыней. Традиционными считаются лепешка в виде овального круга, символизирующего солнце или луну (кроме того, овал олицетворяет дружбу народов), а также самса. Самса делается из слоеного теста треугольной формы, в качестве начинки берут баранье или говяжье мясо с добавлением молока, куриных яица, иногда ее посыпают кунжутными семенами [11. С. 34].

Другие популярные блюда таджикской кухни: курутоб – блюдо из творога, слоеной лепешки, помидоров, огурцов, зелени, лука, соли; шакороб – салат из помидоров с луком и специями; оши-палов – таджикский плов. Главные его ингредиенты – рис, морковь, мясо, баранина или говядина, различные специи. Плов подают как на повседневный, так и на праздничный ужин. Мигранты называли и такие блюда, как шурпа (мясной суп), мош-биринч (суп, основные ингредиенты которого – рис и зеленая фасоль), хом-шурбо (суп с мясом, овощами и зеленью), самбуса (мясные пирожки). Очень жирные, наваристые в таджикской кухне и супы. Мясо для них предварительно обжаривают. В суп добавляют овощи, зерновые и бобовые культуры. При подаче на стол суп обильно посыпают петрушкой, укропом, зеленым луком, щавелем, базиликом. В основе вторых блюд у таджиков, несомненно, мясо. В ЕАО есть небольшое заведение таджикской кухни – кафе «Душанбе», в которое с удовольствием посещают не только таджики, но и другие народы, для того чтобы поесть плова и других таджикских блюд, выпить чаю с различными видами сладостей – халвой, конфетами-пичак, чак-чаком (печеное тесто с медом), орехами в сахарной глазури, сухофруктами, свежими фруктами и т.д. [11. С. 34–35]. Эти посещения – хороший показатель того, что кухня таджикских мигрантов не только позволяет им сохранять свои привычные гастрономические пристрастия, но и разнообразить вкусовые традиции представителей других национальностей элементами восточной культуры.

Весьма популярна в Еврейской автономной области китайская кухня. Ее отличительная особенность заключается в том, что блюда содержат в себе несочетаемые, с точки зрения других этносов, продукты. Например, знаменитая китайская свинина с рыбой, говядина с креветками, сладкое мясо, жареные бананы и т.д. Китайские мигранты утверждают: все, что зеленого цвета – это овощи, а все, что шевелится, – это мясо [11. С. 32]. Приготовление различных блюд в китайской кухне не занимает много времени, так как их готовят на сильном огне в течение нескольких минут, используют скороварки, сковородки «вок». До тепловой обработки все ингредиенты тщательно чистят, обмывают, нарезают и т.д., на что уходит гораздо больше времени. Едят китайцы палочками, а ложки используют для супа или соуса. Палочки считаются культурным достижением Китая. Мигранты раскрыли особенности использования палочек. Если едок удерживает палочки тремя пальцами, то он считается простым человеком, если использует пять пальцев, то это означает, что он рожден для больших свершений [11. С. 33].

Повар Лин Син Чин одного из китайских биробиджанских ресторанов рассказал: «…многие в России считают, что китайская кухня состоит только из экзотических ингредиентов. Но это не так. Как правило, особенность заключается в скорости приготовления блюда, в соблюдении определенных пропорций продуктов…» [11. С. 32]. Кроме того, китайцы не употребляют кисломолочные продукты, творог, сыр. Это объясняется экономической неэффективностью молочного животноводства в условиях муссонного климата, к тому же часть китайцев не имеют ферментов, способствующих переработке в организме лактозы. Но мудрые китайцы нашли альтернативу и активно употребляют в пищу соевое молоко. Самое популярное блюдо, названное мигрантами, – гобаожоу (свинина в кляре в кисло-сладком соусе) [13]. Оно чаще других встречается в меню местных ресторанов, кафе и т.д.

Среди китайских мигрантов области популярным блюдом является китайская лапша «удон» с соусом, имеющим специфический острый запах. Очень распространены такие блюда: свиные уши с огурцом, салат из куриных желудков с грибами и овощами, свиная рулька в соевом соусе, стрелки чеснока со свининой, курица кунгпао с арахисом и горьким перцем, свиная печень в соусе тирей[2], свиные хрящики с овощами в соусе, куриное филе с грибами шитаке, куриное сердце с овощами, суп из свинины с овощами и лапшой, свинина с пекинской капустой в остром масле, свиное сердце с овощами, баклажаны с курицей по-пекински и др. [11. С. 33]. Основой китайских супов служит «нейтральный» бульон, чтобы он не перебивал вкуса приправ. Поэтому такой бульон готовится чаще всего из куриного или свиного мяса, но никогда не из говяжьего. За один праздничный обед китайцы могут подать к столу сразу несколько супов. «Второй» суп могут готовить из ингредиентов для «первого» супа, и вкус у него получится еще более нейтральным. В качестве вторых блюд китайцы чаще всего используют свинину и курицу. Мясо готовят на большом огне, предварительно мелко нарезав. Часто применяют куриные яйца в приготовлении холодных и горячих блюд. Немало блюд в китайской кухне из морепродуктов – кальмаров, креветок и т.д. [11. С. 34]. Знаменитый специфический вкус и аромат китайских блюд появляется в результате использования разнообразных специй, овощей и трав. Например, самой распространенной приправой считается вей-су, это белая сыпучая приправа. Она добавляется во время приготовления почти во все блюда, чтобы усилить вкус входящих в них продуктов. Вместо соли в горячие и холодные первые и вторые блюда китайские повара добавляют соевый соус, усилитель вкусовых качеств блюд юшу глютамат натрия. Также распространенными добавками являются зеленые стрелки чеснока, лук, крахмал, имбирь, красный, белый, черный перец, бадьян, острая паприка, корица, рисовое вино и т.д. В отличие от кухни азербайджанцев, таджиков, армян с их лепешками из теста, китайцы употребляют в пищу либо пончики «баоцзы» [11. С. 35], немного похожие на обыкновенные пирожки с любой начинкой, либо сушеные тонкие листы теста. Таким образом, именно специфические блюда китайской кухни стали популярными в ЕАО и ее столице Биробиджане.

В корейской кухне, еще одного этноса восточной цивилизации, можно найти отражение восточной философии, например, сочетание в блюде сушеной и свежей зелени, продуктов животного и растительного происхождения. Благодаря этим составляющим блюда являются завершенными и наполненными большим количеством витаминов и прочих полезных микроэлементов. Одним из основных корейских блюд является пининбаб – рис с овощами, мясом и специями. Согласно корейским традициям пининбаб отражает сущность дальневосточной космогонической доктрины, согласно которой Вселенная состоит из пяти основных элементов – огня, земли, воды, дерева и металла. Именно по традиционному рецепту пининбаб сочетает в себе пять цветов и пять вкусов. Считается, что данное блюдо не только избавляет от голода, но и способствует постижению мудрости и идеи вселенской гармонии [11. С. 37–38].

Довольно распространены среди корейцев суп «кук-си» и пирожки «пян-се», приготовленные на пару. Многие местные жители области и Биробиджана, особенно молодежь, студенты, очень любят пян-се, которые продаются во многих закусочных лавках. Еще одним популярным блюдом не только среди корейцев-мигрантов, но и местных жителей является бульгоги – жареная говядина со специями. Мясо предварительно маринуется в соевом соусе с чесноком, кунжутным маслом и зеленым луком. В Биробиджане одно из корейских кафе носит название «Бульгоги». Корейская кухня отличается разнообразными салатами из свежих или пассированных овощей с различными видами специй. В качестве заправок салатов в большинстве случаев выступают соевый соус, растительное масло, лимонный сок, уксус. Наиболее распространенными в кафе и ресторанах ЕАО, по словам информантов, являются салаты морковча (морковь по-корейски), фунчоза (салат из тонкой лапши с ово-

щами и специями), салат хе (острая закуска из мяса или рыбы с овощами и специями) [11. С. 37]. Распространены супы: чиге (острый красный суп с мясом свинины или морепродуктами и овощами); кук (бульон из овощей); тхан (мясной бульон из свинины); нанмен (суп из лапши, овощей, мяса с добавлением соевого соуса и горчицы) [11. С. 38]. Вторые блюда в корейской кухне готовят по большей части из рыбы и морепродуктов, но и мясо не является исключением. Рыбу обычно тушат или обжаривают в большом количестве масла. К тому же в горячие или холодные вторые блюда добавляют много овощей. Для большинства супов, салатов, закусок, вторых блюд, характерен специфический острый пряный вкус. Особая пряность и острота объясняются, во-первых, природно-климатическими особенностями Кореи, особенностями хозяйства, основанного на земледелии и питании днем в поле. Для того чтобы блюдо не испортилось в жарких условиях, его обильно насыщают перцем и другими пряностями. Во-вторых, острые блюда стимулируют метаболизм и затормаживают процессы старения организма человека. Основные специи, которые добавляют корейцы при приготовлении во многие блюда, – красный перец, черный перец, чеснок, жареные кунжутные семена, имбирь, соевый соус, уксус, горчица [11. С. 39]. Именно острота многих корейских блюд является причиной отказа их пробовать, особенно среди пожилых людей.

Таким образом, индустрия питания в ЕАО, которая по массовости обслуживания уступает только торговле, является одним из рычагов, способствующих развитию межэтнических и межкультурных коммуникаций. Этническая кухня имеет большое значение в позитивном развитии межэтнических контактов. Исследование этнокультурных особенностей пищевых моделей позволило сформировать определенные маркеры, которые разделяют «свое» и «чужое» в процессе межкультурных контактов. Анализ культурных компонентов, входящих в основу концепта «еда», позволяет выстроить систему механизмов для успешной реализации межэтнических диалогов [14]. В целом на современном этапе невозможно представить культуру мигрантов, которая развивалась бы совершенно изолированно, вне межэтнических отношений. Вливаясь в динамичный межкультурный диалог в ЕАО, мигрантский этнос привносит в это взаимодействие свои характерные черты. С 2011 г. в Биробиджане проходит ежегодный областной фестиваль этнических культур «В семье единой». В рамках этого фестиваля проводится конкурс кухонь различных этносов. Жители и гости города проводят дегустацию русских, еврейских, армянских, азербайджанских, узбекских, таджикских, китайских, корейских блюд и гастрономических достижений других народов. Кроме того, местные и приезжие этносы стараются приурочить к этому фестивалю свои праздники, связанные не с календарной или религиозной схемой, а, например, с событиями в конкретной диаспоре – свадьбой, днем рождения, – что привлекает большое количество гостей.

Выбранный авторами статьи теоретический тезис А.С. Арутюнова об амбивалентном характере пищи как наиболее стойком элементе материальной культуры, позволяющем этносу сохранять особенности своего традиционного питания, и в то же время легко включающем в свой состав иноэтнические рецепты, подтверждается на конкретном этнографическом материале Еврейской автономной области. Мигранты с помощью своей привнесенной в область пищевой модели сохраняют собственную идентичность, а коренные жители региона, не утрачивая свое этническое самосознание, расширяют свои гастрономические пристрастия, узнают о пищевых культурах других народов. Как коренные народы региона, так и мигранты, вносят разнообразие в свой рацион, с интересом проводят время в кафе и ресторанах области и Биробиджана. Исключение составляют ортодоксальные члены принимающего и приезжего этносов, сохраняя сакральные устои своей культуры. Несмотря на то что эти сферы (повседневные, обыденные, ритуальные, религиозные) не пересекаются, они и не противоречат друг другу, позволяя этносам ЕАО, при сохранении своих архетипических компонентов, не отказываться от употребления общепринятых инокультурных блюд на праздниках, фестивалях, свадьбах, в системе общественного питания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Авторы не рассматривают такой вид миграции, как криминальная. Она, несомненно, присутствуют, как и во многих других субъектах Российской Федерации. Однако как исследовательский объект криминальная миграция требует особых методов сбора эмпирического материала контактов с криминальными группировками, органами спецслужб и т.п. Данной методикой никто из авторов статьи не владеет.

[2] Основными ингредиентами соуса тирей являются: традиционный соевый соус, уксус, чеснок, сахар, кинза, кориандр, красный перец.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С.А., Воронина Т.А. Предисловие // Традиционная пища как выражение этнического самосознания / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М. : Наука, 2001. С. 5–9.
2. Кабицкий М.Е. Введение в тему: антропология пищи и питания сегодня // Этнографическое обозрение. 2011. № 1. С. 3–7.
3. Андреева Л.А., Хопияйнен О.А., Филимонова Н.В. Национальная кухня как фрагмент этнической идентичности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 6. Ч. 1. С. 121–126.
4. Андреева Л.А. Национальная кухня марийцев в диалоге культур народов Югры // Вестник угроведения. 2018. Т. 8, № 3. С. 491–502.
5. Маркарьян С.Б. Японская кулинария – объект мирового культурного наследия // Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 149–162.
6. Андреева Л.А., Хопияйнен О.А., Филимонова Н.В., Якимчук А.В. Язык, культура, питание: национальная кухня как этномаркер в молодежной среде // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 6. Ч. 2. С. 147–153.
7. Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М. : Наука, 2001. С. 10–17.

8. Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания) // Советская этнография. 1981. № 4. С. 3–15.
9. Каштанюк В.А. Социокультурная адаптация евреев Еврейской автономной области в Израиле и их реэмиграция на рубеже XX–XXI вв. : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 222 с.
10. Липинская В.А. Адаптивно-адаптационные процессы в народной культуре питания русских // Традиционная пища как выражение этнического самосознания / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М. : Наука, 2001. С. 18–40.
11. Титова Е.В. Этнокультурный облик мигрантов в Еврейской автономной области. Биробиджан // ГА ЕАО. Ф. 629. Оп. 2. Д. 380. 2012. 55 л.
12. Гуревич В.С. Все о Еврейской автономной области : справ.-энцикл. сб. Биробиджан : Этнос-ДВ, 1997. 225 с.
13. Зливко А. Культура по-восточному // Биробиджанская звезда. 20.08.2014. № 59 (17245).
14. Марушкина Н.С. Национальная кухня в условиях межкультурного диалога // Научный поиск. 2014. № 2.6. С. 26–28.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 ноября 2019 г.

The Ethnocultural Specificity of Traditional Cuisine in the Jewish Autonomous Oblast

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 135–141.
DOI: 10.17223/15617793/453/16

Sergey V. Bereznitsky, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: svbereznitsky@yandex.ru
Valeriya A. Kashtanuyk, Amur State University named after Sholem Aleichem (Birobidzhan, Russian Federation). E-mail: valeriya-77@mail.ru
Petr V. Primak, Amur State University named after Sholem Aleichem (Birobidzhan, Russian Federation). E-mail: primakos@yandex.ru
Ekaterina V. Titova, Amur State University named after Sholem Aleichem (Birobidzhan, Russian Federation). E-mail: efimovaekaterina91@yandex.ru

Keywords: traditional cuisine; interethnic relations; Jewish Autonomous Oblast; intercultural communications.

The aim of the research is to determine the features of the ethnocultural specificity of traditional cuisine in the Jewish Autonomous Oblast. The sources for the study arereligious texts that reveal the peculiarities of Jewish cuisine, publications in the periodicals of Birobidzhan that throw light on the ongoing ethnocultural events in the region including the food culture of the region's ethnic groups, the authors' ethnographic field material–the questionnaire data from a survey conducted among migrants and the local population of the Jewish Autonomous Oblast. Food traditions are strongly associated with the culture of an ethnic community. The consideration of the ethnocultural meanings underlying the concept "food" is one of the conditions for the successful implementation of intercultural dialogue. An ethnocultural marker of Jewish cuisine is *kashrut*–a set of laws regulating the characteristics of banned and allowed food. However, the issue of kosher food in local restaurants with Jewish cuisine remains the most controversial. It turns out that the Jewish Autonomous Oblast has no venues with authentic Jewish cuisine, and, to this day, this is primarily due to the fact that enterprises involved in the restaurant business do not have the opportunity to purchase products required for preparing kosher dishes. By the 1990s, along with the revival of Jewish culture, other distinctive features emerged in the region that manifested themselves in the peculiarities of the cuisine. Despite the national status, since its official formation, the region appears as a territory with a multi-ethnic palette. A characteristic feature of the Jewish Autonomous Oblast is the development and support of cultures of different nationalities. The culinary situation in the Jewish Autonomous Oblast, represented in food venues, attests to the great influence of the nearest border neighbor (China) and reflects the migration processes, namely, the inflow of migrants from the regions of the Caucasus and Central Asia. In the 1990s, there was a revival of Jewish culture, which was reflected in the peculiarities of the development of the national aspect in the cuisine. Every cafe and restaurant in Birobidzhan has a local specialty: Birobidzhan-style schnitzel authored by the chef Yakov Blekhman. Today, there is a mixture of different ethnic dishes in the menu of the inhabitants of the region: Chinese and Korean salads, borscht, etc., but normally the Jewish national dishes such as gefilte fish (stuffed fish), broth with mandel, latkes (draniki), varnechkess (ravioli with cottage cheese), forshmak (pate from salted herring with butter) are an obligatory component, although all these dishes are not kosher. In this case, we do not see the actual manifestation of the Jewish national culture expressed in traditional cuisine, but rather the development of an original and distinctive cuisine itself. Although the Jewish names and the basic composition of the dishes are preserved, there is no religious component due to the fact of their "non-kosher" nature.

REFERENCES

1. Arutyunov, S.A. & Voronina, T.A. (2001) Predislovie [Preface]. In: Arutyunov, S.A. & Voronina, T.A. (eds) *Traditsionnaya pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznaniya* [Traditional Food as an Expression of Ethnic Identity]. Moscow: Nauka. pp. 5–9.
2. Kabitskiy, M.E. (2011) Vvedenie v temu: antropologiya pishchi i pitaniya segodnya [Introduction to the Topic: Anthropology of Food and Nutrition Today]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 3–7.
3. Andreeva, L.A., Khopiyaynen, O.A. & Filimonova, N.V. (2017) National Cuisine as a Constituent Part of Ethnic Identity. I*storicheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Idea*. 9 (6):1. pp. 121–126. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-121-126
4. Andreeva, L.A. (2018) National Cuisine of the Mari in Cultural Interaction With Yugra Peoples. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*. 8 (3). pp. 491–502. (In Russian).
5. Markaryan, S.B. (2018) Japanese Food Culture – an Intangible Cultural Heritage of Mankind. *Ezhegodnik Yaponiya – Yearbook Japan*. V. 47. pp. 149–162. (In Russian). DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10007
6. Andreeva, L.A. et al. (2017) Language, Culture, Food: National Cuisine as an Ethno-Marker in Youth. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Idea*. 9 (6):2. pp. 147–153. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-147-153
7. Arutyunov, S.A. (2001) Osnovnye pishchevye modeli i ikh lokal'nye varianty u narodov Rossii [The Main Food Models and Their Local Variants Among the Peoples of Russia]. In: Arutyunov, S.A. & Voronina, T.A. (eds) *Traditsionnaya pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznaniya* [Traditional Food as an Expression of Ethnic Identity]. Moscow: Nauka. pp. 10–17.
8. Arutyunov, S.A. & Mkrtumyan, YU.I. (1981) Problema klassifikatsii elementov kul'tury (na primere armyanskoy sistemy pitaniya) [The Problem of the Classification of Cultural Elements (On the Example of the Armenian Food System)]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 3–15.

9. Kashtanyuk, V.A. (2012) *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya evreev Evreyskoy avtonomnoy oblasti v Izraile i ikh reemigratsiya na rubezhe XX–XXI vv.* [Sociocultural Adaptation of the Jews of the Jewish Autonomous Okrug in Israel and Their Re-Emigration at the Turn of the 21st Century]. History Cand. Diss. Ulan-Ude.
10. Lipinskaya, V.A. (2001) Adaptivno-adaptatsionnye protsessy v narodnoy kul'ture pitaniya russkikh [Adaptive Processes in the Folk Culture of Russian Food]. In: Arutyunov, S.A. & Voronina, T.A. (eds) *Traditsionnaya pishcha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznaniya* [Traditional Food as an Expression of Ethnic Identity]. Moscow: Nauka. pp. 18–40.
11. State Archive of the Jewish Autonomous Okrug. Fund 629. List 2. File 380. Titova, E.V. (2012) *Etnokul'turnyy oblik migrantov v Evreyskoy avtonomnoy oblasti* [Ethnic and Cultural Image of Migrants in the Jewish Autonomous Okrug]. Birobidzhan.
12. Gurevich, V.S. (1997) *Vse o Evreyskoy avtonomnoy oblasti: sprav.-entsikl. sb* [All About the Jewish Autonomous Okrug: A Reference Book].Birobidzhan: Ethnos-DV.
13. Zlivko, A. (2014) Kul'tura po-vostochnomu [Culture in an Eastern Way]. *Birobidzhanskaya zvezda.* 20 August. No. 59 (17245).
14. Marushkina, N.S. (2014) Natsional'naya kukhnya v usloviyakh mezhkul'turnogo dialoga [National Cuisine in an Intercultural Dialogue]. *Nauchnyy poisk.* 2.6. pp. 26–28.

Received: 27 November 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 142–153. DOI: 10.17223/15617793/453/17

УДК 37

Е.В. Бодрова, В.В. Калинов

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ 1990-х гг.

На основе опубликованных и архивных материалов исследуется проблема разработки концептуальных основ реорганизации Сибирского Отделения РАН накануне распада СССР и в условиях либеральных реформ 1990-х гг. Изученные документы позволили сформулировать и обосновать вывод о том, что проведенная реструктуризация Отделения, изменение принципов и форм его деятельности в 1990-е гг. явились примером адаптации отдельных научных организаций страны к тяжелейшим условиям развивающегося кризиса.

Ключевые слова: Сибирское отделение РАН; либеральные реформы; кризис.

Необходимость разработки научно обоснованной государственной научно-технической политики и оптимизации управления научно-техническим комплексом страны в условиях глобальных вызовов не вызывает сомнений. В настоящее время не представляется возможным повторение прежних просчетов. Это требует глубокого изучения и переосмысления проблемы реорганизации научной сферы в контексте либеральных реформ 1990-х гг. Отдельные сюжеты этой весьма актуальной темы рассматривались нами в ряде публикаций [1, 2], однако изучение новых архивных и опубликованных документов и материалов дает возможность глубже изучить вопросы, связанные с ситуацией, сложившейся в Сибирском отделении РАН в исследуемый период, оценить роль академика В.А. Коптюга в продолжение его деятельности в режиме выживания отечественной фундаментальной науки.

По большей части негативные оценки содержаться в современных научных публикациях, посвященных анализу реализуемых в 1990-е гг. реформ. В трудах М.И. Кодина, Г.В. Осипова, Н.Н. Разуваевой [3–5] и других авторов рассматривались такие вопросы, как итоги избранного варианта социально-экономической модернизации, обвала высокотехнологичных отраслей производства, «утечки умов»; результаты резкого социального расслоения общества, обусловленные номенклатурной приватизацией, взаимоотношениями власти и бизнеса. Однако проблема эволюции научно-технического комплекса страны в контексте либеральных реформ 1990-х гг., предпринимаемых попыток реорганизации Российской академии наук и их последствий нуждается в более глубоком изучении.

Проведенные нами исследования позволяют утверждать, что попытки реструктуризации АН СССР принимались еще до распада страны [6]. Так, главой Сибирского отделения, академиком В.А. Коптюгом активно поддерживались предложения о создании АН РСФСР в связи, по его словам, с необходимостью «решения проблем правового статуса РСФСР и ее национально-государственного устройства» [7. С. 2–3]. Одновременно академик полагал правомерным существование и АН СССР, но при изменении ее роли и структуры. В качестве главного принципа формирования АН РСФСР им выдвигался принцип региональный, создаваемая академия должна была быть ориентирована на решение, прежде всего, специфичных проблем РСФСР. [7. С. 2–3]. В 1990 г. рабочая группа, созданная Комиссией на науке и технике Верховного Совета РСФСР и возглавляемая В.А. Коптюгом, в итоге острейших дискуссий выработала компромиссный вариант: на первом этапе создание Академии наук РСФСР планировалось без институтов. Предполагалось, что создаваемая академия будет опираться на Уральское, Сибирское и Дальневосточное отделения АН СССР, вузовскую и отраслевую науку РСФСР. Особый интерес в этом проекте представлял предложенный принцип объединения и деятельности Академии: методы не административные, а целевого финансирования на конкурсной основе через научно-исследовательские программы, проекты. В числе важнейших задач была обозначена интеграция академической, вузовской и отраслевой науки. Российская академия наук должна была принимать самое активное участие в выработке единой экономической, научно-технической, экологической, социальной и культурной политики РСФСР. Одновременно предполагалось создание региональных научно-координационных советов, прообразом которых должен был стать Научный совет по комплексной научно-исследовательской программе «Сибирь», действующий при Сибирском отделении АН СССР. Региональные советы должны были составить первый уровень в структуре новой академии, научные советы, объединяющие членов-учредителей и членов Академии соответствующих специальностей при высшем органе – Общем собрании, – второй уровень [8. С. 2–3]. Верховным Советом и Советом министров РСФСР были приняты соответствующие решения [9, 10], но затем новой сессией Верховного Совета отменены. В разработанной новой концепции Академии наук РСФСР отводилась «роль самого авторитетного в республике консультационного и рекомендательного совета» при Правительстве и Верховном Совете РСФСР. Против подобного полхода В.А. Коптюг возражал [11. С. 4–5].

Дальнейшие события, связанные с организацией Российской академией наук, вписывались в процесс обострившейся борьбы за власть и собственность между центральной и российской властью. Особой остроты дискуссии достигли на заседаниях Президиума РАН, на которых, по подсчетам И.Н. Ильиной, этот вопрос рассматривался около 25 раз [12. С. 41]. Суть споров, признавая весь цинизм подобной постановки вопроса, озвучил на заседании Президиума В.В. Журкин: «Нам надо определиться, кому нам принадлежать» [13. Л. 38]. На фоне развития ситуа-

ции, сложившейся в 1991 г. в катастрофическую, прежде всего, из-за тяжелейшего финансового положения, большей частью российских ученых предлагалась трансформация АН СССР в Российскую академию наук [14. Л. 75]. Ряд институтов Сибирского отделения АН СССР заложили свои здания, над ними нависла угроза покупки кооперативами [15. Л. 65]. 17 сентября 1991 г. на заседании Президиума АН СССР было единогласно принято решение о сохранении единства АН и возвращении ей названия и статуса Российской Академии наук с вынесением вопроса на Общее собрание, которое и подтвердило это решение [16. С. 121–124]. Рубежным документом в истории Академии наук явился Указ Президента РСФСР о создании РАН от 21 ноября 1991 г. [17].

Последний Президент АН СССР Г.И. Марчук в этой ситуации полагал, что «бездумно экспериментировать, радикально трансформировать» Академию было недальновидно, а с точки зрения долговременных национальных интересов – глубоко ошибочно: «Живой, хотя, быть может, и больной организм приносят в жертву фантому демократии, понятию, которое и объяснить-то толком не могут… Здесь нет не только ни капли действительной критики, но даже и концептуальной пропаганды, а есть только стремление расколоть сообщество максимально простыми и грубыми приемами» [18. С. 131]. Академик признавал, что ему, его сторонникам не хватило проницательности, уменья и твердости: «Мы были слишком зависимы от власти, верили в ее благие намерения и понимание национальных задач. Потомки предъявят нам за это справедливый счет и будут правы» [18. С. 132].

Жизнедеятельность РАН в целом, его Сибирского отделения в 1990-е гг. доказала, что часть научного сообщества, к сожалению, весьма прозорливо оценивала разворачивающиеся в тот период события. Так, изученные нами архивные документы позволяют утверждать, что к середине 90-х гг. в результате реализации либеральных реформ, развивающегося кризиса и курса на свертывание, согласно характеристике министра по науке и научно-технической политике Б.Г. Салтыкова, «избыточной» научной сферы [19] отраслевая наука развалилась, фундаментальная – пребывала в коматозном состоянии. Изученные нами документы подтверждают, что руководству РАН всех уровней приходилось лавировать и бороться за каждую копейку, за каждую льготу, чтобы продолжать исследования, выдавать сотрудникам хотя бы часть заработной платы. Президент Ю.С. Осипов объяснял и академикам, и представителям власти, что жила и работала Академия наук благодаря накопленному за счет исторического запаса прочности, которым она располагала. Но к середине 90-х гг., утверждал он, «мы подошли к той ситуации, что если сейчас качественные изменения не произойдут, то мы просто начнем стремительно разваливаться [20. Л. 28].

Действительный член РАН по Отделению биохимии, биофизики и химии физиологически активных соединений, директор Новосибирского института органической химии, советник Президиума РАН Д.Г. Кнорре в связи с этим напоминал об упреках со стороны чиновников в ответ на просьбу о закупке оборудования для экспериментов в то время, как учителя Костромской области не получают заработную плату. Его пояснение и этих просьб, и этого феноменального явления – «денег нет, а достижения есть» – многое объясняет тем, кто далек от науки: «Настоящие ученые – это категория людей, которые не могут не работать. Даже если будет ремонтироваться здание, не будет отапливаться…» [20. Л. 29].

В 1996 г. В.А. Коптюг в одном из интервью, отвечая на вопрос о том, что происходит с российской наукой, сказал: «С российской наукой произошло то же, что и со всей страной, в частности, с ее хозяйственно-промышленным комплексом» [21. С. 79].

Руководитель Сибирского отделения РАН В.А. Коптюг – несомненно, одна из самых ярких фигур тех лет. Советский и российский учёный, специалист в области теплофизики и физической гидродинамики, академик РАН В.Е. Накоряков писал о необходимости переосмысления роли В.А. Коптюга в этот сложнейший период, когда «наука, как и вся страна, висела над пропастью из-за пресловутой “шокотерапии”, когда становилось все яснее, что интеллектуально и нравственно третий по счету председатель Сибирского отделения Академии наук был выше своего окружения: “Он был одним из самых интересных собеседников, каких я где-либо встречал. Никогда не “пустословил”. Все, что говорил, было искренне, выверено и выстрадано» [22].

Коллеги вспоминают о том, что он был лишен честолюбия. Но был трудоголиком. Поражает его энергия: он был не только главой Сибирского отделения и вице-президентом Российской Академии наук, но еще и главным редактором престижного химического журнала, вице-президентом, а потом президентом ИЮПАК – Международного союза по теоретической и прикладной химии, вице-президентом Международного научного комитета по проблемам окружающей среды, членом трех-четырех зарубежных академий, Героем Социалистического Труда, лауреатом международной премии имени Карпинского и Ленинской премии. Благодаря ему Академгородок долго жил относительно благополучно даже в период «великих» перемен. Он был и оставался коммунистом, был бескомпромиссен и бесстрашно прям, а потому его речи раздражали власть, рекомендации игнорировались.

В газете «Советская Сибирь» за 13 августа 1993 г. ученый писал: «Признанная на перспективу безальтернативной для разумной части человечества модель устойчивого развития, по существу, возрождает идею конвергенции социалистической и капиталистической систем, то есть идею использования наиболее сильных сторон каждой из этих двух систем». Он боролся за реализацию этой концепции, выступал с докладами и писал статьи, участвовал в конференции в Рио-де-Жанейро по этой проблеме. Организация Объединенных Наций рекомендовала всем правительствам адаптировать идеологию устойчивого развития к условиям своих стран и разработать национальные стратегии перехода к подобному сосуществованию. Только в России долго ничего не упоминалось ни о конференции ООН, ни о концепции устойчивого развития.

В.Е. Накоряков писал: «Коптюг не допускал и мысли о насильственном общественном эксперименте. Не представлял общество устойчивого развития без научно-технического прогресса… Не раз говорил и о том, что Россия по своему менталитету, по преимуществам, дарованным самой природой (богатству полезных ископаемых, обширности “экологически чистых” территорий), имела шанс раньше и легче других перейти к устойчивому развитию. Если бы не оступилась на пороге XXI века и не была отброшена усилиями либерал-реформаторов в далекое прошлое, в эпоху дикого первоначального накопления капитала. Его мнение: случившееся с Россией – трагедия не только для нашей страны, которой вряд ли удастся осуществить еще одну перестройку, “а возможно, и не будет дозволено”. И весь мир, скорее всего, скатится к “новому мировому порядку” – господству “избранных” над неполноценными, то есть развитых стран над всеми остальными…» Осенью 1996 г. во время встречи со студентами НГУ В.А. Коптюг сказал, что больше не будет заниматься реализацией этой концепции, по крайней мере, в ближайшее время: «Сейчас надо думать о том, как вытащить страну из пропасти». Он старался делать все сам, его не интересовали традиционные “радости” жизни, он не заботился о здоровье и умер внезапно зимой 1997 года…» [22].

Без всякого сомнения, наследие В.А. Коптюга и он сам как ученый, организатор науки и страстно увлеченный проповедник новой концепции развития человечества достойны большого количества серьезных исследований. Мы же попытаемся коротко изложить свое понимание сути и результатов попыток реорганизаций в Сибирском отделении РАН в контексте проводимых реформ, анализируя его статьи, архивные и опубликованные документы.

Отчасти академику в начале 1990-х гг. удалось реализовать задуманное еще в ходе работы над концепцией создания АН РСФСР. Общее собрание Сибирского отделения РАН было превращено в двухпалатный форум. Основная палата – академики и члены-корреспонденты. Вторая палата представляла собой палату из представителей институтов – с абсолютно теми же правами, что и у членов первой палаты и равную ей по численности (около 100 чел.). Ученые советы институтов выбирали своих представителей в Общее собрание Отделения, советуясь с коллективами. Решение считалось принятым, если оно было одобрено обеими «палатами». Причем, согласно воспоминаниям В.А. Коптюга, результаты голосования двух «палат» более чем на 3–5% в эти годы не отличались. Подобным образом удалось предотвратить попытки раскола научного сообщества. В.А. Коптюг с пониманием относился к сдаче площадей в аренду, но требовал «прозрачности», всемерно поддерживал развитие контрактной системы, которую, наряду с рейтинговой оценкой институтов и научных работников, стало развивать Отделение, так как это позволяло повышать эффективность работы, несло в себе взаимную ответственность. Он выступал против того, чтобы положить рейтинговую оценку в основу перераспределения получаемого бюджетного финансирования, полагая, что это путь к медленному «отмиранию» части институтов. СО РАН пошло по пути перераспределения сильных кадров институтов, оказавшихся в опасной зоне, между институтами, которые работали на должном уровне, закрыв часть институтов, выживание которых как научных коллективов было сомнительно. В условиях сокращения базового бюджетного финансирования Отделения к началу 1996 г. численность работающих сократилась с 54 тыс. до 38 тыс. Поэтому было решено реорганизовываться с концентрацией сил на наиболее значимых и финансово обеспеченных направлениях работ.

В качестве механизма перераспределения средств в большинстве институтов использовались специальные счета, на которые «зачислялась» приходящаяся на конкретное подразделение доля получаемого институтом базового бюджетного финансирования, а также те средства, которые подразделение получало по грантам различных фондов, по государственным научно-техническим программам, по контрактам с зарубежными компаниями и т.д. Дирекция из всех поступлений удерживала в централизованный фонд института согласованную долю (от 10 до 30% по разным институтам). Каждое подразделение знало, в каком финансовом состоянии оно находится. При временных финансовых провалах подразделение кредитовалось из централизованного фонда. Но если долг подразделения достигал размера трех-четырех месячных сумм заработной платы, перед заведующим ставился вопрос о сокращении численности подразделения. Руководство институтов пыталось трудоустроить людей в других подразделениях, находящихся в более благоприятном финансовом положении. Если это были квалифицированные сотрудники, то вопрос обычно решался положительно. Варианты перевода сотрудников на неполную рабочую неделю или длительные неоплачиваемые отпуска большинство институтов СО считало малоприемлемой формой, но иногда использовалась и она [21. С. 79].

Представляет интерес, что с директор института после его избрания на эту должность Общим собранием Отделения Президиум СО РАН заключал контракт, предусматривающий, как это принято в рамках контрактной системы, определенное поощрение за эффективную работу. В контракте был пункт, предусматривающий необходимость консультации с Президиумом Отделения о возможности вхождения в качестве физического лица в акционерное общество или в любую другую коммерческую предпринимательскую структуру, деятельность которой по своему характеру пересекается с тематикой основной деятельности института. Кроме того, Президиум СО РАН принял специальное постановление, согласно которому директор в течение четырех месяцев суммарно за год находящийся за границей, должен был подать в отставку.

Смелость, аналитический ум и точность в определениях В.А. Коптюга позволяет нам с доверием отнестись к его наблюдениям. В качестве главной опасности для науки академик определял идущую быстрыми темпами внутреннюю деструкцию коллективов, и, как ему представлялось, в Москве этот процесс шел более быстрыми темпами, чем в регионах. Особенно это проявлялось при создании в институтах коммерче-

ских структур. Так, в одном из специальных конструкторско-технологических бюро, опираясь на разработки головного института, была отработана технология и налажено производство синтетических изумрудов. Руководитель СКТБ, заведующий лабораторией и еще несколько человек создали «независимую» коммерческую структуру по их реализации. Изумруды производились на оборудовании этой организации силами ее сотрудников и продавались по «сходной» цене упомянутой структуре, которая размещалась в том же здании, а она реализовывала товарную продукцию по реальной рыночной стоимости. Директор был освобожден от занимаемой должности, и многие сумели осознать, что есть во всем определенные границы.

В одном из интервью, отвечая на вопрос, не разрушилась ли наука до такого уровня, что она уже невосстановима, В.А. Коптюг констатировал, что положение академических институтов в европейской части страны «крайне тревожно», но крупные научные школы, являющиеся стержнем многих институтов, полагал он, должны были выстоять. Однако в отношении отраслевой науки его прогнозы были пессимистичны: «Ее разгром слишком велик в связи с углублением системного кризиса экономики и производства в стране. От нее фактически остались лишь отдельные островки бывшей могучей системы, существование которых поддерживается, в частности, в рамках государственных научных центров. Для ее серьезного восстановления в новых формах после преодоления кризиса производства, скорее всего, потребуются значительно бóльшие сроки, причем серьезной опорой для такого восстановления должна будет стать значительно более тесная интеграция с академической и вузовской наукой» [21. С. 86].

Что же касается сибирского академического сообщества, то, по его мнению, самый угрожающий период начал складываться начиная с декабря 1995 г., критическая точка должна была приходиться на зиму 1997 г.: «Если мы ее переживем, то сможем жить и дальше». Причина этой критичности, по его мнению, состояла в том, что на семикратное сокращение выделяемого бюджетного финансирования наложилось дополнительное двукратное сокращение в 1996 г. Мобилизация внутренних возможностей для закрытия образовавшихся дыр за месяцы была уже невозможна, так как все то, что можно было сделать, уже было сделано для адаптации институтов Отделения к сложившимся труднейшим условиям: расширение международного партнерства и создание сети международных исследовательских центров; активное вовлечение институтов в целевые государственные программы и взаимодействие с фондами поддержки науки; создание совместных предприятий с зарубежными партнерами и формирование элементов технопарковых зон; развитие производственно-реализационной деятельности и т.д. Он справедливо полагал, что невозможно было позволить погибнуть оправляющемуся после «шоковой терапии» организму, это было, по его словам, равносильно преступлению.

В.А. Коптюг определял в качестве важнейшей для СО РАН проблему омоложения кадрового потенциала. Институты стремились всячески поддержать молодые кадры путем введения дополнительной оплаты, специальных стипендий, премий имени выдающихся ученых – основателей Сибирского отделения. Материально поощрялась защита диссертаций. Но главной задачей являлась жилищная. Ее решение в условиях отсутствия финансирования заключалось в следующем: средства из фондов развития институтов (у которых они были) складывались с резервами Президиума СО РАН, и на них строились квартиры арендного фонда, которые в дальнейшем находились в совместной собственности – Президиума и института. Второй возможностью явилось высвобождение жилых помещений, занятых различными службами. Например, в Новосибирском научном центре в фонд арендного жилья была передана гостиница, в итоге в фонде оказалось более ста квартир. Но, конечно же, проблема омоложения кадров в исследовательских институтах могла быть решена только в случае, говорил В.А. Коптюг, если государство действительно будет думать о науке и будущем России.

Академика очень обнадеживала наметившаяся тенденция возврата научных кадров в Сибирь. Им были названы следующие причины: западный менталитет и характер взаимоотношений между людьми трудно сопрягались с характером традиций и воспитания россиян; многие приходили к выводу, что специалисты западных школ «узковаты» в профессиональном отношении, не привыкли к мультидисциплинарному подходу при решении крупных проблем; в силу неразвитости сферы научно-технических услуг наши специалисты привыкли ремонтировать все приборы и установки сами, а их начинали бесплатно эксплуатировать; у большинства соотечественников, работающих за рубежом, заработная плата не обеспечивала возможность получения образования детьми в зарубежных университетах. Поэтому они, по крайней мере, за год до окончания ребенком школы, старались возвратиться назад, родители осознавали, что их ребенок ни в один приличный российский вуз не поступит, поскольку в этих школах естественно-научные дисциплины преподавались очень слабо [21. С. 79–86].

В декабре 1996 г. в другом интервью академик В.А. Коптюг был вынужден сказать: «Оптимизма не питаю: ясно, что, пока не начнется подъем экономики, надеяться на оздоровление науки трудно. Можно и нужно, конечно, воевать за какие-то проценты, но отщипывать их приходится от такого валового национального продукта, которого буквально всем не хватает для развития» [23]. Его оптимизм гасило и другое обстоятельство: законы не выполнялись, в том числе и закон о бюджете. Он напоминал, что на власть подействовали, в частности, голодовка академика РАН В.Н. Страхова, протесты коллективов многих институтов – в результате Академии наук выплатили зарплату по октябрь. Но, полагал он, «вполне можно ожидать нового ослабления памяти у власти. Воевать за предусмотренное бюджетом надо непрерывно, но нельзя не понимать, что этого слишком мало, чтобы наука могла приподняться с колен. Ей не следует надеяться в ближайшее время на серьезную финансовую поддержку государства» [23]. Академик считал,

что в создавшихся условиях единственный выход – подталкивать институты к росту объема прикладных работ. Но соглашался одновременно и с теми, кто полагал, что чрезмерный перекос в сторону прикладных работ таил в себе и опасности для фундаментальной науки. Тем не менее важно было обеспечить связку фундаментальные исследования – конструкторско-технологическая проработка – внедрение. Это позволило бы развивать, хотя в создавшихся условиях и медленно, реализационный путь, должны были появиться своеобразные научно-промышленные компании, что обеспечило бы столь необходимую интеграцию науки и производства.

В.А. Коптюга очень беспокоило желание чиновников ликвидировать финансирование региональных отделений из федерального бюджета «отдельной строкой». При таком решении, предупреждал он, финансирование научных центров отделения будет осуществляться прямо из Москвы, а Сибирское отделение РАН рассыплется на отдельные научные центры, местные бюджеты не будут принимать участия в финансировании. Координирующие возможности президиума СО РАН будут быстро ослабевать. И вновь академик выходил в своих рассуждениях на более широкие обобщения: «Научное сообщество – это часть общества. А дезинтеграция общества, благодаря усилиям “перестройщиков”, идет у нас бешеными темпами. Дезинтеграция сопровождается деградацией». В.А. Коптюг при этом ссылался на данные ВЦИОМ об изменениях ценностной ориентации россиян. В 80-е гг. они распределялись так: семья, коллектив, интересная работа. В 90-е гг. ценностные ориентации претерпели принципиальные изменения: семья, собственные интересы, деньги. Главным для жизненного успеха стал не личный трудовой вклад, а, согласно опросу общественного мнения, наличие знакомств и связей, высокое положение родителей, спекуляция, финансовые махинации. Надежда на то, что либерализация экономики повысит трудовую активность и улучшит отношение к труду, не оправдалась [23].

Действительно, различные социологические данные подтверждают выводы ученого. Они свидетельствовали о том, что к началу XXI в. подсистема массового сознания все в большей степени стала концентрироваться вокруг денег, стабильности, выживания – некоего ядра референтных понятий [24. С. 60]. Значительная часть исследователей фиксировали крушение, казалось бы, незыблемых ценностей отечественной научно-технической интеллигенции. Но ценность интересной, творческой работы в первое десятилетие XXI в. стала возрастать в условиях, когда речь перестала идти о физическом выживании. В 2003 г. число людей, считающих интересную работу важнее материального благополучия, возросло до 52,3% [25. С. 490]. Молодежь в числе базовых ценностных ориентаций, казалось бы, выделяла стремление к получению высшего образования [26. С. 34–35], но социологические опросы, проведенные в технических вузах в 2007 г., говорили о том, что для студентов важнее был статус, который обеспечивал диплом о высшем образовании, но не знания, квалификация. Участвовавшие в 2007 г. в социологическом опросе студенты ряда вузов Москвы и Санкт-Петербурга среди наиболее значимых критериев профессионального выбора и трудовой деятельности назвали «высокий заработок» − 80%; «хорошие условия труда» − 47%; «перспективы профессионального роста» − 35%; «дружный, сплоченный коллектив» − 30%; «творческий характер, разнообразие работы» − 28,6%; «возможность продвижения по служебной лестнице» − 19,9% [27. С. 510].

Таким образом, последствия трансформации общественного сознания россиян в 90-е гг. печальны, но прогнозировались научным сообществом.

Важным негативным фактором, разрушающим атмосферу не только созидания в научных организациях, но и весьма специфического образа жизни в академгородках, явилось постепенное разрушение инфраструктуры научной сферы в годы реформ. Ярким примером стал новосибирский Академгородок. Невозможность ее содержать обусловила необходимость передачи городу электроэнергетической системы Академгородка. Бывший жилой комплекс «Сибакадемстроя», жилой комплекс Института прикладной физики, дома Новосибирского высшего общевойскового командного училища были не в состоянии заплатить полностью за электричество управлению электрических и тепловых сетей – организации СО РАН, и все штрафы, пени и санкции за неуплату адресовались ей. Между тем Академгородки (в отличие от наукоградов – отраслевых, а следовательно, преимущественно однопрофильных центров науки и масштабного высокотехнологичного производства) – это мультидисциплинарные, комплексные научные центры с конструкторско-технологической базой и малыми реализационными предприятиями, прокладывающими путь научным разработкам в большую промышленность. Академгородки призваны были стать основными ячейками столь необходимой до сих пор стране национальной инновационной системы. Заметим в этой связи, что в литературе сложилось два подхода к их рассмотрению: как комплексных или многопрофильных наукоградов, занимающихся теоретическими и прикладными исследованиями, либо как особого типа территорий с градообразующими научно-производственными комплексами. Сторонница второго подхода, исследователь И.В. Макеева выделяет следующие академгородки: Иркутского НЦ РАН (Иркутская область); Красноярского НЦ РАН (Красноярский край); Новосибирского НЦ РАН (Новосибирская область); Томского НЦ РАН (Томская область); Кольского НЦ РАН (Апатиты, Мурманская область) [28].

В Новосибирском Академгородке в 1990-е гг. с целью самосохранения получили активное развитие прикладные направления, дающие возможность реализовывать полученные результаты в коммерческих работах. Однако за редким исключением промышленность страны была не в состоянии даже задумываться об инновационной активности, внедрении новых технологических разработок, модернизации. Государство для этого не создавало условий. В итоге многое производилось в убыток. Так, в Объединенном институте геологии, геофизики и минералогии

СО РАН под руководством Н.А. Добрецова действовало два совместных предприятия с зарубежными фирмами. Одно – по высокотехнологичному производству дорогих синтетических изумрудов и других полудрагоценных камней. Второе предприятие выпускало малогабаритные, суперчувствительные хроматографы, которые, вмонтированные в бронетехнику, позволяли определить пластиковые мины на полметра под землей. Но от армии заказов в то время дождаться было сложно, они поступали от таможенных пунктов для обнаружения взрывчатки и наркотиков. Чем-то иным заработать было в высшей степени трудно: все уходило на налоги и транспорт [23].

Таким образом, Сибирскому отделению РАН удалось выживать за счет проведенной реструктуризации, совместных предприятий, зарубежных грантов, поддержки Российского фонда фундаментальных исследований. Институты научились зарабатывать сами и выживали вместе. Например, Институт ядерной физики зарабатывал три четверти своего бюджета за счет техники промышленного характера, в том числе ускорителей. Продукция была востребована во всем мире. В одном из последних интервью, опубликованном в январе 1997 г., В.А. Коптюг рассказывал о новых планах Сибирского отделения: «Нам удалось, несмотря на сокращение бюджетного финансирования, удержать Сибирское отделение как систему. У нас около 100 институтов, нужно вместе выживать. Наша сила – в маневренности. У нас многие институты структурно подстроены под нынешнюю жизнь. А теперь еще надо перестроить сеть институтов. Что способно выжить, а что не способно. Лучше эти средства перебросить на те институты, которые адаптировались к современным условиям» [29. С. 333–338].

Однако, рассуждая о перспективных и энергичных планах, он с грустью в связи с этим вспомнил о «глобальной проблеме – социальном диспаритете»: «В Москве не очень ощущают, как живут люди на периферии. А живут они вообще страшно: у людей все уходит на питание. Никакой новой бытовой техники, никаких излишеств. Общество раздавлено морально! Возьмем последние выборы по Новосибирской области. В сельских районах 2/3 голосов было отдано за ЛДПР! Такого никогда здесь не бывало! Ни одного предпринимателя люди не пропустили в Думу! Народ осатанел, стал жаждать сильной власти и порядка. Если бы Борису Николаевичу докладывали то, что есть на самом деле, я думаю, что он бы вел себя подругому... Следующие беды предельно ясны: коррупция и преступность. Переход к варианту копирования Запада и попытка ввести дикий рынок – это глупость, которая иначе, как катастрофой, кончиться не может. Я недавно был в Китае на встрече лидеров науки и технологии Азиатско-Тихоокеанского региона. В центральной части Китая не был пять лет. Сейчас же я был просто потрясен изменениями. Разумная линия введения рыночных отношений и подъем производительности труда плюс управляемый процесс дали свои результаты» [29. С. 333–338].

Академик пытался разобраться в причинах просчетов и называл такие, как непонимание, что в России большинство товаров будет дороже (даже при той же производительности труда), чем в других странах, из-за климата, расстояний, увеличивающих себестоимость производства. Конкурировать возможно лишь на рынке высокотехнологичной продукции. Одновременно В.А. Коптюг верил в будущее страны: «Я верю в то, что Россия все-таки возродится. И возродится она через введение нормального государственного регулирования с разумными элементами рыночных отношений. Но многое придется ломать в обратную сторону» [29. С. 333–338].

В 1996 г. в письме Президенту РАН, свидетельствующем как о существовавших тогда серьезных разногласиях в руководстве Академии, так и о неверии в принимаемые постановления и решения, академики Л.И. Абалкин, В.А. Коптюг, Г.В. Осипов вынуждены были констатировать, что Российская академия наук не заняла активной позиции в определении национальной стратегии развития. Это, по их мнению, привело к тому, что основой подготовки государственных решений во многих случаях становились не фундаментальные знания, а амбиции, волюнтаризм, порой и корыстные интересы. В результате в стране сложилась опасная практика, когда власть пренебрегала мнением отечественных ученых и предпочитала полагаться на мнение зарубежных экспертов и политиков.

Полагая это положение чрезвычайно опасным для страны, ученые в качестве единственно возможной стратегии для России называли стратегию, основанную на национальных интересах и социальных приоритетах с учетом ресурсных, духовных и геополитических особенностей нашей страны. Определяя рубеж 1996–1997 гг. как момент истины для Российской академии наук, академики были уверены, что от ее позиции зависит не только ее собственная судьба, но и будущее страны: «Или мы позволим воинствующему невежеству и корысти и далее тащить страну к пропасти, или займем гражданскую позицию и проявим интеллектуальное мужество в интересах российского общества, государства и самой науки». Заслуживает цитирования и глубокого уважения заключение письма: «Академическое сообщество исчерпало лимит осмысливания и анализа положения, в котором оказалось общество, Российское государство и наука, и не может больше стоять в стороне от определения путей развития страны. Пора опрометчивых экспериментов прошла, будущие поколения не простят нам бездействия и малодушия в тяжелое для нашей страны время» [30. С. 233].

В.А. Коптюг на заседании Президиума РАН в марте 1996 г., подтверждая наличие целого ряда очень значительных достижений, одновременно предупреждал: «Мы в значительной степени живем и работаем за счет того, что было создано и накоплено ранее, – за счет интеллектуального потенциала. Запас его все время сужается. За счет материальных средств – оборудования, которое стареет, и мы не можем его обновлять. За счет зданий. В прошлом году мы еще от науки что-то отщипывали, с конца прошлого года мы на капитальный ремонт ничего дать не можем. А в центрах Сибирского отделения положение усугубляется тем, что на плечах у Центра вся инфраструктура,

инженерная и социальная. И если давать деньги только на зарплату институтам… лягут крупные энергоемкие инструменты… так у нас ляжет инфраструктура, за которой вслед завалятся институты. Институты, даже получая только зарплату, могли бы еще продолжать несколько месяцев выкручиваться, потому что вовремя все-таки были предприняты шаги по тому, чтобы двигать вперед производственно-реализационные компоненты и на этом получать какие-то дополнительные деньги для работы институтов. Но сейчас, когда мы не можем поддержать нашу инфраструктуру, и инженерную, и социальную, и когда, фактически, мы не можем дать деньги институтам на оплату энергоресурсов, они попадают… в крайне тяжелое положение». Выражая общую обеспокоенность сотрудников Сибирского отделения РАН и их нежелание благодарить Правительство за то, что дают зарплату, В.А. Коптюг прогнозировал, что если не будет выполняться Закон о бюджете, хотя бы так, как это было в прошлом году, катастрофа, по крайней мере, по объединенным центрам, будет неизбежна [31. Л. 119–124]. Таким образом, и Сибирское отделение РАН, как и другие отделения, к середине 90-х гг. уже не в состоянии было вписываться в рынок, жить лишь на самостоятельно заработанные деньги, которые, впрочем, и зарабатывать становилось все сложнее, так как заказов становилось все меньше.

Если в 1994 г. финансирование науки в целом составляло около 0,6% валового внутреннего продукта, то в 1995 г. оно сократилось до 0,41% ВВП [31. Л. 44]. Для более или менее нормального функционирования научной сферы необходимый объем финансирования должен был составлять не менее 2% ВВП. Если в конце 1994 г. РАН удалось получить некоторую прибавку, благодаря поддержке Государственной Думы, то весь 1995 г. руководству РАН приходилось сражаться с Минфином за бюджет 1996 г. с учетом этой прибавки. За 1995 г. по сравнению с 1994 г. средняя численность сотрудников РАН сократилась на 4,5%. С 1991 г. – на 20–21%. Нарастал процесс старения кадров – средний возраст составил 60 лет [31. Л. 45].

Руководитель СО РАН академик В.А. Коптюг упрекал «москвичей» за то, что они не представляли жизнь в регионах, а между тем, «…ситуация там жестко взрывоопасная. Народ доведен до крайности». Одновременно он настаивал на необходимости не только биться за процент от валового внутреннего продукта, выделяемого на нужды науки, но и за контроль со стороны парламента за исполнением бюджета правительством. Но требовалось, по его мнению, кардинальное изменение экономического курса, иначе РАН будет продолжать бороться за свой процент с военными, учителями, вузами. Академия обязана была, с его точки зрения, провести слушания и предложить свою стратегию развития страны, которая на тот момент переступила все возможные предельные показатели. «Мне кажется, что сейчас надо бороться, – призывал он, – надо по всем направлениям бороться» [32. Л. 29].

На встрече с журналисткой накануне своей смерти академик вновь с болью говорил о том, что происходило в те годы со страной, с наукой. Чрезвычайно актуальны его предупреждения и рекомендации сегодня, 20 лет спустя: «В России возможности науки используются очень слабо. Наше правительство предпочитает экспериментировать с целым государством, привлекая к управлению таких не очень обремененных знаниями людей, как например, Гайдар. А мы потом удивляемся результатам такой политики… Мы в России тоже привыкли к необъятным просторам лесов, большим запасам питьевой воды, чистого воздуха, полезных ископаемых, и нам кажется, что конца им не будет. Будет! И очень скоро. Сами не отдадим – отберут…» [33. С. 3].

Он говорил и о том, что мировое сообщество складывается из ряда отдельных и очень отличающихся по существу цивилизаций. И чем устойчивее будет эта множественность, тем устойчивее будет и «мировая цивилизация». В.А. Коптюг был уверен, что российская цивилизация – одна из удачных попыток добровольного объединения народов в единое государство под защиту одного из самых развитых в духовном и культурном отношении этносов: «Она потому и так цельна, и вряд ли люди, так тяготевшие к взятой из христианства идеологии “все люди – братья” теперь откажутся от нее. Веротерпимость христианства с его уникальным тысячелетним опытом мирного сожительства православия с буддизмом, исламом, другими религиями доказала, что все народы Евразии смогли сохраниться именно благодаря ей. А вот этика эгоизма и индивидуализма не вписалась в нашу суровую природу и социокультурную действительность России. Это, видимо, и не приживется» [33. С. 3]. Но устойчивость и безопасное развитие России, был убежден он, возможны лишь в случае социально ориентированных реформ, при опоре, прежде всего, на собственный экономический и интеллектуальный потенциал, на обеспечение эффективной государственной власти в области планирования и управления социально-экономическими процессами. Причем государственный сектор экономики, объединяющий базовые отрасли, должен был, по мнению ученого, играть ведущую роль в ходе реформ. На территории России имеются все предпосылки для прорыва в будущее в рамках устойчивого развития, ее геополитическое положение выгодно, и, если народы нашей страны и бывшего СССР, предупреждал В.А. Коптюг, не воспользуются этим случаем, то последствия не только для нас, но и для всего населения планеты будут печальны, даже трагичны [33. С. 3; 34. С. 253–260].

Председатель Сибирского отделения РАН, занявший этот пост после смерти В.А. Коптюга, вице-президент Российской академии наук, академик Н.Л. Добренцов весной 1997 г., рассказывая о посещении двух больших сибирских институтов делегацией, которую возглавлял в то время вице-премьер В.Б. Булгак (в ее составе были также В.Е. Фортов, зам. министра финансов, зам. министра атомной промышленности и еще целый ряд других высоких чиновников), обратил внимание на замечание В.Б. Булгака о необходимости «вырезать аппендикс» – ненужные институты. Предложено это было осуществить к 1 октября. Пугало намерение властей привлечь к процедуре аттестации зарубежных менеджеров, которые, по словам вице-президента, стремились лишь к

одному: «Как из этого института сделать привлекательную фирму и больше ничего». Это значит для наших институтов харакири, говорил он. Таким образом, есть вещи совершенно ненормальные… есть опасные тенденции, которые в двух словах сводятся к тому, что если это превратится в кампанейщину, сделать как можно быстрее, дабы отрапортовать, что проведена реформа, это будет ужасно… Он, по-видимому, и приехал к нам, поскольку… была информация, что наши институты уже научились зарабатывать, можно Академию наук перевести на «подножный корм». В связи с этим руководитель СО РАН пояснял, что все заработанные деньги Отделением направляются в науку. Например, Институт ядерной физики зарабатывал, действительно, на продаже своих ускорителей, но направлял их исключительно на научные исследования, на создание новых экспериментальных установок, правда, денег этих все равно не хватало. Н.Л. Добренцов призывал: «Если мы будем превращать наши коллективы в фирмы и малые предприятия, которые работают ради прибыли, то это конец науке. Поэтому здесь есть опасные тенденции: раз зарабатывают, зачем вам бюджет? Но надо всячески настаивать, что те, кто зарабатывают и пускают на науку… зарабатывают, потому что бюджета не хватает» [35. Л. 111–113]. Как видим, ученые должны были еще и оправдываться… Между тем уже весной 1998 г. стало очевидно, что выделяемых Правительством средств не хватит на зарплату и на коммунальные услуги. В апреле 1998 г. учреждения Академии получили только 50% причитающейся работникам заработной платы. Расходы по коммунальным услугам были профинансированы в еще меньшей степени. Примерно такая же ситуация складывалась и в мае [36. Л. 14].

Докладывая о положении в Сибирском отделении РАН, академик Н.Л. Добренцов сообщил, что около 50% всех реорганизаций, слияний и сокращений пришлось на его Отделение. Финансирование весной 1998 г. поступало частично, в апреле было выплачено 60% зарплаты, в мае – 60%, в июне – 87%. Часть средств было направлено на коммунальные платежи, на экспедиции, на стипендии и т.п. Институты СО РАН, отличавшиеся умением зарабатывать, сумели за 5 месяцев дополнительно заработать 105 млн руб., причем большую часть этих средств составляли международные гранты и контракты. Но это удавалось сделать 5–7 институтам. После вычета налогов и отчислений из 6,2 млн, добытых от аренды, у институтов осталось всего 3,9 млн, что составляло около 4% от всех полученных денег. В 1997 г. СО РАН получило от аренды 26,2 млн. После отчисления налогов и обязательных прочих отчислений осталось в руках институтов и научных организаций 13,8 млн, что составляло 3,5% от всех полученных денег, и это, по словам академика, «стало существенной добавкой для институтов, но погоды не делало» [37. Л. 106–107].

Нехватка денег привела к огромным долгам, особенно по теплу и энергии. Институты СО РАН задолжали энергетическим организациям около 50 млн. А с учетом долгов, которые остались еще за предыдущий год и которые предъявил Минфин с требованием их оплатить за счет внебюджетных средств, эта сумма составила более 100 млн. Сложившаяся тяжелая ситуация с нехваткой финансирования вызвала акции протеста в Новосибирске. В газетах было опубликовано открытое обращение ученых Сибирского отделения РАН, которое было подписано практически всеми членами Отделения. Кроме того, Совет межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», куда входили 19 субъектов Федерации, т.е. 38 членов Совета Федерации, подписали решение, в котором значилось четыре пункта:

1. Предложить Правительству при доработке бюджета на 1999 г. не допустить снижения уровня финансирования научно-технической сферы.

2. Безусловно, выполнить в 1998 г. лимиты.

3. При доработке налогового кодекса сохранить существующий порядок налогообложения и не допустить снижения реального финансирования науки.

4. Предложить Правительству сохранить региональные отделения в качестве бюджетополучателей [37. Л. 119].

В Дальневосточном отделении РАН положение складывалось не лучше: долг по зарплате за первое полугодие составил 6,7 млн, в том числе за май 1998 г. – 3,5 млн [37. Л. 122].

Одним из самых эмоциональных на заседании Президиума РАН было выступление академика Ж.И. Алферова, который сообщил о том, что институт, где он являлся директором, знаменитый физико-технический институт имени Иоффе, уже два месяца фактически не работал, потому что был переведен на так называемое бронированное энергетическое питание. Оборудование, компьютеры, установки не работали. Институт оказался должным 7 млн за коммунальные услуги. Включить оборудование необходимо было, чтобы выполнить хотя бы международные обязательства [37. Л. 115].

Президиум РАН в этих условиях ради сохранения Академии отвергал предлагаемые профсоюзами радикальные меры: акции, протесты [38. Л. 99–100]. Но проводились и марши протеста, и ночные и длинные заседания советов профсоюзов Сибирского отделения РАН, Петербургского, Московского региона, выступающих с экономическими требованиями. Руководители РАН и профсоюзная организация выступили, несмотря на внутренние разногласия, все же с единой позиции, отстояв в очередной раз АН. Положение характеризовалось как особенно острое, как вторая попытка после 1992 г. атаки на науку и Академию наук [37. Л. 91], так как проявилось в это время стремление целого ряда представителей властных структур, позволяющих себе судить об уровне мировом или немировом отечественной науки, сократить численность научных работников, все централизовать максимально, с одной стороны, а с другой стороны, раздать и приватизировать, получив немедленно деньги в казну. В итоге руководство страны, по словам профсоюзного лидера Российской академии наук В.Н. Соболева, пытаясь разделить Академию наук на два противостоящих друг-другу лагеря, получало прямо противоположный эффект – еще большую консолидацию академического сообщества [39. Л. 81].

Почти весь 1998 г. РАН жила в условиях чрезвычайного положения, получая, причем очень нерегулярно, средства в основном лишь на заработную плату. Так называемые твердые обещания и заверения

Правительства остались невыполненными [40. С. 683; 41. Л. 19. 30]. Тем не менее Академия снова выстояла и, более того, в ряде направлений деятельности существенно развивалась. Этот феномен РАН Ю.С. Осиповым было предложено изучать историкам [41. Л. 31]. Чем, собственно, авторы данного исследования и пытаются заниматься, вполне соглашаясь с оценками Президента РАН о феноменальности явления, которое было возможным, по-видимому, только в нашей стране, с неукротимой жизнестойкостью ее народа.

В этой связи примером не только восстановления, но и активизации инновационных процессов на рубеже веков вновь явилось СО РАН. В этот период доля зарабатываемых средств там составляла более половины, т.е. больше чем бюджет, а в некоторых институтах она равнялась 80–85%. Причем все эти средства направлялись, как и ранее, на поддержку фундаментальных исследований. Например, один из лидеров – Институт ядерной физики, зарабатывающий около 15 млн долл. на контрактах и разработках, направлял их на достройку ВЭП-5 – лазера на свободных электронах. Без этих денег развитие данного института было бы невозможным. Тем не менее вопрос соотношения фундаментальных и прикладных исследований вызывал острую дискуссию на заседаниях СО РАН. Звучали опасения, что превращение институтов в научно-технологические фирмы приведет к постепенному затуханию фундаментальных исследований [39. Л. 53–54]. Весьма активной была роль СО РАН и в разработку программ, касающихся развития Сибири.

Таким образом, исследование позволило сформулировать вывод о том, что концептуальные основы реорганизации СО РАН были разработаны еще в ходе попыток создания АН РСФСР. Реструктуризация Отделения, изменение принципов и форм его деятельности в 1990-е гг. явились примером отдельных научных организаций страны адаптироваться к тяжелейшим условиям развивающегося кризиса. Но подобные меры обеспечивали лишь временный эффект, позволяли выживать. Спад производства, сокращение бюджетного финансирования, иных источников обусловили все большее разрушение научно-технического потенциала страны.

Сложно переоценить вклад академика В.А. Коптюга в сохранение фундаментальной и отраслевой науки Сибири, значимость его размышлений о глобальных проблемах и судьбе России. Однако его рекомендации, как и заключения многих ведущих ученых, правительством игнорировались, а результаты реформ не замедлили сказаться. В течение 1991–1998 гг. в 3,4 раза сократился удельный вес предприятий и организаций, осуществляющих разработку и использование нововведений [42. С. 17].

Отраслевая наука развалилась. Резко сократившееся финансирование исследований повлекло за собой стремительное сокращение кадрового потенциала науки. Общее количество сотрудников РАН сократилось с 1992 до 1998 г. с 144 до 111 тыс., число научных работников – от 63 до 53 тыс. Число кандидатов наук – с 29,5 до 26 тыс., без ученой степени – с 24 до 17 тыс. Резко повысился средний возраст [43. Л. 57].

В 1992–1997 гг. расходы на науку в целом сократились в 6 раз [44]. Напомним, что в 1990 г. они составляли 5,5–6% ВВП, в 1992 г. – 1,9% [45. С. 110–114]. Такого существенного уменьшения финансовой поддержки научной деятельности не знала ни одна страна в мире. По доле расходов на науку Россия в 5–7 раз уступала передовым странам мира [46]. Во второй половине 1990-х гг. объем финансирования научного сектора не претерпел серьезных изменений.

Изученные нами архивные и опубликованные документы дают нам основание говорить, что в результате осуществления проводимой в стране политики в научно-технической сфере на рубеже XX–XXI вв. сложилась ситуация, которую в целом можно охарактеризовать как действительно катастрофическую, если сравнивать с состоянием дел в научно-техническом комплексе накануне распада СССР.

Разработчикам и проводникам либеральных реформ она представлялась таковой на рубеже 1980–1990-х гг. Но заняв отстраненную и снисходительную позицию, явно недооценивая потенциала народа, они на самом деле руководствовались осуждаемыми ими же принципами сталинских времен: «цель оправдывает средства», «лес рубят – щепки летят». России предлагались: приватизация ради поиска «эффективных менеджеров», «отверточное» производство, продажа сырья. Наука должна была лишь их обслуживать. В стране возникло коренное противоречие между назначением науки и практическим использованием ее достижений для выхода из кризиса. Проекты и рекомендации ведущих ученых в расчет не принимались. Несогласные с таким унизительным положением ученые, проектировщики, специалисты уезжали за границу. Производство деградировало.

Президиуму Российской академии наук, руководствующемуся в 1990-е гг. в условиях деиндустриализации и демодернизации страны, развала отраслевой науки, принципом выживания Академии во что бы то ни стало, буквально чудом удалось обеспечить сохранение ядра фундаментальной науки, несмотря на иные приоритеты реформаторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрова Е.В., Калинов В.В. Государственная экономическая политика Российской Федерации на рубеже XX–XXI вв.: спорные проблемы. М. : МАОРИ, 2016. 280 с.
2. Бодрова Е.В., Калинов В.В. Технологическое отставание как фактор распада СССР и вызов для современной России. М. : МАОРИ, 2017. 514 с.
3. Кодин М.И. Теоретико-методологические проблемы социально-экономических и социально-политических преобразований в России в конце XX в. 1990–2000 гг. М., 2002. 211 с.
4. Осипов Г.В. Реформирование России: итоги и перспективы. Социальная траектория реформируемой России. Новосибирск, 1999. 49 с.
5. Разуваева Н.Н. Эволюция политического и социального строя постсоветской России: 1990-е годы. М., 2006. 626 с.
6. Бодрова Е.В. Академия наук в условиях распада СССР // Российский технологический журнал. 2018. Т. 6, № 5. С. 55–76.

7. Коптюг В.А. Быть ли Российской Академии наук: [беседа с пред. Президиума СО РАН акад. В.А. Коптюгом / вел И. Глотов] // Наука в Сибири. 1989. 22 сентября. С. 2–3.
8. Коптюг В.А. Наука компромисса: [интервью с предс. Президиума СО АН СССР, акад. В.А. Коптюгом / беседу вели В. Иваницкий, Н. Притвиц // Наука в Сибири. 1990. № 4. С. 2–3.
9. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24.01.1990 «Об учреждении Академии наук Российской Федерации // Ведомости Верховного совета РСФСР. 1990. № 6. Ст. 169.
10. Постановление Совмина РСФСР от 13.03.1990 № 88 «О формировании Академии наук РСФСР». URL: http://sssr.regnews.org/doc/vq/fw.htm (дата обращения: 17.10.2018).
11. Коптюг В.А. С нулевого цикла: [интервью с предс. Президиума СО АН СССР, акад. В.А. Коптюгом] // Наука в Сибири. 1991. № 2. С. 4–5.
12. Ильина И.Н. Дискуссия о судьбе Академии наук в стенограммах заседаний ее президиума 1980–1990-х гг. // Отечественные архивы. 2017. № 6. С. 40–48.
13. Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1686.
14. АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1687.
15. АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1688.
16. Резолюция Общего собрания Академии наук СССР 9–10.11.1991 г. «О статусе и задачах Академии наук СССР в современных условиях» // Вестник АН СССР. 1992. № 1. С. 121–124.
17. Указ Президента РСФСР от 21.11.1991 № 228 «Об организации Российской академии наук». URL: http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rsfsr-ot-21111991-n-228/ (дата обращения: 19.11.2018).
18. Марчук Г.И. Прощальное слово президента // Вестник АН СССР. 1992. № 1. С. 129–235.
19. Салтыков Б. Пожертвовать частью, чтобы спасти систему // Независимая газета. Ежемесячное приложение «НГ-наука». 1997. № 2. 1 октября.
20. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 244.
21. Что происходит с российской наукой? Беседа с генеральным директором Российского гуманитарного научного фонда, профессором Е.В. Семеновым // Коптюг В.А. Наука спасет человечество. Новосибирск: Изд-во СО РАН НИЦ ОИГГМ, 1997. С. 79–87.
22. Накоряков В.Е. «На нерве страдания» // Сибирские огни. 2001. № 4. URL: http://www.vp-iclub.narod.ru/memo/koptyug/nakoriakov.htm (дата обращения: 28.10.2017).
23. Коптюг В.А. Наука на переломе // Советская Сибирь. 1996. 20 декабря.
24. Жаворонков А.В. Сдвиги в массовом сознании // Резюме научных отчетов по исследовательским проектам, выполненным в рамках общеинститутской программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе в 1991–1994 гг.» / РАН, Ин-т социологии. М., 1995. 160 с.
25. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992–2002 гг. М., 2003. С. 488–489.
26. Левашов В.К. Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование // Социс. 2008. № 12. С. 34–35.
27. Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В., Калинова К.В., Сергеев С.В. Государственная научно-техническая политика в модернизационной стратегии России. М. : Изд-во МосГУ, 2014. 813 с.
28. Макеева И.В. Государственная поддержка инновационного развития территорий с высокой концентрацией научно-технического потенциала : дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 200 с.
29. Спасти человечество может наука // Коптюг В.А. Наука спасет человечество. Новосибирск : Изд-во СО РАН НИЦ ОИГГМ, 1997. С. 333–338.
30. Письмо Президенту Российской академии наук Ю.С. Осипову // Вестник РАН. 1997. Т. 67, № 3. С. 233.
31. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 227.
32. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 242.
33. Бычкова И. Интервью, которое не состоялось // Наука в Сибири. 1998. № 1–2. С. 3.
34. Коптюг В.А. Выступление на слушаниях в Государственной думе 16 мая 1995 г. «О разработке государственной (национальной) стратегии устойчивого развития России // Наука спасет человечество. Новосибирск: Издательство СО РАН НИЦ ОИГГМ, 1997. С. 253–260.
35. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 286.
36. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 339.
37. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 343.
38. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 340.
39. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 483. Л. 81.
40. Вступительное слово президента РАН академика Ю.С. Осипова «Основные достижения РАН в 1998 году» // Вестник РАН. 1999. Т. 69, № 8. С. 683–705.
41. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 385.
42. Пильщикова И.Ю. Институциональные риски и угрозы реализации государственной инновационной политики : дис. … канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 17.
43. АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 387.
44. Бендиков М.А. Некоторые направления повышения эффективности российских высоких технологий // Маркетинг в России и за рубежом. URL: http://www.cfin.ru/press/management/2000-5/01.shtml (дата обращения: 24.04.2017).
45. Кутепова Н.И. Социальная политика в сфере НИОКР // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России. М., 2009. Ч. 1. С. 110–114.
46. Независимая газета. 1998. 28 марта, 18 сентября; 1996. 1 февраля.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 февраля 2019 г.

The Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Under the Liberal Reforms of the 1990s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 142–153.
DOI: 10.17223/15617793/453/17

Elena V. Bodrova, Russian Technological University (Moscow, Russian Federation). E-mail: кafedra-i@yandex.ru
Vyacheslav V. Kalinov, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (Moscow, Russian Federation). E-mail: кafedra-i@yandex.ru

Keywords: Siberian Branch of Russian Academy of Sciences; liberal reforms; crisis.

The aim of the article is to study the problem of developing the conceptual foundations of the reorganization of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SB RAS) on the eve of the collapse of the USSR, their adjustment and implementation in the context of the liberal reforms of the 1990s. The source basis of the research was published materials, mainly articles by Academician V.A. Koptyug, the chairman of SB RAS, and documents currently stored in the funds of the Archives of the Russian Acad-

emy of Sciences. The studied documents and materials made it possible to formulate and substantiate the conclusion that the restructuring carried out by the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, as well as the change in the principles and forms of its activity in the 1990s, was undertaken by individual scientific organizations in the country to adapt to the most difficult conditions of the developing crisis. Among the new forms of activity of the SB RAS institutes were: changes in the management structure of the Branch, joint ventures, active use of foreign grants, support from the Russian Foundation for Basic Research in the framework of competitive projects, and others. The institutes of SB RAS learned to earn money and survived together, demonstrating phenomenal achievements in the most difficult conditions. At the same time, it is proved that such measures provided only a temporary effect, making it possible to survive, but the general economic crisis did not allow it to develop to its full potential. Thus, in the 1990s, for the purpose of self-preservation, the researchers of Novosibirsk Akademgorodok actively developed applied areas making it possible to commercialize the obtained results. However, with rare exceptions, the country's industry was not capable of any innovative activity or even planning to introduce new technological developments and modernization. The state had not created conditions for these. In the end, much was produced at a loss. The decline in production, the reduction of budget financing, as well as funding from other sources, caused an increasing destruction of the country's scientific and technological potential with each passing year. The study made it possible to identify the outstanding contribution of Academician V.A. Koptyug, a scientist, thinker and organizer of science, to the preservation of the scientific potential of Siberia. Despite the reduction in budget financing, Koptyug managed to preserve the Siberian Branch as a system. He rightly believed that in many cases the basis for the preparation of state decisions was not fundamental knowledge, but ambition, voluntarism, and sometimes vested interests. Describing this situation as extremely dangerous, the academician and his associates proposed a strategy based on national interests and social priorities, taking into account the resource basis, spiritual and geopolitical features of our country. However, his recommendations, as well as the conclusions of many leading scientists, were ignored by successive governments. As a result, the situation in the scientific sphere of the country developed from crisis to catastrophe. However, the "growth areas" created in the years of the reforms in Siberia made it possible at the beginning of the new century not only to recover, but also to demonstrate the intensification of innovation activity.

REFERENCES

1. Bodrova, E.V. & Kalinov, V.V. (2016) *Gosudarstvennaya ekonomicheskaya politika Rossiyskoy Federatsii na rubezhe XX–XXI vv.: spornye problemy* [State Economic Policy of the Russian Federation at the Turn of the 21st Century: Controversial Issues]. Moscow: MAORI.
2. Bodrova, E.V. & Kalinov, V.V. (2017) *Tekhnologicheskoe otstavanie kak faktor raspada SSSR i vyzov dlya sovremennoy Rossii* [Technological Lag as a Factor in the Collapse of the USSR and a Challenge for Modern Russia]. Moscow: MAORI.
3. Kodin, M.I. (2002) *Teoretiko-metodologicheskie problemy sotsial'no-ekonomicheskikh i sotsial'no-politicheskikh preobrazovaniy v Rossii v kontse XX v. 1990–2000 gg.* [Theoretical and Methodological Problems of Socioeconomic and Sociopolitical Transformations in Russia at the End of the 20th Century. 1990–2000]. Moscow: Nauka.
4. Osipov, G.V. (1999) *Reformirovanie Rossii: itogi i perspektivy. Sotsial'naya traektoriya reformiruemoy Rossii* [Reform of Russia: Results and Prospects. Social Trajectory of Russia Under Reforms]. Novosibirsk: [s.n.].
5. Razuvaeva, N.N. (2006) *Evolyutsiya politicheskogo i sotsial'nogo stroya postsovetskoy Rossii: 1990-e gody* [The Evolution of the Political and Social System of Post-Soviet Russia: The 1990s]. History Dr. Diss. Moscow.
6. Bodrova, E.V. (2018) Academy of Sciences in the Conditions of the Decay of the USSR. *Rossiyskiy tekhnologicheskiy zhurnal – Russian Technological Journal*. 6 (5). pp. 55–76. (In Russian). DOI: 10.32362/2500-316X-2018-6-5-55-76
7. Koptyug, V.A. (1989) Byt' li Rossiyskoy Akademii nauk [Will the Russian Academy of Sciences Exist?]. *Nauka v Sibiri*. 22 September. pp. 2–3.
8. Koptyug, V.A. (1990) Nauka kompromissa [The Science of Compromise]. *Nauka v Sibiri*. 4. pp. 2–3.
9. *Vedomosti Verkhovnogo soveta RSFSR.* (1990) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 24.01.1990 "Ob uchrezhdenii Akademii nauk Rossiyskoy Federatsii [Decree of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR of 24 January 1990 "On the Establishment of the Academy of Sciences of the Russian Federation"]. 6. Art. 169.
10. Sssr.regnews.org. (2018) *Decree of the Council of Ministers of the RSFSR No. 88 of 13 March 1990 "On the Establishment of the Academy of Sciences of the RSFSR"*. [Online] Available from: http://sssr.regnews.org/doc/vq/fw.htm. (Accessed: 17.10.2018). (In Russian).
11. Koptyug, V.A. (1991) S nulevogo tsikla [From the Zero Cycle]. *Nauka v Sibiri*. 2. pp. 4–5.
12. Il'ina, I.N. (2017) Diskussiya o sud'be Akademii nauk v stenogrammakh zasedaniy ee prezidiuma 1980–1990-kh gg. [Discussion on the Fate of the Academy of Sciences in the Transcripts of the Meetings of Its Presidium in the 1980s–1990s]. *Otechestvennye arkhivy*. 6. pp. 40–48.
13. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 1. File 1686. (In Russian).
14. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 1. File 1687. (In Russian).
15. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 1. File 1688. (In Russian).
16. *Vestnik AN SSSR.* (1992) Rezolyutsiya Obshchego sobraniya Akademii nauk SSSR 9–10.11.1991 g. "O statuse i zadachakh Akademii nauk SSSR v sovremennykh usloviyakh" [Resolution of the General Meeting of the USSR Academy of Sciences on November 9–10, 1991, "On the Status and Tasks of the USSR Academy of Sciences in Modern Conditions"]. 1. pp. 121–124.
17. Legalacts.ru. (2018) *Decree of the President of the RSFSR No. 228 of 21 November 1991 "On the Establishment of the Russian Academy of Sciences"*. [Online] Available from: http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rsfsr-ot-21111991-n-228/. (Accessed: 19.11.2018). (In Russian).
18. Marchuk, G.I. (1992) Proshchal'noe slovo prezidenta [The Farewell Word of the President]. *Vestnik AN SSSR*. 1. pp. 129–235.
19. Saltykov, B. (1997) Pozhertvovat' chast'yu, chtoby spasti sistemu [Sacrificing a Part for Saving the System]. *Nezavisimaya gazeta. NG-nauka.* 2. 1 October.
20. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 244. (In Russian).
21. Koptyug, V.A. (1997a) *Nauka spaset chelovechestvo* [Science Will Save the Humankind]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN NITs OIGGM. pp. 79–87.
22. Nakoryakov, V.E. (2001) "Na nerve stradaniya" ["On the Nerve of Suffering"]. *Sibirskie ogni.* 4. [Online] Available from: http://www.vp-iclub.narod.ru/memo/koptyug/nakoriakov.htm. (Accessed: 28.10.2017).
23. Koptyug, V.A. (1996) Nauka na perelome [Science at the Turning Point]. *Sovetskaya Sibir'*. 20 December.
24. Zhavoronkov, A.V. (1995) Sdvigi v massovom soznanii [Shifts in the Mass Consciousness]. In: *Rezyume nauchnykh otchetov po issledovatel'skim proektam, vypolnennym v ramkakh obshcheinstitutskoy programmy "Al'ternativy sotsial'nykh preobrazovaniy v rossiyskom obshchestve v 1991–1994 gg."* [Summaries of Reports on Research Projects Carried out as Part of the Institute's Program "Alternatives to Social Transformations in Russian Society in 1991–1994"]. Moscow: Institute of Sociology, RAS.
25. Gorshkov, M.K. (2003) *Rossiyskoe obshchestvo v usloviyakh transformatsii: mify i real'nost' (sotsiologicheskiy analiz). 1992–2002 gg.* [Russian Society Under Transformation Conditions: Myths and Reality (A Sociological Analysis). 1992–2002]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
26. Levashov, V.K. (2008) Intellektual'nyy potentsial obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie i prognozirovanie [The Intellectual Potential of Society: The Sociological Dimension and Forecasting]. *Sotsis – Sociological Studies*. 12. pp. 34–35.

27. Bodrova, E.V. et al (2014) *Gosudarstvennaya nauchno-tekhnicheskaya politika v modernizatsionnoy strategii Rossii* [State Scientific and Technical Policy in the Modernization Strategy of Russia]. Moscow: Moscow State University.
28. Makeeva, I.V. (2008) *Gosudarstvennaya podderzhka innovatsionnogo razvitiya territoriy s vysokoy kontsentratsiey nauchno-tekhnicheskogo potentsiala* [State Support for the Innovative Development of Territories With a High Concentration of Scientific and Technological Potential]. Economics Cand. Diss. Moscow.
29. Koptyug, V.A. (1997b) *Nauka spaset chelovechestvo* [Science Will Save the Humankind]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN NITs OIGGM. pp. 333–338.
30. *Vestnik RAN*. (1997) Pis'mo Prezidentu Rossiyskoy akademii nauk Yu.S. Osipovu [Letter to President of the Russian Academy of Sciences Yu.S. Osipov]. 67 (3). p. 233.
31. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 227. (In Russian).
32. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 242. (In Russian).
33. Bychkova, I. (1998) Interv'yu, kotoroe ne sostoyalos' [An Interview That Never Took Place]. *Nauka v Sibiri*. 1–2. pp. 3.
34. Koptyug, V.A. (1997c) *Nauka spaset chelovechestvo* [Science Will Save the Humankind]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN NITs OIGGM. pp. 253–260.
35. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 286. (In Russian).
36. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 339. (In Russian).
37. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 343. (In Russian).
38. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 340. (In Russian).
39. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 483. Page 81. (In Russian).
40. Osipov, Yu.S. (1999) Osnovnye dostizheniya RAN v 1998 godu [Main Achievements of the RAS in 1998]. *Vestnik RAN*. 69 (8). pp. 683–705.
41. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 385. (In Russian).
42. Pil'shchikova, I.Yu. (2010) *Institutsional'nye riski i ugrozy realizatsii gosudarstvennoy innovatsionnoy politiki* [Institutional Risks and Threats to the Implementation of State Innovation Policy]. Political Science Cand. Diss. Rostov-on-Don.
43. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 2. List 31. File 387. (In Russian).
44. Bendikov, M.A. (2000) *Nekotorye napravleniya povysheniya effektivnosti rossiyskikh vysokikh tekhnologiy* [Some Directions of Increasing the Efficiency of Russian High Technologies]. [Online] Available from: http://www.cfin.ru/press/management/2000-5/01.shtml. (Accessed: 24.04.2017).
45. Kutepova, N.I. (2009) Sotsial'naya politika v sfere NIOKR [Social Policy in the Field of R&D]. In: *Nauchnoe, ekspertno-analiticheskoe i informatsionnoe obespechenie natsional'nogo strategicheskogo proektirovaniya, innovatsionnogo i tekhnologicheskogo razvitiya Rossii* [Scientific, Expert-Analytical and Informational Support of the National Strategic Design, Innovative and Technological Development of Russia]. Pt. 1. M: Institute of Scientific Information for Social Sciences, RAS. pp. 110–114.
46. *Nezavisimaya gazeta*. (1998) 28 March.

Received: 21 February 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 154–159. DOI: 10.17223/15617793/453/18

УДК 94 (571.150)

К.А. Брумм

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг. НА ПРИМЕРЕ ОАО «БАРНАУЛЬСКИЙ АППАРАТУРНО-МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД»

Рассматриваются особенности функционирования предприятий промышленного сектора Алтайского края во второй половине 1990-х гг. на примере ОАО «Барнаульский аппаратурно-механический завод». Уделяется внимание системе мер антикризисного управления на ведущем предприятии приборостроения Алтайского края. Освещаются вопрос занятости промышленно-производственного персонала в регионе и кадровая политика руководства ОАО «Барнаульский аппаратурно-механический завод» в период глубокого экономического кризиса.

Ключевые слова: промышленность Алтайского края; дефолт; история Алтайского края; Барнаульский аппаратурно-механический завод.

Становление рыночных отношений в промышленном секторе Алтайского края сопровождалось высокими темпами приватизации государственного имущества. Большинство производственных объединений машиностроительной отрасли подлежало разгосударствлению в первой половине 1990-х гг. Перед предприятиями с долевой формой собственности ставились задачи по организации производственного процесса в условиях формирования нормативной базы рыночных механизмов, свободной конкуренции, низкой покупательной способности внутреннего рынка, а также в условиях отсутствия опыта антикризисного управления у руководства компаний. Одни заводы края были ориентированы на государственные заказы от профильных министерств и ведомств, другие же были вынуждены самостоятельно решать задачи по сбыту производимых товаров.

ОАО «БАМЗ» принадлежало ко второй группе компаний. «Барнаульский аппаратурно-механический завод» входил в число крупнейших предприятий СССР по производству газосварочного оборудования, арматуры и других изделий. Его продукция использовалась в авиастроительной, химической и строительной отраслях. Завод был основан в 1942 г. [1. С. 52], а ликвидирован в 2013 г. С 1942 по 1992 г. производственное объединение находилось в ведении различных министерств и ведомств народного хозяйства СССР [2. Л. 62]. С 1984 по 2001 г. директором «Барнаульского аппаратурно-механического завода» был В.Н. Рахманов. В период его руководства предприятию предстояло пройти процедуру приватизации, организовать работу в условиях становления рыночных институтов, обеспечить функционирование компании после дефолта 1998 г.

Процесс становления рыночных отношений в промышленном секторе Алтайского края получил широкое освещение в работах исследователей. В монографии «Депрессивный Алтай: анализ социально-экономической ситуации в крае и направления выхода из кризиса» экономист В.В. Мищенко рассмотрел теоретические и практические вопросы реализации экономической политики в «депрессивном регионе» Российской Федерации в переходный период. Автор уделил большое внимание вопросам социально-экономического развития отдельных отраслей экономики края. Ученым показаны механизмы реализации государственных мероприятий по поддержке предприятий транспортного машиностроения в регионе [3].

В работе «Оценка тенденций социально-экономического развития России и Алтайского края в 1990–2003 гг.» [4] В.А. Кундиус пришла к выводу о том, что экономический кризис негативно отразился на инвестиционном климате в Алтайском крае. Незначительный рост инвестиционной активности в 1999 г. не смог обеспечить потребности промышленного сектора Алтайского края.

В монографии «Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае» коллектив авторов провел анализ отдельных механизмов регулирования пространственного развития экономики региона. Ученые отметили, что в посткризисный период в промышленности края наблюдался прирост производства (28,0% за 1999–2000 гг.) с постепенным замедлением темпов в силу исчерпания действия позитивных факторов, сформировавшихся в результате финансового кризиса [5. С. 61].

Работа С.П. Байкалова «Системный анализ проблем промышленного развития региона» посвящена реализации основных направлений промышленной политики в Алтайском крае. Исследователь уделил внимание деятельности профильных министерств и ведомств края по разработке и осуществлению программ поддержки предприятий промышленного сектора в 1997–2002 гг. По мнению С.П. Байкалова, для преодоления кризиса в промышленной сфере и достижения целевых ориентиров экономического роста нужна была значительная корректировка существовавшего курса. Одним из ключевых направлений промышленной политики экономист видел создание условий для подъема производственных инвестиций. [6. С. 157]

Оценка эффективности системы управления Алтайским краем во второй половине 1990-х гг. представлена в работе Н.А. Чертова «Социально-экономическая политика в Алтайском крае в кризисный период: итоги и уроки» [7]. По мнению автора, к 2000 г. ведущие отрасли региональной промышленности начали «выходить» из затяжного кризиса. При этом доля промышленного производства в общем объеме промышленности РФ ежегодно снижалась. Ученый положительно отозвался о разработке нормативных основ промышленной политики и создании

концептуальных подходов по развитию промышленного сектора края в среднесрочной перспективе [7. С. 99–100].

Проблемные аспекты функционирования отдельных предприятий приборостроения Алтайского края во второй половине 1990-х гг. не вызвали большого интереса в научной среде. При этом изучение указанной тематики позволит выявить особенности становления рыночных механизмов в промышленном секторе региона.

Реализация экономических реформ первой половины 1990-х гг. негативным образом отразилась на ключевых финансовых показателях функционирования народного хозяйства Алтайского края. В 1994 г. в регионе объемы производства продукции упали более чем на треть по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [7. С. 58]. Главной причиной трудностей явилась сложившаяся специализация краевой экономики, ее ориентация на оборонный комплекс и сельское хозяйство. Выпуск продукции ведущих отраслей народного хозяйства края был централизованно ориентирован на потребности европейских районов страны в обмен на материально-технические ресурсы в рамках политики регионального разделения труда [8].

Внедрение рыночных механизмов в промышленную отрасль края требовало модернизации производственного процесса для создания конкурентоспособной продукции. Снижение покупательной способности на внутреннем рынке негативно отразилось на работе заводов. Так, по данным Администрации Алтайского края, в период с 1991 по 1993 г. предприятия машиностроения заметно снизили объемы капитальных вложений в обновление производственных фондов [8]. В условиях отсутствия государственной поддержки успешность переориентации производства на рыночную среду зависела от эффективности работы руководства. Некоторым предприятиям машиностроительной отрасли удалось не только избежать массовых увольнений промышленно-производственного персонала, сохранить положительный баланс, но и создать условия для роста основных производственных показателей. Так, ведущее предприятие по производству газосварочной продукции ОАО «БАМЗ» с 1993 по 1994 г. увеличило объемы производства продукции с 2,9 до 4,6 млрд руб. [9. С. 1]. Положительные результаты финансовой деятельности на заводе в первой половине 1990-х гг. были достигнуты за счет улучшения механизмов реализации основной продукции, акцентированной работы с ассортиментом товаров народного потребления и комплексной системы мероприятий по материальной поддержке промышленно-производственного персонала [10].

К началу второй половины 1990-х гг. в Алтайском крае был зафиксирован спад ключевых социально-экономических показателей. В Российской Федерации реальный объем валового внутреннего продукта снизился на 4% в 1995 г. (по отношению к предыдущему отечному периоду) и на 5% в 1996 г. В Алтайском крае снижение аналогичных показателей составило 6% в 1995 г. и 18% в 1996 г. [11] Реформирование экономики изменило макроэкономическую структуру народного хозяйства. В 1996 г. в структуре ВВП Российской Федерации доля услуг составила 49%. В Алтайском крае данный показатель достиг 44%. Рост сферы услуг в определенной степени был обусловлен спадом производства в промышленном секторе. Данные результаты свидетельствовали о медленных темпах структурной перестройки экономики [11].

В 1995 г. в промышленном секторе края спад замедлился, однако уже в 1996 г. негативная тенденция продолжилась и темпы снижения составили 16% к уровню предыдущего года и 64% к уровню 1991 г. Подобная динамика указывала на углубление кризиса как в промышленности, так и в народном хозяйстве региона в целом. К 1997 г. в экономике края наблюдались некоторые положительные тенденции. Физический объем розничного товарооборота возрос на 5% к уровню предшествующего года. Снизились темпы инфляции, замедление темпов роста цен наблюдалось во всех секторах экономики. При этом инвестиционная активность уменьшилась на 23% по сравнению с 1996 г. Объемы валового внутреннего продукта сократились на 10%, а индекс физического объема произведенной промышленной продукции составил 92,5% от уровня 1996 г. Наиболее напряженно обстояли дела в легких отраслях промышленности, а также в производстве строительных материалов, машиностроении и металлообработке [11].

Предприятия промышленной отрасли края были вынуждены в срочном порядке искать решения по сокращению расходных статей. В первую очередь уменьшалось финансирование объектов социально-культурного назначения, принятых на баланс после приватизации. Распространенной практикой на заводах стали массовые сокращения промышленно-производственного персонала, приостановка производства плохо реализуемых товаров и снижение объемов финансирования разработок новых образцов изделий.

В 1995 г. на «Барнаульском аппаратурно-механическом заводе» закончили финансовый год с прибылью в 1,5 млрд руб. [12]. Добиться подобных результатов удалось за счет высоких темпов работы 1994 г. Углубление экономического кризиса привело к снижению рентабельности производства в 1995 г. на 25% (по сравнению с 1994 г.). Затраты на один рубль производимой продукции составили 98 коп. [12] (табл. 1).

Для обеспечения положительно баланса и снижения расходов на заводе было принято решение провести масштабную оптимизацию. С 1995 по 1996 г. увольнению подлежали 949 человек. К концу отчетного периода 1996 г. на ОАО «БАМЗ» остались работать 51% от среднесписочной численности промышленно-производственного персонала прошлого года. Производственные мощности завода были загружены на 20%. В сложных условиях предприятие продолжало вести работу по созданию конкурентоспособной продукции. Более 50% годовой балансовой прибыли тратилось на производство новых образцов изделий [12]. Подобный принцип распределения средств способствовал обновлению производственной линейки товаров.

В 1997 г. ОАО «БАМЗ» увеличило объемы выпуска продукции на 22%, повысив загрузку производственных мощностей на 3%. На заводе была проведена большая работа по улучшению механизмов сбыта изделий.

Так, в конце отчетного периода 1997 г. реализация готовой продукции стала выше на 17% по сравнению с предыдущим годом, но годовая прибыль компании уменьшилась на 77%. Одной из причин подобных показателей была невысокая доля денежной составляющей в общем объеме реализации продукции (в 1996 г. – 9%, а 1997 – 2,2%) [12]. Руководство предприятия уделяло большое внимание вопросам ценообразования. В 1997 г. было принято решение снизить стоимость изделий на 10% по всей линейке товаров [13].

Таблица 1

Технико-экономические показатели ОАО «БАМЗ» 1996–1997 гг.

Показатель	Единица измерения	1996 г.	1997 г.
Производство продукции в действующих ценах каждого года	Млрд руб.	34,0	43,3
Себестоимость товарной продукции	Млрд руб.	33,4	42,4
Затраты на один рубль товарной продукции	Коп.	98	98
Объем реализованной продукции (по факту оплаты всеми средствами)	Млрд руб.	45,1	54,3
Доля денежной составляющей в объеме реализации	%	7,8	3,6
Затраты на подготовку производства новых изделий	Млрд руб.	0,9	0,2
Балансовая прибыль	Млрд руб.	1,7	0,4
Прибыль, оставшаяся в распоряжении предприятия	Руб.	1310	332
Среднесписочная численность ППП	Чел.	1008	763
Среднесписочная численность основных производственных рабочих	Чел.	725	554
Выработка на одного ППП	Млн руб.	34,4	53,1

Антикризисные меры, принятые руководством ОАО «БАМЗ» в 1996 г., позволили избежать отрицательных значений в годовом балансовом отчете, но компания по-прежнему находилась в сложном положении. Снижение прибыли в течение 1997 г. стало одной из причин дальнейшего сокращения промышленно-производственного персонала с 1 008 (1996 г.) до 764 (1997 г.) чел. [12]. Сложное финансовое положение угрожало долгосрочными убытками. По словам директора завода В.Н. Рахманова, перед руководством был выбор провести сокращения или остановить работу предприятия [13]. Данная кадровая политика привела к увеличению нагрузки для продолживших трудовую деятельность рабочих. В 1997 г. выработка на одного сотрудника увеличилась на 35% по сравнению с 1996 г. [12]

Кризисные явления в промышленном секторе негативно отражались на социально-экономическом положении всего региона. В 1997 г. общая ситуация на рынке труда Алтайского края была сложной, поскольку численность экономически активного населения с начала года сократилась на 53 тыс. чел. Наибольшие сокращения произошли в отраслях промышленности (9,3%), сельском хозяйстве (7,2%), транспорте (13,8%), строительстве (28,4%), общественном питании (9,3%), науке и научном обслуживании (8,7%) [11].

В 1997 г. на рынке труда Алтайского края продолжился рост безработицы. По данным официальной статистики, на крупных и средних предприятиях региона количество уволенных сотрудников превысило количество принятых на работу на 41,6 тыс. человек. В 1997 г. промышленным компаниям удалось восполнить только 79% рабочих мест. Расторжение трудовых отношений по инициативе работника стало наиболее распространенной формой прекращения трудовых отношений – 70,1% от общего числа [11]. ОАО «БАМЗ» по данным показателям значительно уступало общей краевой тенденции, поскольку в период с 1996 по 1997 г. завод не проводил наем новых сотрудников [12].

В целом же за период с 1991 по 1997 г. количество занятых в Алтайском крае сократилось почти на 300 тыс. человек, более чем на 20% [11]. За аналогичный период среднесписочная численность сотрудников на Барнаульском аппаратурно-механическом заводе сократилась с 1 900 до 763 человек (60%). В процессе анализа социально-экономического положения Алтайского края в 1990-х гг. исследователь В.А. Кундиус отметила спад практически во всех отраслях народного хозяйства региона [4]. Результатом системного кризиса 1990-х гг. стал дефолт в августе 1998 г.

В период с 1996 по 1997 г. на ОАО «БАМЗ» был увеличен выпуск продукции с 34 до 43,3 млрд руб. Однако покупатели осуществляли расчеты преимущественно товарами и услугами. Объем реализованной продукции денежными средствами составил 9% в 1996 г. и 2,2% в 1997 г. соответственно. Показатели балансовой прибыли предприятия сократились на 77%. Отсутствие свободных денежных средств стало одной из причин снижения затрат на производство новых изделий на 75% [12].

Массовые сокращения промышленно-производственного персонала в 1996–1997 гг. и оптимизация производственных процессов позволили сохранить положительный баланс предприятия.

В августе 1998 г. Правительство РФ опубликовало заявление о дефолте по внешним обязательствам в иностранной валюте. По мнению В.М. Шавшукова, Россия «вошла в полосу кризиса». Ядром финансового кризиса стала банковская система [14. С. 87–109]. Последствия дефолта негативным образом отразились на финансовой деятельности предприятий промышленного сектора Алтайского края. В 1998 г. убыток ОАО «БАМЗ» составил 2,4 млрд руб., а производственные мощности сократились на 20% [15].

Таблица 2

Технико-экономические показатели ОАО «БАМЗ» 1998–2001 гг.

Показатель	Единица измерения	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Производство продукции в действующих ценах	Млн руб.	36,7	80,0	146,0	166,1
Себестоимость товарной продукции	Млн руб..	41,7	–	–	–
Затраты на один рубль товарной продукции	Коп.	89,9	97,5	97,5	94,9
Затраты на подготовку производства новых изделий	Млн руб.	–	–	4,9	10,0
Прибыль / убыток от обычной деятельности	Млн руб.	–2,4	–0,2	0,6	5,4
Чистая прибыль (не распределенная прибыль отчетного года)	Млн руб.	–	–	–	3,1
Среднесписочная численность ППП	Чел.	821	846	929	948
Среднемесячная заработная плата	Руб.	758	1353	2 012	2 893
Выработка на одного ППП	Тыс. Руб.	203,8	309,1	388,5	418,6

Примечание. Данные в таблице приведены с учетом деноминации.

В период кризиса увеличился спрос на отечественную продукцию. Руководство ОАО «БАМЗ» приняло решение о дополнительном снижении цены на основные изделия. В результате за 1997–1998 гг. товары Барнаульского аппаратурно-механического завода стали дешевле на 20% [13]. Спад цен на сырье и комплектующие материалы позволил снизить себестоимость продукции завода (в 1998 г. затраты на один рубль товарной продукции уменьшились на 0,81 коп. по сравнению с 1997 г.).

В 1998 г. завод увеличил производство продукции на 2 млн руб. по сравнению с предыдущим годом, а выработка на одного рабочего возросла в 3,8 раза. Сложная экономическая обстановка в регионе и высокий уровень безработицы на рынке труда способствовали повышению трудовой дисциплины. Рост темпов производства продукции требовал повышения численности промышленно-производственного персонала. Совет директоров ОАО «БАЗМ» принял непростое решение об увеличении штата сотрудников с 763 до 821 чел. [15]. Набор сотрудников при отрицательном балансе представлял серьезный риск для финансово-хозяйственной деятельности завода.

Дефолт 1998 г. привел к снижению темпов производства в ведущих отраслях промышленности Российской Федерации. Спад конкуренции на внутреннем рынке создал предпосылки экономического роста для некоторых предприятий. Промышленные компании, сумевшие организовать работу в условиях кризиса, получили дополнительные конкурентные преимущества. Результатом антикризисных мероприятий ОАО «БАМЗ» стало сокращение балансовых убытков с 2,4 млн руб. в 1998 г. до 0,2 млн руб. в 1999 г. [15]. К 1999 г. расходы на оплату труда выросли в 1,7 раза (по сравнению с предыдущим годом).

В 2000 г. завод улучшил ключевые показатели финансово-хозяйственной деятельности в несколько раз. Предприятие получило балансовую прибыль в размере 0,6 млн руб. и выделило 4,9 млн руб. на производство новых изделий [15]. На протяжении второй половины 1990-х гг. финансирование разработок новых образцов товаров составляло значительную часть расходов завода (см. табл. 1). В 1998 и 1999 гг. у завода не было финансовых возможностей стимулировать данные направления ввиду отсутствия балансовой прибыли. Начиная с 2000 г. руководство компании сделало акцент на модернизации производственной линейки, значительно увеличив расходы на соответствующие статьи. Активное финансирование разработок новых образцов изделий в 2000 г. позволило запустить в производство линейку «однорычажных» смесителей и ацетиленовых генераторов [16. С. 2].

С 1998 по 2001 г. на предприятии ежегодно увеличивали штат сотрудников (см. табл. 2). Профсоюзная организация совместно с дирекцией завода реализовали комплекс мер, направленных на улучшение материального положения членов трудового коллектива. За указанный период средняя заработная плата выросла в 3,3 раза, а показатель «выработки на одного рабочего» – в 2 раза [15]. Высокая интенсивность труда свидетельствовала о загруженности производственных мощностей.

К 2001 г. руководству ОАО «БАЗМ» удалось частично стабилизировать финансовое положение компании и завершить отчетный период с прибылью в 3,1 млн руб. Также погасить непокрытые убытки прошлых лет и повысить показатель рентабельности на 0,04%. Рост производства продукции составил 13% к уровню 2000 г. [15] В период с 1998 по 2001 г. завод увеличил объем производства изделий в 4,5 раза.

Распространенной проблемой компаний промышленного сектора Алтайского края была высокая степень износа машин и оборудования. К 1998 г. на ОАО «БАМЗ» она составила 43%. Завод работал на станках, закупленных в конце 1980-х гг. Предприятие по возможности выделяло средства на обновление производственных фондов (в 1998 г. – 108 тыс. руб., в 2000 г. – 228 тыс. руб.) [15]. Данные вложения были недостаточными для масштабного обновления станочного парка. По словам заместителя технического директора ОАО «БАМЗ» И.А. Кандакова, на протяжении всего периода 1990-х гг. завод не имел финансовых возможностей для приобретения крупных партий оборудования ввиду высокой стоимости [17. С. 11].

Таким образом, на протяжении второй половины 1990-х гг. работа руководства ОАО «БАМЗ» была направленна на переориентацию производства к рыночной модели экономики. Поиск эффективной стратегии осложнялся высоким уровнем инфляции, отсутствием эффективных механизмов государственной промышленной политики, изменением рынков сбыта и др. Резкое падение производства в промышленном секторе Алтайского края привело к росту безработицы и отрицательно сказалось на материальном благосостоянии значительной части населения региона. Создание конкурентной продукции требовало опти-

мизации производства и уменьшения финансирования социальных программ. Массовые сокращения промышленно-производственного персонала стали распространенной практикой в промышленном секторе Алтайского края.

Комплексная работа администрации ОАО «БАМЗ» по наращиванию объемов выпуска продукции, систематическое обновление производственной линейки и гибкая ценовая политика позволили создать постоянный спрос на товары предприятия. Постоянная материальная поддержка трудового коллектива и высокий уровень безработицы в регионе стали существенными стимулами повышения качества работы промышленно-производственного персонала завода во второй половине 1990-х гг.

Положительными результатами работы администрации ОАО «БАМЗ» во главе с генеральным директором В.Н. Рахмановым во второй половине 1990-х гг. стали: освоение рынков сбыта, создание конкурентной продукции, увеличение объемов производства после дефолта 1998 г. и сохранение квалифицированного промышленно-производственного персонала. Осложняло финансово-хозяйственное положение завода устаревание производственных фондов и отсутствие средств на полноценное их обновление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедия Алтайского края. Т. 2. Барнаул, 1997. 488 с.
2. Барнаульский аппаратурно-механический завод управления Главкислородмаш министерства химического и нефтяного машиностроения СССР // ГААК. Ф.Р-757. Дела постоянного хранения за 1970–1987 гг. Предисловие к описи № 6. Л. 102 л.
3. Мищенко В.В. Депрессивный Алтай: анализ социально-экономической ситуации в крае и направления выхода из кризиса. Барнаул, 2007. 423 с.
4. Кундиус В.А. Оценка тенденций социально-экономического развития России и Алтайского края в 1990–2003 гг. // Вестник АГАУ. 2004. № 3. Электрон. верс. печ. публ. Доступ из Электрон. б-ки КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-tendentsiy-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii-i-altayskogo-kraya-v-1990-2003-gg (дата обращения: 20.06.2018).
5. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае. Новосибирск, 2017. 424 с.
6. Системный анализ проблем промышленного развития региона. Барнаул, 2000. 289 с.
7. Чертов Н.А. Социально-экономическая политика в Алтайском крае в кризисный период: итоги и уроки : сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. 200 с.
8. Об утверждении Положения и Состава Краевой комиссии по конкурентной политике: распоряжение Администрации Алтайского края от 5 октября 1994 г. № 861-р 1. Электрон. дан. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».
9. Промышленность. Основные итоги по приватизированным промышленным предприятиям Алтайского края за 9 месяцев 1993 года. Барнаул, 1994. 12 с.
10. Телицын А. БАМЗу сопутствует удача // Алтайская правда. 1992. 9 янв.
11. Об утверждении Плана социально-экономического развития Алтайского края на 1998–2000 годы и на период до 2005 года : постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания от 1 апреля 1998 г. № 116. Электрон. дан. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».
12. Технико-экономические показатели по ОАО «БАМЗ» // Текущий архив Управления Алтайского края по промышленности и энергетике. Папка 1995 г. (без нумерации страниц).
13. БАМЗ: анатомия успеха 2. Безвыходных положений не бывает // Алтайская правда. 1999. 31 марта.
14. Шавшуков В.М. Кризисы глобальных финансов (1997–2013 гг.) // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 2013. № 4. С. 87–109.
15. Анализ финансово-хозяйственной деятельности ОАО «БАМЗ» от 07.02. 2001 // Текущий архив Управления Алтайского края по промышленности и энергетике. Папка 2001 г. (без нумерации страниц).
16. Меньше слов – больше дела! // Алтайская правда. 2000. 13 марта. № 58. С. 2.
17. Без жесткости нельзя // Свободный курс. 2002. № 29. С. 11.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 ноября 2019 г.

The Peculiarities of the Functioning of Altai Krai Heavy Industry Enterprises During the Second Half of the 1990s (A Case Study of the Barnaul Hardware and Mechanical Plant)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 154–159.
DOI: 10.17223/15617793/453/18

Konstantin A. Brumm, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: Kas-1294@yandex.ru

Keywords: Altai Krai industry; financial meltdown; Altai Krai history; Barnaul Hardware and Mechanical Plant.

The article investigates the functioning of Altai Krai industrial enterprises during the second half of the 1990s as exemplified by the Barnaul Hardware and Mechanical Plant (BAMZ). The aim of this study is the financial and operational activities of BAMZ during the period of market mechanisms development. The annual financial reports of BAMZ were analyzed, crisis response measures of the plant were studied, peculiarities of the social and economic state of Altai Krai during the second half of the 1990s were considered, and professional activities of V.N. Rakhmanov, the BAMZ CEO, were assessed to achieve the aim of this study. The sources for the study were the official statistical data from the Altai Krai local administration, data from printed media and archival records. Data from the Current Archive of the Property Fund of Altai Krai (years 1996–2001) were first introduced into academic discourse. In the course of the study, the author concluded that the market mechanisms development in the industrial sector of Altai Krai was accompanied by a decrease of production rate in most branches of production. In the second half of the 1990s, the Altai Krai factories were actively developing the domestic market. Therewith, foreign companies were strongly competing for the market. Manufacturing of commercially viable products required renovation of production facilities, long-term purchase contracts, capital investments, cost saving, stable operation of the financial system, etc. The production optimization of BAMZ was accompanied by the reduction of production staff. Cost saving, development of new production items, their sales both in domestic and foreign markets allowed BAMZ to avoid bankruptcy and keep the 1996–1997 financial balance positive. Massive reduction of staff was a desperate measure to keep the plant in operation. The BAMZ administration paid special attention to the financial support of the personnel. In 1998, the production volume increased. The economic crisis decreased the competition on the domestic market and allowed for an increase in sales of the plant's products. Starting with 1998 and until 2001, the enterprise constantly increased its

production rate. Its chosen anti-crisis strategy allowed to earn profit on financial activities by 2001, pay the debts from earlier years, increase personnel payment, and invest into the development of new products. Rakhmanov's long-term service as the CEO resulted in the organization of production activity under free market conditions, development of commercially viable products, increase in key financial performance indicators of the plant after the financial meltdown of 1998.

REFERENCES

1. Mishchenko, V.T. (ed.) (1997) *Entsiklopediya Altayskogo kraya* [Encyclopedia of Altai Krai]. Vol. 2. Barnaul: Alt. kn. izd-vo.
2. State Archive of Altai Krai. Fund R-757. Barnaul'skiy apparaturno-mekhanicheskiy zavod upravleniya Glavkislorodmash ministerstva khimicheskogo i neftyanogo mashinostroeniya SSSR [Barnaul Hardware and Mechanical Plant of Glavkislorodmash Directorate of the Ministry of Chemical and Petroleum Engineering of the USSR]. *Dela postoyannogo khraneniya za 1970–1987 gg. Predislovie k opisi № 6* [Cases of Permanent Storage for 1970–1987. Preface to Inventory No. 6]. 102 p.
3. Mishchenko, V.V. (2007) *Depressivnyy Altay: analiz sotsial'no-ekonomicheskoy situatsii v krae i napravleniya vykhoda iz krizisa* [Depressive Altai: Analysis of the Socioeconomic Situation in the Region and Directions for Overcoming the Crisis]. Barnaul: Altai State University.
4. Kundius, V.A. (2004) Otsenka tendentsiy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii i Altayskogo kraya v 1990–2003 gg. [Assessment of the Trends in the Socioeconomic Development of Russia and Altai Krai in 1990–2003]. *Vestnik AGAU*. 3. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-tendentsiy-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii-i-altayskogo-kraya-v-1990-2003-gg. (Accessed: 20.06.2018).
5. Trotskovskiy, A.Ya. (ed.) (2017) *Transformatsionnye protsessy i formirovanie konkurentnykh preimushchestv v Altayskom krae* [Transformation Processes and the Formation of Competitive Advantages in Altai Krai]. Novosibirsk: Institute of Economic and lndustrial Production Organizing, SB RAS.
6. Baykalov, A.U. (2000) *Sistemnyy analiz problem promyshlennogo razvitiya regiona* [System Analysis of the Problems of Industrial Development of the Region]. Barnaul: Altai State University.
7. Chertov, N.A. (ed.) (2002) *Sotsial'no-ekonomicheskaya politika v Altayskom krae v krizisnyy period: itogi i uroki* [Socioeconomic Policy in Altai Krai During the Crisis Period: Results and Lessons]. Novosibirsk: [s.n.].
8. Garant.ru. (1994) *On Approval of the Regulations and the Composition of the Regional Commission for Competition Policy: Order of Altai Krai Administration No. 861-R 1. of October 5, 1994*. (In Russian).
9. Anon. (1994) *Promyshlennost'. Osnovnye itogi po privatizirovannym promyshlennym predpriyatiyam Altayskogo kraya za 9 mesyatsev 1993 goda* [Industry. The Main Results of the Privatized Industrial Enterprises of Altai Krai for 9 Months of 1993]. Barnaul: [s.n.].
10. Telitsyn, A. (1992) BAMZu soputstvuet udacha [BAMZ Is Lucky]. *Altayskaya pravda*. 9 January.
11. Docs.cntd.ru. (1998) *On Approval of the Plan of Socioeconomic Development of Altai Krai for 1998–2000 and for the Period Until 2005: Resolution of Altai Krai Legislative Assembly No. 116 of 01 April 1998*. [Online] Available from: http://docs.cntd.ru/document/940705579. (In Russian).
12. Current Archive of the Altai Krai Administration for Industry and Energy. Folder for year 1995 (Without Pagination). *Tekhniko-ekonomicheskie pokazateli po OAO "BAMZ"* [Technical and Economic Indicators for BAMZ].
13. *Altayskaya pravda*. (1999) BAMZ: anatomiya uspekha 2. Bezvykhodnykh polozheniy ne byvaet [BAMZ: Anatomy of Success 2. There Are No Hopeless Situations]. 31 March.
14. Shavshukov, V.M. (2013) Global Finance Crises (1997–2013). *Vestnik SPbGU. Ser. 5. Ekonomika* – St. Petersburg University Journal of Economic Studies**. 4**. pp. 87–109. (In Russian).
15. Current Archive of the Altai Krai Administration for Industry and Energy. Folder for year 2001 (Without Pagination). *Analiz finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti OAO "BAMZ" ot 07.02.2001* [Analysis of BAMZ Financial and Economic Activities, 07 February 2001].
16. *Altayskaya pravda*. (2000) Men'she slov – bol'she dela! [Fewer Words, More Action!]. 13 March. 58. p. 2.
17. *Svobodnyy kurs*. (2002) Bez zhestkosti nel'zya [Toughness Is a Must]. 29. p. 11.

Received: 26 November 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 160–167. DOI: 10.17223/15617793/453/19

УДК 930.85

С.С. Булдыгин, О.В. Ким

КРИТИКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА В ИЗУЧЕНИИ ДИНАМИКИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА НА ЗАПАДЕ

Проводится анализ критики западного индустриализма в отечественной и западной историографии. Выделяются теории о принципиальной конечности гегемонии индустриального Запада. Уделяется внимание критике сущностных основ машинной цивилизации. Важное место отводится социокультурным интерпретациям исторического процесса. Отмечается большое значение исследований, направленных на имманентные и многоуровневые процессы в развитии культуры, общественного сознания и саморегулирующихся систем.

Ключевые слова: индустриальное общество; европейская цивилизация; модернизация; технологический детерминизм; социокультурный подход.

Макроисторические модели индустриализации и модернизации европейского общества отличает европоцентризм и технологический детерминизм. Это следствие определенных традиций европейской науки, политики и, в более широком аспекте, особенностей восприятия времени и истории в европейском культурном континууме [1. С. 164–168]. В науке и публицистике XIX–XX вв. машинная цивилизация Европы противопоставлялась аграрному традиционному миру Средневековья как культурно-исторический тип, социально-экономическая модель и стадия развития. Историографический анализ показывает, что в линейных теориях XIX–XX вв. индустриальное общество рассматривалось как преимущественно техногенная система, как социальная машина, в которой решающее значение имеют производственно-экономические факторы.

В этом духе в 1960–1980-е гг. сложились классические концепции западного индустриализма и модернизации У. Ростоу, А. Органского, М. Леви, Д. Лернера, Н. Смелзера, С. Блэка. Технический и интеллектуальный прогресс, развитие рациональных, формальных отношений, распространение рынка и демократии, становление правового общества и социального государства считались кумулятивными эффектами индустриализации. Акцент на технике отразился в распространении машинных метафор рационализма и эффективности – государство-машина, человек-автомат, бюрократический аппарат, и в таких концептуальных символах как «мир-часы» и «мир-компьютер» [2. С. 8]. Технологический детерминизм в определении глобально-исторических эпох в полной мере сохраняется и в современных исследованиях. Так, Л.Е Гринин и А.Л. Гринин моделируют концептуальные очертания «промышленно-торгового принципа производства», который сменил собой «аграрно-ремесленный принцип», что привело сначала к научно-технической, а затем к кибернетической революции [3]. Идеальный тип техногенной индустриализации укоренен в общественном сознании, и он часто служит отправной точкой для дальнейших теоретических построений.

В ряде современных исследований детерминистский образ индустриального Запада подвергается переосмыслению. Объектами критики стали хронологические рамки европейского капитализма, сущностная динамика и факторы изменений, соотношение понятий индустриализма и капитализма, и в конечном итоге исторические перспективы индустриальной цивилизации как таковой.

Критика линейных концепций индустриальной цивилизации в значительной степени справедлива. В то же время она не может оспорить исторический факт динамичного развития Запада в XVI–XIX вв., его мировую гегемонию в XX в. и огромное влияние в современном мире. Представляется, что актуальной задачей является формирование более сбалансированной, недетерминистской модели процесса. В мировой социологии, философии, исторической мысли существует кластер концептуальных и теоретических подходов, в которых индустриальное общество рассматривается в социокультурных аспектах. Экономический и технический прогресс европейцев воспринимается в них как суммарный результат сложных ментальных, социальных, культурных трансформаций. В 2000-е гг. в антропологические, социокультурные аспекты теории индустриального общества осмысливались в ряде исследований Н.Б. Бурыкиной, в работах Р.А. Беданокова, Я.А. Кирсанова, И.Н. Степановой [4–7].

Сформировалось три идейных потока критики западного индустриализма. В рамках перового направления говорится о принципиальной конечности гегемонии индустриального Запада и о размывании его системного ядра. В рамках второго направления критикуются сущностные основы чрезмерно механизированного, детерминистского общества, в котором интересы прибыли и конвейерного производства подавляют человека. Третье направление объединяет теории и концепции, направленные на конструирование многофакторных моделей исторического процесса. Совокупно эти направления акцентируют внимание на высокой роли социокультурных факторов исторической динамики.

Конец гегемонии индустриального Запада

Кризис евроцентричной модели мира в XXI в. обусловлен глобальными изменениями. В мировой индустриальной системе центры производственных, финансовых, технологических процессов постепенно смещаются из цивилизационного ареала Запада в АТР. На фоне развития структур информационного общества все шире проявляется упадок традиционных

для индустриальной цивилизации ценностей, социальных основ и политических парадигм. Г. Дерлугьян так обобщил перспективы дальнейшей модернизации стран второго и третьего мира: «Возврат к диктатуре развития уже невозможен, но и стилизованные версии англо-американского пути относятся к жанру идеологической романтики» [8. С. 18]. Беспрерывный экономический рост Запада невозможен и сам по себе цивилизацию не спасет.

В конце XX в. в структуралистских теориях европоцентристская модель капитализма подверглась критическому переосмыслению. Конъюнктурные и циклические интерпретации западного капитализма характеризовали его как временное, субъективное явление. В мир-системном анализе сформировалось положение о средневековом торговом капитализме, который концентрировался вокруг 3–4 системных ядер в ареале восточных цивилизаций [9–10]. В соответствии с этими интерпретациями азиатский торговый капитализм на несколько столетий опережал генезис буржуазных отношений в Европе. Он был более отсталым технологически, но отличался грандиозными объемами производства и обменов. Похожие идеи развились в 1990–2000-е гг. в работах исследователей «Калифорнийской школы» – Дж. Голдстоуна, Р.Б. Вон, К. Померанца, А.Г. Франка, Д. Ли, В. Фэна [11–14]. По их мнению, европейцы воспользовались бонусами, такими как удачное расположение природных ресурсов [15], присвоение богатств или эксплуатация рабского труда в Америке [16]. Это происходило в период коллапса великих цивилизаций и экономик Востока в XIII–XVI вв. Оппоненты «Калифорнийской школы» и указывали им на недостаточное внимание к культурным особенностям, экономическим институтам [17, 18]. При этом в мир-системном анализе постулировано положение о том, что глобальное лидерство Запада завершается в 20–40-е гг. XXI в. И. Валлерстайн характеризовал факторы, ведущие к размыванию системных основ западного капитализма и демократии, как новый «мировой беспорядок», в котором возрастет системное значение экспансионизма [19]. Дальнейший рост материального благополучия и политического участия населения, по мнению Валлерстайна, подрывает социально-экономический базис и мировой баланс капитализма. Спекулятивный характер современного финансового капитала, тенденции сжатия и упадка глобального «кондратьевского цикла» ведут к тому, что «современная мировая система, в которой мы живем, не может продолжаться, потому что она слишком отклонилась от равновесия» [20. С. 28].

Известный социолог Р. Коллинз выдвинул тезис о неустойчивости современных индустриальных и постиндустриальных обществ в обстановке технологического перехода. Кризисы капитализма, происходившие в XIX–XX вв., не привели к краху системы и падению индустриального общества, потому что произошел конструктивный технологический сдвиг. Он привел к росту среднего класса и улучшению положения рабочих. Технологические сдвиги, ведущие к появлению нового информационного общества, по мнению американского социолога, угрожают благополучию именно среднего класса. Электроника, компьютеризация и роботизация сокращают коммуникативный труд. Коллинз скептически относится к перспективам современного капитализма сохранить всеобщее благополучие, экономический рост и социальный баланс [21. С. 197].

Существует пласт анархистской публицистики, в которой осуждаются пороки индустриальной цивилизации и восхваляется традиционный первобытный мир [22, 23]. Эссе Т. Качински, известное как «Манифест Унобомбера», в 1990-е гг. подняло волну эмоциональной полемики [24]. В нем выражалась идея о том, что индустриальная революция сделала человеческую жизнь длинной, но бесполезной, унизила человеческое достоинство, принесло людям физическое и психическое страдание. В потребительском мире люди относительно легко удовлетворяют жизненные потребности и поглощены суррогатной деятельностью. Она не приносит настоящего удовлетворения, развивает неспособность к достижению настоящих целей, развивает апатию, разочарование, стремление к поиску чрезмерного удовольствия [25. С. 27]. Автор призывал к насильственному демонтажу системы.

Перспективы современного потребительского общества и капитализма как глобальной системы считаются неопределенными. Демократия, материальное благополучие, научный и социальный прогресс уже не рассматриваются как гарантированные атрибуты западной индустриальной модели.

Критика машинной цивилизации и образ техноструктуры

Традиция противопоставления духовного и рационалистического начал в истории Европы восходят к Гегелю и Шпенглеру. Русские философы, в частности Н.Я. Бердяев, дихотомически противопоставляли цивилизацию, основанную на технике и внешней дисциплине, и культуру, в которой преобладала духовность. В представлении Бердяева, индустриальное, капиталистическое общество – это не культура, а цивилизация [26. С. 300]. Русские философы-западники – П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, мало писали о капитализме. Они указывали на ведущую роль христианской религии в формировании духовных и психологических основ в Европе. Их взглядам была присуща романтическая идеализация средневековой западной культуры. Так, В.Г. Белинский и А.И. Герцен видели особое значение идеалов рыцарского благородства и достоинства в процессе формирования прогресса в правовой и философской мысли буржуазной Европы. Они видели позитивную основу западного общества не в технике и рационализме, а в идеях европейского братства, уважения к «внутреннему человеку» [27. С. 133].

Апологетика рационализма и «механомании» появляется в эпоху Просвещения. Один из первооткрывателей темы «индустриальной волны» Э. Тоффлер связал появление этого феномена с идеями Р. Декарта, Т. Гоббса, Д. Дидро. Присущий им рационалистический догматизм привел в конечном итоге к появлению нового типа личности, которая была детермини-

рована установками на успех, функциональную пользу, соответствие образцам. Интеллектуалы XVII–XVIII вв. любили отождествлять человека с механизмами, функциями тепла и движения. Если Дидро называл людей инструментами, которые способны ощущать и помнить, то Гольбах говорил о мозге как о центре управления сверхсложным механизмом. Этот дискурс достиг кульминации в сочинениях Ж. Ламетри. Просветитель называл душу чувствующей и материальной частью мозга, а человеческое тело уподоблял часам [7. С. 46].

Просветительский рационализм и буржуазное стремление к успеху и росту привели к тому, что в XVIII в. в европейском обществе пошел процесс формализации и механизации социальных практик. Эти тенденции привели к появлению культа системы и примату системы над человеком. В европейской культуре сформировались диссонанс между личностью и окружающим миром, общественной средой, традиция противопоставления рационального и чувствующего начал. По мнению Н.Б. Бурыгиной, по мере реализации просветительского дискурса в Западной Европе изменилась интонация культуры, менталитета. В парадигме Просвещения культивируется и развивается чувство сопричастности к системе. Деятельность человека не воспринимается как движение «свободной воли», а как суммарный итог действия внешних и внутренних факторов [5. С. 96].

Критика тоталитарной сущности техники развилась в первой половине XX в. На ранних этапах западного индустриализма в публицистике преобладал рациональный и в целом положительный образ человека, который благодаря своим научным знаниям и технической вооруженности активно преобразует окружающую действительность. Позднее, в работах О. Шпенглера, Л. Мэмфорда, Х. Ортеги-и-Гассета, Г. Маркузе, Э. Хабермаса развился критический постмодернистский образ человека-машины, который состоит из «автоматических систем», детерминирующих его мышление, поведение, жизнь. Механицизм в понимании общественных процессов в эпоху модерна образно выразил Эрих Фромм («Бегство от свободы», 1941): «Дисциплинирование человека карцером, розгами и шпицрутенами приходится на время мануфактурной промышленности и королевского абсолютизма, в том числе того, с рационализирующими устремлениями, который называет себя просвещенным… Цель технологической организации – создать своего рода машину из живых людей» [5. С. 94]).

Хосе Ортега-и-Гассет писал, что «техника сделала человека производящего» (*homo faber*) обездоленным», уменьшила человеческий потенциал [28. С. 40]. Схожие взгляды выражал Карл Ясперс. Признавая, что техника стала важным аспектом формирования «осевого времени» как аспект всеобщей рационализации, философ указывал на то, что в современном обществе человек сам превратился в сырье и ресурс [29. С. 30]. В том же духе Л. Мэмфорд писал, что цивилизация превратилась в Мегамашину, состоящую, по сути, из людей, но призванную служить для решения производственных, военных и социальных задач грандиозного масштаба [30. С. 20]. По его выражению, человек из активно функционирующего животного, использующего орудия, в индустриальном мире превратился в пассивное животное, функции которого все более передаются машинам, в свою очередь, действующим в интересах обезличенных организаций. «Техника уже не служит целям человека, а направлена на использование ресурсов самого человека, на реализацию его “внеорганических потребностей”» [31. С. 225–235]. Немецкий философ А. Хунинг указывал на ответственность человека перед техникой. В машинную эпоху люди стали важным преобразующим фактором окружающей среды, фактически включились в процессы эволюции, направляют природу [32. С. 406].

Таким образом, к 1960–1970-м гг. в философии и социологии сложился образ дегуманизированной индустриальной цивилизации, в которой ощущается дефицит культуры, эмоционально насыщенных отношений, личных смыслов. Индивидуальное существование в ней подчинено интересам техноструктуры. Это понятие в 1967 г. ввел Дж. Гэлбрейт. Он акцентировал внимание на новой социальной реальности – на корпорациях, которые детерминируют не только производство и финансы, но и повседневность. В техноструктуре люди реально отчуждены от процессов принятия решений. Гэлбрейт указал на особое значение прослойки управленцев-администраторов, которые обслуживают систему и ее «надчеловеческие» интересы [33. С. 74–84]. Целью техноструктуры является постоянный, неограниченный экономический рост, а высокий темп производства, по сути, является универсальной самоцелью.

Автоматизм и способность к воспроизводству рассматриваются в современной социологии как важные характеристики индустриального общества. Характерный эффект «экономии на масштабе» в экстенсивной системе массового производства представлен в исследовании А.Г. Глинчиковой. Она отметила, что индустриальное общество при всех демократических декларациях имеет жесткую иерархическую структуру. Необходимая информация, компетентность и властные инструменты сосредоточены в руках узкой группировки элит. Доступ к информации и принятию решений иерархически ограничен. В системе потребительского общества немногочисленные интеллектуалы узкоспециализированы, сами продукты интеллектуального труда быстро стандартизируются и трансформируются системой [34. С. 49–51].

В стандартизированном индустриальном мире происходит отчуждение человека от актуальной информации, от ее контроля. Этот эффект описал Дж. Бениджер, создатель термина «революция контроля». Он предположил, что в индустриальных обществах существует особая сеть социальных коммуникаций – в ней осуществляются руководство, регуляция, обмен информацией, коррекция всей деятельности. По мнению Бениджера, в XVII–XIX вв. все важные решения принимали консолидированные группировки элит или отдельные личности, которые контролировали национальные государства и отдельные сегменты рынков. По мере углубления процессов индустриализации и глобализации капитализма сло-

жились могущественные наднациональные структуры. Ни один субъект не в силах контролировать и направлять всю систему целиком. Бениджер, как и Гэлбрейт, указывает на появление космополитического слоя управленцев, которые действуют в интересах корпораций, особенно в сферах финансов, транспорта, коммуникаций и связи. Иерархичность и централизация этого контроля укрепляется вместе с ростом производства и увеличением скоростей обмена [35. P. 46].

Отметим, что критики машинной цивилизации так или иначе указывают на то, что индустриальный капитализм становится автономным от человека явлением. Технологический детерминизм обедняет духовную жизнь общества, подменяет подлинное существование человека обезличенными механическими алгоритмами. В механизации социальных отношений они видят предпосылки тоталитаризма, вероятную причину кризиса и гибели индустриальной цивилизации в недалеком будущем.

Социокультурные интерпретации и факторные модели модернизации индустриального общества

Критика экономического детерминизма и повышенный интерес к социокультурным факторам исторического развития начали формироваться в европейской науке на рубеже XIX–XX вв. Большое влияние на этот процесс оказал осознаваемый историками и социологами кризис позитивистской парадигмы исторического знания. В новых социологических, антропологических научных школах развивались идеи о том, что общественные институты и поведение людей формируются не только под влиянием экономических факторов, но под воздействием менталитета, культурных традиций, социальных установок.

Так, немецкий социолог Ф. Тённис в работе «Общность и общество» (1887) изобразил дихотомию традиционного и современного общества в концепции двух эпох в культурной революции Европы: общинной (*общность*) и общественной (*общество*). Первая характеризуется социальной волей в форме единодушия, обычая и религии; вторая – социальной волей в форме конвенции, политики и публичного мнения. *Общность* отличает прочность человеческих отношений, четкое отделение своих от чужих. Интересы общины, как правило, гомогенны и починяют волю каждого отдельного человека. *Общество* выражается в такой структуре человеческих взаимодействий, при которой связи между людьми строятся на основе рациональных отношений [36. С. 378–380]. Эра общности представляет собой крайнюю форму развития городской жизни. Для неё также были характерны плюрализм жизненных стилей, свободное предпринимательство и инновационный дух [36. С. 381].

Огромный вклад в изучение социокультурных основ капиталистического общества внес М. Вебер. Он совершил научное открытие, когда выдвинул идею об особой структурообразующей роли рациональной бюрократии в социальной системе капитализма. Вебер фактически различал рациональную бюрократию и традиционное чиновничество, для которого были нормальны кланы, клиентелла. Он отмечал такие позитивные черты индустриальной бюрократии, как неперсонализированное отношение к обработке информации, стандартные формальные процедуры принятия решений, четкие разделения компетенций, обязанностей и ответственности, иерархию, специализацию. Зрелый бюрократический аппарат мог охватить своим контролем практически все общественные процессы за счет четырех важнейших компонентов. Это рационализация, формализация, специализация и структурирование [37]. Эти факторы приводят к разрушению патримониальных отношений в обществе в целом.

Рационалистическое общество Нового времени М. Вебер противопоставлял архаичным обществам Средневековья и цивилизациям Востока [38]. Истинный капитализм, по мнению М. Вебера, требует специфического типа сознания, мотивации, рациональности сознания и поведения. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер указывал, что протестантизм с этической и религиозной точки зрения соответствует капитализму. Под «духом капитализма» им понимался способ мышления, для которого характерны рациональное стремление к получению прибыли законным способом [38. С. 106]. Западная цивилизация, по Веберу, отличалась от прочих специфическим набором из шести признаков, четыре из которых имеют выраженную социокультурную основу. Это наука; искусство, включающее в себя «рациональную гармоническую музыку»; образование; организация управления; государство с рациональным правом и бюрократией и капитализм [38. С. 44–46].

Основоположником социокультурного подхода в истории философии XX в. стал П.А. Сорокин. В работе «Социальная и культурная динамика» он выдвинул идею о том, что социальным системам свойственна постоянная флуктуация и изменения политической, экономической, идеологической и культурных сфер [39. С. 797]. Он выделил три идеальных типа таких суперсистем. 1. *Идеациональный тип* (этика абсолютных норм), для которого характерны высшие абсолютные ценности. 2. *Чувственный тип* (этика счастья), характеризующийся стремлением к чувственному счастью, комфорту, полезности; 3. *Идеалистический тип* (эвдемонистическая этика), направленный одновременно на земные и трансцендентальные смыслы существования [39. С. 522–523].

Социокультурная динамика европейского общества Нового времени у П.А. Сорокина объяснялась господством чувственного эвдемонизма, гедонизма и утилитаризма: «Польза, понимаемая в чувственном смысле, есть основная черта нашего нравственного сознания». Для современного общества характерно «обездуховление» всех этических ценностей до уровня телесного комфорта и наслаждения [39. С. 534]. Впрочем, П.А. Сорокин, в отличие от О. Шпенглера, не утверждал неизбежность гибели европейской цивилизации. В кризисе индустриального общества ему виделась возможность рождения новой идеациональной или идеалистической культуры [39. С. 793].

Под влиянием идей М. Вебера, З. Фрейда, К. Юнга в западной антропологии сформировался интерес к психологической мотивации социального действия.

Успех и особенности западной цивилизации стали рассматриваться через призму господствующих в европейском психологическом и культурном континууме установок. Американский психолог Г. Мюррей ввел понятие «мотив достижения», под которым понималась потребность индивида в личном успехе [40]. В дальнейшем тему развили Д. Аткинсон, Е. Аронсон, Х. Кортес, Д. Макклелланд. Они ввели положение о коллективных мотивах у целых народов, связывая с ними периоды расцвета и упадка цивилизаций. В основу был положен анализ данных литературных источников. Выходило, что выраженные фазы подъема и упадка коррелировали с пиками и упадками коллективной потребности в достижениях. Так, по данным Маккелланда, в греческой цивилизации X–V вв. до н. э. происходил подъем, а с середины V – середины IV вв. до н. э. – упадок потребностей в достижениях [41. P. 115]. Аналогичные исследования Х. Кортеса по Испании показали, что мотив достижения достигает высоких значений в эпоху Реконкисты (XIV–XV вв.), падает до среднего уровня в период расцвета (XVI в.) и достигает низкого уровня к середине XVII в. [42. P. 158]. Британская историческая динамика показала две волны (в XVI и конце XVIII – начале XIX в.) высокой потребности в достижениях. Они коррелировали с историческими эпохами Реформации и Революции XVI–XVII вв. и эрой промышленного переворота [43. С. 373]. Автор акцентировал внимание на том, что культурный подъем и тенденция к эмансипации всегда предшествовали фазе экономического подъема и политического расширения.

Канадский философ М. Маклюэн связывал подъем Запада в Новое время с распространением всеобщего образования и грамотности в Европе. Эпоха после изобретения печатного станка была названа им «Галактикой Гуттенберга». Маклюэн изобразил традиционное общество и культуру в парадигме корпоративного, невычлененного сознания с преобладанием мифологии и устной передачи. Письменность постепенно меняет субструктуры языка и чувственную организацию. Слова, обретающие письменную форму, становятся частью визуального мира [44. С. 27–34]. «Галактика Гуттенберга» – это время и пространство, которое охватила письменная культура. Это эпоха индивидуализма, национализма и промышленных революций. Само по себе создание механического печатного станка служит началом механизации производства, а Галактика Гуттенберга является наглядным примером того, как производство меняет человеческое общество.

Один из основателей современной теории модернизации Ш. Айзенштадт выделил три социокультурных фактора, определивших индустриальное развитие Европы. Во-первых, религиозное спасение достигалось в результате не отказа от «посюстороннего мира» в перестройке его основных сфер. Во-вторых, существовал доступ различных элит, социальных групп к центру политической власти. В-третьих, индивид в европейской цивилизации выступает в качестве автономной и ответственной целостности [45. P. 54–56]. Эти обстоятельства обусловили дальнейший генезис капитализма. Недетерминистские трактовки модернизации представлены в последних исследованиях ведущих теоретиков – Р. Коллинза, Ч. Тилли. Так, Р. Коллинз выдвинул тезис о том, что «модерность» индустриального общества состоит из четырех компонентов, которые зависят от разных причин и имеют автономию. Это бюрократизация, религиозная секуляризация и демократизация. Превращение «неформального общества с теплыми личными связями» в «формальное общество с холодными безличными рациональными отношениями» происходит по трем каналам. Один из них действительно детерминирован экономикой, это расширение рынка и углубление специализации труда. Но два других – бюрократизация и секуляризация – значительно опосредованы, связаны с рационализацией мышления, дифференциаций культурных сфер [46. С. 267].

Бюрократизация у Коллинза – это цивилизационный процесс, связанный с распространением сидячего образа жизни и умственного труда. Автор отмечает такие положительные аспекты бюрократизации, как сокращение насилия и произвола, универсализм, верховенство закона, постепенное признание достоинств и прав индивида. На примере Германии XVIII–XX вв. Коллинз показал выдающуюся роль университетов в процессе организационной и идейной секуляризации. Автор выдвинул тезис о том, что высокий уровень развития германского общества в процессах бюрократизации, секуляризации, подъем культуры и науки существенно корректировали «общепризнанное» отставание Германии от Англии и США в процессах демократизации и промышленного роста [46. С. 290].

Чарльз Тилли в своих исследованиях подверг серьезной рецепции «одномерные» теории индустриализации и модернизации, в которых демократия рассмотрена как обязательный атрибут [47]. По его мнению, под видом демократии часто фигурирует распространенный тип плебисцитарного авторитаризма. Тилли представил очень подвижный континуум, в котором конкретная ситуация с демократией определяется сочетанием трех общественных факторов. Это: 1) дееспособность правительства к энергичным решениям и контролю (потенциально авторитарная тенденция); 2) «степень защищенности консультаций» (уровень развития публичной политики; легитимные формы политического диалога общества и власти»); 3) уровень развития «сетей доверия» (социальные коммуникации в обществе; кому и чему доверяют люди, в каких сферах концентрируют свою активность). Для возникновения реальной демократизации необходимо сочетания трех процессов. Это изоляция публичной политики от категориального неравенства; интеграция сетей доверия в публичную политику; изменения публичной политики, трансформирующие взаимодействия граждан и агентов правительства. В истории Европы и США Тилли отмечает множество авторитарных отклонений [47. С. 40]. Таким образом, демократия не вытекает из буржуазных отношений, а является результатом сложных социальных взаимодействий общества и власти.

В контексте современной глобальной истории модель индустриального общества в значительной степени утрачивает европоцентристский дискурс и экономический детерминизм. Акцент в исследованиях

такого рода сильно смещается в сторону научной и идейной эволюции. Британский историк науки Дж. Броновски выразил эту позицию в монографии «Восхождение человечества» [48]. Автор исходит из принципа выделения открытий и технологий прорывного значения, каждая из которых влечет за собой череду социокультурных, а в ряде случаев – экологических и антропологических изменений. Так, корни европейской склонности к механике автор связал с ранним развитием астрономии. Под ее воздействием складывается интеллектуальный континуум «математика – музыка – астрономия – физика – медицина», который обусловил интеллектуальный прогресс в Евразии. Броновски высоко оценивает значение культурных импульсов и достижения исламской цивилизации в научной революции на рубеже Средневековья и Нового времени. Европейский вклад в мировую науку, по мнению Броновски, заключался в математическое отображение процессов движения в пространстве и времени [48, С. 141–145].

Таким образом, мы можем отметить существенный сдвиг в парадигме репрезентации процессов европейской индустриализации и модернизации. Его суть в развитии представлений о высокой роли социокультурных факторов. Линейные евроцентристские теории с 1970-х гг. в значительной степени корректируются рядом положений. Первое заключается в том, что модернизация отражает длительный процесс изменения культуры, сознания, психологических установок и социального поведения. Эти трансформации сложно коррелируют с новыми экономическими практиками, и нельзя определенно установить, какие отношения являются первичными. Вторая позиция связана с высокой цивилизационной ролью европейского рационализма. Мнения исследователей разделяются: одни связывают его появление с идеологией и философией Просвещения, а другие считают, что он заложен в европейский культурный архетип. Третье положение опирается на образ саморегулирующейся, отчужденной от человеческой воли капиталистической индустриальной системы. Социокультурные трансформации индустриального общества связываются с появлением мегаструктур, корпораций, а также с формированием наднациональных, надклассовых групп управляющих корпоративных элит в массовом потребительском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким О.В. Проблема европоцентризма и переходные эпохи в моделях глобальной истории // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 3 (11). Знания о прошлом в политико-правовых практиках переходных периодов всемирной истории. С. 163–182.
2. Кирсанов Я.А. Взаимодействие техники и власти в культуре индустриального и постиндустриального общества (на материале западной литературы XIX–XX вв) : автореф. дис. … канд. культурол. Саратов, 2011, 20 с.
3. Гринин Л.Е., Гринин А.Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (История технологий и описание их будущего). М., 2015. 424 с.
4. Беданоков Р.А. Антропологический аспект культурологического анализа феномена перехода к массовому индустриальном обществу // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2011. № 5 (155). С. 9–14.
5. Бурыкина Н.Б. Понятие «переходная эпоха» как рефлексия исторического процесса в философско-культурологическом аспекте. М., 2009. 326 с.
6. Бутовская М.Л., Веселовская, Е.В., Прудникова, А.В. Модели биосоциальной адаптации человека и их реализация в условиях индустриального общества // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4. С. 143–154.
7. Степанова И.Н. «Человек-машина» как антропологическая эпистема индустриальной цивилизации // Вестник Курганского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 2 (16). С. 43–46.
8. Дерлугьян Г. Модерн и модернизаторы // Эксперт. 2010. № 1 (687). С. 18.
9. Abu-Lughod J. Before European hegemony: the world system A.D. 1250–1350. London: Books, 1989. 464 p.
10. Amin S. The ancient world-systems versus the modern capitalist world-system // Review. Binghamton. 1991. Vol. 14 (3). P. 349–385.
11. Goldstone J.A. The rise of the West – or not? A revision to socio-economic history // Sociological Theory. Davis. 2000. P. 173–194.
12. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М., 2014. 300 с.
13. Lee J., Feng W. Malthusian Models and Chinese Realities: The Chinese Demographic System 1700–2000 // Population and Development Review. 1999. Vol. 25 (1). P. 33–65.
14. Wong R.B. China transformed: Historical change and the limits of the European experience. Ithaca, 1997. 327 p.
15. Pomeranz K. The great divergence: China, Europe, and the making of modern world economy. Princeton, 2000. 393 p.
16. Frank A.G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley and Los Angeles, 1998. 557 p.
17. Аллен Р.С. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М., 2014. 448 с.
18. Vries P. Via Peking Back to Manchester: Britain, the Industrial Revolution, and China. Leiden, 2003. 121 p.
19. Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. 256 с.
20. Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015. С. 23–62.
21. Коллинз Р. Технологический сдвиг и капиталистически кризисы: выходы и тупики // Прогнозис. Журнал о будущем. 2009. № 2(18). С. 196–209.
22. Блэк Б. Анархизм и другие препятствия для анархии. М., 2004. 103 с.
23. Зерзан Д. Первобытный человек будущего. М., 2007. 224 с.
24. Kaczynski T.J. The Road to Revolution. The complete & authorized Unabomber. Xenia, 2008. 393 p.
25. Качински Т. Индустриальное общество и его будущее. СПб., 2011. 116 с.
26. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. 413 с.
27. Сараева Е.Л. Европейская цивилизация в оценках русских западников // Tabularium: Труды по антиковедению и медиевистике. М., 2004. Т. 2. С. 119–133.
28. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 164–232.
29. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.
30. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М., 2001. 408 с.
31. Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технологическая волна на Западе. М., 1986. С. 225–239.
32. Хунинг А. Инженерная деятельность с точки зрения этической и социальной ответственности // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 404–419.

33. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. Избранное. М., 2008. 1200 с.
34. Глинчикова А.Г. Капитализм, социализм, индустриальное общество – к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 49–51.
35. Beniger J.R. The control revolution. Technological and Economic Origin in Information Society. Cambridge : Massachusetts and London, 1986. 511 p.
36. Тённис Ф. Общность и общество. СПб., 2002. 452 с.
37. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. Т. I: Социология. М., 2016. 445 с.
38. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с.
39. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006. 1176 с.
40. Murray H.A. Explorations in personality. New York, 1938. 790 p.
41. McClelland D.C. The Achieving Society. Princeton, 1961. 515 p.
42. Cortes J.B. The Achievement Motive in the Spanish Economy between the 13th and 18th Centuries // Economic Development and Cultural Change. 1961. Vol. 9 (2). P. 144–163.
43. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб., 2007. 672 с.
44. Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004. 432 с.
45. Eisenstadt S. North European civilization in a comparative perspective. London, 1987. 162 p.
46. Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М., 2015. 504 с.
47. Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе, 1650–2000 гг. М., 2010. 456 с.
48. Броновски Д. Восхождение человечества. Предисловие Ричарда Докинза. СПб., 2017. 362 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 августа 2019 г.

Criticism of Technological Determinism in the Study of the Dynamics of Industrial Society in the West

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 160–167.
DOI: 10.17223/15617793/453/19

Sergey S. Buldygin, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: buldygin.sergey@mail.ru
Oleg V. Kim, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zaecposad@gmail.com

Keywords: industrial society; European civilization; modernization; technological determinism; sociocultural approach

The article analyzes the criticism of established ideas about the historical dynamics of industrial society, which are characterized by Eurocentrism, economic and technological determinism. On the basis of a historiographic analysis, the authors of the article distinguish three ideological flows of criticism of Western industrialism. The first direction speaks about the principal finiteness of the hegemony of the industrial West and the erosion of its system core. At the end of the twentieth century, structuralist theories critically rethought the Eurocentric model of capitalism. Representatives of the California School (J. Goldstone, A.G. Frank, R.B. Wong, C. Pomerantz, J. Lee, W. Feng) claimed that the success of industrial Europe was due to the temporary lag of the East. Sociologist I. Wallerstein claims that Western capitalism is unstable, and Western dominance ends in the 21st century. The second direction criticizes the foundations of the overly mechanized, deterministic society, in which the interests of profit and conveyor production suppress a person. Philosophers of the 20th century (O. Spengler, L. Mamford, J. Ortega y Gasset, G. Marcuse, J. Habermas) criticized the mechanism of industrial society. In the 1960s, J. Galbraith introduced the concept of technostructure, whose goal is unlimited economic growth. J. Beniger introduced the concept "revolution of control", which was understood as the formation of supranational structures that carry out centralized control of production and exchange. The third direction unites sociocultural theories. At the turn of the 20th century, ideas developed that public institutions and people's behavior are formed under the influence of not only economic factors, but also cultural traditions and social attitudes (F. Tönnies, M. Weber). The sociocultural approach was developed by P. Sorokin, who considered the desire for bodily comfort and pleasure to be the basis of industrial society. Psychologists D. Atkinson, J. Cortes, D. McClelland associate the achievements of Western countries with the dominance of collective motivation for success. Philosopher M. McLuhan linked the rise of the West in the New Age with the spread of universal education and literacy in Europe. Sociologists Sh. Eisenshtadt, R. Collins, Ch. Tilly distinguished religion, political system and autonomy of individual as factors of progress. Historian J. Bronowski expressed the idea of a connection between sociocultural shifts and technological development. The authors of the article come to the conclusion that historiography has developed an understanding of the high role of sociocultural factors of historical dynamics. Linear Eurocentric theories are largely corrected by a number of provisions, including important factors such as the long process of cultural change, the evolution of social behavior, rationalism, and the formation of large corporations.

REFERENCES

1. Kim, O.V. (2012) The Eurocentric Theory and Transitive Epochs in Global History Models. *Istoriya*. 3 (11). pp. 163–182. (In Russian).
2. Kirsanov, Ya.A. (2011) *Vzaimodeystvie tekhniki i vlasti v kul'ture industrial'nogo i postindustrial'nogo obshchestva (na materiale zapadnoy literatury XIX–XX vv)* [The Interaction of Technology and Power in the Culture of Industrial and Post-Industrial Society (Based on Western Literature of the 19th–20th Centuries)]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Saratov.
3. Grinin, L.E. & Grinin, A.L. (2015) *Ot rubil do nanorobotov. Mir na puti k epokhe samoupravlyaemykh sistem (Istoriya tekhnologiy i opisanie ikh budushchego)* [From Choppers to Nanorobots. The World Is on Its Way to the Era of Self-Governing Systems (History of Technologies and a Description of Their Future)]. Moscow: Uchitel'.
4. Bedanokov, R.A. (2011) Antropologicheskiy aspekt kul'turologicheskogo analiza fenomena perekhoda k massovomu industrial'nom obshchestvu [Anthropological Aspect of the Culturological Analysis of the Phenomenon of Transition to a Mass Industrial Society]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region.* 5 (155). pp. 9–14.
5. Burykina, N.B. (2009) *Ponyatie "perekhodnaya epokha" kak refleksiya istoricheskogo protsessa v filosofsko-kul'turologicheskom aspekte* [The Concept "Transitional Era" as a Reflection of the Historical Process in the Philosophical and Cultural Aspect]. Moscow: Sputnik+.
6. Butovskaya, M.L., Veselovskaya, E.V. & Prudnikova, A.V. (2010) Modeli biosotsial'noy adaptatsii cheloveka i ikh realizatsiya v usloviyakh industrial'nogo obshchestva [Models of Human Biosocial Adaptation and Their Implementation in an Industrial Society]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 4. pp. 143–154.
7. Stepanova, I.N. (2009) "Chelovek-mashina" kak antropologicheskaya epistema industrial'noy tsivilizatsii ["Man-Machine" as an Anthropological Epistem of Industrial Civilization]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki.* 2 (16). pp. 43–46.
8. Derlug'yan, G. (2010) Modern i modernizatory [The Modern and Modernizers]. *Ekspert.* 1 (687). pp. 18.
9. Abu-Lughod, J. (1989) *Before European hegemony: the world system A.D. 1250–1350.* London: Books.
10. Amin, S. (1991) The ancient world-systems versus the modern capitalist world-system. *Review. Binghamton*. 14 (3). pp. 349–385.

11. Goldstone, J.A. (2000) The rise of the West—or not? A revision to socio-economic history. *Sociological Theory*. 18 (2). pp. 173–194. DOI: 10.1111/0735-2751.00094
12. Goldstone, J. (2014) *Pochemu Evropa? Vozvyshenie Zapada v mirovoy istorii, 1500*–1850 [Why Europe? the Rise of the West in World History 1500-1850]. Translated from English by M. Rudakov. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
13. Lee, J. & Feng, W. (1999) Malthusian Models and Chinese Realities: The Chinese Demographic System 1700–2000. *Population and Development Review*. 25 (1). pp. 33–65.
14. Wong, R.B. (1997) *China transformed: Historical change and the limits of the European experience*.Cornell University Press.
15. Pomeranz, K. (2000) *The great divergence: China, Europe, and the making of modern world economy*. Princeton: Princeton University Press.
16. Frank, A.G. (1998) *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
17. Allen, R.S. (2014) *Britanskaya promyshlennaya revolyutsiya v global'noy kartine mira* [The British Industrial Revolution in Global Perspective]. Translated from English by N. V. Avtonomova. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
18. Vries, P. (2003) *Via Peking Back to Manchester: Britain, the Industrial Revolution, and China*. Leiden: Leiden University.
19. Wallerstein, I. (2003) *Posle liberalizma* [After Liberalism]. Moscow: Editorial URSS.
20. Wallerstein, I. (2015) Strukturnyy krizis, ili Pochemu kapitalisty mogut schitat' kapitalizm nevygodnym [Structural Crisis, or Why Capitalists May No Longer Find Capitalism Rewarding]. In: Wallerstein, I. et al. *Est' li budushchee u kapitalizma?* [Does Capitalism Have a Future?]. Translated from English by A. Appolonov, T. Otel'nikova. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara. pp. 23–62.
21. Collins, R. (2009) Tekhnologicheskiy sdvig i kapitalisticheski krizisy: vykhody i tupiki [Technological Displacement and Capitalist Crises: Escapes and Dead Ends]. *Prognozis.* 2(18). pp. 196–209.
22. Black, B. (2004) *Anarkhizm i drugie prepyatstviya dlya anarkhii* [Anarchism and Other Impediments to Anarchy]. Translated from English. Moscow: Gileya.
23. Zerzan, J. (2007) *Pervobytnyy chelovek budushchego* [Future Primitive]. Translated from English by A. Shekhovtsov. Moscow: Gileya.
24. Kaczynski, T.J. (2008) *The Road to Revolution. The complete & Authorized Unabomber*. Xenia: Suisse.
25. Kaczynski, T. (2011) *Industrial'noe obshchestvo i ego budushchee* [The Unabomber Manifesto: Industrial Society and Its Future]. Translated from English by D. Popov. St. Petersburg: REVOLVA
26. Bibler, V.S. (1991) *Ot naukoucheniya k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From Science to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century]. Moscow: Politizdat.
27. Saraeva, E.L. (2004) Evropeyskaya tsivilizatsiya v otsenkakh russkikh zapadnikov [European Civilization in the Assessments of Russian Westerners]. *Tabularium: Trudy po antikovedeniyu i medievistike*. 2. pp. 119–133.
28. Ortega y Gasset, H. (1993) Razmyshleniya o tekhnike [Technology]. Translated from Spanish. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 5. pp. 164–232.
29. Jaspers, K. (1991) Smysl i naznachenie istorii [The Origin and Goal of History]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
30. Mumford, L. (2001) *Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva* [The Myth of the Machine: Technics and Human Development]. Translated from English. Moscow: Logos.
31. Mumford, L. (1986) Tekhnika i priroda cheloveka [Technics and the Nature of Man]. Translated from English. In: Gurevich, P.S. (ed.) *Novaya tekhnologicheskaya volna na Zapade* [New Technological Wave in the West]. Moscow: Progress. pp. 225–239.
32. Hüning, A. (1989) Inzhenernaya deyatel'nost' s tochki zreniya eticheskoy i sotsial'noy otvetstvennosti [Engineering Education and Social Responsibility]. Translated from German. In: Arzakanyan, Ts.G. & Gorokhov, V.G. (eds) *Filosofiya tekhniki v FRG* [Philosophy of Technology in Germany]. Moscow: Progress. pp. 404–419.
33. Galbraith, J. (2008) *Novoe industrial'noe obshchestvo. Izbrannoe* [The New Industrial State. Selected Works]. Translated from English. M: Eksmo.
34. Glinchikova, A.G. (2001) Kapitalizm, sotsializm, industrial'noe obshchestvo – k voprosu o sootnoshenii ponyatiy [Capitalism, Socialism, Industrial Society: On the Correlation of Concepts]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 9. pp. 49–51.
35. Beniger, J.R. (1986) *The Control Revolution. Technological and Economic Origin in Information Society*. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press.
36. Tonnies, F. (2002) *Obshchnost' i obshchestvo* [Community and Society]. Translated from German by D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: VLADIMIR DAL'.
37. Weber, M. (2016) *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: v 4 t.* [Economy and Society: A Critical Companion]. Translated from German. Vol. I. Moscow: HSE.
38. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress.
39. Sorokin, P.A. (2006) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Translated from English by V.V. Sapov. Moscow: Akademicheskiy proekt.
40. Murray, H.A. (1938) *Explorations in Personality*. New York: Oxford University Press.
41. McClelland, D.C. (1961) *The Achieving Society*. Princeton: Princeton University Press.
42. Cortes, J.B. (1961) The Achievement Motive in the Spanish Economy between the 13th and 18th Centuries. *Economic Development and Cultural Change*. 9 (2). pp. 144–163.
43. McClelland, D. (2007) *Motivatsiya cheloveka* [Human Motivation]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
44. McLuhan, M. (2004) *Galaktika Guttenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoy kul'tury* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Translated from English. Kyiv: Nika-Tsentr.
45. Eisenstadt, S. (1987) *North European Civilization in a Comparative Perspective*. Oxford University Press.
46. Collins, R. (2015) *Makroistoriya. Ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English by N.S. Rozov. Moscow: URSS.
47. Tilly, C. (2010) *Bor'ba i demokratiya v Evrope, 1650–2000 gg.* [Contention and Democracy in Europe, 1650–2000]. Translated from English by A.A. Kalinin. Moscow: HSE.
48. Bronowski, D. (2017) *Voskhozhdenie chelovechestva* [The Ascent of Man]. Translated from English by N. Sustavov. St. Petersburg: Piter.

Received: 09 August 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 168–172. DOI: 10.17223/15617793/453/20

УДК 93/94

И.В. Зайцева

РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАДИЦИЯ АНТИЧНОГО МИРА В ТРАКТОВКЕ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Рассматривается трактовка античной религиозной традиции в работе руководителя Александрийской школы богословия Тита Флавия Климента «Увещевание к язычникам». Проблема исследуется в разрезе изучения трех основных компонентов: религиозное сознание, религиозная деятельность и религиозные отношения. Проведенный анализ показывает однозначное негативное отношение автора к античной религиозной традиции и позволяет определить взаимосвязь идейных воззрений александрийского мыслителя с историей всего комплекса социокультурных условий, повлиявших на эволюцию интеллектуализма в александрийском обществе.

Ключевые слова: Александрия; Римская империя; Египет; Александрийская школа; Климент Александрийский.

Рассмотрение вопроса, заявленного в теме статьи, во многом актуализируется потребностями и задачами современного общества, находящегося на этапе перехода. В последнее время Институтом всеобщей истории Российской академии наук активно разрабатываются проблемы интеллектуальной истории. Главный редактор журнала «Диалог со временем» доктор исторических наук, профессор Л.П. Репина в одной из своих статей сформулировала проблему изучения интеллектуальной истории и интеллектуальной культуры следующим образом: «Интеллектуальная культура – это не абстрактные идеи, а совокупный ментальный и вербальный фонд этого общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством устной речи, письма и других средств коммуникации» [1. С. 8]. В подобном разрезе мы исследуем историю интеллектуальной культуры и интеллектуальной мысли посредством анализа текстов, разнообразного мыслительного инструментария, навыков мышления, а также через призму всех форм, средств, институтов интеллектуального общения в их целостном социально-культурном контексте.

Исследование «истории идей» Климента Александрийского в этой связи представляется наиболее актуальным, поскольку особенности менталитета этого александрийского дидаскала в некотором смысле заложили основы укрепления христианства на Римском Востоке и сформировали новый тип христианского мыслителя переходной эпохи.

Прежде чем стать главной государственной религией Римской империи, христианство в первые три века своего существования должно было решить две важнейшие задачи – убедить римскую власть в том, что новая религия безопасна для государства, и добиться прекращения гонений [2. P. 49]. Их решению были посвящены первые сочинения христианских апологетов. Следует отметить, что отношение христиан к язычеству в этот период было вполне однозначным – боги античного пантеона высмеивались христианами, причем зачастую повод им давали и сами языческие авторы [3. С. 4].

Традиционно принято полагать, что некоторым исключением из общего правила стал крупнейший апологет Александрийской школы Тит Флавий Климент. Родившись в языческой семье, с детства посвященный в различные мистерии, Климент пытался найти точки соприкосновения между античной и христианской традициями [4. P. 225]. Будучи самым просвещенным христианским автором, вплоть до своего ученика и последователя Оригена, Климент «подарил» Римскому Востоку новый тип христианского мыслителя, если не с уважением, то без видимой доли пренебрежения относящегося к античному наследию [5. P. 77]. Безусловно, такой тип интеллектуализма, смог сформироваться еще и потому, что Тит Флавий Климент жил в атмосфере многочисленных духовных течений, глубоких научных и религиозных исканий александрийского общества, что отразилось на системе его мышления [6. С. 117].

В качестве основного предмета исследования в данной статье выступают взгляды Климента на античную религиозную традицию. Выбор предмета обусловлен необходимостью определения интеллектуализма Климента с точки зрения его ортодоксальности либо, напротив, гетеродоксальности. В данном случае нас будет интересовать, действительно ли александрийский учитель вышел за границы традиционного отвержения языческой религии либо придерживался актуальных для своего времени религиозных тенденций.

Анализ религиозной традиции Античности в трактовке Климента Александрийского мы построим на его произведении «Увещевание к язычникам». Выбор этой работы из трилогии Климента Александрийского обусловлен тем, что «Строматы» и «Педагог», также входящие в состав трилогии, в основном обращены к вопросам философских и нравственных воззрений александрийца, не затрагивая религиозных проблем. При этом следует понимать, что каждое из произведений трилогии содержит мысль о главенствующей роли христианства для мира [7. P. 220].

Для более обстоятельного изучения исследуемого вопроса мы будем рассматривать взгляды Климента через призму общепризнанной классификации религии, предложенной И.Н. Яблоковым, согласно которой религия включает в себя религиозное сознание, религиозную деятельность, религиозные отношения и религиозные организации [8. С. 264]. В начале, полагаем, необходимо определиться с терминологией. Под религиозным сознанием мы понимаем причастность к определенным религиозным идеям и ценностям, а также принадлежность к определенной религии и религиозной группе (в данном случае имеем в виду, прежде всего, осознание этой причастности в созна-

нии отдельной личности либо группы людей). На наш взгляд, следует конкретизировать данное понятие и свести его к совокупности религиозных представлений в сознании индивида или общества в целом. Религиозная деятельность представляет собой систему учений, верований и культовых действий, которые связаны с единением человека и Бога. Религиозные отношения представляют собой вид отношений в духовной сфере общества [8. С. 279]. Религиозные организации – это добровольные объединения людей с целью совместного исповедания и распространения вероучения (поскольку религиозные отношения в античной религиозной традиции не имели строгой институционализации, данный компонент языческой религии анализироваться в статье не будет).

В основе представлений Климента о религиозном сознании язычников лежит его отношение к истине, под которой автор понимал христианское вероучение. В период становления христианства первые дидаскалы не только пытались победить язычников в философских спорах, но и доказать истинность христианского учения, т.е. сформировать новый тип религиозного сознания язычников. В этой связи первые учителя новой религии ставили целью убеждение язычников в отказе от привычных религиозных обычаев, прочно укоренившихся в сознании представителей античного мира.

В некотором смысле, Климент сформировал новое представление об истине, противоположное античному и по форме, и по содержанию. Так, если античный менталитет усматривал в новых воззрениях и представлениях негативный смысл, а все древнее вызывало уважение, то Климент, напротив, отмечал, что «заблуждение является древним, а истина кажется новой» (Protr. VI). Поскольку в данном случае под «новым» понимается христианство, данная позиция александрийца вполне объяснима и оправданна.

Основой языческого сознания Климент называл мифы, о которых он говорил следующее: «...это – скользкие, гибельные пути, удаляющие от истины, низводящие человека с неба и направляющие его в пропасть» (Protr. XXVII). Приводя в пример слова античного поэта Эмпедокла и пророчицы Сивиллы, он призывает «оставить мрак и идти за светом» (Protr. XXVII). Ссылки на данных авторов вероятнее всего, говорят о том, что с их помощью Климент пытался расширить аудиторию, опираясь на авторитет тех авторов, которые были значимы для его читателей.

Климент считал религиозное сознание язычников материальным, основанным на поклонении материи: «Зачем, выдумывая себе богов из праха и следуя за рожденной тварью вместо нерожденного Бога, вы бросились в кромешный мрак? Прекрасен паросский мрамор, но это еще не Посейдон; прекрасна слоновая кость, но это еще не Зевс Олимпийский. Материя всегда нуждается в искусстве[1], Бог же – самодовлеющ… Я же научен землю топтать, а не поклоняться ей» (Protr. LVI). Поклонение материи Климент называет невежеством, которое губит человека.

Частью языческого сознания Климент считал идолопоклонство, которое имело семь путей возникновения (Protr. XXVI): через поклонение небесным светилам; через поклонение плодам, которые дает земля; посредством обожествления возмездия и несчастья, возникающих в судьбах людей; через обожествление человеческих страстей; через обожествление абстрактных понятий, таких как справедливость, судьба и т.д.; через почитание теогонии Гесиода и произведений Гомера; посредством обожествления спасителей от бед и болезней (Геракла, Асклепия). Отдельное внимание в «Увещевании к язычникам» дидаскал уделял опровержению обожествления язычниками таких понятий, как «судьба», «богатство», «любовь», «сон», «звезды», говоря о том, что не могут быть богами ореол вокруг солнца, радуга или ливни, поскольку все это природные явления, ровно как не могут быть богами те, кто покровительствует им на Олимпе (Protr. CII). Неожиданным для раннего христианина выступает заявление Климента о священстве людей: «Считай, что эти слова сказаны тебе свыше: не думай, что камни, дерево, птицы и змеи суть святыни, а не человек. Напротив, подлинно священными признавай людей, а зверей и камни считай тем, чем они являются» (Protr. CIV). Более поздние христиане личность человека как священную не рассматривали, только в сочетании с Богом и его промыслом.

В «Протрептике» Климента мы находим места, в которых он замечает, что имело место и благоразумие древних «безбожников». Так, он указывает, что Евгемер-акрагантиец, Никанор-киприот, мелосцы Диагор и Гиппон, Теодор-киренец[2] и многие другие благоразумно прожили жизнь и лучше остальных увидели заблуждение, касающееся богов. Александрийский учитель говорит, что если они и не познали истину полностью, но предположили ошибочность языческих верований (Protr. II, XXIV). Если проанализировать профессиональную биографию людей, на которых ссылается Климент, становится очевидным, что все они, за исключением Диагора, были философами, что подтверждает факт тяготения александрийского учителя к языческой философии, однако совсем не доказывает его положительного отношения к античной религии.

Несколько более снисходительно александрийский учитель пишет о верованиях египтян: «И насколько лучше египтяне, которые по деревням и городам воздали божественные почести бессловесным животным, чем эллины, поклоняющиеся таким вот богам?! Боги египтян пусть звери, но не развратны, не похотливы. Ни один из них не стремится к наслаждениям, противным природе… ?» (Protr. XXXIX). При сопоставлении греческих и египетских верований Климент указывал, что египтяне превосходят греков, поскольку они воздают почести только бессловесным животным, а эллины поклоняются жестоким богам (Protr. XXXIX). Полагаем, что здесь нашел проявление внутренний патриотизм Климента, его региональное сознание и причисление себя к александрийской культуре. Кроме того, в зрелом возрасте оказавшись в Александрии, Тит Флавий Климент обращал свои произведения именно к египетской аудитории, стремясь укрепить позиции христианства на Римском Востоке.

Отношение к религиозной деятельности язычников наиболее обстоятельно раскрывается Климентом во второй главе «Увещевания к язычникам». Религиозная деятельность язычников включала в себя мистерии, жертвоприношения и другие ритуальные действия, связанные с почитанием греками и римлянами своих богов. Именно опровержение языческих ритуалов легло в основу демонстрации Климентом негативного смысла языческой религии.

А.Ю. Братухин отмечает, что в отличие от ряда других авторов (например, Татиана, Иустина или Феофила Александрийского), стремящихся к нападкам на греческую религию с целью обличения всей античной культуры в целом, Климент Александрийский, прежде всего, ставил своей задачей опровергнуть те мистерии и ритуалы, которые были популярны при его жизни [9. С. 22]. Для реализации этой цели, Климент, в отличие от других христианских авторов, стремился к обстоятельному и точному анализу античных мистерий.

Само слово «мистерия» у александрийца было производным от слова «μύσος» («позор»), либо от словосочетания «охотничьи басни» (т.е. мифы). Однако в заключение своего труда он применяет это слово и к христианским таинствам («О поистине святые мистерии!») (Protr., 120, 1). Очевидно, таким образом Климент подводил читателя к мысли о необходимости замены старых мистерий на новые христианские, чтобы сама этимология слова не отталкивала язычников.

В некоторых местах «Протрептика» мы встречаем сравнение терминов «оргии» и «мистерии», что придает мистериям язычников еще более негативный смысл в глазах Климента[3]. Так в 13-й главе он приводит несколько версий происхождения термина «мистерии». С одной стороны, Климент указывает на связь мистерий с поминовением усопших, а с другой – с «охотничьими баснями», ссылаясь на сходство в звучании данных слов (Protr. XIII). Неприязнь Климента к языческим мистериям была настолько сильна, что при обличении их он использует любые, даже не совсем доказательные аргументы: «Даже если производить слово “мистерии” от имени некоего Миунта из Аттики, погибшего, по словам Аполлодора, на псовой охоте, вам не позавидуешь: в этом случае ваши мистерии обязаны своим именем и славой поминкам» (Protr. XIII). Прямого сравнения оргий и мистерий у Климента в «Увещевании к язычникам» мы не встречаем, однако периодически он перемежает эти термины, усугубляя негативную окраску обоих. Чтобы особенно подчеркнуть вред для христианина от мистерий, александрийский учитель указывает на их связь с грехопадением человека, отмечая, что в мистериях Диониса вакханты «пожирают в священном безумстве сырое мясо, и освящают рассеченные мертвые туши, увенчав себя змеями, крича в ликовании “Эван!” – “Ева!”, – имя той, из-за которой началось заблуждение человеческого рода» (Protr. XII).

Рассматриваемое произведение изобилует значительным количеством указаний на различные мистерии, при этом наиболее часто он ссылается на те, которые были распространены в его время, в том числе и на Римском Востоке: мистерии Афродиты (Protr. XIV), Деметры (Protr. XV), Диониса (Protr. XVII–XVIII), Сабазийские (Protr. XVI), Элевсинские (Protr. XX–XXI), кабирские (Protr. XIX) мистерии. Отвергая безбожность данных мистерий, Климент прямо указывает на тщетность и вред от тайных символов, которые используются язычниками при их проведении (лепешки, крупинки соли, мак, плющ, женский гребень и т.д.).

Наибольшее негодование у Климента вызывали оракулы, которые он называл «нечестивыми святилищами и полным обмана пастью бездны» (Protr. II, XI). Александрийский учитель полагал, что само наличие оракулов бессмысленно, поскольку в них нет пророческого дара, а существует лишь безумие [4. P. 114]. Климент приравнивает языческие оракулы к обману игорных домов, в которых основными спутниками надувательства являются «козы, выдрессированные для прорицания, и вороны, наученные людьми давать оракулы» (Protr. II, XI).

Говоря о таком виде религиозной деятельности язычников, как жертвоприношения, александрийский учитель убеждал язычников в том, что их боги являются жуткими и бесчеловечными демонами, которые радуются человеческому безумию и наслаждаются человекоубийствами (Protr. III, XLII). В третьей главе «Увещевания к язычникам» мы встречаем следующие примеры жертвоприношений, описанные Климентом: «Действительно, мессенец Аристомен заколол триста человек Зевсу Итомскому, полагая, что столь великие и вместе с тем столь изысканные гекатомбы совершил при благоприятных предзнаменованиях» (Protr. III, XLII). Или о таврах: «Тавры – племя, населяющее полуостров Таврику, тех чужестранцев, которых они у себя захватят, после того, как те, плывя по морю, сбились с пути, сразу приносят в жертву Артемиде Таврической» (Protr. III, XLII). Ссылаясь на «Собрание удивительных вещей» Монима, Климент рассказывает, что в Фессалийской Пеле приносят в жертву Пелею и Хирону ахейцев (Protr. III, XLII). В Антиклидовском «Возвращении» он находит информацию, как критское племя ликтийцов закалывает Зевсу людей, а в третьей книге Питокла «О согласии» встречает упоминания о фокейцах, которые устраивают человеческие сожжения, принося жертву Артемиде (Protr. III, XLII). Особенно Климент подчеркивает ужас от жертвоприношения собственных детей: «Житель Аттики Эрехтей и римлянин Марий принесли в жертву собственных дочерей: один – Персефоне, как сообщает Демарат в первой книге «Трагедийных деяний», другой же, Марий, – Аверрункам, как рассказывает Доротей в четвертой книге «Италийской истории» (Protr. III, XLII).

Религиозные отношения язычников также не находят одобрения у Климента. По его мнению, языческий мир полон грехопадения, поскольку распущенны не только люди, но и боги [10. С. 38]. Так, он приводит в пример причисленного к богам Антиноя, который «удостоился почестей за блуд» (Protr. XLIX). Особое удивление у Климента вызывала потребность язычников поклоняться богам, которые представляются еще более безнравственными, чем сами люди

[10. С. 47]. О главе олимпийского пантеона богов Зевсе александрийский учитель говорит, что он «обидчик, беззаконник, преступник существовал и обладал этими качествами только как человек…» (Protr. XXXVII). Заменяя его культовые эпитеты, он обвиняет Зевса в ряде смертных грехов: насилии, беззаконии, растлении, прелюбодеянии, называя его человеком, миф о котором развеялся со временем (Protr. XXXVII).

Климент полагал, что язычники нуждаются в духовном просвещении: «Потому, что мне кажется, что, так как Само Слово спустилось к нам с неба, не должно более ходить на обучение к людям… Раз вы поверили поэтическому мифу, изображающему критянина Миноса собеседником Зевса, то у вас не возникнет сомнений по поводу того, что мы стали учениками Бога, приобретя действительно истинную мудрость, на которую лучшие представители философии только намекали, ученики же Христовы и постигли ее и возвестили другим» (Protr. XI, CXII).

Отдельное внимание Климент уделяет опровержению ценности статуй греческих божеств. В «Увещевании к язычникам» он обстоятельно освещает истории знаменитых статуй, в частности статую бога Сараписа. Он приводит версию Афинодора, рассказывающего о ваятеле Бриаксиде, который по велению фараона создавал статую Осириса, а вылепил из опилок различных металлов с размельченными драгоценными камнями Сараписа. Тем самым Климент намекал на связь Сараписа с похоронами (Protr. XLVIII). Статуи для Климента являются более ничтожными, чем любое живое существо, поскольку моделями для них служат гетеры (Protr. LI; LIII). Говоря о них, он проводит параллель с Богом, который постигается людьми с помощью ума, а не чувствами, как это происходит со статуями, которым поклоняются люди, принимая их за богов. При этом александрийский учитель указывает, что некоторые язычники сами призирали мертвую материю, из которой изготовлены статуи, однако, чтобы не выдавать своего отношения, скрывали это: «Дионисий Младший, сняв золотой гиматий с Зевса на Сицилии, велел надеть на него шерстяной, сказав остроумно, что он лучше золотого, будучи более легким летом и более теплым в мороз. Антиох же Кизикиец, нуждаясь в деньгах, распорядился золотую статую Зевса высотой в пятнадцать локтей переплавить и поставить на ее место подобную ей из другого, более дешевого материала, украшенную золотыми пластинами» (Protr. LII).

Чтобы расширить аудиторию своих читателей, Климент несколько раз обращается к греческой пророчице Сивилле, определяя ее как наставницу для язычников. Вероятно, еще нося в своем сознании остатки языческих верований, либо рассчитывая на определенный круг читателей-язычников, Тит Флавий Климент был убежден в необходимости подобных обращений.

Климент указывает, что Сивилла предсказала разрушение языческих капищ и статуй при землетрясении:

…И зарыдает Эфес, у высокого брега простершись;

Храм свой он будет искать, исчезнувший ныне бесследно… (Protr. L).

О храмах Исиды и Сараписа в Египте он приводит ссылку на пророчество Сивиллы о сожжении:

Ты одиноко сидишь, о Исида, у Нильских потоков,

Трижды несчастная, как на песке Ахеронта прибрежном,

Ты, что из многих камней белоснежных построен,

Сарапис, будешь в руинах лежать на земле многослезной Египта. (Protr. L).

В заключение следует отметить, что проведенный анализ «Увещевания к язычникам», в достаточной степени доказывает вполне однозначную позицию Климента в отношении трактовки языческой религии. Традиционно принято полагать, что Климент Александрийский опирался на античное наследие, приспосабливая его к новой христианской действительности [11]. Так, А.Ю. Братухин говорил о том, что отношение Климента к верованиям, которые он считал ошибочными, имеет отголоски характерной для Восточной Церкви относительной терпимости к «заблуждающимся» [9. С. 15]. При этом изучение указанной работы, показало, что подобное отношение у Климента сформировалось относительно античной философии, а религия язычников отвергалась александрийским учителем во всех ее компонентах. В целом подобная ситуация была вполне оправданна, поскольку концептуально язычество и христианство имели принципиальные расхождения, завуалировать которые было трудно даже такому интеллектуалу, как Климент.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Под «искусством» Климент понимал первовещество, без которого не может существовать тот или иной объект. В данном случае имеется в виду то, что материя не самостоятельна и требует дополнительного внешнего сопровождения.

[2] Сделаем некоторые предположения относительно установления упоминаемых личностей: Евгемер (Эвгемер) (Εὐήμερος) – философ киренской школы (конец IV в. до н. э.); Диагор Мелосский (Милосский) (Διαγόρας ὁ Μήλιος) – древнегреческий поэт и софист (V в. до н. э.); Гиппон (Ἵππων) древнегреческий философ пифагорейской школы (V в. до н. э.); Теодор (Феодор) из Кирены (Θεόδωρος) – древнегреческий философ, живший на рубеже IV–III вв. до н. э.); кого имеет ввиду Климент под именем Никонор-киприот, установить не удалось.

[3] Оргии «οργη» – гнев Деметры на Зевса; мистерии «μυσος» – позор, выпавшей на долю Диониса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. 2008. № 22. С. 4–15.
2. Broek R. van den. Studies in Gnosticism and Alexandrian Christianity. Leiden, 1996. 348 p.
3. Пантелеев А.Д. Античная религия в сочинениях христианских апологетов (материалы к лекции) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб., 2007. 280 с.
4. Camelot P. Foi et Gnose. Introduction a l'etude de la connaissance mystique chez Clement d'Alexandrie. Paris, 1945. 376 p.

5. Edwards M.J. Gnostics, Greeks and Origen: The Interpretation of Interpretation // Journal of Theological Studies. 1993. 44. P. 71–89.
6. Цыб А.В. Учение Климента Александрийского о логосе и традиция античной логософии // Универсум платоновской мысли: вопросы познания. Процедуры правильного мышления. Докса и ноэсис. СПб., 1997. С. 113–120.
7. Burkert W. Greek Religion. Cambridge, 1985. 480 p.
8. Яблоков И.Н. Религиоведение. М., 2004. 317 с.
9. Увещевание к язычникам. Кто из богатых спасется / пер. с древнегр., вступ. ст., ком. и указатель А.Ю. Братухина. СПб., 2006. 288 с.
10. Карсавин Л.П. Святые отцы и учители Церкви. М., 1994. 176 с.
11. Carlson S.C. Clement of Alexandria on the «Order» of the Gospels // New Testament Studies. 2001. Vol. 47, № 1. P. 118–125.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 апреля 2019 г.

Religious Tradition of the Ancient World in the Interpretation by Clement of Alexandria

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 168–172.
DOI: 10.17223/15617793/453/20

Irina V. Zaytseva, Belgorod Law Institute of the Ministry of the Internal of the Russian Federation (Belgorod, Russian Federation).
E-mail: zajcevil@mail.ru

Keywords: Alexandria; Roman Empire; Egypt; School of Alexandria; Clement of Alexandria.

The article analyzes the interpretation of the religious tradition in the *Exhortation to the Heathen* by Titus Flavius Clemens, the leader of the School of Alexandria. The aim of the article is to reflect the specific interpretation of the antique religion by Clement of Alexandria in its three pillars: religious conscience, religious activities, and religious relations. The study is relevant, for the analysis of the intellectualism of a human in a transitional era (like Clement of Alexandria) would allow to look more closely at the features of the cultural, religious, socioeconomic, and political development in Roman society at the crossroads of two different eras—the pagan pre-Christian period and the Christian era. The issue is also mainstreamed by the needs and goals of the modern society, which is in the process of transition. The analysis is based on the *Exhortation to the Heathen* by Clement of Alexandria. The methodological framework of the article builds on the comprehensive, functional, and activity-oriented approaches to research on the interpretation of the religious tradition of the Antiquity by Clement of Alexandria in their interaction and interdependence. Traditions of intellectual history are an essential methodological part of the article because, at the moment, this scientific direction includes not only research on the development of thoughts of one or another intellectual (in the context of the study of Clement of Alexandria), but also the process of their dissemination in synchronic and diachronic dimensions. The comparative historical method helped to identify the specifics of certain types of the heathen religions, such as the antique religion, the Egyptian pagan religion, the barbaric religion, as interpreted by Titus Flavius Clemens. The system-oriented analysis revealed the views of Clement of Alexandria on the antique religion in its three pillars: religious conscience, religious activities, and religious relations. The analysis of the *Exhortation to the Heathen* showed that Clement of Alexandria treated the antique religious tradition decidedly negatively. The author of the article claims that Clement of Alexandria acts as the ultimate antagonist of the antique religion when examining heathens' religious conscience, their religious activities, and their system of religious relations. The author also emphasizes that the allegation that Clement adapted the antique heritage to the realities of Christianity, which is generally accepted in the scholarly community, is related to the pagan philosophy only and does not affect the antique religion.

REFERENCES

1. Repina, L.P. (2008) Intellectual Culture as a Marker of Historical Epoch. *Dialog so vremenem – Dialog with Time*. 22. pp. 4–15. (In Russian).
2. Broek, R. van den. (1996) *Studies in Gnosticism and Alexandrian Christianity*. Leiden: BRILL.
3. Panteleev, A.D. (2007) Antichnaya religiya v sochineniyakh khristianskikh apologetov (materialy k lektsii) [Antique Religion in the Writings of Christian Apologists (Materials for the Lecture)]. In: Frolov, E.D. (ed.) *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Studies and Publications on the History of the Antique World]. Is. 6. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Camelot, P. (1945) *Foi et Gnose. Introduction a l'etude de la connaissance mystique chez Clement d'Alexandrie*. Paris: J. Vrin.
5. Edwards, M.J. (1993) Gnostics, Greeks and Origen: The Interpretation of Interpretation. *Journal of Theological Studies*. 44. pp. 71–89.
6. Tsyb, A.V. (1997) [The Doctrine of Clement of Alexandria About the Logos and the Tradition of Ancient Logosophy]. *Universum platonovskoy mysli: voprosy poznaniya. Protsedury pravil'nogo myshleniya. Doksa i noesis* [Universum of Platonic Thought: Questions of Knowledge. Procedures for Proper Thinking. Doxa and Noesis]. Conference Proceedings. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 113–120. (In Russian).
7. Burkert, W. (1985) *Greek Religion*. Cambridge: Harvard University Press.
8. Yablokov, I.N. (2004) *Religiovedenie* [Religious Studies]. Moscow: Gardariki.
9. Titus Flavius Clemens. (2006) *Uveshchevanie k yazychnikam. Kto iz bogatykh spasetsya* [Exhortation to the Heathen]. Translated from Old Greek by A.Yu. Bratukhin. St. Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
10. Karsavin, L.P. (1994) *Svyatye ottsy i uchiteli Tserkvi* [Holy Fathers and Teachers of the Church]. Moscow: Moscow State University.
11. Carlson, S.C. (2001) Clement of Alexandria on the "Order" of the Gospels. *New Testament Studies*. 47 (1). pp. 118–125.

Received: 07 April 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 173–178. DOI: 10.17223/15617793/453/21

УДК 93/94

Л.В. Климович

ОБРАЗ ИТАЛИИ НА СТРАНИЦАХ ЭМИГРАНТСКОЙ ГАЗЕТЫ «ВОЗРОЖДЕНИЕ» (1920–1930-е гг.)

Публикация подготовлена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-2144.2018.6).

Рассматривается образ Италии, который транслировался на страницах эмигрантской газеты «Возрождение». Основными темами, освещаемыми в газете, стали вопросы внутренней политики, личность Б. Муссолини, центральной проблемой была «идея расширения границ Италии»; именно внешней политике и международной обстановке в газете уделяется главное внимание. Отмечено, что информация в заметках представлена максимально объективно, без оценок корреспондентов и редакторов, таким образом, позволяя эмигрантам делать выводы самостоятельно.

Ключевые слова: история России; эмиграция; образ; Италия; газета «Возрождение»; фашизм; периодика.

После революции 1917 г. и Гражданской войны, Россию покинули около 2 млн человек. Одним из центральных эмигрантских изданий была газета «Возрождение», которая освещала все важные мировые события. Газета в целом была правоцентристской ориентации, близка к Российскому общевоинскому союзу и «николаевскому» монархическому лагерю эмиграции. Издание финансировалось из средств армянского промышленника и мецената А.О. Гукасова. Наше восприятие прошлого отличается от того, как воспринимали события современники, периодические издания в лучшей степени отражают отношение аудитории к происходящим событиям. Исторический подход при анализе периодических статей отражает два вектора: изучение самого издания или изучение статей по определенной теме. В своем исследовании мы придерживаемся второго направления, которое предполагает изучение комплекта издания за весь период выхода [1. С. 107]. Изучение газетных статей предполагает анализ разрозненного материала, поэтому, опираясь на проблемно-тематический подход, нами были выработаны критерии, по которым отбирался материал для исследования. Периодические издания характеризуются лаконичностью, что предполагает точность и краткость изложения. Всегда при анализе статей важно учитывать исторический контекст, актуальные проблемы современности.

В настоящей статье представлен анализ статей газеты «Возрождение», в которых раскрывается образ Италии. Субъективный образ транслировался на эмигрантскую общину, формировал отношение к Италии, в зависимости от того, как и в каком ракурсе была представлена информация. На ее страницах мы можем найти статьи о появлении и становлении фашизма, событиях внутренней и внешней политики. Газета выходила с 1925 по 1940 г. (1925 – до 1936 г. ежедневная, потом еженедельная до 1940 г.), ее редактором в первые два года был П.Б. Струве, затем Ю.Ф. Семенов. Нами были проанализированы выпуски за все года выхода газеты, полнотекстовые статьи которой размещены в электронной библиотеке в свободном доступе. В указанном комплекте издания отсутствуют выпуски за июль–декабрь 1938 г., июль–декабрь 1939 г., все издания 1940 г., что вынуждает нас ограничить временные рамки исследования 1938 г. [2].

После окончания Первой мировой войны Италия находилась в полосе экономического кризиса, остро стоял вопрос о стабилизации лиры, который мог быть решен только при наличии финансовой поддержки США. Переговоры итальянского и американского министров финансов были плодотворными (см: [3. С. 1]), и уже через год газета сообщала, что займы Италией получены: 97% из них предоставлено Америкой под 9% годовых, «и кроме того итальянская промышленность заложила свои предприятия в обеспечение возврата Америке, занятых сумм. Таким образом, заключает агентство, Италия экономически подпала всецело под влияние Соед.[иненных] Штатов» [4. С. 3]. Публикация этих данных демонстрировала экономическую зависимость Италии от США, что в свою очередь проецировалось на зависимость Италии от Америки в проведении внутренней и внешней политики.

Естественно, одна из интереснейших тем, отраженных на страницах газеты, – это личность Бенито Муссолини, появление и распространение идеологии фашизма. Интерес к фигуре Муссолини проявляется с первых выпусков. Газета уделяет внимание обсуждению и принятию новых законов в итальянском Сенате, которые сопровождались выступлениями Муссолини, где он предстает противником масонства и борцом против большевизма (см.: [5. С. 1]). Проводя закон о принудительном арбитраже, Муссолини аргументировал непопулярный законопроект так: «Принудительный арбитраж необходим, так как итальянская нация находится в состоянии непрерывной войны. Следующие десять лет будут решающими для судеб итальянского народа. Международная борьба уже началась и будет шириться все больше, и поэтому Италия не может позволить себе расточать свое достояние» [6. С. 1]. Публикации в газете выдержаны в нейтральном тоне, без оценочных суждений, что позволяет читателю самостоятельно дать оценку происходящим событиям. Повышенное внимание к Италии, возможно, было связано с интересом, который проявляла эмигрантская община к идеологии фашизма, Италия же была примером реализации идей на практике (см.: [7. С. 1]).

В 1930 г. в выступлениях Муссолини чувствуется больше уверенности и независимости, это передается

посредством публикации выдержек его выступлений, создавая некую иллюзию присутствия читателя и возможность самому понять суть происходящего. Например, в заметке о выступлении Муссолини в Милане 22 мая 1930 г. он отстаивает отказ Италии подчиниться требованию Лиги Наций о разоружении, потому что все страны вооружены и вооружаются, и ему непонятно, почему Италия не должна иметь справедливого вооружения (см.: [8. С. 1]). В годовщину десятилетия фашизма газета делает акцент на мирном приходе к власти фашистов, читателям напоминают ход развития событий, когда отряды чернорубашечников двинулись со всех сторон на Рим, не встретив нигде сопротивления: «Кабинет Факта попытался объявить осадное положение, но король Виктор-Эммануил отказался подписать указ и министерство подало в отставку. Тогда король обратился к Муссолини с предложением занять пост председателя совета министров и фашистские дружины уже вступили в Рим, не как завоеватели, а как победители без борьбы» [9. С. 1]. Заметки о Муссолини и фашизме в газете носят позитивный характер, формируя положительное отношение читателей.

Всплывает на страницах газеты имя Джузеппе Гарибальди. Заметка «Муссолини о Гарибальди» на первый взгляд может показаться неважной, и не совсем понятно, зачем эмигрантской газете печатать мнение Муссолини об итальянском революционере. Но, обращаясь к личности Гарибальди, Муссолини показывает связь времен, демонстрирует свою приверженность бескорыстному порыву Гарибальди, который вел борьбу за всю Италию и итальянский народ. Это проецируется и на самого Муссолини, по логике которого он является продолжателем «дела Гарибальди» (см.: [10. С. 1]).

Вопросы идеологии фашизма и внутренней политики Италии освещались в газете лишь штрихами, основное внимание было уделено Италии на международной арене. В интервью с Муссолини претензии на расширение территории Италии слышны уже в 1927 г., которые он аргументировал невозможностью прокормить все население страны за счет собственных ресурсов: «Мы должны распространиться или взорваться. Я не хочу сказать, что Италия нападет на кого-нибудь из своих соседей. Рост – явление эволюционного порядка. Мы должны иметь территорию, как ее имели англичане. Ничто не импровизируется. Италия распространится в силу скрытой логики истории» [11. С. 1]. Идею необходимости расширения территории Италии он озвучивал параллельно с оценкой политики Великобритании и Франции, которая, по его мнению, «была непостоянной, непоследовательной и противоречивой, и будет таковой же в дальнейшем» [11. С. 1].

Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия) в 1920–1930-е гг. поддерживало тесные контакты с Францией и Великобританией, в свою очередь, рассматривавшими его как противовес ревизионистской политики Венгрии и Болгарии, которые проиграли в Первой мировой войне. В рядах «врагов» у Королевства СХС оказалась Италия, которой Франция и Великобритания пообещали за вступление в Первую мировую войну весь восточный берег Адриатики, но к концу войны планы Великобритании и Франции изменились, и поэтому Италия сама в итоге пыталась захватить порты на восточном побережье. Правительство Италии требовало от европейских держав не поддерживать политические течения на Балканах, которые были направлены против Италии, и «предоставить свободную дорогу законным и миролюбивым намерениям Италии» [12. С. 1]. В марте 1927 г. на страницах газеты появилась заметка из советских «Известий», в которой речь шла об итало-югославском конфликте: «Италия, при поддержке Англии, заняла на Балканах место Австро-Венгрии и ведет агрессивную политику» [13. С. 1]; в такой ситуации Югославия, предполагают «Известия», может пойти на сближение с СССР: «Югославия, желая восстановить нормальные отношения с СССР, в то же время питает сомнения относительно прочности советского... Чем скорее югославское правительство отбросит свои сомнения, тем скорее оно сможет опереться в своей внешней политике на новый фактор, не имеющий по отношению к Югославии, равно как и к другим державам, никаких агрессивных намерений» [13. С. 1]. Интересы Италии сталкивались с интересами Советской России. Советское правительство с опасением относилось к расширению влияния Италии при поддержке Англии на территории Средиземноморского бассейна. «Возрождение» отмечает, что отношения между Советской Россией и Италией стали холоднее, заключение Итало-румынского договора о дружбе было встречено Москвой враждебно (см.: [14. С. 1]).

Королевство СХС со своей стороны пыталось заручиться поддержкой европейских стран. Франко-югославский договор о дружбе, заключенный 11 ноября 1927 г., был направлен в том числе против экспансии фашистской Италии на Балканах. Комментарий Б. Муссолини не демонстрирует дружеских намерений: «Сербский народ, подверженный нервным припадкам, считает, что он расторг гипотетическое итальянское окружение и предается громким проявлениям восторга. Югославия плохой сколок прежней Австрии. Фашистская Италия смотрит ей в глаза с полным спокойствием» [15. С. 1]. Редко в газете даются оценки событиям, но в данной ситуации, пояснение для читателей есть: «Статья Муссолини так же, как и манифестации фашистских студентов против Югославии и Франции, имеют место в Риме, Венеции, Падуе и Неаполе, во всяком случае, не свидетельствуют о миролюбивых отношениях Италии к Сербии» [15. С. 1]. Газета «Возрождение» сообщала, что Югославия была готова подписать договор с Италией, но инициатива должна была исходить от Муссолини [16. С. 1].

В начале 1930-х гг. Италии в своей внешней политике приходилось считаться с возрастающей агрессивностью Германии, испытывать трения с Францией и оглядываться на Великобританию. В такой ситуации Муссолини начинает сближение с Советской Россией, 2 сентября 1933 г. был подписан договор о дружбе, ненападении и нейтралитете, переговоры были сложными. «Возрождение» сообщало, что дого-

воренность была достигнута только по обязательству взаимного ненападения и сохранения нейтралитета. Важный пункт договора, на котором настаивало советское правительство, – гарантия настоящих границ СССР, Италия отказалась принять. «Она также отвергла литвиновское определение понятия нападающей стороны» [17. С. 1]. Сам факт существования договора между двумя идеологическими противниками имел большое значение на международной арене. Двумя днями ранее в газете была помещена статья, в которой содержались комментарии к проекту договора. Отсутствие определения в договоре «нападающая сторона», объясняется необходимостью Италии «иметь свободные руки для маневрирования в вопросах, касающихся Балканских стран» [18. С. 1].

1932–1933 гг. ознаменовались попыткой проведения Лигой Наций конференции по разоружению. После прихода Гитлера к власти в октябре 1933 г. Германия вышла из состава Лиги Наций, на что итальянская печать заявила: «Лига Наций отжила свой век и что нужно возможно скорее отойти от ее “китайских церемоний” для того, чтобы приступить к решению вопроса по существу» [19. С. 1]. Несколько позже из прямой речи Б. Муссолини читатели могут понять, каким способом он предполагает «решать вопрос по существу»: «Наша воля миру и наше желание достигнуть европейского сотрудничества опирается на несколько миллионов стальных штыков» [20. С. 1]. Через несколько месяцев речь Муссолини стала более категоричной и жесткой, в ней он предрешает несостоятельность Лиги Наций в решении мировых проблем, конференции по разоружению прогнозирует провал, и в этой ситуации «все государства должны заботиться сами о своей безопасности, в том числе и Италия» [21. С. 1]. Безопасность Италии, по мнению Б. Муссолини, будет обеспечена только флотом, соотносимым с флотом наиболее сильной европейской континентальной державы – Франции. «Она готова отказаться от подводных лодок в том случае, если все остальные державы от них откажутся» [21. С. 1].

Приход Гитлера к власти и последовавшая агрессивная политика по отношению к Австрии (в том числе вмешательство в ее внутренние дела) побудили Италию взять на себя роль «защитника» независимости Австрии. В марте 1934 г. Муссолини удалось добиться подписания римских протоколов, по которым Австрия и Венгрия вовлекались в орбиту итальянской политики. Сближение Австрии, Италии и Венгрии продолжалось, спустя два года были достигнуты новые договоренности о совместных действиях, переговоры, отмечает газета «Возрождение», проходили в обстановке «большой сердечности и взаимного понимания» [22. С. 1].

Политика Германии толкала европейские страны к созданию оборонительного союза. В 1934 г. была предпринята попытка со стороны Франции и СССР заключения пакта взаимопомощи, к которому планировалось привлечь Польшу, Чехословакию, Латвию, Литву, Эстонию, приглашение было отправлено и Германии. Важное значение для существования данного пакта имело мнение Польши. Но после подписания польско-германского соглашения в 1934 г. польское правительство заняло отрицательную позицию по отношению к проекту «восточного пакта». Вслед за отказом Германии участвовать в переговорах последовал отказ Польши. Таким образом, идея создания системы коллективной безопасности не осуществилась. Италия не участвовала в переговорах, но с интересом следила за их ходом: «Отношение Италии к восточному пакту остается сочувственным, но сдержанным, что объясняется ее отношениями с СССР и с Польшей… Что касается ее отношения к Польше, то они были всегда сдержанными, но хорошими. Польско-германская дружба не вызвала в Италии особенных протестов; Италия постаралась понять польскую точку зрения. В Риме теперь полагают, что раз Польша относится отрицательно к восточному пакту, его подписание только привело бы к окончательному укреплению Польско-германской дружбы» [23. С. 1].

Идея великой Римской империи, которую проводил в жизнь Муссолини, предполагала равенство с европейскими странами колониальных владений. Твердая позиция Италии по расширению своих владений покончила с одной из двух независимых стран в Африке. Эфиопия (Абиссиния) была удобным плацдармом для осуществления этой идеи, захват ее позволил бы Италии объединить итальянские колонии Эритрею и Итальянское Сомали. Накануне военных действий в газете появляется перепечатка статьи из итальянской прессы, в которой указывается на неизбежность потери Эфиопией независимости, аргументируя это жизненной необходимостью Италии (см.: [24. С. 1]). Еще в 20-е гг. Италия всячески старалась дискредитировать Эфиопию как независимое государство. В 1926 г. на заседании Совета Лиги Наций Англия и Италия обвинили Абиссинию в использовании рабства, что нарушало устав Лиги Наций [25. С. 1].

Конфликты на границе случались ранее, в декабре 1934 гг. в газете появилась заметка о нападении абиссинского отряда на итальянский пост в Сомали с уточнением: «В здешних официозных кругах никакого значения происшедшему инциденту не придают. Нападение было совершено иррегулярными бандами» [26. С. 1]. В действительности на протяжении 1934 г. правительство Б. Муссолини провоцировало военные столкновения на эфиопских границах, 5 декабря 1934 г. произошел серьезный инцидент на границе, в результате которого потери понесли обе стороны.

Абиссинское правительство в январе 1935 г. обратилось в Лигу Наций, требуя ее вмешательства, но секретная дипломатия европейских держав уже решила судьбу Эфиопии, отдав ее в распоряжение Италии. Естественно, любые переговоры выступали лишь ширмой для агрессивных планов Италии: «Италия требует создания нейтральной зоны в районе Уал Уале. Абиссиния, в принципе, согласна на это требование, но ставит ряд условий. Одно из них, а именно допущение кочевых племен к колодцам, расположенным в нейтральной зоне, признается в Риме приемлемым. Другие, наоборот, встречают большие возражения. Италия в первую очередь требует, чтобы абиссинские войска немедленно эвакуировали нейтральную зону» [27. С. 1].

Давая оценку происходящим событиям, газета «Возрождение» расценивает притязания Италии как законные, но уточняя, что добиваться их следует мирным путем [28. С. 2]. Трагическая судьба независимого Эфиопского государства предстает довольно радужной в статье корреспондента «Возрождение», в которой он поделился впечатлением от просмотра фильма, снятого итальянцами в Эфиопии. Особо журналист отметил «дыхание римской цивилизации», новые дороги, развитие инфраструктуры, но центральным моментом фильма, по его мнению стали «жестокости эфиопов»: «Обезображенные трупы итальянских рабочих; мирное население, застигнутое врасплох; страшные раны от разрывных пуль дум-дум оставляют ужасное и трудно забываемое впечатление... Один из самых сильнейших документов, которые может представить Италия в свою пользу» [29. С. 4].

В подтверждение цивилизованного прихода Италии в Эфиопию газета публикует заметку о посещении Муссолини Абиссинии. Статья посвящена открытию новой автострады, которая была построена Италией «по песчаным пустыням африканского побережья», демонстрируя «созидательный» характер действий в Эфиопии:, но опасность: «Италия как бы хочет показать: там, где уже установилась римская власть прокладываются прославленные римские дороги. Тогда как за их пределами... Италия продолжает «жить опасно»» [30. С. 2].

Война в Эфиопии пошатнула силы Италии, и в такой ситуации она пошла на сближение с Германией. Читатели «Возрождения» узнают, что согласно проекту пакта о ненападении между Германией и Италией Италия обязывалась поддерживать Германию во всех ее требованиях колониального характера и притязаниях на Балканах [31. С. 1]. Два года спустя в газете упоминается об оси «Рим–Берлин»: «Абиссинская война заставила Муссолини пойти Германии навстречу в вопросах Средней Европы, и дело постепенно дошло до образования оси Рим–Берлин» [32. С. 2].

В апреле 1938 г. сообщается информация, которая демонстрирует полный успех Италии в Эфиопии; подчеркнем, что на протяжении предшествующих трех лет газета не называла события в Абиссинии войной или захватом, а использовала нейтральное обозначение «конфликт». Газета дает информацию о том, что английское правительство обратилось 11 апреля 1938 г. в секретариат Лиги Наций с просьбой поставить вопрос о признании итальянского суверенитета над Абиссинией на повестку ближайшей сессии Совета Лиги: «Таким образом, через два года после взятия Аддис-Абебы Англия, наконец, склоняется перед фактами и соглашается официально зарегистрировать завоевание Абиссинии» [33. С. 1].

Учитывая отсутствие номеров за 1939–1940 гг. и неполный комплект 1938 г., которые были в нашем распоряжении, рассмотреть события, предшествующие началу Второй мировой войны, и участие в ней Италии по материалам газеты «Возрождение» не представляется возможным. Анализ газетных статей «Возрождения» продемонстрировал пристальное внимание эмигрантской общины к Италии. Во многом интерес был связан с появлением и становлением идеологии фашизма и дальнейшим применением идей Муссолини на практике. Италия была одной из стран, которая приняла эмигрантов из России. Также подчеркивается положительный образ Италии, который транслировался на эмигрантскую общину. Основное внимание уделено вопросам внешней политики Италии, агрессивные планы которой на страницах газеты объясняются необходимостью расширения территорий. Военный захват Эфиопии обозначен как «конфликт, инцидент». В конфликте обычно виновны обе стороны; таким образом, подобная оценка в газете происходящих событий заведомо дезинформирует читательскую аудиторию о сути явлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исследования СМИ: методология, подходы, методы : учеб.-метод. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. 236 с.
2. Historical Periodicals. This site contains a collection of historic periodicals, digitized from Princeton's collections. URL: http://historicperiodicals.princeton.edu/historic/cgi-bin/historic?a=q&hs=1&r=1&results=1&txf=txIN&txq=Италия (дата обращения: 10.08.2018).
3. Меллон в Италии // Возрождение. 1926. № 440, 16 августа. С. 1.
4. Итальянские займы за границей // Возрождение. 1927. № 844, 24 сентября. С. 3.
5. Выступление Муссолини в Сенате // Возрождение. 1925. № 172. 21 ноября. С. 1.
6. Закон о принудительном арбитраже // Возрождение. 1925. № 194. 13 декабря. С. 1.
7. Заявление Муссолини // Возрождение. 1925. № 106. 16 сентября. С. 1.
8. Речи Муссолини. Выступление в Милане // Возрождение. 1930. № 1816. 23 мая. С. 1.
9. Сегодня – десятилетие фашизма // Возрождение. 1932. № 2705. 28 октября. С. 1.
10. Муссолини о Гарибальди // Возрождение. 1932. № 2560. 5 июня. С. 1.
11. Беседа с Муссолини. Великие империи и малые государства // Возрождение. 1927. № 608. 31 января. С. 1.
12. Требования Италии // Возрождение. 1927. № 665. 29 марта. С. 1.
13. Большевики заигрывают с Югославией // Возрождение. 1927. № 662. 26 марта. С. 1.
14. Италия и Советская Россия // Возрождение. 1927. № 641. 5 марта. С. 1.
15. Муссолини о сербах // Возрождение. 1934. № 902. 21 ноября. С. 1.
16. После заключения франко-югославского договора // Возрождение. 1927. № 895. 14 ноября. С. 1.
17. Советские переговоры с Италией // Возрождение. 1933. № 3000. 19 августа. С. 1.
18. Перед итало-советским договором // Возрождение. 1933. № 2997. 16 августа. С. 1.
19. Итальянские голоса // Возрождение. 1933. № 3093. 20 ноября. С. 1.
20. Знаменательная речь Муссолини // Возрождение. 1935. № 3581. 24 марта. С. 1.
21. Беседа с Муссолини // Возрождение. 1934. № 3268. 15 мая. С. 1.
22. Италия–Австрия–Венгрия. Общая внешняя политика // Возрождение. 1936. № 3947. 24 марта. С. 1.
23. Судьба восточного пакта // Возрождение. 1935. № 3594. 6 апреля. С. 1
24. Итало-абиссинский конфликт // Возрождение. 1935. № 3720. 10 августа. С. 1.
25. Вопрос о рабстве // Возрождение. 1926. № 553. 7 декабря. С. 1.
26. Итало-абиссинский инцидент // Возрождение. 1934. № 3475. 8 декабря. С. 1.

27. Итальянские требования // Возрождение. 1935. № 3549. 20 февраля. С. 1
28. Итало-Абиссинский конфликт // Возрождение. 1935. № 3630. 12 мая. С. 2.
29. Г. Абиссинский фильм // Возрождение. 1936. № 4006. 22 мая. С. 4.
30. Ольденбург С.С. На имперском пути // Возрождение. 1937. № 4069. 13 марта. С. 2.
31. Слухи о соглашении между Италией и Германией // Возрождение. 1936. № 4022. 8 июня. С. 1.
32. Ольденбург С.С. Старые и новые друзья // Возрождение. 1938. № 4114. 14 января. С. 2.
33. С.О. Что происходит в мире // Возрождение. 1938. № 4127. 15 апреля. С. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2019 г.

The Image of Italy on the Pages of the Emigrant Newspaper *Vozrozhdenie* (1920s–1930s)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 173–178.
DOI: 10.17223/15617793/453/21

Liudmila V. Klimovich, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia) E-mail: Lusek84@yandex.ru

Keywords: history of Russia; emigration; image; Italy; newspaper *Vozrozhdenie*; fascism; periodicals.
This study is supported by the Grant of the President of the Russian Federation for State Support of Young Russian Scientists–Candidates of Sciences, Project No. MK-2144.2018.6.

The article analyzes the articles of the emigre newspaper *Vozrozhdenie* that reveal the image of Italy. The subjective image was broadcast on the emigrant community, shaped the attitude towards Italy, depending on how the information was presented. The study of the newspaper articles involves the analysis of disparate material; therefore, based on the problem-thematic approach, criteria for selecting the material for the study were developed. The newspaper was published from 1925 to the 1940s: the author analyzed the issues for all the years, with the exception of articles for 1939 and 1940, which the author did not have access to; this limited the scope of the study by the year 1938. After the end of World War I, Italy was in a strip of an economic crisis, the issue of stabilization of lira, which was resolved only thanks to financial loans of the USA, was particularly acute; the newspaper emphasizes that it created Italy's dependence on America. The interest of the newspaper in the figure of Mussolini is manifested from the first issues. The newspaper pays attention to the discussion and adoption of new laws in the Italian Senate, which were accompanied by Mussolini's speeches in which he appears to be an opponent of Freemasonry and a fighter against Bolshevism. Publications in the newspaper are written in a neutral tone, without evaluative judgments, which allows the reader to independently assess the events taking place. Special attention to Italy was perhaps connected with the interest of the emigrant community in fascism ideology; Italy was an example of these ideas' implementation. The newspaper reprinted Mussolini's interviews with claims for the expansion of the territory of Italy dating back to the late 1920s and explained by the vital need. The coverage of Italy's foreign policy issues concerned two directions: in the 1920s, it was the conflict with the Kingdom of Yugoslavia on the collision of interests in the Mediterranean; in the 1930s, it was the Italian invasion of Ethiopia. Evaluating the events, *Vozrozhdenie* regards claims of Italy to Abyssinia as lawful, but specifies that it is necessary to try to obtain them peacefully. Actions of Italy in Ethiopia are described as a bilateral conflict, information on the construction of roads in Ethiopia is given, which shows Italy's "civilized" arrival. Such presentation of events misinformed the emigrant community about the essence of the occurring phenomena. The war in Ethiopia undermined the forces of Italy, and in this situation the country went to a rapprochement with Germany. Readers of *Vozrozhdenie* learn that, according to the draft of the non-aggression pact between Germany and Italy, Italy undertook to support Germany in all its requirements of a colonial character and claims in the Balkans. The analysis of the newspaper articles shows a positive image of Italy which was broadcast on the emigrant community.

REFERENCES

1. Fomicheva, I. (ed.) (2011) *Issledovaniya SMI: metodologiya, podkhody, metody* [Media Studies: Methodology, Approaches, Methods]. Moscow: Moscow State University.
2. *Historical Periodicals*. [Online] Available from: http://historicperiodicals.princeton.edu/historic/cgi-bin/historic?a=q&hs=1&r=1&results=1&txf=txIN&txq=Italiya. (Accessed: 10.08.2018).
3. *Vozrozhdenie*. (1926) Mellon v Italii [Mellon in Italy]. 440. 16 August. p. 1.
4. *Vozrozhdenie*. (1927) Ital'yanskie zaymy za granitsey [Italian Loans Abroad]. 844. 24 September. p. 3.
5. *Vozrozhdenie*. (1925) Vystuplenie Mussolini v Senate [Speech by Mussolini in the Senate]. 172. 21 November. p. 1.
6. *Vozrozhdenie*. (1925) Zakon o prinuditel'nom arbitrazhe [Law on Compulsory Arbitration]. 194. 13 December. p. 1.
7. *Vozrozhdenie*. (1925) Zayavlenie Mussolini [Statement by Mussolini]. 106. 16 September. p. 1.
8. *Vozrozhdenie*. (1930) Rechi Mussolini. Vystuplenie v Milane [Speeches by Mussolini. Performance in Milan]. 1816. 23 May. p. 1.
9. *Vozrozhdenie*. (1932) Segodnya – desyatiletie fashizma [Today Is the Tenth Anniversary of Fascism]. 2705. 28 October. pp. 1.
10. *Vozrozhdenie*. (1932) Mussolini o Garibal'di [Mussolini About Garibaldi]. 2560. 5 June. p. 1.
11. *Vozrozhdenie*. (1927) Beseda s Mussolini. Velikie imperii i malye gosudarstva [Conversation With Mussolini. Great Empires and Small States]. 608. 31 January. p. 1.
12. *Vozrozhdenie*. (1927) Trebovaniya Italii [The Demands of Italy]. 665. 29 March. p. 1.
13. *Vozrozhdenie*. (1927) Bol'sheviki zaigryvayut s Yugoslaviey [The Bolsheviks Flirt With Yugoslavia]. 662. 26 March. p. 1.
14. *Vozrozhdenie*. (1927) Italiya i Sovetskaya Rossiya [Italy and Soviet Russia]. 641. 5 March. p. 1.
15. *Vozrozhdenie*. (1934) Mussolini o serbakh [Mussolini About the Serbs]. 902. 21 November. p. 1.
16. *Vozrozhdenie*. (1927) Posle zaklyucheniya franko-yugoslavskogo dogovora [After the Conclusion of the Franco-Yugoslav Agreement]. 895. 14 November. p. 1.
17. *Vozrozhdenie*. (1933) Sovetskie peregovory s Italiey [Soviet Negotiations With Italy]. 3000. 19 August. pp. 1.
18. *Vozrozhdenie*. (1933) Pered italo-sovetskim dogovorom [Before the Italian-Soviet Treaty]. 2997. 16 August. pp. 1.
19. *Vozrozhdenie*. (1933) Ital'yanskie golosa [Italian Voices]. 3093. 20 November. p. 1.
20. *Vozrozhdenie*. (1935) Znamenatel'naya rech' Mussolini [A Significant Speech by Mussolini]. 3581. 24 March. p. 1.
21. *Vozrozhdenie*. (1934) Beseda s Mussolini [Conversation With Mussolini]. 3268. 15 May. p. 1.
22. *Vozrozhdenie*. (1936) Italiya–Avstriya–Vengriya. Obshchaya vneshnyaya politika [Italy–Austria–Hungary. General Foreign Policy]. 3947. 24 March. p. 1.
23. *Vozrozhdenie*. (1935) Sud'ba vostochnogo pakta [The Fate of the Eastern Pact]. 3594. 6 April. p. 1

24. *Vozrozhdenie*. (1935) Italo-abissinskiy konflikt [The Italo-Abyssinian Conflict]. 3720. 10 August. p. 1.
25. *Vozrozhdenie*. (1926) Vopros o rabstve [The Issue of Slavery]. 553. 7 December. p. 1.
26. *Vozrozhdenie*. (1934) Italo-abissinskiy intsident [The Italo-Abyssinian Incident]. 3475. 8 December. p. 1.
27. *Vozrozhdenie*. (1935) Ital'yanskie trebovaniya [Italian Demands]. 3549. 20 February. p. 1
28. *Vozrozhdenie*. (1935) Italo-Abissinskiy konflikt [Italo-Abyssinian Conflict]. 3630. 12 May. p. 2.
29. G. (1936) Abissinskiy fil'm [Abyssinian Film]. *Vozrozhdenie*. 4006. 22 May. p. 4.
30. Ol'denburg, S.S. (1937) Na imperskom puti [On the Imperial Way]. *Vozrozhdenie*. 4069. 13 March. p. 2.
31. *Vozrozhdenie*. (1936) Slukhi o soglashenii mezhdu Italiey i Germaniey [Rumors of an Agreement Between Italy and Germany]. 4022. 8 June. p. 1.
32. Ol'denburg, S.S. (1938) Starye i novye druz'ya [Old and New Friends]. *Vozrozhdenie*. 4114. 14 January. p. 2.
33. S.O. (1938) Chto proiskhodit v mire [What Is Happening in the World]. *Vozrozhdenie*. 4127. 15 April. p. 1.

Received: 09 June 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 179–186. DOI: 10.17223/15617793/453/22

УДК 94(470) «19/…» (571.6)

Л.А. Кутилова, В.Г. Дацышен

УКРАИНИЗАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1931 г.: СУЩНОСТЬ И ТРУДНОСТИ ПРОЦЕССА

Анализируются региональные аспекты политики украинизации на Дальнем Востоке в 1931 г. на примере двух районов – Шмаковского и Калининского, где проживало значительное число украинцев. Тема актуализировалась в связи с последними событиями на Украине. Главное внимание авторами обращено на изучение конкретных обстоятельств кампании и анализ причин негативного отношения к ней как представителей власти, так и населения. Исследование основано на материалах дальневосточных архивов и документов советской и партийной власти.

Ключевые слова: Дальний Восток; украинцы; украинизация; советская власть; национальная политика.

Тема украинизации в современной историографии представлена довольно противоречивыми публикациями и иногда приобретает политический характер, став предметом споров национальных историографий. О ее «болезненном» восприятии справедливо пишут Т.П. Хлынина и И.Ю. Васильев [1. С. 202]. Для нас важно вернуть тему в историческое русло, а не подчеркивать ее взаимосвязь с нынешними государственными противоречиями или спорами в рамках историографических традиций. Отмечая ее актуальность и необходимость теоретического исследования, например, в рамках этнической или национально-государственной проблематики, подчеркнем, в то же время, важность конкретно-исторических исследований, изучения специфических, в том числе региональных, обстоятельств протекания процессов украинизации и функционирования этнических сообществ в целом.

О причинах, подготовке, сущности, основных направлениях украинизации есть несколько серьезных исследований как российских, так и украинских историков [2–4]. Историографические аспекты темы нашли свое отражение в указанных комплексных работах, а также в некоторых специальных публикациях [1]. В то же время Е.Ю. Борисенок верно указывает на «дефицит» российских работ, отмечая, что тема не пользуется исследовательской популярностью. Выделить можно лишь работы той же Е.Ю. Борисенок, К. Дроздова, И. Васильева [2, 3, 5, 6]. Территориальные рамки указанных публикаций охватывают главным образом Украинскую ССР, частично украино-русское пограничье (Кубань, Ростов-на-Дону, Воронеж, Курск). Региональные особенности процесса в опубликованных исторических исследованиях рассматриваются в рамках этого макрорегиона со значительным количеством украинского населения. Однако в пределах России было еще одно пространство украинской колонизации, территория, где украинцы составляли достаточно большое число жителей. Речь идет о Дальнем Востоке, который иногда называли Зеленый клин. Исследований по материалам этого региона крайне мало [7, 8], однако опыт украинизации здесь также представляет интерес для историков. Мы обратились к опыту дальневосточного варианта украинизации, стремясь определить ключевые понятия процесса, исходя из анализа конкретных случаев и ситуаций.

Основными источниками стали документы Государственного архива Приморского края (ГАПК) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) по двум районам Дальнего Востока – Шмаковскому и Калининскому. Среди них переписка по вопросам украинизации, статистические материалы, отчеты, справки и т.п., которые позволяют на конкретно-историческом материале проследить процесс украинизации вне пределов УССР. Использовались также опубликованные документы органов партийной и советской власти.

Первые попытки украинизации образовательной сферы на Дальнем Востоке советской властью были предприняты еще в первой половине 1920-х гг. Однако уже тогда работа продвигалась крайне медленно и натолкнулась на объективные трудности. Наркомпрос в ходе обследования региона сделал вывод о том, что украинское население «в значительной мере обрусело и… не только нет необходимости в украинизации, но это практически нецелесообразно» [7. С. 102]. Украинизация была признана искусственной и не отвечающей потребностям населения. Однако целью коренизации (и ее варианта украинизации) как раз и было стремление советской власти «исправить» последствия «русификаторской» политики имперского правительства, чтобы помочь нерусским народам в деле строительства социализма. Поэтому трудности процесса в первой половине 1920-х гг. власть связала с недостаточностью подготовительной работы по пропаганде украинизации, с недостатком сотрудников, умеющих разъяснить необходимость украинизации на доступном народной массе языке и поставила задачи еще более масштабные: не только перевести на украинский язык образование, но весь «низовой советский аппарат, все общественные учреждения» [7. С. 102].

На основе статистических данных Шмаковский и Калининский районы Дальневосточного края (ДВК) были отнесены региональной властью к районам с преобладающим украинским населением [9. С. 63, 78]. Этот факт стал определяющим для проведения здесь новой кампании по украинизации. Задача была поставлена в марте 1931 г. Документы показывают, что важнейшей составной частью процесса должно было стать изучение украинского языка с целью перевода всей деятельности, в том числе по документационному обеспечению, на украинский язык.

Рассмотрим, почему и насколько оправданно районы Дальнего Востока были отнесены к районам украинизации. В ходе переселений XIX – начала XX в. на окраинах Российского государства сформировался большой украинский этнический массив. Для российской власти эта потребность переселений на Дальний Восток диктовалась не только стремлением колонизации огромного необжитого края, но также необходимостью изменить этнический баланс населения там, где значительное число составляли иностранцы – корейцы и китайцы. Благодаря морским перевозкам начиная с 1883 и до 1917 г. украинцы составили от 69 до 77% от общего числа переселенцев, прибывших в край [10]. Всесоюзная сельскохозяйственная перепись 1917 г. зафиксировала здесь 421 тыс. украинцев, что составляло почти 40% населения региона [11. С. 44]. По социальному составу – это малограмотные украинские крестьяне, национальной интеллигенции среди них практически не было.

Активные переселения на Дальний Восток в первые годы советской власти позволили сохранить достаточно большую украинскую общину в регионе несмотря на процессы ассимиляции. Переселение на дальневосточные окраины России диктовалось стремлением изменить демографические пропорции в пользу славянского населения перед лицом миграций китайцев и корейцев, а также обеспечить регион трудовыми ресурсами. В феврале 1923 г. СНК УССР принял Постановление «О мерах обеспечения планового переселения по Украине и за ее пределами», в 1924 г. началась интенсивная переселенческая кампания, дополненная льготами для переселенцев. Плановое переселение на Дальний Восток из Украины сопровождалось также самовольным переселением, оба процесса стали продолжением аграрной колонизации региона. По материалам архивов Украины, в 1923–1925 гг. число переселенцев составило 11,7 тыс. человек, самовольческий поток оказался еще больше – 23,4 тыс. человек. К этому числу необходимо прибавить демобилизованных красноармейцев [12. С. 185, 187; 13. С. 103]. В последующие годы число переселенцев из Украины только возрастало. В целом за 1921–1932 гг. из УССР на Дальний Восток переселилось 422 тыс. чел. (84,1 тыс. семей) [12. С. 189]. Некоторые из мигрантов вернулись обратно из-за неблагоприятных климатических условий [8. С. 67]. Безусловно, не все переселенцы были украинцами по национальности, но именно этот приток мигрантов в ДВК объясняет тот факт, что перепись населения 1937 г., зафиксировавшая в целом по России значительное уменьшение числа и удельного веса украинцев, на Дальнем Востоке показала их прирост. Таким образом, очевидно, что территория ДВК являлась местом компактного проживания значительной части украинцев.

30 августа 1929 г. наркомат просвещения РСФСР принял решение о том, что языком компактно живущих масс украинского населения РСФСР должен быть язык украинской республики. В 1931 г. задача украинизации была поставлена и на Дальнем Востоке. Шмаковский и Калининский районы – это отдаленные и труднодоступные районы даже по меркам Дальнего Востока. По материалам «Энциклопедии Дальневосточного края», 57% населения здесь составляли украинцы [9. С. 63]. Архивная записка по поводу украинизации в Шмаковском районе опирается на другие данные – 74,6% [14. Л. 49]. Разница в цифрах довольно велика, но для нас важно, что в обоих случаях речь идет о значительной доле украинцев в составе населения района. Некоторые села здесь почти полностью украинские. Так, в с. Успенка их 84,5% [14. Л. 85]. В Калининском районе проживало 32 тыс. украинцев из общего числа 57,6 тыс. жителей. Таким образом, украинцы в обоих районах, по данным статистики тех лет, действительно, составляют значительную группу населения. В то же время отметим, что в составе населения Дальневосточного края были районы, где число украинцев еще более велико, например, Спасский или Черниговский, где проживало 71 и 66% украинцев соответственно [9. С. 54, 58]. По архивным справкам их число еще больше – 86,3 и 73,4% [14. Л. 53].

План украинизации был составлен на основании постановления Президиума Далькрайисполкома от 20 марта 1931 г. В первую группу районов, подлежащих украинизации, Спасский и Черниговский не попали, выбор был сделан в пользу Шмаковского, Ивановского (67,5% украинцев в составе населения) и Яковлевского (64,6%) [14. Л. 49]. Следовательно, основным критерием отнесения района к украинизируемому стал не только национальный состав, сыграли свою роль, видимо, и другие факторы.

Документы рисуют картину довольно трудного процесса, который каждый раз наталкивается на новые препятствия. Так, важной составной частью украинизации должно было стать изучение украинского языка. Потребность была насущной, поскольку украинское население Дальнего Востока к 1931 г. уже в значительной степени не владело родным языком, утратив его в качестве средства общения в ходе ассимиляции на новых местах проживания в окружении русского большинства.

В целом план украинизации по Шмаковскому и Калининскому районам выглядел следующим образом. Начать необходимо было с изменения языковой политики, а затем все официальное делопроизводство и систему образования перевести на родной язык населения. К украинизации необходимо было привлечь сотрудников не только местной власти и партийных органов, но также отделения госбанка, сельпо, нарсуда, связи, райпотребсоюза и других с тем, чтобы полностью перевести делопроизводство на украинский язык, сделать украинской всю систему органов власти и разного рода учреждений. Также необходимо было перевести на украинский язык систему образования: школы, педтехникум и уссурийский сельхозтехникум, который готовил кадры агрономов [14. С. 5]. По Шмаковскому району украинизации подлежали 47 школ, школы ФЗО [14. С. С.49]. Вначале решено было организовать двухмесячные дневные курсы по изучению украинского языка для сотрудников разных учреждений. Из-за серьезных проблем в деле организации впоследствии срок работы курсов был сокращен до одного месяца.

Предполагалось использовать метод ударничества в преподавании и изучении языка [15. С. 66], постоянно расширять сеть охвата курсов, в первую очередь привлекая работников советских и партийных учреждений, а затем сотрудников все новых организаций (кооперации, типографии и др.) [14. С. 34]. От имени Шмаковского исполкома советов ДВК были разосланы письма о необходимости выделения курсантов для посещения курсов подготовки украинских работников в с. Успенка с 5 августа по 5 сентября [14. С. 27, 38]. Всем учреждениям предписано было выделить ответственных за проведение украинизации. Но в ответ на эту задачу были получены письма практически одинакового содержания, что ответственный-то назначен, но ни он, ни кто другой не владеют украинским языком. Так, от уголовного розыска Шмаковского района ДВК выделен человек, отвечающий за украинизацию, но приписка к информационному письму гласит, что «лиц, владеющих украинским языком, нет» [14. С. 34]. Из Принудитработ сообщают: «Из всего состава работников отделения ни один не владеет чисто украинским языком» [14. С. 33]. Та же информация пришла от отделения Госбанка [14. С. 67]. Из документов с мест узнаем, что в районе имеется лишь один инструктор, владеющий украинским языком, но «в силу его постоянного разъезда и малограмотности ведение делопроизводства на украинском языке невозможно» [14. С. 23]. Из суда пришло извещение, что послать сотрудников на курсы не смогут, потому что нет директив от крайсуда на этот счет. В письме вообще выражается сомнение в том, что суд будет переходить на украинский язык [14. С. 40].

Для обеспечения работы всех курсов районным отделам образования необходимо было приобрести учебную, методическую и художественную литературу и организовать учет и сбор имеющейся. Речь шла о тех учебных и методических пособиях, что уже хранились в библиотеках, школах, клубах. Художественной же литературы не было вообще, в документах часто содержится просьба прислать книги Тараса Шевченко [14. С. 42]. Для приобретения новой литературы нужны были средства, поэтому руководство курсов в Шмаковском районе неоднократно обращается к органам власти с просьбой предоставить аванс в 500 рублей. Всем привлекаемым к украинизации организациям также предлагалось изыскать и перевести собственные средства для обеспечения работы курсов [14. С. 38].

Была составлена смета на проведение курсов. Она предусматривала зарплату преподавателям, учебные расходы, административно-хозяйственные расходы, питание, всего 5 536 рублей [14. С. 32]. Из объяснительной записки к смете узнаем, что учитель будет получать 2 рубля за час работы; учебные расходы (на тетради, ручки, учебники) – из расчета 3 рубля на человека; предусматривались средства на питание курсантов, освещение и уборку помещения курсов, наем квартиры для педагогов. Больше всего планировалось выделить на питание 105 курсантов – 3 150 руб. Предполагалось, что занятия дневных курсов будут проходить по 6 часов в день. Однако из-за отсутствия финансирования курсы оказались на грани срыва. В одном из документов Исполком советов ДВК напоминает, что просил перевести в Госбанк деньги для проведения курсов украинизации, однако деньги не были переведены [14. С. 43]. 5 августа курсы должны были начаться, но 3 августа деньги для их проведения еще не поступили [14. С. 43]. Начало работы курсов пришлось перенести на более поздний срок. Такая же ситуация с курсами складывалась и в Калининском районе [15. С. 6а, 6б]. Таким образом, отсутствие финансовых средств стало серьезной проблемой в ходе реализации плана по украинизации.

При проведении курсов предполагалось освободить их слушателей от работы [14. С. 36, 40], чтобы добиться стопроцентной посещаемости и подчеркнуть тем самым, что украинизация – это важнейшее дело советской власти. Такое решение было принято специально, чтобы обеспечить посещаемость, однако именно поэтому многие организации отказались посылать своих сотрудников на курсы: заменить их было некем. Понимая, насколько сложна эта проблема, решено было проводить занятия также в неслужебное время: после работы или в выходные. С одной стороны, это позволяло не отрывать людей от исполнения профессиональных обязанностей, но с другой стороны, лишало возможности заняться собственными делами, планировать домашний труд и отдых. Нужно сказать, что, разрабатывая программу курсов, организаторы максимально старались предложить такой вариант работы, который бы обеспечил курсам посещаемость и был удобен организациям и самим курсантам, например, решили не проводить в дни украинизации совещания [15. С. 1, 6а], пытались составить твердое расписание занятий. Однако даже вечером для сельчан выкроить время на посещение курсов было крайне сложно, учитывая, что они должны были функционировать в самый разгар сельскохозяйственных работ.

Важнейшей задачей стало обеспечение курсов преподавателями. Решено было подобрать собственный персонал из учителей, которых можно использовать для украинизации из расчета два учителя украинского языка на одну группу слушателей курсов. Однако учителей не хватало. В распоряжении местной власти в Шмаковском районе было всего 34 человека, которые владели украинским языком в полной мере, – говорили, читали и писали по-украински. В другом документе отмечается, что учителей из числа украинцев в районе еще меньше – всего 18 человек [14. С. 5]. Отдел по украинизации обращается к РОНО с просьбой «подобрать из учительского персонала людей не менее 5 человек, вполне владеющих украинским языком и умеющих грамматически писать на украинском языке для преподавания на курсах переподготовки украинских работников» [14. С. 36].

Для тех педагогов, кто находился в распоряжении отдела по украинизации, необходимо было провести методический семинар, потому что не было уверенности в их квалификации. Семинар должен был дать представление об уровне квалификации учителей, помочь им освоить необходимый методический материал и подготовить к работе по украинизации. Семинар намечено было провести в течение 5 дней.

Поскольку учителей не хватало, председатель комиссии по украинизации Исполкома советов ДВК Шмаковского райсовета Вольвак принял решение собрать информацию о всех жителях региона, «владеющих украинским языком и умеющих грамматически верно писать для использования в украинизации школы» [14. С. 36]. Среди жителей региона оказалось несколько добровольцев. В документах архива встречаются письма от украинцев, владеющих украинским языком и желающих быть полезными в деле украинизации. Переселенец из Украины Дмитрий Куринный сообщает, что ему нужна работа [14. С. 43]. Из с. Антоновка Л. Шерстюк в заявлении на украинском языке пишет, что знаком с учительским делом и готов работать в любом качестве, например ликвидатором неграмотности [14. С. 30]. Власть старается максимально мобилизовать учительские кадры в рамках политики украинизации, поэтому, например, предлагает «сделать переброску учителей» из других неукраинизируемых районов и из украинских переселенческих, в том числе красноармейских колхозов [14. С. 5].

Таким образом, обеспечить педагогический состав, подобрать педагогов даже просто для курсов украинизации оказалось крайне сложно, кадровая проблема стала еще одной важной и крайне трудно решаемой проблемой в процессе украинизации. Региональная власть констатирует недопустимую – «преступную» – медлительность в деле украинизации [15. С. 1]. Усилия по подготовке курсов оказались напрасными: все курсы были проигнорированы общественностью. Дневные курсы в Шмаковском районе посещали несколько человек, а вечерние не посещал никто [14. С. 37, 38]. Халатное отношение к курсам было отмечено и в Калининском районе [15. С. 6а]. Из-за описанных сложностей в реализации задач по украинизации срок перевода делопроизводства на украинский язык пришлось перенести – сначала на 1 ноября, затем на 1 января следующего года [14. С. 92].

Рассмотрим, почему в районах со значительной долей украинского населения так трудно шли процессы украинизации и стремление советской власти исправить языковую дискриминацию украинцев Дальнего Востока не нашло поддержки у населения. Украинизация обращалась к этническому компоненту в сознании населения региона, недаром исследователь тех лет З. Островский вспоминает о симпатиях украинского крестьянства к Центральной раде, М. Грушевскому, С. Петлюре [16. С. 40–44.]. Украинизация выступала как вариант советизации нерусских народов, в том числе украинцев, для власти это вопрос вовлечения крестьян в социалистическое строительство. Неудивительно, что зачастую власть переводит проблему в социальную плоскость, утверждая, что отношение к украинизации определялось социальным положением: кулаки саботируют мероприятия по украинизации. Но архивные документы тех лет демонстрируют отрицательное отношение к ней и в разных районах, и у разных групп населения [14. С. 19, 24, 37–38, 99].

Представляется, что важнейшим фактором в формировании такого отношения стала непоследовательная политика советской власти в национальном вопросе. Т.П. Хлынина и И.Ю. Васильев справедливо пишут о «малообъяснимых зигзагах, которым была подвержена национальная политика в 1920–1930-е гг.» [1. С. 203]. Специфика процесса украинизации 1931 г. на Дальнем Востоке состояла в том, что его невозможно воспринимать в отрыве от предыдущих волн украинизации. Первая попытка была предпринята здесь еще в начале 1920-х гг. в условиях Дальневосточной республики. Украинский отдел при Министерстве по делам национальностей ДВР свою задачу видел в организации украинских школ и подготовке учителей для них. Однако процесс натолкнулся на противодействие местных органов образования и коммунистов из парторганизаций ДВР, увидевших в работе украинских организаций шовинистическую пропаганду и самостийность [17. С. 400–401, 407]. Работа по украинизации на Дальнем Востоке была свернута. Восстановление советской власти в ноябре 1922 г. и роспуск ДВР сопровождались чисткой от украинских национальных элементов, которые были обвинены в национализме, белогвардейщине и контрреволюционности [17. С. 410].

Неудивительно, что начатая советской властью в первой половине 1920-х гг. украинизация с целью вовлечения в строительство социализма народных украинских масс встретила у них недоверие. Оно еще больше усилилось после читинского процесса 1924 г. по делу «украинских националистов». Почти 200 человек проходили по этому процессу, их обвиняли в сепаратизме, национализме, «петлюровщине», сотрудничестве с Японией и Китаем с целью оторвать регион от Советской России. Читинский процесс поставил крест на всей украинской национальной деятельности в регионе, тем более политической [18]. Недаром в рамках украинизации 1931 г. раз за разом всплывали вопросы: не станут ли преследовать за участие в украинизации и симпатии к украинскому языку и культуре? Понять «различия между контрреволюционной петлюровщиной и советской украинизацией» было на деле крайне трудно, отсюда абсолютно оправданные опасения за возможные репрессии. Неучастие в мероприятиях по украинизации, их игнорирование в данном случае стало способом выживания для чиновников, партийных функционеров да и простых граждан. Кроме того, собственно на Украине украинизация уже была свернута и объявлена украинским мелкобуржуазным национализмом, угрозой советскому социалистическому строительству. Последствия украинизации в УССР и в русско-украинском пограничье не просто настораживали, они были крайне опасны.

Подчеркнем, что такого рода опасения нашли свое подтверждение в очередном зигзаге национальной политики советской власти. Так, Постановление ЦК ВКП (б) от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» объявляло этнический фактор фактором неблагонадежности. Это постановление не только разделило украинизацию на правильную – большевистскую, и неправильную – небольшевистскую, «не вытекающую из культурных интересов населения», оно очень четко

определило последствия такой «легкомысленной украинизации». В документе утверждалось, что буржуазно-националистические элементы, петлюровцы смогли воспользоваться украинизацией в качестве легального прикрытия для своей контрреволюционной деятельности. Как следствие такого восприятия украинизации телеграмма ЦК ВКП (б) от 18 декабря 1932 г. прямо потребовала «немедленно приостановить дальнейшую украинизацию» и в трехдневный срок не просто свернуть все мероприятия, но вернуть во все сферы (печать, образование, делопроизводство и др.) русский язык [6. С. 158–161]. В таких условиях русским быть было безопаснее. Таким образом, процесс украинизации на Дальнем Востоке начался в очень непростых условиях, неудивительно, что с самого начала он был встречен населением региона с большой настороженностью.

Отметим еще один момент. Руководство партийных и советских органов власти в подавляющем большинстве само не знало украинский язык и не проявляло желание изучать его. Для него проще было заявить об отсутствии интереса к кампании и даже об отсутствии украинцев на Дальнем Востоке, поскольку там живут не украинцы, а «хохлы, владеющие русским языком». Некоторые чиновники в отписках от украинизации утверждали, что на Дальнем Востоке нет украинцев как отдельной национальности, а есть русские, которые знают русский язык, просто он у них жаргонный, с некоторыми украинскими словечками [16. С. 64–66]. Так было проще описывать ситуацию еще и потому, что развернувшаяся кампания по украинизации могла поставить вопрос о смене руководства, которое не владеет украинским языком. Поэтому чиновники пугают украинизацией, они опасаются, что она поощряет «национальные уклоны и местный национализм» в переломный период в развитии страны.

«Чиновничьий отпор» очевиден. Не воспринимая украинцев как отдельную национальность, многие региональные чиновники видели в украинстве угрозу мазепинства и сепаратизма и боялись в будущем быть обвиненными в этих преступлениях. Поэтому вполне справедливо тот же З. Островский называл чиновников и партийных работников серьезным препятствием для процесса украинизации. Однако необходимо понимать, что их поведение вызвано не только стремлением избавиться от груза новой задачи (украинизации), их цель – ничего не предпринимать и, по возможности, избежать новой кампании с неизвестным результатом и опасными политическими последствиями. Вполне понятно, почему, игнорируя статистику, чиновники и партийные деятели утверждали, что украинцы (и белорусы) не являются отдельными нациями, по крайней мере, в условиях Дальнего Востока. В данном регионе это группы русского населения, которые говорят на русском жаргонном языке. Действительно, в архивных документах руководство райисполкомов, например, констатировало, что украинское население давно обрусело и не выказывает желания переходить на родной язык, у них нет интереса к украинскому [14. С. 37]. Некоторые идут дальше и, пытаясь оправдать свое отрицательное отношение к украинству вообще, заявляют, что литературный язык, утвердившийся на Украине, является галицким диалектом украинского языка, который чужд украинцам на Дальнем Востоке. Явно не желая работать в русле украинизации, такие руководители используют «ссылку на галицкий диалект как… прикрытие отрицательного отношения к украинству» [16. С. 40–41].

Подчеркнем неоднозначность языковой проблемы. Территория Дальнего Востока в языковом плане – это контактная среда, где в качестве средства межнационального общения использовался русский язык, его коммуникативный статус и социальная роль преобладали. Сфера применения родного украинского языка была ограничена семьей, домом, общением с соседями. Исследователи колонизации восточных окраин России сходятся во мнении, что в стратегической перспективе политика государственной власти в XIX–XX вв. ориентировалась на постепенную ассимиляцию разных этносов, восприятие русской культуры и языка выступало в качестве государственного императива.

М.В. Шиловский отмечал, что «одним из последствий колонизации стала русификация… переселенцев (украинцев, немцев… и др.) с утверждением общерусской идентичности» [19. С. 36]. А.В. Ремнев подтверждал, что «украинцы и белорусы», будучи расселены среди русских, оказались более «восприимчивы к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, демонстрировали… приверженность идее общерусской идентичности» [20. С. 8, 13]. Языковая близость была не только важнейшим фактором взаимодействия между русскими и украинцами в Сибири и на Дальнем Востоке, она в значительной степени ускоряла процесс ассимиляции. Отметим также, что часть переселенцев-украинцев, обосновавшихся на Дальнем Востоке, говорили не на украинском, а на смеси украинского и русского языков, особом южно-русском наречии. Такой язык был распространен, например, в смешанном украино-русском пограничье. Недаром носителей этого диалекта архивные документы часто называют «хохлами».

Отметим неоднозначность этого термина. Е.В. Леонтьев, изучая украинское население Приенисейской Сибири, писал, что в старожильческом восприятии украинцы и русские из юго-западных губерний России не различались, а представляли одну общность под названием «хохлы» [21. С. 98]. А.А. Новоселова подчеркивала, что он использовался старожилами для названия разных групп переселенцев (иногда даже белорусов), а также для самоназвания потомками переселенцев, особенно при упоминании этнической родины [22. С. 27–28]. Нам представляется, что название «хохол» вполне может быть свидетельством переходного характера идентичности в украинской среде в 1920–1930-е гг., маркером подвижности этнической границы. Использование названия «хохол» в документах по проблемам украинизации чаще всего становилось следствием поисков языковой идентичности, когда необходимо было

подчеркнуть отличие разговорного языка населения районов и от русского, и от украинского; его диалектность.

Рассмотренные обстоятельства вполне могут быть свидетельством незавершенности процесса формирования идентичности на всем украинском пространстве (в том числе на Дальнем Востоке) в конце XIX – начале XX в. А. Миллер подчеркивал, что на Украине говорить об этнической идентичности до Первой мировой войны можно только по отношению к элитам и части населения городов [23]. В нашем же случае речь идет исключительно о сельских жителях двух районов Дальневосточного края. На наш взгляд, это обстоятельство, безусловно, находит свое отражение в протекании процессов ассимиляции в среде переселенцев-украинцев на Дальнем Востоке. Зигзагообразная политика советской власти в 1920–1930-е гг. заставила фактор этнического своеобразия воспринимать как возможную политическую неблагонадежность и еще больше способствовала процессам ассимиляции в среде украинцев в Сибири и на Дальнем Востоке.

В то же время нельзя говорить о прямолинейности этого процесса. Для РСФСР в целом за период с 1926 по 1937 г. были характерна тенденция к сокращению численности и удельного веса украинцев: «Доля украинцев в РСФСР сократилась в 2 раза» [24. С. 9]. В то же время этническая группа украинцев в составе населения Дальнего Востока не только сохранилась, но к 1937 г. даже незначительно выросла. В противовес общероссийским тенденциям исследователи отмечают увеличение числа украинцев в составе населения некоторых восточных регионов страны, например Красноярского края, что, безусловно, было связано и с сосредоточением здесь мест заключения, и с индустриализацией. Для Дальнего Востока не только сохранение, но и некоторое увеличение сообщества связаны главным образом с энергичной кампанией по переселению. Для нас же важен факт существования крупной этнической группы украинцев в составе населения ДВК, но вот политические условия в стране ставят под сомнение возможности ее сохранения. Представляется, что именно непоследовательность национальной политики, ее крутые виражи, опасения украинцев за собственное существование стали важнейшим фактором ассимиляции украинского сообщества в условиях Дальнего Востока России.

Другим фактором неуспеха кампании стало отсутствие или слабость украинской интеллигенции. Проводниками украинства могли стать учителя, другие специалисты образовательной или культурной сфер, но их на Дальнем Востоке практически не было

Сложности в осуществлении кампании по украинизации связаны были также с ее недостаточной организацией. Слабость политики выражалась в отсутствии массовой разъяснительной работы, контроля за выполнением поставленных задач, стихийном характере кампании, неосведомленности населения о ней. Вопросы украинизации не находили достаточного отражения в прессе. Архивные документы зафиксировали главным образом переписку представителей власти по поводу украинизации, никаких данных о мероприятиях разъяснительного, просветительского, культурно-массового толка в них нет. Кроме того, перед грузом других проблем, например перед лицом хлебозаготовок, переход к украинизации воспринимался для представителей власти как задача не просто второго, а десятого порядка. Например, чиновники говорили: «…во Владивостоке остро стоят китайский и корейский вопросы, а вы еще поднимаете украинский вопрос и усложняете еще больше работу» [16. С. 65]. С учетом всех рассмотренных обстоятельств понятна причина медлительности кампании, понятно, почему чиновники на местах предпочитали отмалчиваться в ответ на запросы или посылать отписки.

Организационные проблемы украинизации, отсутствие финансирования и кадров, нежелание населения участвовать в мероприятиях и в силу понимания их нецелесообразности (отсутствие сферы функционирования украинского языка и перспектив роста в целом русскоязычном регионе), и в силу языковой ассимиляции, зигзагообразный характер национальной политики советской власти, когда украинизация следовала за русификацией, нежелание чиновников заниматься украинизацией перед лицом более важных проблем, например хлебозаготовок, привели к тому что украинизация вылилась в пустую бумажную волокиту – переписку по ее поводу чиновников разных уровней. Таким образом, в условиях советской страны 1931–1932 гг. она изначально была обречена на неудачу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хлынина Т.П., Васильев И.Ю. Украинизация как политика и проблема современной историографии // Історіографічні дослідження в Україні. Киев : НАН України. Ін-т історії України, 2012. Вип. 22. С. 201–214.
2. Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М. : Европа, 2006.
3. Дроздов К.С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М. : Институт Российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2016.
4. «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Киев : Інститут історії України НАН України, 2003.
5. Борисёнок Е.Ю. Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016.
6. Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар : Кубанькино, 2010.
7. Наумова Н.И. Украинизация в образовательной политике советской власти на Дальнем Востоке СССР (1922–1930 гг.) // Русин. 2017. № 4.
8. Чернолуцкая Е.Н. Украинцы в советском Приморье (1920–30-е годы) // Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С. 65–74.
9. Попов И.В. Районы Дальневосточного края: (без Камчатки и Сахалина). Хабаровск : Книжное дело, 1931.
10. Осипов Ю.Н., Галлямова Л.И. Освоение Приморья // Приморский край России. URL: www.fegi.ru/primorye (дата обращения: 10.08.2018).
11. Черномаз В.А. К 125-летию начала массового переселения украинцев на Дальний Восток // Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2008. С. 34–47.
12. Розовык О.Д. Миграция сельского населения УССР в Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток в 1920-х гг. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5.

13. Миненков Д.Д. Красноармейское сельскохозяйственное переселение на Дальний Восток // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и формирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Новосибирск : Сибирское научное изд-во, 2008. С. 102–106.
14. Материалы по попытке украинизации Шмаковского района. 9 июня – 9 октября 1931 г. // Государственный архив Приморского края. Ф. 813. Оп. 4. Д. 1.
15. Выписки из протоколов заседаний Калининского райисполкома и сводка о ходе работ по украинизации района. 14 мая – 4 сентября 1931 г. // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 975.
16. Островский З.С. Проблема украинизации и белорусизации в РСФСР. М. : Власть советов, 1931.
17. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009.
18. Черномаз В.А. Читинский процесс (1924 г.) и разгром украинского национального движения на Дальнем Востоке // Политические репрессии на Дальнем Востоке (20–50-е гг.). Владивосток, 1997. С. 197–211.
19. Шиловский М.В. Этносоциальные процессы в Сибири на рубеже XIX–XX в. в современной историографии (1991–2004 гг.) // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск : Омск. ун-т, 2005. Вып. 3. С. 30–48.
20. Ремнев А.В. Славянские народы как колонизационный ресурс имперской политики в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX начале – XX в. // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск : Омск. ун-т, 2005. Вып. 3. С. 4–20.
21. Леонтьев Е.В. К истории формирования украинского населения на юге Приенисейского края в XIX веке // Мартьяновские краеведческие чтения. Вып. VI. Минусинск, 2010. С. 98–101.
22. Новоселова А.А. Сибирские «хохлы»: к вопросу об этнической принадлежности // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 27–28.
23. Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 1. URL: http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine (дата обращения: 01.08.2018).
24. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М. : Наука, 1996.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 августа 2019 г.

Ukrainization in the Far East in 1931: The Essence and Difficulties of the Process

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 179–186.
DOI: 10.17223/15617793/453/22

Larisa A. Kutilova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: generalhistory2005@yandex.ru
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation); Hebei Normal University (Shijiazhuang, China). E-mail: generalhistory2005@yandex.ru

Keywords: Far East; Ukrainians; Ukrainization; Soviet power; national policy.

In the study, the authors draw attention to the fact that the theme of Ukrainization in Russian and Ukrainian historiography is mostly developed on the materials of the Ukrainian SSR or the Russian-Ukrainian borderland. The article analyzes the regional aspects of the policy of Ukrainization in the first half of the 1930s in the Far East. As a result of migration flows of the second half of the 19th – the first quarter of the 20th centuries, this region also became a place of compact residence of a significant part of Ukrainians. The main sources of the study are archival materials of the Far Eastern archives, as well as documents of the Soviet and party authorities: correspondence on the issues of Ukrainization, statistical materials, reports, references, etc. The main focus of the study is on the specific circumstances of the campaign in 1931 and on the analysis of the reasons for a cautious attitude towards it both on the part of the authorities and the population of the region on the example of two districts of the Far Eastern territory–Shmakovsky and Kalininsky, in which Ukrainians predominated. It is noted that a negative attitude towards Ukrainization was determined by the largely inconsistent zigzag national policies of the Soviet government, not by the assimilation processes that affected the Ukrainian population of the region only. The authors of the study emphasize the specificity of the process of Ukrainization in the early 1930s: it cannot be perceived in isolation from the previous waves of Ukrainization. The first attempt in the 1920s faced with an opposition from local education authorities and communists from the party organizations of the Far Eastern Republic, who saw chauvinistic propaganda and independence in the work of Ukrainian organizations. In the 1930s, Ukrainization in the Far East not only followed the period of Russification, but began when Ukraine had already curtailed it and it threatened serious political consequences. The consequences became a reality after the Chita trial of 1924 in the case of "Ukrainian nationalists". Fears of being accused of bourgeois nationalism and sympathy for "Petliurism" forced either to perceive Ukrainization with hostility, or to delay its implementation. No wonder archival documents often show superficial paperwork–correspondence on the topic by officials at various levels–and a complete lack of practical work. However, in the conditions of the Soviet country of the early 1930s, such behavior seems to be quite a justified everyday pragmatism. Analyzing all the difficulties in implementing the Ukrainianization campaign in the Far East, the authors come to the conclusion that it was initially doomed to failure.

REFERENCES

1. Khlynina, T.P. & Vasil'ev, I.Yu. (2012) Ukrainizatsiya kak politika i problema sovremennoy istoriografii [Ukrainization as a Policy and the Problem of Modern Historiography]. In: *Istoriografichni doslidzhennya v Ukraini* [Achievements of Historiography in Ukraine]. Is. 22. Kyiv: Institute of History of Ukraine, NAS of Ukraine. pp. 201–214.
2. Borisenok, E.Yu. (2006) Fenomen sovetskoy ukrainizatsii. 1920–1930-e gody [The Phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920s–1930s]. Moscow: Evropa.
3. Drozdov, K.S. (2016) *Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozem'e, 1923–1933 gg.* [The Policy of Ukrainization in the Central Black Earth Region, 1923–1933]. Moscow: Institute of Russian History, RAS; Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
4. Smoliy, V.A. (ed.) (2003) *"Ukrainizatsiya" 1920–30-kh rokiv: peredumovi, zdobutki, uroki* ["Ukrainization" of the 1920s and 1930s: Preconditions, Achievements, Lessons]. Kyiv: Institute of History of Ukraine, NAS of Ukraine.
5. Borisenok, E.Yu. (2016) *Kontseptsii "ukrainizatsii" i ikh realizatsiya v natsional'noy politike v gosudarstvakh vostochnoevropeyskogo regiona (1918–1941 gg.)* [The Concept "Ukrainization" and Its Implementation in National Policies of the States of the East European Region (1918–1941)]. History Dr. Diss. Moscow.

6. Vasil'ev, I.Yu. (2010) *Ukrainskoe natsional'noe dvizhenie i ukrainizatsiya na Kubani v 1917–1932 gg.* [Ukrainian National Movement and Ukrainization in Kuban in 1917–1932]. Krasnodar: Kuban'kino.
7. Naumova, N.I. (2017) Ukrainisation in the Soviet Educational Policy in the Far East of the USSR (1922–1930). *Rusin*. 4. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/50/6
8. Chernolutskaya, E.N. (2008) [Ukrainians in Soviet Primorye (1920s–1930s)]. *Ukraintsy na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Ukrainians in the Far East: History and Modernity]. Conference Proceedings. Vladivostok: Far Eastern University. pp. 65–74. (In Russian).
9. Popov, I.V. (1931) *Rayony Dal'nevostochnogo kraya: (bez Kamchatki i Sakhalina)* [Districts of the Far Eastern Region: (Without Kamchatka and Sakhalin)]. Khabarovsk: Knizhnoe delo.
10. Osipov, Yu.N. & Gallyamova, L.I. (n.d.) *Osvoenie Primor'ya* [Development of Primorye]. [Online] Available from: www.fegi.ru/primorye. (Accessed: 10.08.2018).
11. Chernomaz, V.A. (2008) [On the 125th Anniversary of the Mass Migration of Ukrainians to the Far East]. *Ukraintsy na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost'* [Ukrainians in the Far East: History and Modernity]. Conference Proceedings. Vladivostok: Far Eastern University. pp. 34–47. (In Russian).
12. Rozovyk, O.D. (2013) Migration of Rural Population of the Ukrainian Soviet Social Republic to Siberia, Trans-Baikal and Far East in 1920s. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 5. (In Russian).
13. Minenkov, D.D. (2008) [The Red Army Agricultural Resettlement to the Far East]. *Adaptatsionnye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i formiruyushchikhsya obshchestvakh: opyt osvoeniya Aziatskoy Rossii* [Adaptation Mechanisms and Practices in Traditional and Emerging Societies: The Experience of Developing Asian Russia]. Conference Proceedings. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izd-vo. pp. 102–106. (In Russian).
14. State Archive of Primorsky Krai. Fund 813. List 4. File 1. *Materialy po popytke ukrainizatsii Shmakovskogo rayona. 9 iyunya – 9 oktyabrya 1931 g.* [Materials on the Attempt to Ukrainize the Shmakovsky District. June 9–October 9, 1931].
15. Russian State Historical Archive of the Far East. Fund 2413. List 4. File 975. *Vypiski iz protokolov zasedaniy Kalininskogo rayispolkoma i svodka o khode rabot po ukrainizatsii rayona. 14 maya – 4 sentyabrya 1931 g.* [Extracts From the Minutes of the Meetings of the Kalinin District Executive Committee and a Summary of the Progress of Work to Ukrainize the District. May 14–September 4, 1931].
16. Ostrovskiy, Z.S. (1931) *Problema ukrainizatsii i belorusizatsii v RSFSR* [The Problem of Ukrainization and Belarusianization in the RSFSR]. Moscow: Vlast' sovetov.
17. Nam, I.V. (2009) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National Minorities of Siberia and the Far East at a Historic Turning Point (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Chernomaz, V.A. (1997) [The Chita Trial (1924) and the Defeat of the Ukrainian National Movement in the Far East]. *Politicheskie repressii na Dal'nem Vostoke (20–50-e gg.)* [Political Repressions in the Far East (1920s–1950s)]. Vladivostok" Far Eastern University. pp. 197–211. (In Russian).
19. Shilovskiy, M.V. (2005) Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri na rubezhe XIX–XX v. v sovremennoy istoriografii (1991–2004 gg.) [Ethnic and Social Processes in Siberia at the Turn of the 20th Century in Modern Historiography (1991–2004)]. In: Tolochko, A.P. (ed.) *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey stran Sodruzhestva (istoriya i sovremennost')* [Traditions of Economic, Cultural and Social Ties of the Commonwealth Countries (History and Modernity)]. Is. 3. Omsk: Omsk State University. pp. 30–48.
20. Remnev, A.V. (2005) Slavyanskie narody kak kolonizatsionnyy resurs imperskoy politiki v Sibiri i na Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX nachale – XX v. [Slavic Peoples as a Colonization Resource of Imperial Politics in Siberia and the Far East in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In: Tolochko, A.P. (ed.) *Traditsii ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey stran Sodruzhestva (istoriya i sovremennost')* [Traditions of Economic, Cultural and Social Ties of the Commonwealth Countries (History and Modernity)]. Is. 3. Omsk: Omsk State University. pp. 4–20.
21. Leont'ev, E.V. (2010) K istorii formirovaniya ukrainskogo naseleniya na yuge Prieniseyskogo kraya v XIX veke [On the History of the Formation of the Ukrainian Population in the South of the Yenisei Region in the 19th Century]. In: *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya* [Martyanov Local History Readings]. Is. VI. Minusinsk: [s.n.]. pp. 98–101.
22. Novoselova, A.A. (2003) [Siberian Ukrainians: On the Issue of Ethnicity]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of Altai and Adjacent Territories]. Conference Proceedings. Is. 5. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. pp. 27–28. (In Russian).
23. Miller, A.I. (2007) Dualizm identichnostey na Ukraine [The Dualism of Identities in Ukraine]. *Otechestvennye zapiski*. 1. [Online] Available from: http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine. (Accessed: 01.08.2018).
24. Zhiromskaya, V.B., Kiselev, I.N. & Polyakov, Yu.A. (1996) *Polveka pod grifom "sekretno": Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda* ["Secret" for Half a Century: The All-Union Population Census of 1937]. Moscow: Nauka.

Received: 12 August 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 187–194. DOI: 10.17223/15617793/453/23

УДК 930.1(091)”19”

Г.А. Самохина

РОЛЬ РОССИИ В АНТАНТЕ В ОЦЕНКАХ М.Н. ПОКРОВСКОГО

Рассматриваются труды М.Н. Покровского, в которых отражена проблема роли России в Антанте. Прослеживается развитие взглядов историка в связи с политической обстановкой и внутрипартийными дискуссиями, выделены общие концептуальные моменты для различных периодов. Подчеркивается, что Покровский не считал Россию равноправным союзником Англии и Франции, но при этом отмечал противоречие между ее экономическим положением в «сердечном согласии» и дипломатическим влиянием.

Ключевые слова: советская историческая наука; М.Н. Покровский; Россия; Антанта; Первая мировая война.

В советской историографии 1918–1920-х гг. тема внешней политики России в начале XX в. являлась одной из приоритетных. Исследовательский интерес стал ответом на вызовы времени. В условиях становления новой власти, первых шагов советской дипломатии историки стремились разоблачить внешнюю политику царского и Временного правительств, показать ее захватнический характер. При этом важной задачей было определить место России среди западных империалистических держав. Анализируя экономические и военные возможности России, степень ее влияния на мировую политику, вопросы ее участия в мировой войне, историки так или иначе обращались к проблеме отношений России с главными союзниками по Антанте – Великобританией и Францией.

Осмысление проблемных вопросов происходило на фоне масштабных перемен в исторической науке. Марксистское направление переживало период становления и внутренней самоорганизации, сопровождавшийся методологическими поисками, творческими интерпретациями марксистско-ленинской теории, научными дискуссиями. Следствием неоформленности марксистской методологии и идеологического плюрализма (еще не были вытеснены традиции дореволюционной историографии) было появление разнообразных, порой противоположных оценок тех или иных научных исторических проблем. Применительно к вопросам международной политики недавнего прошлого сказывалась также недостаточность источниковой базы.

Особенности историографической ситуации отчетливо отразились в научном творчестве одного из основоположников марксистской историографии – Михаила Николаевича Покровского (1868–1932). Непоследовательность и противоречивость его суждений по вопросам международных отношений и внешней политики России начала XX в. объяснялись не только слабостью источниковой базы и тенденциозностью автора. Возглавляя в 1920-е гг. отечественную историческую науку и определяя основные направления ее развития, Покровский, вместе с тем, находился под влиянием новых теорий и концепций, политической конъюнктуры и международной обстановки. Его взгляды подверглись разгромной критике в 1930-е гг. как антимарксистские, последующие поколения советских историков упрекали его в искажении ленинских идей. Однако именно Покровский инициировал исследовательскую и археографическую работу по изучению Первой мировой войны и ее предыстории.

Изучение работ М.Н. Покровского, посвященных союзнической политике России, позволяет проследить особенности процессов, происходивших в советской исторической науке не только при жизни историка, но и в 1930-е гг., когда историографические оценки роли России в Антанте коренным образом изменились. Кроме того, изыскания Покровского представляют исследовательский интерес как один из первых примеров концептуального осмысления Первой мировой войны и ее предыстории с марксистских позиций.

Научному творчеству Покровского посвящена обширная историографическая литература. Однако вопросы международных отношений и внешней политики России начала XX в. нашли отражение лишь в некоторых работах. К этим вопросам в 1920–1930-е гг. обращались апологеты и критики Покровского [1–5]. В 1960–1970-е гг. взгляды историка на внешнюю политику России начала XX в. анализировал Ю.К. Краснов [6]. Постсоветская историография пополнилась исследованиями о теории торгового капитализма и научной деятельности М.Н. Покровского [7–9]. Влияние внешнеполитических факторов на понимание им истории Первой мировой войны рассмотрел В.Д. Камынин [10]. О воззрениях Покровского писали также авторы историографических работ по экономической и внешнеполитической истории России [11–15]. В этих работах вопросы отношений с союзниками по «сердечному согласию» также затрагивались фрагментарно.

Таким образом, проблема роли России в Антанте в работах М.Н. Покровского не рассматривалась исследователями в качестве самостоятельной темы, что также определяет актуальность ее предметного анализа.

В научном творчестве Покровского вопросы международной политики начала XX в. занимали одно из ведущих мест, однако историк не оставил монографического исследования на эту тему, что объяснялось как его мировоззренческими установками, так и характером его работ. Покровский сместил акценты в понимании истории от науки к «политике, опрокинутой в прошлое» (что в дальнейшем реализовалось в наступлении на традиционное историческое образование и историков «старой школы»). Тем самым ученый свел ремесло историка к политической публицистике. Он разоблачал дипломатию России начала XX в. сообразно потребностям текущей политики, и его работы являлись не столько исследованиями, сколько реферативными историко-публицисти-

ческими справками, дающие представление о предпосылках возникновения той или иной проблемы. И поскольку в 1920-х – начале 1930-х гг. взгляды советского руководства на внутреннюю и внешнюю политику страны неоднократно менялись, соответственно и выводы Покровского о роли России в Антанте были в разные годы неодинаковыми.

С учетом этих обстоятельств создание целостного исследования с единой концепцией едва ли было возможно. Свои многочисленные статьи и выступления по вопросам международных отношений начала XX в. Покровский объединил в сборник «Империалистская война» (вышел тремя изданиями в 1928, 1931 и 1934 гг.). Отдельные суждения по данной проблеме были высказаны им в публикациях по истории революционного движения.

Тема отношений России с союзниками тесно связана у Покровского с актуальными для ранней советской историографии вопросами особенностей капиталистического развития России и «виновников войны». Ответы на эти вопросы ученый представил в статьях, написанных в период мировой войны.

Стремясь сохранить свое положение в партии, Покровский солидаризовался с большевистским руководством по различным политическим вопросам. Ему были памятны последствия совещания расширенной редакции газеты «Пролетарий» в 1909 г., когда из ее состава в нарушение внутрипартийных норм были выведены А.А. Богданов и Л.Б. Красин, обвиненные в нарушении партийного единства. Поддерживая в годы мировой войны большевистский курс на дискредитацию самодержавия и лозунг поражения правительства в войне, Покровский представил в своих работах весьма специфичный образ империалистической России, не уступающей по экономическим возможностям и политическому влиянию европейским державам.

Согласно теории торгового капитализма, разработанной М.Н. Покровским, движущей силой внешней политики государства является его внешняя торговля. У России империалистические тенденции во внешней политике (а Покровский отсчитывал историю русского империализма с начала XIX в. [16. С. 12]) были связаны с развитием мирового хлебного рынка, борьбой за его расширение. Отсюда возникали, в частности, ее конфликты с Германией, которая, как считал ученый, стремилась сокрушить «таможенные стены», заключить выгодные торговые договоры, а вовсе не расширить территорию [17. С. 70–71]. Тем самым Покровский оправдывает Германию в деле развязывания мировой войны.

Затрагивая проблему положения России в Антанте, М.Н. Покровский рассматривает русско-французские финансовые отношения. Он приходит к парадоксальному выводу о том, что миллиардные французские вложения в российскую экономику делали зависимыми французский народ от царизма, а не наоборот. По мнению историка, страна, помещающая в иностранные предприятия свои капиталы, связывает ими себя, а не страну, получившую их [17. С. 74, 84].

В работах первой половины 1920-х гг., когда Покровский встал во главе советской исторической науки, его суждения об экономическом положении России в Антанте становятся более реалистичными. Нижняя хронологическая граница русского империализма смещается у него к 1890-м гг. [18. С. 76]. Отмечая значительную долю иностранного капитала в российской промышленности, Покровский пишет об определенной финансовой зависимости России от западных держав [19. С. 169]. Но он не считал это обстоятельство решающим фактором в отношениях России с союзниками. Так, полемизируя с Л.Д. Троцким по вопросу особенностей русского империализма, историк отмечал, что «форменной колонией Россия все-таки не была» [20. С. 2]. Напротив, благодаря быстрым темпам капиталистического развития она сумела к началу XX в. догнать Европу [20. С. 2]. Будучи империалистической державой, Россия разделяла судьбы мировых конъюнктур, в том числе во внешней политике [19. С. 170]. Поэтому ее участие в мировой войне хотя и отвечало в большей степени интересам англо-французского империализма [18. С. 76], было закономерным следствием принадлежности страны к системе мирового империализма [21. С. 146; 22. С. 11; 23. С. 60–62]. Кроме того, Россия сама была заинтересована в войне.

Говоря о переплетении экономических интересов западных держав, Покровский уделял особое внимание империалистическим устремлениям царского правительства, связанным с черноморскими проливами и Константинополем. По утверждению историка, Россия уже в 1911–1912 гг. готовила раздел европейской Турции [21. С. 150], но Балканские войны, ставшие «не только русской инсценировкой, но и коллективным делом всей Антанты», отдалили Россию от решения Восточного вопроса [24. С. 52–55]. В статьях, посвященных Первой мировой войне, Покровский отмечает, что царское правительство желало видеть Турцию своим противником, а иначе незачем было воевать [25. С. 256–257].

Подчеркивая империалистический характер русской внешней политики, Покровский в то же время отрицает значение национальных интересов. Вообще с подачи Покровского в марксистской исторической науке 1920-х гг. возобладал интернационализм, а слова «национальный», «отечественный» стали, по сути, реакционными архаизмами. Эти явления были вполне созвучны с идеей мировой пролетарской революции, которую активно провозглашало в то время советское руководство.

Ключевым положением концепции Покровского являлся тезис о виновности Антанты в разжигании мировой войны. Такое мнение было не просто развитием взглядов историка, но также ответом на вызовы времени. В условиях советско-германского сотрудничества в рамках Рапалльской системы объявлять Германию агрессором было идеологически нецелесообразным, теперь эта роль отводилась бывшим союзникам. Обращаясь к источникам личного происхождения – протоколам допроса А.В. Колчака, воспоминаниям В.А. Сухомлинова, В.Н. Поливанова, Покровский расценивал военные мероприятия союзников как приготовления к наступательной войне с Германией [19. С. 170–174; 26. С. 42]. Восприятие внешней поли-

тики царского правительства с разоблачительных позиций позволяло отнести к числу зачинщиков войны и Россию. Так, в статье «К вопросу о виновниках войны», опубликованной в 1919 г., Покровский пишет, что Россия для завоевания проливов стремилась заручиться поддержкой союзников по Антанте, а это было возможно в случае войны с Германией. Объявив мобилизацию, Россия явилась непосредственной виновницей войны [27. С. 102, 114–115]. Пять лет спустя историк также утверждает, что «война непосредственно была спровоцирована русской военной партией» [21. С. 160].

Вместе с тем в это же время, в середине 1920-х гг., Покровский по-иному определяет расстановку сил в Антанте накануне мировой войны. Действия России он считал результатом не только легкомысленности ее правящих кругов, но также дипломатических интриг Англии и Франции. При этом выводы о степени ответственности обеих держав в подстрекательстве России он делает различные. В статье «Как русский империализм готовился к войне» (1924) отмечается, что царское правительство подталкивали к войне «не соблазны английских дипломатов, а миллиарды французского золота, влитые в русскую промышленность» [19. С. 177]. Однако в работе «Внешняя политика России в XX веке» (1926) Покровский возлагает вину на Англию, утверждая, что она «втравила» Россию в войну «перспективой получения проливов» [28. С. 415]. В том же 1926 г. историк писал, что именно присутствие Англии в Антанте сделало последнюю антигерманской коалицией, угрожающей европейскому миру, в то время как русско-французский союз «еще не вел к войне» [26. С. 39–40]. Антианглийские настроения Покровского, очевидно, могли быть связаны с очередным обострением советско-британских отношений.

Ученый находит различия в отношениях России с Англией и Францией. Из его работ 1924–1926 гг. можно сделать вывод, что с Третьей республикой взаимодействие было более тесным. Так, Россия еще весной 1914 г. договаривалась с ней о разделе Австро-Венгрии [21. С. 158], а в годы мировой войны русско-французский союз сохранял некоторую самостоятельность внутри Антанты, что проявлялось в частных соглашениях двух держав за спиной Англии [26. С. 39–40]. Англия, в свою очередь, пыталась влиять на Петербург в вопросе о проливах. Однако царская дипломатия сумела обратить обстоятельства в свою пользу. По мнению Покровского, соглашение 1915 г. о передаче проливов и Константинополя России после победы в войне Англия подписала вынужденно, под давлением Петербурга, воспользовавшегося неудачами британского флота в осуществлении Дарданелльской операции. М.Н. Покровский не верил в возможный успех этого соглашения, однако обстоятельства его подписания считал ярким примером того, что Россия в сфере дипломатии использовала провокацию и шантаж [25. С. 267; 28. С. 415–416].

Таким образом, Россия в статьях Покровского предстает весомой политической силой, уверенно отстаивающей свои интересы. Однако историк не склонен был считать Россию равноправным союзником Англии и Франции, характеризуя ее как младшего участника Антанты, на которого возлагались большие надежды в войне с Германией [26. С. 46].

Расстановка сил в «сердечном согласии» меняется в 1917 г. Прежние связи между союзниками ослабевают со вступлением в войну США, которые становятся хозяевами положения [Там же. С. 47]. Англия и Франция ожидали прибытия американских войск к весне 1918 г. (в результате это произошло только в июле), и до этого времени было необходимо удерживать Восточный фронт с помощью России, у которой, по словам Покровского, уже в конце 1916 г. «не было экономической возможности вести войну». С этой целью Антанта взяла под контроль внутреннюю политику своей союзницы, поддерживала правительство А.Ф. Керенского – «правительство воскресения войны», а в 1918 г. организовала интервенцию в советскую Россию [28. С. 417–419, 424–425, 434].

В статьях, изданных в год юбилея Октябрьской революции, Покровский пишет о зависимом положении России в Антанте. Такая перемена во взглядах была обусловлена новым прочтением проблемы русского империализма, которая во второй половине 1920-х гг. была одной из наиболее спорных в марксистской историографии. В ее изучении сложились две противоположные концепции. Сторонники концепции «денационализации» русского капитализма (Н.Н. Ванаг, Л.Н. Крицман, С.Л. Ронин) рассматривали приток иностранного капитала как решающий фактор экономического развития России и делали вывод о полном финансовом подчинении страны западному империализму. Их оппоненты (А.Л. Сидоров, И.Ф. Гиндин, Е.Л. Грановский), напротив, утверждали самостоятельность российского империализма, исходя из комплексного изучения экономики России начала XX в. [13. С. 298].

Покровский поддерживал концепцию «денационализации», считая ее «последним словом науки» [29. С. 62]. В 1926–1927 гг. он пересматривает хронологию русского империализма, сдвигая ее начальную границу к 1906 г. [28. С. 387; 30. С. 153]. А в одной из статей 1927 г. Покровский вовсе утверждал, что о русском империализме следует писать лишь в кавычках [31. С. 324], подчеркивая тем самым его условный характер по сравнению с империализмом западных стран.

С «денационализаторской» позиции Покровский подходит к вопросу о вступлении России в мировую войну. Собственные внешнеполитические интересы царского правительства были для Покровского по-прежнему очевидны, однако именно экономические мотивы, по его мнению, обусловили выступление России на стороне Антанты. Англия и Франция вытеснили из российской экономики германский капитал, и финансовая власть позволяла им диктовать восточной союзнице любые условия [30. С. 152–154].

Такой подход вовсе не означал превращение России из «виновника войны» в жертву империалистических хищников. В концепции М.Н. Покровского она лишь утратила главенствующую роль в развязывании войны. В 1930 г. в предисловии к первому тому документального сборника «Международные отношения в

эпоху империализма» Покровский подчеркивал противоречие между военно-политическим положением России в Антанте и экономическими возможностями страны. Историк писал, что война «не была исключительно русским делом»: развязать ее «мог империализм первого порядка». У России «первостепенным было – или казалось – военное могущество», что давало ей «такое положение в конфликте, которое совершенно не соответствовало ее значению экономическому» [33. С. 366].

Русский капитал перед войной, заключает Покровский, в значительной степени был филиалом антантовского. Изменить такое положение должна была мировая война, которая была переходом от «военно-феодального империализма к империализму периода капиталистических монополий». Смысл ее «победного конца» заключался в том, чтобы русский финансовый капитал превратился из вассала в сюзерена [31. С. 325, 327]. Однако в годы войны зависимость России от Антанты превратилась в иго, а «английский посланник в Петербурге был вторым императором» [32. С. 339].

Выход России из войны и подписание Брестского мира заключали в себе некий национальный момент, а именно разрыв с «игом Антанты», которое определило ее вступление в войну [31. С. 328; 32. С. 343]. С учетом закоренелого интернационализма Покровского такое понимание им национального соответствовало понятию антиимпериалистического, т.е. по сути означало обособленность России от союзников.

Покровский пытался найти истоки «денационализаторской» концепции в ленинских «Письмах из далека» [29. С. 62; 31. С. 325–326; 32. С. 339]. Однако тезис В.И. Ленина «Россия ведет войну не на свои деньги. Русский капитал есть участник англо-французского» [34. Т. 51. С. 50] не был равнозначен выводам Покровского о том, что русские банки и промышленность «накануне войны были форменными подданными заграничного капитала» [32. С. 339].

Утверждая новые концепции марксистской исторической науки, Покровский одновременно вел борьбу с «буржуазной историографией», историками «старой школы». Он стал непримиримым оппонентом Е.В. Тарле, который представил свое видение международной политики начала XX в. в книге «Европа в эпоху империализма» (1927). Одним из предметов разногласий стал вопрос о «виновниках войны». Тарле разоблачал захватнические замыслы германского империализма, писал о политике австро-германского блока в годы июльского кризиса 1914 г., ускорившей начало войны. Покровский назвал взгляды Тарле антантофильскими и подверг их уничижительной критике в журнале «Историк-марксист». По его утверждению, говорить о том, что «Германия напала», значило поддерживать антигерманскую риторику стран Антанты [35. С. 12–13]. Очевиден также и идеологический контекст критики. Покровский подчеркивал, что Тарле пытается «сокрушить марксистские исторические концепции при помощи якобы марксистских методов» [35. С. 10].

Тарле выступил на страницах «Историка-марксиста» с ответной статьей, где опроверг критику Покровского и особо подчеркнул, что в развязывании войны виновны обе стороны – и Антанта, и Германия, которые «вполне друг друга стоили» [36. С. 102, 105–107]. Эту же мысль Тарле развил во втором издании «Европы в эпоху империализма». В полемику историков вмешалась и редакция журнала, занявшая сторону Покровского [37. С. 108–109].

Научно-политический спор представителей двух направлений советской исторической науки стал предтечей «Академического дела» 1929–1931 гг., проведенного при деятельном участии Покровского. В результате Тарле разделил судьбу многих своих московских и ленинградских коллег, подвергшихся арестам и ссылкам.

Рубеж 1920–1930-х гг. был ознаменован также и переменами в марксистской науке. Концепция «денационализации» русского капитализма в результате дискуссий конца 1920-х – начала 1930-х гг. была признана несостоятельной. Статистико-экономический метод изучения иностранных капиталов в российской экономике, который широко применяли «денационализаторы», подвергся критике за недостаточность и ограниченность. Кроме того, тезис о несамостоятельности российского империализма, из которого следовал вывод о неспособности страны к социалистической революции, расценивался как проявление троцкистской идеологии, с которой в эти годы шла активная борьба [13. С. 299–300].

На волне этой концептуальной перемены М.Н. Покровский поясняет свои взгляды на роль России в Антанте. В 1932 г. в журнале «Историк-марксист» выходит его статья «По поводу некоторой путаницы», в которой Покровский полемизирует с авторами книги «История ВКП(б)» по поводу его приверженности «денационализаторским» взглядам. Историк отмечал, что никогда не называл Россию колонией англо-французского империализма. Основываясь на ленинских идеях, ученый признавал Россию страной самостоятельного империализма, но экономически зависимой от союзников, особенно в годы мировой войны. В отношениях с Англией и Францией Россия выступала в роли «младшего компаньона», подчинявшегося политике более сильных партнеров. При этом историк подчеркивал, что Россия не была «наймитом» Антанты, она отстаивала в мировой войне собственные империалистические интересы. Тем самым Покровский противопоставлял себя «денационализаторам», считавшим, что участие России в войне было обусловлено интересами иностранного финансового капитала [38. С. 16–19].

Таким образом, на развитие взглядов М.Н. Покровского во многом влияли перемены в исторической науке. То же влияние прослеживалось и в восприятии этих взглядов современниками. Отмечая вклад Покровского в разработку истории мировой войны, историки-марксисты подходили к оценке его работ избирательно, в соответствии с веяниями времени. В юбилейных статьях к 60-летию историка (1928 г.) Н.Л. Рубинштейн и Д. Кин в заслугу Покровскому ставили тезис о подчиненном положении России в Антанте, не принимая во внимание более ранние его статьи, в которых говорилось об обратном [1. С. 22; 2. С. 70]. В 1932 г.

ситуация была противоположной. Так, М. Редин в своей статье рассматривал взгляды Покровского в контексте борьбы с троцкизмом и за построение социализма в отдельно взятой стране. Задачам этой борьбы соответствовали выводы ученого «зрелости русской капиталистической системы» и «самостоятельных интересах России» в мировой политике [3. С. 58–59].

Взгляды Покровского на роль России в Антанте сыграли свою роль в идеологическом подкреплении внутрипартийной борьбы. Однако вскоре эти взгляды были отвергнуты советской историографией. На фоне перемен в международной и внутриполитической ситуации (угроза новой мировой войны от нацистской Германии, переход от интернационализма к построению социализма в отдельно взятой стране) обозначились новые ответы на вопросы о «виновниках войны» и роли России в международной политике начала XX в.

С 1934 г. в исторической литературе появляются новые тезисы – о Германии как главном зачинщике мировой войны [39. С. 10, 32; 40. С. 12–13] и о полуколониальном положении России в Антанте. Последний тезис, высказанный И.В. Сталиным, С.М. Кировым и А.А. Ждановым в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» [41. С. 6], был закреплен в книге «История ВКП(б). Краткий курс» (1938). Согласно концепции «Краткого курса» полуколониальная зависимость стала следствием политической и хозяйственной отсталости России и причиной ее выступления на стороне Англии и Франции [42. С. 95–96, 156]. Тезис о России – полуколонии Антанты, еще недавно осуждавшийся как троцкистский, был теперь необходим для идеологического обоснования социалистических преобразований и политики изоляции СССР от Запада.

Утверждение новых тезисов в историографии сопровождалось ожесточенной критикой концепции Покровского. Историка обвиняли в искажении ленинских идей в оценке противоречий между великими державами в начале XX в. Н.П. Руткевич и А.С. Ерусалимский писали о несостоятельности суждений Покровского на проблему происхождения мировой войны, в частности тезиса об основной ответственности Антанты в ее развязывании [4. С. 16, 21, 33; 5. С. 512–514, 517]. Разоблачая взгляды Покровского на роль России в Антанте, Ерусалимский отмечал, что в работах советского периода историк «стал говорить о полной колониальной зависимости царской России от западноевропейского капитализма» [5. С. 511]. Однако этот вывод противоречил словам самого Покровского, который в 1932 г. писал о недопустимости подобной трактовки своих работ, в которых он никогда не называл Россию колонией союзников [38. С. 18]. Кроме того, суждения Покровского об «иге Антанты» были вполне применимы к идее «Краткого курса» о неравноправном положении России в «сердечном согласии».

Критика взглядов Покровского на предысторию мировой войны, развернувшаяся на рубеже 1930–1940-х гг., являлась частью масштабной идеологической кампании, направленной против «школы Покровского». Эта критика ознаменовала очередную смену ориентиров в советской исторической науке. Символом и ориентиром новой сталинской историографии стала «История ВКП(б). Краткий курс».

Таким образом, проблема роли России в Антанте затрагивалась во многих работах Покровского, посвященных международным отношениям начала XX в., истории революционного движения. Наибольшую разработку эта проблема получила в советский период творчества историка. Тенденциозность и непоследовательность автора препятствовали ее целостному системному осмыслению. Противоречия Покровского проявлялись, в частности, в определении степени ответственности России в разжигании мировой войны, выявлении специфики российского империализма, использовании идей В.И. Ленина для аргументации противоположных точек зрения. На расхождения во взглядах влияли и объективные обстоятельства – сложность утверждения марксизма в исторической науке, внутри- и внешнеполитические реалии 1920-х гг.

Вместе с тем в развитии взглядов Покровского на роль России в Антанте можно выделить следующие периоды. С 1918 по 1926 г. Россия предстает у ученого младшим участником «сердечного согласия»; с 1927 по 1932 г., в «денационализаторский» период, отношения России с союзниками трактуются как «иго Антанты»; в 1932 г. историк пересматривает взгляды в соответствии с ленинской концепцией и называет Россию «младшим компаньоном» Антанты. Тем самым очевидно, что он не считал Россию влиятельным союзником Англии и Франции, различалась лишь оценка степени ее неравноправного положения. Такое положение, как следует из работ М.Н. Покровского, касалось главным образом экономического влияния, где возможности России были крайне ограничены. При этом ее дипломатическую роль, способность отстаивать свои империалистические интересы Покровский не ставил под сомнение. В то же время в вопросе о решающем факторе вступления России в мировою войну для историка была характерна смена приоритетов. В 1918–1926 гг. таковым он считал влияние мировой экономической конъюнктуры, с 1927 г. – экономическую зависимость от союзников, в 1932 г. – собственные задачи России.

Выводы Покровского о первичности внешнеполитических интересов правящих кругов России перед экономическими возможностями страны ставились ему в заслугу в начале 1930-х гг. как аргументы в идейной борьбе против троцкизма. Эти же выводы отличали его от апологетов «Краткого курса», возродивших «троцкистский тезис» на новых идейных основаниях.

Работы Покровского при всех недостатках стали важной вехой в осмыслении роли России в мировой политике начала XX в. и истории революционного процесса с марксистских позиций. В этих работах были намечены направления научного поиска и обозначены основные проблемные вопросы, связанные с различиями в экономическом и политическом положении России в Антанте, противоречиями России с союзниками по «сердечному согласию».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кин Д. К 60-летию М.Н. Покровского. М.Н. Покровский как историк Октябрьской революции // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 18–33.
2. Рубинштейн Н. К 60-летию М.Н. Покровского. М.Н. Покровский – историк внешней политики // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 58–78.
3. Редин М. М.Н. Покровский как историк колониальной и внешней политики самодержавия // Историк-марксист. 1932. № 3. С. 37–59.
4. Руткевич Н.П. М.Н. Покровский о возникновении мировой войны // Историк-марксист. 1938. № 3. С. 3–35.
5. Ерусалимский А.С. Происхождение мировой империалистической войны 1914–1918 гг. в освещении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. С. 469–517.
6. Краснов Ю.К. М.Н. Покровский об участии России в войнах эпохи империализма // Казанский педагогический институт. Ученые записки. Казань, 1974. Вып. 121. С. 72–86.
7. Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или три жизни историка М.Н. Покровского. М. : Лит., 1992. 234 с.
8. Артизов А.Н. М.Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение // Отечественная история. 1998. № 1. С. 77–96.
9. Володьков О.П. Концепция торгового капитализма М.Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.). Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 567 с.
10. Камынин В.Д. Влияние внешнеполитического фактора на советскую идеологию 1920-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 3 (131). С. 49–58.
11. Емец В.А. Советская историография происхождения Первой мировой войны // Первая мировая война 1914–1918. М. : Наука, 1968. С. 23–57.
12. Фадеев А.В. Внешняя политика России в освещении советских историков // Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. М. : Наука, 1966. Т. IV. С. 427–440.
13. Тарновский К.Н. К итогам изучения монополистического капитализма в России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС : сб. ст. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 294–330.
14. Соколов В.Ю. История и политика (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 204 с.
15. Ланской Г.Н. Отечественная историография экономической истории России начала XX века. М. : Изд. центр РГГУ, 2010. 507 с.
16. Покровский М.Н. Русский империализм в прошлом и настоящем // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 9–18.
17. Покровский М.Н. Виновники войны // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 68–101.
18. Покровский М.Н. Пролог Октябрьской революции // Октябрьская революция : сб. ст. М. : Изд-во Комакадемии, 1929. С. 73–85.
19. Покровский М.Н. Как русский империализм готовился к войне // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 168–177.
20. Покровский М.Н. Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма // Правда. 1922. 5 июля (№ 147). С. 2.
21. Покровский М.Н. Как возникла мировая война // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 144–167.
22. Покровский М.Н. Советская глава нашей истории // Большевик. 1924. № 4. С. 10–19.
23. Покровский М.Н. Семь лет пролетарской диктатуры // Луначарский А.В., Покровский М.Н. Семь лет пролетарской диктатуры. М. : Московский рабочий, 1925. С. 45–78.
24. Покровский М.Н. Балканские войны XX в. (1912–1913) // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 48–57.
25. Покровский М.Н. Царская Россия и война зимой 1914–1915 гг. (К подготовке секретного соглашения о Константинополе и проливах) // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 253–273.
26. Покровский М.Н. Антанта // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 39–47.
27. Покровский М.Н. К вопросу о виновниках войны // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 102–116.
28. Покровский М.Н. Внешняя политика России в XX веке // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 378–446.
29. Покровский М.Н. Ленин и внешняя политика // Октябрьская революция : сб. ст. М. : Изд-во Комакадемии, 1929. С. 48–65.
30. Покровский М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. 2-е изд., перераб. М.; Л. : Госиздат, 1927. 200 с.
31. Покровский М.Н. Выход России из войны // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 322–338.
32. Покровский М.Н. Историческое значение Октябрьской революции // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 339–343.
33. Покровский М.Н. Русские документы империалистской войны // Империалистская война : сб. ст. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 358–372.
34. Ленин В.И. Письма из далека. Письмо 4-е. Как добиться мира? // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 31. С. 48–54.
35. Покровский М.Н. «Новые» течения в русской исторической литературе // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 3–17.
36. Тарле Е.В. К вопросу о начале войны // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 101–107.
37. Ответ редакции «Историк-марксист» // Историк-марксист. 1928. № 9. С. 108–109.
38. Покровский М.Н. По поводу некоторой путаницы // Историк-марксист. 1932. № 1–2. С. 13–25.
39. Двадцатилетие империалистической войны 1914–1918 (тезисы). М.; Л. : Гос. соц.-эк. изд-во, 1934. 48 с.
40. Заговор против мира. Как была развязана империалистическая война в 1914 г. Факты и документы. М. : Изд. и тип. газ. «Правда», 1934. 164 с.
41. Сталин И.В., Жданов А.А., Киров С.М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Историк-марксист. 1936. № 1. С. 5–6.
42. История ВКП(б). Краткий курс. М. : Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 августа 2019 г.

The Role of Russia in the Entente in Mikhail Pokrovsky's Evaluations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 187–194.
DOI: 10.17223/15617793/453/23

Galina A. Samokhina, Yelets State Ivan Bunin University (Yelets, Russian Federation). E-mail: Samokhina.g@mail.ru

Keywords: Soviet historical science; Mikhail Pokrovsky; Russia; Entente; First World War.

The aim of the article is to consider the views of Mikhail Pokrovsky on the role of Russia in the Entente as they are not sufficiently covered in the scientific literature. The issues of relations between Russia and the allies–Britain and France–were in demand in the early Soviet historiography in connection with the tasks of identifying positions of Russia in the system of European imperialism, the study of the history of the First World War. Pokrovsky turned to the problem of balance of power in the Entente in many of his works devoted to the foreign policy of Russia in the early 20th century and the history of the Russian revolutionary movement. He expressed his views before the revolution, but mostly developed the problem in the Soviet period. Pokrovsky's works reflected the specific historiographical situation of 1918 – early 1930s, associated with the adoption of Marxism in historical science, changes in the internal and external political life of the country. In addition, Pokrovsky was extremely biased and inconsistent in his judgments, which prevented a holistic understanding of the scientific problem. He was contradictory in assessing the specifics of Russian

imperialism, the degree of Russia's responsibility for the outbreak of the First World War. At the same time, we can talk about the development of his views and general conceptual points in different periods. Pokrovskygave an ambiguous assessment to the position of Russia in the Entente. In economic terms, he did not consider Russia as an equal ally of England and France, but never questioned its diplomatic role, the ability to influence the allies and defend its interests. This contradiction between the economic and diplomatic status of Russia was reflected in Pokrovsky's determination of the decisive factor of Russia's entry into the First World War. In 1918–1926, he considered the impact of the global economic situation; from 1927, the economic dependence on the allies; in 1932, Russia's own tasks. Pokrovsky's contradictory views were interpreted by his contemporaries in different ways depending on the requirements of the time. In the late 1920s, Pokrovsky was credited for his thesis of Russia's dependent position in the Entente; in the early 1930s, against the background of the struggle against Trotskyism, for the opposite thesis about the independent interests of Russia in the international arena. With the publication of the book *The History of the CPSU(b). A Short Course*, Pokrovsky's views were severely criticized, though some of his conclusions corresponded to the basic ideas of the book and the new historiographical situation. Pokrovsky's works became an important milestone in the conceptual understanding of Russia's foreign policy of the early 20th century and its role in the Entente from Marxist positions. Pokrovsky identified the main problematic issues and directions of scientific research.

REFERENCES

1. Kin, D. (1928) K 60-letiyu M.N. Pokrovskogo. M.N. Pokrovskiy kak istorik Oktyabr'skoy revolyutsii [On the 60th Anniversary of M.N. Pokrovsky. M.N. Pokrovsky as a Historian of the October Revolution]. *Istorik-marksist*. 9. pp. 18–33.
2. Rubinshteyn, N. (1928) K 60-letiyu M.N. Pokrovskogo. M.N. Pokrovskiy – istorik vneshney politiki [On the 60th Anniversary of M.N. Pokrovsky. M.N. Pokrovsky as a Historian of Foreign Policy]. *Istorik-marksist*. 9. pp. 58–78.
3. Redin, M. (1932) M.N. Pokrovskiy kak istorik kolonial'noy i vneshney politiki samoderzhaviya [M.N. Pokrovsky as a Historian of the Colonial and Foreign Policy of the Autocracy]. *Istorik-marksist*. 3. pp. 37–59.
4. Rutkevich, N.P. (1938) M.N. Pokrovskiy o vozniknovenii mirovoy voyny [M.N. Pokrovsky About the Outbreak of World War]. *Istorik-marksist*. 3. pp. 3–35.
5. Erusalimskiy, A.S. (1939) Proiskhozhdenie mirovoy imperialisticheskoy voyny 1914–1918 gg. v osveshchenii M.N. Pokrovskogo [The Origin of the World Imperialist War of 1914–1918 in the Interpretation of M.N. Pokrovsky]. In: Grekov, B., Yaroslavskiy, Em. & Bushuev, S. (eds) *Protiv antimarksistskoy kontseptsii M.N. Pokrovskogo* [Against the Anti-Marxist Concept of M.N. Pokrovsky]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 469–517.
6. Krasnov, Yu.K. (1974) M.N. Pokrovskiy ob uchastii Rossii v voynakh epokhi imperializma [M.N. Pokrovsky on Russia's Participation in the Wars of the Era of Imperialism]. *Kazanskiy pedagogicheskiy institut. Uchenye zapiski.* 121. pp. 72–86.
7. Chernobaev, A.A. (1992) *"Professor s pikoy", ili tri zhizni istorika M.N. Pokrovskogo* ["Professor With a Lance," or the Three Lives of Historian M.N. Pokrovsky]. Moscow: Lit.
8. Artizov, A.N. (1998) M.N. Pokrovskiy: final kar'ery – uspekh ili porazhenie [M.N. Pokrovsky: Career Finale–Success or Failure]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 77–96.
9. Volod'kov, O.P. (2011) *Kontseptsiya torgovogo kapitalizma M.N. Pokrovskogo v sovetskoy istoricheskoy nauke (1918–1932 gg.)* [M.N. Pokrovsky's Concept of Trade Capitalism in Soviet Historical Science (1918–1932)]. Omsk: Omsk State University.
10. Kamynin, V.D. (2014) The Impact of Foreign Politics on Soviet Ideology of the 1920s. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki*. 3 (131). pp. 49–58.
11. Emets, V.A. (1968) Sovetskaya istoriografiya proiskhozhdeniya Pervoy mirovoy voyny [Soviet Historiography of the Origin of the First World War]. In: Sidorov, A.L. (ed.) *Pervaya mirovaya voyna* 1914–1918 [First World War 1914–1918]. Moscow: Nauka. pp. 23–57.
12. Fadeev, A.V. (1966) Vneshnyaya politika Rossii v osveshchenii sovetskikh istorikov [Foreign Policy of Russia in the Coverage of Soviet Historians]. In: Nechkina, M.V. (ed.) *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR: v 5 t.* [Essays on the History of Historical Science in the USSR: In 5 Volumes]. Vol. IV. Moscow: Nauka. pp. 427–440.
13. Tarnovskiy, K.N. (1962) K itogam izucheniya monopolisticheskogo kapitalizma v Rossii [On the Results of the Study of Monopoly Capitalism in Russia]. In: *Sovetskaya istoricheskaya nauka ot XX k XXII s"ezdu KPSS* [Soviet Historical Science From the XX to XXII Congress of the CPSU]. Moscow: USSR AS. pp. 294–330.
14. Sokolov, V.Yu. (1990) *Istoriya i politika (K voprosu o soderzhanii i kharaktere diskussiy sovetskikh istorikov 1920-kh – nachala 1930-kh gg.)* [History and Politics (On the Content and Nature of the Discussions of Soviet Historians of the 1920s – Early 1930s)]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Lanskoy, G.N. (2010) *Otechestvennaya istoriografiya ekonomicheskoy istorii Rossii nachala XX veka* [Domestic Historiography of the Economic History of Russia of the Beginning of the 20th Century]. Moscow: RSUH.
16. Pokrovskiy, M.N. (1934a) Russkiy imperializm v proshlom i nastoyashchem [Russian Imperialism in the Past and Present]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 9–18.
17. Pokrovskiy, M.N. (1934b) Vinovniki voyny [Culprits of the War]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. pp. 68–101.
18. Pokrovskiy, M.N. (1929a) Prolog Oktyabr'skoy revolyutsii [Prologue of the October Revolution]. In: *Oktyabr'skaya revolyutsiya* [October Revolution]. Moscow: Izd-vo Komakademii. pp. 73–85.
19. Pokrovskiy, M.N. (1934c) Kak russkiy imperializm gotovilsya k voyne [How Russian Imperialism Prepared for War]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 168–177.
20. Pokrovskiy, M.N. (1922) Svoeobrazie russkogo istoricheskogo protsessa i pervaya bukva marksizma [The Originality of the Russian Historical Process and the First Letter of Marxism]. *Pravda*. 5 July. 147. p. 2.
21. Pokrovskiy, M.N. (1934d) Kak voznikla mirovaya voyna [How the World War Arose]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 144–167.
22. Pokrovskiy, M.N. (1924) Sovetskaya glava nashey istorii [The Soviet Chapter of Our History]. *Bol'shevik*. 4. pp. 10–19.
23. Pokrovskiy, M.N. (1925) Sem' let proletarskoy diktatury [Seven Years of the Proletarian Dictatorship]. In: Lunacharskiy, A.V. & Pokrovskiy, M.N. *Sem' let proletarskoy diktatury* [Seven Years of Proletarian Dictatorship]. Moscow: Moskovskiy rabochiy. pp. 45–78.
24. Pokrovskiy, M.N. (1934e) Balkanskie voyny XX v. (1912–1913) [The Balkan Wars of the 20th Century (1912–1913)]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 48–57.
25. Pokrovskiy, M.N. (1934f) Tsarskaya Rossiya i voyna zimoy 1917–1915 gg. (K podgotovke sekretnogo soglasheniya o Konstantinopole i prolivakh) [Tsarist Russia and the War in the Winter of 1914–1915 (On the Preparation of the Secret Agreement on Constantinople and the Straits)]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 253–273.
26. Pokrovskiy, M.N. (1934g) Antanta [The Entente]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 39–47.
27. Pokrovskiy, M.N. (1934h) K voprosu o vinovnikakh voyny [On the Culprits of the War]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 102–116.

28. Pokrovskiy, M.N. (1934i) Vneshnyaya politika Rossii v XX veke [Foreign Policy of Russia in the 20th Century]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 378–446.
29. Pokrovskiy, M.N. (1929b) Lenin i vneshnyaya politika [Lenin and Foreign Policy]. In: *Oktyabr'skaya revolyutsiya* [October Revolution]. Moscow: Izd-vo Komakademii. pp. 48–65.
30. Pokrovskiy, M.N. (1927) *Ocherki po istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii XIX i XX vv*. [Essays on the History of the Revolutionary Movement in Russia in the 19th and 20th Centuries]. 2nd ed. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
31. Pokrovskiy, M.N. (1934j) Vykhod Rossii iz voyny [Russia's Exit From the War]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 322–338.
32. Pokrovskiy, M.N. (1934k) Istoricheskoe znachenie Oktyabr'skoy revolyutsii [The Historical Significance of the October Revolution]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 339–343.
33. Pokrovskiy, M.N. (1934l) Russkie dokumenty imperialistskoy voyny [Russian Documents of the Imperialist War]. In: *Imperialistskaya voyna* [Imperialist War]. Moscow: Sotsekgiz. pp. 358–372.
34. Lenin, V.I. (1969) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 31. 5th ed. Moscow: Politizdat. pp. 48–54.
35. Pokrovskiy, M.N. (1928) "Novye" techeniya v russkoy istoricheskoy literature ["New" Trends in Russian Historical Literature]. *Istorik-marksist*. 7. pp. 3–17.
36. Tarle, E.V. (1928) K voprosu o nachale voyny [On the Outbreak of the War]. *Istorik-marksist*. 9. pp. 101–107.
37. *Istorik-marksist*. (1928) Otvet redaktsii "Istorik-marksist" [Istorik-marksist Editorial Response]. 9. pp. 108–109.
38. Pokrovskiy, M.N. (1932) Po povodu nekotoroy putanitsy [On Some Confusion]. *Istorik-marksist*. 1–2. pp. 13–25.
39. Budkevich, S. et al. (1934) *Dvadtsatiletie imperialisticheskoy voyny 1914–1918 (tezisy)* [The Twentieth Anniversary of the Imperialist War of 1914–1918 (Theses)]. Moscow; Leningrad: Gos. sots.-ek. izd-vo.
40. Erukhimovich, I. (ed.) (1934) Z*agovor protiv mira. Kak byla razvyazana imperialisticheskaya voyna v 1914 g. Fakty i dokumenty* [Conspiracy Against the World. How the Imperialist War in 1914 Was Unleashed. Facts and Documents]. Moscow: Izd. i tip. gaz. "Pravda".
41. Stalin, I.V., Zhdanov, A.A. & Kirov, S.M. (1936) Zamechaniya po povodu konspekta uchebnika po istorii SSSR [Comments on the Abstract of a Textbook on the History of the USSR]. *Istorik-marksist*. 1. pp. 5–6.
42. Commission of the Central Committee of the CPSU (b). (1938) *Istoriya VKP(b). Kratkiy kurs* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Short Course]. Moscow: Izd-vo TsK VKP(b) "Pravda".

Received: 12 August 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 195–204. DOI: 10.17223/15617793/453/24

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

К.Э. Безукладников, Б.А. Крузе, А.В. Назарова

ОБУЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА НА ОСНОВЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Исследование проведено в рамках Конкурса научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов – партнеров ПГГПУ и МГПИ.

Анализируется проблема обучения иноязычной монологической речи с точки зрения междисциплинарности. Такой анализ позволил прийти к пониманию интеграции: как цели, направленной на формирование компетенций; как процесса, который обладает своей логико-содержательной структурой; как принципа, регламентирующего характер взаимодействия объектов интеграции на информационно-содержательном, операционно-деятельностном и организационно-методическом уровнях; как результата, который воплощается в модели выпускника.

Ключевые слова: иноязычная монологическая речь; междисциплинарная интеграция; схема порождения иноязычной монологической речи; дискурс; уровневый подход; критериальный подход.

Введение

Современное высшее иноязычное образование как гибкая и диверсифицированная система повышает требования к студентам-педагогам в связи с принятием профессионального стандарта, а также интенсивным развитием науки и технологий.

Закономерна потребность в учителях иностранных языков, которые способны решать задачи модернизации на всех уровнях образования. Согласно «Национальной доктрине образования Российской Федерации» условием становления такого специалиста является единое целостное современное конкурентоспособное образование. Такое положение дел и требование достижения более высоких результатов обусловило переход к компетентностному подходу и компетенциям как интегративному новообразованию, выражающему способность применять полученные знания, сформированные умения и накопленный опыт в различных ситуациях [1–3].

Открытость высшего иноязычного образования, усложнение его социокультурной и межкультурной среды, ориентация на международные стандарты, развитие наукоемких технологий определяют сегодня «портрет» будущего учителя иностранного языка. Учителя все больше участвуют в международных проектах, форумах и семинарах, выступают на международных конференциях, подтверждают свой языковой уровень международными языковыми дипломами. Неотъемлемой составляющей их является умение в монологической форме логично и связно «формировать и формулировать мысли» [4–6] согласно заданному коммуникативному намерению.

Практика доказывает, что сложившаяся узкая дисциплинарная специализация ведет к снижению потенциала знаний, фрагментарному восприятию, отсутствию у обучающегося целостной картины мира. Вследствие чего происходит снижение уровня профессиональной компетентности. В связи с этим перспективным направлением в подготовке современных специалистов считается междисциплинарная интеграция.

Как мы знаем, иностранный язык как предмет в силу своей специфики, а именно беспредметности, беспредельности и неоднородности (И.А. Зимняя), давно выступает партнером для других дисциплин в рамках интегративного взаимодействия [1, 7, 8]. Поэтому очевидна возможность объединения потенциала дисциплин лингвистической подготовки и использования его в формировании умений иноязычной монологической речи будущих учителей иностранного языка, которые должны демонстрировать свою лингвистическую грамотность на максимально высоком уровне.

Педагогическое явление «междисциплинарная интеграция» в рамках исследования позволило уточнить понятие иноязычной монологической речи с позиций дискурсного и уровневого подходов в обучении иностранным языкам, представив ее как намеренно организованную форму устного дискурса, требующую отбора разноуровневых языковых средств для правильного и точного выражения мыслей на иностранном языке с целью необходимого воздействия на слушателей.

Под междисциплинарной интеграцией понимается актуализация межпредметных связей и взаимодействие самих объектов интеграции на уровне целеполагания, содержания и технологий обучения. Конкретно для обучения иноязычной монологической речи это означает междисциплинарный синтез лингвистических дисциплин при постановке целей обучения, выбора содержания и способов реализации самого процесса обучения. Исходя из этого, обозначены интегрируемые дисциплины и конечные результаты, возникающие при их освоении: «Практический курс иностранного языка» / «Практикум по культуре речевого общения» / «Иностранный язык»; «Практическая грамматика»; «Филологический анализ текста» / «Лингвистический анализ текста»; «Лексикология»; «Стилистика», «Страноведение»; «Лингвострановедение».

Методология исследования

Монологическая речь исследовалась многими учеными-лингвистами с позиций функциональной лингвистики и лингвистики текста (Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.В. Одинцов, Г.Я. Солганик и др.), психологами с точки зрения теории порождения речевого высказывания (Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, И.А. Зимняя, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев и др.), методистами в качестве одного из видов продуктивной речевой деятельности (В.А. Бухбиндер, Н.П. Каменецкая, В.Л. Скалкин, Г.В. Рогова, С.Ф. Шатилов и др.).

В основу нашего исследования легли положения интегративного подхода в обучении (В.С. Безрукова, М.Н. Берулава, П.Я. Гальперин, И.Д. Зверев, Ю.С. Тюнников и др.); коммуникативно-когни-тивного подхода в обучении иностранным языкам (С.С. Куклина, Р.П. Мильруд, А.В. Щепилова и др.); личностно-деятельностного подхода (Б.Г. Ананьев, И.А. Зимняя, Т.С. Серова и др.).

Идеи таких теорий, как иноязычная речевая деятельность (Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, И.А. Зимняя, А.Н. Леонтьев, и др.), культура языка и речи (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.К. Михальская, Г.Я. Солганик и др.), социокогнитивная теория дискурса (Н.Д. Арутюнова, Т.А. ван Дейк, В.С. Григорьева, С.К. Гураль, Ю.Н. Караулов, А.А. Кибрик, В. Кинч, О.А. Обдалова, И.П. Сусов, Н.И. Формановская, В.Е. Черняковская и др.), также составили теоретическую базу данной работы.

Идеи интегративного подхода позволили по-новому взглянуть на сам термин «иноязычная монологическая речь». Объединяя лингвистическую и лингводидактическую направленности, в рамках исследования данная категория получила следующее рабочее определение: иноязычная монологическая речь – это организованная форма устного дискурса, требующего отбора разноуровневых языковых средств для правильного и точного выражения мыслей на иностранном языке с целью необходимого воздействия на слушателя [9].

Лингвистическая составляющая определения, изложенная с позиции теории дискурса, подразумевает выстраивание пространства социального взаимодействия по координатам семантики, прагматики, сигматики и синтактики [10]. Лингводидактическая составляющая представлена уровневым подходом в овладении иностранных языков и отвечает за требования к оформлению конечного продукта.

Рассматривая иноязычную монологическую речь с позиции теории дискурса, логичным является обращение к его типологии с целью выявления именно тех типов, которые гармонично вписываются в монологическое речетворчество. Положения функционально-стилистического подхода [11, 12], социолингвистического подхода [13–15] к дискурсу и разграничение макроинтенций говорящего [4, 16, 17] позволяют точно обозначить конкретные единицы его практической реализации и представить их в виде сводной табл. 1.

Актуальным является и обращение к регламентирующему современную языковую политику предписанию «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком» [11].

Таблица 1

Типология иноязычной монологической речи с позиции дискурсного подхода

Параметры	Тип иноязычной монологической речи		
Социально-ролевые отношения говорящих	Институциональный		Личностно ориентированный
Стилистическая разновидность	Научный	Публицистический	Разговорный
Жанровая разновидность	Доклад, сообщение	Интервью-монолог, репортаж, публичное выступление, реклама, агитация, устная аннотация, устная рецензия	Внутренний монолог, совет, рассказ, сообщение
Макроинтенции говорящего	Информационный, аргументативный / убеждающий	Информационный, аргументативный / убеждающий, экспрессивный, императивный	Информационный, аргументативный / убеждающий, экспрессивный, императивный, социально-ритуальный / этикетный
Композиционно-речевые формы	Сообщение описание рассуждение: собственно рассуждение, доказательство, опровержение, подтверждение, обоснование, объяснение		

Согласно указанному документу выделяют три основных языковых уровня: А (А1, А2), В (В1, В2), С (С1, С2). Основными отличительными критериями для их разграничения служат и степень проявляемой самостоятельности при овладении иностранным языком, и само качество предъявляемого «языкового продукта», проявляющееся в лексико-грамматической правильности, диапазоне использования,

связности и беглости речи, во взаимодействии с собеседником [11].

Существенным для нас является тот факт, что в соответствии с языковыми уровнями распределена и большая часть лексико-грамматических единиц. Для обучения иноязычной монологической речи это означает, что при «программировании» текста на любом языковом уровне говорящий должен активно использовать ту лексику и те грамматические структуры, которые соответствуют заявленным уровням. Приведем пример из немецкого языка.

Список слов уровня B2: der Durchschnitt, die Angabe, der Fort-schritt, die Geburtenzahl, die Abwechslung, betragen, verstecken, erfassen, entsprechen, bewerten, ordnungsgemäß, unterhaltsam, außergewöhnlich, zusätzlich и т.д. Грамматические структуры уровня B2: Passiv, Passivversatzformen, Partizipien als Adjektive, erweiterte Partizipien, Nomen-Verb-Verbindungen, werden in Zukunfts-, Absichts- und Vermutungsbedeutung, alle Arten den Angaben (Lokalangaben, Temporalangaben usw.) и т.д. [12].

Таким образом, можно прийти к выводу, что при подготовке иноязычной монологической речи говорящему необходимо четко осознавать, в рамках какого стиля и жанра он «работает», чтобы уметь грамотно выстраивать информационную и эмоциональную программу своего высказывания, верно подбирать для этого композиционно-речевую форму, которая бы однозначно соответствовала заявленному коммуникативному намерению, планируемому типу речевого действия, и точно выбирать языковой материал, соответствующий требуемому языковому уровню.

Интеграция, обладая большим потенциалом, позволяет основательно усилить и оптимизировать образовательный процесс. Понимание проблемы обучения иноязычной монологической речи как междисциплинарной позволило прийти к рассмотрению интеграции как цели (формирование компетенций), процесса (регламентирует характер взаимодействия объектов интеграции на информационно-содержательном, операционно-деятельностном и организационно-методическом уровнях), принципа (регламентирует характер взаимодействия объектов интеграции на информационно-содержательном, операционно-деятельностном и организационно-методическом уровнях), результата (модель выпускника). Вследствие чего междисциплинарная интеграция понимается как актуализация межпредметных связей и взаимодействие самих объектов интеграции на уровне целеполагания, содержания и технологий обучения. Конкретно для обучения иноязычной монологической речи это означает междисциплинарный синтез лингвистических дисциплин при постановке целей обучения, выбора содержания и способов реализации самого процесса обучения [6].

Опытное обучение и его результаты

Опытное обучение, цель которого состояла в разработке и экспериментальной апробации методики обучения иноязычной монологической речи на основе междисциплинарной интеграции, проводилось на базе Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета по направлению «Педагогическое образование».

Для достижения цели проведены разведывательный этап исследования и само опытное обучение.

Задачи разведывательного этапа заключались в том, чтобы:

– отобрать содержание практико-ориентированных и теоретико-лингвистических дисциплин, вступающих в интегративное взаимодействие при обучении иноязычной монологической речи;

– апробировать основные технологии обучения на интегрируемых дисциплинах, проверить эффективность отдельных стратегий и тактик иноязычной монологической речи, включить в процесс обучения некоторые виды упражнений и заданий, которые направлены на развитие умений иноязычной монологической речи на интегративной основе, внедрить в практику элементы оценочных средств.

Разведывательный этап реализован на практических занятиях по иностранному языку, на лекциях и семинарах по теоретико-лингвистическим дисциплинам посредством наблюдения, бесед, качественного анализа продуктов иноязычной монологической речи.

Во время разведывательного этапа проводились беседы, интервьюирование студентов факультета иностранных языков, осуществлялось наблюдение за их работой по подготовке иноязычного монологического высказывания. В результате установлено, что студенты бакалавриата испытывают ряд трудностей при осуществлении иноязычной монологической речи. Их речь не отличается лексическим разнообразием, наблюдаются ошибки при встраивании структурно-композиционной формы высказывания и его стилистическом оформлении, допускаются неточности в выборе социальных регистров, нарушается план содержания. Анализ часто встречаемых ошибок позволил выявить область их происхождения: практическая грамматика, лексикология, стилистика текста, лингвистика текста. Все они представляют разделы лингвистических дисциплин, которыми студенты овладевают в течение всего периода обучения в бакалавриате. В связи с этим логичным представилось целенаправленно объединить и использовать достижения и потенциал теоретико-лингвистических дисциплин при формировании умений иноязычной монологической речи.

Педагогическая интеграция выдвигает ряд требований к организации учебного процесса. Одним из них является наличие системообразующей идеи, ради которой запускаются все интегративные механизмы, и наличие объектов интеграции. В рамках нашего исследования такой идеей выступает положение о развитии полилингвальной и поликультурной личности как рефлексирующего субъекта межкультурного взаимодействия.

Статус объекта интеграции при обучении иноязычной монологической речи получают сами дисциплины и их содержание. Роль «целеполагающих дисциплин» (инициаторы междисциплинарного взаимодействия) выполняли все практические языковые предметы. «Ресурсные дисциплины» (материал меж-

дисциплинарного взаимодействия) закрепились за остальными предметами, с помощью которых студенты дополнительно изучали мир языковых явлений и закономерностей (табл. 2) [6]. При этом важно отметить, что установление зависимых отношений между дисциплинами и обеспечение тем самым движения информации происходило за счет преднамеренно созданных связей горизонтального типа для сопутствующих дисциплин одного года обучения и вертикального типа связи для «перспективных» дисциплин, которые согласно учебному плану стояли на последующих годах обучения.

Таблица 2

Объекты междисциплинарной интеграции (интегрируемые дисциплины. Их содержание и задачи)

Целеполагающие дисциплины / содержание, цели и задачи	Ресурсные дисциплины / содержание, цели и задачи
1-й семестр	
Практический курс иностранного языка Студент умеет устно высказываться, как и на исходном языке, с использованием норм лексики, грамматики и фонетики, используя при необходимости социокультурный материал, в соответствии с коммуникативной задачей; уметь логично и целостно оформлять устное высказывание. Содержание: «Я и мое окружение» (Ich und meine Umgebung); «Mein Studium» (Моя учеба в вузе)	Дополнительные языковые дисциплины отсутствуют согласно учебному плану
2-й семестр	
Практический курс иностранного языка См. 1-й семестр. Содержание: «Люди сегодня» (Leute heute); «Мир жилья» (Wohnwelten); «Приятного аппетита!» (Mahlzeit!)	**Практическая грамматика** Студент умеет оперировать полученными знаниями элементов грамматики. Содержание: Глагол. Система временных форм немецкого языка. Абсолютное употребление временных форм. Относительное употребление временных форм. Многозначность и синонимия временных форм. Образование и употребление императива. Модальные значения футурума I и II. Предлоги. Функции предлогов. Употребление предлогов, управление. Устойчивые предложные сочетания
3-й семестр	
Практический курс иностранного языка См. 1-й семестр. Содержание: «Немецкий язык – иностранный язык» (Deutsch als Fremdsprache); «Мой путь в изучении иностранных языков» (Mein Weg beim Fremdprachenlernen); Межкультурная учеба (Interkulturelles Studium)	**Практическая грамматика** См. 2-й семестр Содержание: Категория залога (актив и пассив). Пассив действия, его значение, образование и употребление. Двухчленная пассивная конструкция. Трехчленная пассивная конструкция. Одночленная пассивная конструкция. Употребление пассива действия в побудительных предложениях. Образование и употребление инфинитива пассива. Перевод пассивных конструкций на русский язык. Заместители пассива. Пассив состояния (статив). Употребление причастия 1 с частицей «zu». Субстантивация, адъективация и адвербиализация причастий. Инфинитив 1 и 2. Их значение. Глагольные и именные формы инфинитива, его морфологическая и синтаксическая функции, употребление инфинитива с «zu» и без «zu». Субстантивация инфинитива
4-й семестр	
Практический курс иностранного языка См. 1-й семестр. Содержание: «Отпуск и путешествия» (Urlaub und Reisen); «Новенькое в Кельне» (Neu in Köln); «Отсюда туда – оттуда сюда» (Von hier nach dort – von dort nach hier)	Дополнительные языковые дисциплины отсутствуют согласно учебному плану
5-й семестр	
Практический курс иностранного языка См. 1-й семестр. Содержание: «СМИ вчера, сегодня завтра» (Massenmedien gestern, heute, morgen); «Мир Интернета» (Internetwelt); Учеба в Германии (Hochschulwesen in Deutschland)	**Филологический анализ текста / лингвистический анализ текста** Студент умеет строить текст согласно структурно-композиционным особенностям его типа и жанра. Содержание «Филологического анализа текста»: Текст: структура, основные свойства, категории. Содержание «Лингвистического анализа текста»: Связность и членимость текста
6-й семестр	
Практический курс иностранного языка См. 1-й семестр. Содержание: «Час´“Ч” для Германии» (Stunde Null für Deutschland); «Разделенная Германия» (Getrenntes Deutschland); «Мы один народ» (Wir sind ein Folk)	**Лексикология** Студент умеет распознавать и применять лексические единицы с национально-культурной семантикой, а также лексические единицы, принадлежащие к различным регистрам речи, в ситуациях межкультурного общения. Содержание: Фразеология. Текстообразующие функции лексических единиц

Целеполагающие дисциплины / содержание, цели и задачи	Ресурсные дисциплины / содержание, цели и задачи
7-й семестр	
Практикум по культуре речевого общения См. 1-й семестр. Содержание: «Новые формы совместного проживания в Германии» (Neue Lebensformen in Deutschland); «Немецкая семья в историческом развитии» (Deutsch Familie im Wandel der Zeit); «Демографические проблемы Германии» (Demografische Probleme Deutschlands)	**Стилистика** Студент умеет оперировать лексическими единицами с национально-культурной семантикой. Языковые особенности социальных слоев, представителей разных поколений, полов, общественных групп, диалектов а также экстралингвистические средства общения. Содержание: Функциональные стили современного немецкого языка. Стилистические ресурсы морфологии и синтаксиса. Средства словесной образности. **Страноведение** Студент умеет оперировать знаниями, касающимися исторических, географических, экономических, политических реалий стран изучаемого языка, в устной иноязычной речи, а также находить сходства и различия между фактами культуры (традициями, ценностями, образом жизни) своей страны и стран изучаемого языка. Содержание: «Старая добрая Германия» (Altes gutes Deutschland); «Германия в XXI век» (Deutschland im 21. Jahrhundert); «Быт» (Alltagsleben)
8-й семестр	
Иностранный язык См. 1-й семестр. Содержание: «Предрассудки и стереотипы» (Vorurteile und Stereotypen); «Что значит типично немецкий?» (Was ist das typisch deutsch); «Немцы глазами иностранцев и своими глазами» (Deutsche durch andere und eigene Augen)	**Лингвострановедение** Студент умеет анализировать и оперировать единицами языка с национально-культурного смыслом. Содержание: Безэквивалентная лексика. Невербальные средства общения. Фразеология

Понимание междисциплинарной интеграции как принципа позволило нам скорректировать технологическую сторону учебного процесса по обучению иноязычной монологической речи, которая напрямую коснулась методов и форм проведения занятий, режима работы и средств обучения. Выбор технологий проводился на основе принципов:

– универсальности. Хороший потенциал для практической реализации. Технология может применяться на всех или практически на всех предметах. Позволяет охватить большой спектр учебных задач;

– трансферности. Возможность переноса полученного языкового опыта из одной дисциплины в другую;

– «обратного целеполагания». Организация системы подготовительных упражнений и заданий, которые подводят к итоговому заданию [18–20]. В нашем случае это иноязычная монологическая речь;

– диалогичности. В результате возникшей совместной деятельности обеспечивается персональная направленность, равенство субъектов взаимодействия, принятие точек зрения каждого участника [21, 22];

– учета психолого-педагогических особенностей студентов бакалавриата.

Руководствуясь данными принципами, были выделены технологии, оптимальное сочетание которых позволяет эффективно выстроить обучение как на практико-ориентированных языковых дисциплинах, так и на теоретико-филологических (рис. 1). Следует отметить, что все выбранные технологии носят личностно ориентированный характер [23, 24].

Рис. 1. Технологии обучения иноязычной монологической речи на основе междисциплинарной интеграции

Исходя из плана содержания учебного процесса, подключения ресурсных дисциплин, а также из того факта, что монолог часто выступает в форме контроля на самом занятии, что облегчает отслеживание текущего положения дел, определены четыре контрольные точки срезов. Их формой проведения выбрано собеседование по пройденным темам в рамках семестрового экзамена (табл. 3).

Таблица 3

Контрольные точки срезов

№ среза	Семестр, дисциплины
1	Начало 1-го семестра Практического курса иностранного языка
2	Окончание 2-го семестра Практического курса иностранного языка (после прохождения первой ресурсной дисциплины «Практическая грамматика»)
3	Окончание 5-го семестра Практического курса иностранного языка (после прохождения дисциплин «Практическая грамматика», «Филологический анализ текста» / «Лингвистический анализ текста»)
4	Окончание 8-го семестра «Иностранный язык» (после прохождения всех ресурсных дисциплин)

В основу оценивания иноязычной монологической речи был положен критериальный подход. Благодаря ему становится возможным оценить данный вид речевой деятельности не только с традиционных позиций содержательности и лексико-грамматической правильности, но и включить в него такие элементы, как соответствие характера высказывания поставленной задаче, структурированность, связность текста, фонетическое оформление высказывания. В связи с этим стало очевидно, что привычная пятибалльная система не справляется с данным количеством критериев оценивания. Поэтому было принято решение расширить диапазон до 100 баллов.

Исходя из того, что обучающиеся – это будущие учителя иностранного языка, которым необходимо в первую очередь правильно и точно осуществлять иноязычную монологическую речь, и принимая во внимание объективную неравнозначность степени сложности и важности предлагаемых критериев, мы пришли к вводу, что необходимо по-разному распределять баллы между критериями. Так, наибольшее количество баллов отдано языковому оформлению иноязычного монологического высказывания (грамматическое, лексическое и фонетическое оформления), критерию, отвечающему за информативность – плану содержания (табл. 4) [25, 26].

Таблица 4

Оценочный лист умений иноязычной монологической речи

Критерии	Баллы				
Выполнение коммуникативной задачи: соответствие характера высказывания поставленной задаче (рассказать, описать, убедить, обсудить, одобрить, аргументировать, агитировать и т.д.)	16	12	8	4	0
План содержания: информативность высказывания и его объем	16	12	8	4	0
Структурированность текста: целостность, завершенность. Наличие вступления, основной части и заключения	8	6	4	2	0
Связность текста: связь между смысловыми фрагментами, связь между предложениями и частями предложений. Использование для этого вводных конструкций, союзов, частиц	12	9	6	3	0
Лексическое оформление: разнообразие словаря, правильное употребление слов (лексическая сочетаемость)	16	12	8	4	0
Грамматическое оформление: разнообразие грамматических структур, их правильное использование (морфология, синтаксис)	16	12	8	4	0
Фонетическое оформление: произношение, ритмико-интонационный рисунок высказывания, темп	16	12	8	4	0
Итого:	«5»	«4»	«3»	«2»	–
	(максимально 100 баллов)				

Важно указать, что при выполнении коммуникативного задания на 0 баллов остальные критерии также приравниваются к 0.

Перевод полученных баллов возможен и на привычную пятибалльную систему:

– «5» (отлично): 100–88 баллов;

– «4» (хорошо): 87–75 баллов;

– «3» (удовлетворительно): 74–51 баллов;

– «2» (неудовлетворительно): менее 50 баллов.

Для доказательства достоверности сформированности умений иноязычной монологической речи на интегративной основе и их динамики во время обучения в бакалавриате был использован парный t-критерий Стьюдента (табл. 5).

Таблица 5

Результаты контрольных срезов в отдельности и по суммарному количеству баллов (используя парный t-критерий Стьюдента)

Критерии оценивания	Среднее значение			
	1-й контр. срез	2-й контр. срез	3-й контр. срез	4-й контр. срез
Коммуникативное задание	12,1	14,6	16	16
План содержания	8,3	11,7	13,7	14
Структурированность	5	7,1	7,6	7,9
Связность текста	5,4	9,2	10,3	11,0
Лексическое оформление	7,4	10,8	13,4	12,7
Грамматическое оформление	6,6	9,8	14,0	14,8
Фонетическое оформление	5,4	10,9	13,7	13,7
Суммарное значение	**50,2**	**74,1**	**88,7**	**90,1**
% различий	31,07%		16,05%	2,488%
Парный t-критерий Стьюдента	13,6		6,0	2,3
Уровень значимости	p < 0,01		p < 0,01	p < 0,01

Для начала вычислено математическое ожидание полученных баллов по каждому из семи критериев и математическое ожидание суммарного значения (по всем критериям) для каждого среза соответственно:

$$M[X] = \frac{1}{14}\sum_{i=1}^{14} X_i.$$

Затем определен процент различий средних по формуле: (1 – M [X1] / M [X2]) × 100%, где X1 – выборка по результатам первого среза, X2 – по результатам второго. Однако данный показатель свидетельствует лишь о наличии величины средних изменений в результатах, но не доказывает их статистическую значимость. Для доказательства статистической значимости различий использован парный t-критерий Стьюдента для зависимых выборок (так как одни и те же студенты выполняли задания по срезам).

Результаты первого контрольного среза оказались очень низкими. Отсутствие высоких баллов и наличие результатов ниже среднего также свидетельствуют о том, что у студентов первого семестра еще плохо развиты умения иноязычной монологической речи. Важным будет отметить, что наименьшие баллы набраны в категориях связности текста, его лексического, грамматического и фонетического оформления. Анализ устных ответов позволил выделить характерные ошибки студентов: частое употребление прямого порядка слов, неверный порядок слов в сложноподчиненных и сложносочиненных предложениях, повторяющиеся грамматические конструкции (das ist/sind; es gibt, ich habe и т.д.), небогатый набор союзов и союзных слов, отсутствие слов-связок, вводных конструкций, употребление простых слов и выражений, ошибки в их лексической сочетаемости, неправильное оформление ритмико-интонационного рисунка, ошибки в постановке ударения в сложных словах, отсутствие произношения. В связи с полученными результатами в 1-м семестре в дисциплину «Практический курс иностранного языка» были интегрированы материалы вводно-коррекционных курсов по практической фонетике и практической грамматике. Во втором семестре в качестве самостоятельной дисциплины добавился предмет «Практическая грамматика». Таким образом, основной акцент сделан на лексическое, грамматическое и фонетическое оформление иноязычной монологической речи.

Второй контрольный срез организован по окончании второго семестра. Он показал положительную динамику в формировании умений иноязычной монологической речи у студентов бакалавриата. Увеличилось количество студентов, которые достигли хороших результатов. Появились обучающиеся, которые смогли набрать достаточно высокие баллы и продемонстрировать хорошее владение немецким языком. Сравнение первого и второго среза собеседований показали, что произошли качественные изменения как в содержательном, так и в языковом планах высказываний. Студенты стали более активно использовать обратный порядок слов, разнообразные грамматические структуры (пассивный залог, управление глаголов, инфинитивные конструкции, употребление местоимения man), включать в свои тексты новую, изученную на занятиях лексику. Заметный сдвиг произошел и в развитии произносительных навыков. Студенты стали лучше «звучать». Их произношение стало приближаться к нормам изучаемого языка.

Третий контрольный срез проводился в 5-м семестре после дисциплин «Практическая грамматика», «Филологический анализ текста» / «Лингвистический анализ текста». Их назначение определялось нами как наработка лингвистического опыта выступлений с докладами и сообщениями научно-публицистического характера. Упор сделан на развитие умений работать со структурно-композиционной организацией текста разной направленности (сообщение, характеристика, описание, объяснение и т.д.). Аналитическая обработка устных выступлений студентов показывает, что большинство обучающихся успешно освоили учебный материал по архитектонике текста. Это нашло отражение в умении корректно «оформлять» сам устный текст и уместно располагать его

части, учитывая характер информации. В качестве вступления студенты стали часто использовать афоризмы, крылатые слова, цитаты великих людей, прием номинализации. Учитывая особенности композиций типов текстов, выстраивалась основная часть их выступления, которая отвечала за информативность речи и представляла собой перечисление аргументов, характеристик, основных положений. В конце выступления обучающиеся не забывали подводить итог сказанному. Таким образом, им гармонично удавалось соблюсти основные правила структурирования иноязычной монологической речи.

Четвертый контрольный срез опытного обучения был проведен в 8-м семестре. Он показывает незначительные изменения диагностируемых показателей, что связано с достижением практического оптимума еще в 3-м срезе по таким критериям, как коммуникативное задание, план содержания, структурированность текста. Положительная динамика прослеживается в языковом оформлении: связность текста, лексическое и грамматические оформления. Обучающиеся используют элементы разговорной речи (употребление частиц, фразеологизмов, устойчивых словосочетаний), стилистические фигуры и тропы (инверсия, повтор, градация, риторический вопрос, параллелизм, метафора, ирония, гипербола и т.д.), что придает их тексту бóльшую выразительность, сознательно включают более сложные грамматические явления (двойные союзы, второе значение модальных глаголов, распространенные прилагательные и т.д.), точнее оформляют ритмико-интонационный рисунок монологического высказывания.

Итоговые значения и практические наблюдения позволяют говорить о достижении студентами лингвистической грамотности при построении иноязычной монологической речи.

Заключение

Установки общественно-политических, экономических, социокультурных и межличностных отношений определяют характер преобразований как во всей системе российского образования, так и в системе высшего иноязычного образования. Изменяются подходы, содержание и методы преподавания иностранным языкам, повышаются требования к выпускникам как будущим педагогическим кадрам. Нормой становятся выступления на международных форумах и семинарах. Эта деятельность требует от учителя иностранного языка умения содержательно, логично и правильно выражать свои мысли, чувства и оценки, т.е. осуществлять иноязычную речь в монологической форме.

Являясь самой часто встречающейся формой речевого контроля в стенах вузах, обучение иноязычной монологической речи необходимо организовывать по принципам преемственности, последовательности и целостности. Обучение иноязычной монологической речи требует сегодня синтеза ресурсов не только практико-ориентированных, но и теоретико-лингвистических дисциплин. Междисциплинарная интеграция в системе высшего российского иноязычного образования способствует эффективному и оптимальному выстраиванию всего учебного процесса, что положительно сказывается как на общем росте уровня профессиональной компетентности будущего учителя иностранного языка, так и на его лингвистической грамотности в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке : пособие для учителей средней школы. М. : Просвещение, 1987. 160 с.
2. Bezukladnikov K., Kruze B., Zhigalev B. Training a Pre-service Foreign Language Teacher Within the Linguo-Informational Educational Environment // Going Global through Social Sciences and Humanities: A Systems and ICT Perspective (GGSSH 2019). Advances in Intelligent Systems and Computing / eds. Z. Anikina. Cham : Springer, 2019. (Series vol. 907).
3. Bezukladnikov K.E., Novoselov M.N., Kruze B.A. The International Teachers Foreign Language Professional Communicative Competency Development // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 154. P. 329–332.
4. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная технология в обучении иноязычной межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2018. № 44. С. 279–305.
5. Обдалова О.А., Харапудченко О.В. Экскурсионный научно-академический дискурс и его жанровые особенности // Язык и культура. 2018. № 43. С. 88–113.
6. Обдалова О.А., Харапудченко О.В. Когнитивно-прагматические и лингвостилистические характеристики англоязычного устного научно-академического дискурса // Язык и культура. 2019. № 46. С. 102–125.
7. Kecskes I., Obdalova O.A., Minakova L.Yu., Soboleva A.V. Study of the Perception of Situation-Bound Utterances as Culture-Specific Pragmatic Units by Russian Learners of English // System. 2018. Vol. 76, August. P. 219–232. DOI 10.1016/j.system.2018.06.002.
8. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю. Роль тематически-обусловленной лексики в обучении студентов бакалавриата естественнонаучных направлений профессионально ориентированному дискурсу // Интегрированное обучение иностранным языкам и профессиональным дисциплинам. Опыт российских вузов / под ред. Л.П. Халяпиной. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 321–349.
9. Жигалев Б.А., Безукладников К.Э., Крузе Б.А. Технологии критериального оценивания и рефлексии как способ повышения мотивации при овладении иностранным языком в школе и вузе // Язык и культура. 2017. № 37. С. 153–166.
10. Безукладников К.Э., Новоселов М.Н., Крузе Б.А. Особенности формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции будущего учителя иностранного языка // Язык и культура. 2017. № 38. С. 152–170.
11. Безукладников К.Э., Жигалев Б.А., Прохорова А.А., Крузе Б.А. Особенности формирования мультилингвальной образовательной политики в условиях нелингвистического вуза // Язык и культура. 2018. № 42. С. 163–180.
12. Безукладников К.Э., Крузе Б.А., Жигалев Б.А., Сорокоумова С.Н., Егорова П.А. Психологическая безопасность в школьном и вузовском лингвистическом образовании // Язык и культура. 2018. № 44. С. 134–152.
13. Bezukladnikov K.E., Kruze B.A. Modern Education Technologies For Pre-Service Foreign Language Teachers // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 200. С. 393–397.
14. Безукладников К.Э., Крузе Б.А., Вахрушева О.В. Обучение иностранному языку курсантов военного вуза в условиях самоорганизации // Язык и культура. 2018. № 41. С. 217–240.

15. Жигалев Б.А., Безукладников К.Э., Крузе Б.А. Вариативность ассимилятивных процессов в текстах с различной стилистической окраской // Язык и культура. 2018. № 41. С. 72–86.
16. Безукладников К.Э., Назарова А.В. Обучение иноязычной монологической речи на интегративной основе // Язык и культура. 2017. № 39. С 135–153
17. Аликина Е.В. Концепция обучения устной переводческой деятельности в системе высшего лингвистического образования на основе интегративного подхода : автореф. дис. … д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2017. 45 с.
18. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2007. 288 с.
19. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
20. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М. : Высш. шк., 1990. 271 с.
21. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров. М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 37–64.
22. Gemeinsamer Europäischer Referenzrahmen für Sprachen (GER). URL: http://www.europaeischer-referenzrahmen.de/sprachniveau.php (дата обращения: 28.08.2019).
23. Profile Deutsch / M. Glaboniat, M. Müller, P. Rusch. Berlin ; München : Langenscheidt KG, 2005. 240 s.
24. Deutsch Lehren Lernen 1: Lehrkompetenz und Unterrichtsgestaltung / M. Schart, M. Legutke. München : Klett-Langenscheidt, 2012. 199 s.
25. Deutsch Lehren Lernen 4: Aufgaben, Übungen, Interaktion / H. Funk, Ch. Kuhn, D. Skiba, D. Spaniel-Weise. München : Klett-Langenscheidt, 2014. 184 s.
26. Deutsch Lehren Lernen 2: Wie lernt man die Fremdsprache Deutsch? / S. Ballweg, S. Drumm, B. Hufeisen. München : Klett-Langenscheidt, 2013. 197 s.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 10 марта 2020 г.

Teaching Foreign Monologic Speech to Pedagogical University Undergraduate Students on the Basis of Interdisciplinary Integration

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 195–204.
DOI: 10.17223/15617793/453/24

Konstantin E. Bezukladnikov, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: konstantin.bezukladnikov@gmail.com
Boris A. Kruze, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: bkruze@gmail.com
Anastasiya V Nazarova, Perm Military Institute of National Guard Troops (Perm, Russian Federation). E-mail: nachim18@rambler.ru

Keywords: foreign language monologue; pedagogical integration; integrative framework; interdisciplinary integration; discourse-level approach; criteria-based approach.

This article draws out the implications for “pedagogical education” of foreign language teachers’ bringing about the opportunity to shape a more effective educational process. According to the national doctrine of education of the Russian Federation until 2025, the condition for the formation of a new type of specialist requires new outcomes and approaches to education, specifically, a competence approach and competencies as a personal integrative new formation, expressing one’s ability to apply the acquired knowledge, formed skills and experience in the authentic, language- and culture-driven and contextualized realm of practical activity. The current situation is characterized by a narrow disciplinary specialization which leads to a decrease in the potential of knowledge, fragmentary perception, and lack of a complete picture of the world in the student. Thus, the authors specify a huge problem in future foreign language teachers’ education and address this challenging situation by means of an interdisciplinary integration considered as a promising method in the training of modern TEFL specialists. Firstly, the authors describe in detail the pedagogical phenomenon of “interdisciplinary integration” and regard it from the standpoint of discourse, level approaches in mastering foreign language monologue. Secondly, a deliberately organized framework based on oral discourse, selected multi-level linguistic means for the correct and accurate expression of thoughts in a foreign language in order to have the necessary impact on the audience is presented. On the basis of the discursive approach, the classification of types of foreign language monologue is given which draws on such criteria as speakers’ social-and-role relations, the speakers’ micro intention, the stylistic and genre variety, the composition-speech form. Importantly, integration is regarded as the actualization of interdisciplinary connections and interaction of the objects of integration at the level of goal-setting, content, and technology of education. Specifically for teaching foreign language monologue speech, an interdisciplinary synthesis of linguistic disciplines and practical subjects at the levels of setting learning goals, choosing the content and methods of the learning process implementation is considered. The focus has been done on the integration of the following disciplines: “Practical Course of a Foreign Language”, “Practicum in the Culture of Verbal Communication”, “Foreign Language”, “Practical Grammar”, “Philological Analysis of the Text”, “Linguistic Analysis of the Text”, “Lexicology”, “Stylistics”, “Country Studies”, “Culture-Oriented Linguistics”. Thirdly, this article describes the technological side of the educational process. Technologies were selected on the basis of the principles of universality, transference, “reverse goal-setting”, dialogicity. Guided by person-oriented technologies, the authors suggest an optimal combination of educational technologies: project-based technology, technology of critical thinking, theater pedagogy, problem-based learning, critical assessment, information and communication technologies. Finally, the results of the conducted experimental training on the basis of Perm State Humanitarian Pedagogical University are presented.

REFERENCES

1. Zimnyaya, I.A. (1987) *Psikhologicheskie aspekty obucheniya govoreniyu na inostrannom yazyke* [Psychological Aspects of Teaching Foreign-Language Speaking]. Moscow: Prosveshchenie.
2. Bezukladnikov, K., Kruze, B. & Zhigalev, B. (2019) Training a Pre-service Foreign Language Teacher Within the Linguo-Informational Educational Environment. In: Anikina, Z. (ed.) *Going Global through Social Sciences and Humanities: A Systems and ICT Perspective (GGSSH 2019)*. Advances in Intelligent Systems and Computing. 907. Cham: Springer.
3. Bezukladnikov, K.E., Novoselov, M.N. & Kruze, B.A. (2014) The International Teachers Foreign Language Professional Communicative Competency Development. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 329–332.

4. Obdalova, O.A. (2018) Cognitive-Discursive Technology in Teaching Foreign Language Intercultural Communication. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 44. pp. 279–305. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/44/18
5. Obdalova, O.A. & Kharapudchenko, O.V. (2018) Excursion Scientific Academic Discourse and Its Genre Characteristics. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 43. pp. 88–113. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/43/6
6. Obdalova, O.A. & Kharapudchenko, O.V. (2019) Cognitive Pragmatic and Linguistic Characteristics of English Scientific Academic Discourse. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 46. pp. 102–125. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/46/6
7. Kecskes, I., Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu. & Soboleva, A.V. (2018) Study of the Perception of Situation-Bound Utterances as Culture-Specific Pragmatic Units by Russian Learners of English. *System*. 76. August. pp. 219–232. DOI 10.1016/j.system.2018.06.002
8. Obdalova, O.A. & Minakova, L.Yu. (2018) Rol' tematicheski-obuslovlennoy leksiki v obuchenii studentov bakalavriata estestvennonauchnykh napravleniy professional'no orientirovannomu diskursu [The Role of Subject-Specific Vocabulary in Teaching Undergraduate Science Students to Professionally Oriented Discourse]. In: Khalyapina, L.P. (ed.) *Integrirovannoe obuchenie inostrannym yazykam i professional'nym distsiplinam. Opyt rossiyskikh vuzov* [Integrated Teaching of Foreign Languages and Professional Disciplines. Experience of Russian Universities]. St. Petersburg: Polytechnic University. pp. 321–349.
9. Zhigalev, B.A., Bezukladnikov, K.E. & Kruze, B.A. (2017) Criteria Related Assessment and Reflection as a Way to Increase Motivation for Foreign Language Acquisition in School and University. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 37. pp. 153–166. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/37/11
10. Bezukladnikov, K.E., Novoselov, M.N. & Kruze, B.A. (2017) Peculiarities of Pre-Service Foreign Language Teachers' Professional Communicative Competency Development. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 38. C. 152–170. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/38/11
11. Bezukladnikov, K.E., Zhigalev, B.A., Prokhorova, A.A. & Kruze, B.A. (2018) Pecularities of Multilingual Education Policy Formation in the Context of Non-Linguistic University. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 42. pp. 163–180. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/42/10
12. Bezukladnikov, K.E., Kruze, B.A., Zhigalev, B.A., Sorokoumova, S.N. & Egorova, P.A. (2018) Psychological Safety in the School and University Linguistic Education. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 44. pp. 134–152. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/44/9
13. Bezukladnikov, K.E. & Kruze, B.A. (2015) Modern Education Technologies For Pre-Service Foreign Language Teachers. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 200. pp. 393–397.
14. Bezukladnikov, K.E., Kruze, B.A. & Vakhrusheva, O.V. (2018) Cadets' Foreign Language Teaching: The Context of Self-Organization. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 41. pp. 217–240. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/41/14
15. Zhigalev, B.A., Bezukladnikov, K.E. & Kruze, B.A. (2018) The Variability of Assimilative Processes in Texts With Different Stylistic Coloring. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 41. pp. 72–86. DOI: 10.17223/19996195/41/5
16. Bezukladnikov, K.E. & Nazarova, A.V. (2017) Foreign Monologue Teaching: An Integrated Basis. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 39. pp. 135–153. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/39/9
17. Alikina, E.V. (2017) *Kontseptsiya obucheniya ustnoy perevodcheskoy deyatel'nosti v sisteme vysshego lingvisticheskogo obrazovaniya na osnove integrativnogo podkhoda* [The Concept of Teaching Oral Translation Activities in the System of Higher Linguistic Education Based on an Integrative Approach]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Nizhny Novgorod.
18. Grigor'eva, V.S. (2007) *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Discourse as an Element of the Communicative Process: Pragmalinguistic and Cognitive Aspects]. Tambov: Tambov State Technical University.
19. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
20. Brandes, M.P. (1990) *Stilistika nemetskogo yazyka* [Stylistics of the German Language]. Moscow: Vyssh. shk.
21. Karasik, V.I. (2000) Etnokul'turnye tipy institutsional'nogo diskursa [Ethnocultural Types of Institutional Discourse]. In: Troshina, N.N. (ed.) *Etnokul'turnaya spetsifika rechevoy deyatel'nosti: sb. obzorov* [Ethnocultural Specificity of Speech Activity: Reviews]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences, RAS. pp. 37–64.
22. *Gemeinsamer Europäischer Referenzrahmen für Sprachen (GER)*. [Online] Available from: http://www.europaeischer-referenzrahmen.de/sprachniveau.php. (Accessed: 28.08.2019).
23. Glaboniat, M., Müller, M. & Rusch, P. (2005) *Profile Deutsch.* Berlin; München: Langenscheidt KG.
24. Schart, M. & Legutke, M. (2012) *Deutsch Lehren Lernen 1: Lehrkompetenz und Unterrichtsgestaltung.* München: Klett-Langenscheidt.
25. Funk, H., Kuhn, Ch., Skiba, F. & Spaniel-Weise, D. (2014) *Deutsch Lehren Lernen 4: Aufgaben, Übungen, Interaktion.* München: Klett-Langenscheidt.
26. Ballweg, S., Drumm, S. & Hufeisen, B. (2013) *Deutsch Lehren Lernen 2: Wie lernt man die Fremdsprache Deutsch*? München: Klett-Langenscheidt.

Received: 10 March 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 205–214. DOI: 10.17223/15617793/453/25

УДК 378.4: 811.111

О.А. Обдалова, О.В. Харапудченко

НАУЧНО-ПРОЕКТНЫЙ КОВОРКИНГ В ОБУЧЕНИИ УСТНОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ДИСКУРСУ СТУДЕНТОВ МАГИСТРАТУРЫ

Рассмотрено понятие «коворкинг» и его применение в сфере экономики и педагогики. Описан научно-проектный коворкинг как лингводидактическая среда и как технология обучения иноязычному научно-академическому дискурсу студентов магистратуры. Выявлены характеристики образовательного коворкинга. Определены цель, задачи, содержание и принципы технологии коворкинга. Описана методика реализации научно-проектного коворкинга.

Ключевые слова: научно-проектный коворкинг; иноязычный научно-академический дискурс; контекстно обусловленная лингводидактическая среда; технология коворкинга.

Введение

В современных образовательных условиях кардинальным образом меняется образовательная среда. Качественные изменения касаются не только результатов обучения, но и способов организации самой образовательной среды, выступающей условием эффективности обучения [1, 2]. О.А. Обдалова отмечает, что большую роль в этом играет интеграция России в мировой рынок, развитие сотрудничества с зарубежными странами, интернационализация научного общения и увеличение сферы научного дискурса в современной коммуникации [1. С. 83]. Это неизбежно ведет к повышению роли иностранного языка в профессиональной подготовке выпускников университета на всех уровнях образования, особенно на уровне магистратуры, так как все образовательные программы магистратуры направлены на развитие способности обучающихся осуществлять профессиональную (включая научно-исследовательскую) деятельность в международной среде (ОПК-1).

Согласно Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг., одним из приоритетных направлений государственной политики выступает поддержка инноваций и инициатив педагогов, профессиональных обществ и образовательных организаций [3]. Введение федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 03.04.03 «Радиофизика» (уровень магистратуры) [4] постулирует необходимость модернизации образовательного процесса, основываясь на компетентностном подходе и приоритете научно-исследовательской деятельности. Участие Национального исследовательского Томского государственного университета в программе «5-100» повышения международной конкурентоспособности ведущих вузов Российской Федерации предполагает, что и сотрудники университета, и студенты смогут вести диалог в академической и научной сфере с представителями мирового сообщества на международном языке общения – английском.

Эти новые запросы общества на федеральном и локальном уровнях требуют от преподавателей иностранного языка использования новых форм и методов обучения магистрантов с целью развития у них уровня владения иностранным языком, позволяющим эффективно использовать его как средство достижения профессиональных целей и решения поставленных задач.

Наше внимание направлено на процесс иноязычной подготовки магистров по профилю «Радиофизика», который определен в качестве приоритетного направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации. Профессиональная иноязычная коммуникативная компетенция студентов магистратуры профиля «Радиофизика» является составляющей их профессиональной компетентности. Основной целью подготовки магистров в вузе является осуществление научно-исследовательской деятельности в межкультурном пространстве глобального научного сообщества, выполнение которой невозможно без владения иноязычным научно-академическим дискурсом, поскольку конкурентоспособность исследователя определяется не только тем, в какой мере он способен ставить и решать научные проблемы, но и тем, насколько успешно он может представить результаты исследования на родном и английском языке в академической и научной сферах деятельности.

Отметим также, что в современных условиях роль иностранного языка в профессиональном образовании обусловлена его общей направленностью на подготовку инновационных кадров, развитие таких качеств выпускника вуза, как креативность, инициативность, умение работать в команде и др., обеспечивающих способность принимать решения и адаптироваться к изменяющимся условиям профессиональной среды [5].

Актуальность данного исследования обусловливается также и тем, что в современных условиях стали востребованы педагогические инновации. XXI в. ознаменовался для системы высшего профессионального образования России рядом кардинальных изменений в связи с интеграцией в международную академическую и научную среду. В частности, иноязычная подготовка студентов инженерных профилей претерпевает большие изменения под воздействием новой образовательной парадигмы, характеризующейся усилением проблемности, контекстности [1], внедрением личностно ориентированного подхода к обучению [5–9]. Ученые и специалисты в области преподавания иностранных языков разрабатывают инновационные модели обучения [1, 2, 6, 8, 10], направленные на внедрение новой парадигмы образования [11].

Следует отметить, что в научной литературе имеется большой корпус работ, в которых применение инновационных образовательных технологий оптимально интегрируется в учебный процесс при обучении иностранному языку [1, 6, 10–15].

Поскольку образование в новом информационном (когнитивном) формате общества должно представлять собой не только средство усвоения знаний и умений, но и способ вовлечения личности в выработку новых знаний, совершенствование процессов обработки информации и коммуникативных стратегий обмена информацией, современному высшему образованию необходимы релевантные новым целям и задачам технологии организации учебного процесса [12, 13]. В этой связи особую актуальность приобретает разработка новых технологий обучения иноязычному научно-академическому дискурсу, строящихся на активных методах и формах обучения, организующих творческую самостоятельную деятельность студентов, предполагающих включение в образовательный процесс элементов проблемности, научного поиска, обеспечивающих максимальную активность обучающихся, направляя их речевую и познавательную деятельность на овладение профессиональной иноязычной коммуникативной компетенцией.

С учетом вышесказанного, целями данного исследования являются:

– анализ сущности понятий «коворкинг» и «образовательный коворкинг»;

– изучение дидактического потенциала по-новому организованной образовательной среды, выявление и описание ее специфики, проявляющейся в комплексном использовании новейших способов и средств обучения иностранному языку, влияющих на «ее структурно-функциональные особенности» [16];

– описание научно-проектного коворкинга, с одной стороны, как специальным образом организованной образовательной среды, а с другой – как технологии обучения иноязычному научно-академическому дискурсу студентов магистратуры инженерных профилей подготовки.

История появления понятия «коворкинг» и его содержание

В переводе с английского языка коворкинг (coworking) означает совместную работу. Это понятие имеет широкий спектр значений. В своем традиционном значении коворкинг – коллективный офис, оборудованный всем необходимым для работы, учебы и отдыха, который сдается в аренду разным бизнесменам-фрилансерам на срок от одного дня до несколько месяцев [17]. За счет этого участники могут экономить на арендных затратах. Как правило, коворкинг-офисы представляют собой большие помещения, оборудованные необходимой офисной инфраструктурой (Wi-Fi-интернет, принтеры, сканеры, др.), с кухней и одним или несколькими помещениями для переговоров. Но в более широком смысле коворкинг означает подход к организации труда людей с разной занятостью для общения и творческого взаимодействия в общем пространстве [17–20]. В коворкинговом пространстве большое количество людей работает над своими самостоятельными и независимыми проектами, что создает творческую атмосферу. Коворкинг-офисы популярны среди фрилансеров, переводчиков, программистов, дизайнеров, архитекторов, представителей IT- и медиаиндустрии, т.е. тех специалистов, в деятельности которых значимыми являются профессиональная независимость (свобода) и психологический комфорт.

Основные пользователи коворкинг-пространств (85%) – это представители молодого поколения от 18 до 35 лет. Молодежь предпочитает гибкий рабочий график и чаще всего ищет впечатлений от процесса работы [21].

Термин «коворкинг» впервые употребил гейм-дизайнер Бернар Ковен в 1999 г., когда организовывал тренинги для людей с целью решения их бизнес-задач методом «мозгового штурма». Эти тренинги он называл коворкингами [21, 22]. Однако история появления первых коворкинговых пространств началась только в 2005 г., когда программист из США Бред Ньюберг решил совместить офисную работу и деятельность фрилансера. Этот симбиоз он назвал «коворкинг», или совместный офис, где параллельно над новыми стартапами могут трудиться несколько небольших коллективов или отдельные фрилансеры [17]. Первый коворкинг-центр в России был открыт в 2008 г. в Екатеринбурге. Такие пространства популярны в крупных городах России, таких как Москва, Санкт-Петербург, Томск, Новосибирск и др. Интересен опыт открытия в разных городах России собственных программ коворкинга для молодежи крупными корпорациями (Сбербанк, Газпром и др.) [21]. В настоящее время коворкинг-центры – это глобальная международная индустрия. Эксперты уверены, что в ближайшем будущем этот формат продемонстрирует еще более быстрый рост.

Первоначально коворкинговые площадки стали открываться в Европе и США. По оценкам компании Найт Френк (Knight Frank), за последние десять лет число коворкингов в мире увеличилось на 3 500%, а количество работающих в них людей – на 8 000%. По тем же данным, в мире насчитывается не менее 18 тыс. таких площадок, которые готовы вместить от 1,7 млн человек [23]. Среди достоинств коворкинговой среды можно выделить следующие: единое деловое пространство, в котором совмещены работа и отдых; доступ к необходимому оборудованию; хорошие условия для успешной социализации участников (есть возможность установить новые бизнес-контакты и завязать дружбу); получение новых знаний через обмен идеями и опытом; возможность получить взаимопомощь; комфортная и приятная атмосфера. Коворкинг-пространства держатся на трех китах – сотрудничество, совместная работа и сообщество. Участники коворкинга открыты не только для профессионального, но и для личностного взаимодействия, что обеспечивает формирование комфортного психологического климата. Все эти факторы повышают эффективность исполнения проектов за счет синергетического эффекта [21, 24]. Проведенный анализ содержания понятия «коворкинг» позволяет за-

ключить, что в терминологическом поле превалирует его современное понимание: 1) как особой организации пространства для занятия предпринимательской деятельностью; 2) как подход к организации труда людей с разной занятостью, и не только для работы, но и для общения и творческого взаимодействия в общем пространстве.

Коворкинг в образовании

В педагогической науке понятие «коворкинг» относительно новое, появившееся в употреблении в 2016 г. [24]. Анализ научных публикаций [17, 24–28], рассматривающих вопросы внедрения коворкинга в образование, показывает, что этой теме посвящен достаточно ограниченный круг работ. Например, исследователи Г.А. Игнатьева, О.В. Тулупова, А.С. Мольков [24] выделили понятие «образовательный коворкинг». Данные авторы рассматривают образовательный коворкинг как новую форму организации инновационной деятельности педагогов и технологию ее практической реализации в условиях дополнительного профессионального образования. Л.И. Ермакова, Д.Н. Суховская определяют коворкинг как формат профессиональной соорганизации преподавателей, студентов, экспертов и инновационную педагогическую платформу образовательного пространства, специализирующуюся на проектно-сетевом и научно-сервисном сопровождении инновационного развития образовательных организаций [25]. Исследователи Е.Г. Врублевская, Л.Г. Логинова, М.В. Никитаева описывают модель образовательного пространства коворкинга, ориентированную на социальное взаимодействие и обучение людей с разной занятостью и разного возраста [26]. Образовательный коворкинг также применяется как технология организации дистанционного образования, например, в условиях дополнительного дистанционного образования детей [27] или в непрерывном профессиональном образовании взрослых [17]. В указанных работах образовательный коворкинг также определяется как новый формат электронной среды для сферы образования. И.Я. Благирева применяет медиа-коворкинг в качестве технологии обучения школьников проектной деятельности [28]. На основе сравнительного анализа механизмов организации коворкинга в экономике, бизнес-образовании и педагогике в данной работе выделим ключевые характеристики образовательного коворкинга и определим специфику научно-проектного коворкинга.

Научно-проектный коворкинг как лингводидактическая среда

В высшей профессиональной школе широкое применение находит контекстное обучение, суть которого заключается в моделировании предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности студентов [29]. Развивающая функция образования проявляется успешнее, если обучение способствует развитию личности студента, а образовательный процесс разработан и организован таким образом, что студент включен в сознательную и разнообразную профессиональную деятельность, используя иностранный язык, актуализируя знания, навыки и умения и компетенции [1]. Немаловажную роль в этом процессе играет развивающая образовательная среда. Мы трактуем понятие «коворкинг» как особую контекстно-направленную лингводидактическую среду [1. С. 150], создаваемую для целей обучения иноязычному научно-академическому дискурсу. Целью данного исследования не является описание образовательной среды в широком смысле, т.е. включающую несколько уровней. С.В. Тарасов определяет образовательную среду как совокупность культурных, социальных и психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия которых происходит становление личности обучающегося [30]. О.А. Обдалова в своем исследовании делает важный для нас вывод о том, что лингводидактическая среда – это совокупность условий, влияющих на формирование иноязычной коммуникативной компетенции, а компонентами этой среды являются обучающие условия, субъекты образовательного процесса – студенты, преподаватель, носители другой культуры и способы управления деятельностью субъектов образовательной среды, направляющие процесс обучения на целевые объекты, подлежащие развитию [1. С. 159–164].

Научно-проектный коворкинг способствует созданию условий для развития различных составляющих профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции. В нашем исследовании научно-проектный коворкинг включает субъектов образовательного процесса, коворкинговое пространство, электронный образовательный ресурс на базе системы MOODLE, страницу сайта радиофизического факультета ТГУ «English Project». В научно-проектном коворкинге субъектами являются студенты магистратуры, преподаватели иностранного языка, эксперты в области физико-математических и технических наук, преподаватели и исследователи физических факультетов, аспиранты, студенты из зарубежных стран, студенты бакалавриата, приглашенные гости. Известно, что к среде обучения предъявляются такие требования, как эстетическая привлекательность ее элементов, проблемность и исследовательский характер содержания образования, высокий уровень культуры общения и взаимодействия субъектов образовательного процесса, его насыщенность положительными чувствами, эмоциями и настроениями [30]. Всем этим требованиям соответствует научно-проектный коворкинг.

Коворкинговое пространство имеет все достоинства, присущие любому коворкингу, используемому в бизнес-среде: комфортные условия для совместной работы, получение новых знаний через обмен идеями и опытом, взаимопомощь субъектов образовательного процесса; доступ к необходимому оборудованию. Коворкинговое пространство включает проблемную, информационную, интерактивную и презентационную зоны.

Мы трактуем коворкинг как образовательную среду следующим образом: это инновационная форма организации образовательной деятельности субъектов

учебного процесса (студента и преподавателя), которая создает специальным образом организованные условия, посредством которых образовательный процесс строится не в логике учебного предмета «иностранный язык», а в логике деятельности, имеющей личностный смысл для студента и его успешности в профессиональной деятельности, и обеспечивает активную соорганизованную деятельность субъектов учебного процесса с оптимальным использованием когнитивных, коммуникативных и креативных ресурсов личности, в которых реализуется сложная деятельностная технология коворкинга.

Таким образом, научно-проектный коворкинг представляет собой инновационную контекстно-направленную лингводидактическую образовательную среду, посредством которой образовательный процесс строится не в логике учебного предмета «иностранный язык», а в логике деятельности, имеющей личностный смысл для студента и его успешности в профессиональной деятельности, что повышает его мотивацию к такому способу обучения. Такая специальным образом организованная образовательная среда обеспечивает активную соорганизованную деятельность субъектов учебного процесса с оптимальным использованием когнитивных, коммуникативных и креативных ресурсов личности обучающихся.

Коворкинг как педагогическая технология

Помимо трактовки понятия «коворкинг» как «принципиально новой формы организации инновационной деятельности педагогов» [24] и как нового формата среды для сферы образования [17, 24, 27], в научной педагогической литературе коворкинг определяют как педагогическую технологию [24, 28]. Рассмотрим образовательный коворкинг как педагогическую деятельностную технологию.

Педагогическая технология – это модель совместной деятельности преподавателя и студентов, направленная на достижение целей обучения и развития личности обоих субъектов образования [7. С. 148]. Б.А. Жигалев, К.Э. Безукладников, Б.А. Крузе понимают под образовательной (методической) технологией систему функционирования всех компонентов учебно-воспитательного процесса, построенную на научной основе [6]. Отличительными особенностями педагогической технологии являются личностно ориентированная, развивающая и деятельностная направленности, интерактивность учебного процесса, сознательность учебной и познавательной деятельности, направленность на актуализацию личностного потенциала, обеспечение благоприятного психологического климата, предоставление всем участникам образовательного процесса субъектной позиции и наличие запланированного результата [6, 8]. М.А. Викулина и О.А. Обдалова определяют инновационные технологии как технологии, реализующие новшества в образовательном процессе. Проектирование образовательной технологии связано с созданием модели совместной учебной и педагогической деятельности, способствующей становлению благоприятных условий для субъектов учебного процесса и их эффективной деятельности. Деятельность студента направлена на достижение определенной цели обучения [13]. В целом образовательная технология предполагает наличие у студента образа планируемого результата обучения. Г.А. Игнатьева, О.В. Тулупова, А.С. Мольков определили образовательный коворкинг как сюжетно-деятельностную технологию, предполагающую не только соорганизацию деятельности всех субъектов образовательного процесса, но и оптимальное использование всех доступных ресурсов [24].

Под технологией коворкинга мы понимаем систему функционирования всех компонентов образовательного процесса (цель, задачи, содержание, средства, методы и формы взаимодействия педагогов и студентов, педагогические условия и результаты), преобразующую качество деятельности обучающихся из обучения иностранному языку в освоение способов деятельности и ее продуктов. Важнейшими характеристиками технологии коворкинга являются интерактивность учебного процесса, сознательность обучающихся, создание благоприятной обстановки, нацеленность на результат.

Технология научно-проектного коворкинга – сложная деятельностная технология, направленная на вовлечение обучающихся в овладение иноязычным научно-академическим дискурсом и способами деятельности. Иностранный язык встраивается в практику научно-исследовательской работы обучающихся и используется в качестве средства совместной деятельности на основе активных методов и форм обучения. Методы и формы обучения организуют творческую самостоятельную деятельность студентов, предполагающую включение в образовательный процесс элементов проблемности, научного поиска и актуализацию коммуникативных стратегий.

Целью разработанной технологии научно-проектного коворкинга является обучение иноязычному научно-академическому дискурсу студентов магистратуры направления подготовки «Радиофизика». Известно, что обучение общению на иностранном языке – это обучение овладению, построению и употреблению дискурсов [31, 32]. Конечной целью обучения магистрантов иноязычному научно-академическому дискурсу с использованием технологии коворкинга является развитие способности магистрантов использовать иностранный язык как средство реализации научно-исследовательских задач.

Задачами этой технологии являются следующие: интеграция профессиональных знаний и иноязычной коммуникативной компетенции; развитие дискурсивной компетенции магистрантов в научно-академической сфере общения, которая представляет собой знание различных жанров дискурса, способность их различать, следовать их нормам и правилам построения, а также умение понимать и создавать их с учетом ситуации общения; совершенствование умений исследовательской и проектной деятельности, развитие умений работы в команде.

В коворкинге реализуется целый ряд следующих взаимосвязанных принципов:

1. *Принцип профессиональной направленности и интегративности.* В лингводидактике применяется

принцип учета специальности, который предусматривает построение учебного процесса, направленного на решение задач обучения иностранному языку и общению, связанных с профессиональной деятельностью обучающихся [33]. Принцип интегративности предполагает интеграцию / консолидацию знаний из различных научных дисциплин и иностранного языка, одновременное развитие как иноязычных, так и профессионально-коммуникативных, информационных, академических и социальных умений. Профессионально ориентированное обучение ставит задачу внедрения междисциплинарных связей в систему высшего профессионального образования и на основе этих связей использование иностранного языка как средства формирования профессиональных компетенций.

2. *Принцип коммуникативной направленности.* Предполагает формирование психологической готовности к реальному иноязычному научно-академическому общению.

3. *Принцип когнитивной направленности.* Состоит в том, что обучение иноязычному научно-академическому дискурсу направлено на решение таких проблем, как оптимизация процессов восприятия, приобретения, обработки, структурирования, хранения и использования знаний в собственной деятельности [1, 34, 35].

4. *Принцип опоры на личностно ориентированный подход.* Данный подход ставит в центр обучения процесс познания / учения, трактуемый как индивидуализированный процесс, требующий от обучающегося высокой степени самостоятельности и активности, а также умения грамотно работать с информацией. В качестве центрального элемента выступает обучающийся как субъект образовательного процесса. А основная задача преподавателя – организовать продуктивную учебную деятельность студентов, а также быть организатором комфортного психологического климата в коллективе и выступать моделью речевой деятельности для обучающихся. В рамках этого подхода между студентами и преподавателем общение осуществляется на основе отношений сотрудничества [1, 6–9].

5. *Принцип проблемности содержания обучения.* Проблемную ситуацию можно определить как содержащую противоречие и не имеющую однозначного решения, складывающуюся из соотношения объективных обстоятельств и условий, в которых действуют человек или группа людей. Проблемная ситуация не может быть разрешена посредством использования знания, уже усвоенного человеком и «припомненного» обучающимся [29].

Программа обучения с опорой на технологию научно-проектного коворкинга реализуется в течение одного учебного года в два этапа. Первый этап (первый семестр) – развитие иноязычной коммуникативной компетенции в устном академическом общении. Второй этап – развитие иноязычной коммуникативной компетенции в устном научном общении.

Обучение построено на сочетании различных активных методов обучения. Мы применяем метод проектов, обучение в сотрудничестве, проблемный метод, информационные технологии (использование поисковых систем для поиска и отбора информации, общение в сети (форум) в системе MOODLE, создание собственной страницы на сайте радиофизического факультета ТГУ).

Содержательной основой обучения является научно-академический дискурс [36, 37]. Традиционно к содержанию обучения иноязычному дискурсу относят: определенные типы дискурсов, типичные ситуации общения, языковой и речевой материал, языковые навыки, речевые умения, фоновые знания, коммуникативные цели и намерения коммуникантов [31, 32]. К этому списку мы можем добавить жанр дискурса. С точки зрения психологического наполнения содержания обучения выпускники магистратуры в плане овладения научно-академическим дискурсом должны: знать лексико-грамматические, структурные, прагмалингвистические и паралингвистические особенности англоязычного устного научно-академического дискурса; уметь применять полученные знания для создания текстов основных жанров научно-академического дискурса; уметь выступать публично, учитывая характер коммуникативной ситуации, а также используя те языковые средства, которые помогут реализовать свою установку, замысел и тактику в речевом взаимодействии (интеракции); понимать заданные вопросы, отвечать на них и участвовать в дискуссии по окончании выступления; владеть коммуникативными стратегиями.

В плане овладения проектной деятельностью происходит развитие навыков (исследовательских, рефлексивных, самоорганизации) и специфических умений:

– по проблематизации (рассмотрению проблемного поля и выделению подпроблем, формулированию ведущей проблемы и постановке задачи, вытекающей из этой проблемы);

– целеполаганию и планированию своей деятельности;

– самоанализу и рефлексии (самоанализу успешности и результативности решения проблемы проекта);

– презентации (самопредъявлению) хода своей деятельности и результатов;

– подготовке материала для проведения презентации в наглядной форме, используя для этого специально подготовленный продукт проектирования;

– поиску нужной информации, вычленению и усвоению необходимого знания из информационного поля;

– практическому применению знаний, умений и навыков в различных (в том числе и нетиповых) ситуациях;

– выбору, освоению и использованию адекватной технологии изготовления продукта проектирования;

– проведению исследования (анализу, синтезу, выдвижению гипотезы, детализации и обобщению).

Системообразующей дидактической единицей содержания обучения иностранному языку становится не коммуникативная задача, решаемая по готовому шаблону, а коммуникативная проблема, взятая из реальной жизни и значимая для обучающихся. Это

сложнейший вероятностный процесс, состоящий из многих компонентов [29]. Согласно принципу проблемности необходимо расширить содержание обучения за счет введения в качестве компонента реестра проблемных ситуаций [5].

Цель обучения достигается за счет сочетания различных методов обучения, в частности метода проектов, проблемного метода, информационных технологий, обучения в сотрудничестве. Метод проектов является основным [38, 39] и имеет особенности при использовании в технологии коворкинга. Во-первых, реализуемые проекты имеют исключительно исследовательский характер. Во-вторых, связаны с научной, научно-популярной или академической тематикой, что требует знания научно-академического дискурса и умения применять эти знания на практике. В-третьих, в реализации проекта участвуют все субъекты коворкинга: студенты магистратуры, преподаватели иностранного языка, эксперты в области физико-математических и технических наук, преподаватели и исследователи физических факультетов, аспиранты, иногда студенты из зарубежных стран. В-четвертых, в реализуемых проектах заинтересованы как студенты бакалавриата (которые участвуют в презентациях проектов, видят практическое использование научно-академического дискурса и осознают значимость этого дискурса для профессиональной компетенции), так и руководство кафедр / лабораторий. Кроме того, этот основной метод сочетается с другими методами, такими как проблемный метод, информационные технологии, обучение в сотрудничестве, а также традиционные методы.

Методика реализации проектов на основе коворкинга

В этой части нашего исследования мы опишем примеры организации мини-проектов «Экскурсия в исследовательскую лабораторию радиофизического факультета / Сибирского физико-технического института». Известно, что любой проект состоит из нескольких этапов: постановка цели проектирования, определение предмета проекта и поиск источника информации, получение результата разработки проекта, презентация результата работы, рефлексия [38. С. 68].

Первый этап – планирование мероприятия. Перед началом этого этапа проводится входной контроль для получения информации об уровне готовности обучающихся к предстоящей проектной деятельности в форме теста и собеседования. Этот этап включает групповую работу, используется проблемный метод. Магистрантам предлагается разделиться по группам для обсуждения формата будущего проекта. Затем каждая группа предлагает примерное содержание будущего проекта. Все это записывается на доске и обсуждается. Позже в качестве самостоятельной работы в группах фиксируется примерный план мероприятия.

Второй этап – поиск и обработка информации, а также выявление языковых, речевых и тезаурусных сложностей на иностранном языке. Студенты активно пользуются поиском информации в интернете. На этом этапе также проводятся консультации с научными руководителями и сотрудниками лаборатории, а также с преподавателем английского языка. Аудиторные занятия проводятся два часа в неделю (всего 34 часа в семестр), на внеаудиторную работу отводится 74 часов. Студенты используют методические материалы, размещенные в электронной коворкинговой среде. В содержание методических пособий включен материал для развития жанровой, риторической, текстовой и языковой, дискурсивной компетенций [40].

Для формирования жанровой компетенции важно обсудить различие между устным и письменным научным текстом, рассмотреть тексты различных научно-академических жанров. Для совершенствования риторической компетенции необходимо умение развертывания научной речи (описание, рассуждение, проблема–решение и др.), используя языковые структуры определения, описания процесса и процедуры, сравнения и противопоставления, причины и следствия, приведения примеров, классификации. Дается определение текстовой компетенции, которая включает знания, умения и навыки порождения и интерпретации научного текста в соответствии с правилами связности (когезии) и целостности (когерентности). Также рассматривается логико-композиционная структура научного текста, отрабатываются прагматические клише для оформления структурных частей научного текста (Introduction, Main Body, Conclusion). Предлагаются задания по написанию тезисного предложения и аргументов, использованию средств логической связи внутри предложения и текста (когезии и когерентности). Для развития языковой компетенции выполняются упражнения по совершенствованию навыков употребления ключевых лексических и грамматических особенностей языка в научной сфере: общеупотребительная лексика, общенаучная лексика, термины, использование страдательного залога, инфинитива, безличных конструкций и др. Также преподаватель проводит мастер-класс по обсуждению прагмалингвистических и паралингвистических особенностей устной научно-академической речи.

Третий этап – создание продукта. На данном этапе студенты обмениваются информацией. Данный этап предполагает использование технологий совместной работы. Обучение в сотрудничестве – метод обучения, согласно которому студенты работают в небольших группах. Совместная работа в группах над проектом позволяет каждому не только выполнить посильное для него задание, но и овладеть навыками совместного труда, когда необходимо выслушать мнения коллег, принять или не принять другую точку зрения, аргументируя при этом свой выбор. В группах во время аудиторных занятиях студенты должны помогать друг другу, обсуждать проблемы, оценивать знания друг друга. Очень важным параметром является командный успех, который может быть достигнут только в том случае, если все члены команды делают вклад в этот успех. Команды неоднородны, обычно они состоят из студентов с разным уровнем владения языком (высоким, средним и низким). На этом этапе проводятся активные обсуждения, консультирование с преподавателем иностранного языка по оформлению текста, в том числе применяя информационные технологии (система MOODLE). На

этом этапе предполагаются занятия аудитории (коворкинг) и самостоятельная работа. Проводится промежуточный контроль. Студенты размещают продукт проекта (презентации и тексты к презентациям) в систему MOODLE для проверки преподавателем.

Четвертый этап – презентация продукта перед разной аудиторией (экспертами или студентами бакалавриата). Студентам магистратуры рекомендуется обратить особое внимание на применение паралингвистических средств общения (на этапе подготовки проводится мастер-класс). Затем студенты или преподаватель размещают материал проекта на странице сайта радиофизического факультета. На этапе презентации проекта осуществляется итоговый контроль. Оценивают работу эксперты, студенты бакалавриата, преподаватель английского языка как равный член группы, а также представители других команд проектов.

Пятый этап – рефлексия. В коворкинге обсуждаются сложности реализации проектов, рассматриваются сильные и слабые стороны. Преподаватель – только участник этих обсуждений. Оценку деятельности дают сами студенты. По итогам завершения проекта руководство радиофизического факультета / кафедры награждает студентов магистратуры благодарственными письмами.

Необходимо особо отметить, как меняется роль преподавателя в условиях коворкинга. Эта роль кардинально трансформируется, и преподаватель – источник и транслятор знаний – выступает как консультант, медиатор и организатор межличностной коммуникации.

Заключение

Таким образом, в данном исследовании мы проанализировали понятия «коворкинг», «образовательный коворкинг», используемые в сфере бизнеса, экономики, педагогики. На основе этого анализа предложены понятия «коворкинг как контекстно-направленная лингводидактическая среда», «коворкинг как технология обучения иноязычному научно-академическому дискурсу студентов магистратуры инженерных профилей подготовки», реализуемые за счет сочетания различных методов обучения, в частности метода проектов, проблемного метода, информационных технологий, обучения в сотрудничестве. Считаем, что это исследование может найти практическое применение в методике обучения профессионально ориентированному иностранному языку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная система обучения иноязычной межкультурной коммуникации студентов естественнонаучных направлений : дис. д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2017. 426 с.
2. Обдалова О.А., Гураль С.К. Концептуальные основы разработки образовательной среды для обучения межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2012. № 4 (20). С. 83–96.
3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы: Постановление правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 295.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 03.04.03 «Радиофизика» (уровень магистратуры) : приказ Минобрнауки РФ от 30.10.2014 № 1417. URL : https://bazanpa.ru/minobrnauki-rossii-prikaz-n1417-ot30102014-h2407061/
5. Коряковцева Н.Ф. Роль и статус иностранного языка в профессиональной подготовке инновационных кадров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки 2019. № 1 (830) С. 20–31.
6. Жигалев Б.А., Безукладников К.Э., Крузе Б.А. Технологии критериального оценивания и рефлексии как способ повышения мотивации при овладении иностранным языком в школе и вузе // Язык и культура. 2017. № 37. С. 153–165. DOI: 10.17223/19996195/37/11
7. Коряковцева Н.Ф., Гальскова Н.Д., Гусейнова И.А. Современное лингвистическое образование : перспективы развития. М. : Изд-во Моск. гос. лингвистич. ун-та, 2018. 254 с.
8. Обдалова О.А. Иноязычное образование в XXI веке в контексте социокультурных и педагогических инноваций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 180 с.
9. Харапудченко О.В. Обучение иноязычному профессиональному общению магистрантов в контексте современной концепции образования // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сборник материалов XI Междунар. конф. (Томск, 2011). Томск : Том. политехн. ун-т, 2011. Ч. I. С. 113–117.
10. Сысоев П.В. Современные информационные и коммуникационные технологии: дидактические свойства и функции // Язык и культура. 2012. № 1 (17). С. 120–133.
11. Obdalova O.A. Modelling Conditions for Students' Communication Skills Development by Means of Modern Educational Environment // Bridging the Gap between Education and Employment: English Language Instruction in EFL Contexts. 2015. Vol. 198. P. 73–89. DOI: 0.3726/978-3-0351-0842-2.
12. Simpson R., Obdalova O.A. New technologies in higher education – ICT skills or digital literacy? // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 154. P. 104–111.
13. Викулина М.А., Обдалова О.А. Технологии как способ реализации целей иноязычного образования в высшей школе // Язык и культура. 2017. № 38. С. 171–189. DOI: 10.17223/19996195/38/12/.
14. Безукладников К.Э., Новоселов М.Н. Технологическое обеспечение компетентностного подхода к профессиональной подготовке будущего учителя иностранного языка // Педагогическое образование и наука. 2014. № 5. С. 104–107.
15. Ариян М.А. Технологизация языкового образования и профессиональное совершенствование учителя иностранного языка // Research Journal of International Studies. 2014. № 3. С. 7–12.
16. Обдалова О.А. Особенности новой педагогической среды при обучении иностранным языкам // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 204–207.
17. Любченко О.А., Ганичева А.Н., Каитов А.П. К вопросу о разработке коворкинговой среды в современном вузе // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. Т. 24, № 3. С. 134–138.
18. Егоркина А.И., Ерохина Л.И. Коворкинг: история возникновения и развитие идеи новой формы организации труда // Экономика и предпринимательство. 2015. № 5–2 (58). С. 729–733.
19. Gandini A. The rise of coworking spaces: A literature review // Ephemera Theory Polit. Organ. 2015. Vol. 15 (1). P. 193–205.
20. Kojo I., Nenonen S. Typologies for co-working spaces in Finland – what and how? // Facilities. 2016. Vol. 35 (5/6). P. 302–313.

21. Голивцова Н.Н. Коворкинг центр: основные аспекты управления бизнесом // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 5 (31). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kovorking-tsentr-osnovnye-aspekty-upravleniya-biznesom (дата обращения: 16.07.2019).
22. Белай В.И., Страданченкова Е.Н. Коворкинг как перспективное направление в современной экономике // Альманах современной науки и образования. 2013. № 10. С. 30–32.
23. Коворкинги – развивающийся тренд на рынке офисной недвижимости. URL : https://tranio.ru/articles/kovorkingi-razvivayushiisya-trend-na-rynke-ofisnoi-nedvizhimosti/
24. Игнатьева Г.А., Тулупова О.В., Мольков А.С. Образовательный коворкинг как новый формат организации образовательного пространства дополнительного профессионального образования // Образование и наука. 2016. № 5 (134). С. 139–154.
25. Ермакова Л.И., Суховская Д.Н. Анализ реализации сюжетно-деятельностной педагогической технологии «Международный образовательный коворкинг по развитию креативных индустрий Кавказских Минеральных Вод (от идеи к стартапу)» // Концепт. 2019. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-realizatsii-syuzhetno-deyatelnostnoy-pedagogicheskoy-tehnologii-mezhdunarodnyy-obrazovatelnyy - kovorking- po-razvitiyu (дата обращения: 16.08.2019).
26. Врублевская Е.Г., Логинова Л.Г., Никитаева М.В. Организационная модель коворкинг-центра как новый формат институализации социального взаимодействия и взаимообучения студентов педагогической специализации и граждане в возрасте «60+» // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2018. № 2. С. 57–58.
27. Маясова Т.В., Лекомцева А.А., Федянина С.П. Перспектива реализации коворкинга в дистанционном обучении на примере системы дополнительного образования детей // Наукоемкие технологии. 2018. № 7. С. 204–208.
28. Благирева И.Я. Обучение школьников основам проектной деятельности на основе технологии медиа-коворкинга // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 2, № 3 (51). С. 161–170.
29. Вербицкий А.А. Контекстный подход к иноязычной подготовке студентов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 10. С. 3–8.
30. Тарасов С.В. Образовательная среда: понятие, структура, типология // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 3. С. 133–138.
31. Шатурная Е.А. Профессионально-ориентированный дискурс как объект овладения в неязыковом вузе // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 321. С. 174–176.
32. Гураль С.К. Обучение иноязычному дискурсу как сверхсложной саморазвивающейся системе : дис. … д-ра пед. наук. Томск, 2009. 589 с.
33. Краснощекова Г.А. Пути модернизации языковой подготовки студентов технических вузов // Язык и культура. 2017. № 39. С. 209–220. DOI: 10.17223/19996195/39/14
34. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю., Соболева А.В. Дискурс как единица коммуникативного и речемыслительного процесса в коммуникации представителей разных лингвокультур // Язык и культура. 2017. № 37. С. 205–228.
35. Шульгина Е.М., Обдалова О.А. Организация управляемой самостоятельной деятельности студентов посредством технологии веб-квест как условие успешности формирования иноязычной коммуникативной компетенции // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 162–167.
36. Обдалова О.А., Харапудченко О.В. Когнитивно-прагматические и лингвостилистические характеристики англоязычного устного научно-академического дискурса // Язык и культура. 2019. № 46. С. 102–125. DOI: 10.17223/19996195/46/6
37. Обдалова О.А., Харапудченко О.В. Экскурсионный научно-академический дискурс и его жанровые особенности // Язык и культура. 2018. № 43. С. 88–113. DOI: 10.17223/19996195/43/6
38. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. М. : Academia, 2005. 272 с.
39. Минакова Л.Ю. Обучение иноязычному дискурсу студентов естественных специальностей с использованием профессионально ориентированных проектов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Томск, 2013. 26 с
40. Мордовина Т.В. Обучение магистрантов письменному научному дискурсу : на материале научной статьи : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2013. 24 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 10 декабря 2019 г.

Project-Based Research Coworking for Teaching English Oral Discourse to Master's Students

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 205–214.
DOI: 10.17223/15617793/453/25

Olga A. Obdalova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.obdalova@mail.ru
Olga V. Kharapudchenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: khara68@list.ru

Keywords: project-based research coworking; foreign-language scientific academic discourse; context-based linguodidactic environment; coworking educational technology.

This article aims at examining the challenges faced by higher education under the increasing demands of the globalized world. There is an urgent requirement in the application of innovative educational technologies. In this connection, the authors turn to the concept "coworking" and thoroughly examine its application in the fields of economics and pedagogy. The analysis of literature has enabled the authors to establish that coworking is defined as a special organization of space for doing business and as an approach for organizing the work of people with different occupations for communication and creative interaction in a common space. The authors specify that in pedagogy "coworking" is a relatively new concept that has been used only since 2016. The specificity of the authors' approach brought them to defining a new term, i.e., "project-based research coworking". The suggested definition describes it as a linguodidactic environment and as an educational technology for teaching the foreign-language scientific and academic discourse to non-linguistic master's students. The characteristics of educational coworking are revealed. The specified new educational technology is defined as a systematic way of designing, carrying out, and evaluating the total process of learning and teaching in terms of specific objectives. The purpose, objectives, content and principles of the coworking technology are defined. Next, the methodology for the implementation of project-based research coworking is described. It is known that teaching communication in a foreign language is teaching to master, create and use discourses. The authors propose to implement the teaching framework based on the following interrelated principles: the principle of professional orientation, the principle of communicative orientation, the principle of cognitive orientation, the principle of learner-centered learning, the principle of problem-based learning. The content basis of instruction is the scientific and academic discourse. The purpose of teaching is achieved through a combination of various teaching methods, in particular the project-based method, the problem-based method, information technologies, collaborative learning, and traditional communicative methods. Project work is student-centered and driven by the need to create an end-product. The authors identify some specific features of ESP teaching based on the project-based research coworking technology and describe the methodology of its implementation.

REFERENCES

1. Obdalova, O.A. (2017) *Kognitivno-diskursivnaya sistema obucheniya inoyazychnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii studentov estestvennonauchnykh napravleniy* [The Cognitive-Discursive System of Teaching Foreign Language Intercultural Communication to the Students Majoring in Natural Sciences]. Pedagogy Dr. Diss. N. Novgorod.
2. Obdalova, O.A. & Gural', S.K. (2012) Conceptual Foundations for Educational Environment Development When Teaching Intercultural Communication. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4 (20). pp. 83–96.
3. Russian Federation. (2014) *The State Program "Development of Education" for 2013–2020*: Decree of the Government of the Russian Federation No. 295 of April 15, 2014. (In Russian).
4. Bazanpa.ru. (2014) *Federal State Educational Standard of Higher Education in 03.04.03. Radiophysics (Master's Degree): Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 1417 of 30 October 2014*. [Online] Available from: https://bazanpa.ru/minobrnauki-rossii-prikaz-n1417-ot30102014-h2407061/. (In Russian).
5. Koryakovtseva, N.F. (2019) Role and Status of Foreign Languages in Professional Education and Training Innovative Specialists. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*. 1 (830) pp. 20–31. (In Russian).
6. Zhigalev, B.A., Bezukladnikov, K.E. & Kruze, B.A. (2017) Criteria Related Assessment and Reflection as a Way to Increase Motivation for Foreign Language Acquisition in School and University. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 37. pp. 153–165. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/37/11
7. Koryakovtseva, N.F., Gal'skova, N.D. & Guseynova, I.A. (2018) *Sovremennoe lingvisticheskoe obrazovanie: perspektivy razvitiya* [Modern Linguistic Education: Development Prospects]. Moscow: Moscow State Linguistic University.
8. Obdalova, O.A. (2014) *Inoyazychnoe obrazovanie v XXI veke v kontekste sotsiokul'turnykh i pedagogicheskikh innovatsiy* [Foreign Language Education in the 21st Century in the Context of Sociocultural and Pedagogical Innovations]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Kharapudchenko, O.V. (2011) [Teaching Foreign Professional Communication to Master's Students in the Context of the Modern Concept of Education]. *Kommunikativnye aspekty yazyka i kul'tury* [Communicative Aspects of Language and Culture]. Proceedings of the 11th International Conference. Pt. 1. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 113–117. (In Russian).
10. Sysoev, P.V. (2012) Modern Information and Communication Technologies: Didactic Characteristics and Functions. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (17). pp. 120–133. (In Russian).
11. Obdalova, O.A. (2015) Modelling Conditions for Students' Communication Skills Development by Means of Modern Educational Environment. *Bridging the Gap between Education and Employment: English Language Instruction in EFL Contexts*. 198. pp. 73–89. DOI: 0.3726/978-3-0351-0842-2
12. Simpson, R. & Obdalova, O.A. (2014) New technologies in higher education – ICT skills or digital literacy? *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 104–111.
13. Vikulina, M.A. & Obdalova, O.A. (2017) Technologies as Powerful Means for Realizing Foreign Language Educational Objectives at the University Level. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 38. pp. 171–189. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/38/12/
14. Bezukladnikov, K.E. & Novoselov, M.N. (2014) Technological Support of the Competency-Based Approach to Professional Training of a Future Foreign Language Teacher. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka – Pedagogical Education and Science*. 5. pp. 104–107. (In Russian).
15. Ariyan, M.A. (2014) Technologization of Language Education and Foreign Language Teacher's Professional Development. *Research Journal of International Studies*. 3. pp. 7–12. (In Russian).
16. Obdalova, O.A. (2009) Peculiarities of the New Pedagogical Educational Environment When Teaching Foreign Languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 322. pp. 204–207. (In Russian).
17. Lyubchenko, O.A., Ganicheva, A.N. & Kaitov, A.P. (2018) To the Question About the Development of Co-Working Environment in the Modern University. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika – Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 24 (3). pp. 134–138. (In Russian).
18. Egorkina, A.I. & Erokhina, L.I. (2015) Coworking: History and Development of the Idea of the New Forms of Work Organization. *Ekonomika i predprinimatel'stvo – Journal of Economy and Entrepreneurship*. 5–2 (58). pp. 729–733. (In Russian).
19. Gandini, A. (2015) The rise of coworking spaces: A literature review. *Ephemera Theory Polit. Organ*. 15 (1). pp. 193–205.
20. Kojo, I. & Nenonen, S. (2016) Typologies for co-working spaces in Finland – what and how? *Facilities*. 35 (5/6). pp. 302–313.
21. Golivtsova, N.N. (2018) Coworking Center: Basic Aspects Business Management. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya.* 5 (31). [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/kovorking-tsentr-osnovnye-aspekty-upravleniya-biznesom. (Accessed: 16.07.2019). (In Russian).
22. Belay, V.I. & Stradanchenkova, E.N. (2013) Coworking as Perspective Trend in Modern Economy. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya.* 10. pp. 30–32. (In Russian).
23. Tranio. (2019) *Kovorkingi – razvivayushchiysya trend na rynke ofisnoy nedvizhimosti* [Coworking: A Growing Trend in the Office Real Estate Market]. [Online] Available from: https://tranio.ru/articles/kovorkingi-razvivayushiisya-trend-na-rynke-ofisnoi-nedvizhimosti/
24. Ignat'eva, G.A., Tulupova, O.V. & Mol'kov, A.S. (2016) Educational Coworking as a New Organization Format of Educational Space of Supplementary Vocational Education. *Obrazovanie i nauka – Education and Science*. 5 (134). pp. 139–154. (In Russian).
25. Ermakova, L.I. & Sukhovskaya, D.N. (2019) The Analysis of the Implementation of the Subject- And Activity-Based Pedagogical Technology "The International Educational Coworking for the Development of the Creative Industries of the Caucasian Mineral Waters Region (From an Idea to a Startup)". *Kontsept.* 2. (In Russian). DOI 10.24411/2304-120X-2019-11010
26. Vrublevskaya, E.G., Loginova, L.G. & Nikitaeva, M.V. (2018) Organizatsionnaya model' kovorking-tsentra kak novyy format institualizatsii sotsial'nogo vzaimodeystviya i vzaimoobucheniya studentov pedagogicheskoy spetsializatsii i grazhdane v vozraste "60+" [Organizational Model of a Coworking Center as a New Format for the Institutionalization of Social Interaction and Mutual Learning of Pedagogical Students and Citizens Aged 60+]. *Munitsipal'noe obrazovanie: innovatsii i eksperiment.* 2. pp. 57–58.
27. Mayasova, T.V., Lekomtseva, A.A. & Fedyanina, S.P. (2018) The Prospect of the Implementation of Coworking in Distance Education on the Example of System of Additional Education of Children. *Naukoemkie tekhnologii – Modern High Technologies*. 7. pp. 204–208. (In Russian).
28. Blagireva, I.Ya. (2018) Teaching Students the Basics of Project Activities Based on Media - Co-Working Technology. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika.* 2:3 (51). pp. 161–170. (In Russian).
29. Verbitskiy, A.A. (2014) Context-Based Approach to Foreign Language Learning. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki – PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin.* 10. pp. 3–8. (In Russian).
30. Tarasov, S.V. (2011) The Educational Ambience: Notion, Structure, Typology. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina – Leningrad (Pushkin) State University Bulletin*. 3. pp. 133–138. (In Russian).
31. Shaturnaya, E.A. (2009) Professional Discourse as the Subject of Studying in a "Non-Language Institute". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 321. pp. 174–176. (In Russian).
32. Gural', S.K. (2009) *Obuchenie inoyazychnomu diskursu kak sverkhslozhnoy samorazvivayushcheysya sisteme* [Teaching Foreign Language Discourse as a Super-Complex Self-Developing System]. Pedagogy Dr. Diss. Tomsk.

33. Krasnoshchekova, G.A. (2017) Ways of Language Training Modernization for Students of Technical Universities.*Yazyk i kul'tura – Yazyk i kul'tura.* 39. pp. 209–220. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/39/14
34. Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu. & Soboleva, A.V. (2017) Discourse as a Unit of Communicative and Cogitative Processes in Interaction Between the Representatives of Different Linguocultures. *Yazyk i kul'tura – Yazyk i kul'tura*. 37. pp. 205–228. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/37/14
35. Shul'gina, E.M. & Obdalova, O.A. (2013) Organisation of Students' Operated Independent Activity by Means of Webquest Technology as a Successful Condition of the Foreign Language Communicative Competence Formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 376. pp. 162–167. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/376/31
36. Obdalova, O.A. & Kharapudchenko, O.V. (2019) Cognitive Pragmatic and Linguistic Characteristics of English Scientific Academic Discourse. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 46. pp. 102–125. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/46/6
37. Obdalova, O.A. & Kharapudchenko, O.V. (2018) Excursion Scientific Academic Discourse and Its Genre Characteristics. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 43. pp. 88–113. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/43/6
38. Polat, E.S. (2005) *Novye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya* [New Pedagogical and Information Technologies in the Education System]. Moscow: Academia.
39. Minakova, L.Yu. (2013) *Obuchenie inoyazychnomu diskursu studentov estestvennykh spetsial'nostey s ispol'zovaniem professional'no orientirovannykh proektov* [Teaching Foreign Discourse to Students of Natural Sciences Using Professionally Oriented Projects]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Tomsk
40. Mordovina, T.V. (2013) *Obuchenie magistrantov pis'mennomu nauchnomu diskursu: na materiale nauchnoy stat'i* [Teaching Graduate Students a Written Academic Discourse: On the Material of a Research Article]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Tambov.

Received: 10 December 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 215–221. DOI: 10.17223/15617793/453/26

УДК 796.92:159.9

А.В. Халманских, Н.И. Овчинникова

ПРОГРАММА ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЛЫЖНИКОВ-ГОНЩИКОВ 14–16 ЛЕТ

Рассматриваются вопросы психологической подготовки спортсменов-лыжников специализированной школы олимпийского резерва. Описаны наиболее важные для спортсменов сферы отношений и неблагоприятные факторы, влияющие на результативность соревновательной деятельности лыжников-гонщиков 14–16 лет. Исходя из результатов диагностики индивидуальных особенностей спортсменов, авторами разработана программа тренинга, направленная на формирование психологической устойчивости лыжников-гонщиков, также способствующая позитивному изменению свойств и качеств личности спортсменов.

Ключевые слова: программа тренинга; лыжные гонки; индивидуальные особенности спортсменов.

Среди многих видов спорта, культивируемых в России, особой популярностью пользуется лыжный спорт, особенно в тех регионах, где есть для этого соответствующие условия – продолжительный снежный период, материальная база, тренерские кадры. Наибольшей популярностью из-за доступности и положительного воздействия на организм пользуются лыжные гонки на различные дистанции. Главная задача занятий лыжными гонками – достижение физического совершенства и наиболее высоких спортивных результатов, что и является отличием этого спорта от других видов занятий лыжами.

На сегодняшний день в большинстве видов спорта наблюдается серьезный прорыв, о чем свидетельствуют высокие спортивные результаты. Ряд исследователей отмечают, что подготовленность спортсменов высокого уровня в лыжных гонках находится примерно на одном уровне. Поэтому результат спортивных соревнований определяется в значительной степени факторами психологической устойчивости и психической готовности спортсмена. Чем ответственнее соревнование, тем серьезнее спортивная борьба, тем большее значение приобретает и психическое состояние, и личностные качества спортсмена. Психологическая устойчивость и эмоциональный настрой спортсмена на конкретный старт приводят к победе над физически, технически и тактически более сильным соперником [1–3].

Многолетний процесс воспитания, обучения и тренировки лыжника-гонщика включает различные взаимосвязанные виды подготовки: физическую, техническую, тактическую, а также психологическую. Важнейшей задачей многолетней спортивной тренировки является психологическая подготовка, нацеленная на воспитание высоких морально-волевых качеств [4–7].

Цель исследования – разработать и экспериментально обосновать программу формирования психологической устойчивости лыжников-гонщиков 14–16 лет.

Исследование проводилось совместно с командой тренеров-психотерапевтов центра личностно-ориентированной психологии «Персона». Научный консультант проекта – канд. псих. наук, доцент кафедры общей и социальной психологии Института психологии и педагогики ТюмГУ В.В. Гришин. В исследовании принимали участие спортсмены ГАУ ТО «ОСШОР по лыжным гонкам и биатлону Л.Н. Носковой» в количестве 20 человек.

С целью определения влияния разработанной нами программы на психоэмоциональное состояние лыжников-гонщиков было выполнено измерение изучаемых фоновых свойств личности испытуемых, а также изучаемых показателей в конце эксперимента.

В результате проведенного констатирующего исследования были получены данные об индивидуальных особенностях личности лыжников-гонщиков.

Для диагностического блока были использованы психологические методики: индивидуально-типологический детский опросник (ИТДО) Л.Н. Собчик, шкала самооценки уровня тревожности (шкала Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханина), тест коммуникативных умений Михельсона в адаптации Ю.З. Гильбуха, MUST–ТЕСТ определения жизненных ценностей личности (П.П. Иванов, Е.Ф. Колобова).

Выбор данных тестов определен целью и задачами тренинга.

В результате исследования было выявлено, что ведущими шкалами в детском индивидуально-типологическом опроснике являются «сензитивность» и «спонтанность».

Высокий уровень ситуативной тревожности преобладает у 22%, личностной – у 13% спортсменов. Средний уровень ситуативной и личностной тревожности, но близкий к высокому, выявлен соответственно у 39 и 53% лыжников-гонщиков.

Тест коммуникативных умений Михельсона в адаптации Ю.З. Гильбуха показал наиболее «агрессивный» уровень в показателях коммуникативных умений в реагированиях на справедливую и несправедливую критику. «Зависимый уровень» отмечается в показателях «реагирование на задевающее, провоцирующее поведение» и «умение самому оказать сочувствие, поддержку». «Компетентный» уровень преобладает в показателе «умение самому принимать сочувствие, поддержку».

Также были выделены наиболее важные для юных спортсменов сферы отношений и определены неблагоприятные факторы, влияющие на результативность

соревновательной деятельности лыжников-гонщиков 14–16 лет: отношения с тренером(ами) (конфликты и недопонимание с тренером); отношения в команде (отсутствие единства и командного духа); конфликты, ссоры; отношение к соревнованиям (социальные, климатические, инвентарные и психологические); отношения со значимыми людьми – родителями и друзьями (конфликты, отсутствие взаимопонимания с семьей, разлука (долгое время вдали от дома)).

Сопоставительный анализ данных, полученных при тестировании и во время тренинговой работы, позволил выдвинуть еще один важный психологический аспект деятельности спортсменов, а именно низкий уровень осознания своей мотивации в профессиональном спорте и недостаточной сформированности функции целеполагания. Полученные данные позволили определить основные направления коррекционной работы по улучшению регуляции психоэмоциональных состояний спортсменов.

С целью создания психологических предпосылок для повышения уровня профессиональной эффективности спортсменов-лыжников был проведен тренинг-семинар на базе ОЦЗВС «Жемчужина Сибири».

Основные задачи проекта: обнаружение наиболее актуальных проблемных сфер в деятельности спортсменов, которые создают препятствия на пути к победам; систематизация и выделение тех направлений подготовки лыжников-гонщиков, где психологические средства воздействия могут быть наиболее эффективными; определение задач в рамках выделенных направлений; подбор средств решения указанных задач; разработка рекомендаций по внедрению в деятельность ОСШОР системы психологических приемов и техник, способствующих повышению уровня психологической подготовки спортсменов-лыжников и их результативности соревновательной деятельности.

Структура проекта:

1. Диагностика. Сбор информации. Проведение тестирования спортсменов. Данные, полученные в результате применения методик, позволили выявить наиболее сложные аспекты в деятельности спортсменов и их подготовки к соревнованиям.

2. Тренинг. Работа спортсменов в малых группах над поставленными тренерами-психологами задачами. Во время тренинга спортсмены имели возможность озвучить многие сложности, обменяться своими наблюдениями, опасениями, удачным или неудачным опытом с товарищами по группе и всей аудиторией в целом. Работа в малых группах послужила тренировочной площадкой для развития коммуникативных навыков каждого спортсмена, способности сгенерировать совместные решения, умения работать в команде. Проигрывали разные способы поведения и взаимодействия в заданных условиях. Приобрели опыт обобщения и сопоставления различных ситуаций. В рамках семинара были проведены микротренинги «Достижение целей» и «Образ победителя». Примененные психогимнастические упражнения дали новый опыт эмоционально насыщенных переживаний, который является важным звеном в цепи дальнейшего психологического роста и повышения стрессоустойчивости. Спортсмены познакомились с несколькими методами релаксации и медитативными техниками.

3. Анализ и рекомендации. По результатам диагностики и тренинга был проведен качественный и количественный анализ, позволяющий систематизировать и сложить максимально полное представление о психологических аспектах деятельности спортсменов-лыжников. На основе проведенного анализа были выработаны рекомендации по дальнейшему психологическому сопровождению работы ОСШОР по лыжным гонкам и биатлону Л.Н. Носковой и предложены возможные средства по их осуществлению.

Проведенное исследование в ходе констатирующего этапа эксперимента позволило нам определить основные методы коррекционной работы по формированию психологической устойчивости лыжников-гонщиков 14–16 лет на этапе спортивного совершенствования.

Для проведения тренинговых мероприятий участники были поделены на 2 группы: первая группа («красная») – спортсмены с перспективой спортивного роста, достигшие определенных спортивных результатов, вторая группа («зеленая») – спортсмены, участвующие в специальном просмотре (отборе) для обучения в спортивных классах ОСШОР.

На основании обработки и анализа полученных данных психологической диагностики «красной» группы спортсменов был разработан тренинг по формированию устойчивого ресурсного состояния «Я – профессионал, Я – спортсмен», с повышением уровня самопонимания и рефлексии с осознанием своих актуальных потребностей, приобретения необходимых компетенций в распознавании личностных статусов и конструктивных способов целеполагания. В данном тренинге были использованы методы модификации поведения и релаксационные методы (табл. 1).

Для второй («зеленой») группы спортсменов был подготовлен и проведен тренинг по развитию способности распознавания эмоциональных состояний, в том числе и уровня собственной тревожности, направленный на обучение управлению стрессом в предстартовый, соревновательный и постсоревновательный периоды, на формирование способов адекватной коммуникации. Задачи данного тренинга: развитие эмоциональной грамотности (информирование о видах и функциях эмоций, особенностях их проявления и переживания), формирование осознанного восприятия эмоций, умения понимать эмоциональные состояния других людей; обучение способам снятия стрессового напряжения, эмоциональной разрядки; обучение приемам эмоционального сдерживания, навыкам конструктивной коммуникации в межличностном взаимодействии с учетом актуального эмоционального состояния в значимой референтной группе, повышение групповой сплоченности; развитие компетенций целеполагания, осознания своей жизненной перспективы, жизненных целей, путей и способов их достижения. В данном тренинге были использованы методы игровой коррекции в виде ролевых игр, метод модификации поведения (ролевые игры), релаксационные методы (табл. 2) [8, 9].

Таблица 1

Программа тренинга для первой (красной) группы.
Продолжительность тренинга: 5 часов

№ части	Часы	Содержание	Рабочий период
1	10:00–10:30	А. Приветствие. Б. Знакомство с ведущими тренингов. В. Распределение по группам	30 минут
2	10:30–13:00	А. Персональное знакомство с участниками первой группы – 30 минут Б. Формирование представлений о ресурсном личностном статусе, формирование устойчивого ресурсного состояния «Я – профессионал, Я – спортсмен», с повышением уровня самопонимания и рефлексии с осознанием своих актуальных потребностей, приобретения необходимых компетенций в распознавании личностных статусов и конструктивных способов целеполагания – 1 час. В. Обучение способам снятия стрессового напряжения, эмоциональной разрядки, обучение приемам эмоционального сдерживания, обучение навыкам конструктивной коммуникации в межличностном взаимодействии с учетом актуального эмоционального состояния	2 часа 30 минут
	13:00–14:00	Обед	1 час
3	14:00–15:00	А. Приобретение необходимых компетенций в распознавании личностных статусов. Б. Формирование целей, расстановка личностных статусов (формирование целей, «прыжок в будущее»)	1 час
	15:00–15:15	Перерыв	15 минут
4	15:15–16:00	Завершение тренинга в большой группе. А. Анкетирование по результатам тренинга Б. Упражнение на групповое сплочение («Вместе мы сила!»). В. Заключительный флешмоб	45 минут

Таблица 2

Программа тренинга для второй группы.
Продолжительность тренинга: 5 часов

№ части	Часы	Содержание	Рабочий период
1	10:00–10:30	А. Приветствие. Б. Знакомство с ведущими тренингов. В. Распределение по группам	30 минут
2	10:30–13:00	Тренинг по развитию способности распознавания эмоциональных состояний, по обучению управлением стрессом в предстартовый, соревновательный и постсоревновательный периоды. А. Дифференциация основных эмоциональных состояний у себя и у других людей. Б. Развитие способности спортсменов к саморегуляции при стрессе	2 часа 30 минут
	13:00–14:00	Обед	1 час
3	14:00–15:00	А. Формирование ситуативного целеполагания (тренировочный процесс). Б. Формирование краткосрочного целеполагания (соревновательный процесс). В. Формирование долгосрочного целеполагания (профессиональная карьера)	1 час
	15:00–15:15	Перерыв	15 минут
4	15:15–16:00	Завершение тренинга в большой группе. А. Анкетирование по результатам тренинга Б. Упражнение на групповое сплочение («Вместе мы сила!»). В. Заключительный флешмоб	45 минут

После окончания первого этапа – прохождения комплексного психодиагностического обследования – данные, полученные в этом обследовании, были обработаны и интерпретированы. Количественной обработке подверглись все предоставленные протоколы теста ИТДО. Все предоставленные протоколы «красной группы» признаны действительными (значения по шкалам достоверности не превышают нормативных величин). Полученные данные, описывающие личностные особенности этой группы, представлены на рис. 1.

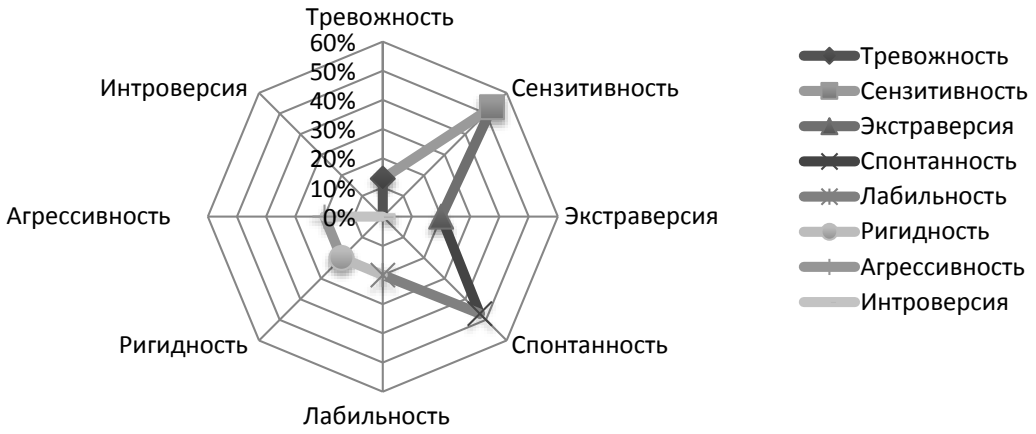


Рис. 1. Личностные особенности спортсменов «красной группы»

Ведущими шкалами выявлены «сензитивность» и «спонтанность» (60 и 40% соответственно), далее – экстраверсия, агрессивность, лабильность, ригидность (по 20%), тревожность (10%).

На третьем этапе проекта были обработаны протоколы. На обработку и анализ были взяты лишь протоколы теста Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханина (шкала самооценки уровня тревожности). Личностная тревожность – устойчивая составляющая, по этой причине сравнительный анализ уровня личностной тревожности после прохождения тренинга нами не проводился.

В табл. 3 показана динамика показателя уровня ситуативной тревожности в «красной» и «зеленой» группе.

Таблица 3

Динамика показателей уровня ситуативной тревожности лыжников-гонщиков 14–16 лет ГАУ ТО «ОСШОР по лыжным гонкам и биатлону Л.Н. Носковой» (в баллах)

Показатель	КГ (n–10)			ЗГ(n–10)		
	Нач. M ± m	Конеч. M ± m	t	Нач. M ± m	Конеч. M ± m	t
Ситуативная тревожность	41,2 ± 2,2	34,4 ± 2,1	2,4	42,2 ± 2,6	35,3 ± 0,8	2,4

Анализ результатов диагностики спортсменов как в «красной», так и в «зеленой» группе показал, что у всех спортсменов уровень состояния ситуативной тревожности снизился.

Также, по окончании тренинга, мы провели повторную диагностику коммуникативных умений в «красной» и «зеленой» группе. Результаты представлены на рис. 2–6.

Рис. 2. Динамика показателей коммуникативных умений (тест Михельсона в адаптации Ю.З. Гильбуха)

Рис. 3. Динамика показателей коммуникативных умений (тест Михельсона в адаптации Ю.З. Гильбуха)

Рис. 4. Динамика показателей коммуникативных умений (тест Михельсона в адаптации Ю.З. Гильбуха)

Рис. 5. Динамика показателей коммуникативных умений (тест Михельсона в адаптации Ю.З. Гильбуха)

Рис. 6. Динамика показателей коммуникативных умений (тест Михельсона в адаптации Ю.З. Гильбуха)

Как видно из результатов исследования, на момент окончания эксперимента выросло число спортсменов с компетентным способом реагирования.

По окончании тренинга был произведен выборочный анализ всех представленных анкет. Для анализа были выбраны пункты анкеты, оценивающие эмоциональное состояние участника до и после тренинга, пункт анкеты, оценивающий полезность и нужность предложенного на тренинге материала, и пункт, определяющий уровень личного интереса к тренингу. Данные анализа анкет представлены в табл. 4.

Таблица 4

Оценка эмоционального состояния лыжников-гонщиков 14–16 лет ГАУ ТО «ОСШОР по лыжным гонкам и биатлону Л.Н. Носковой»

Пункты анкеты	Оценка «удовлетворено» абс., %	Оценка «хорошо» абс., %	Оценка «отлично» абс., %
«Мое настроение до тренинга»	13	53	34
«Мое настроение после тренинга»	7,4	20,6	72
«Насколько мне было интересно»	1,3	7,1	91,6
«Насколько нужен и полезен для меня»	5,1	7,9	87

Следует отметить отчетливую положительную динамику эмоционального состояния участников тренинга. Высокие показатели по пунктам, определяющим интерес, актуальность и нужность представленных на тренинге материалов, свидетельствуют о явно выраженном запросе спортсменов на профессиональное психологическое сопровождение и поддержку их тренировочной и соревновательной деятельности.

Выводы:

1. Психологическая подготовка является одним из основных компонентов тренировочного процесса лыжников-гонщиков, наряду с физической, тактической, технической и другими подготовками. Итоги выступлений спортсменов в соревнованиях показывают, что конечный результат определяется и физическая готовностью, и психологическим состоянием, нередко зависящим от умения спортсмена регулировать свое состояние.

2. Оценка результатов эксперимента свидетельствует о положительном влиянии разработанной нами программы тренинга, способствующей значительному улучшению результативности спортивной деятельности лыжников-гонщиков, а также позитивному изменению свойств и качеств личности спортсменов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьянц А.И. Проблема готовности к соревнованию в спорте // Теория и практика физической культуры. 1999. № 4. С. 37–38.
2. Бондарчук Т.В, Потапов В.Н. Саморегуляция психического состояния спортсменов высшей квалификации // Теория и практика физической культуры. 2006. № 2. С. 39–40.
3. Ильин Е.П. Психология спорта. СПб. : Питер, 2008. 252 с.
4. Кузьмин М.А. Влияние личностных свойств на адаптацию спортсменов к соревновательной деятельности в циклических и игровых видах спорта // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2012. № 3 (85). С. 107–111.
5. Потапов В.Н. Формирование индивидуального стиля саморегуляции у биатлонистов // Теория и практика физической культуры. 2013. № 12. С. 65.
6. Сопов В.Ф. Теория и методика психологической подготовки в современном спорте. М. : Трикста, 2010. 116 с.
7. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. СПб. : Питер, 2004. 700 с.
8. Халманских А.В., Гурьев Л.А., Манжелей И.В. Стрелковая подготовка биатлонистов. Тюмень : ТОГИРРО, 2014. 220 с.
9. Мурычева Н.Н., Назыров Р.К. Клинико-психологическое исследование системы отношений личности больных с невротическими расстройствами (в связи с задачами диагностики и оценки эффективности психотерапии) // Психическое здоровье. 2010. № 8. С. 14–19.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 7 апреля 2019 г.

The Program for the Formation of Psychological Stability of Cross-Country Skiers Aged 14 to 16

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 215–221.
DOI: 10.17223/15617793/453/26

Anna V. Khalmanskikh, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: SAnna81@mail.ru
Nadezhda I. Ovchinnikova, Luiza Noskova Regional School of the Olympic Reserve for Cross-Country Skiing and Biathlon (Tyumen, Russian Federation). E-mail: cpsr2013@yandex.ru

Key words: program of a training, cross-country skiing, specific features of athletes.

The article considers the issues of the psychological training of skiers at a specialized school of the Olympic reserve. Based on the results of the diagnosis of individual characteristics of athletes, the authors developed a training program aimed at the formation of psychological stability of cross-country skiers. The study was carried out in conjunction with a team of psychotherapist trainers of persona, the center for personally-oriented psychology. The study involved 20 athletes of the Luiza Noskova Regional School of the Olympic Reserve for Cross-Country Skiing and Biathlon. For the diagnostic unit, the following psychological methods were used: the individual typological children's questionnaire by L.N. Sobchik, the Spielberg State-Trait Anxiety Inventory (adapted by Yu.L. Khanin), Michelson Social Skills Assessment Test (adapted by Yu.Z. Gilbukh), the MUST test (P.P. Ivanov, E.F. Kolobova) for

determining the life values of a person. In order to create psychological prerequisites for increasing the level of professional efficiency of skiers, a training seminar was held on the basis of the Pearl of Siberia, a regional winter sports center in Tyumen, Russia. The study conducted during the summative phase of the experiment allowed determining the basic methods of correctional work to form the psychological stability of 14- to 16-year-old cross-country skiers at the stage of sports improvement. To conduct trainings directly, the participants were divided into two groups: the first group ("red"), athletes with the prospect of sports growth who achieved certain sports results, and the second group ("green"), athletes participating in a special selection for training in sports groups of the Regional School of the Olympic Reserve. Based on the processing and analysis of the psychological diagnosis data of the "red" group of athletes, a training program was developed on the formation of a stable resource state "I am a professional, I am an athlete", with an increase in the level of self-understanding and reflection with awareness of one's current needs, the acquisition of the necessary competencies in recognizing personal statuses and constructive ways of setting goals. For the second ("green") group of athletes, a training program was prepared and conducted on the development of the ability to recognize emotional states, including the level of their own anxiety, aimed at training stress management in the pre-start, competitive and post-competitive periods, the formation of ways of adequate communication. Evaluation of the results of the experiment testifies to the positive impact of the developed training programs, which contribute to a significant improvement in the performance of sports activities of cross-country skiers and to a positive change in the properties and qualities of athletes' personalities.

REFERENCES

1. Grigor'yants, A.I. (1999) Problema gotovnosti k sorevnovaniyu v sporte [The Problem of Preparedness for Competition in Sport]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 4. pp. 37–38.
2. Bondarchuk, T.V. & Potapov, V.N. (2006) Samoregulyatsiya psikhicheskogo sostoyaniya sportsmenov vysshey kvalifikatsii [Self-Regulation of the Mental State of Highly Qualified Athletes]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2. pp. 39–40.
3. Il'in, E.P. (2008) Psikhologiya sporta [Sports Psychology]. St. Petersburg: Piter.
4. Kuz'min, M.A. (2012) Influence of Personal Properties on Adaptation of Sportsmen to Competitive Activity in Cyclic and Game Sports. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 3 (85). pp. 107–111. (In Russian).
5. Potapov, V.N. (2013) Formirovanie individual'nogo stilya samoregulyatsii u biatlonistov [The Formation of an Individual Style of Self-Regulation in Biathlon Athletes]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 12. pp. 65.
6. Sopov, V.F. (2010) *Teoriya i metodika psikhologicheskoy podgotovki v sovremennom sporte* [Theory and Methodology of Psychological Preparation in Modern Sport]. Moscow: Triksta.
7. Il'in, E.P. (2004) *Psikhologiya individual'nykh razlichiy* [Psychology of Individual Differences]. St. Petersburg: Piter.
8. Khalmanskikh, A.V., Gur'ev, L.A. & Manzheley, I.V. (2014) *Strelkovaya podgotovka biatlonistov* [Shooting Training for Biathletes]. Tyumen: TOGIRRO.
9. Murycheva, N.N. & Nazyrov, R.K. (2010) Kliniko-psikhologicheskoe issledovanie sistemy otnosheniy lichnosti bol'nykh s nevroticheskimi rasstroystvami (v svyazi s zadachami diagnostiki i otsenki effektivnosti psikhoterapii) [Clinical and Psychological Study of the Relationship System of Patients With Neurotic Disorders (In Connection With the Tasks of Diagnosing and Evaluating the Effectiveness of Psychotherapy)]. *Psikhicheskoe zdorov'e*. 8. pp. 14–19.

Received: 07 April 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 222–231. DOI: 10.17223/15617793/453/27

УДК 372.881.111.1

К.Г. Чикнаверова

ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ И РАЗВИТИЯ ДЕСКРИПТИВНЫХ УМЕНИЙ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Представлен анализ дескриптивных умений студентов юридических факультетов на начальном этапе изучения профессионального английского языка. Степень сформированности дескриптивных умений анализируется на категориальном, субкатегориальном, стратегическом, метаязыковом, языковом уровнях путем интерпретации соответствующих ошибок, допущенных обучающимися. В заключение сформулированы рекомендации для восполнения знаний и развития соответствующих умений, разработанные в связи с выявленными проблемными зонами.

Ключевые слова: дескриптивные умения; дефиниции; английская юридическая терминология; юридический английский язык; английский язык для специальных целей.

Введение

Проблема формирования иноязычных дескриптивных умений студентов юридических специальностей связана не только с психолингвистическими особенностями формирования данных умений, особенностями языкового оформления и передачи семантического значения терминов, но и с вопросами права. В большинстве исследований по методике и педагогике языкового образования уделяется внимание общим аспектам преподавания иностранного языка для специальных целей, в том числе юридического языка, вопросам интегрированного преподавания языка и специальности [1–3]. В частности, не освещаются вопросы выявления и устранения тавтологичности, избыточности, обучения использованию средств обеспечения точности и полноты высказывания, определению степени равнозначности синонимов и др.

Остаются недостаточно изученными вопросы классификации дефиниций, их структуры, особенностей, связанных с применением в определенных областях права. Нет даже однозначного толкования понятий «определение» и «дефиниция».

Особую сложность при недостаточной разработанности требований к формулированию дефиниций и их структуре представляет задача формирования дескриптивных умений студентов – будущих юристов в процессе изучения иностранного языка. Во-первых, необходимо ознакомление студентов с общими принципами формулирования дефиниций, определения значений слов в рамках курса иностранного языка для общих целей. Данная задача осложняется тем, что студенты, обучающиеся на правовых факультетах, недостаточно подготовлены с лингвистической точки зрения, не обладают соответствующими умениями, которые должны быть сформированы в том числе и на родном языке.

Несмотря на важность правильного формулирования дефиниций для студентов – будущих-юристов, в рамках профильных дисциплин не выявлено специализированных курсов, дисциплин или разделов дисциплин, направленных на обучение формулированию дефиниций правовых понятий. Развитие правового мышления происходит в течение всего периода обучения и еще не сформировано ко второму курсу, когда обычно вводится язык для специальных целей. Помимо этого, студенты не обладают достаточно высоким уровнем владения иностранным языком по сравнению со студентами лингвистических специальностей, а также необходимым метаязыком, базовое владение которым необходимо для обучения. Иными словами, студенты – будущие юристы обучаются одному из самых сложных, если не самому сложному подъязыку, однако не являются лингвистами, не изучают соответствующие дисциплины, что в значительной мере осложняет задачу формирования их дескриптивных умений.

В связи с этим следует отметить, что для развития умений формулирования дефиниций на иностранном языке у студентов юридических специальностей необходимо сформировать соответствующее лингвистическое и правовое мышление средствами изучаемого иностранного языка. При этом под профессиональным мышлением юриста понимается обобщенная ориентация в конкретных профессионально-правовых ситуациях действительности; у**мение целенаправленно оперировать понятиями в условиях возникшей юридически значимой практической задачи** [4]. Оно выражено через составляющие: установление всеобщих взаимосвязей в профессионально-правовой сфере; обобщение свойств однородной группы правовых явлений; понимание сущности конкретного правового явления как разновидности определенной группы таких явлений [4].

Мышление юриста должно обладать нормативностью, точностью, формализованностью выводов, в нем моделируются объективные свойства и взаимосвязи между правовыми явлениями, их существенные общие особенности, которые выражаются в форме суждений, умозаключений и понятий. Весь процесс мышления базируется на соотнесении ситуативной информации с обобщенной информацией, хранящейся в памяти индивида [5].

С другой стороны, лингвистическое мышление связано с анализом текстов, единиц более простых уровней, синтезированием из них слов, словоформ, предложений, текстов. Преподавателям необходимо расширять и систематизировать научные знания об изучаемом иностранном языке; способствовать осознанию студентами взаимосвязи его уровней и единиц; освоению базовых понятий лингвистики, основных единиц и грамматических категорий языка; овладению различными видами анализа слова (фонетического, морфемного, словообразовательного, лексического), синтаксического анализа словосочетания, предложения и текста.

Помимо прочего, необходимо подчеркнуть объективную сложность формулирования дефиниций для разных областей права в связи с полисемией терминов, распространенной синонимией, расхождением семантических полей понятий в разных правовых системах, лакунарностью и др. Со сложностью составления дефиниций и их интерпретации сталкиваются как юристы-практики, так и теоретики, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, посвященные анализу использования правовых дефиниций, последствиям применения дефиниций, характеризующихся избыточностью, неполнотой или неточностями, анализу существующих дефиниций в юридических документах, в том числе нормативных, выявлению соответствующих недостатков и внесению рекомендаций к их устранению.

Указанные факторы свидетельствуют об актуальности обсуждения проблемы описания умений формулирования дефиниций правовых терминов, а также способов развития соответствующих умений студентов. В рамках данной статьи поставленная цель достигается путем анализа ошибок разного уровня, которые допускают студенты – будущие юристы на начальном этапе изучения юридического английского языка при формулировании дефиниций юридических терминов, и составления соответствующих рекомендаций. Полученные данные могут быть использованы при разработке курсов обучения иностранному юридическому языку, в том числе для определения последовательности введения материала, направленного на формирование дескриптивных умений студентов, а также для профилактики потенциальных ошибок обучающихся.

В качестве материала были выбраны термины договорного права, так как именно данная область права является наиболее востребованной. Следует отметить сохраняющийся объем сделок между российскими и зарубежными предприятиями. В таких условиях создается необходимость правового регулирования коммерческих взаимоотношений, в связи с чем наиболее востребованным юридическим документом является договор, а термин является ключевым при интерпретации договора. В связи со значительным распространением английского языка именно он выбирается в качестве языка международных договоров, часто договоры составляются на русском и английском языках и имеют равноправный характер. Именно поэтому особую значимость приобретает точность перевода, что предполагает точное понимание семантики используемых терминов, знания степени совпадения объема эквивалентных понятий и т.д.

Таким образом, в сложившихся обстоятельствах особенно актуально обучение англоязычной лексике договорного права, выявлению ее особенностей, сопоставлению с соответствующими эквивалентами российского договорного права и интерпретации с учетом лингвокультурных характеристик. О востребованности обучения языку договоров свидетельствуют и зарубежные исследования, рекомендующие осуществлять обучение юридическому языку исходя из принципа профессионального реализма [6]. Данный принцип в первую очередь предполагает обучение наиболее востребованным отраслям права в соответствии с запросами рынка труда той или иной страны либо международного рынка занятости, а также опоры на частные принципы глобализации, профессионализации и специализации.

Методология

В процессе анализа накопленного опыта формирования дескриптивных умений студентов нами не было выявлено исследований, посвященных данной теме, как и публикаций с анализом соответствующих ошибок, в связи с обучением юридическому языку в целом и английскому (или иностранному) юридическому языку в частности. В ходе изучения научно-теоретической литературы были обнаружены исследования У.М. Трофимовой и ее аспирантов, посвященные анализу сформированности дескриптивных умений в рамках общелитературной лексики, но не их формированию [7].

В научно-теоретической литературе не обсуждаются трудности, с которыми могут столкнуться студенты при формулировании дефиниций юридических терминов, не описаны характерные ошибки русскоязычных студентов как языкового, так и логического характера. Однако достаточно подробно изучены термины в целом и юридические термины в частности, как на русском, так и на иностранном (английском) языке, их структура, классификация, семантика, лингвокультурные особенности, лексикографическое описание. Помимо этого, в правовой литературе активно разрабатываются вопросы формулирования и интерпретации дефиниций юридических терминов, существующие проблемы формулирования дефиниций, требования, которые к ним применяются, и правовые последствия их использования. Далее представим обзор источников, послуживших методологической основой нашего исследования, более подробно.

Широко представлены общие вопросы лексикографии [8], терминоведения, сущность и классификация дефиниций, дефинационные приемы и методы [9–20]. Исследуются частные вопросы определения значений слов, в том числе в связи с лакунарными единицами в юридической терминологии [21]. В последнее время как в юридических, так и в лингвистических изданиях активно освещаются проблемы формулирования юридических дефиниций в целом и в различных областях права в частности [22–24], особенно пристально в связи с этим изучается область законодательства [25]. Следует также отметить проблемы адекватного отражения значения терминов в дефинициях [26], выявление недостатков в существующих дефинициях в области права [27].

Для построения теоретико-методологической основы исследования необходимо определиться со значением юридического термина, его структурой, а также тем, что мы будем понимать под дефиницией юридического термина, ее структурой, под требованиями к ее оформлению.

Несмотря на различие наименований, ученые сходятся на наличии двух больших групп – термины, состоящие из одного слова, и термины, состоящие из двух и

более слов. Мы придерживаемся понимания С.В. Гринева-Гриневича [11], выделившего односложные термины (термины-слова) и многосложные – термины-словосочетания. Термины-слова в зависимости от их структуры подразделяются на корневые, аффиксальные и сложные. Под корневыми понимаются термины, основа которых совпадает с корнем. Аффиксальными терминами-словами считаются терминологические единицы, состоящие из корня и аффиксов (суффиксов или префиксов). Сложные термины – термины-слова, состоящие из двух и более корней, написанных слитно или через дефис. Корневые термины в свою очередь являются основой для расширения терминологии с использованием аффиксации и конверсии [22].

Согласно наиболее распространенному мнению, высказанному в частности Л. Хоффманом [18], термины, как правило, представлены существительными или прилагательными, глаголы употребляются намного реже. Однако в связи с материалом, используемым в нашей работе, следует оговориться, что в связи с целевой направленностью договоров в них часто указывается необходимость выполнения действий или воздержание от их выполнения. Помимо этого, в договорном праве содержится большое количество терминов, в которых совпадают по форме существительные и глаголы. Также в договорах чаще встречаются термины словосочетания, что помимо прочего подтверждается данными исследования М.А. Гросс [22].

В свою очередь, в самых общих чертах лингвисты трактуют дефиницию как «краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные (качественные) признаки явления, предмета» [23]. Дефиниции часто трактуются как вертикально-горизонтальные или родо-видовые, и определение значения строится на базе установления родового класса [14. С. 64]. Другие виды дефиниций трактуются некоторыми исследователями уже не как дефиниции, а как толкования [8], при этом последние делятся на дефиниции (толкования в собственном смысле слова) и свободные дескрипции [8]. Н.И. Кондаков, в частности, рассматривает такие определения в качетве дополнительных приемов, которые используются для дополнения определений, и выделяет 6 таких приемов.

1. Указание – ознакомление с предметами непосредственного восприятия (остенсивное определение).

2. Объяснение – комплекс приемов, помогающих установить достоверность суждений относительно неясного значения или имеющих целью вызвать более ясное или отчетливое представление о более или менее известном термине, явлении или норме, и состоит из дефиниендума и дефиниенса. В отличие от дефиниций в объяснениях дефиниенс отличается свободной формой презентации как в лексико-семантическом, так и в синтаксическом аспектах. В то время как дефиниция отличается жесткой структурой, относительно небольшим объемом и обязательными эксплицитными или подразумеваемыми элементами эквивалентной корреляции.

3. Описание – перечисление признаков, которые раскрывают его более или менее исчерпывающе. При этом в описание включаются не только существенные, но и несущественные признаки. Чем меньше признаков, тем успешнее считается описание.

4. Характеристика – указание заметных признаков объекта, имеющих известное значение в каком-либо отношении.

5. Сравнение – сопоставление с другими понятиями, похожими на определяемое.

6. Различие – сопоставление, в котором прежде всего выделяются различительные признаки [12].

С.Д. Шелов считает, что разные способы формулирования дефиниций являются разновидностями, при этом он признают их дефинициями [19]. Его классификация частично перекликается с признаками, выделенными Н.И. Кондаковым. Так, С.Д. Шелов выеляет: 1) родовидовые (классификационные); 2) перечислительные (списочные, перечневые); 3) контекстуальные, 4) операциональные, 5) общие, 6) неспецифические [19. С. 3]. Все эти типы, согласно Хижняк [26], используются для определения юридической терминологии.

В рамках нашего исследования определения и объяснения приравниваются к дефинициям. В этом вопросе наша позиция близка точке зрения С.Д. Шелова, Ю.В. Юлинецкой. Последняя считает, что между дефиницией и объяснением нет принципиальной разницы, и рассматривает объяснение как один из способов дефинирования, а его конечный результат как дефиницию-экспликацию, характерную для энциклопедических словарей и научно-теоретической литературы [20]. Она выделяет, помимо прочего, прямые и обратные дефиниции – как те, в которых на первом месте находится дефиниендум, а дефиниенс занимает постпозицию, и наоборот [20. С. 163]. Прямые дефиниции, по мнению исследователя, легче усваиваются [20. С. 164]. Помимо указанных Ю.В. Юлинецкая отмечает развернутые и свернутые дефиниции, которые выделяются в зависимости от наличия или отсутствия коррелята эквивалентности. При этом развернутые дефиниции содержат три элемента – дефиниендум, коррелят, дефиниенс, а свернутые содержат два элемента – дефиниендум и дефиниенс и не содержат коррелята. В синтаксическом плане свернутые дефиниции представляют собой структуры, в которых дефиниендум или дефиниенс репрезентируется как приложение или вводная конструкция.

В зависимости от семантического соотношения дефиниендума и дефиниенса, исследователь выделяет (1) родо-видовые дефиниции, (2) дефиниции описательные и (3) характерологические [20. С. 164]. Она также подчеркивает, что возможны случаи, когда дефиниенс представляет собой ссылку на другие разделы документа или иные документы, что нельзя трактовать как дефиниции, и именует их квазидефинициями. В таких случаях термин остается семантически закрытым, подобные дефиниции также именуются как дефиниции-референции, бланкетные ниши. Автор относит к таким квазидефинициям положения, указывающие на рамки применения определенных положений; оговорки, в которых представлены условия, при которых действуют соответствующие положения или уточняется сфера применения конкретного термина, и приводит реляционные глаголы, с помощью которых оформляют такие бланки (*affect, apply, extend* и т.п.) [20. С. 164–165].

В рамках юридических текстов дефиниция приобретает дополнительную значимость, в связи с чем в нашем исследовании, помимо собственно лингвистических аспектов, необходимо рассмотреть правовые аспекты формулирования и использования дефиниций. С позиций права юридические термины представляют собой «словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативных предписаний государства» [25. С. 90–91]. Определения терминов в юридических документах должны способствовать «единственно возможному в условиях данного юридического контекста пониманию смысла соответствующего понятия, служат проводником его языковой объективности» [24. С. 43]. Поэтому дефиниции юридических терминов должны отражать только существенные признаки обобщаемых явлений. Наличие случайных, второстепенных и производных признаков может привести к избыточности и отрицательно повлиять на извлечение смысла того или иного юридического понятия [25]. При формулировании дефиниций необходимо избегать двусмысленности, неточности, а в случае использования синонимов использовать равнообъемные понятия. Помимо указанного, в дефинициях следует избегать использования понятий, которые сами по себе нуждаются в определении [25. С. 92]. Отмечается также, что необходимо учитывать межотраслевые связи: либо использовать понятие в его отраслевом значении, либо уточнить его смысл в тексте нормативного акта [25. С. 92]. Однако отмечается также, что дефиниция должна быть полной и отражать все обобщаемые явления, но в то же время не слишком узкой и не избыточной.

Толкование юридического термина признается полным и правильным, когда обеспечивается «информационно-интерпретационная адекватность на “входе” и “выходе” информационно-интерпретационного канала общения», а автор дефиниции рассматривается и как отправитель сообщения и как первичный интерпретатор [20. С. 161].

Юристы осознают недостатки юридических дефиниций, объясняя это следующим: 1) некоторые дефиниции не успевают реагировать на изменяющиеся общественные явления; 2) явления общественной жизни, признаки которых необходимо закрепить в дефиниции, сложны, их существенные признаки трудно выразить в формулировке дефиниции; 3) отсутствуют единообразные подходы к выделению сущностных признаков правовых явлений; 4) допускаются ошибки в формулировании дефиниций, например вследствие закрепления в них второстепенных признаков [27. С. 330–339].

Для решения указанных проблем С.П. Хижняк предлагает, в частности, не выносить информацию, входящую в терминологический фон данных (исторические данные, условия правоприменения с отсылками к определенным нормативно-правовым актам, критические суждения, классификации, с которыми соотносится данный термин и т.д.), за рамки дефиниции. Он считает, что формулирование дефиниций должно основываться на компонентном анализе значения, разработанного в лингвистике, исходя из того, что терминологическое значение является разновидностью общеязыкового лексического значения, основанного на формальном понятии [26. С 234). При таком анализе выделяют два типа семантических компонентов (сем) – интегральные и дифференциальные, последние представлены семами нескольких уровней. Интегральные семы включают категориально-грамматические, лексико-грамматические и категориально-лексические семы. Категориально-грамматические семы объединяют слова языка в части речи.

В связи с тем что большинство терминов являются существительными, автор далее выделяет предметность, которая затем дифференцируется на уровне лексико-грамматических сем такими разрядами, как ‘одушевленность / неодушевленность’, ‘абстрактность / конкретность’ и др. Категориально-лексические семы далее дифференцируют эти предметы на ‘опредмеченные действия’ (действия, выраженные в форме существительных), ‘опредмеченные качества’ (состояния), ‘лица’, ‘инструменты’ и т.д. Именно на этом уровне, по мнению исследователя, для юридических классификаций важно выработать типовые юридические семы, которые могут повторять общеязыковые (‘действие’, ‘состояние’, ‘лицо’ и др.), но могут быть добавлены и другие категориально-лексические семы (‘факт’, ‘событие’, ‘вещь’ и др.). Следующий уровень сем в общелитературном языке является конечным и представлен дифференциальными семами [26]. Такой подход позволяет использовать уже накопленные данные в области языка для общих целей и адаптировать их с учетом специфики юридических терминов.

Таким образом, для проведения нашего исследования мы исходим из того, что юридические термины представлены односложными терминами и терминами-словосочетаниями, первые из которых могут быть корневыми, аффиксальными и сложными. Рамки нашего исследования ограничены терминами англо-американского договорного права, имеющими ряд специфических характеристик – именно в договорах представлены термины-словосочетания наряду с односложными терминами, в отличие от многих других отраслей права здесь присутствуют термины-глаголы.

Мы не разделяем понятия «объяснение», «определение» и «дефиниция», а также другие возможные синонимичные «дефиниции» понятия, считая, что различные способы и формы формулировок представляют собой различные формы дефиниций, кроме так называемых квазидефиниций, которые являются отсылкой к определенным источникам, а не собственно дефинициями. Помимо этого, при обучении формулированию дефиниций необходимо учитывать не только лингвистические факторы (подбор синонимов, словосочетаний, дериватов, соблюдение определенных синтаксических структур и стиля и т.п.), но и требования единственно возможной интерпретации терминов, избегания двусмысленности, избыточности, случайных, производных признаков, сохранения наличия только существенных элементов, а также соблюдения других требований, предъявляемых к терминам, использующимся в юридических документах разного уровня.

Методы исследования, описание выборки обучающихся и содержания обучения

В целях исследования был проведен направленный эксперимент, в котором приняло участие 37 студентов 2-го курса факультета международного права (Одинцовского филиала МГИМО МИД России) – носителей русского языка. Всего было получено около 1 147 дефиниций. Анализ полученных толкований осуществлялся на фоне толкового словаря юридических терминов Блэка (Black`s law dictionary) [28], онлайн-словаря компании Translegal (https://www.translegal.com/legal-english-dictionary).

В качестве материала для исследования были использованы единицы юридической терминологии (31), выделенные методом сплошной выборки как наиболее частотные тематические группы англо-американского договорного права. В данную лексическую группу вошли существительные и глаголы (термины-слова: корневые, аффиксальные и сложные), а также словосочетания. Для этой цели нами были проанализированы материалы, входящие в курс обучения договорного права, компании Translegal (https://www.translegal.com/), курсов юридического английского языка издательства Кембридж Юниверсити Пресс (CUP) (ссылка на учебные материалы представлена в списке литературы под номерами 29–31). Данная тематика была выбрана, так как она разбирается в рамках большинства курсов юридического английского языка в вузе (о чем подробнее сказано выше), и в связи с тем что студенты, включенные в эксперимент, прошли аналогичные материалы в рамках нескольких теоретических курсов по специальности на родном языке.

Студенты, вошедшие в выборку, характеризуются академической успеваемостью по английскому языку от B1–C1 (по шкале CEFR). Предшествующий курс языка для общих целей включал 10 часов в неделю, при параллельном изучении на общий курс выделяется 8 часов, на юридический английский – 2 часа в неделю. Родной язык студентов – русский. В каждой языковой группе обучается от 7–10 студентов.

Перед началом эксперимента все студенты получили одинаковую установку, чтобы создать для всех участников одинаковые условия и в максимально возможной степени исключить факторы, которые могли бы исказить объективность полученных данных. Студентам было объявлено, что их работы анонимны, не будут оцениваться и никак не повлияют на их текущие результаты или итоговый рейтинг. Отводилось фиксированное время на выполнение заданий, испытуемые были лишены возможности пользоваться справочными изданиями. Контроль осуществлялся как на экзамене (для предотвращения списывания друг у друга или использования источников).

После проведения тестирования полученные данные подверглись первичному анализу, ряд терминов не были определены студентами по причине незнания, неузнавания, из-за нехватки времени. Помимо этого, несмотря на запрет, некоторые студенты использовали справочные источники, все обнаруженные случаи заимствования формулировок были также исключены из данных, которые были подвергнуты дальнейшему анализу.

Исследование и результаты

На материале полученных данных предполагалось описать дескриптивные умения студентов на категориальном, субкатегориальном, стратегическом, метаязыковом, языковом уровнях путем анализа их ошибок, допущенных на указанных уровнях.

На категориальном и субкатегориальном уровнях можно говорить о невладении понятием, мнимом (ошибочном) владении понятием, частичным владением понятием. Несмотря на то что синтагматический ряд ограничивал восприятие лексики договорным правом англо-американской правовой системы, в некоторых случаях были даны дефиниции, характерные для сферы языка для общих целей или других областей права.

Встречались нарушения синонимических отношений между стимулом и идентификатором, неоправданная тенденция к категориальному единообразию, семантическая пустота при имитации дефиниции. Выявлены случаи, когда часть выдается за целое, нарушаются причинно-следственные связи, термин определяется через цель, т.е. представляется один или два дифференциальных признака и не указывается родовой понятийный компонент. При этом не осознается, что указанные дифференциальные признаки могут также наличествовать у других терминов. И наоборот, указывается только родовой содержательный признак, но не упоминаются дифференциальные. В ряде случаев не отражается собственно юридическое содержание терминов.

Выявленные проблемы включают также избыточность, в том числе тавтологичность, неполноту, неточность формулировок, а также лексические, грамматические и стилистические ошибки, частотность которых обусловлена лингвистическими характеристиками дефиниций юридических терминов. При ответах выявлена определенная градация владения данной терминологией, которая проявлялась в отказах, пропусках, ошибочных дефинициях, неточных и неполных дефинициях.

Ошибочные дефиниции на понятийно-категориальном уровне были выявлены в случаях: когда данное понятие отсутствует в понятийном поле студента, в связи с чем он отказывается предоставить какую-либо дефиницию, указывая в соответствующей строке «не знаю» или оставляя соответствующую строку не заполненной; данное понятие созвучно, в какой-либо мере напоминает известное студенту понятие, возможны случаи паронимии, ассоциативных связей, ложных когнатов (в случае извлечения значения через родной язык); когда студент осознает, что не владеет данным понятием, но тем не менее предпринимает попытку его толкования. Приведем примеры*: **indemnity** – do not offer another circumstances in order to get a client; **representations and warranties** – some points that are important to the party of a contract and they are given to another one to invite party to a contract; **consideration** – agreement with clauses of the con-*

tract; ***novation*** *– obligations to do something and sanctions for non-performance;* ***non-completion*** *– a clause not to do the same business for a party when he gives up to perform a contract;* ***enforceability*** *– to retain power;* ***discharge*** *(from a duty to perform) – is a situation when liabilities of one party to a contract transfer to the third party;* ***acceptance*** *– when you execute a contract;* ***damages*** *– losses as a result of the bridge the law acts;* ***defences*** *(to contract formation) – measures of protection of…;* ***relief*** *– an act of a party being released from its obligations;* ***enforceability*** *– putting a contract into legal force* (в приведенных примерах не учитываются языковые ошибки).

К другим причинам ошибочных дефиниций следует отнести случаи, когда студент владеет понятием, но в силу неспособности разграничить синонимы или значения несинонимичных слов формулирует неправильно. Приведем примеры: ***consideration*** *– is one of the terms of a contract (скорее всего имеется в виду – одно из условий заключения договора);* ***remedies*** *– different kinds of legal force;* ***third party rights*** *– liabilities of non-parties to contract that have some connection therewith;* ***force majeure*** *– extra critical acts.*

Также в качестве причин искажения смысла были отмечены случаи сверхобобщения правил словообразования (***guarantee*** *– a person who receives something guaranteed; a person who secures an execution*).

Ошибочные дефиниции также возможны в связи с использованием в качестве синонимичных и одноуровневых понятий, связанных между собой причинно-следственными связями или находящихся в жесткой иерархии, общеродовых и частных (например: *remedies=damages=relief; terms=contract clauses=provisions of a contract=material condition=article of contract; battle of the forms=counter offer; law=legislation*), а также при противопоставлении терминов, которые передают идентичные понятия в разных юрисдикциях, и терминов, которые не являются синонимичными, рассматриваются как таковые.

Ошибочными были признаны определения, обобщенные или упрощенные до такой степени, что практически невозможно извлечь их смысл (приближающиеся к так называемой семантической пустоте). Примеры: ***contract clauses*** *– some* ***circumstances*** *that can happen under certain circumstances*. Встречается и такая степень обобщения, при которой смысл высказывания сохраняется, но в рамках тематики англо-американского права такое толкование является ошибочным. Примеры: ***invitation to treat*** *– invitation of one person to another one;* ***performance*** *– actions of a company, performance of duties;* ***guarantee*** *– confirmation of some information;* ***consideration*** *– a payment or reward;* ***acceptance*** *– agreement to do sth.* В таких случаях студенты дают определение общелитературного слова, а не юридического термина, такое также возможно при использовании многозначных терминов (которые приобретают разные значения в разных правовых системах, отраслях права и т.п.) и омонимов.

Зафиксированы случаи нарушения причинно-следственных связей в связи с выбором языковых средств. Пример: ***representations and warranties*** *– confirmation of performance of the contract* (здесь очевидно, что выполнение договора подтверждается постфактум, хотя заявления и гарантии предполагают последующее выполнение договора).

Другой частотной ошибкой являются неточные и неполные дефиниции. В частности, случаи, когда сохраняется один из уточняющих признаков, но отсутствует главный определяющий. Пример: ***novation*** *– when an old contract transforms into a new one.* Случаи, когда при использовании перечисления в качестве дефиниции называются не все значимые признаки и свойства. Пример: ***types of contracts*** *– depending on different clauses (number of parties, aim etc.) there are different contracts;* ***contract law*** *– an area of law that deals with creation of contracts, entering into a contract and fulfilling contracts;* ***contract law*** *– law regarding contract formation, performance, or termination;* ***agreement*** *– not binding can be oral or written*. Также было отмечено выделение только общей характеристики без дифференциальных признаков: ***non-competition*** *– special clause which may be included in a contract.*

В случае многозначности термина указывается лишь одно значение в связи с незнанием других, либо студенты не считают необходимым указывать все или указывают наиболее частотное.

Неполнота или неточность может быть также вызвана пропуском значимых слов (***contract clause –*** *is additional --- to a contract;* ***novation*** *– the change of the performing party ---; it refers to transfer --- a right of one --- to another*), что в свою очередь может привести к двусмысленности.

Неточность также была обнаружена при определениях через синонимы без указания дифференциальных признаков: ***contract*** *– agreement;* ***relief*** *– similar term to the remedies*. К неточности можно отнести и неоправданное сужение значения: ***relief*** *– clause of American contract when a parties must offer monetary compensation to perform a contract.* Сужение часто наблюдается при использовании толкования через пример: ***contract interpretation*** *– is a process when a court determines the meanings of a contract;* ***force majeure*** *– for example, Acts of God;* ***force majeure*** *– case when parties can not execute their rights or obligations due to the act of nature;* ***termination*** *– is a situation when (employer or employee) wants to end the employment relationship thus this process can be done by termination the contract of service.*

Далее приведем примеры избыточности, в частности тавтологии: ***assignment*** *– is a type of* ***process*** *during which a person transfers rights to another person;* ***enforceability*** *– a contract can be enforced in a court, executed by court`s decision;* ***discharge*** *(from a duty to perform) – discharge someone from something (duty, liability).* Случаи избыточности в том числе свидетельствуют о несформированности метаязыка.

На стратегическом уровне в целом следует отметить, что даже у одного и того же студента не обнаруживается единого подхода к формулировке дефиниций, например только через родо-видовые признаки (или перечисление), также выбор способа определения значения термина в целом нельзя признать логичным, т.е. когда выбирается определенная форма дефиниции в связи с невозможностью

формулировки более привычными средствами, например перечисление вместо родо-видового определения и т.д. В большинстве случаев дефиниции интуитивные.

Следует отметить неоправданное использование инфинитивов для толкования существительных (***assignment*** *– to give the right to use something*); конструкций с *«when» (**confidentiality** – when parties do not disclose some information*), повелительного наклонения (**non-competition** – *do not offer another circumstances in order to get a client*) и опору на контекст, при том что такие стратегии, как правило, не применимы к толкованию юридических терминов, а также не подходят для единиц с сочетательной непредсказуемостью, к которым, помимо прочего, относятся высокочастотные слова.

На языковом уровне были отмечены лексические ошибки, не приводящие к искажению смысла всей дефиниции. Пример: ***consideration*** *– an equivalent of sum of money or property received by the offeree in favor of formation or other material goods of a contract; **contract law** – law regarding contract formation, performance, or termination.*

Выявленные наиболее частотные грамматические ошибки: порядок слов, использование местоимений (в частности – *who, which, that*); использование «*while*» с существительным (***battle of the forms*** *– when potential parties to a contract suggest new contractual clauses while contract formation*); использование причастий (***remedies*** *– an institute protected the party of a contract*); герундии (***assignment*** *– this means transfer **r**ights from one party to another one; it refers to transfer a right of one to another*); использование отрицаний с безличными формами глагола (*non-competition – agreement to not compete*); согласование подлежащего со сказуемым и порядок слов (***third party rights*** *-rights that have the third party by the agreement*); использование «*will*», передающего значение «повторяющегося действия, характерного поведения» для определения действия закона (***contract law*** *– law that will regulate relations of parties*); неправильное использование форм единственного / множественного числа существительных (***novation*** *– it is a mean by which one party to a contract removes himself from the contract by transferring his duties and benefits under the contract*).

По причине незнания некоторых грамматических правил (например, употребления артиклей, предлогов) возникает ошибочное отождествление понятий (*the other party=the third party=another party: remedies – means of legal protection that a non-breaching party can seek in case of breaching a contract by **another** party*).

Гораздо более частотны ошибки на стыке лексики и грамматики: сочетаемость слов (***enforceability*** *– an ability of a contract to be enforced in the court ; **termination** – last step of performance of a contract when all liabilities are finished; liabilities are completed; **confidentiality** – is a principle of non-speaking the information*; словообразование (***novation*** *– change of an obligator to a contract*); референции (при обозначении стороны договора часто используют «*they*», как и в языке для общих целей).

Были также выявлены стилистические ошибки, но их частотность не высока: ***performance*** *– is a situation when a party completes/copes with its obligations mentioned in a contract; **discharge** (from a duty to perform) – to get rid of duties under the contract).*

В силу выявленных ошибочных дефиниций, а также других допущенных ошибок студентов очевидно, что их целенаправленно не обучали умениям формулирования дефиниций на родном языке. Элементы правильного толкования, обнаруженные в полученных данных, связаны с неосознанным усвоением знаний и умений, приобретенных студентами при работе с толковыми словарями на родном и иностранном языках. Общие выводы проведенного эксперимента: у студентов не сформированы четкие умения формулирования юридических дефиниций, однако у многих есть представление о словарных дефинициях, которые они смогли полностью или частично продемонстрировать. Что касается уровня метаязыка, то проблемы обнаруживаются при большей описательности, ведущей к избыточности или неточности в связи с недостаточным владением метаязыком.

Заключение

Анализ умений студентов формулировать дефиниции юридических терминов на иностранном языке является сложным, так как включает в себя множество факторов, начиная от когнитивных особенностей студентов, в том числе с учетом их возраста, их индивидуальных особенностей, предшествующего опыта обучения в целом и обучения иностранному языке в частности, их общей эрудиции, фоновых и профессиональных знаний. В рамках данной статьи нам удалось определить предшествующий опыт изучения иностранного языка обучающихся, а также профильных курсов на родном языке, которые они прослушали к моменту изучения юридического английского языка. Студенты также были отобраны в соответствии с уровнем владения иностранным языком (английским).

Далее для прозрачности анализа данных, полученных в результате интерпретации формулировок дефиниций юридических терминов на английском языке, мы выделили категориальный, субкатегориальный, метаязыковой, стратегический и языковой уровни. Анализ данных на этих уровнях позволил выявить недостаточную сформированность дескриптивных умений студентов, наличие ряда сложностей на всех выявленных уровнях, что вызвано отсутствием и целенаправленного обучения формулированию дефиниций на родном языке, и необходимых стратегических и лингвистических навыков и умений, и недостаточной сформированностью профессионального мышления у студентов.

Данные экспериментального исследования позволили выявить и классифицировать ошибки студентов на всех уровнях, и далее мы представляем соответствующие практические рекомендации для разработки базового курса обучения формулированию юридических терминов в рамках изучения английского язы-

ка для специальных целей. Прежде всего, первые два уровня позволяют проследить понятийные пробелы, отсутствие системных знаний, нарушение либо недостаточное развитие логического мышления, необходимого юристам в профессиональной деятельности. В нашем случае были выявлены некоторые сложности с выстраиванием причинно-следственных связей, родовидовых характеристик, ряд понятийных пробелов. В зависимости от конкретных результатов необходимо вынести на самостоятельное изучение на родном языке (или изучаемом иностранном – в зависимости от уровня владения иностранным языком) те разделы права (в нашем случае договорного права), по которым были выявлены затруднения и пробелы, обращая особое внимание на сопоставительные аспекты соответствующих правовых систем. На этом же уровне необходимо сформулировать особенности терминов как в семантическом аспекте, так и в аспекте сочетаемости и определить черты, отличающие их от общеупотребительной лексики.

Стратегический уровень позволяет выявить стратегии, которые выбирают студенты при формулировании той или иной дефиниции. Как уже было сказано, большинство дефиниций – интуитивные, хотя для определения некоторых наиболее распространенных терминов они используют кодифицированные дефиниции (вероятно, воспроизводя их по памяти или по аналогии из словарей, энциклопедий или учебников, составленных на русском языке). На этом уровне необходимо классифицировать термины в соответствии с формами дефиниций, которые рекомендуется к ним применять. Следует оговориться, что наиболее предпочтительными признаются родо-видовые дефиниции, так как они содержат родовое понятие и дифференциальные признаки, характеризующие дефиниендум. В случаях, когда такая дефиниция невозможна в связи со спецификой термина, рекомендуются перечислительные дефиниции, которые содержат ряд видовых терминов, соотносимых с определяемым. Далее упоминаются контекстуальные дефиниции, которые содержат видовые отличия, но в них не указывается родовой признак. Возможно использование операциональных дефиниций, которые выражаются через действие, необходимое для получения результата, обозначенного термином. Также возможно использование общих дефиниций, т.е. не указывающих соответствующую отрасль (в случае если термин не является отраслевым).

Для толкования юридических терминов используется также и неспецифическая дефиниция, содержащая родовой признак, но лишенная дифференциальных признаков. Студентов необходимо с ней ознакомить, с оговоркой о том, что такая дефиниция не является исчерпывающей и под нее могут подпадать несколько терминов. Также следует обратить внимание на отсылочные определения, которые не признаются дефинициями. Предлагается также разработать мини-курс по работе с энциклопедическими и другими специализированными словарями. После чего рекомендуется поручить студентам проанализировать базовые термины курса в рекомендуемых словарях и выявить способы формулирования дефиниций, их тип и структуру. Помимо этого, важно продемонстрировать способы выявления тавтологии, избыточности, в частности лексической, а также избегания неточностей и неоправданного обобщения.

На метаязыковом уровне рекомендуется вводить базовые лингвистические термины, используемые для описания дефиниции, ее видов и структуры. Кроме того, студентов необходимо ознакомить с общей структурой дефиниции, ее составляющими (дефиниендумом и дефиниенсисом с коррелятом и без, т.е. развернутыми и свернутыми дефинициями (последние встречаются в виде приложения или вводной конструкции)), а также прямыми и обратными дефинициями.

Далее необходимо выстраивать работу на лингвистическом уровне. Для этого необходимо на уровне грамматики выявить те темы, в которых допущены наиболее репрезентативные ошибки. В нашем случае к ним можно отнести контекстное использование артиклей, использование артиклей с местоимениями (в частности, со словом «*other*»), с собирательными и неисчисляемыми существительными; порядок слов (в частности, при использовании наречий); согласование подлежащего и сказуемого (особенно в случае, если в качестве сказуемого используется неисчислимое или собирательное существительное); использование некоторых местоимений (в частности: *who, which, why, whose*); использование активных и пассивных причастий и герундия после существительных и глаголов, имеющих управление, и после глаголов без управления; использование отрицаний с глаголами (в частности, с безличными формами глагола); использование модальных глаголов (в частности, *shall, will*); вопросы референции в связном тексте.

Что касается лексического и лексико-грамматического уровней, то необходима семантизация всей значимой терминологии курса, объяснение базовых принципов построения терминов. После чего требуется системная работа по выявлению коллокаций и обучение студентов правильно сочетать слова в рамках дефиниции. При этом необходимо проанализировать все распространенные словосочетания и ввести правила, где это возможно, сочетаемости слов. Важно обращать внимание на использование предлогов в различных функциях (управление частотных глаголов и существительных, в рамках грамматических конструкций, клише и устойчивых выражений), на вопросы словообразования (образование глаголов от существительных с помощью префиксов, существительных от глаголов с помощью суффиксов, суффиксации для обозначения сторон договора), при этом указать на полисемию аффиксов. Особо сделать упор на выявлении синонимов и сопоставлении их семантических полей, на обучении выявлению полисемии терминов и особенностям применения таких полисемичных терминов, а также определению омонимов и ложных когнатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазова Н.И., Баранова Т.А., Обдалова О.А. и др. Интегрированное обучение иностранным языкам и профессиональным дисциплинам. Опыт российских вузов / под ред. Л.П. Халяпиной. СПб. : СПб. политехн. ун-т Петра Великого, 2018. 380 с.
2. Медведева Л.Г., Гураль С.К. Формирование иноязычного профессионально-ориентированного тезауруса у студентов юридической специальности / под науч. ред. С.К. Гураль. Томск : Том. гос. ун-т, 2010. 130 с.
3. Сысоев В.В., Завьялов В.В. Обучение письменному иноязычному юридическому дискурсу студентов направления подготовки «Юриспруденция» // Язык и культура. 2018. № 41. С. 308–326.
4. Жалинский А.Э. Профессиональная деятельность юриста. М. : БЭК, 1997. 330 с.
5. Сартаев С.С., Ибраева А.С. Правовая культура юридического сообщества // Вестник КазНУ. Сер. юридическая. 2001. № 4. С. 3–12.
6. Biel L. Professional realism in the legal translation classroom: Translation competence and translator competence // Meta. 2011. Vol. 56, № 1. P. 162–178. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-10-6958-1_2
7. Трофимова У.М. О некоторых особенностях семантизаций семантически связанных слов в психолингвистическом эксперименте // Вопросы филологии. 2005. № 1. С. 33–40.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974. 472 с.
9. Арбатский Д.И. Семантические определения (Основные проблемы толкований лексических значений слов) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Л., 1982. 40 с.
10. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории / отв. ред. Т.Л. Канделаки. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 248 с.
11. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М. : Академия, 2008. 304 с.
12. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М. : Наука, 1976. 721 с.
13. Лейчик В.М. Терминодение: предмет, методы, структура. М. : ЛКИ, 2007. 256 с.
14. Найда Ю.А. Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1983. Вып. 16. С. 61–75.
15. Оглезнев В.В. Границы применимости родовидовых определений в юридическом языке // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 77–81.
16. Стернин И.А. Методы описания семантики слова. Ярославль : Истоки, 2013. 34 с.
17. Уфимцева А.А. К вопросу о так называемом дефиниционном методе описания лексического значения слова // Слово в грамматике и словаре. М. : Наука, 1984. С. 134–141.
18. Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache: Eine Einführung. Berlin : Akademie-Verlag, 1976. 498 c.
19. Шелов С.Д. Терминоведение: семь вопросов и семь ответов по семантике термина // НТИ. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2001. № 2. С. 3–9.
20. Юлипецкая Ю.В. Основные разновидности дефиниций в юридических текстах // Записки з романо-германської филології. 2017. Вип. 1 (38). С. 160–167.
21. Шкилев Р.Е. Лакунарные единицы в юридической терминологии (на материале английского и русского языков) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 221–225.
22. Гросс М.А. Структурные особенности английских терминов-слов договорного права // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (46), Ч. 1. С. 54–56.
23. Кашанина Т.В. Юридическая техника. М. : Норма; Инфра-М, 2011. 496 с.
24. Туранин В.Ю. Сущность и значение дефиниции в современном законодательном тексте // Современное право. 2006. № 5. С. 43–48.
25. Арямов А.А., Руева Е.О. Формулирование юридических дефиниций (на примере антикоррупционного законодательства РФ) // Lex Russica. 2017. № 8 (129). С. 90–100.
26. Хижняк С.П. Терминологическое значение и его отражение в дефинициях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 224–229.
27. Смирнов Л.В. Типичные дефекты дефиниций в законодательстве Российской Федерации: проблемы юридической техники // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Междунар. круглого стола / под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Н. Новгород : Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 330–339.
28. Black`s law dictionary. The Law Dictionary. URL: https://thelawdictionary.org/
29. Krois-Lindner A. International legal English certificate. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 320 p.
30. Krois-Lindner A., Firth M. Introduction to international legal English. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 160 p.
31. Krois-Lindner A. International legal English. Second edition. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 337 p.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 24 февраля 2020 г.

The Problem of Identification and Development of Students' Descriptive Skills: The Case of Legal English

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 222–231.
DOI: 10.17223/15617793/453/27

Karine G. Chiknaverova, Odintsovo Branch of MGIMO University (Odintsovo, Russian Federation). E-mail: chiknaverova@mail.ru

Keywords: descriptive skills; legal English terminology; ESP; metalanguage level.

The article aims at specifying how descriptive skills are identified and how they can be developed in students. The analysis has shown that English for Specific Purposes (ESP) syllabi and in particular those of legal English do not expressly provide for the development of learners' descriptive skills. However, the skills of description and interpretation of legal terms are the key ones for law students as legal practitioners are involved in lawmaking, law implementation, law enforcement, expert and consulting activities. The author attends the problem on the methodology of the theory of terminology, content analysis, experimental teaching, and error analysis. Descriptive skills of adults are traditionally analyzed in the framework of psycholinguistics employing data of the subjects' mother tongue. The aim of the article is to analyze the descriptive skills of law students (and specifically the level of their development) at the initial stage of learning English for specific purposes at the university level. The article presents a detailed examination of the learners' wording of legal term definitions. The author analyzes the corresponding skills and the extent of their development at the categorial, subcategorial, strategic, metalanguage and language levels by interpreting the corresponding students' errors. The data revealed underdevelopment of the descriptive skills in learners. The first two layers indicate the conceptual gaps, the underdeveloped systemic knowledge and logical thinking necessary to engage in juridical practice. The strategic level exposes the strategies applied by the students most of which were intuitive. The analysis at the metalanguage level detects the absence of metalanguage knowledge,

whereas the language level uncovers unformed automatisms within particular grammar and lexical zones and exposes certain knowledge gaps in lexis and grammar. Thus, it is proposed to classify legal terms in accordance with the types of definitions that can be applied in order to define such terms at the categorial and subcategorial levels. Therefore, genus-differentia, enumeration, contextual, operational types of definitions are suggested as the most applicable ones, and, in case of intersectoral terms, general definitions can also be used. It is suggested to introduce basic linguistic terms used to describe definitions and legal terms as well as their types and structure at the metalanguage level. Finally, the author suggests some ways to develop legal students' descriptive skills by means of language pedagogy.

REFERENCES

1. Almazova, N.I. et al. (2018). *Integrirovannoe obuchenie inostrannym yazykam i professional'nym distsiplinam. Opyt rossiyskikh vuzov* [Integrated Teaching of Foreign Languages and Professional Disciplines. Experience of Russian Universities]. St. Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University.
2. Medvedeva, L.G. & Gural', S.K. (2010) *Formirovanie inoyazychnogo professional'no-orientirovannogo tezaurusa u studentov yuridicheskoy spetsial'nosti* [The Formation of a Foreign Language Professionally Oriented Thesaurus Among Students Majoring in Law]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Sysoev, V.V. & Zav'yalov, V.V. (2018) Teaching Foreign Language Written Legal Discourse to Law Students. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 41. pp. 308–326. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/41/19
4. Zhalinskiy, A.E. (1997) *Professional'naya deyatel'nost' yurista* [Professional Activity of a Lawyer]. Moscow: BEK.
5. Sartaev, S.S. & Ibraeva, A.S. (2001) Legal Culture of Society: Problems and Concepts of Structure. *Vestnik KazNU. Ser. yuridicheskaya*. 4. pp. 3–12. (In Russian).
6. Biel, L. (2011) Professional realism in the legal translation classroom: Translation competence and translator competence. *Meta*. 56 (1). pp. 162–178. DOI: 10.1007/978-981-10-6958-1_2
7. Trofimova, U.M. (2005) O nekotorykh osobennostyakh semantizatsiy semanticheski svyazannykh slov v psikholingvisticheskom eksperimente [On Some Features of Semantization of Semantically Related Words in a Psycholinguistic Experiment]. *Voprosy filologii*. 1. pp. 33–40.
8. Apresyan, Yu.D. (1974) *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Lexical Semantics (Synonymous Means of Language)]. Moscow: Vostochnaya literatura.
9. Arbatskiy, D.I. (1982) *Semanticheskie opredeleniya (Osnovnye problemy tolkovaniy leksicheskikh znacheniy slov)* [Semantic Definitions (The Main Problems of Interpretation of Lexical Meanings of Words)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Leningrad.
10. Superanskaya, A.V., Podol'skaya, N.V. & Vasil'eva, N.V. (2012) *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General Terminology: Theory Issues]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
11. Grinev-Grinevich, S.V. (2008) *Terminovedenie* [Term Studies]. Moscow: Akademiya.
12. Kondakov, N.I. (1976) *Logicheskiy slovar'-spravochnik* [Logical Reference Dictionary]. Moscow: Nauka.
13. Leychik, V.M. (2007) *Terminodenie: predmet, metody, struktura* [Term Stuides: Subject, Methods, Structure]. Moscow: LKI.
14. Nayda, Yu.A. (1983) Protsedury analiza komponentnoy struktury referentsionnogo znacheniya [Procedures for the Analysis of the Component Structure of Referential Meaning]. In: Novoe v zarubezhnoy lingvistike [New in Foreign Linguistics]. Is. 16. Moscow: Progress. pp. 61–75.
15. Ogleznev, V.V. (2018) The Limits of Applicability of a Genus-Differentia Definition in Legal Language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. pp. 77–81. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/437/11
16. Sternin, I.A. (2013) *Metody opisaniya semantiki slova* [Methods for Describing the Semantics of a Word]. Yaroslavl: Istoki.
17. Ufimtseva, A.A. (1984) K voprosu o tak nazyvaemom definitsionnom metode opisaniya leksicheskogo znacheniya slova [On the So-Called Definitional Method for Describing the Lexical Meaning of a Word]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Slovo v grammatike i slovare* [Word in Grammar and Dictionary]. Moscow: Nauka. pp. 134–141.
18. Hoffmann, L. (1976) *Kommunikationsmittel Fachsprache: Eine Einführung*. Berlin: Akademie-Verlag.
19. Shelov, S.D. (2001) Terminovedenie: sem' voprosov i sem' otvetov po semantike termina [Term Studies: Seven Questions and Seven Answers on the Semantics of the Term]. *NTI. Ser. 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 2. pp. 3–9.
20. Yulipetskaya, Yu.V. (2017) Osnovnye raznovidnosti definitsiy v yuridicheskikh tekstakh [The Main Varieties of Definitions in Legal Texts]. *Zapiski z romano-germans'koi filologii*. 1 (38). pp. 160–167.
21. Shkilev, R.E. (2018) Lexical Gaps in English and Russian Legal Terminology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 1. pp. 221–225. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-221-225
22. Gross, M.A. (2015) Structural Features of the English Terms-Words of Contract Law. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 4 (46):1. pp. 54–56. (In Russian).
23. Kashanina, T.V. (2011) *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technology]. Moscow: Norma; Infra-M.
24. Turanin, V.Yu. (2006) Sushchnost' i znachenie definitsii v sovremennom zakonodatel'nom tekste [The Essence and Meaning of the Definition in the Modern Legislative Text]. *Sovremennoe pravo*. 5. pp. 43–48.
25. Aryamov, A.A. & Rueva, E.O. (2017) Formulation of Legal Definitions (as exemplified by the RF anti-corruption legislation). *Lex Russica*. 8 (129). pp. 90–100. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.090-100
26. Khizhnyak, S.P. (2018) Terminologicheskoe znachenie i ego otrazhenie v definitsiyakh [Terminological Meaning and Its Reflection in Definitions]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2 (121). pp. 224–229.
27. Smirnov, L.V. (2007) [Typical Defects of Definitions in the Legislation of the Russian Federation: Problems of Legal Technology]. *Zakonodatel'naya definitsiya: logiko-gnoseologicheskie, politiko-yuridicheskie, moral'no-psikhologicheskie i prakticheskie problemy* [Legislative Definition: Logical-Epistemological, Political-Legal, Moral-Psychological and Practical Problems]. Round Table Proceedings. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskiy issledovatel'skiy nauchno-prikladnoy tsentr "Yuridicheskaya tekhnika". pp. 330–339. (In Russian).
28. *Black's Law Dictionary*. [Online] Available from: https://thelawdictionary.org/.
29. Krois-Lindner, A. (2006) *International legal English certificate*. Cambridge University Press.
30. Krois-Lindner, A. & Firth, M. (2009) *Introduction to international legal English*. Cambridge University Press.
31. Krois-Lindner, A. (2011) *International legal English*. Second edition. Cambridge University Press.

Received: 24 February 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 232–240. DOI: 10.17223/15617793/453/28

ПРАВО

УДК 343.9

Р.Л. Ахмедшин

ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА, ИСТОРИЯ, ПОНЯТИЕ

Раскрывается комплекс проблем террористической активности – одной из системных угроз современной цивилизации. Диапазон проблем затрагивает методологический, исторический, криминологический, криминалистический, культурологический и психологический аспекты. Результатом проведенного исследования является комплекс системообразующих элементов феномена терроризма как уникальной формы криминальной идеологии.

Ключевые слова: терроризм; идеология; наркотерроризм; кибертерроризм; асимметричный конфликт; экстремизм.

На сегодняшний день термин «терроризм» заполонил пространство не только научных изданий, но и различных СМИ, включая интернет-источники, и исходит как от людей, излагающих свою позицию с профессиональной точки зрения, так и от любителей, использующих терминологию совершенно произвольно в угоду собственным «лайкам».

Вспомним, что очень часто термины меняют свое не только содержательное значение, но и трансформируют свой эмоциональный подтекст. Рассмотрим, к примеру, изменение эмоционально-содержательного наполнения термина «острог». Изначально «острог» обозначал отдельно стоящее опорное военное укрепление – крепость и ассоциировался с эмоциональной гаммой – надежность, безопасность, позитивность. Впоследствии содержательная составляющая термина «острог» изменилась и стала ассоциироваться скорее со словами одиночество, уединенность, отдаленность, в меньшей степени сохраняя за собой содержательную характеристику надежности и позитивности. Наконец, на третьем этапе термин «острог» стал соотноситься со словом «тюрьма» и полностью свелся к эмоциональной оценке одиночества, заброшенности, потери смысла, обреченности.

Неудивительно, что и в разговорной речи, и в научном терминологическом обороте термину «острог» сейчас присуще одно из трёх вышеперечисленных значений, поэтому если исследователи не договорятся о едином понимании эмоционально-смыслового содержания данного термина, любая дискуссия применительно к нему становится бессмысленной.

Отметим, что само наполнение термина «острог» не несёт какого-то принципиального значения в отличие от многих других терминов, эмоционально-содержательное понимание которых варьируется крайней широко, что совершенно исключает возможность научной дискуссии. Применительно к избранной нами теме существующее положение полностью характерно для исследований природы терроризма как социального явления [1. P. 526].

Можно с высокой уверенностью отметить, что понятия терроризма, которыми оперируют современные исследования, содержательно радикально отличаются друг от друга, что недопустимо в научном исследовании. Естественно, что однозначность понимания того или иного явления возможна только при вдумчивым глубоком историческом анализе обстоятельств, которые предопределили существование этого явления. С учетом сказанного рассмотрим историю появления термина «терроризм».

Уже поверхностный исторический анализ показывает, что в различные исторические эпохи под феноменом терроризма понимались совершенно различные социальные процессы.

Термин «терроризм» происходит от латинского oris [terro] – ужас, страх. Однако этот ужас и страх в различные исторические периоды имел совершенно разные источники.

Впервые этот термин стал применяться для обозначения политики якобинцев, а в особенности тех, кто принимал участие в революционных трибуналах в эпоху террора в годы Великой французской революции (14.06.1789 – 9.11.1799). Термин «террор» стал широко употребляться с 5 сентября 1793 г., после принятия Конвентом постановления «Да будет террор в порядке дня!».

Государственный внутренний терроризм. Изначально термин «терроризм» обозначал официальную государственную политику Франции, направленную на борьбу с внутренними врагами этого государства, в период Великой французской революции. Таким образом, как это ни парадоксально, изначально терроризм был лишен современного негативного подтекста, будучи тесно связан с идеями добродетели и демократическим мировосприятием, выступая формой позитивного мировосприятия. Главный идеолог терроризма Робеспьер утверждал, что «без добродетели террор становится злом, однако и добродетель без поддержки террора становится беспомощной», а значит, «террор есть не что иное, как правосудие – скорое, строгое и непреклонное, и тем не менее он является эманацией добродетели».

Как видно, на первом этапе возникновения феномена терроризма можно говорить о государственном терроризме, направленном на собственный народ. Неудивительно, что под терроризмом часть исследователей понимает любые злоупотребления официальной власти с открытым криминальным подтекстом. Впоследствии власть в других государствах, формирующаяся в процессе революции на начальной стадии своего существования, традиционно стала пропагандировать понимание террора в его «французском» варианте.

Вывод. В период 1793–1794 гг. во Франции терроризм представляет собой государственную идеологию нагнетания ужаса на собственное население, средство переходного периода, направленное на противодействие анархии и контрреволюции. Таким образом, рассмотренная идеология государственного внутреннего терроризма является исходным пониманием природы терроризма.

Государственный внешний терроризм. Эра колониализма предопределила раскол цивилизации на индустриальные государства и их колонии. Учитывая выраженный односторонний эксплуататорский характер взаимоотношений этих двух образований, неудивительно, что в отношении колоний предпринимались крайне жесткие меры удержания контроля. Политика террора и геноцида была одним из этих средств.

Стали каноническими примеры уничтожения ряда народностей аборигенов Северной Америки (индейцев) усилиями таких государств, как Великобритания и Североамериканские Соединенные Штаты (современные США). Впервые организация концентрационных лагерей в Южной Африке усилиями Британии наглядно показала, что наиболее страшная форма терроризма – это терроризм государственный. Не сильно отличалась от приведенных примеров колониальная политика Бельгии, Нидерландов и Португалии. Системность геноцида также была продемонстрирована Японией на корейском полуострове.

Также, как и в период французской революции, терроризм в рассматриваемый период воспринимался как некое объективное благо, проистекающее из «дикости» покоренных народов. Пропагандировалось, что эксплуатация жителей колоний есть форма приобщения их к цивилизации, необходимая прежде всего им самим. Гимном колониального террора можно считать произведение известного идеолога британского нацизма Р. Киплинга «Бремя белых».

Колониальный террор в отношении местного населения был объективно предопределен. Количество колонизаторов и их пособников на захваченной территории всегда было радикально меньше количества населения этих территорий. Только политика устрашения – террора и геноцида могла продлить нацистскую политику «передовых» индустриальных государств того периода.

Суть идеологии террора того периода базировалась на идее неполноценности колониальных народов, которые в отношении «белых господ» выступали по мнению упомянутого Р. Киплинга «то дьяволами, то детьми». Современные исследователи терроризма – выходцы из бывших колониальных держав – стараются не упоминать терроризм колониального периода, стыдливо замалчивая о его жертвах.

Анализируя идеологию колониального террора, необходимо выделять его системный, а не случайный характер. Также необходимо учитывать, что колониальный терроризм был составной частью государственной политики некоторых стран. Рассматриваемая форма государственного терроризма, в отличие от предыдущей, направлена не на граждан своего государства, а на население других стран.

Вывод. На смену государственному внутреннему терроризму как идеологии нагнетания ужаса на собственное население приходит государственный внешний терроризм как идеология нагнетания ужаса на население колоний и оккупированных территорий.

Государственный политический (революционный) терроризм. Понимание терроризма, близкое к современному, прослеживается на третьем этапе становления терроризма как идеологического мировосприятия. На рассматриваемом этапе идеология терроризма – это идеология революционных преобразований, идеология антиправительственной деятельности. Не стоит полагать, что данная идеология выступает качественно иной по сравнению с ранее рассмотренными. Нет. Скорее можно говорить о диаметральной противоположности воздействия. На первом этапе государство направляло террористическую деятельность против граждан, на рассматриваемом этапе граждане ориентируют террористические усилия в адрес государства.

В основу идеологии революционного терроризма лег постулат К. Пизакане о пропаганде действием. К. Пизакане писал: «Пропаганда идеи – недостижимая цель, идеи рождаются из деяний, а не наоборот. Знание не дает людям свободы, но свобода способна дать познания», «Применение насилия необходимо не только для привлечения внимания общества или предания огласке идеи, но ради просвещения, обучения и, наконец, сплочения народа во имя революции», «Морализующее действие насилия превосходит по своей эффективности издание памфлетов, настенных плакатов или устроительство собраний».

Согласимся с многими исследователями, полагающими, что общественно-политическая организация «Народная воля», основанная в Российской империи в 1876 г., была первой классической террористической организацией. Деятельность «Народной воли» интересна прежде всего попыткой соблюдения той тонкой грани насилия, которая, разрушая государство, не затрагивала бы интересы простых граждан. Совершенно нетипичный для современной идеологии терроризма поиск морально-нравственного баланса в революционной деятельности делает данную группу уникальной. В контексте сказанного неудивителен факт отмены очередного террористического акта в 1905 г., когда выяснилось, что в подлежащей взрыву карете с великим князем С.А. Романовым едут его жена и племянники.

Одновременно с этим в деятельности «Народной воли» четко просматривается элемент стороннего (иностранного) управления. Так, руководство группы было однозначно ориентированно против терроризма в индустриально развитых государствах. К примеру, исполнительный комитет «Народной воли» в 1881 г. официально и публично осудил убийство президента США Джеймса Гарфилда. Управляющие органы «Народной воли» полагали, что насилие оправданно только применительно к России, но не к странам с «нормальной политической деятельностью». Маловероятно, что данное политическое лицемерие проистекало из наивности народовольцев, их веры в истинность зарубежной демократии, скорее логично гово-

рить об их финансовой заинтересованности в стабильности за границами России.

Описанной финансовой заинтересованности вероятно не был лишен образованный в 1885 г. «Анархистский интернационал» («Черный интерационал»), который активно проводил политику терроризма везде, кроме Британии. Членами «Черного интернационала» были убиты президент Франции Мари Франсуа Сади Карно в 1894 г., императрица Австро-Венгрии Елизавета в 1898 г., премьер-министры Испании в 1897 и 1912 гг., король Италии Умберто I в 1900 г., и президент США Уильям Мак-Кинли в 1901 г. Представители данной организации совершили попытку ликвидации кайзера Германии Вильгельма в 1878 г. и участвовали во многих иных «акциях» против политических противников британской короны.

Вывод. Модификация идеологии терроризма на рассматриваемом этапе обусловлена сменой полярности политической активности от государства к отдельным группам, находящимся на финансировании другого государства. Таким образом, мы можем говорить о государственном политическом терроризме, направленном на формирование страха у властей другого государства. Считать революционный терроризм формой деятельности нации неправильно, так как число активных террористов крайне невелико, а их деятельность не находит поддержки в обществе в целом. В целом можно сказать, что идеология рассматриваемого вида терроризма есть составная часть идеологии войны, а террористическая деятельность есть форма ведения военных действий без объявления войны одним государством другому.

Национальный (национально-освободительный) терроризм. Высшей формой нравственной неоднозначности терроризма как идеологии является идеология террористической деятельности, направленная на освобождение нации от угнетения оккупантами. Если идеология революционного терроризма есть антагонизм идеологии государственного терроризма, направленного на собственных граждан, то идеология освободительного терроризма есть антагонизм идеологии государственного терроризма, направленного на население колоний и оккупированных территорий. Рассматриваемая форма терроризма на уровне идей, как правило, разделяется большинством населения страны и часто соответствует идеям справедливости. Рассматриваемая деятельность эффективна и в условиях отсутствия внешнего финансирования, что радикально отличает её от революционного терроризма. Как и революционный терроризм, идеология национально-освободительного терроризма направлена на противодействие пусть и неправедной, но государственной власти. Либеральная культурная теория, в частности, предполагает, что преступление (в более общем случае такие отклонения, как беспорядки) является коллективным проявлением отчаяния тех, кто маргинален в современном обществе [2. P. 172].

В свое время страны третьего мира, а также страны социалистического блока, недавно отстоявшие свою независимость, стали активно отказываться от термина «терроризм», полагая, что борющиеся против колониального или оккупационного гнета не должны считаться террористами, так как являются борцами за свободу.

В своем монументальном исследовании Б. Хоффман описывает дискуссию, произошедшую в ООН в начале 70-х гг. XX в.

«Дебаты начались с заявления Генерального секретаря ООН, которым тогда был Курт Вальдхайм, о том, что ООН не должна оставаться сторонним наблюдателем в то время, когда во всем мире террористами совершаются акты насилия, но принимать необходимые меры для предотвращения дальнейшего кровопролития. В то время как большинство государств – членов ООН поддержали предложение Генерального секретаря, несогласное меньшинство, включавшее многие арабские государства, а также африканские и азиатские страны, сорвали дискуссию, утверждая (с тем же рвением, что и Ясир Арафат в своем обращении к Генеральной Ассамблее спустя два года), что “люди, борющиеся за освобождение от иноземного гнета и эксплуатации труда, имеют право использовать любые методы для выражения протеста, включая применение силы”.

Делегаты от стран третьего мира подкрепили свою позицию двумя доводами. Во-первых, все истинные борцы за освобождение без различия классифицируются режимами, против которых они выступают, как террористы. Так, например, германские нацисты называли террористами группы Сопротивления, боровшиеся против немецкой оккупации. Моулей эль-Хассен, представитель Мавритании, отметил, что “все освободительные движения называются террористическими теми, кто вверг их в нищету и рабство”. Следовательно, осуждая терроризм, ООН тем самым закрепила власть сильных над слабыми и признанными субъектами права над непризнанными претендентами, по сути, выступив в поддержку существующего положения вещей. По словам Чен Чу, помощника представителя КНДР, таким образом ООН предлагала лишить “угнетенные народы и нации” единственного действенного оружия, с помощью которого возможно противостоять «империализму, колониализму, неоколониализму, расизму и израильскому сионизму»... По словам представителя Мавритании, который вновь объяснил, что термин “террорист” вряд ли можно применять к лицам, которым отказано в элементарнейших правах человека, а именно достоинстве, свободе и независимости, и чьи страны борются с иноземной оккупацией. Когда этот вопрос вновь был поднят год спустя, Сирия заявила, что “мировое сообщество имеет правовые и моральные обязательства поддержать освободительные движения и противостоять любым попыткам сравнения борьбы за свободу с терроризмом и незаконным насилием”. В результате так и не выработавшая единого мнения о терроризме ООН стала прилагать больше усилий для укрепления международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, выходя за рамки соглашений по отдельным вопросам данной проблемы (связанным, например, с дипломатией и гражданской авиацией)» [3. С. 30–31]. «Более того, некоторые пресловутые террористы, если их движение достигает своих целей, становятся законными политиками или, возможно, лидерами сво-

ей страны, имеют признание в Европе и на Ближнем Востоке» [4. P. 91].

Признаком национально-освободительного терроризма выступает крайне четко определенный «враг». В качестве примера можно привести высказывание лидера террористической группы «Лехи» (от Лохамей Херут Исраэль – Борцы за свободу Израиля) – «Враг – Британия. И с врагом этим мы должны бороться не на жизнь, а на смерть, при любых обстоятельствах и в любой ситуации».

Многие исследователи и политические деятели могут прикрываться утверждениями, что они являются представителями оккупированной стороны и имеют полное моральное право на борьбу и противодействие. Классическим примером выступает позиция представителей националистически настроенных представителей прибалтийских стран о периоде советской оккупации Прибалтики в 40–90-х гг. XX в. Конечно, Советский Союз цинично создал в Прибалтике систему промышленности, образования, социальных благ исключительно во имя реализации своих имперских амбиций, которые в наши дни были разрушены свободными прибалтийскими государствами вместе с системой промышленности, образования и социальных благ. Воистину торжество национального освобождения. Данный пример говорит об ответственности ученного, заявляющего, что конкретное террористическое мировосприятие является частным случаем национально-освободительного терроризма.

Учитывая, что эмоционально-смысловое восприятие феномена терроризма менялось с позитивного на негативный, неудивительно, что власти различных государств пытались использовать термин «терроризм» в целях дискредитации своих геополитических противников. Обвинения в террористической природе того или иного режима фактически всегда взаимны. Так, расово сегрегированные США обвиняли националистически настроенную гитлеровскую Германию в террористичности политического режима, забывая о собственном явно террористическом подходе к расовым, национальным и политическим меньшинствам. Обвинение в людоедском режиме часто раздавались со стороны апологета колониализма Британии в адрес политически чуждого ей Советского Союза. Как обычно в любой пропаганде, не замечая собственной неполноценности, власть склонна подчеркивать неполноценность политических режимов своих геополитических противников. Учитывая, что идеология террора в отношении собственного населения нами была рассмотрена в самом начале работы, мы не будем возвращаться к современной практике наклеивания политических ярлыков. Однако отметим, что идеология государственного терроризма, направленного против собственного населения, характерна как для авторитарных государств (СССР, Северная Корея, КНР и др.), так и для тоталитарных государств (США, Британия, ЕС и др.).

Все сказанное относится и к таким разновидностям террористической деятельности, как наркотерроризм и кибертерроризм. Не все помнят обвинения со стороны США в том, что Советский Союз стоит за системой использования наркоторговли для осуществления стратегических целей некоторых государств и террористических организаций [3. С. 25]. Как и многие идеологические штампы, наркотерроризм был лишь поводом для обвинений со стороны государства, управляющего наркопотоками в XX в., как Британия управляла ими в веке XVIII–XIX. Сегодня государство, контролирующее львиную долю программного обеспечения, следящего за своим пользователями, активно обвиняет наше государство в кибертерроризме.

Подытоживая сказанное, отметим, что терроризм является системой идеологических взглядов на целесообразность применения мер нагнетания ужаса и запугивания для решения политических целей. В процессе становления идеологии терроризма обособились следующие формы террористического восприятия:

1) государственный внутренний терроризм – идеология государственного терроризма, направленного на собственное население;

2) государственный внешний терроризм – идеология государственного терроризма, направленного на население контролируемых колоний и оккупированных территорий;

3) государственный политический (революционный) терроризм – идеология государственного терроризма, направленного на властные структуры другого государства;

4) национальный (национально-освободительный) терроризм – идеология терроризма общества в целом или его значительной части, направленного на противодействие колонизаторам и оккупантам.

Если мы говорим о противодействии терроризму, необходимо четко определить, какую из четырех описанных идеологий мы имеем в виду. Разработка понятия выступает системообразующим началом исследования феномена терроризма, той точкой, когда эмоциональное восприятия трансформируется в научное познание.

Группа понятий, определяющих систему «терроризм». Нельзя, исследуя феномен терроризма, утверждать, что определяющая характеристика терроризма – это сам акт насилия, а не мотивации, оправдания или основания для его применения. При подобном подходе невозможно найти разницу между массовыми бомбежками гражданских объектов Дрездена и Токио авиацией США и Британии, Варшавы авиацией Германии, Югославии авиацией стран НАТО, применением ядерного оружия в отношении гражданского населения Японии, химического в отношении гражданского населения Кореи и Вьетнама и взрывами, устраиваемыми современными «борцами за свободу». Об этом на трибунах ООН было сделано заявление представителем Кубы, утверждавшим, что «методы борьбы, используемые национальными освободительными движениями, не могут быть объявлены незаконными, в то время как политика насилия, применяемая в отношении некоторых лиц (вооруженными силами независимых государств), считалась бы законной».

Представляет интерес исследование, в котором изучены основные элементы дефиниций терроризма (таблица).

Встречаемость основных элементов дефиниций понятия «терроризм» у различных исследователей [5. P. 5–6]

Описание элемента дефиниции	Встречаемость элемента дефиниции, %
1. Насилие, применение силы	83,5
2. Политический фактор	65
3. Выраженный страх, террор	51
4. Угроза насилия	47
5. Влияние (психологическое) и реакция (ожидаемая)	41,5
6. Различие «жертва – цель»	37,5
7. Намеренное, спланированное, систематическое, организованное действие	32
8. Метод борьбы, стратегия, тактика	30,5
9. Необычность (исключительность), нарушение общепринятых правил, отсутствие каких-либо ограничений по соображениям гуманности	30
10. Принуждение, вымогательство, призыв к одобрению	28
11. Получение огласки	21,5
12. Произвольность, случайный неличный характер, неразборчивость	21
13. Выбор жертвы из числа мирных граждан, гражданских лиц, граждан нейтральных стран, лиц, не участвующих в конфликте	17,5
14. Запугивание	17
15. Выраженная невиновность жертв	15,5
16. Группа, движение, организация в качестве правонарушителя	14
17. Символический аспект, стремление продемонстрировать общественности свои взгляды	13,5
18. Непрогнозируемый, непредсказуемый, неожиданный характер проявления насилия	9
19. Тайная, подпольная деятельность	9
20. Повторяемый, серийный или наступательный характер насилия	7
21. Преступность деяния	6
22. Предъявление требований к третьим сторонам	4

Мы не согласны с утверждением У. Лакера о природе терроризма, в отношении которой «общая теория a priori невозможна, потому что у этого феномена чересчур много различных причин и проявлений» [6. P. 183]. Наблюдаемый избыток причин и проявлений есть индикатор смешения в качестве объекта исследования разных феноменов, о чем уже говорилось ранее.

В первую очередь необходимо понимать, что отсутствие единой дефиниции терроризма предопределено необходимостью в угоду текущему моменту объявлять ту или иную группу преступников террористами, если они выступают против нашего влияния, или борцами за свободу, если они с нами «в одной команде» [7. P. 3]. Именно идеология власти текущего момента тормозит признание единой дефиниции, следовательно, при её формулировании необходимо абстрагироваться от текущего момента, а следовательно:

1. Во-первых, следует отказаться от исследований феномена терроризма, содержательно ориентированного на террор государства в отношении собственных граждан, как метрополии, так и её колоний. Любое исследование рассматриваемой идеологии терроризма будет сведено к бессмысленным спорам о традициях, понимании счастья граждан, «великой» цели очередных реформ, а реальным доказательством правоты будет количество ядерных боеголовок, бомбардировщиков и танков. Неправедность государства в отношении своих граждан – это не терроризм, а всего лишь образ власти без маски, и предмет споров вокруг этой проблемы есть проблема нравственная, а не научная.

2. Во-вторых, фактически потеряла актуальность проблема нравственности национально-освободительных движений, использующих террористические приемы по причине разрушения колониальной системы и фактически не существующего на данный момент факта оккупации одним государством территории другого. Здесь мы сошлемся на мнение о том, что «уходит под ударами национально-освободительного движения колониализм, но остаются и расширяются межэтнические контакты» [8. С. 18]. Действительно, в «чистом» виде о национально-освободительном движении против колониализма можно говорить только применительно к конфликту в Сомали, где войска Франции, занимая столичную территорию, противостоят разъединенным усилиям сомалийских племенных военных формирований. Примерно та же ситуация и с национально-осво-бодительными движениями, борющимися против оккупации их территории другим государством. На сегодня можно только говорить об оккупации Израилем части территории Палестины, может быть, об оккупации Великобританией Северной Ирландии. О факте оккупации иных терри-

торий также можно говорить только голословно, спекулятивно повышая себе образ политической привлекательности. Успешность национально-освободительного движения против системы колониализма была обусловлена ослаблением ведущих колониальных держав мира в ходе Второй мировой войны, против же сильного государства антиколониальный терроризм бессилен. Также антиколониальный терроризм эффективен в условиях большого количества мировых центров силы, так как именно на противоречии этих центров и играют террористы, о чем говорит история таких организаций, как «Иргун» и «Организация освобождения Палестины». Напомним, что в 60-е гг. XX в. «Организация освобождения Палестины», являвшаяся негосударственной организацией, имела формальные дипломатические отношения с бóльшим числом стран, чем национальное государство Израиль.

Таким образом, научному исследованию поддается только третья форма идеологии терроризма – государственный политический (революционный) терроризм. Именно на дефиниции данного вида терроризма и необходимо остановиться.

Отдельно подчеркнем, что в определении терроризма должна просматриваться четкость научного подхода, в противном случае мы опять вернемся к псевдоидейным спорам, где правым оказывается более сильный. Попыткам очертить грань терроризму и отличить его от «умеренной, но вооруженной до зубов оппозиции» нет числа, но на уровне морально-нравственных аргументов они оказались безрезультатными. Так, экс-лидер государства, возникшего как результат активной террористической деятельности, Бенджамин Нетаньяху заявил следующее: «…те, кто целенаправленно убивают детей, не могут быть борцами за свободу. Те, кто попирают права человека, не заинтересованы в защите этих самых прав… граждане свободных стран понимают такую разницу инстинктивно» [9. P. 9]. Трудно спорить со сказанным в целом, но конечный смысл высказывания предопределяет «инстинктивное», т.е. не разумное определение виноватых, что очень удобно для любой политической борьбы. Неудивительно, что исследователи отмечают, что «до конца холодной войны в 1990-х гг., ярлыки террорист и преступник, как правило, совпадали, с тех пор различие проходит менее четко» [10. P. 45].

К сожалению, определение терроризма согласно ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ представляется даже не неудачным, а противоречивым. Так, указанный нормативный акт определяет терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанными с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Терроризм как идеологию необходимо разводить с террористической деятельностью как способом реализации вовне идеологии терроризма. Не должно быть совмещения в одном термине идеологии и ее реализации.

Представляется, что за основу целесообразно взять определение Госдепартамента США, которое содержится в разделе 22 свода законов США, параграф 2656f (d), о дефиниции терроризма «как предумышленного, политически мотивированного насилия, осуществляемого против мирных объектов субнациональными группами или секретными агентами, как правило, направленного на оказание влияния на общественность». Это крайне глубокое понимание природы современного терроризма, которое из идейной борьбы превратилось в средство скрытой политической борьбы между государствами. Неудивительно, что Ж. Бодрийар полагает, что «…современный терроризм, начало которому положили захваты заложников… уже не имеет ни цели (если все же допустить, что он ориентирован какими-то целями, то они либо совсем незначительны, либо недостижимы, во всяком случае, он является самым неэффективным средством их достижения), ни конкретного врага» [11. С. 64–65].

Понимание террористической деятельности как средства скрытой политической борьбы между государствами предотвратит появление таких неубедительных и даже откровенно наивных выводов исследователей, как вывод о том, что «бунты являются наиболее частыми в слабых и горных государствах» [12. P. 248]. Современная революционная (террористическая) деятельность инспирируется так или иначе зарубежными разведками, и игнорировать это в исследованиях нельзя.

«К тому же терроризм давно вышел за национальные рамки, приобрел международный характер. И сейчас это преступное явление просто нецелесообразно делить на международный и внутригосударственный терроризм. Он, в основной своей преступной посылке, един и неделим как для отдельного государства, так и для международного сообщества в целом» [13. С. 5].

Таким образом для решения проблемы формулировки определения терроризма необходимо учитывать его следующие составляющие:

– терроризм является идеологией нагнетания страха;

– атмосфера страха достигается насилием или его угрозой;

– терроризм реализуется субнациональными группами или секретными агентами третьих государств;

– терроризм выступает как форма контркультуры;

– терроризм носит системный характер, не представляя собой цепь одиночных актов;

– террористическая деятельность направлена на запугивание граждан, создание с их стороны давления на правительство государства, чтобы поколебать их веру в силу государства;

– безадресное насилие (жертвы терроризма индивидуально не определены) в политических целях;

– элемент политической борьбы между государствами;

– политическое насилие в асимметричном конфликте [1. P. 527] (Под асимметричным конфликтом понимается такое положение дел, когда одна сторона на уровне исполнителей имеет несопоставимое превосходство в силе и ресурсах по сравнению со второй стороной конфликта. Это неудивительно, ведь на од-

ной стороне конфликта вся мощь государства, а на другой – лишь инициатива, как правило, незначительной части граждан.);

– не популярная деятельность среди большинства населения;

– преступность действий.

Устарело, а потому не нуждается во включении в определение утверждение, что «в отличие от простого преступника террорист не преследует чисто личные цели, его действия не продиктованы желанием набить карман, или удовлетворить какую-либо личную потребность, или выразить свое недовольство. Террорист – это всегда альтруист: он верит, что служит «благому» делу» [3. С. 46]. Современный террорист часто параллельно с идейной уверенностью в правоте дела, которое он защищает, совершенно не исключает мысль о возможной прибыльности этого дела. Сказанное касается даже исполнителей, а уж идейные организаторы террористических движений никогда не упускают возможность повышения своего финансового благополучия. На данный момент достаточно документирована связь между организованной преступностью (от наркотиков и незаконного оборота оружия до вымогательства, отмывания денег и похищения людей) и терроризмом [10. P. 48].

Таким образом под терроризмом следует понимать контркультурную идеологию системного нагнетания страха посредством совершения преступных действий в виде насилия или угрозы его применения в отношении индивидуально неопределенных жертв, реализуемую субнациональными группами или секретными агентами третьих государств, в целях дискредитации власти, направленную на запугивание граждан, подрывающую их веру в силу государства и выступающую как форма политической борьбы между государствами в асимметричном конфликте.

Возможно данное определение и не является компактным, но феномен терроризма невозможно преодолеть, если в процессе противодействия ему нет четкого отграничения от смежных действий.

Терроризм как идеология реализуется в процессе террористической деятельности. Под террористической деятельностью следует понимать одно или несколько преступных деяний, совершенных в террористических целях. Вероятно, целесообразно давать перечень деяний, как это сделано в ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ.

В ч. 2 ст. 3 названного закона указываются виды террористической деятельности, к которым относятся:

а) организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовка, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганда идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Как видно, системообразующим элементом террористической деятельности выступает террористический акт на всех этапах его существования, начиная со стадии организации и заканчивая стадией оценки и информирования о нем окружающих.

Международное сообщество, осознавая опасность терроризма и стремясь выработать меры его предупреждения, приняло ряд документов, к которым относятся конвенции как ООН (например, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников, Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма), так и конвенции иных политических организаций (например, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, Европейская конвенция о пресечении терроризма). Определение террористического акта, используемого в отечественной нормативной практике, напрямую проистекает из вышеописанных международных документов.

Под террористическим актом согласно ст. 205 УК РФ и ч. 3 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ следует понимать совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угрозу совершения указанных действий в тех же целях.

Совершенно правильно с содержательной точки зрения в понятие террористического акта помимо взрыва включено совершение поджога, ведь поджог гораздо менее финансово затратный, но не уступающий взрыву способ нагнетания атмосферы страха в обществе [14. P. 26]. К сожалению, об организации поджогов как способе совершения террористического акта в отечественной литературе говорится недостаточно.

Согласно ч. 3 Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под иными действиями, устрашающими население и создающими опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в ст. 205 УК РФ следует понимать действия, сопоставимые по последствиям со взрывом или поджогом, например: устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушение транспортных коммуникаций; заражение источников питьевого водоснабжения и продуктов питания; распространение

болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию; радиоактивное, химическое, биологическое (бактериологическое) и иное заражение местности; вооруженное нападение на населенные пункты, обстрелы жилых домов, школ, больниц, административных зданий, мест дислокации (расположения) военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов; захват и (или) разрушение зданий, вокзалов, портов, культурных или религиозных сооружений.

При исследовании феномена терроризма крайне важно отграничить его от еще одного граничного явления – экстремизма. Под экстремизмом согласно ч. 1 ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) понимаются действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Методы дестабилизации существующей системы государственной власти с помощью угроз, шантажа, массовых беспорядков, а также взрывов в местах наибольшего скопления населения и прочего «все чаще берутся “на вооружение” отдельными индивидами и группами лиц, имеющими политические амбиции, но не обладающими при этом ни кредитом доверия населения, ни административным ресурсом. Поэтому такие лица прибегают к информационной войне в виде экстремизма, а с помощью актов терроризма стараются придать этой войне наглядное подтверждение серьезности своих намерений. Следовательно, экстремизм и терроризм как средства воздействия на общество являются “оружием слабых”, что нельзя сказать о самом этом “оружии”, наделенном не только весьма разрушительной силой, но и значительным радиусом поражающего действия» [15. С. 9].

Феномен экстремизма крайне сложен. Дело в том, что, с одной стороны, к экстремизму тяготеют выраженные асоциальные противники спокойствия и порядка в государстве, в том числе финансируемые из-за рубежа, с другой – в современном индустриальном рыночном государстве экстремизм выступает чуть ли не единственно возможной формой политического протеста со стороны политически активных граждан. Эта полная нравственно окрашенная противоположность рассматриваемых групп делает борьбу с экстремизмом удобным инструментом подавления граждан своей страны [16. P. 214–215, 219], а отсутствие этой борьбы – средством раскачивания политической стабильности в государстве из-за рубежа.

Сказанное актуализирует дальнейшие исследования феномена экстремизма, которые на данный момент часто бывают не просто необъективными, а оскорбительными. Так, сравнивая механизм экстремистской деятельности в социуме и инстинктивные формы реагирования в природе (сравнивая общество и стаю рыбок) [15. С. 10], демонстрируя вульгарный натуралистский подход в решении социальных проблем, мы только удаляемся от решения поставленной проблемы.

Трудно отграничить экстремизм и терроризм по видовому фактору, так как «в чистом виде ни одна из форм экстремизма не существует» [17. С. 340], следовательно, необходимо искать иной критерий.

Напомним, что отсутствие четкого описания содержания проступка было одним из основных принципов регулирования человеческой деятельности в концентрационных лагерях Великобритании и Германии. Отсутствие четкого описания содержания экстремистских действий есть признак правового беспредела и коррупционного государства.

В целом для экстремистской деятельности системообразующим является такой элемент, как мотив, направленный на ненависть к определенной группе лиц, а терроризм – на прямое разрушение государства. Сказанное целесообразно отразить в нормах, посвященных противодействию экстремизма и терроризма, что позволит избежать существующей в них сегодня путаницы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lyman M.D. Criminal investigation: the art and the science. 6th ed. New York : Prentice Hall, 2011. 526 p.
2. Marsh I., Melville G., Morgan K., Norris G., Walkington Z. Theories of crime. New York : Routledge, 2006. 537 p.
3. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М. : Ультра. Культура, 2003. 264 с.
4. Morrall P. Murder and society. Atrium, Southern Gate, John Wiley & Sons Ltd., 2006. 208 p.
5. Schmid A.P. et al. Political terrorism: a new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories, and literature. New Brunswick : Transaction Books, 1998. 700 p.
6. The terrorism reader: a historical anthology / ed. Walter Laqueur, Yonah Alexander. New York : New American Library, 1987. 405 p.
7. White J.R. Terrorism and homeland security. Belmont : Wadsworth Publishing, 2005. 398 p.
8. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли М. : Эксмо, 2017. 560 с.
9. Netanyahu B. Fighting terrorism: How democracies can defeat domestic and international terrorists. New York : Farrar, Straus and Giroux, 1997. 180 p.
10. Roth M.P. Global organized crime: a reference handbook. Santa Barbara; California : ABC-CLIO; LLC, 2010. 329 p.
11. Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000. 96 с.
12. Cederman L.E. Articulating the geo-cultural logic of nationalist insurgency / Order, Conflict, and Violence / ed. by S.N. Kalyvas, I. Shapiro, and T. Masoud. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 242–270.
13. Грачев С.И. Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории / под ред. О.А. Колобова. Н. Новгород : ФМО/ИСИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010. 242 с.
14. Redsicker D.R., O’Connor J.J. Practical fire and arson investigation. 2-nd ed. New York : CRC Press, 1997. 432 p.
15. Методика расследования преступлений экстремистской направленности : учеб. пособие для студ. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 103 с.
16. Sofsky W. The order of terror: The concentration camp. Princeton : Princeton University Press, 1997. 356 p.
17. Иншаков С.М. Криминология : учебник. М. : Юриспруденция, 2000. 432 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 февраля 2020 г.

The Phenomenon of Terrorism: Criminological and Forensic Nature, History, Concept

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 232–240.
DOI: 10.17223/15617793/453/28

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Keywords: terrorism; ideology; narcoterrorism; cyberterrorism; asymmetric conflict; extremism.

The article reveals a set of theoretical and practical problems that are characteristic of terrorist activity—one of the systemic threats of modern civilization. The range of the problems affects the methodological, historical, criminological, forensic, cultural, and psychological aspects. The subject matter of the research is a complex of system-forming elements of the phenomenon of terrorism as a unique form of criminal ideology. The following methods were used in the study: analysis, synthesis, a system-structural method, as well as a group of special methods of biographical analysis, statistical analysis, comparative historical analysis, and expert assessment method. As a result of the study, the following conclusions were obtained. Terrorism is a system of ideological views on the appropriateness of applying measures of horror and intimidation to solve political goals. In the process of establishing the ideology of terrorism, the following forms of terrorist perception appeared: (1) state internal terrorism, the ideology of state terrorism aimed at its own population; (2) state external terrorism, the ideology of state terrorism aimed at the population of controlled colonies and occupied territories; (3) state political (revolutionary) terrorism, the ideology of state terrorism aimed at the state structures of another state; (4) national (national liberation) terrorism, the ideology of terrorism of society as a whole, or a significant part of it, aimed at countering the colonialists and occupiers. State political (revolutionary) terrorism is a form of terrorism characteristic of our time. Consequently, terrorism should be understood as a phenomenon characterized by the following elements: the countercultural ideology of a systematic escalation of fear; the commission of criminal acts in the form of violence or the threat of their commission; the commission of criminal acts against victims who are not intentionally selected on an individual basis; the activities carried out by subnational groups or secret agents of third states; the ultimate goal of discrediting the authorities, aimed at intimidating citizens; the form of a political struggle between states in an asymmetric conflict. The result of the study is the conclusion that, for extremist activity, the system-forming element is a motive aimed at hatred of a certain group of people, and, for terrorism, the system-forming element is a motive aimed at the direct destruction of the state.

REFERENCES

1. Lyman, M.D. (2011) *Criminal investigation: the art and the science*. 6th ed. New York: Prentice Hall.
2. Marsh, I. et al. (2006) *Theories of crime*. New York: Routledge.
3. Hoffman, B. (2003) *Terrorizm – vzglyad iznutri* [Inside Terrorism]. Translated from English by E. Sazhin. Moscow: Ul'tra. Kul'tura.
4. Morrall, P. (2006) *Murder and society*. Atrium, Southern Gate: John Wiley & Sons Ltd.
5. Schmid, A.P. et al. (1998) *Political terrorism: a new guide to actors, authors, concepts, data bases, theories, and literature.* New Brunswick: Transaction Books.
6. Laqueur, W. & Alexander, Y. (eds) (1987) *The terrorism reader: a historical anthology.* New York: New American Library.
7. White, J.R. (2005) *Terrorism and homeland security*. Belmont: Wadsworth Publishing.
8. Gumilev, L.N. (2017) *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]. Moscow: Eksmo.
9. Netanyahu, B. (1997) *Fighting terrorism: How democracies can defeat domestic and international terrorists*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
10. Roth, M.P. (2010) *Global organized crime: a reference handbook*. Santa Barbara, California: ABC-CLIO; LLC.
11. Baudrillard, J. (2000) V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo [In the Shadow of the Silent Majorities, Or, the End of the Social]. Translated from French. Yekaterinburg: Ural State University.
12. Cederman, L.E. (2008) Articulating the geo-cultural logic of nationalist insurgency. In: Kalyvas, S.N., Shapiro, I. & Masound, T. (eds) *Order, Conflict, and Violence.* Cambridge: Cambridge University Press. pp. 242–270.
13. Grachev, S.I. (2010) *Terrorizm i kontrterroristicheskaya deyatel'nost': voprosy teorii* [Terrorism and Counter-Terrorism Activity: Theory Issues]. Nizhny Novgorod: FMO/ISI NNGU im. N.I. Lobachevskogo.
14. Redsicker, D.R. & O'Connor, J.J. (1997) *Practical fire and arson investigation*. 2-nd ed. New York: CRC Press.
15. Aminov, D.I. et al. (2016) *Metodika rassledovaniya prestupleniy ekstremistskoy napravlennosti* [Methods of Investigation of Crimes of an Extremist Orientation]. Moscow: YuNITI-DANA.
16. Sofsky, W. (1997) *The order of terror: The concentration camp*. Princeton: Princeton University Press.
17. Inshakov, S.M. (2000) *Kriminologiya: uchebnik* [Criminology: A Textbook]. Moscow: Yurisprudentsiya.

Received: 13 February 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 241–246. DOI: 10.17223/15617793/453/29

УДК 342.53

Л.Г. Коновалова

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ДОГОВОРЫ И НОРМООРИЕНТИРУЮЩИЕ АКТЫ СУДОВ КАК НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ РОССИЙСКОГО ПРАВА: АНАЛИЗ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА

Проводится анализ нормативных правовых договоров и нормоориентирующих актов судов через призму соблюдения принципа верховенства закона. Обращается внимание на то, что в настоящее время в законодательстве практически отсутствуют четкие правила относительно заключения и исполнения нормативных договоров. Рассматриваются проблемы, связанные с фактическим вторжением судебной власти в прерогативу законодателя при принятии нормоориентирующих актов судов.

Ключевые слова: верховенство закона; нормативный правовой акт; нормативный правовой договор; судебный прецедент; акты судов.

Признание принципа верховенства закона вытекает из конституционной характеристики Российской Федерации как правового государства, а также из ст. 15 Конституции РФ, признающей высшую юридическую силу Основного закона страны и обязывающей органы публичной власти и граждан соблюдать законы.

Принцип верховенства закона должен действовать не только в системе нормативных правовых актов, но и в отношении иных источников права, которые с 90-х гг. XX в. активно развиваются в Российской Федерации. В первую очередь, это касается нормативных договоров. К таковым относятся договоры между РФ и субъектами РФ в федеративной сфере, соглашения о передаче полномочий или совместных действиях между различными органами исполнительной власти, в том числе и разноуровневыми, а также между органами власти и организациями. Появление подобного источника права было достаточно новаторским, поскольку предполагало внедрение в публичное право частно-правовых элементов воздействия.

Однако к настоящему времени использование нормативных договоров идет на спад. Так называемый Федеративный договор 1992 г., фактически представляющий собой три договора между Россией и ее публично-территориальными образованиями [1–3], после принятия Конституции РФ действует лишь в части, не противоречащей Основному закону. С 2000 г. в рамках процессов централизации государственности была расторгнута основная масса договоров о распределении предметов ведения и полномочий между РФ и ее отдельными субъектами. Из 42 таких договоров к июню 2003 г. действовало 9 [4. С. 127], а в настоящее время – только один (с Республикой Татарстан) [5]. В Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [6] с 2003 г. установлены жесткие требования к заключению договоров о разграничении полномочий: оно допускается только в случае, если это обусловлено экономическими, географическими и иными особенностями субъекта РФ, которые не могут быть отражены в федеральном законе.

Этим же законом ужесточены и правила заключения соглашений между органами исполнительной власти: соглашения заключаются в случае, если осуществление части полномочий не может быть возложено федеральным законом в равной мере на исполнительные органы государственной власти субъекта РФ. Поэтому сегодня преимущественно передача полномочий на уровень органов исполнительной власти субъектов РФ осуществляется законом. В трудовой сфере соглашения либо не принимаются, либо являются малоэффективными в силу слабости позиций отечественных профсоюзов [7. С. 15]. Поэтому из всех видов нормативных договоров самыми распространенными являются административные договоры между органами исполнительной власти о взаимодействии, предопределенные потребностью сотрудничества между органами власти в процессе осуществления своих полномочий.

Однако в целом в части нормативных договоров правила их принятия, условия заключения и юридические последствия слабо урегулированы в законодательстве. Поэтому на практике возникает достаточно много вопросов. Например, можно ли считать соглашения о передаче полномочий от органа исполнительной власти РФ органу исполнительной власти субъекта РФ именно нормативными договорами, если они могут вступать в действие только после утверждения распоряжением Правительства РФ? Что делать, если подобное соглашение предусматривает финансирование, не сопоставимое с объемом переданных полномочий? Могут ли нормативные правовые соглашения в трудовом праве содержать в себе не только общие принципы, характеризующие условия труда, но и конкретные нормы права? Почему взаимодействие органов исполнительной власти в каких-то случаях оформляется соглашением, а в каких-то совместным приказом ведомств? Каковы четкие юридические последствия неисполнения нормативных договоров? Подобного рода вопросы до настоящего времени не получили своего разрешения ни в законодательстве, ни в юридической науке.

С учетом этого факта представляется более оптимальным в публичном праве по возможности использовать для правового регулирования форму нормативного правового акта, поскольку эта форма

предполагает более четкие способы обеспечения верховенства права. В тех же сферах, где регулирование предполагает инициативу «снизу» (трудовое право, соглашения о взаимодействии между органами власти и организациями в административное сфере), требуется совершенствование институтов гражданского общества.

Еще одним новым источником российского права являются нормоориентирующие акты судов. Признание этого источника права все еще носит дискуссионный характер. Некоторые авторы до сих пор указывают на недопустимость его непосредственного применения в правовой системе России, близкой к романо-германской семье [8. С. 8–17]. Хотя такая позиция с учетом сложившейся практики, пожалуй, уже может рассматриваться как архаичная. Основной спор сегодня ведется уже не в части признания или непризнания этого источника, а в отношении того, как его именовать – «судебный прецедент», «судебная практика», «акт судебного толкования», «судебная правовая позиция» или как-то по-другому, а также в отношении уровня суда, способного «творить право» и составной части судебного решения, которую можно признать нормой права [9. С. 5–16; 10. С. 49; 11. С. 19–25].

Это достаточно сложные вопросы, требующие отдельного исследования. Для целей настоящей работы будем исходить из признания факта использования в России в качестве источника права нормоориентирующих актов судов, под которыми подразумеваются, в первую очередь, акты Конституционного Суда РФ, предлагающие толкование конституционных норм, признающие нормы права противоречащими Конституции РФ (т.е. когда Конституционный Суд РФ выступает в качестве «негативного законодателя»), а также правовые позиции Конституционного Суда РФ (т.е. система имеющих нормативное значение аргументов Конституционного Суда РФ при принятии тех или иных решений). Также к числу источников права в данной работе будем относить акты иных высших судов, обобщающих практику (постановления пленума, обзоры практики и т.п.), решения высших и иных судов, признающие нормативные акты недействующими в силу их противоречия актам, имеющим большую юридическую силу (т.е. ситуации, когда суды общей юрисдикции и арбитражные суды могут выступать в роли «негативного законодателя»).

Проявление принципа верховенства закона в отношении этих источников своеобразно, поскольку суд в подобных случаях принимает на себя несвойственную ему по общему правилу функцию правотворчества и начинает конкурировать с законодателем. Поэтому вопрос проявления принципа верховенства закона во взаимоотношениях «парламент – суд» во многом связан с политикой и системой разделения властей, с необходимостью использования некого самоограничения суда от чрезмерного вторжения в правотворческую сферу, с глубоким и неоднозначным вопросом о соотношении права и закона.

В этом плане роль отечественных судов, как правило, позитивно оценивается. Конституционный Суд РФ достаточно активно и успешно «стоит на страже» защиты конституционализма, суды общей юрисдикции и арбитражные суды, признавая нормативные акты недействующими, способствуют укреплению законности в стране, обобщения практики высших судов позволяют единообразно понимать и применять содержащиеся в законе нормы права.

Вместе с тем имеют место отдельные случаи рассогласованности норм позитивного закона и сложившейся правоприменительной практики. Иногда встречаются ситуации, когда суды с очевидностью придают норме права иной смысл, нежели заложено в законе. Например, исходя из смысла ГПК РФ сторона имеет право на возмещение судебных расходов [12], однако Пленум Верховного Суда РФ ограничил это право применительно к делам об установлении фактов и некоторых других неимущественных требований [13]. Или при буквальном прочтении КоАП РФ истечение срока давности привлечения к административной ответственности относится к обстоятельствам, исключающим производство по делу об административном правонарушении на любой стадии производства [14]. Но согласно разъяснениям Верховного Суда РФ истечение срока давности может влечь за собой прекращение производства по делу только до стадии пересмотра [15]. В большинстве случаев такие разночтения обусловлены объективными потребностями и вдумчивым восприятием закона судами. Так, в последнем случае ограничительная трактовка нормы Верховным Судом РФ предопределена стремлением пресечь необоснованные случаи ухода от ответственности в связи с намеренным затягиванием весьма коротких сроков давности. Хотя встречаются и не вполне понятные для специалистов рекомендации высших судов, в том числе и первый рассмотренный пример.

В отечественной правовой системе можно встретить ситуации не только очевидного противоречия нормы закона и придаваемого ей значения в решениях высших судов, но и случаи коллизий правовых позиций судов по одному и тому же вопросу. Например, 28 декабря 2009 г. был принят Федеральный закон № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ» [16], который в ст. 8 установил правило о том, что если федеральными законами предусмотрено государственное регулирование цен на отдельные виды товаров, цены на такие товары устанавливаются в соответствии с указанными федеральными законами, а также принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления.

В связи с применением этого правила сложилась коллизия позиций Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. По мнению Верховного Суда РФ, высказанного в 2010 г., в условиях отсутствия федерального закона о государственном регулировании цен, надбавки к ценам не могут устанавливаться иными нормативными актами, в том числе на уровне субъектов РФ и муниципалитетов [17, 18]. Высший Арбитражный Суд РФ в том же 2010 г. пришел к выводу о действии до принятия закона о регулировании цен ранее изданного Постановления Правительства РФ, допускавшего государственное воздействие на цены [19].

Номы УПК РФ [20] о допустимости доказательств также получают разноплановую трактовку применительно к ситуации явки с повинной при проведении оперативно-розыскных мероприятий при отсутствии защитника и при наличии последующего отказа от самообвиняющих сведений лица, привлекаемого к ответственности [21].

С одной стороны, имеются акты Конституционного Суда РФ, указывающие на недопустимость доказательств, которые получены в ходе оперативно-розыскных мероприятий или других следственных действий в отсутствие защитника [22]. С другой стороны, в иных актах Конституционного Суда РФ речь ведется о допустимости таких доказательств [23]. Верховный Суд РФ рекомендует судьям общей юрисдикции не сомневаться в юридической силе доказательств, полученных от лиц при явке с повинной в отсутствии квалифицированной юридической помощи [24].

Подобные разночтения, как правило, негативно воспринимаются в юридической науке. Соответственно, предлагаются варианты устранения такого рода коллизий, в том числе усиление значимости конституционно-правового контроля, создание единого судебного присутствия, более конкретная регламентация системы «сдержек и противовесов» [25. С. 163], выработка критериев признания правоприменительного акта прецедентом [26. С. 32–42] и т.д.

Однако судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев обращает внимание на то, что рассматриваемые ситуации следует воспринимать еще и с положительной стороны. Основываясь на идеях открытого общества К. Поппера, дискурсивной демократии Ю. Хабермаса и немецкой доктрине пропорциональности, он усматривает позитивное значение демократического юридического дискурса между различными центрами осуществления государственной власти. По мнению автора, «законодательное решение нуждается в более тонкой юридической надстройке, и ее осуществляют суды, причем с участием широкой юридической общественности, представители которой являются либо истцами, либо ответчиками в суде, либо готовят экспертные заключения. В открытом обществе… осуществляется кристаллизация судебной практики… Внутри “симфонической” судебной власти Российской Федерации происходят взаимодополнение и взаимосдерживание, балансирование и демократические обсуждения в поисках истины» [27. С. 16–28].

Такая позиция является весьма убедительной, согласуется с концепциями разделения властей и парламентаризма. Хотя в современной России далеко не все юридические дискурсы между ветвями власти можно признать завершенными, но отдельные примеры позитивной практики преодоления разночтений имеются.

Так, после неоднократных «перебросов» составов отдельных правонарушений из уголовно-наказуемых в административные деликты и обратно, в практике применения возник вопрос о том, как наказывать правонарушителя, если изменение законодательства в сторону ужесточения произошло в момент привлечения виновного к ответственности? Верховный Суд РФ постановил освобождать от всех видов ответственности [28], а Конституционный Суд РФ указал на недопустимость восприятия закона как освобождающего от ответственности в ситуации не полной декриминализации деяния, а введения более суровой ответственности [29]. Законодатель в этом споре принял позицию Конституционного Суда РФ и внес изменения в КоАП РФ, согласно которым введение уголовной ответственности за административно-наказуемой деяние в период осуществления производства по делу об административном правонарушении будет влечь за собой продолжение процесса привлечения к административной ответственности [30].

В юридической науке иногда предлагается признавать как используемые в России иные источники права, в том числе правовую доктрину и конституционный обычай [31. С. 18–25; 32. С. 12–18]. Однако думается, что такая постановка вопроса преждевременна. Длительно применяемых в конституционной практике процедур еще не сформировалось (некоторые, правда, рассматривают в качестве таковых предложение преемника Президента РФ), и в правовой системе отсутствуют какие-либо гарантии применения подобных устоявшихся правил в будущем. Юридическая наука, хотя и оказывает влияние на формирование правовых предписаний, все же как непосредственный источник права еще не используется. Если же речь ведется о программных документах, именуемых «доктринами», то они принимаются в форме нормативных актов (главным образом в виде указов Президента РФ [33, 34]).

Таким образом, нормативные правовые договоры и нормоориентирующие акты судов допустимо рассматривать как новые источники российского права и в силу этого на них должен распространяться принцип верховенства закона. Однако механизм обеспечения этого верховенства требует специального анализа. В настоящее время в законодательстве практически отсутствуют четкие правила относительно содержания, условий заключения и последствий неисполнения нормативных договоров. Поэтому представляется более оптимальным в публичном праве по возможности использовать для правового регулирования форму нормативного правового акта, поскольку эта форма предполагает более четкие способы обеспечения верховенства права.

Проявление принципа верховенства закона в отношении нормориентирующих актов судов отличается тем, что суд в подобных случаях фактически вмешивается в прерогативу законодателя. Однако это не ведет к нивелированию верховенства закона, а, напротив, повышает его значение, поскольку Конституционный Суд РФ тем самым защищает конституционализм содержания законов, а суды общей юрисдикции и арбитражные суды, признавая нормативные акты недействующими, способствуют укреплению законности в стране, обобщения практики высших судов позволяют единообразно понимать и применять содержащиеся в законе нормы права. Имеющие место расхождения в правовых позициях судов и нормах законов отчасти способны влиять на поиск оптимального правового регулирования через призму взаимодействия различных ветвей государственной власти. Вместе с тем нуждается в более детальной разработке доктрина «самоограничения» судов при их вмешательстве в законотворческую сферу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти суверенных республик в составе РФ» // СПС «Консультант Плюс».
2. Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти автономной области, автономных округов в составе РФ» // СПС «Консультант Плюс».
3. Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга РФ» // СПС «Консультант Плюс».
4. Аничкин Е.С. Преобразование Конституции РФ и развитие конституционного законодательства в конце 20 – начале 21 в. М. : Юрлитинформ, 2010.
5. Ягудин Ш.Ш. Проблемы договоров о разграничении предметов ведения и полномочий в РФ. 27 мая 2015 г. URL: //http://отраслиправа.рф/article/6659
6. Федеральный закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 02 августа 2019 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
7. Ершова Е.А. Нормативно-правовые соглашения, содержащие нормы трудового права // Российский судья. 2007. № 12.
8. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российский судья. 2013. № 2.
9. Гицу М.А. Судебный прецедент как источник права в свете современных тенденций в России // Государство и право. 2017. № 6.
10. Богдан В.В., Гринева А.В. О судебном прецеденте как способе минимизации частных и публичных правовых рисков: дискуссионные вопросы // Российский судья. 2018. № 11.
11. Карелина С.А. К вопросу о роли судебной практики в системе источников правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) // Право и экономика. 2017. № 11.
12. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Российская газета. 2016. 1 марта.
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 02 августа 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 (ред. от 19 декабря 2013 г.) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2005. 19 апр.
16. Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в РФ» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 2.
17. Решение Верховного Суда РФ от 6 июля 2010 г. № ГКПИ10-498 // СПС «Консультант Плюс».
18. Определение Верховного Суда РФ от 21 июля 2010 г. № 78-Г10-13 // СПС «Консультант Плюс».
19. Решение Высшего Арбитражного Суда РФ от 31 октября 2011 г. № ВАС-11752/11 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2011. № 45.
20. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 11 октября 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
21. Определение Конституционного Суда РФ от 14 октября 2004 г. № 326-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подгузова Василия Романовича на нарушение его конституционных прав статьями 63, 142 и 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СПС «Консультант Плюс».
22. Определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 924-О-О «По жалобе гражданина Козлова Дмитрия Борисовича на нарушение его конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47, пунктом 1 части второй статьи 75, частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»» // СПС «Консультант Плюс».
23. Определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2011 г. № 1448-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Долотова Владимира Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // СПС «Консультант Плюс».
24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
25. Пресняков М. Дискреционные полномочия и правовая определенность // Власть. 2013. № 5.
26. Ковтун Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права // Государство и право. 2015. № 8.
27. Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4.
28. Постановление Верховного Суда РФ от 05 марта 2013 г. № 8-АД13-1 // СПС «Консультант Плюс».
29. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка N 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4657.
30. Федеральный закон от 14 октября 2014 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 42. Ст. 5615.
31. Павликов С.Г. О доктрине как источнике права // Государство и право. 2013. № 6.
32. Денисов С.А. Общая теория имитации конституционного строя // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3.
33. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности РФ» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 20. Ст. 2421.
34. Распоряжение Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р «Об Экологической доктрине РФ» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.

Статья представлена научной редакцией «Право» 14 февраля 2020 г.

Normative Legal Agreements and Norm-Orienting Acts of Courts as New Sources of Russian Law: An Analysis Through the Prism of the Rule of Law

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 241–246.
DOI: 10.17223/15617793/453/29

Lyudmila G. Konovalova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vaskova82@Yandex.ru
Keywords: rule of law; normative legal act; normative legal agreement; judicial precedent; court acts.

The article analyzes such new sources of law as normative legal agreements and norm-orienting acts of courts through the prism of the rule of law. The presence of other new sources of law, including legal doctrine, in the Russian Federation is denied. Normative legal agreements are agreements between the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation in the federal sphere, agreements on the transfer of powers or joint actions between various executive authorities, including multilevel ones, as well as between authorities and organizations, labor agreements. At present, the law has practically no clear rules regarding the content, conditions of conclusion and consequences of non-fulfillment of normative agreements. Therefore, it is proposed to use the normative legal act for legal regulation in public law, since this form implies clearer ways to ensure the rule of law. A tendency towards a reduction in contractual regulation in the Russian Federation is also observed. Norm-orienting acts of courts are acts of the Constitutional Court of the Russian Federation, offering interpretations of constitutional norms, recognizing legal norms as contrary to the Constitution of the Russian Federation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, acts of other higher courts generalizing the practice, decisions of higher and other courts that recognize regulatory acts invalid due to their contradiction to acts of great legal force. The manifestation of the rule of law in relation to norm-orienting acts of the courts is specific: the court in such cases actually intervenes in the prerogative of the lawmaker. However, it is proposed to consider that this does not lead to the leveling of the rule of law, but, on the contrary, increases its importance, since the Constitutional Court of the Russian Federation thereby protects the constitutionalism of the content of laws, courts of general jurisdiction and arbitration courts, when recognizing normative acts as invalid, contribute to the strengthening of the rule of law in the country, and generalizations of the practice of higher courts make it possible to uniformly understand and apply the norms of law contained in the law. Particular attention is paid to the differences in the legal positions of the courts and the norms of laws. In addition to the negative component, it is proposed to perceive a positive component in this fact: the ability of such discrepancies to influence the search for optimal legal regulation through the prism of interaction between various branches of government. At the same time, the need is identified for a more detailed development of the doctrine of "self-restraint" of the courts when they intervene in the legislative sphere.

REFERENCES

1. Konsul'tant Plyus. (1992) *Federation Treaty of March 31, 1992, "Agreement on the Delimitation of Subjects of Competence and Authority Between Federal Bodies of State Power of the Russian Federation and Authorities of Sovereign Republics Within the Russian Federation".* Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
2. Konsul'tant Plyus. (1992) *Federation Treaty of March 31, 1992, "Agreement on the Delimitation of Subjects of Competence and Authority Between Federal Bodies of State Power of the Russian Federation and Authorities of the Autonomous Oblast, Autonomous Okrugs Within the Russian Federation".* Moscow: AO "Konsul'tant Plyus".
3. Konsul'tant Plyus. (1992) *Federation Treaty of March 31, 1992, "Agreement on the Delimitation of Subjects of Jurisdiction and Authority Between Federal Bodies of State Power of the Russian Federation and Authorities of the Krais, Oblasts, Cities of Moscow and St. Petersburg of the Russian Federation".* Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
4. Anichkin, E.S. (2010) *Preobrazovanie Konstitutsii RF i razvitie konstitutsionnogo zakonodatel'stva v kontse 20 – nachale 21 v.* [Transformation of the Constitution of the Russian Federation and the Development of Constitutional Legislation in the Late 20th – Early 21st Centuries]. Moscow: Yurlitinform.
5. Yagudin, Sh.Sh. (2015) *Problemy dogovorov o razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochiy v RF* [Problems of Treaties on the Delimitation of Subjects of Competence and Authority in the Russian Federation]. 27 May 2015. [Online] Available from: http://otrasli-prava.rf/article/6659.
6. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* (1999) Federal'nyy zakon ot 06 oktyabrya 1999 g. № 184-FZ (red. ot 02 August 2019) "Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub"ektov RF" [Federal Law No. 184-FZ of 6 October 1999 "On the General Principles of Organization of the Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation"]. 42. Art. 5005. (As Amended on August 2, 2019)
7. Ershova, E.A. (2007) Normativno-pravovye soglasheniya, soderzhashchie normy trudovogo prava [Regulatory Agreements Containing Labor Law]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 12.
8. Ershov, V.V. (2013) Legal and Individual Regulation of Public Relations as Paired Categories. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 2. (In Russian).
9. Gitsu, M.A. (2017) Sudebnyy pretsedent kak istochnik prava v svete sovremennykh tendentsiy v Rossii [Judicial Precedent as a Source of Law in the Light of Modern Trends in Russia]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6.
10. Bogdan, V.V. & Grineva, A.V. (2018) On a Judicial Precedent as a Means of Mitigation of Private and Public Legal Risks: Discussion Issues. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 11. (In Russian).
11. Karelina, S.A. (2017) On the Role of the Judicial Practice in the System of Sources of Legal Regulation of Insolvency (Bankruptcy). *Pravo i ekonomika*. 11. (In Russian).
12. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* (2002) Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks RF ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ (red. ot 26 iyulya 2019 g.) [The Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of 14 November 2002]. 46. Art. 4532. (As Amended on July 26, 2019).
13. *Rossiyskaya gazeta.* (2016) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 21 yanvarya 2016 № 1 "O nekotorykh voprosakh primeneniya zakonodatel'stva o vozmeshchenii izderzhek, svyazannykh s rassmotreniem dela" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of 21 January 2016 "On Some Issues of the Application of Laws on Reimbursement of Costs Associated With the Consideration of the Case"]. 1 March.
14. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* (2002) Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (red. ot 02 August 2019) [The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ of 30 December 2001]. 1 (1). Art. 1. (As Amended on August 2, 2019).
15. *Rossiyskaya gazeta*. (2005) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24 marta 2005 g. № 5 (red. ot 19 dekabrya 2013 g.) "O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh u sudov pri primenenii Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court No. 5 of the Russian Federation of 24 March 2005 "On Some Issues That Arise in Courts When Applying the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation"]. 19 April. (As Amended on December 19, 2013)
16. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* (2010) Federal'nyy zakon ot 28 dekabrya 2009 g. № 381-FZ "Ob osnovakh gosudarstvennogo regulirovaniya torgovoy deyatel'nosti v RF" [Federal Law No. 381-FZ of 28 December 2009 "On the Fundamentals of State Regulation of Trade Activities in the Russian Federation"]. 1. Art. 2.
17. Konsul'tant Plyus. (2010) *Decision of the Supreme Court of the Russian Federation No. GKPI10-498 of July 6, 2010.* Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
18. Konsul'tant Plyus. (2010) *Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of July 21, 2010 No. 78-G10-13.* Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).

19. *Ekonomika i zhizn' (Bukhgalterskoe prilozhenie)*. (2011) Reshenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 31 oktyabrya 2011 g. № VAS-11752/11 [Decision of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. VAS-11752/11 of October 31, 2011]. 45.
20. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* (2001) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation No. 174-FZ of 18 December 2001]. 52 (I). Art. 4921. (As Amended on October 11, 2018).
21. Konsul'tant Plyus. (2010) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 326-O of 14 October 2004 "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Vasily Romanovich Podguzov on Violation of His Constitutional Rights by Articles 63, 142 and 281 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation".* Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
22. Konsul'tant Plyus. (2007) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 924-O-O of 15 November 2007 "On the Complaint of Citizen Dmitry Kozlov Regarding a Violation of His Constitutional Rights by Paragraph 13 of Part Four of Article 47, Paragraph 1 of Part Two of Article 75, Part One of Article 285 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Clause 1 of Part 1 of Article 6 of the Federal Law 'On the Operative-Search Activity' ".* Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
23. Konsul'tant Plyus. (2011) *Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1448-O-O of 20 October 2011 "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Vladimir Anatolyevich Dolotov on Violation of His Constitutional Rights by Clause 6 of Part Two of Article 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation".* Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
24. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2016) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 22 dekabrya 2015 g. № 58 (red. ot 29 noyabrya 2016 g.) "O praktike naznacheniya sudami Rossiyskoy Federatsii ugolovnogo nakazaniya" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of 22 December 2015 (As Amended on November 29, 2016) "On the Practice of Assigning Criminal Punishment by the Courts of the Russian Federation"]. 2.
25. Presnyakov, M. (2013) Discretionary Powers and Legal Definiteness. *Vlast' – The Authority.* 5. (In Russian).
26. Kovtun, N.N. (2015) The Legal Certainty of the Russian Criminal Procedure. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 8. (In Russian).
27. Gadzhiev, G.A. (2012) Principle of Legal Certainty and Its Provision by the Courts. Quality of Laws From Russian Viewpoint. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie – Comparative Constitutional Review.* 4. (In Russian).
28. Konsul'tant Plyus. (2013) *Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation 8-AD13-1 of March 05, 2013.* Moscow: AO "Konsul'tant Plyus". (In Russian).
29. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* (2015) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 14 iyulya 2015 g. № 20-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 2 stat'i 1.7 i punkta 2 stat'i 31.7 Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh v svyazi s zaprosom mirovogo sud'i sudebnogo uchastka N 1 Vyksunskogo sudebnogo rayona Nizhegorodskoy oblasti" [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 20-P of 14 July 2015 "In the Case of the Constitutionality of Part 2 of Article 1.7 and Paragraph 2 of Article 31.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in Connection With the Request of the Justice of the Peace of Judicial Section No. 1 of the Vyksa Court District, Nizhny Novgorod Oblast"]. 30. Art. 4657.
30. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* (2014) Federal'nyy zakon ot 14 oktyabrya 2014 g. № 307-FZ "O vnesenii izmeneniy v Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii i o priznanii utrativshimi silu otdel'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii v svyazi s utochneniem polnomochiy gosudarstvennykh organov i munitsipal'nykh organov v chasti osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya" [Federal Law No. 307-FZ of 14 October 2014 "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation and on the Recognition of Certain Provisions of the Legislative Acts of the Russian Federation as Invalid in Connection With the Clarification of the Powers of State Bodies and Municipal Authorities Regarding the Implementation of State Control (Supervision) and Municipal Control"]. 42. Art. 5615.
31. Pavlikov, S.G. (2013) On Doctrine as a Source of Law. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6. (In Russian).
32. Denisov, S.A. (2018) The General Theory of Constitutional Order Imitation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 3.
33. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* (2019) Ukaz Prezidenta RF ot 13 maya 2019 g. № 216 "Ob utverzhdenii Doktriny energeticheskoy bezopasnosti RF" [Decree of the President of the Russian Federation No. 216 of 13 May 2019 "On Approval of the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation"]. 20. Art. 2421.
34. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* (2002) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 31 avgusta 2002 g. № 1225-r "Ob Ekologicheskoy doktrine RF" [Order of the Government of the Russian Federation No. 1225-R of 31 August 2002 "On the Environmental Doctrine of the Russian Federation"]. 36. Art. 3510.

Received: 14 February 2020

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 247–252. DOI: 10.17223/15617793/453/30

УДК 343.985.3

Г.М. Меретуков, С.И. Грицаев, В.В. Помазанов

ПРОВЕРКА ПРИЧАСТНОСТИ ЛИЦА К УБИЙСТВУ

Анализируются направления и средства проверки причастности заподозренного лица к убийству. На основе изучения следственной практики, обобщения логических следствий, полученных из версий о субъекте преступления, выделяются блоки фактических данных, служащие основаниями и средствами проверки причастности лица к убийству. Также предложены комплексы (алгоритмы) следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, производимых для установления обстоятельств, указывающих на причастность лица к убийству.

Ключевые слова: убийство; следственные версии; фактические данные; алгоритм действий следователя; следственная ситуация; подозреваемый.

Изучение следственной практики по расследованию неочевидных убийств показало, что значительная часть следователей испытывают трудности при осуществлении проверки причастности лица к убийству. Проверка осуществляется бессистемно и не в полном объеме, что создает существенные пробелы в системе доказательств, формируемой следователем по расследуемому убийству. Причем проблемы возникают как у начинающих следователей (опыт работы 1–3 года), так и у опытных. В первом случае – это недостаточный профессиональный опыт и объем криминалистических знаний, во втором – опытные следователи допускают отдельные неточности при создании структуры расследования и ее последующей реализации, так как расследуемое ими преступление по степени криминалистической сложности расследования относится к группе особо сложных.

Решение обозначенной проблемы возможно за счет разработки алгоритма действий следователя при осуществлении проверки причастности лица к убийству. Следует отметить, что криминалистика активно разрабатывает типовые варианты обстоятельств, подлежащих установлению по различным видам убийств, и алгоритмы следственных действий, посредством которых они устанавливаются, т.е. осуществляется упорядочение достижения целей расследования. Существенный вклад в алгоритмизацию расследования убийств внесли такие ученые, как Л.Г. Видонов, В.Д. Зеленский, Е.П. Ищенко, Т.Н. Мудьюгин, Н.А. Селиванов, Л.А. Соя-Серко, А.А. Эйсман и многие другие. Необходимо отметить, что в своих трудах большинство из них создавали алгоритм следственных действий к следственной ситуации, сложившейся на определенном этапе расследования [1. С. 60–74], либо указывали устанавливаемые и доказываемые обстоятельства при расследовании убийств через конкретизацию предмета доказывания и определение предмета расследования [2. С. 219–221], либо разрабатывали типовые версии о лице, совершившем убийство, основываясь на взаимосвязи элементов криминалистической характеристики убийств [3. С. 3]. Вместе с тем организация проверки причастности лица к убийству, совершенному в условиях неочевидности, и ее реализация имеет ряд специфических особенностей:

1) количество следственных ситуаций в данный момент расследования велико;

2) содержание этих следственных ситуаций существенно отличается;

3) установление обстоятельств убийства реализуется путем построения следственных версий (общих, частных, о промежуточных фактах).

Роль версий в расследовании преступлений, в том числе и расследовании убийств, многозначна. Во-первых, версия – это основной метод познания всех обстоятельств преступления (особенно неочевидного) [4. С. 52–53] и инструмент, обеспечивающий установление лица его совершившего. Во-вторых, построение версий при расследовании неочевидных преступлений – это метод организации расследования, посредством которого определяются цели расследования и происходит построение плана расследования, т.е. создается структура деятельности следователя по конкретному уголовному делу [5. С. 75]. В-третьих, процесс проверки версии является неотъемлемой частью доказывания, т.е. версия – есть база, основа формируемой следователем системы доказательств по уголовному делу [6. С. 163–170].

Проверка версии причастности лица к убийству проводится посредством установления полного круга обстоятельств (общеверсионных, версионных, вневерсионных), которые должны существовать, если данное лицо совершило убийство. В процессе всестороннего исследования и установления указанных обстоятельств формируется система доказательств, которая однозначно удостоверяет совершение убийства конкретным лицом (лицами).

Таким образом, успешность установления причастности лица к убийству определяется качеством выведенных из версий логических следствий, а также средствами их установления. Незначительная неточность, допущенная следователем, приводит к неверному выбору направления расследования и ставит под вопрос его результат. Выход из этой проблемы видится в создании алгоритма действий следователя, но не на основе следственной ситуации, сложившейся в определенный момент расследования убийства, а на базе анализа следственных версий о причастности лица к убийству. Анализ научной литературы и обобщенной следственной практики позволяет представить круг обстоятельств, подлежащих установлению, и фактических данных, служащих основанием проверки причастности лица к неочевидному убийству, а также алгоритм следственных и иных действий для их установления и проверки.

Следовательно, фактические данные, служащие основаниями и средствами проверки причастности лица к убийству, можно разделить на три блока:

1) связанные с личностью и поведением убитого (сведения о поведении жертвы перед убийством; служебной деятельности жертвы; поведении жертвы в быту, его интимных связях);

2) с объективной стороной убийства (о способе убийства; нахождении заподозренного на месте убийства; следах крови на одежде, обуви, теле заподозренного; микрочастицах на одежде; транспорте, орудии преступления);

3) с субъективной стороной убийства (данные о характере умысла на убийство; мотивах убийства, обусловленных личными отношениями; о корыстных мотивах; мотивах, связанных со служебной и коммерческой деятельностью потерпевшего; об убийствах из хулиганских побуждений).

Фактические данные о подозреваемом в совершении убийства, связанные с личностью и поведением убитого. Связь подозреваемого в убийстве и жертвы может существовать в следующих формах:

1) единственная встреча подозреваемого с ранее неизвестным ему человеком, закончившаяся убийством (убийства из хулиганских побуждений, в драке, сопряженные с изнасилованиями и т.д.).

2) подозреваемый в убийстве и жертва были связаны между собой устойчивыми, длительными отношениями (родственными, приятельски-дружескими, соседскими, служебными, преступными и т.д.). Причем в отношениях подозреваемого в убийстве и жертвы должны просматриваться признаки конфликта [7. С. 144]. Следует учитывать, что конфликтные взаимоотношения могут быть:

– во-первых, обоюдными – взаимно неприязненными, что являлось очевидных для окружающих;

– во-вторых, односторонними – жертва не знала о неприязненном отношении к себе со стороны подозреваемого, большинство окружающих также не знали об этом.

Изучение личности потерпевшего должно вестись по следующим основным направлениям [8. С. 259]:

1. Семейно-бытовое. Необходимо установить наличие конфликтных отношений потерпевшего с членами семьи, соседями, сексуальными партнерами, приятелями и друзьями (посредством допроса широкого круга свидетелей, осмотров документов (письма, дневники, жалобы в различные инстанции, заявления в полицию, судебные иски и т.д.), переписки жертвы в социальных сетях и сотовом телефоне.

2. Служебно-коммерческое. Если убитый занимал определенную должность (сотрудник полиции, прокурор, ревизор и т.д.), которая предполагала активное противодействие лицам, совершающим различные виды правонарушений, необходимо установить тех из них, которые испытывали к жертве враждебные чувства. Необходимо внимательно проанализировать направления служебной деятельности убитого за определенный период времени и определить круг таких лиц. Путем проведения опросов и допросов свидетелей установить, не высказывал ли кто-либо из них угрозы в адрес погибшего. Произвести осмотр документов (записки, письма и т.д.), осмотр записей жертвы и подозреваемого в убийстве в социальных сетях и сотовом телефоне. Следует помнить, что существует круг лиц, не занимающих особых должностей, но осуществляющих специфическую профессиональную деятельность, которая может вызвать ненависть заинтересованных лиц. К этому кругу лиц можно отнести журналистов, священнослужителей, учителей и т.д. Лица, занимающиеся коммерческой деятельностью, в основном являются жертвами недобросовестных конкурентов при пересечении интересов в бизнесе (заказные убийства) [9. С. 83].

3. Противоправное. Изучая личность жертвы убийства, можно получить информацию об его криминальной деятельности: а) ранее привлекался к уголовной ответственности; б) не привлекался к уголовной ответственности, но имеются данные о том, что он совершал преступления единолично либо в составе группы; в) к уголовной ответственности не привлекался, преступлений не совершал, но в его ближайшем окружении имеются такие лица. Как показывает практика, данные сведения должны быть внимательно исследованы, так как убийство может являться следствием мести со стороны соучастников, результатом раздела сфер влияния между организованными преступными группами либо конфликта внутри такой группы, устранения нежелательного свидетеля преступления, совершенного лицом из ближайшего окружения убитого и т.д. Установить данные о криминальной деятельности убитого и его связях с уголовным элементом можно через опросы, допросы свидетелей, проверки по учетам органов внутренних дел, изучая архивные уголовные дела, информацию, полученную оперативно-розыскным путем.

Причастность лица к убийству через исследование поведения потерпевшего перед убийством осуществляется с учетом места убийства и времени убийства. Необходимо воссоздать полную и подробную картину перемещений и деятельности потерпевшего за предшествующий его убийству период времени (обычно это сутки). При этом следователю целесообразно составить схему-график с указанием:

а) где находился убитый;

б) времени и длительности его пребывания в данном месте;

в) чем занимался, находясь в данном месте;

г) кто еще находился в данном месте и с какими целями;

д) как, с кем и за какое время убитый осуществлял перемещение между пунктами своего пребывания;

е) источники, из которых получены данные сведения [7. С. 149].

Такую же схему-график необходимо составить относительно лица, чья причастность к убийству устанавливается. Пересечение маршрутов передвижения подозреваемого и убитого при сопоставлении составленных схем-графиков в месте убийства либо в непосредственной близости от него в момент времени его совершения, указывают на причастность подозреваемого к совершению данного убийства. Следует заметить, что в ситуациях единственной встречи подозреваемого с ранее неизвестным ему человеком, закон-

чившейся убийством, составление таких схем-графиков является незаменимым средством установления причастности лица к убийству, а также средством отведения ошибочного подозрения. Установить необходимые данные позволяют допросы свидетелей, осмотры документов (записи в календаре либо ежедневнике, билеты на проезд на различных видах транспорта), записей в сотовом телефоне, просмотр данных с камер наружного наблюдения и видеорегистраторов, установленных на транспортных средствах, получение и осмотр биллинговых сведений о соединениях абонентов мобильной сотовой связи. Время, которое было затрачено на перемещение из одного пункта в другой тем или иным способом (шагом, бегом, на транспорте), устанавливается путем производства следственного эксперимента.

Фактические данные о подозреваемом в совершении убийства, связанные с объективной стороной убийства. Установление нахождения лица во время совершения убийства в месте, где оно произошло, обосновывает возможность, его совершения данным лицом. На пребывание лица в месте убийства указывают следы, которые могут быть оставлены им при его совершении, а также те следы, которые могут иметься на нем (тело, одежда, обувь и т.д.) в результате взаимодействия с обстановкой места убийства. Прежде всего, это следы обуви, пальцев рук, которые выявляются в ходе осмотра места происшествия и исследуются при производстве трасологической экспертизы. Если в заключении эксперта указано, что данные следы оставлены подозреваемым, то он был в этом месте и имел возможность совершить убийство. Если иным лицом (причем точно установлено, что данные следы мог оставить только убийца), то вероятность причастности проверяемого лица к убийству уменьшается. Обнаруженные следы зубов убийцы (на продуктах питания, как укус на теле жертвы) исследуются путем производства судебно-трасологической экспертизы, которая устанавливает, оставлены ли эти следы подозреваемым либо иным лицом.

Вещи и предметы, оброненные, утерянные, брошенные преступником на месте происшествия, также указывают на его пребывание в данном месте [2. С. 226]. В некоторых случаях определить принадлежность вещи (предмета) конкретному лицу возможно в ходе ее осмотра (документ, удостоверяющий личность, различные виды пластиковых карт и т.д.). В большинстве случаев требуется производство различных видов судебных экспертиз: 1) дактилоскопическая (следы пальцев рук на предмете); 2) трасологическая – установление целого по частям (вещь разрушена, часть ее осталась на месте убийства, часть обнаружена у подозреваемого); 3) почерковедческая экспертиза (рукописные документы); 4) одорологическая экспертиза (запаховые следы на предметах) в сочетании с другими процессуальными и следственными действиями (допрос свидетелей, изъятие образцов для сравнительного исследования, обыск и выемка, предъявление предмета для опознания).

При осмотре места происшествия могут быть обнаружены следы биологического происхождения, которые оставило лицо, совершившее убийство (кровь, сперма, волосы, слюна). Также на теле подозреваемого, при проведении освидетельствования, на его одежде и обуви при проведении их осмотра могут быть обнаружены следы крови, волосы и т.д. жертвы убийства. Производство судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения позволяет установить совпадение по групповой принадлежности [10. С. 33–34], молекулярно-генетической экспертизы – принадлежность их конкретному лицу (с высокой степенью вероятности) [11. С. 220, 223, 224]. Наличие телесных повреждений на теле подозреваемого устанавливается путем производства освидетельствования, с последующим назначением судебно-медицинской экспертизы (каковы характер (вид), локализация, давность возникновения телесных повреждений) [12. С. 89].

В результате нахождения лица в месте убийства на его теле, одежде, обуви остаются микрочастицы веществ обстановки (пыль, почва и т.д.), кроме того, может произойти перенос микрочастиц (микроволокон) с одежды убийцы на одежду жертвы после непосредственного соприкосновения с жертвой и наоборот. Проведение криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий позволяет установить их сходство по морфологической структуре (волокна), групповой принадлежности (лакокрасочные покрытия, металлы и сплавы, нефтепродукты и горюче-смазочные материалы, полимерные материалы и резина, стекло и керамика, порох и продукты выстрела и т.д.).

Для исследования микрообъектов почвенного, почвенно-растительного и почвенно-техногенного происхождения на одежде и обуви подозреваемого назначается почвоведческая экспертиза [13]. Например, в озере был обнаружен труп мужчины. У подозреваемого в совершении преступления Б. при производстве обыска было обнаружено и изъято покрывало с пятнами, похожими на грязь. С места обнаружения трупа были изъяты четыре образца лесной почвы и водной растительности для сравнительного исследования. На расстоянии 25, 35 и 45 м от места обнаружения трупа также взяли образцы лесной почвы и водной растительности. На разрешение комплексной почвенно-ботанической экспертизы был поставлен вопрос: «Принадлежат ли почвенные наслоения, обнаруженные на покрывале, изъятом у подозреваемого, месту обнаружения трупа?» Результаты исследования показали: 1) наслоения, обнаруженные на покрывале, образованы смесью лесной почвы и водной растительности; 2) сравнительное изучение наслоений на покрывале (по качественному составу бактерий, ферментов и водорослей, их количественному содержанию) позволило установить, что они имеют общий источник происхождения с местностью, представленной сравнительными образцами. Это позволило сделать положительный вывод о сходстве почвенных наслоений, снятых с покрывала подозреваемого, с почвой в месте обнаружения трупа[1].

Нахождение подозреваемого на месте убийства либо вблизи него (непосредственно до или после его совершения) также устанавливается путем выявления и допроса свидетелей-очевидцев, проведения с

их участием опознания заподозренного лица [14. С. 20]. Если на записях камер видеонаблюдения, расположенных в месте убийства либо вблизи него, запечатлено лицо, похожее на заподозренного, то назначается портретная экспертиза. Цель – установление тождества личности заподозренного по портретному изображению (видеокадры, т.е. последовательное изображение человека в движении, различных ракурсах и положениях, являются объектом данной экспертизы [15. С. 20]).

Для установления нахождения подозреваемого в убийстве на месте его совершения следует использовать возможности сотовой связи (биллинг). Принцип действия биллинговой системы сотовой связи – вся информация о разговорах по мобильному телефону (время, продолжительность) записывается коммутаторным узлом, после чего передается на центральную серверную станцию для расчета, где обрабатывается и хранится. Там же хранится личная информация каждого клиента сотового оператора (ФИО, номер SIM-карты абонента, выбранный тариф, наличие бонусов и т.д.). Получение через операторов компаний сотовой связи биллинговых данных о соединениях абонентов, с привязкой к базовой станции в определенное время, позволяет получить список лиц, которые находились на месте убийства либо вблизи в момент его совершения.

Следователю необходимо произвести следующие действия: 1) запросить номер базовой станции, обслуживающей эту территорию (место совершения убийства); 2) оформить постановление о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами и получить решение суда; 3) направить запрос операторам сотовой связи о предоставлении биллинговых сведений о соединениях абонентов за определенный период времени с привязкой к базовой станции; 4) получить биллинг в следующем виде: тип учетной записи, номер телефона абонента А, набранная последовательность абонента Б, дата и время начала соединения, продолжительность, IMEI[2], данные базовой станции абонента А (в начале разговора), данные базовой станции абонента А (в конце разговора), данные базовой станции абонента Б (в начале разговора), данные базовой станции абонента А (в конце разговора); 5) осмотреть полученные данные биллинга; 6) найти совпадения по месту и времени; 7) ориентировать оперативные подразделения на проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении выявленных абонентов, возможно, причастных к совершению убийства.

Данные о способе убийства для установления причастности лица к его совершению следует использовать в следующих вариантах:

1) выбор способа убийства в некоторых случаях связан с личностью преступника (анатомо-физиологические признаки, профессия, навыки владения холодным и огнестрельным оружием и т.д.);

2) сходство в способе совершения некоторых видов убийств (серийные, заказные) позволяет следователю допустить обоснованную возможность их совершения одними и тем же лицом. Если схожее убийство раскрыто, то проверяется причастность установленного лица к расследуемому убийству, если не раскрыто – строится версия о возможности их совершения одним лицом и объединяются данные, полученные при расследовании обоих преступлений. Источником данных об убийстве, совершенным сходным способом, являются: а) учет по способу совершения преступлений (совершенных известными и неизвестными лицами); б) уголовные дела об убийствах, совершенных сходным способом; в) рассылаемые сводки, ориентировки о совершенных преступлениях в других регионах.

Большая часть убийств связана с использованием транспортного средства.

1. Прибытие и отъезд лица, совершившего убийства, к месту его совершения. Может осуществляться:

а) на личном автомобиле (выявление и допрос свидетелей, видевших транспортное средство и лицо, им управляющее, а также других лиц, находившихся в нем; опознание лица, подозреваемого в убийстве; осмотр транспортного средства с целью обнаружения следов совершенного убийства (кровь, микрочастицы и т.д.); осмотр места стоянки транспортного средства с целью обнаружения следов протектора или иных следов (ЛКП, ГСМ и т.д.); назначение и производство соответствующих видов судебных экспертиз, если следы будут обнаружены; просмотр данных с камер наружного наблюдения и видеорегистраторов);

б) на такси (установление такси, которое перевозило подозреваемого. В настоящее время заказ такси автоматизирован, поэтому установить автомобиль, перевозивший пассажира в определенное место и время, не представляет большого труда. После установления водителя такси его следует допросить и предъявить для опознания лицо, подозреваемое в убийстве);

в) на общественном транспорте (обнаружение и осмотр билетов на проезд; оплата проезда может быть осуществлена банковской картой либо с сотового телефона – получение информации о платежах и осмотр данного документа; выявление и допрос свидетелей (кондуктор, пассажиры); предъявление им для опознания лица, подозреваемого в убийстве);

г) на транспорте, осуществляющем междугородние пассажирские перевозки (автобусы, поезда, самолеты и т.д.) (обнаружение и осмотр билетов на проезд; получение информации о платежах и осмотр данного документа; получение списка пассажиров рейса и его осмотр; выявление и допрос свидетелей (пассажиры рейса, кассиры, работники вокзала и т.д.); предъявление им для опознания лица, подозреваемого в убийстве);

2. Перевозка трупа или похищенных вещей (осмотр транспортного средства с целью обнаружения следов совершенного убийства (кровь, микрочастицы и т.д.) и вещей, принадлежащих убитому; назначение и производство соответствующих видов судебных экспертиз, если следы будут обнаружены. Следы недавней тщательной уборки салона, замены чехлов либо обивки сидений и т.п. также являются косвенными доказательствами причастности лица к убийству);

3. Совершение убийства в транспортном средстве (поезде, автомобиле и т.д.).

При совершении убийства могут использоваться: 1) огнестрельное оружие; 2) холодное оружие; 3) бытовые инструменты (нож, топор, молоток, отвертка, шило и т.д.); 4) случайные орудия (камень, палка, пепельница, бутылка и т.д.); 5) взрывное устройство; 6) отравляющие вещества; 7) предметы для прекращения доступа воздуха; 8) транспортное средство.

В расследовании возможны следующие ситуации

1. Орудие убийства (его часть) оставлено на месте происшествия. Устанавливается владелец огнестрельного оружия по заводскому номеру. При обнаружении на орудии следов пальцев рук осуществляется проверка по дактилоскопическому учету и (или) производство дактилоскопической экспертизы (если имеется подозреваемый). Выявляются и допрашиваются лица, которые видели у подозреваемого орудие преступления, данное орудие предъявляется им для опознания. На теле, одежде, а также в месте проживания и т.д. (освидетельствование, осмотр, обыск, выемки) выявляются объекты и микрочастицы, которые возникли при изготовлении, хранении, транспортировке и применении орудия убийства, назначаются соответствующие судебные экспертизы.

2. Следы, выявленные при производстве первоначальных следственных действий, позволяют определить вид, род, групповую принадлежность орудия убийства. Устанавливается возможное место нахождения орудия убийства, обнаруживается орудие убийства (обыск, выемка, осмотр). Назначаются соответствующие виды судебных экспертиз (баллистическая; трасологические; материалов, веществ и изделий, судебно-медицинская, взровотехническая и др. [16. С. 376]).

Фактические данные о подозреваемом в совершении убийства, связанные с субъективной стороной убийства. Психические явления отражаются в действиях, деятельности и поведении человека. Информация об определенном поведении человека, его высказываниях (письменных, устных) является косвенным доказательством его причастности к убийству. Источником будут являться: осмотр места происшествия; характеристики; показания свидетелей; учетные данные; архивные уголовные и гражданские дела; архивные личные дела заключенного; опросы и допросы сотрудников правоохранительных органов; осмотр документов, записей в социальных сетях, переписки в сотовом телефоне; судебно-психологическая (с 2002 г. и по настоящее время данный вид экспертизы производится в экспертных учреждениях системы Министерства юстиции России [17. С. 291]) и судебно-психиатрическая экспертизы.

Таким образом, предложенный авторами алгоритм проверки причастности лица к неочевидному убийству является одним из условий нейтрализации различных неблагоприятных факторов (из версии выведены не все логические следствия, не учтено какое-либо обстоятельство, подлежащее установлению и т.д.), влияющих на качество расследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Справка о проделанной работе по уголовному делу № 16900566.

[2]IMEI (англ. International Mobile Equipment Identity – международный идентификатор мобильного оборудования) – это номер, обычно уникальный, для идентификации телефонов GSM, WCDMA и IDEN, а также некоторых спутниковых телефонов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленский В.Д. Организация расследования убийств : учеб. пособие. Краснодар : КубГАУ, 2001. 111 с.
2. Справочная книга криминалиста / под ред. Н.А. Селиванова. М., 2000. 728 с.
3. Видонов Л.Г., Селиванов Н.А. Типовые версии по делам об убийствах : справ. пособие. Горький, 1981. 57 с.
4. Головин М.В., Шпак Н.М. Проблемы целеопределения в расследовании преступлений. Краснодар : КубГАУ, 2014. 162 с.
5. Зеленский В.Д. Теоретические вопросы организации расследования. Краснодар : КубГАУ, 2011. 156 с.
6. Хмыров А.А. Теория доказывания : учеб. пособие. Краснодар : КГУ, 2006. 176 с.
7. Руководство по расследованию убийств / отв. ред. С.И. Гусев. М., 1977. 400 с.
8. Криминалистика : учебник для вузов / под общ. ред. Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппова; под ред. В.Д. Зеленского, Г.М. Меретукова. М. : Высш. образование, 2006. 743 с.
9. Настольная книга следователя. Расследование преступлений против личности (убийство, торговля людьми) : науч.-метод. пособие / под. ред канд. юрид. наук А.И. Дворкина, д-ра юрид. наук, проф. А.Б. Соловьева. М., 2007. 589 с.
10. Клипко Е.П. Основы медико-криминалистической идентификации человека. Краснодар : КубГАУ, 2010. 106 с.
11. Клипко Е.П., Меретуков Г.М. Судебная медицина : учеб. пособие для юрид. вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.М. Меретукова. Краснодар : КубГАУ, 2013. 328 с.
12. Клипко Е.П., Меретуков Г.М. Судебная медицина : учеб. пособие. Краснодар : КубГАУ, 2017. 144 с.
13. Почвоведческая экспертиза // Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. URL: www.sudexpert.ru/possib/soil.php
14. Зеленский В.Д., Меретуков Г.М., Гусев А.В., Данильян С.А. Криминалистическая методика расследования отдельных видов и групп преступлений : учеб. пособие. Краснодар : КубГАУ, 2013. 355 с.
15. Зинин А.М. Руководство по портретной экспертизе : учеб. пособие. М., 2006. 208 с.
16. Криминалистика: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.Д. Зеленского, Г.М. Меретукова. СПб. : Юридический центр, 2015. 704 с.
17. Грицаев С.И., Помазанов В.В. Особенности построения версий о лице, совершившем неочевидное преступление // Евразийский юридический журнал. 2018. № 8 (123). С. 290–292.

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 ноября 2019 г.

Verifying a Person's Involvement in a Murder

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 247–252.
DOI: 10.17223/15617793/453/30

Gaysa M. Meretukov, Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: g.meretukov@yandex.ru
Sergey I. Gritsaev, Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: grizaevserg@yandex.ru

Vitaliy V. Pomazanov, Kuban State Agrarian University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: sertop@mail.ru
Keywords: version; murder; suspect; method of murder; evidence; scene.

The article is devoted to the issue of verifying a person's involvement in a murder by establishing the circumstances that must exist if the person committed the murder. Based on the analysis of scientific literature and investigative practice, the authors divided the evidence that serves as the basis and means of verifying a person's involvement in the murder into three blocks. (A) Evidence of the murder suspect related to the personality and behavior of the murdered person. The study of the identity of the victim should be conducted in the following main areas: family and household; business and commercial; unlawful. The person's involvement in the murder through a study of the victim's behavior before the murder is verified taking into account the place of the murder and the time of the murder. The picture of the victim's movements and activities over the period immediately preceding the murder (usually a day) is recreated, and a schedule is drawn up. A similar schedule is drawn up for the person whose involvement in the murder is under verification. The intersection of their routes when comparing diagrams at the place of the murder or in close proximity to it at the time of its commission indicate the suspect's involvement in the commission of this murder. (B) Evidence of the murder suspect related to the objective side of the murder. Establishing the location of the person during the murder in the place where it occurred justifies the possibility that the person committed the murder. The person's presence at the place of the murder is indicated by traces that may be left during the murder; traces that may be left on the person as a result of interaction with objects at the place of the murder; things and objects dropped, lost, abandoned by the criminal at the scene; the location of the suspect at or near the scene of the murder. To establish the location of the murder suspect at the scene of its commission, one should use the capabilities of mobile communications (billing). Data on the method of the murder to establish the involvement of the person in its commission should be used in the following options: the choice of the method of the murder in some cases is associated with the identity of the offender; the similarities in the method of committing certain types of murders (serial, contract) allow the investigator to assume a reasonable possibility of their commission by the same person. (C) Evidence of the murder suspect related to the subjective side of the murder. Mental phenomena are manifested in the person's actions, activities and behavior. Information about the person's particular behavior and statements (written, oral) is indirect evidence of the person's involvement in the murder. The authors conclude that a comprehensive study and establishment of these circumstances form a system of evidence unequivocally certifies the commission of the murder by a specific person or persons.

REFERENCES

1. Zelenskiy, V.D. (2001) *Organizatsiya rassledovaniya ubiystv* [Organization of Murder Investigation]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University.
2. Selivanov, N.A. (ed.) (2000) *Spravochnaya kniga kriminalista* [Reference Book of the Criminalist]. Moscow: NORMA.
3. Vidonov, L.G. & Selivanov, N.A. (1981) *Tipovye versii po delam ob ubiystvakh: spravochnoe posobie* [Typical Versions in Murder Cases: A Reference Book]. Gorkiy: [s.n.].
4. Golovin, M.V. & Shpak, N.M. (2014) *Problemy tseleopredeleniya v rassledovanii prestupleniy* [Problems of Goal-Setting in Crime Investigation]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University.
5. Zelenskiy, V.D. (2011) *Teoreticheskie voprosy organizatsii rassledovaniya* [Theoretical Questions of Investigation Organization]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University.
6. Khmyrov, A.A. (2006) *Teoriya dokazyvaniya* [Theory of Evidence]. Krasnodar: Kuban State University.
7. Gusev, S.I. (ed.) (1977) *Rukovodstvo po rassledovaniyu ubiystv* [Guide to Murder Investigation]. Moscow VIIPRMPP.
8. Ishchenko, E.P. et al. (eds) (2006) *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow: Vyssh. obrazovanie.
9. Dvorkin, A.I. & Solov'ev, A.B. (eds) (2007) *Nastol'naya kniga sledovatelya. Rassledovanie prestupleniy protiv lichnosti (ubiystvo, torgovlya lyud'mi)* [Handbook of the Investigator. Investigation of Crimes Against the Person (Murder, Human Trafficking)]. Moscow: Ekzamen.
10. Klipko, E.P. (2010) *Osnovy mediko-kriminalisticheskoy identifikatsii cheloveka* [Fundamentals of Forensic Identification of a Person]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University.
11. Klipko, E.P. & Meretukov, G.M. (2013) *Sudebnaya meditsina* [Forensic Medicine]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University.
12. Klipko, E.P. & Meretukov, G.M. (2017) *Sudebnaya meditsina* [Forensic Medicine]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University.
13. Russian Federal Center for Forensic Expertise Under the Ministry of Justice of the Russian Federation. (n.d.) *Pochvovedcheskaya ekspertiza* [Soil Examination]. [Online] Available from: www.sudexpert.ru/possib/soil.php.
14. Zelenskiy, V.D., Meretukov, G.M., Gusev, A.V. & Danil'yan, S.A. (2013) *Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya otdel'nykh vidov i grupp prestupleniy* [Forensic Methodology of the Investigation of Certain Types and Groups of Crimes]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University.
15. Zinin, A.M. (2006) *Rukovodstvo po portretnoy ekspertize* [Guide to Portrait Examination]. Moscow: Eksmo.
16. Zelenskiy, V.D. & Meretukov, G.M. (eds) (2015) *Kriminalistika* [Forensics]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr.
17. Gritsaev, S.I. & Pomazanov, V.V. (2018) Features of Building Versions of the Person Who Committed the Unclear Crime. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 8 (123). pp. 290–292. (In Russian).

Received: 20 November 2019

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 253–257. DOI: 10.17223/15617793/453/31

УДК 342.4

Т.И. Ряховская

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИИ: СВЯЗЬ С ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ДОКТРИНОЙ И ПРАКТИКОЙ

В представленном исследовании рассматривается проблема преемственности в конституционном праве. Автор полагает, что возможно выделить ее наиболее яркие проявления: 1) связь с предшествующей доктриной и практикой (конституционные реставрации); 2) используемые формы закрепления конституционно-правовых норм. Обозначенное подтверждает: преемственность способствует сохранению тех особенностей, что присущи каждому конкретному государству – его конституционной самобытности.

Ключевые слова: преемственность в конституционном праве; рецепция; конституционная самобытность; конституционная доктрина.

Взаимодействие государств зачастую приводит к рецепции и универсализации конституционно-правовых норм. Подобный опыт не чужд и Российской Федерации. Вместе с тем существуют некоторые параметры конституционной самобытности и нетождественности. Одним из таковых выступает преемственность, которая, не имея легального закрепления, может быть рассмотрена как перенесение правом государства положений прошлых лет. О разрыве в ней в отечественной доктрине принято упоминать дважды: 1) в контексте построения системы социалистического права как чего-то нового, отличного от дореволюционного; 2) современного, не похожего на марксистское.

Стоит отметить, что в 1980–1990-е гг. дискуссии, касающиеся преемственности в праве, почти не встречаются. Этот вопрос, впрочем, как и проблема своеобразия в развитии конституционного права стран актуализируются в науке уже после образования новых государств (особенно в связи с распадом СССР) и появлением Основного закона Российской Федерации 1993 г.

Целью настоящего исследования является конкретизация и иллюстрация специфических параметров, которые оказались «связующим звеном» между государственным правом прошлого и настоящего времени.

Ранее советскими учеными предпринимались попытки уточнения заявленной категории, выявления направлений, по которым была бы возможна преемственность советским правом права, действующего ранее. Так, В.К. Бабаев выделял следующие элементы этого процесса: 1) содержание; 2) форма; 3) юридическая техника, правила которой рассматриваются и как элемент общей культуры [1. С. 104–106]. Однако в первом случае, полагаем, ученый говорит не только о преемственности, но и о заимствовании – рецепции, приводя в пример презумпцию невиновности обвиняемого, которая была впервые сформулирована в документе Великой французской революции – Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (ст. 9) и потеряла, по его мнению, в буржуазном праве свой смысл и значение в отношении трудящихся и только при социализме стала подлинной гарантией прав обвиняемого и подсудимого в уголовном процессе. Представляется, что автор, употребляя их в таком контексте, смешивает эти два понятия. В то же время два последних пункта применимы и к отечественному конституционному праву: преемствоваться, т.е. «перениматься», могут элементы формы (все предыдущие Основные законы именовались конституциями, впрочем, это является общераспространенной практикой) и юридической техники (примерно одинаковые конструкции норм: нормы-дефиниции, нормы-декларации). Относительно вопроса о преемственности содержания, полагаем, он может быть решен положительно, но в рамках преемственности без внесения зарубежных идей, с акцентом на внутригосударственную обстановку и национальный интерес, которые отражают составляющие конституционной самобытности.

Н. Неновски, как и В.К. Бабаев, обращал внимание на то, что, в основном, в литературе отстаивался тезис о прерываемости в историческом развитии права от буржуазного к социалистическому, что приводит к полному игнорированию наличия преемственности как одного из важнейших аспектов диалектических законов, по которым право развивается [2. С. 17].

Что же касается процесса разработки и принятия современной Конституции Российской Федерации, то по мнению А.С. Прудникова и К.В. Чувилкина, осуществляемый в условиях политического кризиса, он привел к тому, что тысячелетний опыт государственно-правового развития страны оказался неучтенным [3. С. 397]. С этим сложно согласиться, так как создание Конституции Российской Федерации осуществлялось учеными, которые, в основном, начинали свою деятельность в период существования СССР, а значит, пользовались своими размышлениями, идеями в этой сфере и при обсуждении действующего Основного закона. Указанное не могло не отразиться в усвоении – преемственности некоторых сформировавшихся в прошлом категорий.

Параметрами, которыми обусловливается преемственность в праве, в целом могут выступать: 1) государственное управление (методы и формы); 2) культурный аспект: национальные традиции, религия, язык и юридическая техника, правовая культура; 3) правовые нормы, отражающие наиболее часто встречающиеся сферы общественных отношений из отраслей уголовного, гражданского и семейного права; 4) развитие международных отношений и влияние норм международного права.

В качестве же специфических направлений преемственности для конституционного права представляется возможным выделить: 1) связь с предшествующей доктриной и практикой (конституционные реставрации); 2) используемые формы закрепления конституционно-правовых норм.

Так, С.В. Липень справедливо уточняет, что все же значение момента преемственности права Советской России с правом дореволюционной России не сводилось к нулю: многое из существовавших ранее предписаний и процедур было воспроизведено вновь [4. С. 294–297]. В качестве примера можно привести понятия закона, выработанные в дореволюционный период: 1) «ряд правил относительно распределения и осуществления мощи над лицами и вещами, правил, которые установлены и исполнение которых вынуждается обществом» [5. С. 36]; 2) «юридическая норма, которая получает обязательную силу по предписанию законодательных органов верховной власти и этими же органами облекается в определенную словесную редакцию, которая никем, кроме законодательных органов, изменяема быть не может» [6. С. 90]. Несмотря на то, что этот термин не встречается в Конституциях РСФСР 1918 г., СССР 1924 г., он все же возвращается в Конституции СССР 1936 г. (в ст. 14 используется обобщенная формулировка законодательство, далее – ст. 39 – закон). И современное определение этого термина перекликается с изложенным до периода революций.

В 1910 г. Н.И. Лазаревский отмечает, что в XVIII в. был издан ряд указов, в которых предписывалось «верить» только собственноручно подписанным указам Государя. Подпись, по его замечанию, как бы являлась формальным признаком закона. Некоторые ученые настаивали на том, как раз она (подпись) имеет главное значение, по мнению же других, преимущественное значение имело предварительное обсуждение законопроекта в Государственном Совете [7. С. 405–406]. Подробнее описывается в трудах Г.Ф. Шершеневича: если Государь отказывает в подписи, то дело прекращается; если же утверждает, то проект закона превращается в закон. Тогда он обнародуется через Сенат в особом издании: «Собрание узаконений и распоряжений правительства» [8. С. 100]. И сегодня возможно наблюдать существование официальных источников опубликования нормативно-правовых актов, схожесть процедуры принятия законопроекта: необходимо его обсуждение, а затем подпись президента РФ. Более того, если проследить стадии принятия законопроекта, то можно выявить следующее: в дореволюционном отечественном государстве их составляла: «1) инициатива закона; 2) обсуждение и установление его текста; 3) утверждение или санкция; 4) обнародование» [7. С. 416]. «Повторность» указанного наблюдается и по сей день. В советский же период основное внимание уделялось ведомственному нормотворчеству, не прослеживалось личной ответственности главы государства. Это приводило к обесцениванию конституционных норм и нарушению иерархии построения всей системы источников конституционного права, ослаблению авторитета Основного закона [9. С. 199].

Ученый С.Л. Зивс, в период существования Конституции СССР 1977 г., писал, что для реализации конституционных положений требуется весьма сложная совокупность опосредствующих нормативных предписаний [10. С. 73–79], отмечая особенности судебной и административной практики: фактически применялось конституционное положение, однако в качестве правового обоснования конкретного решения использовалась опосредующая норма права. При этом ученый приводил характерные примеры: при отмене приговора ввиду нарушения конституционного права на защиту нередко делается ссылка не на статьи Конституции, а на производные нормы Уголовно-процессуального кодекса; Пленум Верховного Суда СССР в своих руководящих разъяснениях [11] в ряде случаев указывал на недопустимость несоблюдения конституционных положений, но это имело место далеко не во всех ситуациях [12. С. 15]. Он справедливо говорил: подобное отношение к конституционным нормам подрывало уверенность граждан в том, что любое положение Основного закона действует реально и непосредственно, а опосредующие нормы не воспринимались в таких случаях как вспомогательные средства реализации конституционного веления [10. С. 75–79]. По-нашему мнению, подобное отношение к Конституции недопустимо. Мало декламировать авторитет конституционных норм, необходимо обеспечивать их практическую реализацию.

Современный подход к классификации действующих нормативных правовых актов, традиционно используемый многими авторами, обнаруживает свои истоки также в работах Н.М. Коркунова [13], Г.Ф. Шершневича [8], В.М. Хвостова [6], Н.И. Лазаревского [7] и других видных специалистов, которые описывали существование законов обычных и конституционных, законодательных актов и подзаконных, необходимость толкования и систематизации норм права, причем представленные способы и формы используются и развивают в современной науке.

Например, П.Г. Виноградов писал: «…если существует письменная конституция, которую возможно видоизменить или расширить лишь путем особой процедуры, то изданные законодательными учреждениями законы подлежат контролю с точки зрения их согласия с этой конституцией» [5. С. 75], что вполне четко передает и современный подход к иерархии в системе нормативных правовых актов.

Таким образом, юридическое научное знание, несмотря на отказ от ранее накопленного опыта, все же оказалось преемником по некоторым направлениям, которые можно выразить так: 1) между дореволюционной российской и марксистской юридической наукой; 2) юридической наукой 20–80-х гг. XX в. и современной юридической наукой; 3) между российской дореволюционной и современной юридической наукой [4. С. 296]. Отсюда можно сделать вывод, что если процесс преемственности не чужд государствоведению, то и в нормах права он тоже будет отражен, так как создавались они, в основном, теми же людьми и под воздействием той же теории, формирующей правовую культуру, влияющей на правовое сознание участников правотворческого процесса.

По мнению Ф.Ф. Литвиновича, «сущность преемственности в праве проявляется в развитии старого качества в новом, прошлого в настоящем, но в интересах будущего» [14. С. 66], вместе с тем, не всегда «настоящее» мыслит в интересах будущего. Если понимать рецепцию как заимствование из прошлого, то это понятие действительно созвучно рецепции. Но рецепцию обычно понимают как заимствование извне (зарубежное), а не из собственного прошлого. И если наблюдается прерывание преемственных связей – это вовсе не означает, что она не случилась совсем. И хотя В.А. Рыбаков пишет, что советское правоведение отрицало преемственные связи советского права с правом дореволюционной России, однако это оказалось не подтверждено практикой правового строительства того времени [15. С. 13–14]. На наш взгляд, преемственность может включать элементы реставрации: «…примером тому являются такие реставрированные из имперского прошлого конституционные явления, как институт губернаторства, институт мировой юстиции, суд присяжных» [16. С. 28], гражданское общество.

Так, например, последний термин широко использовался в русской дореволюционной литературе. В годы советской власти он не употреблялся, так как предполагалось, что произойдет последующая ликвидация различия между гражданским обществом и государством путем отмирания государства и соответственно права. Возрождение же интереса к вопросам гражданского общества в конце XX в. связывают с процессом упорядочения демократических ценностей, принципов и институтов. Гражданское общество сегодня представляет собой необходимый и рациональный способ сосуществования людей, основанный на разуме и свободе [17. С. 37]. Гражданское общество – важный признак правового государства, которым провозглашается Российская Федерации в ст. 1 действующей Конституции.

Марксистскому государственному праву был известен институт «наказов избирателей», нормы которого нашли свое закрепление в Конституции СССР 1977 г. (ст. 102): «Избиратели дают наказы своим депутатам. Соответствующие Советы народных депутатов рассматривают наказы избирателей, учитывают их при разработке планов экономического и социального развития и составлении бюджета, организуют выполнение наказов и информируют граждан об их реализации». Сегодня рассматриваемое не получило конституционного закрепления как форма прямой демократии, практика показывает, что этот институт восстанавливается (реставрируется) с помощью регионального регулирования. Так, в Новосибирской области действует Закон Новосибирской области от 1 июля 2015 г. № 574-ОЗ «О наказах избирателей депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области», на уровне местного самоуправления – Положение о наказах избирателей в г. Новосибирске, утвержденное Решением Совета депутатов города Новосибирска от 23 декабря 2009 г. № 1490. Таким образом, можно наблюдать преемственность между институтами не только дореволюционного конституционного права и современного, но и советского и современного.

Как было сказано ранее, распространенной формой закрепления конституционных норм в дореволюционный период являлся закон, однако Конституция РСФСР 1918 г. такую форму не закрепляет, указывая лишь на существование декретов, распоряжений, инструкций, постановлений и решений (П. 38), а также мирных договоров (П. 51, пп. б). Конституция СССР 1924 г. добавляет Декларацию об образовании СССР и Договор об образовании СССР, разделяя при этом источники права на Конституции союзных республик, дополняя: «ЦИК издает кодексы, декреты, постановления и распоряжения, объединяет работу по законодательству и управлению СССР» (П. 17), а кодекс «получает силу закона» (П. 22), что говорит о постепенном возвращении закона как формы права.

В Конституции СССР 1936 г. в ст. 14 используется обобщенная формулировка «законодательство»; «закон» (ст. 39); появляются Указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления и распоряжения Совета министров СССР и Совета министров Союзных республик; в ст. 49 – международные договоры, которые и ранее встречались.

В Конституции СССР 1977 г. Верховный Совет СССР описывается как орган, в который поступает законодательная инициатива (ст. 133). В Российской Федерации, это, как известно, Государственная Дума (ст. 104 Конституции РФ 1993 г.), что можно воспринимать как преемственность.

В итоге попытка отказаться от ранее существующих форм права, таких как, например, закон, наблюдается в Конституции РСФСР 1918 г. Однако далее постепенно этот источник права возвращается. В действующей же Конституции мы встречаем такие разновидности законов, которые были не чужды и ранее описанному дореволюционному периоду.

Более того, такие формы, как международные и внутренние договоры, по сей день известны российскому конституционному праву как действующие источники. И следует заметить, что некоторые из них были заключены в период существования СССР.

Интересен факт связи дореволюционных источников и марксистских: в систему советского права были включены религиозные нормы, о чем пишет В.А. Рыбаков: «В период с 1919 по 1928 г., когда решалась судьба советской власти в южных регионах страны, допускалась деятельность казийских (шариатских) судов, признавались гражданские права и функции исламских законоведов, лояльно относившихся к советской власти» [18. С. 20]. Более того, Россия, несмотря на коренные преобразования общества, в начале 90-х гг. XX в. на протяжении 5–10 лет еще продолжала пользоваться законодательством РСФСР (по крайней мере в рамках отраслевого регулирования) [18. С. 10].

Кстати, еще одним доказательством преемственности формы права советского периода и современного может служить следующее: в период Октябрьской революции 1917 г. и в эпоху либеральной революции в России (1991–1993) широко использовалась одна и та же форма законодательного акта – Декларация.

Если в первом случае это были Декларация прав народов России (1917), Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (1918), то во время либеральной трансформации общества – Декларация прав и свобод человека и гражданина (1991) и Декларация о государственном суверенитете РСФСР (1990) [19. С. 10]. Более того, Конституция – это тоже форма, которую мы наблюдаем уже столетие в качестве Основного закона.

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что преемственность в конституционном праве происходила и все же была непрерывной между дореволюционным и советским, дореволюционным и современным, советским и современным периодами. Наиболее ярко эта связь прослеживается с предшествующей доктриной и практикой, что принято называть конституционными реставрациями, а также в используемых формах закрепления конституционно-правовых норм. Более того, преемственность как процесс способствует сохранению тех особенностей, что присущи каждому конкретному государству, а значит, и его конституционной самобытности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаев В.К. О преемственности между социалистическим и прошлыми типами права // Советское государство и право. 1975. № 12. С. 102–107.
2. Неновски Нено. Преемственность в праве (пер. с болг.). М. : Юрид. лит., 1977. 168 с.
3. Прудников А.С., Чувилкин К.В. Мировоззренческие проблемы современной правовой науки в русле процессов преемственности в конституционном праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 396–398.
4. Липень С.В. Преемственность в развитии юридической науки как аспект общей проблемы преемственности в праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 294–297.
5. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М. : Тов-во А.А. Левенсона, 1915. 156 с.
6. Хвостов В.М. Общая теория права: Элементарный очерк. 6-е изд., испр. и доп. СПб. : Н.П. Карбасников, 1914. 147 с.
7. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1: Конституционное прав. 2-е изд. СПб. : Тип. акционерного общества «Слово», 1910. 480 с.
8. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М. : Тип. Тов-ва И.Д. Сытина, 1908. 159 с.
9. Томашевский Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права : сб. ст. / под ред. проф. С.Н. Братуся. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1960. С. 194–254.
10. Зивс С.Л. Источники права. М. : Наука, 1981. 240 с.
11. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 2 от 18 марта 1963 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1973. М. : Известия, 1974. С. 279.
12. Зивс С.Л. Конституция СССР в системе советского законодательства // Советское государство и право. 1978. № 6. С. 11–17.
13. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М. : Н.К. Мартынов, 1907. 354 с.
14. Литвинович Ф.Ф. Преемственность в механизме возникновения нового в праве // Вестник ВЭГУ. 2005. № 23–24. С. 63–67.
15. Рыбаков В.А. Советское право: преемственный аспект // Современное право. 2010. № 9. С. 13–17.
16. Аничкин Е.С. Конституционное право Российской Федерации и стран Центральной Азии в контексте универсализации // Правовые системы России и стран Центральной Азии: проблемы развития и взаимовлияния : сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию юридического факультета АлтГУ / под ред. А.А. Васильева, Е.С. Аничкина. Барнаул : Из-во Алт. гос. ун-та, 2018. С. 27–33.
17. Актуальные проблемы конституционного права России : учеб. для студ. вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / [Б.С. Эбзеев и др.]; под ред. Б.С. Эбзеева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 479 с.
18. Рыбаков В.А. Преемственность и рецепция – способы развития национального права // Юридическая техника. 2011. С. 19–25.
19. Скуратов Ю.И. Преемственность в конституционном праве (состояние, тенденции развития) // Образование и право. 2016. № 1. С. 8–16.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 ноября 2019 г.

Continuity in the Constitutional Law of Russia: Connection with the Previous Doctrine and Practice

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 253–257.
DOI: 10.17223/15617793/453/31

Tatyana I. Ryakhovskaya, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dnight@mail.ru

Keywords: constitutional identity; continuity in constitutional law; reception; constitutional originality; constitutional doctrine.

The interaction of states in the international legal sphere often leads to the reception and subsequent universalization of constitutional norms. The Russian Federation also had this experience. However, there is something characteristic of a particular country that does not lend itself to change—constitutional originality. According to the author, continuity is one of its characteristic parameters. Without legal fixation, continuity can be considered as the transfer by law of the state of the provisions and experience of past years to modern state law. The aim of this study is to specify and illustrate specific parameters that turned out to be the “connecting link” between state law of the past and the present. The theoretical basis of the study is works by pre-revolutionary (P.G. Vinogradov, N.I. Lazarevsky, N.M. Korkunov, G.F. Shershenevich, and others), Soviet (V.K. Babaev, S.L. Zivs, Neno Nenowski, and others), and modern (S.V. Lipen, F.F. Litvinovich V.A. Rybakov, Yu.I. Skuratov, and others) authors. The normative basis of the research is the previously existing constitutions of the USSR and the RSFSR, and the 1993 Constitution of the Russian Federation. The main research methods are formal logical, which allowed to clarify and generalize the views of scholars on the issue of continuity, historical legal and formal legal, which contributed to the justification of the position on the existence of continuity in constitutional law at various periods of the formation and development of the domestic state. In the course of the study, it was revealed that the continuity gap in the domestic doctrine was mentioned twice: (1) as something new, different from pre-revolutionary, in the context of building a system of socialist law; (2) as modern, not like Marxist. But, in spite of the indicated gaps, continuity is observed. As a result of the study, the author came to the conclusion that it seems possible to detect the brightest directions of the continuity process in constitutional law: (1) connection with the previous doctrine and practice (constitutional restoration); (2) forms used to consolidate constitutional legal norms. The specified directions turned out to be similar in pre-revolutionary and Soviet, pre-revolutionary and

modern, Soviet and modern periods. Moreover, it has been revealed that continuity as a process contributes to the preservation of features inherent in each particular state, and hence its constitutional originality.

REFERENCES

1. Babaev, V.K. (1975) O preemstvennosti mezhdu sotsialisticheskim i proshlymi tipami prava [On the Continuity Between Socialist and Past Types of Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo.* 12. pp. 102–107.
2. Nenovski, N. (1977) *Preemstvennost' v prave* [Continuity in Law]. Translated from Bulgarian. Moscow: Yurid. lit.
3. Prudnikov, A.S. & Chuvilkin, K.V. (2011) Mirovozzrencheskie problemy sovremennoy pravovoy nauki v rusle protsessov preemstvennosti v konstitutsionnom prave [Worldview Problems of Modern Legal Science in Line With the Processes of Continuity in Constitutional Law]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 5. pp. 396–398.
4. Lipen', S.V. (2011) Preemstvennost' v razvitii yuridicheskoy nauki kak aspekt obshchey problemy preemstvennosti v prave [Continuity in the Development of Legal Science as an Aspect of the General Problem of Continuity in Law]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 5. pp. 294–297.
5. Vinogradov, P.G. (1915) *Ocherki po teorii prava* [Essays on the Theory of Law]. Moscow: Tov-vo A.A. Levensona.
6. Khvostov, V.M. (1914) *Obshchaya teoriya prava: Elementarnyy ocherk* [General Theory of Law: An Elementary Essay]. 6th ed. St. Petersburg: N.P. Karbasnikov.
7. Lazarevskiy, N.I. (1910) *Lektsii po russkomu gosudarstvennomu pravu* [Lectures on Russian State Law]. Vol. 1. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. aktsionernogo obshchestva "Slovo".
8. Shershenevich, G.F. (1908) *Obshchee uchenie o prave i gosudarstve* [General Doctrine of Law and State]. Moscow: Tip. Tov-va I.D. Sytina.
9. Tomashevskiy, N.P. (1960) O strukture pravovoy normy i klassifikatsii ee elementov [On the Structure of a Legal Norm and the Classification of Its Elements]. In: Bratus, S.N. (ed.) *Voprosy obshchey teorii sovetskogo prava* [Issues of the General Theory of Soviet Law]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit. pp. 194–254.
10. Zivs, S.L. (1981) *Istochniki prava* [Sources of Law]. Moscow: Nauka.
11. Supreme Court of the USSR. (1974) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR № 2 ot 18 marta 1963 g. [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 2 of March 18, 1963]. In: *Sbornik postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR, 1924–1973* [Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR, 1924–1973]. Moscow: Izvestiya.
12. Zivs, S.L. (1978) Konstitutsiya SSSR v sisteme sovetskogo zakonodatel'stva [The Constitution of the USSR in the System of Soviet Legislation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 11–17.
13. Korkunov, N.M. (1907) *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Moscow: N.K. Martynov.
14. Litvinovich, F.F. (2005) Preemstvennost' v mekhanizme vozniknoveniya novogo v prave [Continuity in the Mechanism of the Emergence of the New in Law]. *Vestnik VEGU*. 23–24. pp. 63–67.
15. Rybakov, V.A. (2010) Sovetskoe pravo: preemstvennyy aspekt [Soviet Law: A Continuity Aspect]. *Sovremennoe pravo*. 9. pp. 13–17.
16. Anichkin, E.S. (2018) [Constitutional Law of the Russian Federation and Central Asian Countries in the Context of Universalization]. *Pravovye sistemy Rossii i stran Tsentral'noy Azii: problemy razvitiya i vzaimovliyaniya* [Legal Systems of Russia and Central Asian Countries: Problems of Development and Mutual Influence]. Proceedings of the International Conference. Barnaul: Altai State University. pp. 27–33. (In Russian).
17. Ebzeev, B.S. (ed.) (2016) *Aktual'nye problemy konstitutsionnogo prava Rossii* [Topical Problems of Constitutional Law of Russia]. Moscow: YuNITI-DANA.
18. Rybakov, V.A. (2011) Preemstvennost' i retseptsiya – sposoby razvitiya natsional'nogo prava [Continuity and Reception as Ways to Develop National Law]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 5. pp. 19–25.
19. Skuratov, Yu.I. (2016) Eligibility in a Constitutional Right of Russia (Status, Development Tendencies). *Obrazovanie i pravo – Education and Law*. 1. pp. 8–16. (In Russian).

Received: 21 November 2019

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРТЕМЕНКО Мария Владимировна – ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: mv_artemenko@mail.ru

АСЕЕВ Сергей Юрьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: suass@mail.ru

АСТАШОВА Надежда Дмитриевна – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: nadya.astashova@mail.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

БАЙКАЛОВ Николай Сергеевич – канд. ист. наук, зав. кафедрой истории Бурятии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). E-mail: baikalov@bsu.ru

БЕЗУКЛАДНИКОВ Константин Эдуардович – д-р пед. наук, зав. кафедрой методики преподавания иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: konstantin.bezukladnikov@gmail.com

БЕРЕЗНИЦКИЙ Сергей Васильевич – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII века (Музей М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

БЕРЕСТОВ Игорь Владимирович – канд. филос. наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: berestoviv@yandex.ru

БОДРОВА Елена Владимировна – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории МИРЭА – Российского технологического университета (г. Москва). E-mail: kafedra-i@yandex.ru

БРУММ Константин Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры социологии, политологии и экономики Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: Kas-1294@yandex.ru

БУЛДЫГИН Сергей Сергеевич – аспирант кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: buldygin.sergey@mail.ru

ГОРЯЙНОВА Александра Романовна – аспирант кафедры общей социологии, младший научный сотрудник Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: agoryajnova@hse.ru

ГРИЦАЕВ Сергей Иванович – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар). E-mail: grizaevserg@yandex.ru

ДАЦЫШЕН Владимир Григорьевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск); профессор Хэбэйского педагогического университета (г. Шицзячжуан, КНР). E-mail: generalhistory2005@yandex.ru

ЗАЙЦЕВА Ирина Валерьевна – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (г. Белгород). E-mail: zajcevil@mail.ru

КАЛИНОВ Вячеслав Викторович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории Российского государственного университета нефти и газа (национального исследовательского университета) им. И.М. Губкина (г. Москва). E-mail kafedra-i@yandex.ru

КАШТАНЮК Валерия Александровна – канд. ист. наук, директор факультета информационных и промышленных технологий Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан). E-mail: valeriya-77@mail.ru

КИМ Олег Витальевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: zaecposad@gmail.com

КЛИМОВИЧ Людмила Валерьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова. E-mail: Lusek84@yandex.ru

КОНОВАЛОВА Людмила Геннадьевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: vaskova82@yandex.ru

КРАСНОПЁРОВ Антон Юрьевич – ассистент кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: krasnopyorov.anton@gmail.com

КРУЗЕ Борис Александрович – д-р пед. наук, зав. кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: bkruze@gmail.com

КУЗНЕЦОВА Екатерина Валентиновна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института мировой литература им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва). E-mail: katkuz1@mail.ru

КУТИЛОВА Лариса Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: generalhistory2005@yandex.ru

МАСЛОВ Денис Константинович – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). Email: denn.maslov@gmail.com

МЕЗИТ Анна Эдуардовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: mezit.anna@gmail.com

МЕРЕТУКОВ Гайса Мосович – д-р. юрид. наук, зав. кафедрой криминалистики Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар). E-mail: g.meretukov@yandex.ru

МИРОШНИЧЕНКО Евгений Игоревич – аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; научный сотрудник Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: miroshnichenkoeu@gmail.com

МИШАНКИНА Наталья Александровна – д-р филол. наук, профессор Отделения русского языка Томского политехнического университета; профессор кафедры гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета. E-mail: mna@tpu.ru

НАЗАРОВА Анастасия Владимировна – канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков Пермского военного института войск национальной гвардии. E-mail: nachim18@rambler.ru

ОБДАЛОВА Ольга Андреевна – д-р пед. наук, профессор кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов Томского государственного университета. E-mail: o.obdalova@mail.ru

ОВЧИННИКОВА Надежда Ивановна – заместитель директора по организационной и методической работе Областной спортивной школы олимпийского резерва по лыжным гонкам и биатлону Л.Н. Носковой (г. Тюмень). E-mail: cpsr2013@yandex.ru

ПАНТЫКИНА Марина Ивановна – д-р филос. наук, заместитель директора по учебно-методической работе Гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета. E-mail: pantikina@tltsu.ru

ПОКАТОВ Дмитрий Валериевич – д-р социол. наук, зав. кафедрой истории, теории и прикладной социологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: dvpokatov@gmail.com

ПОМАЗАНОВ Виталий Викторович – канд. техн. наук, доцент кафедры криминалистики Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (г. Краснодар). E-mail: sertop@mail.ru

ПРИМАК Петр Викторович – канд. ист. наук, зав. кафедрой истории, архивоведения и правовых учений Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан). E-mail: primakos@yandex.ru

РЯХОВСКАЯ Татьяна Ивановна – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). E-mail: dnight@mail.ru

САМОХИНА Галина Алексеевна – ассистент кафедры истории и археологии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. E-mail: Samokhina.g@mail.ru

ТИТОВА Екатерина Валерьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, архивоведения и правовых учений Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан). E-mail: efimovaekaterina91@yandex.ru

ФРИК Татьяна Борисовна – канд. филол. наук, доцент Отделения русского языка Томского политехнического университета. E-mail: tfrik@tpu.ru

ХАЛМАНСКИХ Анна Витальевна – канд. пед. наук, доцент кафедры спортивных дисциплин Тюменского государственного университета. E-mail: SAnna81@mail.ru

ХАРАПУДЧЕНКО Ольга Владимировна – ст. преподаватель кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов, аспирант кафедры английской филологии Томского государственного университета. E-mail: khara68@list.ru

ЧЕРНЫШ Ольга Андреевна – аспирант Отделения русского языка Томского политехнического университета. E-mail: chernyshoa@tpu.ru

ЧИКНАВЕРОВА Карине Григорьевна – д-р пед. наук, профессор кафедры английского языка Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: chiknaverova@mail.ru

ШАШКОВА Ярослава Юрьевна – д-р полит. наук, зав. кафедрой политологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: yashashkova@mail.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна – д-р социол. наук, главный редактор «Журнала исследований социальной политики», профессор кафедры общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: eiarskaia@hse.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2020. № 453. Апрель

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глущенко

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.04.2020 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 33. Усл. печ. л. 30,6. Тираж 50 экз.
Заказ № 4310. Цена свободная.

Дата выхода в свет 29 мая 2020 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru